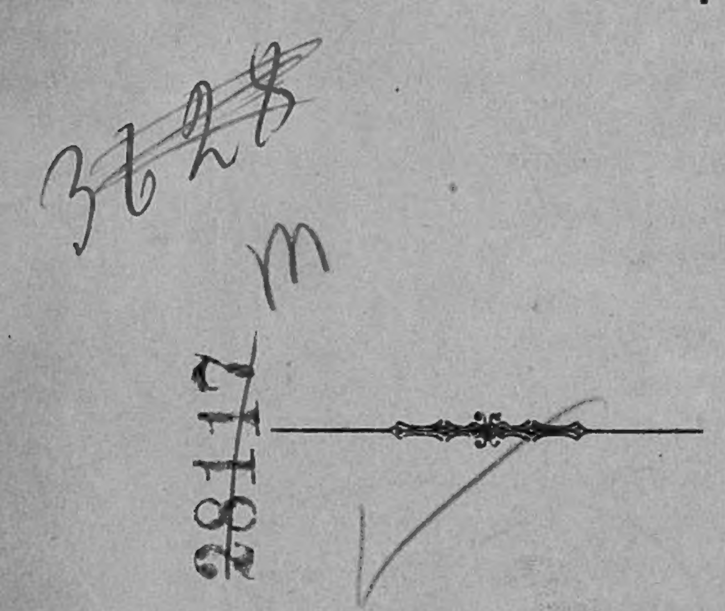
ДА
23
К56
Ковалевский
М.
Современ.
социологи
СПб., 1905

Максимъ Ковалевскій.

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦІОЛОГИ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1905.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Живя частью во Франціи, частью въ Италіи, и посѣщая по временамъ Англію, Соединенные Штаты Америки и нѣмецкія страны, я имѣлъ возможность сдѣлаться свидѣтелемъ ускореннаго движенія въ области соціологической мысли. Оно проявилось начиная съ девяностыхъ годовъ протекшаго столѣтія. Это явленіе было до нѣкоторой степени неожиданнымъ. Ни что въ философской литературѣ не предвѣщало его наступленія. И въ Англіи, и во Франціи, и въ Италіи, не говоря уже о Германіи и Соединенныхъ Штатахъ, метафизическія ученія пріобрѣтали снова интересъ новизны, благодаря теоріи непознаваемаго, такъ искусно развитой Гартманомъ, благодаря также литературному таланту великаго противника Гегеля—Шопенгауера и доступности, съ какой Гюйо, а въ новѣйшее время Ницше умѣли бесѣдовать съ публикой объ основныхъ вопросахъ мірозданія и этики. На ближайшихъ пропагандистовъ ученія о закономѣрности общественныхъ явленій также падаетъ до нѣкоторой степени отвѣтственность за слабые успѣхи научно-философской мысли за послѣднюю четверть вѣка. Со смертью Конта, Милля, Бокля, Литрэ и съ прекращеніемъ издававшагося послѣднимъ въ сообществѣ съ Вырубовымъ „Обзора положительной философіи", позитивизмъ все болѣе и болѣе принималъ во Франціи и Англіи характеръ религіознаго сектантства, характеръ, присущій ему въ настоящее время и наглядно сказавшійся на недавнихъ поминкахъ Конта по случаю постановки ему памятника въ Парижѣ. Спенсеръ, правда, про-

должалъ неутомимо завершеніе своей системы синтетической философіи, но подъ вліяніемъ болѣзни и умственной усталости выпускъ отдѣльныхъ частей его соціологіи откладываемъ былъ на рядъ лѣтъ, такъ что читателю не удавалось охватить общимъ взглядомъ всего богатства ея содержанія. Этнографическія работы, предпринятыя по однохарактерному со Спенсеромъ плану недавно скончавшимся Летурно, встрѣчали довольно холодный пріемъ въ публикѣ, частью благодаря излишнему накопленію авторомъ сырого матерьяла, частью въ виду отсутствія достаточной критики въ его выборѣ. Неудачныя подражанія біологическимъ аналогіямъ, испробованнымъ Спенсеромъ въ первомъ томѣ его Соціологіи, подражанія, сдѣлавшія одно время извѣстными имена Шефле и Лиліенфельда, компрометировали въ концѣ концовъ самую науку, обоснованіемъ которой они должны были служить. Такимъ образомъ ни успѣхъ метафизики, ни ложный путь, избранный соціологіей въ 80-хъ годахъ протекшаго столѣтія, не мало не подготовляли насъ къ тому несомнѣнному возрожденію литературы по абстрактному обществовѣдѣнію, какое можетъ быть констатировано въ наши дни.

И все же только что отмѣченный фактъ отнюдь не можетъ считаться случайнымъ и неорганически развившимся. Онъ стоитъ въ тѣсной связи съ прогрессомъ конкретныхъ наукъ объ обществѣ, съ обоснованіемъ научной этнографіи и этнологіи, съ успѣхами исторической юриспруденціи, сравнительной филологіи и миѳологіи, наконецъ, съ приложеніемъ метода развитія и трансформизма къ области экономическихъ явленій. Все это, если не говорить о сравнительномъ языкознаніи, явленія послѣдней половины, скажу болѣе, послѣдней четверти протекшаго столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ была сравнительная миѳологія, этнографія и этнологія до работъ Тейлора и Тилэ, Бахофена, Макъ-Ленана и Моргана? Что могла въ свою очередь привести въ доказательство своего права считаться самостоятельной научной дисциплиной историко-сравнительная юриспруденція до того момента, когда Іерингъ въ Германіи, на основаніи, главнымъ образомъ, матеріала римскаго законодательства, и Мэнъ въ Англіи, съ помощью непосредственнаго знакомства съ источ-

никами права и административной практикой Индіи, а также со сводами рѣшеній древнихъ ирландскихъ посредниковъ и обстоятельной разработкой, какой германскіе обычаи подвергнуты были исторической школой, охватилъ единымъ взглядомъ судьбы родового быта, сельской общины и феодальнаго помѣстья, одинаково на востокѣ и западѣ, отъ береговъ Ганга до береговъ Атлантическаго океана. Пойдемъ далѣе и спросимъ себя, чѣмъ была исторія не однихъ экономическихъ доктринъ, но и хозяйственнаго быта Европы еще въ серединѣ протекшаго столѣтія, когда Дюро де ла Майль, Бланки и всего болѣе Рошэръ, Джибраріо и Кольмейро пытались собрать въ одну общую сокровищницу знанія отрывочныя и неполныя указанія древнихъ и средневѣковыхъ писателей о рабствѣ и крѣпостничествѣ, о помѣстномъ хозяйствѣ и происхожденіи вольно-наемныхъ отношеній, о первоначальномъ накопленіи капиталовъ въ промышленности и торговлѣ, о запрещеніи роста, не остановившемъ развитія банковъ и кредита, и т. д. и т. д., какъ не какимъ-то обширнымъ археологическимъ музеемъ, въ которомъ всегда имѣлись налицо факты, доказывающіе преимущество переживаемаго нами экономическаго порядка надъ прошлыми? Только съ того времени, когда на исторіи экономическаго развитіи Англіи почти одновременно и независимо другъ отъ друга, съ одной стороны, Марксомъ, съ другой Роджерсомъ, указана была возможность изучить выгодныя и невыгодныя стороны болѣе раннихъ періодовъ хозяйственной жизни и ихъ тѣсную связь со всѣмъ современнымъ имъ общественнымъ и политическимъ укладомъ, съ исторіей хозяйственнаго развитія произошла та же перемѣна, какую въ исторіи права знаменуетъ, положимъ, переходъ отъ Германскихъ юридическихъ древностей Гримма къ Нѣмецкой Правовой Исторіи Бруннера. На этомъ не остановился однако переворотъ, совершившійся за послѣднее двадцатилѣтіе въ исторической разработкѣ экономическаго матерьяла. Тогда какъ отъ середины столѣтія дошла до насъ только одинокая попытка Гильдебранда классифицировать формы народнаго производства, обмѣна и распредѣленія, въ три преемственныя категоріи, натуральнаго, денежнаго и кредитнаго хозяйствъ, тогда какъ первые опыты охватить общимъ взо-

ромъ развитіе экономическихъ доктринъ ограничились указаніемъ на исконную борьбу индивидуализма и коммунизма, въ настоящее время, благодаря расширенію области изслѣдованій одинаково на Германію, Францію, Испанію, Англію, Италію, а за послѣднее время и Россію, благодаря восхожденію къ первоисточникамъ и тщательному изученію архивовъ, наконецъ, благодаря сближенію теорій съ современной имъ дѣйствительностью, явилась возможность построить болѣе или менѣе полную картину прогрессивнаго развитія формъ хозяйства, начиная съ охотничьихъ и пастушескихъ, переходя затѣмъ къ мірскимъ порядкамъ первыхъ земледѣльцевъ съ ихъ разнообразными видами коллективнаго пользованія, сперва захватнаго, затѣмъ передѣльнаго и наконецъ двороваго при сохраненіи въ нераздѣльности однихъ общинныхъ угодій.

За первобытными формами хозяйственной дѣятельности, къ числу которыхъ надо отнесть въ области обрабатывающей промышленности и домашнюю или, точнѣе, дворовую, изъ которой со временемъ развивается кустарная, слѣдуетъ хозяйство помѣстное. Оно выступаетъ передъ нами одинаково въ формѣ римской виллы и средневѣковаго феода, fief или manor. Оно сохраняетъ отъ предшествующихъ ему формъ хозяйства стремленіе къ всестороннему удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ, благодаря совокупной дѣятельности рабовъ и крѣпостныхъ, участію тѣхъ и другихъ въ производствѣ предметовъ первой необходимости, начиная отъ пищи и напитковъ и оканчивая одеждой и утварью. Нѣкоторые предметы роскоши или вооруженья пріобрѣтаются, однако, уже путемъ обмѣна; для нихъ устраиваются тѣ ярмарки, которыя, восполняя періодическую дѣятельность городскихъ рынковъ, подготовляютъ дальнѣйшую трансформацію самодовлѣющаго хозяйства въ хозяйство мѣновое. Роль этихъ городскихъ рынковъ и ярмарокъ, какъ первыхъ очаговъ отрѣшившейся отъ удовлетворенія однѣхъ домашнихъ нуждъ обрабатывающей промышленности и возрастающаго въ ширнотѣ обмѣна, связаннаго въ свою очередь съ развитіемъ кредитныхъ сдѣлокъ, выяснена въ настоящее время съ достаточной подробностью. Это обстоятельство не позволяетъ намъ болѣе говорить, вслѣдъ за Родбертусомъ, о древности, какъ не знавшей

другого хозяйства, кромѣ самодовлѣющаго или натуральнаго. Мы не станемъ также утверждать послѣ работъ Сальвіоли, что съ переходомъ въ средніе вѣка натуральное хозяйство сдѣлалось снова общимъ правиломъ на протяженіи всей Европы, не исключая Италіи, гдѣ, наоборотъ, въ большихъ центрахъ, какъ Римъ, Равенна, Миланъ, и въ быстро расцвѣтшихъ приморскихъ портахъ Сициліи и Великой Греціи, а затѣмъ въ Пизѣ, Генуѣ и Венеціи, сталъ сосредоточиваться обмѣнъ товарами сѣвера съ югомъ и востока съ западомъ. Еще не достаточно изученная исторія древнѣйшихъ ярмарокъ Шампани и Фландріи, а также Великобританіи и внутренней Германіи, по всей вѣроятности, докажетъ болѣе ранній разрывъ съ порядками самодовлѣющаго хозяйства на всемъ западѣ, чѣмъ обыкновенно допускали прежніе историки-экономисты. Примѣръ крѣпостной Россіи, жившей не однимъ изготовляемымъ въ помѣстьяхъ товаромъ, способенъ навести на мысль, что первые зародыши денежнаго и капиталистическаго хозяйства совпадаютъ во времени съ начальными стадіями разложенія хозяйства натуральнаго или самодовлѣющаго. А ими всюду была замѣна личной барщины оброкомъ и соотвѣтственное обращеніе прежняго крѣпостного въ кустаря-коробочника. Гораздо лучше выяснены, прежде всего благодаря трудамъ Маркса, отдѣльные фазисы капиталистическаго развитія.

Экономическая литература всѣхъ эпохъ и народовъ отражаетъ на себѣ постепенную трансформацію хозяйственныхъ формъ, синтезируя ее и обособляя отъ тѣхъ переживаній, какими въ каждый данный моментъ болѣе или менѣе задерживается поступательный ходъ экономики. Отсюда защита ранними экономистами роли денегъ и процента, свободы внутренняго, если не внѣшняго, обмѣна, и въ меньшей степени свободнаго обращенія земель на рынкѣ, невозможнаго безъ окончательнаго разрыва съ надѣльной системой мірского пользованія. Хотя мы доселѣ не имѣемъ еще ни одной исчерпывающей предметъ исторіи экономическихъ ученій, но монографическими изслѣдованіями вполнѣ установленъ тотъ фактъ, что эту исторію нельзя начинать ни съ Адама Смита, ни даже съ физіократовъ, и что уже въ XVI в. одинаково во Франціи и Италіи встрѣчаются писатели, весьма опредѣ-

ленно сознающіе и особенности переживаемыхъ ими хозяйственныхъ порядковъ и необходимость ихъ дальнѣйшаго развитія въ опредѣленномъ направленіи.

Изъ сказаннаго о разработкѣ экономической исторіи читатель въ правѣ будетъ заключить, что мы далеки еще отъ соглашенія по всѣмъ основнымъ пунктамъ. То же въ равной степени можетъ быть сказано и о сравнительной исторіи права, сравнительной этнографіи и миѳологіи. Каковы были начальныя формы общественности, и чему слѣдуетъ уподобить первыя бродячія группы людей, семьямъ или стадамъ, не допускающимъ въ удовлетвореніи генезическаго инстинкта никакой преграды, пока не возникнетъ система экзогамическихъ запретовъ, распространяемыхъ на всѣхъ женщинъ одной и той же группы или ея подраздѣленій, каковъ также древнѣйшій счетъ родства, только ли по матери или также по отцу, каковы предѣлы родительской власти и первые ея носители, гдѣ искать источникъ происхожденія политическаго главенства, исключительно ли въ военномъ руководительствѣ, или также въ превосходствѣ ума и богатства, отъ чего зависитъ и частое выступленіе въ роли посредника вождя и патрона, все это вопросы, еще открытые. Мы также далеко не условились въ томъ, въ чемъ лежитъ причина дальнѣйшаго обособленія духовнаго главенства отъ свѣтскаго и въ какой связи стоитъ оно съ древнѣйшими вѣрованіями, каковы, наконецъ, эти послѣднія, можно ли или нельзя считать ими исключительно разнообразныя формы анимизма, при которыхъ одухотвореніе предметовъ видимой природы, т. е. фетишизмъ въ строгомъ смыслѣ слова, развивается рука объ руку съ культомъ предковъ, наконецъ, какую роль въ установленіи послѣдняго играютъ гипнотизирующее вліяніе чародѣйства и благодарная память о дѣяніяхъ, совершенныхъ прежними вождями. Мы не исчерпали, разумѣется, и небольшой части тѣхъ вопросовъ, которые вызываютъ разнорѣчіе лицъ, предающихся изученію спеціальныхъ дисциплинъ, только что нами перечисленныхъ.

Это разнорѣчіе долгое время казалось препятствіемъ на пути сведенія въ одну абстрактную науку объ обществѣ отдѣльныхъ положеній, уже установленныхъ конкретнымъ зна-

ніемъ. Опытъ показалъ, однако, что эти препятствія не являются непреодолимыми.

Соціологъ знакомится настолько съ конкретными науками объ обществѣ, чтобы имѣть возможность воспользоваться ихъ выводами, разъ они не противорѣчатъ законамъ біологіи и психологіи. Онъ старается затѣмъ свести въ систему эти одностороннія и невсегда исчерпывающія его любознательность частныя обобщенія и приходитъ такимъ путемъ къ построенію ученія о природѣ и развитія общественности.

Быстрый прогрессъ той или другой изъ конкретныхъ наукъ объ обществѣ иногда колеблетъ самыя основы воздвигнутаго имъ зданія, но произведенный имъ синтетическій трудъ не пропадаетъ даромъ для его преемниковъ. Его даже ложныя обобщенія будятъ въ нихъ мысль въ извѣстномъ направленіи и служатъ имъ руководящею нитью или предохранительнымъ урокомъ.

Не въ одной, впрочемъ, спорности положеній, добытыхъ конкретными науками объ обществѣ, лежитъ источникъ трудностей, открывающихся на пути соціологамъ. Ученіе о природѣ общежитія стоитъ очевидно въ самомъ тѣсномъ отношеніи съ ученіемъ о жизни организмовъ, жизни физической и психической. Такіе вопросы, какъ поднятый Вейсманомъ споръ о передачѣ потомкамъ особенностей личнаго характера и таланта, не могутъ оставаться безразличными и для всякой новой попытки изобразить природу и судьбу общества. Происходящій въ настоящее время переворотъ въ сферѣ психологіи, ея все большій и большій разрывъ съ метафизикой и переходъ, частью въ психо-физику, частью въ психо-соціологію, въ которой субъективный методъ самонаблюденія уступаетъ мѣсто болѣе объективному,—наблюденія надъ психикой кружковъ, толпы, націй и т. д., въ свою очередь вызываетъ необходимость пересмотра многаго изъ того, что считалось уже болѣе или менѣе установленнымъ въ соціологіи.

Но и сказаннаго еще недостаточно, чтобы показать, въ какомъ направленіи совершается въ наши дни дальнѣйшее развитіе соціологической мысли. Главный и коренной вопросъ, вокругъ котораго вращаются всѣ разногласія, лежитъ

въ томъ, каковы важнѣйшіе и въ частности важнѣйшій факторъ общественныхъ измѣненій. По природѣ своей этотъ вопросъ принадлежитъ къ категоріи метафизическихъ. Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло не съ факторами, а съ фактами, изъ которыхъ каждый такъ или иначе связанъ съ массою остальныхъ, ими обусловливается и ихъ обусловливаетъ. Говорить о факторѣ, т. е. о центральномъ фактѣ, увлекающемъ за собою всѣ остальные, для меня то же, что говорить о тѣхъ капляхъ рѣчной воды, которыя своимъ движеніемъ обусловливаютъ преимущественно ея теченіе. Но думая, что будущее представитъ собою не рѣшеніе, а упраздненіе самаго вопроса о факторахъ прогресса, я въ то же время вполнѣ объясняю себѣ причину, по которой современные соціологи отводятъ ему такое выдающееся мѣсто въ своихъ построеніяхъ. Чтобы выйти сколько нибудь изъ хаоса безчисленныхъ воздѣйствій и противодѣйствій, совокупнымъ вліяніемъ которыхъ обусловливается сложность общественныхъ явленій, они желали бы свести все ихъ разнообразіе къ болѣе или менѣе ограниченному числу знаменателей. Такая надежда лежитъ въ корнѣ всѣхъ тѣхъ попытокъ классификаціи общественныхъ феноменовъ, съ которыми связаны въ новѣйшее время имена де-Грефа, Вормса, Астураро и др. Эти классификаціи производятся по извѣстному принципу. Такъ де-Грефъ отправляется отъ того самаго положенія, которое принято было Контомъ въ основу его классификаціи наукъ вообще. Онъ располагаетъ общественные феномены въ порядкѣ ихъ умаляющейся общности и возрастающей сложности. Въ установленномъ имъ рядѣ мы находимъ прежде всего феномены экономическіе, затѣмъ генезическіе, эстетическіе, нравственные, религіозные, научные и наконецъ юридико-политическіе. Основу всѣмъ имъ составляетъ, по тому же де-Грефу, съ одной стороны, территорія, подъ которой онъ разумѣетъ географическое положеніе страны, ея физическую структуру, ея орографію и гидрографію, ея фауну, флору и т. д., а съ другой, населеніе съ его этнографическими, физико-психическими и другими чертами. Де-Грефъ приводитъ нѣсколько основаній въ пользу такой классификаціи общественныхъ явленій. Какъ въ живыхъ существахъ функціи питанія и размноженія всего ранѣе создаютъ свои

самостоятельные органы, такъ точно и въ человѣческихъ обществахъ. Къ этому положенію, построенному на біологической аналогіи, де-Грефъ присоединяетъ другое, опирающееся на наблюденіи самихъ общественныхъ явленій. Во всѣхъ ихъ онъ открываетъ присутствіе экономическаго зародыша, тогда какъ, наоборотъ, въ строго экономическихъ явленіяхъ якобы отсутствуютъ элементы другихъ феноменовъ болѣе сложныхъ,—религіозныхъ, научныхъ, юридико-политическихъ и т. д. Я не могу согласиться съ этой последней мыслью. Нельзя же игнорировать того, что признаніе за главаремъ, кѣмъ бы ни былъ послѣдній, роли руководителя при распредѣленіи годового дохода, а за чародѣемъ и позднѣе жрецомъ права на опредѣленную часть этого дохода значительно измѣняетъ природу даже наипростѣйшихъ экономическихъ явленій; а развѣ это въ концѣ концовъ не равнозначительно признанію факта воздѣйствія эстетическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ, научныхъ и юридико-политическихъ феноменовъ на экономическіе? Другая классификація, предложенная Рене Вормсомъ, отправляется отъ нѣсколько отличнаго критерія. Вормсъ—послѣдователь такъ называемой органической школы въ соціологіи, т. е., вмѣстѣ съ Спенсеромъ, Шефле, Лиліенфельдомъ, Новиковымъ и другими, онъ старается открыть въ обществѣ черты, сходныя съ живыми организмами. Съ этой точки зрѣнія вся соціологія распадается для него на анатомію и физіологію общества. Первая занимается изученіемъ среды и населенія, т. е. имѣетъ дѣло съ феноменами общественной географіи и этнографіи; что же касается до второй, то она интересуется феноменами четырехъ различныхъ порядковъ: экономическими, юридическими, умственными и политическими. Очевидно, что въ категорію умственныхъ вводятся Вормсомъ одинаково и религіозные и научные, а въ категорію юридическихъ и отличныя отъ нихъ по природѣ въ виду недостатка санкціи нормы нравственности. Но куда дѣвались эстетическіе, и почему ни словомъ не упомянуто о генезическихъ? За классификаціей Вормса можно признать только то преимущество, что она отказывается отъ установленія какого бы то ни было преемства между отмѣченными имъ группами феноменовъ. Авторъ не располагаетъ ихъ въ

порядкѣ возрастающей сложности и умаляющейся общности. Онъ не классифицируетъ ихъ также въ двѣ категоріи, факторовъ большаго и меньшаго воздѣйствія на другіе. Въ классификаціи Астураро, профессора Генуэзскаго университета, снова выступаетъ попытка разсортировать общественныя явленія не только по порядку ихъ возрастающей сложности, но и на основаніи, во-первыхъ, ихъ генетической связи между собою, связи происхожденія и преемства, а во-вторыхъ, съ точки зрѣнія ихъ приспособленности служить регуляторомъ для другихъ, менѣе сложныхъ. По этимъ тремъ критеріямъ Астураро распредѣляетъ соціальные факты въ слѣдующія группы: экономическихъ, семейныхъ, юридическихъ, юридико-политическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ, эстетическихъ и научныхъ. Семейные, или, что то же, генезическіе, являются регуляторомъ экономическихъ, а юридическіе—семейныхъ и т. д. Но какъ доказать происхожденіе генезическихъ явленій изъ экономическихъ или моральныхъ изъ юридико-политическихъ; какъ, съ другой стороны, видѣть преемство въ сложности между нравственными и религіозными, съ одной стороны, юридическими и юридико-политическими, съ другой, и какимъ регуляторомъ религіозныхъ феноменовъ могутъ быть явленія эстетическія? Впрочемъ, всѣ эти частныя возраженія падаютъ передъ однимъ общимъ и направленнымъ противъ всякой попытки доказать первенство тѣхъ или другихъ феноменовъ не по времени происхожденія, а по суммѣ вліянія. Оно, какъ вѣрно указываетъ Гропалли, лежитъ въ томъ, что англійскими писателями по соціологіи и еще ранѣе ихъ Миллемъ было названо закономъ противодѣйствія причинъ. Въ силу этого закона, извѣстный общественный результатъ не можетъ быть объясненъ указаніемъ на одновременно встрѣчаемыя причины, такъ какъ эти послѣднія могли дѣйствовать не согласно, а наперекоръ другъ другу. Послѣдствія могутъ быть такимъ образомъ результатомъ столько же разности, сколько и суммы данныхъ воздѣйствій. Я не прочь подтвердить сказанное примѣромъ. Допустимъ, что ростъ населенія настолько увеличился, что является необходимость перейти отъ трехполья къ плодо-перемѣнному хозяйству. Но для этого нужно упразднить существующую систему вѣчно-наслѣдственной аренды крестьянъ и разбро-

санность составляющихъ ихъ надѣлы полосъ въ открытыхъ поляхъ помѣстья, т. е. положить конецъ практикѣ, источникъ которой лежитъ въ архаическихъ формахъ коллективнаго и равнаго пользованья, унаслѣдованнаго помѣстьемъ отъ сельской общины. Въ какомъ направленіи при такихъ условіяхъ пойдетъ дальнѣйшее развитіе, и не будетъ ли въ немъ одна причина или вѣрнѣе сумма нѣсколькихъ причинъ служить тормозомъ по отношенію къ другой или суммѣ другихъ причинъ? При этомъ я еще добровольно не принимаю въ разсчетъ юридическихъ нормъ, законодательныхъ и обычныхъ, удерживающихъ крестьянина на землѣ и не позволяющихъ замѣнить его фермеромъ, владѣльцемъ капитала, необходимаго для болѣе интензивной утилизаціи почвы; я опускаю также политическія соображенія, которыя побуждаютъ дорожить крестьянами-воздѣлывателями, какъ готовымъ контингентомъ мѣстныхъ ополченцевъ. Мною не принято также во вниманіе возрастаніе ренты на землю, послѣдствіе увеличившагося на нее спроса, и фактъ уменьшенія дохода, получаемаго собственникомъ въ формѣ неизмѣнной аренды; этотъ доходъ необходимо падаетъ по мѣрѣ замѣны барщины и натуральныхъ сборовъ денежными платежами; онъ можетъ быть вызванъ также обезцѣненіемъ монеты, благодаря фальшивому чекану или въ гораздо большей степени благодаря открытію новыхъ серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ Эти въ настоящее время общеизвѣстныя явленія представляютъ только незначительную часть тѣхъ совмѣстно дѣйствовавшихъ или противодѣйствовавшихъ другъ другу причинъ, которыми одновременно и поддерживался, и видоизмѣнялся, и подкашивался въ корнѣ феодальный порядокъ, въ свою очередь бывшій только одной изъ сторонъ современнаго ему общественнаго уклада, какъ религіозно-научнаго, такъ и эстетическаго, нравственнаго и политическаго. Прибавимъ ко всему этому еще то, что мы не имѣемъ пока ни малѣйшей возможности опредѣлить, съ какимъ темпомъ дѣйствовали всѣ эти согласныя или несогласныя между собою причины, можно ли говорить о той или другой изъ нихъ, какъ о развивавшейся въ ариѳметической прогрессіи, или наоборотъ прилагать къ ней формулу прогрессіи геометрической, какъ это дѣлалъ, напримѣръ,

Мальтусъ въ примѣненіи къ росту населенія. Всѣ эти вопросы не могутъ пока даже сдѣлаться предметомъ сколько-нибудь научнаго изученія. Одно лишь монографическое изслѣдованіе той или другой эпохи позволяетъ намъ опредѣлить, и то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, господствовавшее вліяніе, какимъ пользовалась въ ней политика, экономика, или религія. Такъ въ эпоху Александра Македонскаго или Наполеона I-го, какъ и въ эпоху нашествія варваровъ на Римскую Имперію, политика несомнѣнно первенствовала, и наоборотъ, съ начавшейся замѣны несвободнаго труда вольнонаемными отношеніями и мануфактуръ машино-фактурами, экономикѣ, повидимому, принадлежитъ преобладающее значеніе. Въ эпоху сложенія папства или позднѣе въ эпоху развитія реформаціи, какъ и вѣками ранѣе въ эпоху образованія браманизма или мирнаго завоеванія Китая вышедшимъ изъ браманизма протестантскимъ движеніемъ Саккіа Муни, или Будды, религія временно казалась руководящей судьбами народовъ и государствъ. Если мы проникнемъ въ самую глубь вопроса, мы увидимъ, однако, что и въ эпохи, когда тѣ или другіе общественные феномены пріобрѣтали перевѣсъ, рядомъ съ ними происходила столь же глубокая эволюція и всѣхъ другихъ сторонъ народной жизни въ прямомъ или обратномъ отношеніи къ господствующей тенденціи, но всегда въ тѣсной зависимости отъ нея. Такъ эпоха объединенія міра христіанской проповѣдью была одновременно эпохой политическаго разложенія міровой Имперіи, такъ событіе, въ которомъ съ такой наглядностью выступаетъ не одно религіозное, но и политическое значеніе католицизма, я разумѣю крестовые походы, знаменуетъ собою и начало реформаціи. Оба совпадаютъ, съ одной стороны, съ эпохой завершенія феодализма, нашедшаго свое высшее нравственное и эстетическое выраженіе въ рыцарствѣ, а съ другой, съ началомъ того освобожденія, сперва города, а затѣмъ села, отъ помѣстной власти, въ которомъ лежитъ источникъ позднѣйшаго роста средняго сословія и тѣмъ самымъ причина замѣны феодальнаго строя индустріальнымъ. Мы бы никогда не кончили, если бы вздумали подтверждать рядомъ примѣровъ справедливость того общаго положенія, что ни въ одинъ моментъ исторіи не прекращается то болѣе или менѣе

скрытая, то, наоборотъ, бьющая въ глаза трансформація различныхъ сторонъ общественной жизни. Такой даже біологическій по природѣ факторъ, какъ ростъ населенія, ускоряетъ или замедляетъ свое дѣйствіе подъ вліяніемъ массы причинъ, чисто соціальныхъ. Стоитъ лишь вспомнить вліяніе, какое могутъ оказать на него истребительныя войны или не менѣе пагубное отсутствіе общественной гигіены, дѣлающее возможнымъ разливъ эпидемій, или еще то добровольное воздержаніе, источникъ котораго можетъ лежать столько же въ религіозно-этическихъ представленіяхъ, сколько и въ эгоизмѣ, классовомъ или личномъ. Итакъ заблуждаются тѣ, кто видитъ въ прогрессѣ или регрессѣ густоты населенія дѣйствіе одного біологическаго фактора. Достаточно того, что въ мірѣ всѣхъ живыхъ существъ, за исключеніемъ человѣка, не повторяется того же явленія численнаго роста, чтобы показать не одну біологическую, но и соціальную его природу. А каково было его вліяніе то на ускореніе темпа общественнаго развитія, то на его замедленіе, на это указываетъ намъ въ одинаковой степени и вызванная прежде всего скучиваньемъ жителей особенность городского развитія отъ сельскаго и параллельная съ ростомъ населенія трансформація системъ хозяйничанья, земледѣльческаго и промышленнаго, а также системъ обмѣна, конечные полюсы котораго представляютъ собою безвозмездная ссуда, съ одной стороны, и кредитивъ, съ другой. Говорить ли также о вліяніи, какое оказали не разъ повторявшіяся эпидеміи на задержаніе, разумѣется, только временное, поступательнаго хода общества, напримѣръ, на задержаніе начавшихся ранѣе попытокъ замѣны крѣпостного хозяйства вольнонаемнымъ? Настаивать ли и на бьющемъ въ глаза фактѣ естественнаго истощенія нѣкоторыхъ странъ не столько войнами, сколько чрезмѣрными эмиграціями ихъ жителей, положимъ, въ Новый Свѣтъ?

Я думаю, что все сказанное доселѣ не говоритъ въ пользу признанія первенствующаго значенія ни за однимъ изъ такъ называемыхъ факторовъ развитія, а между тѣмъ намъ придется постоянно имѣть дѣло съ теоріями, которыя утверждаютъ это первенство, признавая его то за техникой производства, то за условіями обмѣна, то за борьбою расъ

и національностей, то за соперничествомъ индивидовъ и классовъ, то за чисто психическими явленіями, умственными, какъ ростъ знанія, эмоціональными, какъ ростъ справедливости и права. Въ этой добровольной односторонности лежитъ характерная черта переживаемой нами эпохи выработки соціологіи. По мѣрѣ того, какъ представители отдѣльныхъ общественныхъ дисциплинъ, отказываясь отъ прежней узкости, станутъ все болѣе и болѣе настаивать на обусловленности изучаемыхъ ими трансформацій массою причинъ, стоящихъ за границами ихъ непосредственнаго изслѣдованія, все замѣтнѣе будутъ стихать въ средѣ соціологовъ горячія препирательства о томъ, не вызвано ли, напримѣръ, развитіе испанской живописи въ XVI в. полученными изъ Индіи и Америки драгоцѣнными металлами *), не обусловливается ли появленіе многомужества или многоженства непосредственно экономическими причинами (Гроссе), и т. п. Я думаю, что выражу не только кратко, но и весьма определенно мою завѣтную точку зрѣнія, сказавши, что соціологія въ значительной степени выиграетъ отъ того, если забота объ отысканіи фактора, да въ добавокъ еще первичнаго и главнѣйшаго, постепенно исключена будетъ изъ сферы ея ближайшихъ задачъ, если въ полномъ соотвѣтствіи съ сложностью общественныхъ явленій, она ограничится указаніемъ на одновременное и параллельное воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ. Мнѣ кажется, что направленіе, въ какомъ за послѣдніе годы происходитъ развитіе абстрактной науки объ обществѣ, оправдываетъ отчасти эти надежды. Представители такъ называемаго психологическаго направленія, съ Тардомъ во главѣ, приходятъ къ счастливому заключенію, что взаимодѣйствіемъ открытія и подражанія можно объяснить многое, но далеко не все въ области общественнаго развитія, и что такъ называемая „междоумственная психологія", покрывая болѣе обширную область, чѣмъ та, какая принадлежитъ абстрактной наукѣ объ обществѣ, въ то же время не охватываетъ ее со всѣхъ сторонъ. Одновременно послѣдователи историческаго матеріализма, въ родѣ Лоріа и Гроппали, не прочь допустить наличность на пер-

*) Гроппали, Lezioni di Sociologia.

выхъ порахъ, рядомъ съ экономическимъ, и психическаго фактора, а также способность отдѣльныхъ факторовъ, въ томъ числѣ умственнаго и эстетическаго, вступить рано или поздно въ періодъ саморазвитія независимо отъ какихъ либо экономическихъ причинъ. Сторонники господства демотическаго фактора, которые видятъ въ ростѣ населенія не только причину причинъ, но и ближайшій регуляторъ разнообразнѣйшихъ элементовъ общественности, такъ напримѣръ Костъ, въ полемикѣ съ противниками принуждены взять обратно многое изъ ранѣе утверждаемаго ими и допустить воздѣйствіе на подчеркнутое ими явленіе ряда другихъ. Тѣ же изъ соціологовъ, которые продолжаютъ упорно настаивать на томъ, что въ выработкѣ общественныхъ порядковъ главная роль принадлежитъ борьбѣ за существованіе между цѣлыми племенами и расами (теорія Гумпловича) или только между общественными классами (теорія Марксистовъ), не въ состояніи опровергнуть возраженій, выдвинутыхъ противъ нихъ критикой. Они обыкновенно сводятся къ указанію не столько на ложность, сколько на односторонность ихъ ученія.

Читатель по всей вѣроятности согласится, что тотъ сравнительно короткій періодъ, какой охватывается предлагаемыми ему очерками, представляетъ собою нѣчто цѣльное и законченное. Онъ открывается упадкомъ теоріи органическаго ученія объ обществѣ и заканчивается попыткой сблизить между собою противорѣчивыя ученія о первенствующей роли тѣхъ или другихъ факторовъ общественнаго развитія. Не будучи основоположительнымъ, обозрѣваемый нами промежутокъ времени можетъ считаться критическимъ по преимуществу. Благодаря самой своей односторонности, важнѣйшіе представители соціологіи сдѣлали въ этотъ періодъ немало для расчистки почвы для дальнѣйшихъ изслѣдованій; они установили рядъ оригинальныхъ точекъ зрѣнія на недостаточно освѣщенныя ранѣе или вполнѣ оставленныя безъ вниманія явленія. Утрируя роль того или другого фактора, они доставили возможность контръ-критикѣ установить предѣльныя границы его вліянія. Простого же сопоставленія ролей, приписываемыхъ одновременно двумъ разнымъ факторамъ на производство одного и того же соціальнаго послѣдствія, достаточно было для укорененія того взгляда,

что это послѣдствіе обязано своимъ наступленіемъ обѣимъ причинамъ, да и не имъ однѣмъ, а всей той массѣ оставленныхъ втупѣ явленій, изъ которыхъ каждое можетъ разсматриваться одновременно и источникомъ и слѣдствіемъ по отношенію ко всѣмъ прочимъ.

ОТДѢЛЪ I.

Психологическая школа въ соціологіи.

ГЛАВА I.

Психо-соціологическая доктрина Тарда.

§ 1.

Основатель соціологіи Контъ, высказываясь въ пользу близкой ея зависимости отъ біологіи, особенно настаивалъ на необходимости болѣе детальнаго изученія функцій мозга и видѣлъ въ немъ ближайшій шагъ къ построенію науки объ обществѣ. Въ его время Галль уже сдѣлалъ попытку локализаціи въ мозгу отдѣльныхъ центровъ психической дѣятельности человѣка. Этой только стороной основанная имъ «френологія» заинтересовала собою родоначальника «положительной философіи». Психологія въ его время орудовала еще исключительно методомъ самонаблюденія, психо-физики не существовало. При такихъ условіяхъ немудрено, если Контъ принужденъ былъ ограничить свою попытку найти соціологіи психологическія основы скромной главой, заключавшей въ себѣ одну передачу основныхъ положеній Галля, въ частности его попытки пріурочить къ переднему и заднему мозгу умственныя и аффективныя явленія человѣческой психики. Милль, какъ и можно было ожидать отъ послѣдователя философіи Гамильтона, поставилъ въ особую вину французскому мыслителю его систематическое игнорированіе имъ результатовъ, достигнутыхъ шотландскими психологами и въ значительной степени воспринятыхъ Кантомъ. Можно было бы ожидать, что въ Англіи, гдѣ формулированъ былъ впервые этотъ протестъ, и зародится психологическая школа соціологіи. Было основаніе думать, что Гербертъ Спенсеръ, посвятившій въ своей «Системѣ синтетической философіи» цѣлыхъ два тома изученію основъ психологіи, на ней и построитъ зданіе обновляемой имъ абстрактной науки объ обществѣ. На самомъ дѣлѣ не послѣдовало, однако, ничего подобнаго, и въ обобщеніяхъ Спенсера, въ его уче-

нiи объ общественномъ организмѣ, бiологiя была призвана играть неподобающую ей роль ближайшаго фундамента обществовѣдѣнiя. Между тѣмъ въ области конкретныхъ наукъ объ обществѣ, прежде всего въ наукѣ о языкѣ, стала чувствоваться все болѣе и болѣе потребность въ восхожденiи къ даннымъ психологiи. Одному изъ берлинскихъ филологовъ—Штейнталю—пришло на мысль основать даже цѣлый журналъ, посвященный изученiю тѣхъ особыхъ явленiй, которыя въ наше время обозначаются терминомъ междоумственныхъ (intermentaux), и для которыхъ въ Германiи придумано было названiе, какъ я полагаю, не вполнѣ удачное,—«народной психологiи» (Völkerpsychologie). Ближайшiй сотрудникъ Штейнталя, Лацарусъ, сталъ читать одновременно лекцiи о народной психологiи въ Берлинскомъ университетѣ и старался между прочимъ примѣнить въ нихъ статистическiй методъ къ подсчету явленiй психическаго порядка.

Въ возможности такого распространенiя статистическаго метода съ мiра матерiальныхъ явленiй на область психическихъ, впрочемъ, сразу высказано было сомнѣнiе въ средѣ даже тѣхъ экономистовъ, которые, какъ напримѣръ Адольфъ Вагнеръ, не прочь считаться съ психическими факторами при установленiи законовъ экономики.

За наукою о языкѣ, наука о народномъ хозяйствѣ первая испытала на себѣ влiянiе этого новаго психологическаго направленiя. Австрiйская школа, съ Бемъ Баверкомъ во главѣ, представила въ своихъ сочиненiяхъ довольно убѣдительныя доказательства пользы такого расширенiя основъ политической экономiи. Но на этомъ пока остановилось въ Германiи движенiе въ пользу обновленiя общественныхъ наукъ съ помощью психологiи. Нельзя сказать того же о Францiи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Болѣе или менѣе независимо отъ движенiя, начало которому было положено въ Германiи, Тардъ еще въ 1881 году въ статьѣ, появившейся въ «Философскомъ Обозрѣнiи» Рибо, заговорилъ о необходимости психологическаго метода въ политической экономiи *). Тому же Тарду, при критикѣ итальянской школы криминальной антропологiи, не разъ приходилось останавливаться на мысли о необходимости принять при построенiи науки уголовнаго права въ разсчетъ тѣ междоумственныя влiянiя, которыми обусловливаются преступныя дѣйствiя толпы, принимающiя, смотря по успѣху или неуспѣху, характеръ то революцiи, то мятежа.

Основное сочиненiе Тарда, излагающее его точку зрѣнiя на природу всѣхъ соцiальныхъ явленiй вообще, какъ на цѣпь повто-

*) La Psychologie en économie politique, Revue philosophique. septem. et octobre 1881.

реній или подражаній, появилось всего на всего въ 1890 году, достаточно давно, однако, чтобы оказать воздѣйствіе и на того изъ американскихъ психологовъ, взгляды котораго на характеръ междоумственныхъ явленій всего болѣе приближаются къ ученіямъ французскаго мыслителя. Говоря это, я имѣю въ виду Марка Бальдвина, профессора въ университетѣ Принстонъ и автора двухъ весьма выдающихся сочиненій: «Умственное развитіе въ ребенкѣ и въ расѣ» и «Исторія человѣческаго разума». Послѣдняя вышла и на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «О соціальной и нравственной интерпретаціи принциповъ умственнаго развитія». Если прибавить къ двумъ названнымъ писателямъ американскаго соціолога Гиддингса и нѣсколько молодыхъ криминалистовъ-антропологовъ, въ частности итальянцевъ Сигеле и Росси, то мы почти исчерпаемъ списокъ лицъ, оставившихъ сколько-нибудь серьезный слѣдъ въ сферѣ обновленія абстрактнаго обществовѣдѣнія на психологической основѣ.

Изъ названныхъ нами писателей ни одинъ, разумѣется, не заслуживаетъ большаго вниманія со стороны соціологовъ, чѣмъ Габріель Тардъ. Ему принадлежитъ и честь почина, и широкое примѣненіе самостоятельно выработанной доктрины къ разнообразнѣйшимъ сферамъ общественности, какъ то: къ праву, къ политикѣ и къ экономикѣ.

Хотя этотъ писатель обогатилъ общественную психологію, логику и въ меньшей степени соціологію, общую и конкретную, рядомъ въ высшей степени цѣнныхъ сочиненій, но ни во французской, ни въ другихъ иностранныхъ литературахъ я не нахожу ничего, что бы сколько-нибудь приближалось къ попыткѣ систематическаго изученія его основныхъ ученій въ ихъ генетическомъ развитіи. И предлагаемый здѣсь этюдъ не имѣетъ въ виду изучить разносторонне философскую дѣятельность Тарда. Для нашей цѣли достаточно указать на главныя положенія психологической школы въ соціологіи, насколько послѣднія нашли въ немъ наиболѣе оригинальнаго и блестящаго выразителя. Мы бы желали отмѣтить, съ одной стороны, то положительное, что вноситъ собою это направленіе въ пониманіе природы общественныхъ явленій, а съ другой, указать тѣ границы, за предѣлами которыхъ построенныя имъ гипотезы безсильны подвинуть рѣшеніе коренныхъ вопросовъ абстрактной науки объ обществѣ.

То немногое, что намъ извѣстно изъ прошлаго изучаемаго мыслителя, говоритъ о раннемъ развитіи въ немъ двухъ свойствъ, одинаково необходимыхъ для сколько-нибудь оригинальнаго построенія философскихъ началъ обществовѣдѣнія: богатства научной

фантазіи и разносторонности эрудиціи. Прикованный въ теченіе ряда лѣтъ къ службѣ въ скромной должности судебнаго слѣдователя,—обстоятельство, направившее его первоначальныя работы въ сферу криминалистики и уголовной антропологіи, Тардъ находитъ время не только для изданія цѣлаго сборника философскихъ стихотвореній, но и для ознакомленія съ общими положеніями астрономіи, физики, химіи и біологіи. Чтеніе въ молодомъ возрастѣ извѣстнаго сочиненія Курно (Трактатъ о взаимной связи основныхъ идей) направило его на изученіе точныхъ наукъ въ большей степени, чѣмъ метафизическихъ системъ. Это не значитъ, однако, чтобы нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ, въ частности теорія монадъ Лейбница, не оказали рѣшающаго вліянія на самый характеръ его основной доктрины. Въ этомъ отношеніи весьма поучительна статья, отпечатанная имъ въ «Международномъ журналѣ соціологіи», подъ названіемъ: «Монады и общественная наука». Въ ней легко открыть ту связь, въ какой междоумственная психологія, до недавняго времени отождествляемая Тардомъ съ соціологіей *), стоитъ въ его системѣ съ общимъ философскимъ воззрѣніемъ на роль минимальныхъ величинъ въ созданіи космическихъ, физическихъ, химическихъ, біологическихъ и общественныхъ агрегатовъ. Для Тарда «ученіе Лейбница о монадахъ со всѣми второстепенными гипотезами, въ немъ заключающимися, все болѣе и болѣе становится цѣпью вполнѣ научно обоснованныхъ истинъ». Это ученіе, говоритъ онъ, предполагаетъ прежде всего сведеніе къ одному началу элементовъ матеріи и духа, началу духовному, и изумительное размноженіе второстепенныхъ психическихъ агентовъ; другими словами, теорія Лейбница предполагаетъ прерывность элементовъ, однообразіе ихъ природы, множество существъ и единство ихъ существа. Только подъ условіемъ такого допущенія міръ становится доступнымъ для пониманія разума въ самыхъ своихъ основахъ. Бездна, отдѣляющая, какъ думали ранѣе, движеніе и сознаніе, объектъ и субъектъ, механику и логику, въ настоящее время отрицается самыми смѣлыми умами. Съ другой стороны, открытія химіи приводятъ насъ къ признанію атомовъ и, слѣдовательно, къ отрицанію непрерывности матеріи. Въ химическихъ комбинаціяхъ нѣтъ

*) Только въ новѣйшее время Тардъ высказывается въ томъ смыслѣ, что междоумственная психологія выходитъ за предѣлы соціологіи, объясняетъ, но не создаетъ ее. Въ статьѣ озаглавленной «La psychologie inter-mentale» (Revue internationale de sociologie, janvier 1901), я нахожу слѣдующее характерное мѣсто: La psychologie inter-spirituelle, on le voit, ne saurait se confondre ni avec la sociologie qu'elle déborde et qu'elle explique, mais qu'elle ne constitue pas,—ni avec la psychologie proprement dite, intra-spirituelle, à laquelle elle ne s' oppose pas, mais qu'elle complète (стр. 3).

ничего, что бы доказывало эволюцію, преемство. Все въ нихъ опредѣленно, рѣзко, а между тѣмъ все, что есть гармонически послѣдовательнаго въ жизненныхъ феноменахъ, имѣетъ своимъ основаніемъ химическія комбинаціи. Но не одни успѣхи химіи приводятъ насъ къ признанію монадъ. То же можно сказать объ успѣхахъ физики, естественныхъ наукъ и исторіи. По вѣрному замѣчанію Ланга, сила тяготѣнія небесныхъ тѣлъ сведена была Ньютономъ къ притяженію составляющихъ ихъ массъ, а изъ этого можно было сдѣлать тотъ выводъ, что и земныя массы взаимно притягиваютъ другъ друга, и что то же справедливо по отношенію къ составляющимъ ихъ мельчайшимъ молекуламъ. Подобно тому, какъ Ньютонъ упразднилъ представленіе объ индивидуальности небеснаго тѣла, такъ точно основатели теоріи клѣточекъ упразднили представленіе о единствѣ человѣческаго тѣла и свели его къ множеству элементарныхъ организмовъ, преслѣдующихъ эгоистическія цѣли развитія въ ущербъ всего стоящаго внѣ ихъ, будутъ ли-то сосѣднія клѣточки одного и того же тѣла или неорганическія частицы воздуха, воды и вообще любой субстанціи. Та же теорія клѣточки повела къ упраздненію ученія о жизненной силѣ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ матеріи. Всѣ феномены растительнаго и животнаго царства объясняются свойствами атомовъ или, вѣрнѣе, послѣднихъ элементовъ, изъ которыхъ составлены эти атомы. Этими же элементами могутъ быть какъ открытыя, такъ и неоткрытыя силы неорганической природы. Прилагая ту же точку зрѣнія къ явленіямъ общежитія, Тардъ не прочь видѣть въ націяхъ не болѣе, какъ конгломераты атомовъ, представляемыхъ отдѣльными индивидами, ихъ составляющими. «Подобно тому, какъ Агассисъ еще недавно думалъ, что съ самаго начала существовали не деревья, а лѣса, не пчелы, а ульи, пишетъ Тардъ, такъ точно частнымъ людямъ предпосылали во времени цѣлыя націи, а между тѣмъ оказывается, что населеніе государства возникаетъ благодаря размноженію одной клѣточки. Какъ не заключить изъ всего этого, что безконечно малое, иначе говоря, первичный элементъ, есть источникъ и цѣль, субстанція и разумъ всего сущаго. Эти безконечно малыя величины рисуются воображенію Тарда автономными агентами. Если все отправляется отъ безконечно малаго, то не видѣть ли въ этомъ доказательство тому, пишетъ онъ, что единый элементъ является иниціаторомъ всякихъ измѣненій, источникомъ всей жизненной эволюціи, первопричиной всякой умственной и общественной трансформаціи. Если эти перемѣны совершаются не рѣзко, а постепенно и повидимому безостановочно, то не приписать ли этого тому, что иниціатива предпріимчиваго элемента, хотя и нашла благопріятный пріемъ, въ то

же время встрѣтила и противодѣйствіе. Для иллюстраціи своей мысли Тардъ придумываетъ слѣдующій примѣръ. Предположимъ, говоритъ онъ, что всѣ граждане государства даютъ свою поддержку программѣ политической реформы, зародившейся въ мозгу одного изъ нихъ. Какъ бы радикально ни было задуманное измѣненіе, оно сразу будетъ проведено, если имѣется налицо общее согласіе. Но когда противъ предложеннаго проекта двинутъ будетъ рядъ другихъ, сознательно или безсознательно раздѣляемыхъ отдѣльными членами націи, тогда неизбѣжно воспослѣдуетъ медленность въ общественной модификаціи. Въ новѣйшихъ біологическихъ теоріяхъ Тардъ думаетъ найти оправданіе своей точкѣ зрѣнія. Развѣ Перье не объясняетъ эволюціи организмовъ путемъ ассоціаціи составляющихъ ихъ первичныхъ величинъ, и развѣ Далль не допускаетъ эволюціи скачками, при которой трансформація типа, въ силу новаго приспособленія, совершается въ опредѣленный моментъ и сразу, точь въ точь, какъ можетъ послѣдовать самая радикальная политическая реформа, когда всѣ станутъ чувствовать потребность въ ней.

Такимъ образомъ въ міровой системѣ молекулъ и составляющихъ ихъ атомовъ, системѣ, принимаемой Тардомъ не за гипотезу, а за научно обоснованную истину, заключается и корень его ученія о роли личности или «первичнаго общественнаго индивида» въ созданіи соціальныхъ конгломератовъ. Для Тарда молекула или атомъ надѣлены способностью сознательной иниціативы, и тою же сознательной иниціативой отличается и индивидъ, что либо открывающій въ области знанія и практическаго опыта. Его открытіе, вызывая рядъ подражаній, тѣмъ самымъ ведетъ къ измѣненію общественной среды, къ измѣненію рѣзкому и полному въ томъ случаѣ, когда впервые высказанная мысль не встрѣчаетъ противодѣйствія во взглядахъ, раздѣляемыхъ массою индивидовъ, составляющихъ общественную среду.

Изъ этого бѣглаго обзора основной философской гипотезы Тарда, общей ему съ Лейбницемъ и позволяющей отнесть его къ числу идеалистовъ, въ виду одухотворенія имъ первичныхъ ячеекъ одинаково органической и неорганической природы, въ виду признанія за ними сознательнаго стремленія къ опредѣленной цѣли, не мудрено вывести то заключеніе, что отправная точка зрѣнія изучаемаго нами соціолога при построеніи ученія о междоумственныхъ воздѣйствіяхъ вполнѣ метафизическая. Этого не слѣдуетъ терять изъ виду и при общей оцѣнкѣ взглядовъ на роль изобрѣтенія и подражанія въ созданіи и развитіи общественности. Эти взгляды нашли впервые систематическое выраженіе въ извѣстномъ трактатѣ

Тарда, озаглавленном «Законы подражанія». Разбором его мы и займемся в настоящее время. При изложеніи руководящих мыслей главнаго представителя психологической школы мы постараемся, по возможности, придерживаться его собственных выраженій съ цѣлью избѣжать упрека в превратной передачѣ основ самаго ученія. «Надо объяснять ход исторіи, пишет Тард, не какими-то высшими причинами, а человѣческими дѣйствіями (стр. 2 «Законов подражанія»). Нам одинаково чужд, продолжает он, и мистическій идеализм, сказывающійся в толкованіи историческихъ событій высшими причинами, и банальный индивидуализм, состоящій въ объясненіи соціальных явленій капризами великих людей. На наш взгляд эти измѣненія объясняются появленіем, пожалуй до нѣкоторой степени случайным, но только по отношенію к мѣсту и времени, великих идей и болѣе или менѣе значительнаго числа и мелкихъ, и крупных, и простых и сложных, нерѣдко проходящих незамѣченными при их появленіи и весьма часто остающихся анонимными; общее всѣм им то, что онѣ всегда по существу содержат в себѣ новизну. Я зову их поэтому, пишет Тард, открытіями или изобрѣтеніями». Говоря это, наш философ имѣет в виду всякое измѣненіе, всякое усовершенствованіе, как бы ничтожно оно ни было, и притом во всякаго рода общественных феноменах, в языкѣ, религіи, политикѣ, правѣ, промышленности, искусствѣ... Преемственная связь, обыкновенно допускаемая между историческими измѣненіями, сводится в глазах Тарда в своем источникѣ к ряду новых идей, ряду, длинному, но прерывному, в котором соединительной связью являются акты подражанія. Во всѣх общественных измѣненіях необходимо поэтому признать отправным пунктом обновляющую мысль; она приносит съ собою удовлетвореніе назрѣвшим потребностям. Это новшество распространяется в обществѣ путем обязательнаго или добровольнаго подражанія, сознательнаго или безсознательнаго, и съ большей или меньшей скоростью на подобіе свѣтовой волны (ibid., стр. 3). Всѣ общественныя явленія обязаны своим возникновеніем взаимодѣйствію открытій и подражаній. Послѣднія своего рода рѣки, стекающія съ гор, представляемых открытіями. Такая точка зрѣнія может показаться своего рода идеализмом, пишет Тард, но такой идеализм тѣм отличается от того, какого придерживаются философы исторіи, что состоит в объясненіи событій идеями их виновников, а не идеями самого историка.

Еще в книгѣ Эспинаса «Les sociétés animales» можно было встрѣтить, по словам Тарда, выраженіе той же мысли, но в примѣ-

ненiи не къ историческимъ событiямъ, а къ работамъ муравьевъ. По мнѣнiю Эспинаса, въ этихъ работахъ выступаетъ индивидуальная инициатива, сопровождаемая подражанiемъ. Точно такъ въ каждомъ стадѣ дикихъ быковъ выдѣляется вожакъ-инициаторъ. Развитiе инстинкта, пишетъ Эспинасъ, объясняютъ частичными открытiями, передаваемыми изъ поколѣнiя въ поколѣнiе путемъ обученiя. Итакъ, взаимодѣйствiе открытiя и подражанiя выходитъ за предѣлы человѣческихъ обществъ. Всякое живое существо, насколько по природѣ своей оно является соцiальнымъ, склонно къ подражанiю, которое, пишетъ Тардъ, поэтому играетъ въ обществахъ ту же роль, какая принадлежитъ наслѣдственности въ организмахъ (ibid., стр. 12). Открытiе для общественной науки имѣетъ такое же значенiе, какое образованiе новаго вида для науки о жизни—бiологiи (стр. 13). Общественная наука имѣетъ ближайшимъ предметомъ изученiя факты подражанiя, такъ какъ, подобно всякой другой, она интересуется множествомъ однохарактерныхъ явленiй. Новыя же и разнохарактерныя по природѣ, или, что то же, историческiя событiя въ тѣсномъ смыслѣ слова составляютъ область самостоятельной науки,—общественной философiи. Соцiологiя, или обществознанiе, изучаетъ законы подражанiя, общественная философiя—законы, управляющiе открытiями. Впослѣдствiи Тардъ замѣнитъ сбивчивый терминъ общественной философiи болѣе опредѣленнымъ—общественной логики, а еще позднѣе онъ не прочь будетъ разсматривать обѣ категорiи явленiй—открытiе и подражанiе—какъ неразрывныя части того междоумственнаго процесса, раскрытiе котораго должно, по его мнѣнiю, составить задачу общественной психологiи.

Сдѣланныхъ выдержекъ изъ «Законовъ подражанiя» достаточно, чтобы сразу отмѣтить сильныя и слабыя стороны новой доктрины—психологическаго объясненiя общественныхъ явленiй. На нашъ взглядъ наиболѣе положительной стороной философскихъ построенiй Тарда надо считать то, что ими заполненъ до нѣкоторой степени пробѣлъ, какой въ Контовой системѣ наукъ представляетъ прямой переходъ отъ бiологiи къ соцiологiи. Недостаточное развитiе психологiи, орудовавшей во времена Конта почти исключительно методомъ самонаблюденiя и совершенно не затронутой ни современнымъ движенiемъ въ пользу созданiя психо-физики, ни попыткой найти порядокъ и закономѣрность въ отношенiяхъ междоумственныхъ, объясняетъ намъ причину, по которой психологiи не пришлось занять подобающаго ей мѣста въ грандiозной попыткѣ классификацiи Контомъ научнаго знанiя въ возрастающей прогрессiи сложности явленiй и убывающей прогрессiи ихъ общности.

Сводя источникъ соціальныхъ явленій къ взаимодѣйствію открытій и подражаній, Тардъ правильно указываетъ на необходимость положить въ основу общественной науки не столько ученіе о живомъ организмѣ, т. е. біологію, сколько ученіе о природѣ междоумственныхъ процессовъ, т. е. общественную психологію.

Подобно тому, какъ для біологіи основной посылкой является законъ неистребляемости матеріи и сохраненія энергіи, законъ, взятый на прокатъ у наукъ физико-химическихъ, такъ точно для соціологіи имѣется нынѣ возможность заимствованія основныхъ ея посылокъ изъ ближайшей къ ней въ іерархическомъ порядкѣ психологіи. Объясненіе всего порядка соціальныхъ явленій взаимодѣйствіемъ открытія и подражанія даетъ ключъ къ пониманію и такъ называемой роли личности въ исторіи, и самаго генезиса общественныхъ структуръ, какъ переходящаго въ привычку ряда подражаній. Но заканчивается ли раскрытіемъ въ области общественной жизни роли открытія и подражанія вся задача соціолога? Тардъ и его единомышленники, повидимому, готовы были одно время отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Полемизируя съ Дюркгеймомъ, Тардъ ставитъ ему въ вину желаніе пріискать для соціальной науки какіе-то особые законы, ей исключительно свойственные. Для самого Тарда соціологія не болѣе, какъ коллективная психологія *).

Если бы это было такъ, если бы соціальная наука имѣла дѣло только съ повтореніями въ формѣ подражаній, то ею очевидно нельзя было бы считать ничто иное, какъ статистику, разумѣется, подъ условіемъ примѣненія метода подсчета и къ нравственнымъ явленіямъ. Найдутся, разумѣется, и въ прошломъ писатели, утверждавшіе, что «исторія не болѣе, какъ продолжающаяся статистика, а статистика остановившаяся исторія» (фраза Зюсмильха). Но понимаемая въ смыслѣ статистики—соціологія, какъ я полагаю, едва ли въ состояніи дать намъ какое либо опредѣленное представленіе о прогрессѣ. Писатели, какъ Тардъ, поэтому, какъ мнѣ кажется, совершенно логично, во-первыхъ, не признаютъ прогресса непремѣннымъ условіемъ жизни обществъ, а, во-вторыхъ, отрицаютъ необходимость того, чтобы различныя русла, по которымъ протекаетъ жизнь отдѣльныхъ народовъ, направили свое теченіе въ одномъ и томъ же смыслѣ. Конечно, самый процессъ накопленія открытій и ихъ усвоеніе обществомъ, благодаря подражаніямъ, уже говоритъ въ пользу поступательнаго движенія, но въ

*) Въ сборникѣ Тарда, озаглавленномъ «Psychologie Collective», мы встрѣчаемъ слѣдующее признаніе: Ceux qui comme l'auteur de cet article entendent par la sociologie la psychologie collective tout simplement (стр. 1) etc.

какомъ направленіи послѣдуетъ это движеніе, и какова конечная его цѣль, на это можно отвѣтить, пишетъ Тардъ, только такими общими положеніями, какъ все большее и бо́льшее господство человѣка надъ природой, все большая и большая утилизація ея силъ взамѣнъ силъ человѣческихъ. Мы въ правѣ также признать вытекающими отсюда послѣдствіями, напримѣръ, численное увеличеніе класса лицъ, располагающихъ досугомъ и, слѣдовательно, способныхъ посвятить свои силы другимъ задачамъ, помимо простого обезпеченія личнаго существованія и продолженія породы. Дальше такихъ общихъ заключеній едва ли можно прити, сосредоточивая всю работу соціолога на одной классификаціи явленій въ группы изобрѣтеній и подражаній.

Я полагаю, что психологическій методъ безсиленъ въ частности объяснить причину, по которой двѣ или нѣсколько гражданственностей, никогда не входившихъ между собой въ культурный обмѣнъ и не имѣющихъ общаго источника происхожденія, проходятъ одинаковыя стадіи развитія. Такой фактъ или прямо отрицается сторонниками психологической школы, или объясняется ими общностью человѣческой природы и вліяніемъ сходныхъ физическихъ условій *).

Тардъ и его послѣдователи, повидимому, рисуютъ себѣ поступательный ходъ гражданственности въ слѣдующемъ видѣ. Изъ элементовъ разнородныхъ, какими являются люди, составляющіе извѣстное общество, процессъ подражанія образуетъ постепенно однородную массу. Когда, такимъ образомъ, между людьми установилось не столько равенство, сколько однообразіе, подъ вліяніемъ индивидуальныхъ открытій и вызванныхъ ими потоковъ заимствованія происходитъ новая дифференціація, сопровождающаяся затѣмъ новымъ уравнительнымъ процессомъ, дѣлающимъ возможнымъ координацію отдѣльныхъ членовъ въ новую структуру, и т. д. до безконечности. Все это, разумѣется, выясняетъ намъ только въ самыхъ общихъ чертахъ процессъ взаимодѣйствія открытія и подражанія въ прогрессивномъ развитіи человѣчества. Не больше свѣта проливаетъ и рѣшительное уподобленіе подчиняющагося воздѣй-

*) Sous ces rapprochements et une infinité d'autres du même genre, n'est il pas plus vraisemblable d'apercevoir, d'une part, l'unité fondamentale de la nature humaine, l'identité de ses besoins organiques dont la satisfaction est le but de toute évolution sociale et l'identité de ses sens, de sa conformation cérébrale; d'autre part, l'uniformité de la nature extérieure qui offrant à des besoins presque pareils à peu près les mêmes ressources, et à des yeux presque pareils à peu près les mêmes spectacles, doit provoquer inévitablement partout des industries, des arts, des perceptions, des mythes, des théories assez semblables (Les lois de l'imitation, стр. 42).

ствію большинства собранію какихъ-то автоматовъ, не имѣющихъ собственныхъ мыслей. Раздѣлять чужія воззрѣнія и признавать ихъ своими — такова иллюзія, свойственная сомнамбуламъ, пишетъ Тардъ,—она не менѣе присуща и человѣку въ состояніи общежитія (à l'homme social. Les lois de l'imitation,—глава: Qu'est ce qu'une societé, стр. 85). Постоянное сопоставленіе людей, живущихъ въ обществѣ, съ дѣтьми, которыя сперва въ семьѣ, а затѣмъ въ школѣ получаютъ путемъ внушенія всю сумму мыслей, изъ которыхъ слагается ихъ психика, и переходящихъ затѣмъ въ зрѣлый возрастъ съ иллюзіей имѣть собственныя сужденія, едва ли даетъ ключъ къ пониманію того, какъ на разстояніи тысячъ верстъ и такого же нерѣдко числа лѣтъ въ обществахъ, постепенно становящихся достояніемъ исторіи, возникаютъ болѣе или менѣе сходныя структуры. Я знаю, что и на это у Тарда найдется отвѣтъ, а именно: ничѣмъ не подтверждаемое, но ничѣмъ, конечно, и не опровергаемое предположеніе, что въ періодъ доисторическій племена, населявшія шаръ земной, состояли между собою во временномъ, если не въ постоянномъ общеніи. Это сдѣлало возможнымъ, думаетъ онъ, тѣ потоки подражанія, благодаря которымъ открытіе въ одной какой либо мѣстности, положимъ, способа добывать огонь стало постепенно общимъ достояніемъ и вызвало у всѣхъ народовъ въ равной степени тѣ разнообразныя послѣдствія, какими оно чревато. Такъ какъ очевидно, что такая гипотеза не оправдывается, въ противность мнѣнію Тарда, простою ссылкой на позднѣйшія миграціи народовъ изъ средней Азіи въ Европу (ibid. стр. 53), то необходимо допустить, что во множествѣ разсѣянныхъ по всему міру центровъ совершались независимо другъ отъ друга одни и тѣ же открытія. Они вызывали собою каждый разъ потоки подражанія. За примѣрами ходить не далеко. Вспомнимъ хотя бы приписываемое китайцамъ съ давнихъ временъ изобрѣтеніе компаса, и вторичное введеніе его въ морской обиходъ Европою въ концѣ среднихъ вѣковъ, или не менѣе характерный случай русскаго крестьянина Кулибина, изобрѣтателя ранѣе его изобрѣтенныхъ часовъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что и такія общественныя привычки и учрежденія, какъ тотемизмъ, экзогамія или запрещеніе брака между членами одного и того же рода, символическое усыновленіе чужеродцевъ, замѣна кровной мести выкупами или похищенія женщинъ чужихъ родовъ ихъ отработкомъ или покупкой и т. п. могли быть открываемы нескончаемое число разъ разобщонными племенами. Они становились каждый разъ причиною ихъ большей устойчивости и большей способности къ дальнѣйшему развитію. Тардъ думаетъ, что эти соображенія ни мало не подкаши-

ваютъ основъ его доктрины. «Къ чему предполагать множество различныхъ очаговъ первоначальной лингвистической или миѳологической формаціи, пишетъ онъ. Вѣдь нѣтъ возможности отрицать того, что послѣ продолжительнаго соперничества и открытой борьбы между собою лучшая формація, самая плодотворная изъ сдѣланныхъ попытокъ, должна была одержать побѣду, поглотить или истребить всѣ прочія» (стр. 47). Но какое историческое обоснованіе можно дать гипотезѣ, берущейся объяснить сходство общественныхъ явленій на протяженіи цѣлаго свѣта лучеобразнымъ распространеніемъ подражанія изъ одного общаго всѣмъ фокуса?

Метода, состоящая въ классификаціи всѣхъ общественныхъ явленій въ двѣ группы открытій и подражаній, не останавливается ни передъ какими трудностями. Она не видитъ даже противорѣчія себѣ въ томъ фактѣ, что иниціаторомъ движенія иногда является не индивидъ, а толпа. Тардъ прямо допускаетъ возможность такой перемѣны ролей; гипнотизируемые сомнамбулы могутъ гипнотизировать другихъ въ свою очередь. Милліоны людей въ такомъ случаѣ производятъ коллективное внушеніе своимъ медіумамъ и ведутъ ихъ за собой (Les lois de l'imitation, стр. 94). Въ этомъ лежитъ, по мнѣнію Тарда, объясненіе революцій.

Но, взявшись все истолковать, теорія подражанія поставлена въ необходимость не разъ дѣлать совершенно произвольныя допущенія. Такъ на вопросъ, почему въ разныхъ мѣстностяхъ, помимо прямого воздѣйствія ихъ другъ на друга, возникли тѣ же общественныя структуры, Тардъ отвѣчаетъ указаніемъ на то, что въ каждомъ данномъ случаѣ произведенъ былъ циклъ открытій, самыхъ разнообразныхъ и несходныхъ. Но изъ этихъ открытій привились, въ силу подражательнаго процесса, только тѣ, которыя отвѣчали дѣйствительной нуждѣ, т. е. условіямъ физической среды и психическому уровню населенія (см. стр. 51).

Благодаря такому ряду не допускающихъ провѣрки гипотезъ, теорія взаимодѣйствія открытія и подражанія становится совершенно неуязвимой. Стоитъ только допустить, во-первыхъ, сходство людей съ автоматами или съ сомнамбулами, во вторыхъ, безпредѣльность ихъ общенія въ доисторическій періодъ, въ-третьихъ, возможность обратнаго гипнотическаго воздѣйствія толпы на медіума, и въ исторіи человѣчества не окажется ни одного необъясненнаго факта, если только считать объясненіемъ простое указаніе на иниціатора и на подражателей. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Вы хотите узнать происхожденіе кастъ. Этнографы и историки, толкующіе этотъ вопросъ, объясняютъ причину наслѣдственнаго расчлененія общества на горизонтальные пласты то завоеваніемъ туземнаго населенія пришлымъ

племенемъ, то наслѣдственнымъ раздѣленіемъ труда. Тардъ не нуждается въ такихъ соображеніяхъ. Ему достаточно указать на существованіе на первыхъ порахъ, какъ онъ выражается, одностороннягo подражанія. Не желая быть голословнымъ, я приведу цѣликомъ сказанное имъ о возникновеніи кастъ. «Отношеніе модели и копіи, учителя и ученика, апостола и неофита, прежде чѣмъ сдѣлаться взаимнымъ или альтернативнымъ, какимъ мы находимъ его въ нашемъ уравненномъ обществѣ, должно было носить на первыхъ порахъ характеръ односторонній и непереносный—отсюда касты» (стр. 86). И больше ни слова. Хотите найти причину временнаго успѣха Наполеоновской Имперіи, не ищите источника ему ни въ разложеніи системы сословной и абсолютной монархіи, въ той повсемѣстной гнилости учрежденій, благодаря которой, какъ говорилъ Бонапартъ пьемонтскому генералу Колли, въ каждой крѣпости сардинскаго короля французская армія находила союзниковъ; удовольствуйтесь простой справкой съ тѣмъ, какое вліяніе Рамзесъ, Александръ и Магометъ оказали каждый на душу своихъ народовъ, да еще съ той ролью, какую у первобытныхъ племенъ играетъ обоготворяемый герой-предокъ. «Франція повиновалась, говоритъ Тардъ, мановенію руки своего чародѣя-императора и творила чудеса» (стр. 89).

Но какія идеи стояли за этимъ императоромъ, въ какой мѣрѣ самъ онъ былъ глашатаемъ и проводникомъ въ общество начала гражданскаго равенства, объ этомъ авторъ не считаетъ нужнымъ сказать ни слова. Между тѣмъ только эта сторона и можетъ объяснить быстрое торжество Наполеона въ такой же мѣрѣ, въ какой роль носителя эллинской культуры и внутренняя расшатанность Персидской монархіи даютъ ключъ къ пониманію не менѣе быстрыхъ успѣховъ Александра Македонскаго. Оба факта при этомъ какъ нельзя лучше доказываютъ нѣчто, несогласное съ ученіемъ Тарда, и для чего, какъ мнѣ кажется, нельзя придумать болѣе подходящаго выраженія, какъ «единство исторіи». Какъ въ древности въ извѣстный моментъ своего развитія эллинская гражданственность опередила собою всѣ прочія, такъ въ наше время западно-европейская, а въ началѣ 19-го столѣтія въ частности французская. Какъ въ эпоху Александра Македонскаго эта высшая эллинская культура принудила восточныя имперіи подчиниться ея воздѣйствію и, усвоивъ ее, участвовать въ ея дальнѣйшемъ развитіи, такъ въ наше время западно-европейская культура черезъ посредство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и безчисленныхъ колоній на всѣхъ материкахъ принуждаетъ отсталыя народности войти въ общее русло прогрессирующаго человѣчества. Эта точка зрѣнія не претендуетъ на оригинальность. Она высказываема была еще Гёте по

отношенію къ наполеоновской гегемоніи и, встрѣчая противодѣйствіе во всѣхъ узко-національныхъ пристрастіяхъ, во всѣхъ мистическихъ представленіяхъ о томъ, что у каждаго народа должна быть своя особая наука и свои особые, ему лишь свойственные экономическіе и политическіе порядки, въ то же время кажется не требующимъ доказательства труизмомъ.

Единство исторіи, допущеніе факта поступательнаго движенія человѣчества и при отсталости тѣхъ или другихъ народовъ, такъ какъ послѣдніе рано или поздно принуждаются къ воспріятію высшей культуры, вотъ мысли, которыя рѣзко расходятся съ рѣшительнымъ скептицизмомъ Тарда насчетъ возможности установить общія стадіи человѣческаго прогресса. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, въ «Этюдахъ по соціальной психологіи», онъ даже сравниваетъ общія формулы подобнаго рода съ какими-то круговыми билетами, выдаваемыми желѣзнодорожными обществами. Я не вижу особой силы въ такомъ уподобленіи и не могу даже открыть ближайшаго повода къ нему. Вѣдь о круговращательномъ движеніи не заходитъ болѣе рѣчи со времени извѣстныхъ «ricorsi» Вико: если Контъ и его послѣдователи говорили и говорятъ о смѣнѣ теократической эры сперва метафизической, а затѣмъ эрою положительнаго знанія, то имъ, разумѣется, и въ голову не приходитъ возможность возвращенія когда бы то ни было къ отправнымъ пунктамъ развитія. Едва ли также провозвѣстники закона общественной дифференціаціи, со Спенсеромъ во главѣ, предвидятъ въ будущемъ поворотъ къ прежнему безразличію общественныхъ органовъ.

Въ отрицаніи единства исторіи, т. е. общности культурнаго развитія, и въ допущеніи безграничнаго дѣйствія подражанія лежитъ, какъ мнѣ кажется, источникъ всѣхъ особенностей разбираемой нами теоріи. Для насъ небезынтересно задаться вопросомъ о томъ, чѣмъ вызвана была въ ея провозвѣстникѣ Тардѣ эта, не скажу односторонность, а близорукость. Сложность общественныхъ явленій и зависимость поступательнаго хода соціологіи отъ успѣховъ конкретныхъ наукъ объясняетъ намъ причину, по которой любой изъ современныхъ дѣятелей въ этой области неизбѣжно ищетъ въ той или другой изъ этихъ частныхъ дисциплинъ указаній на методъ, какого должна придерживаться и абстрактная наука объ обществѣ. Многіе изъ современныхъ намъ соціологовъ орудуютъ по преимуществу или этнографическимъ матеріаломъ, или данными экономической исторіи. Въ отличіе отъ всѣхъ ихъ, Тардъ всего болѣе заинтересованъ недавними успѣхами, сдѣланными совокупностью тѣхъ научныхъ дисциплинъ, которыя въ остаткахъ матеріальной культуры и въ данныхъ языка думаютъ найти ключъ къ пониманію нашего доисто-

рическаго прошлаго. Его вниманіе привлекла также статистика, которою ему долгое время пришлось заниматься въ роли руководителя статистическихъ работъ при министерствѣ юстиціи. Такими личными пристрастіями, до нѣкоторой степени обусловленными избранной имъ спеціальностью, я только и могу объяснить, что въ главѣ, отведенной вопросу: «что такое исторія», Тардъ говоритъ намъ исключительно объ археологіи и статистикѣ, въ частности о пользѣ какую можетъ оказать для исторіи и соціологіи усвоеніе ими метода, присущаго названнымъ наукамъ. Говоря объ археологіи, Тардъ, повидимому, не прочь обнять этимъ именемъ всѣ науки, изучающія до-исторію съ помощью переживаній, будутъ ли этими переживаніями учрежденія, обычаи, повѣрья и т. д. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что его точка зрѣнія на археологическій методъ опредѣлилась всецѣло работами тѣхъ до-историковъ, которые ограничиваютъ свою задачу изученіемъ матеріальныхъ остатковъ исчезнувшихъ обществъ. По непонятной для меня странности, авторъ «Законовъ подражанія» считаетъ такихъ археологовъ работающими въ наиболѣе научныхъ условіяхъ, благодаря самой невозможности поставить себѣ извѣстныя задачи, какъ-то: опредѣлить время и народность тѣхъ могилъ, въ которыхъ найдены изучаемые ими предметы.

Если спросить самихъ археологовъ, то они едва ли признаютъ это преимуществомъ; въ противномъ случаѣ они не направляли бы своихъ усилій на рѣшеніе вышеуказанныхъ вопросовъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое превосходство признать за такимъ методомъ сравнительно съ методомъ историческимъ, при которомъ число неизвѣстныхъ доведено до минимума, и изслѣдователь имѣетъ дѣло съ рядомъ воздѣйствующихъ другъ на друга фактовъ и отношеній.

Только благодаря несовершенству своихъ пріемовъ могли нѣкоторые археологи, и то въ начальный періодъ развитія самой науки, строить гипотезу насчетъ широкаго общенія, якобы существовавшаго между доисторическими народностями. Оно допускалось на томъ слабомъ основаніи, что у длиннаго ряда племенъ, не входившихъ между собою въ культурный обмѣнъ, открыты были однохарактерныя орудія сперва изъ неполированнаго, затѣмъ изъ полированнаго камня. Тардъ, къ моему немалому изумленію, считаетъ такія догадки научными. Онъ не прочь видѣть въ нихъ подтвержденіе дорогой для него теоріи. «Археологи, пишетъ онъ, занимаются чистой соціологіей потому, что разрытые ими мертвецы остаются для нихъ тайной, и одни творенія этихъ мертвецовъ, продукты архаическихъ идей и потребностей, подлежатъ ихъ анализу. Они, согласно идеалу Рихарда Вагнера, слушаютъ музыку, не видя

оркестра. Я знаю, что это для нихъ тяжкое лишеніе, но время, уничтожившее трупы живописцевъ-писателей, надписи которыхъ они разбираютъ, фрески, торсы, вазы и палимпсесты которыхъ они истолковываютъ, оказало имъ существенную услугу; оно позволило имъ выдѣлить, что есть истинно-соціальнаго въ человѣческихъ фактахъ, и устранить все, что есть въ нихъ только жизненнаго... Для археологовъ исторія, упрощенная и преобразованная, вся сводится къ явленіямъ и развитію, къ соперничеству и конфликту оригинальныхъ идей, потребностей и открытій, которыя, такимъ образомъ, становятся для нихъ истинными агентами человѣческаго прогресса» («Les lois de l'imitation», стр. 113—114).

Итакъ, для Тарда имѣетъ особую цѣну археологическій методъ, позволяющій построить, какъ онъ справедливо замѣчаетъ, общественную палеонтологію. Наука эта во всякомъ случаѣ орудуетъ фактами, менѣе прочно установленными, чѣмъ «сравнительная исторія обществъ». Но для Тарда эти соображенія не имѣютъ силы. Данныя этнографіи, этнологіи, исторіи права и построенное на основаніи ихъ сравнительное изученіе древнихъ обществъ ни на минуту не останавливаютъ на себѣ его вниманія. Для него, очевидно, имѣютъ бо́льшее значеніе догадки археологовъ и миѳологовъ о доисторическомъ общеніи всѣхъ народовъ, якобы раскрываемомъ сходствомъ орудій каменнаго вѣка, а также существованіемъ странствующихъ сказаній, обошедшихъ собою весь міръ, но имѣвшихъ нѣкогда свою родину, гдѣ именно, все еще остается неизвѣстнымъ или по крайней мѣрѣ спорнымъ.

Къ счастью, въ средѣ миѳологовъ, какъ и въ средѣ сравнительныхъ историковъ народной словесности, рѣзче и рѣзче сказывается стремленіе найти, взамѣнъ одного, рядъ первичныхъ очаговъ и отправныхъ пунктовъ развитія миѳовъ и легендъ. Едва ли кто станетъ говорить въ наши дни, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Тейлоръ доказалъ чуть не повсемѣстное господство анимизма въ ранній періодъ жизни человѣческихъ обществъ, о томъ, что этотъ анимизмъ—продуктъ міроваго процесса подражанія. Едва ли также кому-либо придетъ въ голову объяснять заимствованіями, положимъ, изъ рыцарской поэзіи тѣ многочисленные намеки на феодальные порядки, какіе разсѣяны въ японскихъ сказкахъ, обнародованныхъ Митфордомъ. Я полагаю поэтому, что сравнительнымъ миѳологамъ и фолькъ-лористамъ необходимо признать, на ряду съ подражаніемъ, возможность не разъ повторяемаго открытія однихъ и тѣхъ же поэтическихъ обра́зовъ и сюжетовъ, другими словами, сходныхъ по существу сказаній. Ихъ странствія будутъ локализированы, и близость отдѣльныхъ цикловъ легендъ и миѳовъ другъ къ другу

найдетъ объясненіе себѣ въ общности физической и нравственной среды, по крайней мѣрѣ на низшихъ ступеняхъ культуры.

Не на одномъ, впрочемъ, археологическомъ методѣ выработалъ Тардъ свою точку зрѣнія на общество, какъ на «совокупность существъ, участвующихъ въ процессѣ подражанія» (une collection d'êtres en tant qu'ils sont en train de s'imiter entre eux, стр. 75 ibid.), или «унаслѣдовавшихъ тѣ черты, которыя у нихъ являются общими, благодаря копированію одного и того же стараго оригинала». Тому же, повидимому, научила его и статистика. Если, говоритъ онъ, исторія все болѣе и болѣе становится наукой, то она обязана этимъ прежде всего археологу, затѣмъ статистику. Какъ археологъ, такъ и статистикъ бросаютъ на человѣческіе факты абстрактный и безличный взглядъ. Они интересуются не индивидами, а ихъ созданіями, или, вѣрнѣе, поступками, въ которыхъ раскрываются нужды и идеи, имъ присущія (стр. 114). Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ занимается статистика, продолжаетъ Тардъ, какъ не подражательнымъ воспроизведеніемъ разъ сдѣланныхъ открытій (стр. 115). Увлекаясь статистическимъ методомъ и забывая о сложности соціальныхъ явленій, Тардъ утверждаетъ даже, что, съ помощью статистическихъ таблицъ, можно обнаружить обособленное дѣйствіе одной какой либо соціальной причины. (Vous prendrez sur le fait l'action d'une cause sociale déterminée (стр. 117 ibid.). Ничто, пишетъ онъ, такъ не поучительно, какъ хронологическія таблицы статистиковъ. Онѣ раскрываютъ передъ нами возрастаніе или паденіе той или другой потребности, а также того или другого вѣрованія или желанія. Вотъ почему статистическій методъ— методъ соціологическій по преимуществу. (Aussi est elle (la statistique) la méthode sociologique par excellence, стр. 118). Но только созданіе нравственной или, точнѣе, психологической статистики, отмѣчающей возрастаніе и убыль въ индивидахъ спеціальныхъ вѣрованій и желаній, способно открыть, по мнѣнію Тарда, дѣйствительный и глубокій источникъ того, что скрывается за цифрами, доставляемыми намъ обыкновенной статистикой (стр. 118). Впрочемъ, нашъ авторъ, повидимому, не вполнѣ увѣренъ въ возможности такой «психологической статистики», отсюда добавочное предложеніе: «если бы она была возможна». Тардъ обращаетъ также вниманіе на то, что весьма часто дѣйствія, выражаемыя одной и той же цифрой, имѣютъ различный удѣльный вѣсъ (bien souvent à nombre égal les actes chiffrés par la statistique expriment des poids très différents de ces choses (119). Намѣченная особенность не есть, однако, какъ думаетъ Тардъ, послѣдствіе несовершенства употребляемыхъ пріемовъ, а вытекаетъ изъ самой сложности соціальныхъ

явленій. При ней неудивительно, если одной цифрой выражается нерѣдко и сумма и разность многихъ воздѣйствующихъ другъ на друга фактовъ. Возьмемъ хотя бы такой примѣръ. Предположимъ, что статистическими данными установлено, какъ это и могло бы быть на самомъ дѣлѣ, что число пріѣзжающихъ зимою на французскую Ривьеру пало за послѣдніе два года. Очевидно, нужна большая наивность, чтобы приписать это паденіе, положимъ, мѣстному патріотизму, не позволяющему покинуть родину, или упадку вкуса къ морскимъ картинамъ природы, или сокращенію числа лицъ, нуждающихся зимой въ южномъ климатѣ, и т. п. При ближайшемъ анализѣ оказалось бы, что при толкованіи такого паденія необходимо принять во вниманіе и возрастающее и уменьшающееся число посѣтителей, положимъ, на итальянскомъ побережьѣ Средиземнаго моря, на адріатическомъ Австріи, на южномъ берегу Крыма, въ Египтѣ, Пиринеяхъ и т. д. Необходимо было бы еще имѣть въ виду происходившую недавно на африканскомъ материкѣ войну англичанъ съ бурами, или современный конфликтъ Россіи съ Японіей, американскую конкуренцію, экономическій кризисъ, переживаемый той или другой страною въ частности, и т. д. Можетъ ли поэтому статистическая дата служить выраженіемъ подъема или паденія опредѣленнаго вѣрованія и желанія? Можно ли слѣдовательно говорить о статистическомъ методѣ, какъ о наиболѣе совершенномъ изъ тѣхъ, которыми орудуютъ общественныя науки, и потому спеціально рекомендуемомъ соціологамъ?

Являясь сторонникомъ статистическаго метода, Тардъ въ то же время рѣшительно расходится съ той оцѣнкой, какую давалъ ему Кетле. Послѣдняго интересовало постоянство раскрываемыхъ съ помощью статистики соціальныхъ явленій—постоянство въ числѣ браковъ, рожденій и т. д. Тарда, наоборотъ, — ростъ или убыль извѣстныхъ вѣрованій и желаній. Онъ думаетъ, напр., что по числу продаваемыхъ книгопродавцами изданій легко составить себѣ опредѣленное представленіе объ умственномъ и нравственномъ ростѣ или, наоборотъ, убыли отдѣльныхъ націй. На первый взглядъ это кажется вѣроятнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи возникаетъ рядъ сомнѣній. Всѣ парижскіе книгопродавцы въ одно слово жаловались на слабое состояніе книжнаго рынка за годъ до выставки. Чѣмъ объяснить такой фактъ? Неужели паденіемъ научныхъ и художественныхъ интересовъ? Многіе изъ самихъ потерпѣвшихъ давали указанному факту другое толкованіе. Ссылаясь на одновременный ростъ цифры продаваемыхъ газетъ и на интересъ, возбужденный въ публикѣ знаменитымъ дѣломъ Дрейфуса, они дѣлали послѣдняго ближайшимъ виновникомъ своихъ

денежныхъ неудачъ. Ихъ объясненіе во всякомъ случаѣ не вызываетъ бо̀льшихъ сомнѣній, чѣмъ то, какое состояло бы въ утвержденіи, что въ европейскомъ обществѣ вдругъ почувствовалась умственная усталость и лѣнь. Очевидно, что и на этотъ разъ цифра разности между числомъ томовъ, проданныхъ на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ, выразила бы собою вліяніе не одной, а массы воздѣйствующихъ и противодѣйствующихъ причинъ, какъ-то: присутствія или отсутствія выдающихся литературныхъ дарованій и рядомъ съ этимъ успѣшности или неуспѣшности земледѣльческихъ, торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, наличности хорошаго или дурного урожая, увеличенія или уменьшенія числа заграничныхъ заказовъ и т. п., и т. п. Не безразличнымъ оказалось бы вліяніе и такихъ, напр., фактовъ, какъ существованіе обычая печатать романы, путешествія, критики и историческіе разсказы въ газетныхъ фельетонахъ, такъ какъ это обстоятельство необходимо понизило бы сумму продаваемыхъ книгъ. Мы предполагали пока, что книги покупаются только той страной, гдѣ онѣ производятся, но вѣдь дѣйствительность свидѣтельствуетъ о противномъ. Пришлось бы поэтому поставить всѣ и каждый изъ только что перечисленныхъ вопросовъ по отношенію къ любой изъ странъ, снабжаемыхъ интересующимъ насъ книжнымъ рынкомъ. Но такъ какъ на размѣръ свободнаго капитала всякой страны вліяютъ положительно всѣ явленія, изъ которыхъ слагается ея экономическая жизнь, да и не одна экономическая, то въ разсчетъ слѣдовало бы принять сотни и тысячи отношеній, начиная отъ постройки, положимъ, новаго желѣзно-дорожнаго пути и оканчивая страхомъ внутреннихъ потрясеній. Нѣтъ сомнѣнія, наконецъ, что и культурное значеніе страны, служащей книжнымъ рынкомъ, опредѣляется массою условій, не всегда зависящихъ отъ одной степени ея умственнаго и художественнаго развитія, но также отъ ея военныхъ успѣховъ, отъ ея роли въ колонизаціи и т. п.

Понятно послѣ этого, почему цифры, выражающія собою прибыль или убыль числа продаваемыхъ книгъ, служатъ указателемъ не однихъ вѣрованій и желаній даннаго общества, но всей суммы экономическихъ, политическихъ, умственныхъ, художественныхъ и религіозныхъ интересовъ, при томъ не того или другого народа въ частности, а всей совокупности культурныхъ націй. Но цифра, означающая собою такъ много, не способна дать никакого опредѣленнаго указанія. И намъ остается поэтому повторить лишній разъ, что статистическій пріемъ можетъ укрѣпить увѣренность или, наоборотъ, породить сомнѣніе въ правильности выводовъ, независимо отъ него установленныхъ, но что считать его наиболѣе совершеннымъ

изъ всѣхъ тѣхъ, какими орудуютъ конкретныя науки объ обществѣ, нѣтъ никакого основанія.

Познакомивъ читателей съ своимъ методомъ, Тардъ переходитъ къ формулированію самихъ «законовъ подражанія». Первымъ изъ нихъ онъ считаетъ тотъ, въ силу котораго «всякій потокъ заимствованія, вызванный счастливымъ открытіемъ, необходимо проходитъ три стадіи, во-первыхъ, медленнаго распространенія, благодаря затратѣ силъ на борьбу съ существующимъ, затѣмъ быстраго роста въ геометрической прогрессіи, наконецъ постепеннаго перехода къ нормѣ». Я очень сомнѣваюсь въ томъ, чтобы этотъ законъ доказывалъ что либо, кромѣ богатства фантазіи его автора. Будь я французомъ, я не нашелъ бы въ такомъ положеніи, въ противность Тарду, основанія отказаться отъ тѣхъ опасеній, какія справедливо вызываетъ слабый процентъ рождаемости, установленный для Франціи статистиками. Меня, впрочемъ, не особенно убѣждаетъ въ существованіи подобнаго закона и дѣлаемая Тардомъ ссылка на послѣдовавшій будто бы упадокъ въ энергіи «того подражательнаго потока, который подъ вліяніемъ французской революціи въ геометрической прогрессіи увлекалъ европейскія общества въ сторону гражданскаго равенства, а подъ вліяніемъ англійскаго парламентаризма въ сторону политической свободы» (стр. 140). Я не сталъ бы ждать спокойно того счастливаго момента, когда, въ силу того же «закона», русскіе, вмѣсто того, чтобы плодиться въ геометрической прогрессіи, удовольствовались бы размноженіемъ въ прогрессіи ариѳметической. И я по всей вѣроятности поставилъ бы себѣ тотъ самый вопросъ, какой по поводу уменьшенія числа рожденій во Франціи приходитъ на умъ не одному мыслителю, а именно вопросъ о начавшемся вырожденіи самой націи. Можно думать, что я утрирую мысль Тарда, а не воспроизвожу ее буквально на правахъ добросовѣстнаго репортера. Чтобы оправдаться, позволю себѣ нѣсколько выписокъ. «Идея или потребность, разъ пущенная въ ходъ, всегда вызываетъ подражаніе въ настоящей геометрической прогрессіи (129). Не только всякая общественная потребность, но и всякое новое вѣрованіе проходитъ при своемъ распространеніи три фазиса, прежде чѣмъ достигнуть своего конечнаго покоя (141). Медленный прогрессъ въ началѣ, прогрессъ быстрый и возрастающій въ серединѣ, наконецъ постепенная убыль до окончательной остановки, таковы три стадіи, проходимыя открытіями и изобрѣтеніями. Медленный подъемъ, быстрое восхожденіе, затѣмъ новое ослабленіе ската до момента достиженія прежняго уровня.

Признаніе этого закона, думаетъ Тардъ, позволило бы статистику избѣжать многихъ заблужденій, напримѣръ того. что насе-

ленность Россіи, Германіи, Соед. Штатовъ, Бразиліи будетъ прогрессировать въ будущемъ съ прежнимъ темпомъ. Этотъ законъ освободилъ бы насъ отъ того страха, съ какимъ мы подсчитываемъ сотни милліоновъ нѣмцевъ и русскихъ, съ которыми французамъ черезъ сто лѣтъ придется сражаться. Онъ далъ бы намъ основаніе усомниться также въ томъ, что потребность путешествовать по желѣзнымъ дорогамъ, писать письма, читать газеты и заниматься политикой будетъ расти во Франціи такъ же быстро въ будущемъ, какъ и въ прошломъ. Всѣ эти потребности падутъ, пророчитъ Тардъ, какъ пала потребность въ татуированіи, въ антропофагіи, въ жизни подъ палаткой. Всѣ эти потребности въ отдаленномъ прошломъ были столь же завоевательной модой, какой еще сравнительно недавно было отрѣшеніе отъ міра и замкнутая жизнь въ стѣнахъ монастырской обители (стр. 142—143). Все это конечно очень смѣло, талантливо и блестяще представлено, но во всемъ этомъ больше риторики, чѣмъ научной истины. Страсть къ антропофагіи очевидно прошла тамъ, гдѣ на смѣну человѣческаго явилось мясо дикихъ звѣрей или домашнихъ животныхъ, но чтобы страсть писать письма исчезла когда либо при расширеніи обмѣновъ и безъ замѣны практикой передавать мысли по телефону и телеграфу, въ этомъ позволено сомнѣваться. Выписанное мною мѣсто для Тарда крайне характерно. Оно можетъ служить иллюстраціей общей его методы. Полемизируя въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ книгъ съ Гиддингсомъ, Тардъ вѣрно замѣчаетъ, что есть писатели, отличающіеся маніей къ тройнымъ дѣленіямъ (такъ Гегель, Контъ и др.); догматъ троицы, думаетъ онъ, по всей вѣроятности вызвалъ такое пристрастіе (La psychologie sociale, стр. 288). Не знаю, насколько виновата въ этомъ Троица, но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что самъ Тардъ, имѣющій несомнѣнную склонность къ двойнымъ дѣленіямъ въ родѣ Спенсера (припомнимъ только его теорію открытія и подражанія), грѣшитъ также пристрастіемъ и къ тройнымъ. Съ каждымъ годомъ это пристрастіе растетъ у него все болѣе и болѣе. Въ 1897 году вдвинута Тардомъ между изобрѣтеніемъ и подражаніемъ средняя промежуточная стадія—«всемірнаго противуположенія», а съ переходомъ въ новое столѣтіе явилось у нашего автора желаніе построить и свою трехъ-стадную исторію человѣчества, въ которой первый періодъ представлялся бы, какъ онъ говоритъ, эпохой хаоса, случайныхъ открытій и начинающагося подражательнаго процесса, а послѣдній—неопредѣленнымъ будущимъ, въ которомъ и соціалистическія теоріи, пожалуй, найдутъ свое осуществленіе *). Даже не хочется вѣрить въ серьезность Тарда при

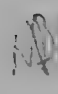
*) Psychologie économique. T. I, стр. 30 и 31, 46 и 47.

установленіи этихъ періодовъ. Въ самомъ дѣлѣ между до-исторіей и туманнымъ будущимъ что поставить, какъ не исторію. Тардъ пріобрѣлъ такимъ образомъ возможность отнесть въ отдаленнѣйшее прошлое самое происхожденіе утверждаемаго имъ процесса вселенскаго подражанія и въ столь же неопредѣленное будущее реализацію всѣхъ системъ перестройки общества на началахъ, которымъ онъ очевидно сочувствуетъ только въ теоріи, не вѣря ихъ торжеству на практикѣ.

§ 2.

Можно было бы думать, что, поставивъ во главѣ всѣхъ другихъ методовъ методъ статистическій и признавши его соціологическимъ по преимуществу, Тардъ въ ближайшихъ главахъ своей книги о законѣ подражанія сдѣлаетъ попытку примѣнить его къ разсматриваемымъ имъ вопросамъ. На самомъ дѣлѣ, онъ орудуетъ совершенно другимъ пріемомъ, исконнымъ методомъ всѣхъ соціологовъ, методомъ сравнительнымъ. Я, разумѣется, ни мало не призванъ поставить ему въ вину такую практику, но спѣшу отмѣтить эту рѣзкую и въ данномъ случаѣ счастливую непослѣдовательность. Сравнительный методъ Тарда, впрочемъ, ближе къ методу сопоставительному, чѣмъ къ историко-сравнительному, преимущества котораго мнѣ едва ли нужно доказывать снова, такъ какъ я не разъ уже возвращался къ этому вопросу *).

Тардъ прогуливается по всей исторіи человѣчества, перескакивая непосредственно отъ Египта и Греціи къ современной Франціи и къ Соедин. Штатамъ. Онъ также весьма склоненъ заключать отъ послѣдующаго къ предыдущему, напримѣръ, отъ порядковъ, какими произошло объединеніе провинціальныхъ кутюмовъ во Франціи XVI в., къ возникновенію въ отдаленной древности мѣстныхъ обычаевъ изъ семейныхъ. Вообще его фантазія не останавливается передъ недоступной стѣной, отдѣляющей насъ отъ эпохи происхожденія древнѣйшаго языка, древнѣйшей религіи, древнѣйшей власти и древнѣйшаго права. Вмѣсто научнаго ignoramus, онъ смѣло пишетъ: древнѣйшій языкъ былъ языкомъ семьи, или всѣ религіи были на первыхъ порахъ религіями семейными, или древнѣйшая власть была власть семейнаго старѣйшины, или еще древнѣйшимъ обычаемъ былъ семейный обычай. Всѣ эти допущенія необходимы для его теоріи; безъ нихъ она лишается своего историческаго фунда-



*) Смотри мой «Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права». Москва 1880 г., мою статью о томъ же предметѣ въ сборникѣ юридич. свѣдѣній, изданномъ Гамборовымъ, и докладъ, сдѣланный на конгрессѣ сравнительнаго законовѣдѣнія въ Парижѣ въ 1900 г.

мента. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы обратить весь процессъ развитія въ потокъ подражанія, необходимо допустить, что открытіе произошло однажды въ тѣсно ограниченной средѣ и затѣмъ разлилось по всему свѣту. Надо отдать справедливость автору, что при защитѣ своего положенія онъ обнаруживаетъ при этомъ рѣдкую проницательность, рѣдкій критическій смыслъ, рѣдкую способность наложить руку какъ разъ на слабую сторону тѣхъ теорій, которыя ему приходится разрушить, чтобы построить свою собственную. Для примѣра укажу хотя бы на слѣдующее. Уже Гёте приходила въ голову мысль, что всѣ романскіе языки произошли отъ порчи латинскаго. Если эта порча повела въ разныхъ мѣстностяхъ къ формаціи однокоренныхъ, но не сходныхъ словъ, то этотъ фактъ объясняютъ разобщенностью народовъ, занявшихъ отдѣльныя провинціи Римской Имперіи, ихъ отрѣзанностью другъ отъ друга въ тотъ длинный періодъ нашествій и нескончаемыхъ усобицъ, въ теченіе которыхъ возникли романскіе языки—испанскій, итальянскій, французскій и т. д. Господствующая теорія такимъ образомъ далека отъ признанія за подражаніемъ въ процессѣ образованія языковъ той творческой роли, которая присуща ему по Тарду. И вотъ, чтобы сломить это препятствіе къ принятію его доктрины, Тардъ совершенно основательно указываетъ на то, что ходячее ученіе неспособно объяснить, почему повсемѣстно въ романскихъ языкахъ членъ возникаетъ изъ мѣстоименія ille, почему прошедшее неопредѣленное во всѣхъ романскихъ языкахъ составилось изъ глагола имѣть съ присоединеніемъ причастія, почему во всѣхъ этихъ языкахъ слово mens избрано было суффиксомъ при созданіи нарѣчія (chèrement, cara-mente). Очевидно, прибавляетъ авторъ, что каждая изъ этихъ остроумныхъ мыслей родилась въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, и что отсюда она радіусами разошлась во всѣ концы (Les lois de l'imitation, стр. 285).

При всѣхъ несовершенствахъ методологическихъ пріемовъ Тарда, которымъ недостаетъ той историко-сравнительной провѣрки, къ какой пріучили насъ лингвисты, миѳологи и новѣйшіе историки нравственности, права и экономики, эти пріемы по существу остаются научными. Они общи ему съ Спенсеромъ и всѣми тѣми, кто пошелъ по слѣдамъ великаго англійскаго мыслителя. Въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Тардъ подчасъ такъ близко слѣдуетъ за Спенсеромъ, что есть поводъ говорить о подражаніи его методу автора «Системы Соціологіи». Такъ, въ книгѣ «Объ общественномъ мнѣніи и толпѣ» Тардъ старается провести тотъ взглядъ, что доселѣ удержавшійся обычай взаимныхъ визитовъ не болѣе, какъ переживаніе того, въ силу котораго вассалы приносили сюзе-

рену въ опредѣленные дни подарки курицами, яйцами и т. д. Къ сожалѣнію, противъ такого объясненія говоритъ, во-первыхъ, то, что отъ стариннаго обычая уцѣлѣла только одна его половина, а во-вторыхъ то, что изъ односторонняго онъ сдѣлался двухстороннимъ. Но, увлекаемый своей фантазіей, Тардъ пренебрегаетъ этими деталями. Онъ съ увѣренностью говоритъ о такой трансформаціи и о такомъ переживаніи, какъ объ одномъ изъ доказательствъ значенія, какое бесѣда и свѣтскія отношенія играли въ выработкѣ общественнаго мнѣнія.

Съ помощью сопоставительнаго метода, одинаково далекаго и отъ историческихъ параллелей, дѣлаемыхъ культуръ-историками, и отъ подсчета статистиковъ, Тардъ пытается обосновать цѣлый рядъ весьма интересныхъ обобщеній, называемыхъ имъ «законами подражанія». Нѣкоторыя изъ его мыслей настолько очевидны, что проникли въ общественное сознаніе гораздо ранѣе его трудовъ. Положимъ, хотя бы то наблюденіе, что низшіе подражаютъ высшимъ и младшіе—старшимъ. Заслуга Тарда состоитъ въ томъ, что онъ свелъ эти наблюденія въ систему, подкрѣпилъ ихъ нѣкоторыми примѣрами, указалъ возможность исключеній и объяснилъ источникъ послѣднихъ. Такимъ образомъ въ главахъ, отведенныхъ имъ разсмотрѣнію какъ логическихъ, такъ и нелогическихъ подражаній, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе доказанныхъ положеній касательно того, какъ совершается тотъ подражательный процессъ, которому общество обязано и своей теперешней структурой, и начинающейся трансформаціей послѣдней. Авторъ различаетъ прежде всего причины физическія и причины соціальнаго порядка. Потокъ подражанія зарождается при участіи тѣхъ и другихъ, но Тардъ сознательно оставляетъ безъ освѣщенія первыя и занимается только послѣдними. Онъ раздѣляетъ ихъ на двѣ группы—логическихъ и нелогическихъ. Первыя имѣютъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда люди начинаютъ подражать извѣстному новшеству, такъ какъ оно признается ими болѣе полезнымъ и вѣрнымъ, чѣмъ доселѣ державшаяся практика. Вторыя не требуютъ такого условія. Обыкновенно оба порядка причинъ встрѣчаются одновременно, и преимущество не всегда остается на сторонѣ логическихъ. Заимствуется всегда идея или хотѣніе, порождаемыя вѣрованіями и желаніями (стр. 159, 163). Заимствованіе происходитъ или такимъ образомъ, что новое вытѣсняетъ старое, или такъ, что оно только присоединяется къ старому. Отсюда возникновеніе какъ «логическихъ поединковъ, такъ и логическихъ союзовъ» (термины, придуманные самимъ авторомъ, стр. 167). Тардъ разсматриваетъ отдѣльно тѣ и другіе. Исторія обществъ съ

психологической точки зрѣнія и изучаемая не въ ея общемъ, а въ частностяхъ, говоритъ онъ, представляется не болѣе, какъ цѣпью логическихъ поединковъ и логическихъ союзовъ. Въ этомъ можно убѣдиться и на исторіи языка, въ которомъ не сразу приняты были тѣ или другія окончанія, или дано предпочтеніе тому или другому слову для выраженія того или другого понятія. Авторъ ссылается при этомъ на примѣръ романскихъ языковъ, изъ которыхъ итальянскій принялъ для множественнаго числа окончаніе i, а испанскій—s. Тѣ же логическія дуэли несомнѣнно предшествовали въ глазахъ Тарда выбору между различными породами допускающихъ прирученіе животныхъ, или еще переходу отъ одного способа передвиженія къ другому. Мысль эта, впрочемъ, настолько очевидна, что едва ли стоитъ на ней настаивать. Такъ же несомнѣнно и то, что люди даютъ предпочтеніе при такой логической дуэли тѣмъ мыслямъ, которыя всего болѣе отвѣчаютъ ихъ желаніямъ, ихъ надеждамъ, или болѣе успокоиваютъ ихъ опасенія. Принятіе одной мысли весьма часто равнозначительно отрицанію другой, даже тогда, когда обѣ отвѣчаютъ двумъ разнымъ потребностямъ. Тардъ приводитъ примѣръ открытія пороха, распространеніе котораго сдѣлало безполезнымъ укрѣпленные замки и тяжслые воинскіе доспѣхи. Весь этотъ анализъ представляетъ, можетъ быть, извѣстный интересъ для психолога, но онъ едва ли много привноситъ съ собою новаго въ область соціологіи. Болѣе интересно то, что Тардъ говоритъ о переходѣ индивидуальнаго, какъ онъ выражается, поединка—тезъ и антитезъ, въ соціальный. Послѣдній, говоритъ онъ, начинается только по окончаніи перваго. Всякому акту подражанія предшествуютъ колебанія насчетъ выбора въ умѣ индивида. Подражаніе начинается только тогда, когда человѣкъ принялъ извѣстное рѣшеніе. Разъ индивидуальныя сомнѣнія исчезли, еще не значитъ, что съ ними сдѣлались невозможными колебанія со стороны общества; наоборотъ, общественная нерѣшительность тутъ только и начинается. Все, что въ настоящее время пользуется признаніемъ, вошло въ нравы и вѣрованія, было нѣкогда предметомъ жаркихъ преній. Любое правило грамматики, любая статья кодекса, любой конституціонный принципъ являются продуктомъ мирнаго соглашенія, кладущаго конецъ жаркимъ полемикамъ. Соціальный поединокъ, пишетъ Тардъ, разрѣшается троякимъ порядкомъ. Первый лежитъ въ устраненіи одного изъ противниковъ. Оно достигается не чѣмъ инымъ, какъ успѣхами другого. Такъ, едва финикійское письмо стало распространяться въ широкихъ сферахъ, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ началась замѣна имъ клинообразнаго. Такимъ же образомъ фотогеновой лампѣ стоило

только сдѣлаться извѣстной, чтобы вывести изъ употребленія масляную лампаду. Но наступаетъ моментъ, когда успѣхи наиболѣе счастливаго соперника останавливаются передъ увеличившейся трудностью сразить врага; тогда, и въ этомъ надо видѣть второй исходъ логической дуэли, вмѣшательство авторитетнаго посредника рѣшаетъ побѣду въ томъ или другомъ смыслѣ. Такъ выборъ Константина рѣшилъ въ пользу христіанства соперничество боровшихся въ имперіи религій. Наконецъ, третій исходъ,—это примиреніе противниковъ, или вѣжливое устраненіе одного изъ нихъ, благодаря появленію на свѣтъ новаго открытія или новаго изобрѣтенія. Такъ открытіе Гарвэ системы кровеобращенія положило конецъ долгимъ спорамъ анатомовъ 16-го столѣтія, а астрономическія открытія, вызванныя телескопомъ, рѣшили въ пользу пиѳагоровой гипотезы и вопреки послѣдователямъ Аристотеля вопросъ о вращеніи земли вокругъ солнца. И всегда успокоеніе умовъ наступало какъ бы чудомъ съ момента, когда новое открытіе дѣлало празднымъ логическое столкновеніе боровшихся ранѣе точекъ зрѣнія. Такъ хроническій антагонизмъ желаній и интересовъ въ отношеніяхъ, существовавшихъ между хозяевами и рабами, уступилъ мѣсто соглашенію между ними только съ момента и по мѣрѣ того, какъ новыя открытія сдѣлали возможнымъ утилизацію силъ природы: вѣтра, воды, пара—къ равной выгодѣ обѣихъ сторонъ.

Логическая дуэль является скорѣе исключеніемъ, нежели общимъ правиломъ. Процессъ развитія совершается не столько въ формѣ замѣны однѣхъ идей другими, сколько присоединеніемъ новыхъ идей къ старымъ. Языки составились путемъ пріобщенія къ старымъ новыхъ словъ, новыхъ формъ глагола, выражавшихъ не передаваемые ранѣе оттѣнки мысли. При своемъ появленіи на свѣтъ они не встрѣтили отпора со стороны прежнихъ словъ и формъ глагола. То-же можно сказать о постепенномъ накопленіи миѳовъ и легендъ, изъ которыхъ сложились вѣрованія или обряды, отвѣчавшіе на новые запросы жизни, регулировавшіе отношенія, еще не подчинявшіяся никакому правилу. Тардъ предлагаетъ различать двоякаго рода накопленіе идей, смотря по тому, предшествуетъ ли оно или слѣдуетъ во времени за логическимъ поединкомъ. Въ первомъ случаѣ достаточно, чтобы накопляемыя идеи не противорѣчили другъ другу, во второмъ необходимо, чтобы онѣ служили подтвержденіемъ одна другой. Онъ проводитъ также извѣстную грань между открытіями, которыя могутъ накопляться безпредѣльно, и такими, которыя не допускаютъ такого безостановочнаго численнаго роста. Такъ въ религіяхъ, которыя заключаютъ въ себѣ двѣ части: повѣствовательную, или легендарную, и догматически-обрядовую, первая до-

пускаетъ безграничное накопленіе, тогда какъ вторая необходимо ограничена въ своей сферѣ въ виду того, что новые догматы не могутъ быть введены безъ того, чтобы не вступить въ коллизію съ прежними, разъ эти прежніе получили обрядовое выраженіе. Невозможно поэтому неограниченное удлиненіе символа вѣры, но ничто не препятствуетъ безграничному обогащенію агіографіи и церковной исторіи *).

Въ главѣ о нелогическихъ воздѣйствіяхъ Тардъ старается обосновать ту мысль, что подражаніе всегда идетъ отъ внутренняго къ внѣшнему и отъ низшаго къ высшему, отъ низшихъ классовъ къ высшимъ, отъ провинцій къ столицамъ. Нашъ авторъ довольно подробно останавливается на доказательствѣ этого положенія. Онъ показываетъ, напримѣръ, что обряды заимствуются послѣ догматовъ, процессуальные порядки послѣ юридическихъ принциповъ и говоръ народа послѣ выражаемыхъ на немъ мыслей. Какъ я сказалъ уже, методъ Тарда исключаетъ необходимость историко-сравнительной провѣрки. Немудрено поэтому, если противъ его положенія можно привесть рядъ фактовъ, столь же убѣдительныхъ, какъ и тѣ, какіе выставляются имъ въ его пользу. Кому неизвѣстно, напримѣръ, что въ Россіи въ эпоху Петра европейскія заимствованія начались съ бритья бороды и устройства ассамблей, да еще съ ношенія нѣмецкаго платья, т. е. съ чисто внѣшнихъ формъ быта, къ которымъ чуть не вѣкъ спустя присоединились и нѣкоторыя руководящія идеи европейской гражданственности. Столь же несомнѣненъ фактъ измѣненія религіозной реформой Генриха VIII и Елизаветы скорѣе внѣшней стороны католицизма, нежели внутренней. Опять таки проходитъ около столѣтія, прежде чѣмъ въ лицѣ нонконфор-

---

*) Я не буду останавливаться на подробной передачѣ тѣхъ довольно отрывочныхъ замѣчаній, какими Тардъ ограничился въ этой главѣ, такъ какъ логическимъ законамъ подражанія имъ отведена позднѣе въ 1895 г. обширная глава въ монографіи, озаглавленной: «Соціальной логикой». При ея разборѣ легче будетъ изложить въ систематическомъ порядкѣ ту часть ученія Тарда, которой въ «Законахъ подражанія» отведено, на нашъ взглядъ, черезчуръ скромное мѣсто. Укажу тѣмъ не менѣе мимоходомъ на нѣсколько любопытныхъ замѣчаній, напримѣръ, на встрѣчающееся на стр. 209 предложеніе замѣнить терминъ «теорія всемірной эволюціи», въ виду важности, какую въ этой эволюціи играетъ подражаніе, терминомъ «теорія всемірнаго воспріятія». Понятіе эволюціи не допускаетъ совершеннаго устраненія однихъ порядковъ другими, тогда какъ при воспріятіи—«insertion», мыслимъ случай, когда новое открытіе и созданный имъ потокъ подражанія отнесутъ въ область прошедшаго прежде усвоенныя открытія. Не менѣе оригинально, хотя едва ли заслуживаетъ равнаго вниманія, слѣдующее произвольное допущеніе, что для сохраненія общественнаго мира и согласія всегда необходима будетъ извѣстная сумма лжи и заблужденія, обмана и самопожертвованія (стр. 211).

мистовъ, пресвитеріанъ, браунистовъ и баровистовъ, баптистовъ и другихъ передовыхъ сектъ протестантизма англійская религіозная мысль окончательно разрываетъ связь съ догматами католической церкви. Только поверхностному наблюдателю придетъ на умъ считать принципы англійскаго парламентаризма вполнѣ усвоенными европейскимъ континентомъ уже съ начала XIX столѣтія; вѣдь усваивали охотно одинъ его внѣшній обликъ—систему представительства, верхнюю и нижнюю палату и т. д., отнюдь однако не его сущность. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, что основу англійскаго парламентаризма составляетъ принципъ самоуправленія общества, самоуправленія, столько же мѣстнаго, сколько общаго, тогда какъ въ большинствѣ такъ называемыхъ конституціонныхъ монархій и республикъ все еще держится административная централизація и бюрократическая система. Къ тому же много ли общаго между аристократическими палатами континента и палатою лордовъ, въ которой засѣдаютъ, наравнѣ съ архіепископами и епископами, только старшіе представители историческихъ династій, прочіе члены которыхъ входятъ въ составъ комонеровъ, или простыхъ гражданъ?

Если бы кто пожелалъ доказать какъ разъ обратное тому, что утверждаетъ Тардъ, то ему всего легче было бы сдѣлать это на почвѣ изученія исторіи религій. Что такое въ самомъ дѣлѣ римскій синкретизмъ,—это перенесеніе въ Пантеонъ Вѣчнаго Города боговъ всего міра, какъ не доказательство тому, что въ дѣлѣ распространенія религіозныхъ вѣрованій обрядовая сторона далеко не является предметомъ позднѣйшаго усвоенія. Исторія распространенія христіанства въ Россіи, начиная съ Владимірскихъ пословъ, которые отдаютъ предпочтеніе православію въ виду благолѣпія его культа, и оканчивая современными инородческими племенами, усвоившими почти исключительно одну обрядовую сторону христіанства, также не говоритъ въ пользу того положенія, что заимствованіе идей является первымъ по времени.

Мы могли бы привесть не мало данныхъ въ доказательство того, что порядокъ, въ которомъ совершаются заимствованія, крайне измѣнчивъ и едва ли можетъ улечься въ тѣ тѣсныя рамки, какія ставитъ ему Тардъ. Если бы заимствованіе всегда начиналось съ переноса принциповъ извѣстныхъ учрежденій, а не ихъ внѣшнихъ формъ, то едва ли бы англійскій феодализмъ, будто насажденный въ странѣ Вильгельмомъ Завоевателемъ, примирился съ тою политической централизаціей, какая проведена была первыми норманскими правителями острова. Если бы высшіе классы всегда служили образцомъ для низшихъ, то право первородства по всей

вѣроятности, перешло-бы во всѣ гражданскіе своды, регулирующіе порядокъ наслѣдованія простыхъ гражданъ. Намъ извѣстно, однако, что произошло нѣчто совершенно обратное, и что въ самой Англіи образцомъ, по которому сложилась система наслѣдованія большинства гражданъ, послужилъ обычай не столицы даже, а небольшого графства — Кента, сохранившаго исконное начало равнаго раздѣла. Вообще выставленныя Тардомъ соображенія еще нуждаются въ исторической провѣркѣ. Въ ихъ пользу можно привесть пока только то общее положеніе, что, такъ какъ соціальныя отношенія по своему источнику — отношенія междоумственныя, то подражаніе должно необходимо принять форму заимствованія ранѣе всего общихъ идей и представленій. Но, утверждая это, Тардъ только даетъ признаніе той основной мысли Конта, по которой умственное развитіе идетъ впереди другихъ и опредѣляетъ собою самый ихъ ходъ.

Въ этомъ основномъ положеніи лежитъ на нашъ взглядъ дѣйствительный источникъ и другого отмѣченнаго Тардомъ явленія, за которымъ легче признать характеръ закономѣрности, чѣмъ за вышеприведенными обобщеніями. Я разумѣю утверждаемую имъ безповоротность развитія. Тардъ весьма озабоченъ установленіемъ извѣстныхъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ только и выступаетъ эта безповоротность. Онъ высказываетъ съ этою цѣлью рядъ соображеній, желая доказать, что въ законахъ, управляющихъ подражаніемъ, лежитъ причина, по которой невозможенъ будто бы обратный ходъ, скажемъ наприм., «отъ свободы торговли къ монополіи» и отъ взаимности услугъ къ рабству (стр. 413). Не говоря уже о томъ, что современная Европа представляетъ намъ образцы противнаго, т. е. возвращенія къ протекціонизму, или монополіи, причина, по которой мы не являемся свидѣтелями такого попятнаго движенія по отношенію къ рабству, лежитъ, разумѣется, не въ чемъ иномъ, какъ въ данной намъ наукой возможности утилизировать силы природы для цѣлей техническихъ.

Но во всемъ этомъ можно видѣть только подтвержденіе открытаго Контомъ закона безповоротности умственнаго развитія. Въ одномъ мѣстѣ своей книги самъ Тардъ какъ будто приближается къ Контовой точкѣ зрѣнія на дѣйствительный источникъ указанной имъ безповоротности. Изобрѣтенія и открытія, говоритъ онъ, служащія матеріаломъ для подражанія, слѣдуютъ другъ за другомъ не въ случайномъ порядкѣ. Разумная связь соединяетъ ихъ между собою, связь, указанная Контомъ въ его попыткѣ опредѣлить порядокъ преемства наукъ и еще тверже установленная Курно въ сочиненіи, озаглавленномъ «Сцѣпленіе основныхъ идей» (стр. 414). Какъ жаль, что нашъ

авторъ не остановился окончательно на этой точкѣ зрѣнія, какъ жаль, что онъ запуталъ вопросъ о порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ другъ за другомъ личныя открытія и общественныя подражанія, порядкѣ, вполнѣ зависящемъ отъ прогресса знаній, цѣлымъ рядомъ придуманныхъ имъ самимъ частныхъ законовъ. Вѣдь съ точки зрѣнія Конта легко понять, почему содержаніе извѣстныхъ открытій заимствуется ранѣе ихъ формы. Очевидно потому, что идейное движеніе опережаетъ всѣ другія. Тѣ противорѣчія, какія необходимо возникаютъ въ умѣ при исторической провѣркѣ положенія Тарда, что подражаніе всегда идетъ отъ внутренняго къ внѣшнему, падаютъ сами собой, разъ мы станемъ держаться руководящей нити, протянутой намъ авторомъ «Положительной философіи». Генрихъ VIII, упраздняющій монастыри, супрематство папы и безбрачіе духовенства, при сохраненіи догматовъ католической вѣры, какъ и Петръ I, вводящій въ Россіи реформу арміи и флота по иностранному образцу, бюрократическую систему и административную централизацію, опять таки съ чужого образца, и рядомъ съ этимъ европейское бритье бороды и европейскія ассамблеи, являются оба только позднѣйшими выразителями и продолжателями идейнаго движенія, начавшагося задолго до нихъ. Это движеніе въ Англіи сказалось въ поворотѣ отъ церковнаго господства къ свѣтскому и отъ владычества Преданія къ владычеству Откровенія или Писанія. Въ Россіи же весь смыслъ и все его содержаніе дается сознаніемъ, что, призванное вступить въ систему европейскихъ государствъ, наше отечество не можетъ оставаться азіатски-замкнутымъ въ себѣ обществомъ, но должно усвоить себѣ тѣ же основы гражданскаго и военнаго быта, на которыхъ опирается сила и мощь его близкихъ и отдаленныхъ сосѣдей. Это сознаніе было присуще даже Ивану Грозному и Борису Годунову, а впослѣдствіи совѣтникамъ Алексѣя Михаиловича. Реформа Петра не является поэтому чѣмъ-то оторваннымъ отъ всего предшествующаго развитія, а только дальнѣйшимъ звеномъ въ общей цѣпи. Съ той же точки зрѣнія не покажется удивительнымъ, почему Вильгельмъ Завоеватель сохранилъ или ввелъ въ Англіи только внѣшнія стороны феодальной системы, такъ какъ онъ озабоченъ былъ въ дѣйствительности лишь завершеніемъ дѣла своихъ предшественниковъ въ Нормандіи, дѣла, общаго имъ съ первыми Капетингами во Франціи и всѣми тѣми феодальными сеньерами, которые изъ своего частнаго лена желали сдѣлать зерно народнаго государства.

Вмѣсто того, чтобы ограничиться повтореніемъ такъ ясно формулированнаго Контомъ положенія, Тардъ старается объяснить всѣ

явленія, связанныя съ поступательнымъ движеніемъ общества, опять таки мнимымъ закономъ замѣны періода господства обычая періодомъ господства моды и позднѣйшимъ переходомъ самой моды въ обычай. Авторъ Законовъ Подражанія тратитъ не мало усилій на раскрытіе, одинаково, и въ развитіи языка и религіи, и въ преемствѣ политическихъ учрежденій, законовъ, обрядовъ и экономическихъ порядковъ, нравовъ и искусствъ подтвержденія построенной имъ гипотезы. Троичность и на этотъ разъ беретъ въ его умѣ перевѣсъ надъ пристрастіемъ къ парнымъ классификаціямъ. Примѣръ Гегеля очевидно оказался для него столь же заразительнымъ, какъ и для большинства прежнихъ послѣдователей нѣмецкаго мыслителя. Такъ какъ факты не легко укладывались въ напередъ составленную для нихъ схему, то пришлось ограничить періодъ господства моды ближайшими къ намъ столѣтіями и отнести обратный переходъ моды въ обычай въ неизвѣстное будущее. Чтобы познакомиться съ аргументаціей автора, остановимся на томъ, что онъ говоритъ о смѣнѣ обычая модой въ сферѣ религій. Развивая свою главную мысль, онъ попутно высказываетъ рядъ побочныхъ и строитъ гипотезы, нерѣдко весьма удачно рѣшающія многіе спорные вопросы въ древнѣйшей исторіи вѣрованій. Къ числу ихъ я отношу, напримѣръ, мысль о томъ, что въ обоготвореніи силъ природы раннія религіи скорѣе придерживаются зооморфизма, нежели антропоморфизма. Интересно также то положеніе, по которому тотемизмъ разсматривается не какъ источникъ, а какъ послѣдствіе такого зооморфизма. Но, отвлекая наше вниманіе отъ этихъ частностей и ставя себѣ вопросъ, чѣмъ авторъ подтвердилъ свою основную теорію въ примѣненіи къ исторіи религій, мы затрудняемся видѣть доказательство замѣны обычая модой въ томъ преобладающемъ вліяніи, какое въ народныхъ вѣрованіяхъ стали играть въ извѣстный моментъ развитія «хищные звѣри, ядовитыя змѣи и прирученныя животныя» (стр. 297). Я потому особенно настаиваю, пишетъ Тардъ, на этой сторонѣ народныхъ миѳологій, что она раскрываетъ передъ нами со временъ отдаленнѣйшей древности вліяніе моды, а не одного подражанія низшими высшимъ. Очевидно авторъ имѣетъ въ виду хорошо извѣстный миѳологамъ фактъ восполненія домашняго культа—культомъ силъ природы и особенно вредныхъ и полезныхъ животныхъ и растеній. Но этотъ культъ въ его древнѣйшей формѣ—фетишизма, ничуть не является на смѣну культа предковъ; мы встрѣчаемъ ихъ бокъ о бокъ. Поклоненіе бѣлому быку или Аппсу въ Египтѣ можетъ быть разсматриваемо только какъ частное выраженіе исконнаго культа животныхъ. Это скорѣе переживаніе, не-

жели первое звено въ цѣпи явленій, доказывающихъ, согласно Тарду, рано или поздо наступающее торжество моды надъ обычаемъ и въ области религіозныхъ вѣрованій. Если терминъ мода вообще примѣнимъ къ даннымъ явленіямъ, то развѣ въ отношеніи къ религіямъ, обнаруживающимъ стремленіе къ прозелитизму, къ буддизму, христіанству, магометанству, но при такомъ пониманіи отпадаетъ третье звено, — переходящая въ обычай мода. И на этотъ разъ отдѣльныя замѣчанія, дѣлаемыя Тардомъ попутно, заслуживаютъ полнаго вниманія, напр. то, по которому наименѣе тѣлесный и наиболѣе духовный богъ всего легче можетъ разсчитывать на расширеніе круга своихъ почитателей. Мысль эту Тардъ связываетъ съ своимъ общимъ положеніемъ о подражаніи, какъ о воспріятіи идей, и о заимствованіи ранѣе содержанія, чѣмъ формы. Не находя въ настоящемъ ничего, что бы оправдывало его положеніе о позднѣйшемъ переходѣ моды въ обычай, Тардъ довольствуется неопредѣленнымъ предсказаніемъ о наступленіи въ будущемъ единодушной вѣры въ истину, въ безспорное добро и долгъ, вѣры глубокой и нетерпимой. «Наука, преобразованная широкимъ синтезомъ и восполненная эстетическою моралью, сдѣлается, по его предсказанію, религіей будущаго, и передъ нею скромно преклонятся профессора, люди достатка и мужи государственные, всѣ воли и всѣ разумѣнія» (стр. 313). Очевидно, въ этомъ нѣтъ ничего несогласнаго съ тѣмъ культомъ положительной науки и человѣчества, къ которому сводится религія позитивистовъ, но въ такомъ случаѣ къ чему слѣдующее примѣчаніе: «Да продлится въ интересахъ свободныхъ умовъ безцѣнная умственная анархія, надъ которой такъ печалился Контъ». Тардъ не разъ является передъ нами не столько въ римскомъ образѣ двуглаваго Януса, сколько въ двойной роли Жанны плачущей и Жанны смѣющейся, героини извѣстной французской комедіи.

Я не знаю, есть ли необходимость продолжить этотъ анализъ всегда остроумныхъ, но не вполнѣ прочно обоснованныхъ попытокъ свести всю исторію развитія, и политическихъ учрежденій, и нравовъ, и экономики, къ той же смѣнѣ обычая модой и моды обычаемъ. Что въ этихъ главахъ есть дѣйствительно цѣннаго, лежитъ не столько въ развитіи основной темы, сколько въ критикѣ взглядовъ, высказанныхъ по частнымъ вопросамъ Фюстель де Куланжемъ, Теномъ и Бутми, Спенсеромъ и Токвилемъ, а также менѣе крупными величинами въ области исторіи права, экономики, моральной философіи и т. д. На каждомъ шагу Тардъ выступаетъ передъ нами человѣкомъ весьма значительной и разнообразной начитанности. Не обученный иностраннымъ языкамъ, за исключеніемъ итальянскаго, онъ не теряетъ случая ознакомиться

съ произведеніями нѣмецкой или англійской литературы въ переводахъ и извлеченіяхъ. Но въ то же время чувствуется, что онъ никогда не имѣлъ случая обращаться къ первоисточникамъ, что въ цитируемыхъ имъ авторахъ онъ столько же, если не болѣе, цѣнитъ гипотезы, чѣмъ доказанныя ими положенія. Его научная фантазія сказывается иногда даже въ придумываніи фактовъ, никѣмъ и ничѣмъ не засвидѣтельствованныхъ. Они служатъ не разъ исходнымъ моментомъ для его обобщеній, такъ напримѣръ для признанія господства на первыхъ порахъ чисто семейнаго обычая, по отношенію къ которому позднѣйшее распространеніе мѣстнаго уже можетъ считаться продуктомъ моды. Очевидно ни одинъ историкъ первобытной культуры не позволилъ бы себѣ тѣхъ категорическихъ утвержденій, которыя Тардъ умудряется накопить нерѣдко въ числѣ трехъ или четырехъ на одной какой нибудь страницѣ своей книги. Возьмемъ хотя бы начало главы, посвященной изученію роли обычая и моды въ отношеніи къ чередованію формъ правительства. Каждая семья въ доисторическую эпоху, утверждаетъ нашъ писатель, имѣла свой особый языкъ (?)—положеніе, доказать которое очевидно мудрено. Нѣсколькими строками далѣе: «каждая семья имѣла свой особый культъ и была своего рода церковью»—фактъ возможный, но не исключающій существованія, какъ мы видѣли, бокъ-о-бокъ общаго всѣмъ очагамъ одной и той же орды, позднѣе племени, привычки обоготворять извѣстные предметы видимой природы; камни, растенія, животныя, не говоря уже о космическихъ силахъ.

Пропускаю нѣсколько строкъ и нахожу еще менѣе доказанное положеніе: «каждая семья на первыхъ порахъ составляла особое государство». Думаешь держать въ рукахъ Фильмера, его извѣстный трактатъ «Патріарха», противъ котораго еще въ 17 вѣкѣ выдвинуто было Локкомъ возраженіе, что если Адамъ былъ первымъ царемъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и первымъ подданнымъ. Теорія эта немного выигрываетъ въ правдоподобности отъ произвольнаго допущенія какого-то дуализма въ древнѣйшемъ политическомъ строѣ. Рядомъ съ монархически-управляемыми семейными очагами, Тардъ рисуетъ себѣ какія-то шайки новольниковъ, собирающіяся со всѣхъ сторонъ вокругъ удачнаго предводителя и представляющія какое-то подобіе не то партіи охотниковъ, не то княжеской дружины. Я не позволю себѣ утверждать, что сами по себѣ эти шайки представляются чѣмъ-то никогда не существовавшимъ. Въ нихъ несомнѣнно надо видѣть зародышъ и первобытныхъ ордъ, и развившихся изъ нихъ родовыхъ и племенныхъ союзовъ. Произвольнымъ и ничѣмъ не доказаннымъ я считаю только

допущеніе, что семейные очаги какъ-то стояли особнякомъ отъ этихъ болѣе широкихъ союзовъ, а не включаемы были ими въ свою среду. Но въ такомъ случаѣ власть домохозяина вовсе не являлась верховной; она принуждена была ограничиться, какъ это впрочемъ и доказываютъ данныя этнографіи и сравнительной исторіи права, довольно скромной сферой дѣятельности. Въ моемъ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ» я старался показать, что семейные старшины пользовались самосудомъ только между членами кровныхъ союзовъ, восполняемыхъ, правда, нерѣдко путемъ пріема чужеродцевъ, на правахъ усыновляемыхъ. Въ отношеніяхъ же междуродовыхъ регуляторомъ являлась власть племенная или народная. Говоря о ней, я имѣю въ виду добровольно выбранныхъ посредниковъ, подобныхъ «Судьямъ» Израиля, а также избираемыхъ первоначально военныхъ вождей, въ силу наслѣдованія функцій переходящихъ впослѣдствіи въ племенныхъ или народныхъ старѣйшинъ. Этотъ дуализмъ власти, отвѣчавшій своего рода федеративному устройству первобытной орды и племени, наглядно сказывался въ существованіи одновременно двоякаго обычая. Одинъ регулировалъ внутреннія отношенія въ предѣлахъ рода; другой—отношенія между-родовыя. Только въ послѣдней сферѣ дѣйствовала кровная месть. Примѣненіе ея въ родовой средѣ повело бы къ сокращенію того численнаго состава, въ которомъ каждый родъ справедливо видѣлъ залогъ внѣшней безопасности и внутренняго благосостоянія. Отсюда то послѣдствіе, что одно и то же дѣяніе получало разную квалификацію, смотря по тому, было ли оно направлено противъ чужеродца, или противъ родственника. Если присвоеніе одинаково женщинъ и скота казалось чѣмъ-то доблестнымъ, то только въ томъ случаѣ, когда оно направлено было на чужеродцевъ; совершенное же въ границахъ рода или семьи, оно признавалось позорнымъ, такъ какъ вело къ нарушенію внутренняго спокойствія и порядка. Не вызывая отмщенія, воровство становилось источникомъ «изгойства», т. е. опозориванія и насильственнаго удаленія виновнаго изъ оскорбленной имъ среды. Противуположеніемъ своихъ и чужихъ я объясняю и двойственное развитіе права. Съ одной стороны, складывается система денежныхъ выкуповъ или композицій въ замѣнъ прежняго кровнаго возмездія и имущественнаго захвата, грозившаго обидчику, каковъ-бы ни былъ характеръ его дѣянія, уголовный или гражданскій; древнѣйшее право еще не знаетъ этихъ различій и преслѣдуетъ въ каждомъ дѣяніи одинъ наносимый имъ матеріальный вредъ. Съ другой стороны, рядомъ съ этой системой выкуповъ, примѣняемыхъ къ обидамъ, нанесеннымъ другъ другу чужеродцами, раз-

вивается система позорящихъ и исправительныхъ наказаній для обидъ, причиненныхъ въ родственной средѣ, все равно, является ли субъектомъ обиды прелюбодѣйная жена, или воръ-родственникъ. Только подъ условіемъ признанія съ самаго начала этой двойственности въ общественной средѣ и соотвѣтственно двойственности власти и юридической оцѣнки дѣяній, древнѣйшій обычай представляется намъ не накопленіемъ взаимно-противорѣчащихъ другъ другу правилъ, какимъ рисуетъ его себѣ Тардъ *), а наоборотъ систематическимъ проведеніемъ принципа родового единства, съ одной стороны, и родового возмездія, съ другой.

Очевидно, что съ той точки зрѣнія, на которую необходимо становятся въ наше время сравнительный этнографъ и сравнительный историкъ права, все то, что Тардъ говоритъ о замѣнѣ семейнаго обычая и семейнаго правительства племенными, является не болѣе, какъ продуктомъ фантазіи. А такъ какъ въ этой замѣнѣ или по меньшей мѣрѣ въ этомъ восполненіи обычая модой Тардъ видитъ прямое подтвержденіе своей теоріи, то неудивительно, если съ равнымъ скептицизмомъ тому же сравнительному этнографу или историку права приходится отнестись и къ самому ученію. Едва ли также медіевисту придетъ на мысль видѣть въ развитіи феодальной системы воспроизведеніе безчисленное число разъ типа феода, гдѣ-то впервые «сочиненнаго», какъ выражается Тардъ, а не вѣковую модификацію зависимыхъ отношеній патрона и кліента, собственника и съемщика, человѣка «молодшаго» и «житьи»-человѣка, и подведеніе всѣхъ этихъ отношеній подъ общіе типы не столько жизнью, сколько юридическимъ творчествомъ. Видѣть въ распространеніи феодальной системы торжество моды надъ обычаемъ, очевидно, возможно только подъ условіемъ подгонять факты подъ напередъ готовую схему. Ближе подходитъ къ такому представленію то внезапное увлеченіе, какое охватило, положимъ, германскихъ юристовъ въ эпоху Возрожденія по отношенію къ римскому праву и политическихъ дѣятелей французской революціи по отношенію къ англійскимъ и американскимъ политическимъ порядкамъ. Но если присмотрѣться ближе къ дѣлу, то не мудрено будетъ прити къ заключенію, что и въ этихъ двухъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ торжествомъ моды надъ обычаемъ, а съ модификаціей самаго обычая подъ вліяніемъ измѣнившихся условій. Такъ называемая рецепція римскаго права въ Германіи происхо-

*) Въ Logique sociale Тардъ, говоря о древнѣйшемъ обычномъ правѣ, совершенно произвольно утверждаетъ, что у народовъ дикихъ право состоитъ изъ несогласныхъ, безсвязныхъ и не подчиняющихся никакому правилу обычаевъ (стр. 194).

дитъ не въ моментъ открытія Юстиніановыхъ Дигестъ, а столѣтія спустя, когда, подъ вліяніемъ размножившихся обмѣновъ, Германія вступила въ періодъ свободы имущественныхъ сдѣлокъ и соотвѣтственнаго развитія договорнаго права. Удивительно ли, если при такихъ условіяхъ она, разъ нашедши готовое законодательство, отправлявшееся отъ признанія этихъ новыхъ для нея принциповъ, хотя и не отказалась вполнѣ отъ всѣхъ особенностей своего туземнаго права, нашедшихъ, какъ извѣстно, выраженіе въ Саксонскомъ и Швабскомъ Зерцалахъ, въ то же время усвоила себѣ рядъ нормъ Юстиніанова кодекса. Было ли это вытѣсненіемъ обычая модой или частичнымъ восполненіемъ его чужимъ правомъ, въ моментъ, когда туземное стало обнаруживать тенденцію къ дальнѣйшему развитію? Я думаю, что вѣрнѣе будетъ высказаться въ послѣднемъ смыслѣ. Еще нагляднѣе выступаетъ характеръ историческаго преемства и самопроизвольнаго развитія въ томъ будто бы рабскомъ заимствованіи англійскихъ и американскихъ порядковъ, въ которомъ обвиняютъ дѣятелей французской революціи. Англоманія и американофильство несомнѣнно встрѣчались во французскомъ обществѣ второй половины 18-го вѣка, и я самъ посвятилъ этимъ двумъ явленіямъ особыя главы въ моемъ «Происхожденіи современной демократіи». Но что искали и что думали найти французы въ англійскихъ и американскихъ порядкахъ? Не болѣе, какъ дальнѣйшее развитіе и торжество принципа контроля общества за правительственною дѣятельностью, въ частности за законодательствомъ и финансами. Столѣтіями раньше этотъ принципъ пользовался признаніемъ во всѣхъ сословныхъ монархіяхъ Запада; генеральные штаты и верховныя палаты имѣли право отказывать въ исполненіи законовъ, не внесенныхъ ими добровольно въ свои протоколы. Знаменитое ученіе о раздѣленіи властей, будто бы выведенное Монтескье изъ наблюденій надъ англійской жизнью, въ дѣйствительности имѣетъ свои корни въ этой исконной традиціи и въ недовольствѣ, порожденномъ ея временнымъ перерывомъ. А что въ Англіи и въ Америкѣ видѣли прежде всего торжество системы политическихъ противовѣсовъ, а не участіе мѣстныхъ союзовъ, взамѣнъ бюрократіи, въ руководительствѣ общественными дѣлами, въ этомъ, разумѣется, не станетъ сомнѣваться никто изъ тѣхъ, кто знакомъ съ начальной исторіей конституціонализма на континентѣ Европы. При такихъ условіяхъ, мы въ правѣ будемъ и на этотъ разъ усомниться въ томъ, чтобы современная гражданственность Европы, построенная на системѣ народнаго представительства, съ одной стороны, и бюрократической централизаціи, съ другой, была про-

дуктомъ торжества англійской моды, съ теченіемъ времени перешедшей въ обычай, а не дальнѣйшимъ развитіемъ, при косвенномъ только воздѣйствіи англійскаго и американскаго образца, тѣхъ политическихъ основъ, какія заложены были еще въ эпоху сословной монархіи.

Читатель можетъ заключить изъ моего разногласія съ Тардомъ по вопросу о роли обычая и моды въ поступательномъ движеніи общества, что мы неодинаково смотримъ и на коренной вопросъ о томъ, къ чему сводится въ дѣйствительности самое подражаніе. Для Тарда оно равнозначительно повторенію, для меня оно является своего рода модификаціей. Французская пословица, говорящая «n'imite pas qui veut», т. е. подражаетъ не всякій желающій, только передаетъ одинъ изъ оттѣнковъ моей мысли. Въ подражаемомъ обыкновенно видятъ не его дѣйствительную природу, а торжество извѣстныхъ принциповъ, дорогихъ подражателю. Русскіе Верховники временъ Анны Іоанновны, ставившіе себѣ образцомъ аристократическіе порядки Швеціи и будто бы подражавшіе имъ, на самомъ дѣлѣ стремились къ упроченію бюрократическаго господства. Не разъ въ исторіи повторялись такія же заимствованія. Вошедшій въ Россіи въ употребленіе терминъ «органическія заимствованія» довольно вѣрно передаетъ мою мысль, но только подъ однимъ условіемъ, если допустить, что продуктъ такого органическаго заимствованія нерѣдко расходится по самой природѣ съ своимъ образцомъ. При такомъ пониманіи заимствованіе является не болѣе, какъ одной изъ формъ органическаго развитія. Оно не мѣшаетъ французамъ оставаться французами и послѣ видимаго переноса въ ихъ среду англійскаго парламентаризма.

Заимствованіе въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда заимствующимъ является не отдѣльный человѣкъ, а цѣлый народъ, заключаетъ въ себѣ элементы самостоятельнаго творчества. Вѣрнѣе было бы употреблять поэтому взамѣнъ его терминъ приспособленіе, приспособленіе не общества къ заимствуемымъ порядкамъ, а этихъ порядковъ къ потребностямъ заимствующаго ихъ общества. Чтобы передать мою мысль во всей ея необусловленности, я скажу, что развитіе произошло бы въ томъ же направленіи и безъ заимствованія, но только съ меньшею быстротою и систематичностью. А если такъ, то въ исторіи поступательнаго хода обществъ центръ тяжести лежитъ не въ подражаніи, а въ открытіи или изобрѣтеніи.

§ 4.

Эта мысль, повидимому, стала приходить въ голову и Тарду, чѣмъ я и объясняю то, что во второмъ изъ своихъ соціологиче-

скихъ трудовъ (Logique sociale, 1895 г.) онъ главнымъ образомъ занимается вопросомъ о роли того первичнаго фактора въ поступательномъ движенiи обществъ, какимъ является открытiе или изобрѣтенiе. Тардъ не только отводитъ обширную главу законамъ, «управляющимъ появленiемъ открытiй», но и дѣлаетъ весьма удачныя попытки раскрыть его дѣйствiе въ развитiи языка, религiи, нравственности, экономики и искусства. Не то, чтобъ онъ отказался отъ тѣхъ мыслей, какiя о роли подражанiя были высказаны имъ пятью годами ранѣе. Наоборотъ, онъ смотритъ на свой новый трудъ, какъ на прямое восполненiе прежняго. Ранѣе его занималъ вопросъ о томъ, «изъ чего сплетаются общественныя ткани, а не о томъ, какъ возникаютъ общественныя тѣла». Въ настоящее же время онъ обѣщаетъ заняться вопросомъ, «какъ выкроена и сшита одежда, въ которую облекается нацiя». Тѣмъ самымъ онъ думаетъ завершить процессъ зарожденiя соцiологiи. «Achevons s'il se peut, самоувѣренно пишетъ онъ, de faire naitre la sociologie». Эти ожиданiя, повидимому, не вполнѣ оправдались, и потребовалось на разстоянiи немногихъ лѣтъ изданiе новаго трактата о «противодѣйствiи», его, хотя преходящей, но все же весьма существенной роли въ развитiи общественныхъ отношенiй.

Я думаю, что относительный неуспѣхъ «Соцiальной Логики» объясняется не характеромъ самаго сочиненiя; въ немъ мысль Тарда выступаетъ передъ нами съ ея обычными качествами глубины и изобрѣтательности, а слогъ изобилуетъ попрежнему поэтическими уподобленiями, страдая въ то же время въ меньшей степени запутанностью фразы.

Новая книга произвела болѣе слабое впечатлѣнiе исключительно потому, что читающей публикѣ предлагаемые взгляды показались не новыми, уже извѣстными и извѣстными именно изъ перваго сочиненiя Тарда. Это не значитъ, разумѣется, чтобы авторъ повиненъ былъ въ повторенiи уже сказаннаго. Причина причинъ лежитъ въ природѣ самого ученiя, разсматривающаго всю исторiю человѣчества, какъ продуктъ одного и того же процесса взаимодѣйствiя открытiй и подражанiй. Въ первомъ трудѣ Тардъ смотрѣлъ на всѣ явленiя съ точки зрѣнiя подражанiя, во второмъ же онъ интересуется ими преимущественно, хотя не исключительно, съ точки зрѣнiя открытiя. Явленiя, очевидно, остаются тѣми же, съ какой бы изъ двухъ точекъ зрѣнiя ихъ ни разсматривать. Этимъ и объясняется на мой взглядъ, почему читатели сочли себя въ правѣ жаловаться на отсутствiе новизны въ предложенномъ имъ трактатѣ. Но для всякаго, кто желаетъ познакомиться съ развитiемъ мысли Тарда и получить всестороннее представленiе о его соцiологической

доктринѣ, чтеніе «Соціальной Логики» не менѣе необходимо, чѣмъ знакомство съ «Законами Подражанія».

Въ нашу задачу не можетъ войти, разумѣется, передача хотя бы въ сжатомъ видѣ всего богатства содержанія этой книги. Мы должны по необходимости обойти молчаніемъ все то, что авторъ говоритъ объ индивидуальной логикѣ, аналогіяхъ и различіяхъ, существующихъ между нею и логикой соціальной; тѣмъ болѣе намъ приходится опустить ту историческую провѣрку, какую Тардъ даетъ своимъ взглядамъ, изучая исторію важнѣйшихъ проявленій общественности, начиная отъ языка и оканчивая искусствомъ.

Насъ будетъ интересовать преимущественно глава, посвященная имъ законамъ открытія или изобрѣтенія. Хотя по этому вопросу вышли за послѣднее время выдающіяся сочиненія Рибо и Польгана, но они нисколько не умаляютъ значенія положеній, установленныхъ въ названной главѣ Тардомъ. Къ тому же и Рибо и Польганъ изучаютъ вопросъ болѣе съ психологической точки зрѣнія, чѣмъ съ соціологической. Не игнорируя первой, Тардъ, какъ и можно было ожидать отъ трактата, завершающаго, по его мнѣнію, обоснованіе соціологіи, занимается по преимуществу общественной стороной открытій и смотритъ на нихъ какъ на исходный моментъ соціальнаго процесса подражанія. Не вдаваясь въ разборъ другихъ главъ сочиненія, мы тѣмъ не менѣе считаемъ нужнымъ отмѣтить въ нихъ нѣкоторыя мысли, тѣсно связанныя съ соціологической доктриной автора, являющіяся, можно сказать, предпосылками его основной теоріи. Къ числу такихъ необходимо прежде всего отнесть слѣдующую. «За исключеніемъ нѣкоторыхъ первичныхъ, можно сказать, элементовъ чистаго ощущенія, пишетъ Тардъ, почти всѣ наши чувствованія и перцепціи, всѣ феномены нашей психики, а потому и всѣ общественные феномены, по отношенію къ которымъ первые играютъ роль источниковъ, сводятся къ вѣрованіямъ и желаніямъ. Вѣрованія и желанія являются величинами количественными. Ихъ варіаціи въ смыслѣ прироста или убыли подлежатъ подсчету, все равно, идетъ ли рѣчь объ индивидуальныхъ манифестаціяхъ, или объ общественныхъ, въ послѣднемъ случаѣ пожалуй даже съ большею легкостью. Имѣемъ ли мы дѣло съ различными психическими состояніями одного и того же субъекта, или съ тѣми отношеніями также психическаго характера, какія возникаютъ между нимъ и такими же, какъ онъ, существами, мы одинаково располагаемъ возможностью численнаго ихъ выраженія. Эта возможность открывается намъ, если не прямо, то косвенно, въ первомъ случаѣ благодаря изученію явленій психо-физическихъ, во второмъ благодаря примѣненію статистическаго метода. Всякое

желаніе порождается извѣстнымъ вѣрованіемъ и не можетъ явиться на свѣтъ иначе, какъ въ сопровожденіи этого вѣрованія (стр. 1 и 2).

Тардъ объявляетъ, что вѣрованія и желанія для него отправные пункты всей соціальной психологіи. Онъ указываетъ на Шопенгауера, какъ на одного изъ своихъ предшественниковъ въ развитіи этой мысли. «Подъ неудачнымъ терминомъ воли Шопенгауеръ всю свою жизнь изучалъ дѣйствіе одного изъ этихъ двухъ факторовъ, а именно желанія. Если бы вмѣсто того, чтобы доказывать, что воля составляетъ основную субстанцію каждаго существа, какъ одухотвореннаго, такъ и неодухотвореннаго, Шопенгауеръ удовольствовался указаніемъ только на то, что желать свойственно всѣмъ душамъ, животнымъ и людскимъ, онъ несомнѣнно не встрѣтилъ бы противорѣчія. Въ этомъ, а не въ чемъ другомъ, лежало то зерно неоспоримой истины, какую заключаетъ въ себѣ его гипотеза; это сдѣлало ее вѣроятной для столькихъ умовъ. Я прибавлю къ этому, говоритъ Тардъ, что Шопенгауеръ имѣлъ бы равное основаніе объективировать роль сужденія, иначе вѣрованія. Цѣлая система можетъ быть построена на такомъ базисѣ (стр. 12).

Ограничившись сдѣланной выдержкой, имѣвшей въ виду показать исходный моментъ въ развитіи всего ученія Тарда и выгородить его отъ обвиненій въ томъ, что онъ не далъ психическаго обоснованія открытію или изобрѣтенію, тогда какъ имъ очевидно являются въ его схемѣ желанія и вѣрованія, я приведу изъ Соціальной Логики еще нѣсколько мѣстъ съ цѣлью показать, что авторъ ея по прежнему смотритъ «на соціологію, какъ на общественную психологію». Только по этой причинѣ явленія, не имѣющія психическаго характера, а только физіологическій, хотя бы субъектами ихъ были и цѣлыя общества, не составляютъ для него предмета соціологіи. Дикари, пишетъ Тардъ, или, вѣрнѣе, антропоморфическія обезьяны, могутъ быть собраны въ извѣстномъ числѣ на опредѣленной территоріи; они могутъ проводить на ней время въ постоянныхъ дракахъ и убійствахъ, а также въ актахъ размноженія; во всемъ этомъ еще нѣтъ ничего соціальнаго. «Приходится пропустить длинный рядъ нѣмыхъ поколѣній, не знающихъ въ своей средѣ никакой внутренней связи, поколѣній, живущихъ отдѣльными семьями, не понимающихъ, а только истребляющихъ другъ друга, прежде чѣмъ встрѣтиться съ такими порядками, которымъ извѣстенъ не одинъ лишь страхъ сильнаго, но также, вмѣстѣ съ членораздѣльной рѣчью, и повиновенье приказу родителя, и вѣра въ его поученіе». По завершеніи этого до-соціальнаго фазиса, продолжительность котораго нельзя опредѣлить, наступаетъ эпоха, когда чувствованія и ощущенія, сужденія и желанія, зарождающіяся въ отдѣль-

ныхъ умахъ, сообщаются отъ родителей дѣтямъ и наоборотъ; это дѣлается съ помощью извѣстныхъ жестовъ, позднѣе нѣкоторыхъ звуковыхъ знаковъ. Отдѣльныя сужденія и вѣрованія съ этого момента вступаютъ между собою то въ соглашеніе, то въ конфликтъ; всего чаще повторяется послѣднее. Внутренняя работа междусемейной борьбы, смѣняемой спокойствіемъ и порядкомъ, ведетъ къ первоначальной логической координаціи вѣрованій и желаній въ средѣ первобытной семьи. Такой координаціей является, съ одной стороны, религія, а съ другой, домашнее правительство. Общество возникаетъ только съ этого момента; ошибочно было бы судить о немъ по образцу римской gens, греческаго или индусскаго рода. Древнѣйшіе документы уже рисуютъ намъ античную семью въ ея зрѣломъ возрастѣ, какъ самостоятельную церковь и маленькое государство. Но чтобы достигнуть такой ступени развитія и распространиться затѣмъ на протяженіи всего земного шара путемъ подражанія и наслѣдственности, первобытная семья очевидно нуждалась въ милліонахъ лѣтъ. Въ этотъ отдаленнѣйшій періодъ ея образованія роль перцепцій и индивидуальныхъ галлюцинацій, которыя служили связью для ея членовъ, была еще весьма слабой, и столь же ничтожную величину представляли и тѣ дѣйствія, въ которыхъ сказывалось ихъ сотрудничество. Но во всемъ этомъ выступаетъ уже тенденція къ росту; онъ вызывался тою же причиной, которая обусловила собою самое зарожденіе семей. То, что я называю соціальной логикой, это такое направленіе общественныхъ фактовъ, пишетъ Тардъ, при которомъ дается удовлетвореніе этой тенденціи къ росту. Преслѣдуемый идеалъ состоялъ бы въ томъ, чтобы единеніе и сотрудничество были полными между всѣми членами общества, безъ исключенія; но прогрессъ великъ уже тогда, когда семьи разростаются въ племена, сливающіяся въ свою очередь въ города-государства, а фетишизмъ и домашній деспотизмъ, развиваясь, переходятъ въ національныя религіи и правительства, по истинѣ достойныя этого имени. Если религія и правительство часто вступаютъ между собою въ столкновеніе, то гармонія въ ихъ отношеніяхъ рано или поздно устанавливается благодаря перевѣсу, получаемому вѣрованіями. Порядокъ упрочивается только тогда, когда власть пріобрѣтаетъ характеръ чего-то священнаго. Вотъ почему съ того момента, когда истинная религія сдѣлалась тѣмъ, что мы называемъ наукой,—всякая власть стремится получить научную основу (стр. 88—90). Приведенное мѣсто является можетъ быть у Тарда самымъ полнымъ выраженіемъ того, что можно назвать его формулой прогресса.

Нужно ли настаивать на смѣси истины и заблужденія въ этой

картинѣ «единой, какъ замѣчаетъ самъ авторъ въ примѣчаніи, передовой семьи, впервые основавшей въ своей средѣ патріархальный культъ и патріархальную власть и вызвавшей своимъ примѣромъ цѣлый потокъ подражаній»? Ни современная этнологія, ни исторія права не знаютъ такой провиденціальной семьи. Она продуктъ воображенія автора, или, точнѣе, его желанія оправдать свое ученіе логическими посылками, признаваемыми затѣмъ историческими фактами.

Все, что въ его формулѣ есть произвольнаго, повторяется и развивается снова во второй части сочиненія, въ главахъ, посвященныхъ исторіи языка, вѣрованій, нравственности, экономики, искусства. Эти главы, впрочемъ, могутъ быть поставлены несравненно выше той смѣлой манипуляціи съ данными изъ разныхъ эпохъ и отъ разныхъ народовъ, которой Тардъ предавался въ первомъ своемъ сочиненіи съ цѣлью объяснить всѣ соціальныя явленія однимъ подражаніемъ. Онъ, правда, не забываетъ о немъ и въ настоящемъ сочиненіи; но, вмѣсто того, чтобы укладывать факты на Прокрустово ложе своей основной гипотезы, Тардъ довольствуется частымъ напоминаніемъ о ней читателямъ въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ. Такъ, на стр. 286-й, заканчивая одинъ изъ самыхъ удачныхъ отдѣловъ своей книги, который можно назвать попыткой психологическаго объясненія роста религіи, Тардъ въ примѣчаніи говоритъ: я не озаботился развитіемъ и безъ того очевидной мысли, что эта религіозная эволюція путемъ постепеннаго накопленія все новыхъ и новыхъ открытій является цѣпью логическихъ поединковъ между двумя противорѣчивыми интерпретаціями Писанія, наприм., или между двумя догматами, старымъ и новымъ, а также цѣпью логическихъ союзовъ между христіанскими идеями, напр., и извѣстными взглядами неоплатониковъ и т. д.

Мы можемъ только порадоваться такому рѣшенію. Благодаря ему, вмѣсто нанизыванья данныхъ, разновременныхъ и разномѣстныхъ, на одну и ту же руководящую нить, мы получили цѣльную и стройную картину развитія религіи. Ею несомнѣнно, какъ и другими параллельными эскизами, посвящаемыми важнѣйшимъ сферамъ общественности въ ихъ поступательномъ движеніи, воспользуются и тѣ, кто не сочтетъ возможнымъ свести сложный процессъ общественнаго развитія къ одному взаимодѣйствію открытія и подражанія.

Ограничившись этими немногими заимствованіями изъ отдѣльныхъ частей второго капитальнаго труда Тарда, мы болѣе подробно разсмотримъ его ученіе о законахъ открытія. Ошибочно

было бы думать, говоритъ Тардъ, расходясь со сторонниками гипотезы о прямолинейномъ развитіи обществъ, что эволюціи, лингвистическая, религіозная, политическая, экономическая, нравственная, эволюціи, изъ которыхъ слагается ростъ обществъ, слѣдуютъ неизмѣнному порядку. Но столь же ошибочно было бы полагать, что онѣ не подчиняются никакому порядку. Разъ мы желаемъ дать себѣ отчетъ въ законахъ, управляющихъ открытіями, мы отнюдь не должны терять изъ виду безграничнаго поля ихъ возможностей. Это поле въ начальный періодъ развитія обществъ разумѣется болѣе ограничено, благодаря тиранніи потребностей, требующихъ немедленнаго удовлетворенія, потребностей, всюду одинаковыхъ, и заставлявшихъ человѣческій геній проявлять себя приблизительно въ одинаковомъ направленіи. Этимъ объясняется необходимость нѣкоторыхъ открытій, какъ наприм., горшечнаго производства, добыванія огня, постройки жилищъ, пряденія, ткачества и т. п. Въ этомъ же надо искать одновременно причину полной невозможности направить мысль на изобрѣтеніе предметовъ роскоши. Тѣмъ не менѣе и въ эту отдаленную эпоху развитія имѣлся извѣстный просторъ для проявленія оригинальныхъ особенностей, какъ индивидуальныхъ, такъ и коллективныхъ. И этотъ просторъ все болѣе и болѣе расширялся по мѣрѣ того, какъ первичныя потребности, нашедшія уже удовлетвореніе себѣ, смѣнялись болѣе искусственными, а потому самому и болѣе соціальными, порождаемыми въ свою очередь предшествующими открытіями въ такой же, если не въ большей степени, чѣмъ внѣшними условіями и свойствами расы.

Всякое открытіе чревато другими, новыми; но нельзя имѣть увѣренности ни во времени, ни въ порядкѣ, въ какомъ они появятся на свѣтъ. Такъ, изобрѣтеніе компаса уже обѣщало въ будущемъ открытіе Америки и Океаніи, при чемъ ближайшій изъ двухъ континентовъ и архипелаговъ долженъ былъ быть найденъ первымъ. Но Флорида могла быть открыта до или послѣ Бразиліи, а Новая Каледонія—до или послѣ Новой Голландіи. Такимъ же образомъ изобрѣтеніе письма должно было предшествовать открытію печати; но ранѣе всѣхъ ихъ созданъ былъ по необходимости языкъ, какъ условіе всѣхъ послѣдующихъ открытій. Есть поэтому основаніе говорить объ опредѣленномъ порядкѣ въ чередованіи открытій. На него указано было Контомъ, а за нимъ Курно. Сказавъ это, Тардъ переходитъ затѣмъ къ полному развитію тѣхъ самыхъ мыслей, съ которыми мы уже встрѣтились въ «Законахъ подражанія». Онъ поступаетъ такъ, очевидно, потому, что на однихъ и тѣхъ же положеніяхъ опирается и «Логика открытій», и «Логика подражаній», слѣдующихъ за этими открытіями. Такъ, ставя во-

просъ о томъ, что нужно для зарожденія открытія. Тардъ указываетъ на два фактора: на умственную работу генія и на внѣшнія благопріятныя условія. Каждая новая идея, справедливо замѣчаетъ онъ, не болѣе, какъ комбинація старыхъ, появившихся разномѣстно и разновременно, нерѣдко на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Для открытія первымъ условіемъ является, такимъ образомъ, встрѣча этихъ мыслей въ мозгу, способномъ ихъ комбинировать. Нашъ писатель останавливается затѣмъ на высказываніи нѣкоторыхъ общихъ соображеній, принимающихъ въ его изложеніи неподобающее имъ значеніе законовъ. Такъ, онъ настаиваетъ на томъ, что открытіе становится болѣе вѣроятнымъ, если старыя мысли, изъ комбинаціи которыхъ возникли новыя, зародились въ странахъ, мало отдаленныхъ другъ отъ друга. Отсюда онъ строитъ дальнѣйшій выводъ о вліяніи, какое политическая централизація можетъ имѣть на учащеніе открытій. Примѣромъ приводится современная Европа съ ея обширными имперіями и республиками, и «съ блескомъ частыхъ изобрѣтеній». Но, очевидно, этому примѣру можно противупоставить обратный, древней Греціи, изрѣзанной на мелкія автономныя государства и положившей тѣмъ не менѣе начало всему поступательному ходу науки, искусства и гражданственности. Истина лежитъ въ болѣе скромномъ заявленіи того же автора, что при новомъ открытіи благопріятнымъ обстоятельствомъ надо считать, когда мѣстности, въ которыхъ возникли идеи, породившія своей встрѣчей это открытіе, находятся въ общеніи другъ съ другомъ. Но можетъ ли такая мысль считаться закономъ, а не простой тавтологіей? Открытіе, какъ встрѣча мыслей, возможно тамъ, гдѣ мыслима такая встрѣча.

Болѣе спорнымъ является другое положеніе, на первый взглядъ, однако, столь же очевидное и также признаваемое Тардомъ за законъ, а именно то, что чѣмъ древнѣе мысли, встрѣча которыхъ вызываетъ открытіе, тѣмъ вѣроятнѣе самое открытіе. Но почему же въ такомъ случаѣ, спросимъ мы, греческій огонь, пущенный въ ходъ Архимедомъ, не повелъ къ открытію взрывчатыхъ составовъ, въ родѣ пороха. Протекло цѣлыхъ 15 столѣтій между архимедовымъ изобрѣтеніемъ и тѣмъ, которое сдѣлано было неизвѣстнымъ монахомъ XIII вѣка. Несмотря на сомнительность только-что указанныхъ законовъ и слишкомъ большую очевидность дальнѣйшаго соображенія, что вѣроятность открытія тѣмъ меньшая, чѣмъ значительнѣе его трудность, Тардъ не прочь придать всѣмъ этимъ положеніямъ математическую формулировку. Вѣроятность открытія, говоритъ онъ, обратно пропорціональна квадрату разстояній, отдѣляющихъ тѣ мѣстности, въ которыхъ впервые возникли мысли, способныя породить эти

открытія, и прямо пропорціонально большей или меньшей старинности этихъ мыслей.

Гораздо удачнѣе у Тарда анализъ тѣхъ внутреннихъ причинъ, которыя порождаютъ собою открытія. Онъ считаетъ ими вѣрованія и желанія, знанія и волевые импульсы, полученные открывателемъ отъ окружающей его среды, и которые встрѣчаются между собою впервые въ его мозгу. Таинственная работа зарожденія новыхъ идей состоитъ—по Тарду—въ конфликтѣ мнѣній, неодинаково раздѣляемыхъ мыслящимъ субъектомъ, или видовъ дѣятельности, не одинаково имъ желаемыхъ. Мѣсто конфликта можетъ занять и соглашеніе отдѣльныхъ мнѣній или отдѣльныхъ порядковъ поведенія. Уму открывателя они впервые представляются подкрѣпляющими другъ друга, оказывающими другъ другу поддержку. Тѣ же элементы, напоминаетъ Тардъ, порождаютъ своей встрѣчей подражанія, но ихъ взаимное отношеніе выступаетъ въ этомъ случаѣ менѣе выпукло. Справедливо это особенно тогда, когда рѣчь идетъ о согласіяхъ, а не о противорѣчіяхъ, замѣчаніе вполнѣ вѣрное и объясняющее намъ причину, по которой законы, управляющіе внутренней стороной открытія, законы, общіе съ законами подражанія, раскрываются Тардомъ въ этомъ второмъ его сочиненіи съ несравненно большею опредѣленностью и ясностью. Тардъ дѣлитъ всѣ виды открытія на двѣ группы, на такія, во-первыхъ, которыя, не противорѣча, а подкрѣпляя другъ друга, могутъ сосуществовать и размножаться безпредѣльно въ одной и той же странѣ, и, во-вторыхъ, на такія, которыя, въ виду своего противорѣчія, могутъ заступить только мѣсто другъ друга. По отношенію къ первымъ нельзя доказывать, чтобы они не могли появиться въ иномъ порядкѣ, чѣмъ тотъ, который въ дѣйствительности имѣлъ мѣсто (исключеніе представляютъ только тѣ, которыя стоятъ другъ къ другу въ отношеніи части къ цѣлому). Такъ, въ одной странѣ человѣкъ могъ начать съ доместикаціи военноплѣнныхъ, т. е. съ рабства, а въ другой съ доместикаціи животныхъ. Въ Америкѣ краснокожіе, практикуя рабство, въ то же время не имѣли ни одного прирученнаго животнаго, кромѣ собаки. Съ другой стороны, попадаются нѣкоторыя племена, не знающія рабства.

Что же касается до открытій, которыя являются на смѣну одно другого, то ихъ рядъ кажется Тарду неизмѣннымъ. Онъ основываетъ это положеніе на той мысли, что, имѣя выборъ, люди всегда направляютъ свою дѣятельность въ сторону наименьшаго сопротивленія. Тардъ подробно останавливается на развитіи этого положенія, которое, какъ мнѣ кажется, принадлежитъ къ числу основныхъ для всякой теоріи прогресса. Нельзя сказать однако, чтобы при обоснованіи его нашъ писатель всегда выбиралъ свои примѣры

удачно. Если въ замѣнѣ фетишизма идолопоклонствомъ есть нѣчто безповоротное, точно такъ же, какъ въ чередованіи сперва человѣческихъ жертвоприношеній, а затѣмъ гекатомбъ животныхъ и растительныхъ продуктовъ, наконецъ, жертвоприношеній, чисто символическихъ, то менѣе убѣдительной кажется мнѣ мысль о невозможности измѣнить тотъ рядъ, въ какомъ монастыри слѣдуютъ за одинокими отшельниками, тѣмъ болѣе, что во многихъ религіяхъ, на примѣръ въ православной, оба вида схимы сосуществуютъ.

Съ вопросомъ о безповоротности прогресса и въ тѣсной связи съ нимъ стоитъ вопросъ о порядкѣ, въ какомъ теряются разъ сдѣланныя психическія пріобрѣтенія съ того момента, когда начинается обратный ходъ развитія, регрессъ. У Рибо указано на то, что при старческомъ упадкѣ памяти человѣкъ прежде всего теряетъ ее по отношенію къ недавно накопленнымъ впечатлѣніямъ. Это положеніе, подтверждаемое наблюденіями каждаго надъ стариками, вызываетъ въ Тардѣ мысль о томъ, въ какой мѣрѣ тотъ же обратный ходъ можетъ быть наблюдаемъ при потерѣ народомъ отдѣльныхъ пріобрѣтеній культуры. На нашъ взглядъ Тардъ справедливо указываетъ на то, что нельзя утверждать существованія какого-нибудь обязательнаго ряда для процесса коллективнаго вырожденія. Исторія паденія римской имперіи способна скорѣе породить увѣренность, что вырожденіе сказывается въ исчезновеніи не позднихъ, а раннихъ пріобрѣтеній. Мы не встрѣчаемъ вымиранія довольно поздно заимствованной греческой культуры и связаннаго съ ней вкуса къ роскоши, и въ то же время нами долженъ быть отмѣченъ упадокъ какъ земледѣлія, такъ и воинственности въ римской имперіи IV и V вв. (стр. 191—192).

Тардъ возвращается къ тѣмъ же вопросамъ и въ позднѣйшемъ своемъ трактатѣ «О міровомъ противорѣчіи». Но я не могу сказать, чтобы въ этомъ сочиненіи имъ прибавлено было много новаго къ рѣшенію этой въ высшей степени сложной проблемы, интересовавшей его съ самаго начала, какъ показываютъ нѣкоторыя мысли, высказанныя имъ еще въ «Законахъ подражанія». Его ученіе на этотъ счетъ обогатилось, однако, однимъ, какъ мнѣ кажется, вѣрнымъ положеніемъ. Оно состоитъ въ признаніи, что регрессъ не всегда неизбѣженъ, и что, когда онъ имѣетъ мѣсто, въ его ходѣ замѣтно менѣе правильности, чѣмъ въ ходѣ прогресса (стр. 351 — 352). Но развѣ такое заявленіе не равнозначительно признанію невозможности дать опредѣленную формулу регресса?

Совсѣмъ неудачной кажется мнѣ попытка Тарда открыть три періода въ процессѣ установленія гармоніи между отдѣльными открытіями. «Гармонія открытій, говоритъ онъ, въ свою оче-

редь весьма сложное открытіе, въ которомъ кооперируютъ многіе умы, пока одному изъ нихъ не посчастливится установить ее прочно. Система, подобно отдѣльному открытію, достигается благодаря ряду логическихъ дуэлей и логическихъ союзовъ. Для своего установленія она требуетъ соединенія въ одномъ лицѣ ума критическаго съ геніемъ синтетическимъ. Послѣдствіемъ процесса гармонизаціи отдѣльныхъ открытій являются такія созданія, какъ грамматика, религія, система законовъ, нравственность, правительство, искусство». Пристрастіе къ тройчности заставляетъ Тарда утверждать, что разсматриваемый имъ процессъ сложенія отдѣльныхъ открытій въ систему необходимо распадается на три періода. Въ первомъ мы имѣемъ дѣло только съ безсвязными открытіями, т. е. съ разрозненными идеями, которыя потому самому не помогаютъ, но и не вредятъ другъ другу. Это объясняется уже тѣмъ, что онѣ не входятъ между собою будто бы ни въ какое общеніе. Въ доказательство утверждаемаго Тардъ ссылается на дикія племена, религія которыхъ состоитъ, по его мнѣнію, изъ безсвязныхъ миѳовъ, а право—изъ безсвязныхъ обычаевъ (de coutumes sans lien et sans règle, стр. 194).

Все, что извѣстно мнѣ о древнѣйшихъ вѣрованіяхъ и о древнѣйшемъ правѣ, противорѣчитъ такому утвержденію. Самъ Тардъ, какъ мы видѣли, признаетъ пріоритетъ за семейнымъ культомъ и семейнымъ обычаемъ. Мы, разумѣется, не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ и не прочь думать, что на первыхъ порахъ очагомъ культа и обычая были не парныя соединенія людей, а болѣе обширные союзы; но станемъ ли мы на точку зрѣнія Тарда, или останемся при собственной, мы одинаково принуждены будемъ сказать, что, въ противность его утвержденію, древнѣйшая религія, какъ сводящаяся къ признанію тѣсной связи живущихъ поколѣній съ усопшими, и древнѣйшее право, какъ состоящее въ противоположеніи замиренной среды родственниковъ, кровныхъ или искусственныхъ, всему постороннему имъ міру чужеродцевъ, представляютъ, наоборотъ, всѣ черты логической согласованности. Да и мыслимо ли было бы существованіе такихъ представленій, какъ обязанность отмщать кровь убитаго родственника или избѣгать брака сперва съ единоутробными, а затѣмъ съ единокровными (экзогамія) и т. п., если бы въ религіозныхъ и юридическихъ доктринахъ наиболѣе отсталыхъ народностей не существовало уже извѣстныхъ опредѣленныхъ принциповъ, — и прежде всего принципа общенія умершихъ съ живущими, разумѣется въ предѣлахъ одной замиренной среды родичей, общенія, налагающаго обязанность взаимныхъ услугъ и взаимныхъ пожертвованій. Покойникъ,

не отмщенный своими близкими и не получающій отъ нихъ пищи и питья въ формѣ жертвоприношенія, можетъ обратиться ежечасно изъ родственника въ чужеродца, изъ союзника во врага; такимъ же изгоемъ, т. е. опять-таки чужеродцемъ, становится и всякій нарушившій свои обязанности къ роду, будетъ ли этимъ нарушеніемъ преступное дѣяніе или упущеніе (напримѣръ, неучастіе въ кровномъ возмездіи). Намъ не трудно было бы доказать на анализѣ отдѣльныхъ институтовъ, напримѣръ, брака отработкомъ, уводомъ или покупкой невѣсты, или еще усыновленія въ символической формѣ пріобщенія къ очагу, что всѣ стороны юридической и религіозной жизни дикарей отнюдь не представляютъ собою той анархіи, какую рисуетъ себѣ воображеніе Тарда. Согласованности этихъ идей и представленій содѣйствуетъ самая ихъ бѣдность, которой Тардъ почему-то не хочетъ признать. Вообще точка зрѣнія Спенсера на народную психологію дикарей несравненно ближе отвѣчаетъ той, какой придерживаются современные этнологи съ Тейлоромъ во главѣ; но съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятнымъ является и дальнѣйшее утвержденіе, что процессъ развитія этихъ первичныхъ идей состоялъ въ ихъ дифференціаціи и интеграціи, положеніе, котораго не хочетъ признать Тардъ въ виду допускаемаго имъ обилія и несогласованности религіозныхъ и юридическихъ понятій въ періодъ младенчества человѣческаго рода. Если стать на защищаемую нами точку зрѣнія, то придется сказать, что изъ Тардовой классификаціи выпадаетъ первое звено. Второй и третій періоды, въ которыхъ, по мнѣнію Тарда, сказывается все больше и больше стремленіе къ генерализаціи открытій, а равно и къ ихъ накопленію, не настолько существенно отличаются другъ отъ друга, чтобы можно было выдѣлять ихъ въ разныя категоріи. И получается въ концѣ концовъ признаніе той и безъ того бьющей въ глаза истины, что, рядомъ съ открытіями, идутъ съ самаго начала и попытки къ ихъ систематизаціи. Безъ этого, впрочемъ, немыслимо было бы существованіе ни родовыхъ обществъ, ни народныхъ, ни анимизма и фетишизма, ни монотеизма. На всѣхъ ступеняхъ развитія человѣчества сказывается стремленіе къ согласованію идей. Только эти идеи и представленія могутъ быть цѣпью нелѣпостей и предразсудковъ или цѣпью научныхъ истинъ. И вотъ въ этомъ-то преемствѣ, въ этой замѣнѣ первой цѣпи второй и есть нѣчто безповоротное; но, говоря это, мы очевидно становимся на ту точку зрѣнія, по которой умственное развитіе опредѣляетъ собою ходъ остальныхъ, т. е. на точкѣ зрѣнія самого основателя соціологіи Конта. Всѣ эти соображенія очевидно не удовлетворятъ человѣка, который думаетъ, что отмѣченныя имъ три стадіи непремѣнно слѣ-

дуютъ другъ за другомъ въ указанномъ порядкѣ, и что тотъ же порядокъ можетъ быть обнаруженъ и въ развитіи той высшей генерализаціи, въ которой комбинируются всѣ отдѣльныя системы идей и учрежденій. Изъ эмбріоновъ націй, какими являются укрѣпленныя городища и прочія селенія, будто бы не имѣвшія на первыхъ порахъ между собою никакой связи (Тардъ говоритъ, что они были столь же разобщены, какъ Франція и Японія въ средніе вѣка), слагаются, по его мнѣнію, послѣ продолжительныхъ кровопролитій, характеризующихъ собою вторую фазу развитія—эпоху насильственнаго сближенія націй, обширныя и замиренныя имперіи. Таковъ, восклицаетъ Тардъ, законъ нормальнаго развитія, законъ, прибавимъ отъ себя, для обоснованія котораго потребовалось произвольное допущеніе начальнаго періода полной якобы разобщенности, которой мы не встрѣчаемъ въ дѣйствительности даже у охотничьихъ племенъ; вѣдь, по словамъ того же Тарда, съ которымъ мы въ данномъ случаѣ вполнѣ согласны, охота на первыхъ порахъ всегда велась партіями и индивидуализировалась только со временемъ.

Въ особомъ параграфѣ Тардъ разсматриваетъ возможныя послѣдствія такъ называемой имъ логической дуэли. Страница, на которой они изложены, принадлежитъ къ числу лучшихъ въ его сочиненіи, прежде всего по отсутствію расплывчивости, недостатокъ, отъ котораго Тардъ далеко не можетъ считаться свободнымъ, а во-вторыхъ, потому, что изложенныя на ней положенія дѣйствительно имѣютъ тотъ характеръ общности, который позволяетъ смотрѣть на нихъ, какъ на эмпирическіе законы. Тардъ различаетъ пять возможныхъ исходовъ: одна идея устраняетъ или, какъ онъ говоритъ, убиваетъ другую. Она дѣлаетъ это въ томъ смыслѣ, что разъ устраненная ею перестаетъ быть предметомъ подражанія. Обыкновенно это происходитъ такимъ образомъ: старой идеѣ ставятся преграды, останавливающія порожденный ею потокъ подражанія. Эти преграды могутъ заключать въ себѣ элементъ насилія; но онѣ могутъ также и не имѣть его, такъ, напримѣръ, когда новая мода, скажемъ символизмъ, декадентство и т. д., завоевываютъ молодыя поколѣнія, не измѣняя въ то же время вкусовъ старыхъ. Второй исходъ имѣетъ мѣсто тогда, когда старая идея, скажемъ старый юридическій обычай, оказываетъ достаточное противодѣйствіе, чтобы поставить новую идею въ необходимость допустить сохраненіе, если не содержанія, то формы стараго. Въ эту категорію входятъ, очевидно, всякаго рода переживанія. Третій исходъ, старинныя идеи и ихъ воплощенія—религія, политическій строй и т. д. попадаютъ въ подчиненное, зависимое, вассальное положеніе къ новымъ идеямъ и порядкамъ. Боги поко-

ренныхъ Римомъ городовъ нерѣдко ставились въ такое отношеніе къ богамъ города-завоевателя. Такимъ же точно образомъ малороссійское обычное право сдѣлалось дополнительнымъ мѣстнымъ закономъ по отношенію къ праву великорусскому въ губерніяхъ Кіевской, Черниговской, Полтавской и т. д. Послѣдній фактъ представляетъ, впрочемъ, уже разновидность, указывающую на возможность и четвертаго исхода, при которомъ старое продолжаетъ жить, но въ ограниченной сферѣ, въ извѣстной мѣстности, въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ и т. д. Такова судьба діалектовъ, положимъ малороссійскаго языка въ Галиціи, языка басковъ въ Пиренеяхъ и въ такой же степени нѣкоторыхъ юридическихъ нормъ, напримѣръ, обычая равнаго раздѣла наслѣдства въ Кентѣ, или минората въ нѣкоторыхъ городахъ Англіи. Наконецъ, пятый исходъ предполагаетъ появленіе новаго открытія, которое утилизируетъ для своихъ цѣлей борющіяся идеи и, примиряя ихъ, тѣмъ самымъ кладетъ конецъ ихъ поединку.

§ 5.

Въ своей совокупности, «Законы подражанія» и «Соціальная Логика» содержатъ въ себѣ довольно полное и разностороннее изложеніе основныхъ соціологическихъ взглядовъ Тарда. Въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ, какъ напр., въ «Трансформаціяхъ права», въ «Трансформаціи власти» и въ «Экономической психологіи». Тардъ только примѣняетъ свои общія положенія къ праву, политикѣ и экономикѣ. Онъ сдѣлалъ также попытку резюмировать въ сжатой формѣ, доступной для большой публики, свои основныя мысли, для чего и изданъ былъ имъ небольшой томикъ, озаглавленный «Соціальные законы». Наконецъ, въ отдѣльномъ трактатѣ онъ взялся доказать невозможность другихъ психологическихъ факторовъ общественности, по крайней мѣрѣ постоянныхъ, помимо открытія и подражанія. Это сочиненіе подъ заглавіемъ «Всемірное противорѣчіе» появилось въ 1897 году. Въ немъ Тардъ мастерски развиваетъ ту мысль, что со временъ Аристотеля сплошь и рядомъ указывались не дѣйствительныя, а мнимыя противорѣчія. Такъ противуполагали землю и небо, востокъ и западъ (Гегель). Это не значитъ, однако, чтобы не существовало и дѣйствительныхъ противорѣчій. Источникъ ихъ надо искать въ возможности для одного явленія остановить или нейтрализировать дѣятельность другого (стр. 219). Тардъ классифицируетъ противорѣчія въ категоріи, статическихъ и динамическихъ, квалитативныхъ и квантитативныхъ. Онъ знакомитъ читателя съ тѣми, которыя встрѣчаются въ области астрономіи, физики, біологіи. Переходя за-

тѣмъ къ соціальнымъ, онъ проводитъ тотъ общій взглядъ, что эти противорѣчія, такъ наглядно проявляющіяся въ войнѣ и конкурренціи, имѣютъ только преходящее значеніе и смѣняются согласіями,—миромъ, кооперацией и умственнымъ единеніемъ. Мы не имѣемъ возможности остановиться подробно на анализѣ этихъ мыслей. Но мы бы желали привлечь вниманіе къ тому факту, что включеніе Тардомъ противорѣчій въ число обсуждаемыхъ имъ философскихъ проблемъ привело его къ новой формулировкѣ того, чѣмъ именно является открытіе или изобрѣтеніе. Противорѣчіе разрѣшается у него приспособленіемъ, и это-то приспособленіе онъ и объявляетъ въ своемъ новомъ сочиненіи «сущностью всякаго открытія» *).

Не лишенъ интереса вопросъ, въ чемъ Тардъ противуполагаетъ свою точку зрѣнія, съ одной стороны, соціологической теоріи Конта, а съ другой, воззрѣніямъ Спенсера. Контъ, говоритъ Тардъ въ своихъ «Соціальныхъ законахъ», мастерски транспонировалъ мысль Боссюэта. Для Конта вся исторія человѣчества необходимо приводитъ къ царству позитивизма, т. е. какого-то свѣтскаго неокатолицизма. Контомъ написана, по мнѣнію Тарда, не соціологія, а философія исторіи. Можно даже назвать его систему послѣднимъ словомъ такой философіи. Она изображаетъ намъ прошлое человѣчества въ видѣ единой эволюціи, принимающей образъ трилогіи; каждая изъ трехъ частей является сама цѣпью отдѣльныхъ пьесъ.

Что же касается до Спенсера, то, по мнѣнію Тарда, онъ думаетъ, что порядокъ, правильность и логическій ходъ въ сферѣ соціальныхъ фактовъ могутъ быть открыты только подъ условіемъ отказаться отъ деталей, по природѣ своей всегда различныхъ. Для Спенсера принципъ и источникъ всякой общественной координаціи лежитъ въ какомъ нибудь крайне общемъ фактѣ, отъ котораго эта координація спускается внизъ, постепенно умаляясь въ своей силѣ. Для Спенсера, какъ и для Боссюэта, человѣкъ волнуется, а руководитъ имъ, взамѣнъ Бога, законъ эволюціи. Моя же точка зрѣнія, замѣчаетъ Тардъ, совершенно отлична и, можно сказать, противоположна только что указанной. Это не значитъ, чтобы для меня между различными и многообразными историческими эволюціями отдѣльныхъ народовъ, текущими подобно рѣкамъ въ одномъ и томъ же бассейнѣ, не могло существовать общихъ наклоновъ. Если многія изъ этихъ рѣчекъ и теряются по дорогѣ, то другія, принявъ въ себя рядъ притоковъ и сдѣлавъ не мало

*) L'invention en somme c'est le nom social de l'adaptation (Opposition Universelle, стр. 428).

изгибовъ, сливаются въ общій потокъ. Онъ, правда, вслѣдъ затѣмъ снова дѣлится на рукава, но нѣтъ основанія думать, что онъ выльется въ море разными руслами. Въ то же время я полагаю, что дѣйствительная причина, породившая этотъ конечный исходъ, торжество такъ называемыхъ историческихъ народовъ надъ прочими, лежитъ въ рядѣ научныхъ открытій и изобрѣтеній промышленности, изобрѣтеній, постоянно накоплявшихся, постоянно утилизировавшихъ другъ друга, образовавшихъ изъ себя свѣтовые снопы и системы. Ихъ реальная, діалектическая цѣпь находитъ отраженіе себѣ въ судьбѣ народовъ, содѣйствовавшихъ ея созданію. Но если подняться до первоисточника этого научнаго и промышленнаго потока, то имъ окажутся геніи людей знаменитыхъ или оставшихся въ неизвѣстности, которые присоединили какую нибудь истину, какой нибудь новый пріемъ, къ вѣковому наслѣдію человѣчества. Тѣмъ самымъ они сдѣлали болѣе гармоничными отношенія людей между собой, развивая то, что есть общаго въ ихъ мысляхъ и индивидуальныхъ усиліяхъ. Расходясь одинаково съ Контомъ и Спенсеромъ, Тардъ настаиваетъ на томъ, что изученіе подробностей одно ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ вполнѣ удачными приспособленіями; въ этихъ подробностяхъ надо искать причину различій Чѣмъ выше мы подымемся надъ мелкими соціальными группами, какими являются семья, школа, мастерская, приходъ, монастырь, полкъ, городъ, провинція, нація, тѣмъ менѣе совершенной предстанетъ передъ нами картина человѣческой солидарности (Les lois sociales, стр. 126).

Въ сочиненіи о «Всемірномъ противорѣчіи» Тардъ указываетъ еще на одну особенность своей теоріи прогресса отъ той, какой, вслѣдъ за Контомъ, придерживаются позитивисты. Милль, замѣчаетъ онъ, повидимому не допускалъ иного выбора, какъ между круговращательнымъ движеніемъ Вико и безпредѣльнымъ прогрессомъ, въ общихъ чертахъ уже намѣченнымъ Кондорсэ и окончательно формулированнымъ Контомъ. Но мнѣ кажется, что возможны и другія концепціи. Теорія Конта произвольно допускаетъ единую соціальную эволюцію, въ которой участвуютъ всѣ общества; но ничто не препятствуетъ въ дѣйствительности множеству и разнообразію такихъ эволюцій. Съ другой стороны, отрицать безграничность прогресса, единаго или многообразнаго, еще не значитъ признавать измѣнчивость того ряда, въ какомъ слѣдуютъ другъ за другомъ соціальные факты. Ничто не препятствуетъ допущенію, что параллельными или расходящимися путями, одинаковыми или несходными, человѣческія общества стремятся достигнуть не зрѣлаго возраста, фатально смѣняемаго старостью и

смертью, но состоянія подвижнаго равновѣсія, способнаго держаться и видоизмѣняться до безконечности, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится внѣшняго препятствія, кладущаго конецъ его существованію. Такимъ образомъ, нашему уму можетъ представиться не два исхода, какъ думаетъ Милль, а цѣлыхъ семь. Первый—соціальныя эволюціи, многообразныя, но сходныя между собою, сопровождаемыя соціальнымъ упадкомъ и разложеніемъ. Второй—соціальныя эволюціи, многообразныя и несходныя, за которыми слѣдуетъ такое же разложеніе. Третій—соціальныя эволюціи многообразныя, сходныя или несходныя, но приводящія къ равновѣсію прочному и въ то же время подвижному. Четвертый—соціальныя эволюціи многообразныя, безгранично прогрессирующія. Пятый—единая соціальная эволюція, безконечно прогрессирующая. Шестой—единая соціальная эволюція, приводящая къ равновѣсію устойчивому и подвижному. Седьмой—единая соціальная эволюція, сопровождающаяся разложеніемъ. Если всѣ эти разнообразныя комбинаціи прогресса и регресса одинаково могутъ представиться нашему уму, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Тардъ считалъ ихъ одинаково возможными на дѣлѣ. Наоборотъ, онъ полагаетъ, что мы должны отбросить всѣ и каждую изъ нихъ, за исключеніемъ той, которой допускается разнообразіе и множество соціальныхъ эволюцій, одинаково приводящихъ къ равновѣсію, прочному и подвижному (Opposition universelle, стр. 331, 332).

Мы не продолжимъ далѣе нашей передачи соціологической теоріи Тарда. И сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы показать, что мы имѣемъ дѣло съ самостоятельнымъ и стройнымъ ученіемъ, одинаково обнимающимъ и соціальную статику, и соціальную динамику.

Въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ Тардъ во многомъ освободился отъ первоначальной односторонности. Теорія приспособленія, какъ заключающаго въ себѣ элементъ творчества, хотя бы и второстепеннаго, вѣрнѣе выражаетъ характеръ общественныхъ явленій, чѣмъ теорія заимствованія. Ученіе Тарда нашло также существенное пополненіе въ только что приведенной нами формулѣ прогресса.

И при всемъ томъ мы не думаемъ, чтобы Тарду удалось обосновать абстрактную науку объ обществѣ или соціологію. И вотъ по какой причинѣ. Въ противность ея основателю Конту, пытавшемуся дать этой новой наукѣ ея собственный законъ, какимъ является въ его системѣ законъ трехъ стадій, Тардъ строитъ обществовѣдѣніе на законахъ психологическихъ. Я полагаю, что соціологія, какъ самая сложная изъ всѣхъ абстрактныхъ наукъ,

несомнѣнно раскрываетъ собою дѣйствіе, какъ общаго закона неорганической природы, закона неистребляемости матеріи и сохраненія энергіи, такъ и закона органическаго развитія, происходящаго подъ вліяніемъ борьбы сперва за существованіе, затѣмъ за преобладаніе, наконецъ и психологическаго закона взаимодѣйствія порождаемыхъ вѣрованіями и желаніями открытій и подражаній. Но ко всѣмъ этимъ законамъ, заимствованнымъ изъ наукъ, ниже ея стоящихъ на іерархической лѣстницѣ отвлеченнаго знанія, соціологія необходимо должна присоединить свои собственные законы, которыхъ у Тарда нѣтъ.

ГЛАВА II.

Соціологическая доктрина Гиддингса.

§ 1.

Попытку систематическаго проведенія ученій психологической школы можно найти въ «Принципахъ соціологіи» американскаго профессора Франклина Гиддингса. Эта книга заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ: за исключеніемъ трактата Эспинаса, я нигдѣ не нашелъ такого широкаго пользованія явленіями общественности, встрѣчаемыми въ животномъ царствѣ, для объясненія природы и генезиса человѣческихъ союзовъ. Нигдѣ также соціологія не спускается въ такой степени съ высотъ абстрактной науки, на какую возвелъ ее Контъ, и не принимаетъ въ большей степени характеръ какой-то пропедевтики къ спеціальнымъ общественнымъ дисциплинамъ. Наконецъ, и въ этомъ отношеніи книга Гиддингса мнѣ кажется всего болѣе поучительной, нигдѣ не отсутствуетъ въ такой мѣрѣ вполнѣ естественное стремленіе къ установленію не простыхъ обобщеній, а законовъ, безъ которыхъ очевидно соціологія такъ же мало можетъ обойтись, какъ и всякая вообще наука. Невольно напрашивается мысль, не лежитъ ли въ природѣ самого метода коллективно-психологическаго, метода, орудующаго только понятіями вѣрованій и желаній, открытій и подражаній, причина, по которой Гиддингсъ обнаруживаетъ полное безсиліе въ созданіи стройной соціологической системы. Но если такъ, то не можетъ ли эта книга служить доказательствомъ той истины, что, какъ заимствующая свои основныя посылки изъ другихъ наукъ, біологіи и психологіи, соціологія можетъ стать на ноги только съ момента установленія ею собственныхъ законовъ.

Гиддингсъ расходится въ пониманіи природы соціологіи одинаково со школою Конта и школою Спенсера въ томъ смыслѣ, что для него наука объ обществѣ не распадается на два главные отдѣла, статики и динамики, т. е. ученій о порядкѣ и прогрессѣ. И все же въ его книгѣ можно найти двѣ рѣзко отличныя части: ученіе объ элементахъ и структурѣ общества и ученіе объ его исторической эволюціи, части очевидно вполнѣ отвѣчающія установившемуся дѣленію на статику и динамику.

Психологическая точка зрѣнія сразу выступаетъ у Гиддингса въ самомъ опредѣленіи общества. Въ первичномъ смыслѣ, говоритъ онъ, это слово означаетъ взаимность, ассоціацію. Въ широкомъ же и научномъ, общество—группа сознательно дѣйствующихъ индивидовъ, подлежащихъ непрестанному развитію, которое приводитъ ихъ къ установленію постоянныхъ отношеній, превращаемыхъ временемъ въ сложную и прочную организацію. Самую соціологію авторъ признаетъ не болѣе, какъ систематическимъ описаніемъ и объясненіемъ общества въ его цѣломъ. Она для него общая наука соціальныхъ феноменовъ. Впрочемъ, на ближайшей страницѣ соціологія является уже попыткой объяснить ростъ, структуру и жизнь общества, благодаря дружному дѣйствію физическихъ, біологическихъ и психическихъ причинъ. Свою попытку построенія соціологіи Гиддингсъ противуполагаетъ той, которая сдѣлана была Спенсеромъ. Послѣднему и его школѣ ставится въ вину, что они даютъ преимущественно физическую философію общества, несмотря на широкое пользованіе и біологическими и психическими данными. Гиддингсъ объявляетъ, что въ его трактатѣ комбинированы оба способа интерпретаціи общественныхъ явленій,—объективный и субъективный. Волевой процессъ, по Гиддингсу, существенъ для пониманія соціологіи. Примыкая такимъ образомъ къ Тарду, онъ въ то же время ставитъ ему въ вину, что онъ невѣрно понялъ природу соціальнаго фактора. Подражаніе, какъ таковое, другими словами, воздѣйствіе одного ума на другіе, можетъ и не сопровождаться ассоціацией, т. е. можетъ не имѣть послѣдствіемъ созданіе чего-то соціальнаго. Такъ, змѣя гипнотизируетъ птицу и пожираетъ ее, но изъ этого не вытекаетъ еще никакихъ соціальныхъ послѣдствій. Элементарный общественный фактъ стоитъ въ тѣсномъ отношеніи къ внушенію и подражанію, но не является самъ ни тѣмъ, ни другимъ. Что же въ глазахъ Гиддингса имѣетъ право считаться такимъ первичнымъ соціальнымъ фактомъ? Онъ признаетъ имъ чисто субъективное явленіе — сознаніе породы. Авторъ объясняетъ свою мысль, говоря: я понимаю подъ этимъ такое состояніе сознанія, въ которомъ всякое существо, на ка-

кой бы жизненной ступени оно ни стояло, готово признать любое такое же разумное существо одной съ нимъ породы. Такое сознаніе можетъ быть послѣдствіемъ подражанія или внушенія, оно въ свою очередь можетъ повести къ соглашенію и союзу, но также и къ другимъ послѣдствіямъ. Такимъ образомъ сознаніе породы—понятіе менѣе общее, чѣмъ внушеніе и подражаніе, и болѣе общее, чѣмъ ассоціація. Оно дѣйствуетъ въ разныхъ направленіяхъ, но весь путь, проходимый обществомъ, проложенъ этимъ сознаніемъ. Въ широкомъ смыслѣ сознаніе породы отличаетъ одушевленное отъ неодушевленнаго. Въ обширномъ царствѣ одушевленныхъ существъ оно проводитъ различіе между породами и расами. Въ средѣ самихъ расъ оно поддерживаетъ группировку индивидовъ въ этническіе и политическіе союзы; оно же является основою классовыхъ дѣленій, разнообразнѣйшихъ формъ сообществъ и т. д. Наше поведеніе съ тѣми, кто намъ кажется болѣе походящимъ на насъ, отличается инстинктивно и разсудочно отъ того, какого мы держимся по отношенію къ тѣмъ, кого мы считаемъ несходными съ нами. Изучить вліяніе, какое сознаніе породы оказываетъ на всѣ проявленія общественности, то же, что дать полную субъективную интерпретацію общества.

Такое заявленіе оправдываетъ замѣчаніе Тарда, что Гиддингсъ заимствовалъ у него основныя посылки своей системы. Въ числѣ ихъ стоитъ прежде всего представленіе о первичномъ соціальномъ фактѣ, какъ о сознаніи породы. «По моему мнѣнію, говоритъ Тардъ, основнымъ соціальнымъ фактомъ надо признать то междоумственное отношеніе, которое съ объективной точки зрѣнія кажется намъ подражаніемъ, а съ субъективной является прирожденной симпатіей, воспріимчивостью, общежительностью. Таково ли также мнѣніе Гиддингса? Невполнѣ. Но малаго не хватаетъ къ тому, чтобы онъ раздѣлилъ его съ нами». «При широкомъ пользованіи теоріей подражанія и вытекающими изъ нея законами, Гиддингсъ, продолжаетъ Тардъ, считаетъ нужнымъ признать въ общественной группѣ другое связующее начало, чѣмъ то, какое представляетъ собою цѣпь подражаній. На самомъ же дѣлѣ эта связь, обозначаемая имъ не вполнѣ подходящимъ терминомъ сознанія породы, не болѣе какъ субъективная сторона указаннаго мною междоумственнаго отношенія. Вѣдь сознаніе породы—породы общественной разумѣется, а не физіологической, то же, что я называю соціальной симпатіей, другими словами опредѣленное сознаніе границъ общественной группы (См. Etudes de psychologie sociale, стр. 291).

Заимствуя такимъ образомъ всецѣло у Тарда свое ученіе о первичномъ соціальномъ фактѣ, Гиддингсъ понимаетъ и область

соціологіи въ томъ же смыслѣ, что Тардъ. Психологія, говоритъ онъ, есть наука объ ассоціаціи идей; соціологія же—наука объ ассоціаціи умовъ. Тардъ правъ поэтому, когда говоритъ: подобно намъ Гиддингсъ признаетъ за соціологіей психологическія основы. Соціологъ, по мнѣнію Гиддингса, какъ и по моему, долженъ быть прежде всего психологомъ (ibid. стр. 290).

Подобно прочимъ авторамъ полныхъ трактатовъ о соціологіи, Гиддингсъ отводитъ нѣсколько страницъ разсмотрѣнію мѣста, занимаемаго его наукой въ рядѣ другихъ. Отмѣтимъ, что, заодно съ Спенсеромъ, онъ ставитъ ее немедленно вслѣдъ за психологіей. Область первой ограничивается изученіемъ феноменовъ индивидуальнаго разума; область второй—феноменовъ нѣсколькихъ разумовъ, ассоціированныхъ между собой. Указавъ мѣсто соціологіи на лѣсницѣ наукъ, Гиддингсъ занимается послѣдовательно вопросомъ объ отношеніи ея къ спеціальнымъ общественнымъ дисциплинамъ. Въ этотъ вопросъ онъ вноситъ слѣдующую оригинальную черту: соціологія, говоритъ онъ, есть общая соціальная наука, но общая наука не то же, что группа наукъ. Это наука объ элементахъ и основныхъ принципахъ. Въ этомъ отношеніи для соціолога можетъ служить примѣромъ біологія: какъ послѣдняя является наукой о жизни, такъ соціологія — наукой объ обществѣ. Вотъ тѣ вопросы, на которые она должна необходимо отвѣтить: представляетъ ли общество единое цѣлое, а общественная дѣятельность нѣчто непрерывное? Существуютъ ли извѣстные основные факты, основныя причины, основные законы, которые были бы присущи всякого рода общежитіямъ и во всѣ времена? Вмѣсто того, чтобы быть суммою соціальныхъ наукъ, соціологія въ дѣйствительности — общій для всѣхъ ихъ базисъ. Ея основные принципы должны служить постулатами для спеціальныхъ наукъ объ обществѣ. Ни экономика, ни политика не могутъ восходить до первичныхъ фактовъ общественнаго порядка. Обѣ науки принимаютъ безъ всякаго объясненія основной феноменъ человѣческой ассоціаціи. Ни одна изъ спеціальныхъ наукъ объ обществѣ не задается также вопросомъ о происхожденіи тѣхъ мотивовъ, дѣйствію которыхъ приписывается все, что происходитъ въ общественной жизни человѣчества. Такъ, напримѣръ, политическая экономія несомнѣнно имѣетъ дѣло съ желаніями, какъ двигателями экономическаго міра. Ихъ числомъ, интензивностью, формою опредѣляются человѣческія дѣйствія, безчисленные фазисы въ развитіи промышленности и торговли. Но изъ этого не слѣдуетъ, что та же политическая экономія занимается вопросомъ о происхожденіи этихъ желаній, объ условіяхъ ихъ эволюціи и т. д. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ входитъ непосредственно въ задачу соціологіи.

Наиболѣе спорною я считаю дальнѣйшую мысль автора о томъ, что соціологія, вопреки утвержденію Конта, не есть наука абстрактная, а наоборотъ конкретная. Гиддингсъ аргументируетъ слѣдующимъ образомъ: соціологія не есть абстрактная наука, пишетъ онъ, хотя она и пользуется отвлеченіемъ, какъ всякая настоящая наука, а именно тогда, когда ей предстоитъ обособить изучаемые ею феномены отъ всѣхъ остальныхъ или раскрыть тѣ спеціальныя силы или мотивы, которые обособляютъ эти явленія. Абстрактной наукой, продолжаетъ онъ, надо считать только такую, которая слѣдитъ за дѣятельностью извѣстнаго принципа, или извѣстной двигающей силы, во всѣхъ ея манифестаціяхъ и этимъ только и ограничиваетъ свою задачу. Всякая же конкретная наука не только задается тѣми же вопросами, но сверхъ того еще раскрываетъ тѣ пути, какими проявленія открытой ею спеціальной силы или мотива комбинируются съ манифестаціями другихъ силъ или мотивовъ и тѣмъ порождаютъ конкретныя группировки реальнаго міра. Такова именно задача соціологіи. Подобно біологіи и психологіи, она занимается конкретной группировкой феноменовъ. Основные принципы соціальной эволюціи, ею формулируемые, являются конкретными истинами. Она — описательный, историческій и объяснительный этюдъ общества, разсматриваемаго какъ конкретная реальность. Спеціальныя общественныя науки, какъ обособленныя отъ соціологіи, также являются науками конкретными (стр. 38 и 39). Я перевелъ почти цѣлую страницу и думаю, что читателю такъ же будетъ мудрено вывести убѣжденіе въ конкретности соціологіи, какъ трудно сдѣлать это мнѣ. Я полагаю, что тамъ, гдѣ извѣстныя явленія изучаются независимо отъ условій времени и мѣста, не можетъ быть рѣчи о наукѣ конкретной. Вотъ почему и въ спеціальныхъ наукахъ объ обществахъ, какъ, положимъ, политическая экономія, рядомъ съ конкретными явленіями, вниманіе обращено и на явленія абстрактныя. Разъ я изучаю, напримѣръ, происхожденіе ренты или заработной платы, я имѣю возможность поставить себѣ вопросъ или объ общихъ условіяхъ, вызывающихъ ихъ къ жизни и опредѣляющихъ ихъ взаимное отношеніе, или о тѣхъ видоизмѣненіяхъ этихъ общихъ условій, какія вызываются обстоятельствами мѣста и времени; вотъ почему и соціологія, которая вздумала бы объяснить общественный укладъ того или другого народа въ частности и исторію его сложенія, перестала бы орудовать одними абстрактными понятіями. Другое дѣло общая соціологія. Раскрываемые ею факторы общественности въ ихъ поступательномъ ростѣ должны дать ключъ къ объясненію разнообразнѣйшихъ явленій общежительной природы человѣка, независимо отъ того, въ какомъ климатѣ разви-

ваются эти явленія или въ средѣ какой расы и народа, или, наконецъ, въ какой опредѣленный моментъ его исторіи. Когда я говорю, напримѣръ, о значеніи возрастающей плотности населенія, или о роли раздѣленія труда, или о вліяніи борьбы интересовъ и т. д. на общественную структуру, я имѣю въ виду не спеціально ту или другую страну, ту или другую эпоху, а всѣ страны и всѣ эпохи. Такъ разсуждалъ и Контъ, думавшій, что въ смѣнѣ теологическаго міросозерцанія метафизическимъ и научнымъ лежитъ ключъ къ пониманію не только умственнаго прогресса человѣчества, какъ не прочь думать и мы, но и всѣхъ проявленій общественности въ ихъ поступательномъ движеніи. Это различіе абстрактныхъ и конкретныхъ законовъ, абстрактной и конкретной науки, не представляетъ одного теоретическаго интереса. Важность его вытекаетъ изъ невозможности объяснить всѣ общественныя явленія опредѣленной конкретной среды однимъ дѣйствіемъ абстрактныхъ законовъ. Въ каждой конкретной средѣ эти абстрактные законы встрѣтятъ рядъ причинъ, какъ ускоряющихъ ихъ дѣйствіе, такъ и тормозящихъ его. Съ ними поневолѣ придется считаться и народному психологу и культуръ-историку. Это необходимо напомнить для того, чтобы притти къ заключенію, что въ той дефиниціи, какую Гиддингсъ даетъ соціологіи, имѣются всѣ элементы абстрактной науки. Все что можно сказать послѣ внимательнаго чтенія его формулы — это то, что соціологъ, по мнѣнію Гиддингса, не долженъ ограничиться указаніемъ на одну природу первичныхъ факторовъ общественности, но и слѣдить за ихъ комбинаціей въ опредѣленныхъ общественныхъ группахъ, будутъ ли ими семьи, роды, государства и т. д. Но такъ какъ каждая изъ этихъ группъ не есть еще явленіе конкретное, такъ какъ ему недостаетъ для этого пріуроченья къ извѣстному времени и мѣсту, то нѣтъ очевидно основанія видѣть въ сказанномъ обстоятельствѣ достаточную причину къ признанію общей науки о соціальныхъ явленіяхъ наукой конкретной.

Впрочемъ, Гиддингсъ не случайно употребляетъ терминъ конкретный въ примѣненіи къ соціологіи. Это позволяетъ ему говорить въ ней о цѣломъ рядѣ вопросовъ, которымъ мѣсто въ курсахъ антропологіи, этнографіи, древнѣйшей исторіи права, но которые только затрудняютъ для читателя пониманіе дѣйствительныхъ задачъ соціологіи и ожидаемыхъ отъ нея рѣшеній. Вопросы о томъ, каковы были первичныя расы, населявшія земной шаръ, и каково было ихъ число, разумѣется, не лишены значенія, но мѣсто имъ не въ курсѣ соціологіи. Для этнолога имѣютъ первостепенную важность вопросы объ историческомъ преемствѣ материнской и отеческой семьи, но отъ соціолога едва ли кто ожидаетъ длиннаго экскурса на эту тему.

Всѣ эти отступленія, хотя и маскируютъ отсутствіе у Гиддингса какихъ-либо самостоятельныхъ и опредѣленныхъ воззрѣній насчетъ основныхъ факторовъ общественнаго порядка и прогресса, но все же не настолько, чтобы читатель, добравшись не безъ труда до конца книги, не очутился въ нелегкомъ положеніи человѣка, спрашивающаго себя, да каковы же въ дѣйствительности законы только что обозрѣнной мною науки? Этихъ законовъ у Гиддингса нельзя найти. Мѣсто ихъ занимаютъ категоріи и классификаціи. Категорій много, и классификація сложная. Тардъ справедливо указываетъ на то, что въ отличіе отъ большинства соціологовъ, пристрастныхъ къ тріадамъ, Гиддингсъ отдаетъ предпочтеніе четверкамъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что эта черта у него общая съ нашимъ извѣстнымъ отрицателемъ всякой соціологіи, Б. Н. Чичеринымъ. Тарду не трудно показать, что четверки Гиддингса съ удобствомъ могутъ быть сведены къ простымъ противуположеніямъ, съ которыми автору Законовъ Подражанія несравненно легче справиться, благодаря тому, что онъ самъ долго довольствовался введенной въ моду Гюго погоней за антитезами (изобрѣтеніе и подражаніе, подражаніе—обычай и подражаніе—мода и т. д.). Какъ бы то ни было, но все сказанное не избавляетъ насъ отъ необходимости по крайней мѣрѣ бѣглаго обзора лежащаго передъ нами курса. Книга Гиддингса именно и производитъ впечатлѣніе такого курса, въ которомъ попутно сообщается слушателямъ рядъ полезныхъ свѣдѣній изъ области смежныхъ наукъ, и самостоятельность писателя-учителя выступаетъ болѣе въ подробностяхъ, чѣмъ въ основныхъ взглядахъ. Этимъ объясняется, почему въ главѣ о методахъ соціологіи, напримѣръ, мы почти ничего не находимъ такого, что бы могло считаться существеннымъ дополненіемъ къ тѣмъ частямъ Логики Милля, въ которыхъ доказывается необходимость индуктивно-дедуктивнаго пріема для соціологовъ, такъ какъ въ общественныхъ наукахъ мы лишены возможности пользоваться рядомъ методовъ, доступныхъ другимъ наукамъ, какъ-то методомъ попутныхъ измѣненій, методомъ разностей и т. д. Я отмѣчу только для характеристики всего направленія Гиддингса его упорное настаиваніе на необходимости для соціолога основательной психологической подготовки. «Ничто, говоритъ онъ, не можетъ быть полезнѣе для человѣка, желающаго заняться соціологіей, какъ овладѣть методомъ психологическаго синтеза. Всякій, занимающійся экономіей или правомъ, вскорѣ убѣждается въ томъ, что ему нельзя обойтись безъ критической оцѣнки тѣхъ психологическихъ данныхъ, на которыхъ опирается и право, и хозяйство.» Все это справедливо, но въ чемъ мы не можемъ послѣдовать за авторомъ— это въ утвержденіи, что державшееся еще недавно мнѣніе, будто

общественная наука нуждается въ особенно широкомъ примѣненіи историческаго метода, въ настоящее время оставлено. Мѣсто его, замѣчаетъ Гиддингсъ, заняло убѣжденіе въ пользѣ болѣе свободнаго обращенія съ анализомъ и дедукціей. Я думаю, что въ то время, когда Контъ положилъ основу соціологіи, пользованіе методомъ дедуктивнымъ—было не менѣе распространено, чѣмъ теперь; оно въ значительной степени обусловливалось неспособностью исторіи дать въ началѣ сороковыхъ годовъ протекшаго столѣтія серьезный отвѣтъ на такіе, напримѣръ, вопросы, какъ хозяйственное развитіе народовъ современной Европы, не говоря уже о народахъ древности. Въ одной изъ лекцій ближайшаго истолкователя контизма Пьера Лафита, прослушанной мною въ Коллегіумѣ соціальныхъ наукъ въ Парижѣ, представлены были серьезныя возраженія противъ обычныхъ обвиненій Конта въ недостаточности его историческихъ знаній. Лекторъ справедливо указывалъ, что въ вину основателю соціологіи можно поставить незнакомство развѣ съ трудами Герара, который первый пролилъ яркій свѣтъ на условія средневѣковаго хозяйства. Вспоминая теперь объ этихъ словахъ, я затрудняюсь прибавить къ нимъ что-либо, такъ какъ дѣйствительно во всей литературѣ того времени я не нахожу ничего способнаго существенно измѣнить тѣ взгляды, какіе Контъ составилъ себѣ объ общественной эволюціи новыхъ народовъ. Но положеніе значительно измѣнилось съ того времени. Не безъ воздѣйствія контовой соціологіи возникли цѣлыя научныя дисциплины, какъ, напримѣръ, исторія экономическаго развитія Европы или исторія ея политическихъ учрежденій, не говоря уже объ исторіи религій и исторіи языка, бывшихъ еще въ младенчествѣ въ его время. Сравнительное изученіе обычаевъ и обрядовъ, модъ и привычекъ, въ свою очередь, настолько подвинулось впередъ, что Спенсеру уже явилась возможность посвятить цѣлый отдѣлъ своего трактата о соціологіи изученію того, что онъ называетъ «церемоніальнымъ правительствомъ». При всѣхъ этихъ счастливыхъ перемѣнахъ въ области конкретныхъ наукъ объ обществѣ, при совершенно новой постановкѣ не только ученія о первобытной матеріальной культурѣ, но и о культурѣ духовной, возможно ли, чтобы новѣйшіе трактаты о соціологіи обошлись безъ помощи историческаго метода? Примѣръ самого Гиддингса убѣждаетъ въ противномъ. Добрая половина его книги не болѣе, какъ резюме работъ археологовъ, этнологовъ, историковъ хозяйства и права, не говоря уже объ антропологахъ. Сколько бы онъ ни настаивалъ на особенностяхъ своего психологическаго метода, послѣдній все же остается тѣмъ же методомъ обратной дедукціи, какого придерживались первые творцы абстрактной науки

объ обществѣ, Контъ и Спенсеръ. Съ послѣднимъ не раздѣляетъ его даже взглядъ на общество, какъ на организмъ. Не настаивая особенно на этомъ уподобленіи, онъ въ то же время признаетъ его правильнымъ и охотно говоритъ объ общественномъ составѣ, какъ о подобномъ живому организму съ его клѣточками, и объ общественной структурѣ, какъ о представляющей ту же дифференціацію тканей и органовъ, какую можно найти въ живомъ организмѣ (гл. IV о задачахъ соціологіи). Впрочемъ, какъ во всѣхъ компиляціяхъ, какъ бы ловко послѣднія ни были сдѣланы, такъ и въ книгѣ Гиддингса противуположныя направленія не исключаютъ другъ друга. Тогда какъ въ цѣльномъ и самостоятельно продуманномъ соціологическомъ міросозерцаніи Тарда уже потому нѣтъ мѣста для спеціальныхъ разсужденій о соціальныхъ клѣточкахъ и ткани, что всѣ общественные феномены являются у него отношеніями междоумственными, въ книгѣ Гиддингса мы найдемъ отголосокъ и ученій психологической школы, къ которой онъ самъ себя причисляетъ, и ученій школы органической. Мало того, онъ слѣдуетъ одновременно не только за Тардомъ и Спенсеромъ, но и за расходящимся по крайней мѣрѣ съ первымъ Дюркгеймомъ въ установленіи между обществами тѣхъ различій, какія порождаетъ существованіе въ однихъ и отсутствіе въ другихъ раздѣленія труда. Онъ не прочь также признать существенное значеніе за расою, подобно тому, какъ это дѣлалъ Гумиловичъ, хотя его представленіе о ней нѣсколько отлично и, какъ намъ кажется, болѣе правильно. Вслѣдъ за Ренаномъ Гиддингсъ видитъ въ расѣ не столько продуктъ кровнаго единства, сколько единства культуры.

Всего сказаннаго кажется достаточно, чтобы приготовить читателя къ ближайшему ознакомленію съ двумя главными отдѣлами книги Гиддингса, изъ которыхъ одинъ посвященъ изученію элементовъ и структуры обществъ, т. е. по нашему соціальной статики, а другой—изученію исторической ихъ эволюціи, т. е. общественной динамикѣ. Всѣ элементы общества, пишетъ Гиддингсъ, лежатъ въ его физическомъ базисѣ, въ населеніи. Вотъ почему описательный анализъ общества долженъ начаться съ изученія населенія, сперва со стороны физической, а затѣмъ со стороны его нравственныхъ качествъ и сознательной дѣятельности. Съ самаго начала авторъ допускаетъ, что «извѣстная степень агрегаціи» необходимое условіе для того, чтобы возможна была эволюція общества. И говоря это, онъ очевидно примыкаетъ къ мнѣнію тѣхъ, кто, какъ Контъ, напримѣръ, считали численность населенія, понимаемую одинаково въ смыслѣ массы и плотности, однимъ изъ существеннѣйшихъ факторовъ общественныхъ измѣненій. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія

дальнѣйшія слова Гиддингса: чтобы возможно было сообщеніе между индивидами, взаимная ихъ помощь и товарищество, необходимо сосѣдство и сближеніе. Но если такъ, то почему авторъ не развилъ далѣе своей мысли, не показалъ связи, въ какой общественная структура, въ томъ числѣ раздѣленіе труда, стоитъ съ большей или меньшей густотой населенія; почему не указано имъ вліяніе этого фактора и на измѣненіе соціальнаго состава, разумѣя подъ этимъ не столько замѣну, сколько послѣдовательное восполненіе лицъ, занимавшихся первобытными промыслами, пастухами и земледѣльцами, промышленниками и торговцами, и т. д. Мы не найдемъ у него намека и на ту причинную связь, въ какой различныя стороны общественнаго прогресса стоятъ съ этимъ простѣйшимъ явленіемъ соціальнаго порядка, явленіемъ, не повторяющимся въ животномъ царствѣ и потому не исключительно біологическимъ *). Но перейдемъ къ разбору дальнѣйшихъ мыслей ав-

*) Только въ послѣднемъ отдѣлѣ своей книги,—подводя итогъ разнообразнымъ проявленіямъ того, что онъ называетъ физической стороной общественнаго процесса, Гиддингсъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ вліяніе плотности населенія. «При равенствѣ другихъ условій, говоритъ онъ, прогрессъ того, а не другого общества обусловливается густотою его жителей. Населеніе рѣдкое и разсѣянное не можетъ вести производства иначе, какъ первобытными пріемами и въ слабыхъ размѣрахъ. Ему не свойственно даже самое элементарное раздѣленіе труда. У него не могутъ развиться мануфактуры. Все это возможно при населеніи относительно плотномъ. Развитая политическая жизнь мыслима только тамъ, гдѣ имѣется эта плотность. Гражданская свобода предполагаетъ пренія или дебаты, а послѣдніе мыслимы только при частомъ соединеніи большого числа людей, имѣющихъ разнообразные интересы и смотрящихъ на жизнь съ разныхъ точекъ зрѣнія. Не даромъ движенія въ пользу расширенія народной свободы всегда начинались въ городахъ. (Книга IV. гл. I). Такимъ образомъ оказывается, что Гиддингсъ признаетъ всю важность демотическаго фактора. Скажу больше—онъ идетъ въ этомъ направленіи далѣе, чѣмъ многіе соціологи. Едва ли можно даже подтвердить фактами каждое изъ его заявленій въ этомъ смыслѣ, хотя бы, напримѣръ, то, что народная свобода мыслима только въ густо населенномъ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить въ такомъ случаѣ и народныя собранія древнихъ германцевъ, и наши древнерусскія или вѣрнѣе древнеславянскія вѣча, и то обстоятельство, напримѣръ, что самодержавный народъ римской республики пересталъ играть всякую роль въ императорскій періодъ, несмотря на большую густоту населенія? Но не въ этомъ теперь дѣло, а въ томъ, что всѣмъ этимъ заявленіямъ предшествуетъ длинный очеркъ историческаго развитія общества, въ которомъ Гиддингсомъ не сдѣлано ни малѣйшей попытки провести только что сказанный взглядъ, показать тѣ измѣненія, какія въ жизни древнихъ и новыхъ народовъ вызвало постепенное усиленіе плотности населенія. Разъ этого не сдѣлано, читателю трудно найти въ только что приведенныхъ разсужденіяхъ что-либо, помимо простой передачи тѣхъ мыслей, къ какимъ пришли по данному вопросу другіе писатели по соціологіи, начиная съ Конта и оканчивая, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не однимъ Дюркгеймомъ.

тора о такъ называемомъ имъ «соціальномъ наслоеніи»: Гиддингсъ возстаетъ противъ того представленія о жизни первобытныхъ обществъ, какъ о борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, какое нашло себѣ наиболѣе характерное выраженіе въ извѣстныхъ трактатахъ Гоббса. Взаимно истребляющія другъ друга племена кажутся ему «апріорнымъ допущеніемъ чистаго разума». Но мы позволимъ себѣ спросить, какъ доказать фактически невѣрность такой точки зрѣнія? Вѣдь нѣсколько далѣе самъ авторъ признаетъ нашу неспособность постигнуть когда-либо природу первобытныхъ обществъ. Они оставили по себѣ, говоритъ онъ, слишкомъ мало археологическихъ слѣдовъ; уцѣлѣвшіе свидѣтельствуютъ объ одной лишь матеріальной культурѣ. Съ другой стороны, современные дикари носятъ въ глазахъ Гиддингса всѣ признаки вырожденія и не даютъ ему поэтому права судить о томъ, чѣмъ были народы первобытные. Кто, подобно намъ, не раздѣляетъ послѣдней точки зрѣнія и думаетъ, что за недостаткомъ другихъ средствъ приблизиться мыслью къ первобытности, жизнь дикарей все же является наиболѣе вѣрною ея картиной, тому пожалуй и не покажется страннымъ утвержденіе, что путемъ взаимныхъ междоусобій первобытныя племена нерѣдко совершенно истребляли другъ друга. Вѣдь кровная месть, какъ я старался показать въ моихъ сочиненіяхъ, носитъ на первыхъ порахъ характеръ неотступнаго обязательства, осуществляемаго цѣлымъ родомъ. Она не подлежитъ никакой замѣнѣ. Принять выкупъ за кровь родственника или за оскорбленіе родовой чести считается постыднымъ. «Кровь кровью моютъ», по выраженію одной осетинской поговорки, а если такъ, то въ словахъ нашего первоначальнаго лѣтописца «возста родъ на родъ» какъ нельзя лучше рисуется дѣйствительный характеръ первоначальныхъ общественныхъ отношеній, а въ истребленіи родовыми усобицами не только цѣлыхъ племенъ краснокожихъ или кавказскихъ горцевъ, но и историческихъ народностей (вспомнимъ текстъ «погибоша яко Обры») наглядно выступаетъ естественное послѣдствіе ничѣмъ не ограниченнаго на первыхъ порахъ родового самоуправства. И замѣтьте, что допущеніе факта такихъ истребительныхъ междоусобій, такой осуществляемой родами, а не частными лицами «войны всѣхъ противъ всѣхъ», не только не подкашиваетъ дальнѣйшаго вывода Гиддингса о чувствѣ терпимости, какъ объ одномъ изъ первичныхъ общественныхъ чувствъ, а наоборотъ прямо подкрѣпляетъ его. Вѣдь основанныя на началѣ взаимности отмщенія не могутъ вести къ зарожденію общественныхъ отношеній, а только къ истребленію породы и съ нею самого общества. Однѣ тѣ группы оказываются способными къ поддержанію породы, у которыхъ, вы-

ражаясь языкомъ Гиддингса, зарождается чувство терпимости. Оно подсказываетъ имъ возможность и пользу предотвратить дальнѣйшее кровопролитіе и возвратить матеріальныя утраты, понесенныя родомъ при убійствѣ одного изъ его членовъ или уводѣ одной изъ его женщинъ, включеніемъ убійцы или похитителя въ собственную среду; а такова, какъ я старался показать, древнѣйшая форма замѣны jus talionis простымъ возмѣщеніемъ матеріальнаго вреда, форма, предшествующая во времени всякимъ выкупамъ, всякой уплатѣ головничества, вергельда или композиціи.

Задаваясь вопросомъ, что вызывало первоначальное общеніе людей между собою, Гиддингсъ справедливо указываетъ на то, что это общеніе начинается еще въ средѣ животныхъ. Не даромъ же многіе смотрятъ на современныя стада пасущихся на волѣ млекопитающихъ, какъ на уцѣлѣвшіе остатки болѣе обширныхъ союзовъ, подобныхъ напримѣръ тѣмъ сотнямъ переселяющихся бизоновъ, которыхъ піонеры Сѣверной Америки, селившіеся къ западу отъ Аллеганъ, находили на своемъ пути. Такія же точно стада мускусныхъ быковъ и полярныхъ лисицъ еще встрѣчаются въ Азіи, тогда какъ лѣсныя топи того же материка, а также экваторіальной Африки, изобилуютъ стадами слоновъ, носороговъ и обезьянъ. Бродячими выступаютъ передъ нами и общества наиболѣе отсталыхъ дикарей, какъ напримѣръ Негритосовъ Австраліи, Бушменовъ Африки, туземцевъ Огненной Земли, или горцевъ Гренландіи. Всѣ эти стадныя соединенія отличаются слабой численностью, которая въ свою очередь обусловливается рѣдкостью припасовъ и неумѣніемъ увеличивать произвольно ихъ число съ помощью техники. Такимъ образомъ сразу сказывается вліяніе того положенія, которое Гиддингсъ признаетъ исходнымъ началомъ всякаго общенія. Люди собираются между собою въ той или въ другой мѣстности, привлекаемые нуждою въ пищѣ. Эта нужда вызываетъ къ жизни первыя сообщества, а возможность удовлетворенія ея опредѣляетъ ихъ размѣръ. (Кн. II, глава I, и книга IV, глава I). Неудивительно, если при такихъ условіяхъ внезапное увеличеніе количества пищи вызываетъ собою и скопленіе жителей, обыкновенно, впрочемъ, временное, продолжающееся пока имѣется въ наличности породившая его причина. Такъ выброшенный на берегъ трупъ кита сразу привлекаетъ къ себѣ Негритосовъ Австраліи съ разныхъ концовъ материка; нѣсколько дней длится это собраніе, пока всѣ не пресытятся даровой пищей. Въ значительно измѣненномъ видѣ, прибавимъ мы отъ себя, повторяются такія же временныя скопленія людей и въ бытѣ современныхъ намъ горцевъ Кавказа. Такъ, напримѣръ, у Сванетовъ и Пшавовъ поводомъ къ нимъ бываютъ то окончаніе жатвы, то со-

вершеніе поминокъ. Въ старинномъ праздникѣ въ честь такъ называемаго Лаша-Георгій, въ которомъ многочисленныя языческія черты странно смѣшиваются съ чествованіемъ миѳическаго сына также довольно баснословной грузинской царицы Тамары и мученика Побѣдоносца Георгія, устраиваются цѣлыя оргіи, закалываются быки и овцы, варится брага. Наѣвшись, напившись, народъ, стекшійся съ отдаленнѣйшихъ концовъ Пшавіи, расходится по домамъ съ тѣмъ, чтобы снова собраться въ концѣ ближайшей жатвы. Этотъ примѣръ, какъ цѣлый рядъ другихъ, столь же характерныхъ изъ быта разноплеменнѣйшихъ народовъ земного шара, показываетъ тѣсную связь, въ какой съ развитіемъ общественности стоятъ временныя сборища людей для совмѣстныхъ празднествъ; возможность ихъ въ свою очередь обусловливается каждый разъ временнымъ накопленіемъ пищи. Гиддингсъ обнаруживаетъ свою начитанность въ области этнологіи и фольклора, преимущественно американскаго, сообщеніемъ цѣлаго ряда интересныхъ подробностей объ этихъ своего рода первобытныхъ пирахъ, еще сохранившихъ печать архаизма и въ томъ описаніи, какое дается имъ въ пѣсняхъ Иліады и Одиссеи. Къ числу оригинальныхъ мыслей разбираемаго мною автора я не прочь отнести его гипотезу о роли этихъ празднествъ въ выработкѣ и художественнаго вкуса, и языка. Танцы обыкновенно украшаютъ собою эти сборища. Въ большинствѣ случаевъ танцующіе подражаютъ животнымъ или воспроизводятъ явленія обыденной жизни. Такъ Тасманійцы передразниваютъ въ танцахъ кенгуру, а Караибы Бразиліи—ягуара. Мнѣ самому пришлось видѣть на панамериканской выставкѣ въ Буффало танцы индѣйцевъ изъ Арризоны. Разукрасившись въ перья и устроивъ себѣ изъ нихъ разноцвѣтный хвостъ, танцующіе подражали движенію птицъ, не исключая и простого пѣтуха. У цыганъ въ окрестностяхъ Гранады, доселѣ живущихъ въ пещерахъ, мнѣ пришлось быть зрителемъ другого танца съ болѣе циническимъ характеромъ. Что въ своихъ танцахъ многіе изъ кавказскихъ горцевъ воспроизводятъ тѣлодвиженія, обычныя имъ при военныхъ набѣгахъ, фактъ слишкомъ хорошо извѣстный, чтобы настаивать на немъ въ настоящее время. Всего сказаннаго достаточно, чтобы показать, что Гиддингсъ нисколько не преувеличилъ значенія, какое наблюденія этнографовъ надъ народными празднествами могутъ имѣть для объясненія первобытныхъ формъ общественныхъ отношеній.

Прибавимъ только, что пиршествами сопровождаются также примиренія родовъ, кладущія конецъ кровопролитнымъ усобицамъ. Рядомъ съ австралійскими «корробори», о которыхъ упоминаетъ Гиддингсъ, мы можемъ поставить кавказскія «джигитовки», устраи-

ваемыя обыкновенно вблизи могилы убитаго и по случаю послѣдовавшаго примиренія съ его убійцей. О нихъ упоминается уже въ отчетахъ итальянскихъ путешественниковъ, въ томъ числѣ генуэзца Интеріано 15-го вѣка. Весьма вѣроятно, что на такихъ собраніяхъ, длившихся нѣсколько дней и привлекавшихъ къ себѣ жителей со всей округи, выработывался тотъ племенный языкъ, сложеніе котораго было бы немыслимо при допущеніи факта разрозненности первобытныхъ семей, ихъ систематической изолированности. Насколько игры, какъ затрата излишка энергіи, могутъ быть признаны явленіемъ первобытнымъ, выступаетъ уже изъ того факта что, какъ указываетъ Гиддингсъ, мы встрѣчаемъ ихъ и въ обществахъ животныхъ, между прочимъ у птицъ и собакъ. Нашъ авторъ прибавляетъ, что и между дѣтьми чувство симпатіи и общественныя привычки вырабатываются въ значительной степени подъ вліяніемъ игръ.

Уже въ первобытныхъ пиршествахъ, при всей ихъ краткосрочности, выступаетъ элементъ не простой аггрегаціи, но и болѣе тѣснаго общенія, ассоціаціи. Послѣдняя, пишетъ Гиддингсъ, предполагаетъ наличность психическаго процесса. Начало ему кладутъ чувствованія и перцепціи; но, постепенно развиваясь, ассоціація приводитъ въ дѣйствіе высшія способности человѣческаго разума. Гиддингсъ развиваетъ тотъ взглядъ, что всякая форма общенія, въ томъ числѣ и ассоціація, обязана своимъ происхожденіемъ своего рода столкновенію или конфликту, порождаемому соперничествомъ. Его воображенію рисуется, что первыя отношенія людей— были отношеніями вражды; они обусловили собою интеграцію общественныхъ группъ и смѣнились со временемъ отношеніями соперничества, вызвавшими въ свою очередь дальнѣйшую общественную дифференціацію. Въ каждомъ столкновеніи можно отличать двѣ стороны: нападеніе и контръ нападенія. Послѣднее немыслимо безъ подражанія первому, т. е. безъ сознательнаго повторенія дѣлающимъ отпоръ актовъ нападенія. Гиддингсъ видитъ въ этомъ достаточное основаніе отказать подражанію въ значеніи первичнаго соціальнаго феномена, значеніи, какое признаетъ за нимъ Тардъ. Но послѣдній, какъ намъ кажется, побѣдоносно отражаетъ это нападеніе, говоря, что указанное обстоятельство только доказываетъ, что подражаніе настолько характерный соціальный фактъ, что даже въ столкновеніяхъ обществъ все, что есть соціальнаго, сводится къ подражанію. (Etudes de psychologie sociale. Стр. 299). Отрицая за подражаніемъ значеніе первичнаго соціальнаго фактора, Гиддингсъ тѣмъ не менѣе настаиваетъ на томъ, что оно имѣетъ, какъ онъ выражается, тенденцію къ соціализаціи. Его нельзя, пишетъ онъ, отождествить съ ассоціаціей, но оно пролагаетъ ей путь, служа базисомъ для того сознанія

единства породы, какимъ проникаются индивиды, весьма отличные другъ отъ друга. Сознаніе единства породы начинается тамъ, гдѣ возникаетъ дѣйствительное различіе какого бы то ни было рода. Средствомъ для этого уже у животныхъ является осязаніе. Такъ лошади, быки, овцы, собаки входятъ въ знакомство, прикасаясь другъ къ другу. Поцѣлуй, рукопожатіе являются своего рода переживаніемъ этого первичнаго средства убѣдиться въ единствѣ породы. Гиддингсъ почему-то опускаетъ еще болѣе архаическій пріемъ, именно сближеніе носовъ, сопровождаемое ихъ треніемъ другъ о друга. Такъ какъ достигаемое осязаніемъ знакомство весьма несовершенно, то является необходимость въ общеніи жестами или мускульными движеніями — пріемъ обычный и въ животномъ царствѣ и у первобытныхъ людей. Такъ собаки, прежде чѣмъ броситься другъ на друга, скалятъ зубы и производятъ рядъ движеній головой, шеей, спиной и хвостомъ. Что мимика была древнѣйшимъ способомъ вступать въ общеніе другъ съ другомъ и предшествовала употребленію членораздѣльныхъ звуковъ, — въ настоящее время болѣе или менѣе признано, Гиддингсъ только даетъ въ своей книгѣ новое выраженіе этому общему мнѣнію. Къ числу первичныхъ послѣдствій сближенія онъ относитъ развитіе чувства терпимости и чувства справедливости, но, объясняя генезисъ обоихъ, онъ совершенно упускаетъ изъ виду болѣе раннее проявленіе этихъ чувствъ въ тѣсной родственной средѣ и болѣе позднее за ея предѣлами. А между тѣмъ въ приводимыхъ имъ же фактахъ изъ жизни животныхъ уже имѣются зародыши такихъ именно различій. Такъ у дикихъ быковъ и слоновъ, какъ и отсталыхъ племенъ, слѣдуетъ только удаленіе противообщественнаго индивида, практика, продолжающая жить доселѣ въ кавказскомъ «абречествѣ» и извѣстная нѣкогда древне-русскому праву въ «изгойствѣ». Съ момента возникновенія терпимости, возможной становится по Гиддингсу кооперація и союзничество. Элементарныя формы коопераціи встрѣчаются уже въ обществахъ животныхъ; такъ у пчелъ, въ средѣ безпозвоночныхъ, у крысъ и мышей между позвоночными, а тѣмъ болѣе у птицъ въ періодъ высиживанія яицъ самкою, при нерѣдкой замѣнѣ ея въ этомъ дѣлѣ самцомъ. Но, помимо этихъ случайныхъ формъ коопераціи, мы встрѣчаемъ у животныхъ и формы постоянныя, или по меньшей мѣрѣ періодически повторяющіяся. Такъ пеликаны образуютъ полукругъ при поимкѣ рыбы, а дикіе кабаны, защищая своихъ подростковъ отъ волковъ, окружаютъ собою дѣтенышей, какъ цѣпью. Съ этими фактами Гиддингсъ сближаетъ помощь, оказываемую австралійскому Негритосу всѣми членами его орды, и совмѣстные охотничье наѣзды,

совершаемые краснокожими Британской Колумбіи. Этотъ хотя и временный, но періодическій характеръ кооперація сохраняетъ и въ позднѣйшія времена у народовъ варварскихъ, а у цивилизованныхъ только въ тѣхъ классахъ, которые менѣе всего порвали съ своимъ прошлымъ. Общественныя помочи во время уборки и посѣва хорошо извѣстны не одному нашему крестьянству. Онѣ встрѣчались въ средніе вѣка на протяженіи всего континента подъ латинскимъ названіемъ ангарій, или еще въ Англіи подъ прозвищемъ «тяготъ, принимаемыхъ любви ради» (love-boons).

Показывая такимъ образомъ зарожденіе въ человѣческихъ агрегаціяхъ чувства терпимости и временной взаимности услугъ, Гиддингсъ настаиваетъ затѣмъ на развитіи въ нихъ подражательнаго процесса. Послѣдній, замѣчаетъ онъ, является главнымъ факторомъ экономической жизни. Терпимость становится источникомъ справедливости, а взаимная помощь—основою экономической солидарности и политическихъ союзовъ. Желаніе наслаждаться тѣмъ же, что и другіе, и поступать такъ же, какъ другіе, побуждаетъ людей, живущихъ въ обществѣ, преслѣдовать матеріальные интересы съ равнымъ рвеніемъ. Эта комбинація желаній и рвенія, направленнаго на ихъ удовлетвореніе, ведетъ къ созданію такъ называемаго Standard of life, выраженіе, подъ которымъ англичане разумѣютъ обычный уровень матеріальныхъ затратъ для жизни. Такимъ образомъ психическая причина лежитъ, по мнѣнію Гиддингса, въ основѣ общаго стремленія къ богатству, которымъ въ свою очередь обусловливается всякій индивидуальный прогрессъ.

Возникающая подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ психическихъ импульсовъ ассоціація людей доставляетъ неодинаковые результаты для лицъ, входящихъ въ ея составъ. Гиддингсъ различаетъ въ каждомъ обществѣ троякаго рода группы. Люди не сходны между собою, во-первыхъ по долговѣчности, а также по природнымъ качествамъ, физическимъ и нравственнымъ, во вторыхъ по своему общественному положенію и занятію, въ чемъ ближайшимъ виновникомъ является сама ассоціація, наконецъ по степени богатства, также послѣдствіе, но только отдаленное, той же ассоціаціи. Изъ возникающаго отсюда подраздѣленія общества на классы, по мнѣнію Гиддингса, соціологія должна заниматься только тѣми, какія порождаетъ различие возраста и способностей; разсмотрѣніе же остальныхъ входитъ въ задачу спеціальныхъ наукъ объ обществѣ. Указателемъ различій въ долговѣчности служатъ таблицы рожденій и смертности. Высшій классъ въ этомъ оношеніи составляютъ тѣ общества, въ которыхъ рождаемость особенно значительна, смертность же особенно низка. Среднее мѣсто въ этомъ отношеніи при-

надлежитъ по Гиддингсу, классамъ профессіональному и торговому въ городахъ, тогда какъ высшее — собственникамъ и сельскимъ обывателямъ, а низшее—городскимъ рабочимъ классамъ. Очевидно, что въ этомъ утвержденіи слышится утрированный отголосокъ обычныхъ заключеній статистиковъ-демографовъ. Не больше оригинальности и въ другой классификаціи Гиддингса. Благодаря комбинаціи наслѣдственности съ ассоціацией, возникаютъ, говоритъ онъ, слѣдующія три группы: первая—людей съ геніемъ или талантомъ, вторая—людей нормально одаренныхъ и третья — людей слабоодаренныхъ. Въ послѣднюю группу должны быть также включены калѣки, слѣпые, глухіе и нѣмые, пьяницы, эпилептики, слабоумные, сумасшедшіе и самоубійцы.

Съ точки зрѣнія общественной Гиддингсъ считаетъ возможнымъ раздѣлить людей на четыре класса: соціальный, несоціальный, псевдосоціальный и антисоціальный. Къ первому принадлежатъ тѣ, кто глубоко проникнутъ сознаніемъ единства породы, т. е. способны жертвовать собою и своими дарованіями для защиты и улучшенія соціальнаго порядка. Къ классу несоціальному Гиддингсъ относитъ тѣхъ, кто страдаетъ узкимъ индивидуализмомъ. Въ нихъ сознаніе единства породы развито слабо. Классъ псевдосоціальный образуютъ бѣдные. У нихъ, говоритъ Гиддингсъ, сознаніе единства породы извращено; наконецъ классъ антисоціальный составляютъ преступники по инстинкту или по привычкѣ, у которыхъ сознаніе единства породы близко къ совершенному исчезновенію. Я привелъ вкратцѣ всю эту классификацію, чтобы показать пристрастіе Гиддингса къ установленію категорій и различій, которыми онъ затѣмъ не пользуется; онѣ не служатъ для него отправнымъ пунктомъ для какихъ-либо новыхъ обобщеній или эмпирическихъ законовъ. Лично я не приписываю никакого значенія этой, смѣю сказать, схоластической затѣѣ. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли считаться доказаннымъ, чтобы процентъ смертности, положимъ, былъ непремѣнно ниже среди крестьянъ собственниковъ Россіи, нежели между жителями хорошо содержимаго въ гигіеническомъ отношеніи города. Я не вижу также основанія говорить о болѣе низкомъ уровнѣ рождаемости между городскими рабочими, нежели въ средѣ профессіональныхъ и торговыхъ классовъ. Вспомнимъ хотя бы Францію. Не совсѣмъ понятна для меня и польза выдѣлять въ особую группу больныхъ, эпилептиковъ и самоубійцъ. Едва ли кто рѣшится утверждать, напримѣръ, что больной Паскаль надѣленъ былъ меньшимъ сознаніемъ единства породы, чѣмъ вполнѣ здоровый Актонъ, герой панамскихъ подкуповъ, и что эпилептикъ Достоевскій уступалъ въ этомъ отношеніи, положимъ, нестрадающему этимъ недугомъ султану Абдулъ

Гамиду. Прямо смѣшнымъ кажется мнѣ включеніе въ ту же группу самоубійцъ. Начать съ того, что такъ же трудно предвидѣть, что то или другое лицо попадетъ въ эту категорію, какъ предсказать при игрѣ въ рулетку паденіе шарика на красный или черный номеръ. Но и независимо отъ этого группа лицъ, въ которую приходится включить и Брута и Сенеку, быть можетъ также Жанъ-Жака Руссо, — едва ли можетъ считаться надѣленной въ недостаточной степени сознаніемъ единства породы, другими словами — общежительными, альтруистическими чувствами. Во всемъ, что Гиддингсъ говоритъ намъ объ общественныхъ классификаціяхъ, я нахожу только одну интересную подробность, это — наличность и въ животныхъ обществахъ не только преступниковъ, но и особой категоріи индивидовъ, которую онъ уподобляетъ нищимъ. Они живутъ тѣми средствами пропитанія, какія болѣе сильные индивиды и группы сумѣли добыть для себя; но одного уже сближенія ихъ съ неимущими человѣческихъ обществъ достаточно, чтобы притти къ заключенію, рѣзко противоположному съ тѣмъ, какого придерживается нашъ авторъ. Нельзя фактически доказать, чтобы классъ нищихъ не измѣнялся весьма значительно въ своемъ составѣ, особенно въ обществахъ, въ которыхъ самая интензивность конкурренціи сплошь и рядомъ обращаетъ въ неимущихъ людей, пользовавшихся нѣкогда значительнымъ достаткомъ. Интересно было бы при такихъ условіяхъ узнать, въ какую группу включать этихъ случайныхъ неудачниковъ, въ ту ли, къ какой они принадлежатъ по всей своей предшествовавшей карьерѣ, или въ ту, въ какую бросило ихъ неожиданное разореніе. Единственное заключеніе, на какое наводитъ Гиддингсъ всѣми своими категоріями, не идетъ, какъ мнѣ кажется, далѣе слѣдующаго труизма, что процентъ рождаемости и смертности не одинаковъ, смотря по средѣ, что не всѣ—геніи и не всѣ ненормальны, что не во всѣхъ одинаково развито сознаніе солидарности ихъ съ обществомъ, и что между преступниками оно обыкновенно (но не всегда) отсутствуетъ. Я прибавляю не всегда, такъ какъ убійца изъ ревности, положимъ, можетъ быть проникнутъ сознаніемъ единства породы подчасъ въ большей степени, чѣмъ финансистъ, сознательно подготовляющій крахъ на биржѣ.

Въ главѣ «объ общественномъ духѣ» Гиддингсъ, слѣдуя за Льюисомъ, передаетъ этимъ терминомъ общественный опытъ, утилизируемый лицами, входящими въ составъ того или другого союза. Онъ справедливо указываетъ, за одно съ Тардомъ, что этотъ общественный духъ, управляя частною волею, проявляется только въ разумахъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ что, прибавляетъ онъ,— намъ невозможно признать другого сознанія, кромѣ индивидуаль-

наго *). Указывая на генезисъ «общественнаго духа», Гиддингсъ говоритъ о вліяніи подражанія и симпатіи на соціальную интеграцію чувствъ и вѣрованій. Эта интеграція проявляется въ актахъ рефлективныхъ или инстинктивныхъ, совершаемыхъ народными массами въ моменты паники, мятежа, возстанія, революціи и т. д. Мимоходомъ Гиддингсъ упоминаетъ о вліяніи, какое усиленный жаръ, плотность населенія, переходъ отъ земледѣлія къ фабричной дѣятельности, ярость конкурренціи и алкоголизмъ могутъ имѣть на большую возбуждаемость народныхъ массъ. «Замѣтьте, прибавляетъ онъ, что это—тѣ же факторы, которые вызываютъ сумасшествіе и преступленіе.» Во всемъ томъ, что авторъ говоритъ намъ о способности толпы поддаваться внушенію, трудно видѣть что-либо, кромѣ повторенія ходячихъ разсужденій на этотъ счетъ, начиная отъ тѣхъ, какія можно найти у Лебона. Болѣе интересно замѣчаніе Гиддингса о томъ, какъ слагается общественное мнѣніе, хотя и на этотъ разъ имъ проводятся взгляды, способные скорѣе поразить, чѣмъ убѣдить читателя. Таково, напримѣръ, заявленіе, что высокое развитіе общественнаго мнѣнія совпадаетъ съ плотностью населенія. Невольно приходитъ на умъ плотность населенія Императорскаго Рима и Византіи и одновременная слабость въ нихъ общественнаго мнѣнія, занятаго болѣе столкновеніями партій цирка, нежели руководствомъ внутренней и внѣшней политикой или отстаиваньемъ автономіи человѣческой личности. А рядомъ рисуется картина республиканскаго форума или аѳинской экклезіи, внимающихъ рѣчамъ знаменитѣйшихъ ораторовъ и подающихъ голосъ по міровымъ вопросамъ. И все это несмотря на меньшую плотность населенія сравнительно со временами имперіи. Такія заявленія, какъ только что разобранныя, поражаютъ въ устахъ писателя, для котораго, какъ мы видѣли, роль демотическаго фактора болѣе или менѣе стушевывается передъ вліяніемъ факторовъ чисто психическихъ, который не слѣдитъ за постепеннымъ проявленіемъ его вліянія въ исторіи и упоминаетъ о немъ только при случаѣ и мимоходомъ.

Не лишена интереса та точка зрѣнія, съ которой Гиддингсъ смотритъ на преданіе. Онъ ставитъ его въ связь съ общественнымъ мнѣніемъ и видитъ въ немъ интеграцію тѣхъ взглядовъ, которыхъ держался рядъ поколѣній. Страсть къ классификаціямъ снова увлекаетъ его въ сторону построенія группъ первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ преданій, при чемъ, если вѣрить ему, къ первымъ принадлежатъ преданія экономическія, юридическія и по-

*) Обратную мысль поддерживаетъ Новиковъ въ своей Conscience Sociale.

литическія, ко вторымъ — анимистическія, эстетическія и религіозныя, къ третьимъ—богословскія, метафизическія и научныя. Первая категорія, по его словамъ, обща людямъ и животнымъ. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, однако, что въ отношеніи къ животнымъ можно говорить самое большее лишь объ экономическомъ инстинктѣ. Гиддингсъ, впрочемъ, указываетъ на то, что у муравьевъ можно отмѣтить нѣкоторыя правила терпимости. Анимистическія, эстетическія и религіозныя преданія очевидно свойственны только людямъ, начиная съ самыхъ грубыхъ дикарей, тогда какъ только съ цивилизаціей появляются преданія богословскія, метафизическія и наконецъ научныя.

Гиддингсъ считаетъ нужнымъ отличать въ каждомъ обществѣ составъ отъ структуры. Въ главѣ, посвященной вопросу о первомъ, послѣ краткихъ свѣдѣній о зародышахъ семейной жизни у животныхъ, начиная отъ птицъ, авторъ даетъ рядъ интересныхъ подробностей о поліандріи, полигаміи и моногаміи разныхъ племенъ земного шара. При этомъ, вслѣдъ за Макленаномъ, онъ повторяетъ ни на чемъ не основанное утвержденіе, что многомужество господствовало у Запорожцевъ. Едва ли болѣе доказаннымъ можно считать наличность поліандріи у Пиктовъ и еще менѣе принадлежность этихъ Пиктовъ къ арійской расѣ, допускаемую, повидимому, безъ всякой критики нашимъ писателемъ. Вообще на каждомъ шагу сказывается неудобство слишкомъ прямыхъ заимствованій, дѣлаемыхъ не всегда у лучшихъ знатковъ дѣла. Авторъ начинаетъ свои экскурсы приведеніемъ массы этнографическихъ данныхъ, которыя скорѣе затрудняютъ читателя, нежели способствуютъ уясненію основныхъ взглядовъ автора. Съ удовольствіемъ отмѣчаю, однако, признаніе Гиддингсомъ, вопреки Старке и Вестермарку, материнскаго счета родства, наиболѣе стариннымъ, а отческаго—позднѣйшимъ по времени. Все, что онъ пишетъ объ устройствѣ самыхъ отсталыхъ обществъ, болѣе или менѣе вѣрно, но не представляетъ оригинальности и съ большимъ удобствомъ нашло бы мѣсто себѣ въ трактатѣ объ этнологіи. Говоря объ общественной структурѣ, Гиддингсъ отмѣчаетъ слабую дифференціацію и отсутствіе постоянства въ коопераціи въ животномъ царствѣ. Это обстоятельство, говоритъ онъ, не позволяетъ толковать о его соціальной структурѣ. Исключеніе можетъ быть сдѣлано развѣ для муравьевъ. Настоящей соціальной структуры нашъ авторъ не находитъ и у низшихъ породъ дикарей, хотя у нихъ встрѣчается уже кооперація, и семья принимаетъ форму искусственнаго собратства, практикующаго усыновленіе. Объ обществахъ, устроенныхъ на племенномъ началѣ, уже можно говорить, какъ объ имѣющихъ элементарную соціальную

структуру; но при племенномъ устройствѣ структура общества обыкновенно совпадаетъ съ его составомъ, хотя ассоціаціонная дѣятельность встрѣчается въ нихъ и между членами болѣе тѣсныхъ союзовъ, родовъ и семей. Въ цивилизованныхъ обществахъ структура обособляется отъ состава общества и выступаетъ какъ въ формѣ государства, такъ и въ формѣ частныхъ ассоціацій, преслѣдующихъ спеціальныя цѣли. Довольно характерную для автора мысль представляетъ его попытка доказать, что положеніе, по которому государство должно ставить себѣ только задачи безопасности и посредничества, невѣрно, и что его миссія болѣе разнообразна и сложна. Столь же ошибочно, думаетъ онъ, и то положеніе, по которому частные союзы обязаны ограничить свою сферу дѣятельности только экономикой и воспитаніемъ. Гиддингсъ указываетъ на то, что между этими союзами встрѣчаются и политическіе. Меньшее сочувствіе встрѣтятъ со стороны политика и историка слѣдующія утвержденія, во-1-хъ, что, за отсутствіемъ добровольныхъ союзовъ между гражданами, союзовъ, отъ которыхъ, будто бы, исходитъ въ самоуправляемыхъ обществахъ инииціатива всѣхъ законовъ, людямъ не остается другого выбора, какъ между монархіей и бюрократіей, во-2-хъ, что въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Англіи,—правительству принадлежитъ лишь слабая инициатива въ проведеніи законовъ. Всѣ тѣ, кто занимался изученіемъ англійской парламентской практики, вѣроятно признаютъ обратное *). Если слышатся на что жалобы, такъ на недостатокъ времени для обсужденія биллей, вносимыхъ частными членами парламента, въ виду множества правительственныхъ предложеній. Соціологи вѣроятно не найдутъ много новаго въ томъ, что, со словъ Спенсера, Гиддингсъ говоритъ объ аналогіяхъ между соціальной структурой и структурой живого организма. Противъ подставки политической организаціи на мѣсто нервно-мозговой системы, а экономической—на мѣсто пищевого аппарата высказано было, какъ извѣстно, достаточно сильныхъ возраженій **). Самъ авторъ, впрочемъ, спѣшитъ прибавить, что эти аналогіи имѣютъ ограниченное научное значеніе. Но онъ, повидимому, вѣритъ въ возможность усиленія ихъ роли въ будущемъ, «когда, говоритъ онъ, характерныя черты соціальной организаціи выяснятся болѣе детально». Самъ онъ дѣлаетъ попытку въ этомъ смыслѣ и старается развить тотъ взглядъ, что особенность общественной структуры составляетъ раздвоеніе однѣхъ и тѣхъ же функцій между правительственными органами и частными

*) Сравни извѣстную книгу Дайси.

**) Между прочимъ на одномъ изъ съѣздовъ Международнаго Института Соціологіи.

организаціями. Въ этомъ обстоятельствѣ онъ видитъ единственный научный критерій для оцѣнки претензій, предъявляемыхъ одновременно соціализмомъ и индивидуализмомъ. Соціалисты справедливо утверждаютъ, говоритъ онъ, что въ случаѣ нужды государство могло бы взяться за осуществленіе всякаго рода общественныхъ предпріятій черезъ посредство своихъ агентовъ. Индивидуалисты въ такой же мѣрѣ правы, настаивая на возможности для общества существовать и безъ содѣйствія принудительныхъ мѣръ правительства. И тѣ, и другіе одинаково заблуждаются, думая, что ихъ гипотезы осуществимы при нормальной эволюціи общества. Современное распредѣленіе функцій между публичными и частными агентами представляетъ величину измѣнчивую. Она варіируетъ съ обстоятельствами. При нормальныхъ условіяхъ движенія въ пользу расширенія публичной дѣятельности или наоборотъ частной инціативы взаимно ограничиваютъ другъ друга, стремясь къ равновѣсію. Все, что умаляетъ значеніе государства, или нарушаетъ народную вѣру въ его способность служить обществу, какъ и все, что препятствуетъ проявленію исконной привычки прибѣгать къ частной инціативѣ и добровольной организаціи для достиженія общественныхъ цѣлей, представляетъ равную опасность. Другое обобщеніе, говоритъ Гиддингсъ, на которое наводитъ насъ простое описаніе соціальной структуры, состоитъ въ признаніи, во-1-хъ, извѣстнаго соподчиненія между общественными организаціями и, во-2-хъ, преслѣдованія ими одной общей, цѣли. Высшая задача всякаго общества, животныхъ или людей, лежитъ въ защитѣ и усовершенствованіи сознательной жизни, цѣль одного человѣческаго общества составляетъ развитіе умственной и духовной жизни его членовъ. Воспитательныя ассоціаціи однѣ непосредственно осуществляютъ эту функцію. Учрежденія педагогическія, религіозныя, научныя, этическія и эстетическія также оказываютъ въ этомъ смыслѣ свое воздѣйствіе. Организаціи экономическія, правовыя и политическія довольствуются подчиненными функціями, такъ какъ существуютъ въ концѣ концовъ только для того, чтобы дать возможность осуществленію вышеуказанной воспитательной дѣятельности. Общественное сознаніе всегда высказывалось въ пользу соотвѣтствія соціальной структуры такому соподчиненію отдѣльныхъ функцій. Частныя ассоціаціи поощряются или упраздняются сообразно тому, преслѣдуются ли ими культурныя цѣли и цѣли защиты, или нѣтъ. Для достиженія этихъ двухъ задачъ спеціализація и раздѣленіе труда необходимы. Вотъ почему общество должно не только относиться терпимо, но и содѣйствовать дифференціаціи своей структуры поощреніемъ добровольныхъ союзовъ. Я почти цѣликомъ

привелъ ту страницу, которой заканчивается у Гиддингса ученіе объ элементахъ и структурѣ общества. Все сказанное имъ, какъ мнѣ кажется, вполнѣ подтверждаетъ высказанную мною въ началѣ мысль, что соціологія Гиддингса заключаетъ въ себѣ попытку построенія многочисленныхъ классификацій, и что въ ней въ то же время отсутствуютъ всякіе даже эмпирическіе законы. Въ самомъ дѣлѣ, во всемъ резюмированномъ доселѣ нѣтъ ни чего, что бы не представляло собою или простого описанія, или такихъ обобщеній, которыя въ сущности мало-чѣмъ отличаются отъ общихъ мѣстъ, или воспроизводятъ собою ходячія положенія спеціальныхъ общественныхъ наукъ, этнологіи, статистики, экономики, государствовѣдѣнія.

Не больше самостоятельныхъ выводовъ заключаетъ въ себѣ и третья наиболѣе интересная часть книги Гиддингса, озаглавленная «историческая эволюція общества». Она совершенно невѣрно обозначена этимъ именемъ, такъ какъ внезапно обрывается именно тамъ, гдѣ отъ первобытности авторъ переходитъ къ культурѣ и отъ описанія обществъ дикарей и варваровъ къ исторіи гражданственности древняго и новаго міра. Но чѣмъ, спрашивается, обусловлено такое отношеніе Гиддингса къ дѣлу? Желаніемъ отвести мѣсто бокъ о бокъ съ соціологіей старинной дисциплинѣ, такъ называемой философіи исторіи или исторіи цивилизаціи, которой, съ моей точки зрѣнія, предстоитъ слиться воедино съ соціальной динамикой. При такихъ условіяхъ все ученіе о прогрессѣ, которымъ заканчивается третья книга, не имѣетъ у Гиддингса достаточнаго фактическаго обоснованія. По нашему мнѣнію, авторъ вноситъ въ свою попытку, такъ или иначе отвѣтить на вопросъ объ исторической эволюціи обществъ, много такого, что принадлежитъ къ области антропологіи и этнологіи, и въ то же время совершенно опускаетъ наиболѣе существенную сторону поступательнаго движенія человѣчества, представляемую развитіемъ западной цивилизаціи. Всякій образованный человѣкъ прочтетъ, разумѣется, съ интересомъ все то, что онъ говоритъ объ ассоціаціяхъ въ животномъ царствѣ, какъ и объ ассоціаціяхъ у дикарей. Но онъ въ то же время едва ли признаетъ возможнымъ сосредоточить исключительно свое вниманіе на бытѣ обществъ, живущихъ родовыми формами устройства, и не удовлетворится одними бѣглыми замѣчаніями, не покрывающими собою даже нѣсколькихъ страницъ, о древнихъ цивилизаціяхъ, начиная съ Египта и Вавилоніи и оканчивая Греціей и Римомъ. Заявленія въ родѣ слѣдующаго: Аѳины блистательно развили критическую и философскую сторону своей гражданственности, но оказались неспособными къ развитію правовой, Римъ же наоборотъ обнаружилъ большое практическое дарованіе въ дѣлѣ законодательства, но не въ состояніи

былъ сохранить спасительный духъ критики (глава IV третьей части), едва ли даютъ вѣрное представленіе хотя бы объ историческомъ преемствѣ обѣихъ гражданственностей. Вѣдь для кого же остается тайной, послѣ трудовъ хотя бы Лейста и Митгейса, то вліяніе, какое греческому праву пришлось играть въ выработкѣ римскаго jus gentium? Кому также неизвѣстно, что римская философія и прежде всего римскія нравственныя и политическія теоріи прямо примыкаютъ къ греческимъ, не подвигая ихъ въ то же время значительно впередъ. Опять таки увлекаемый своей несчастной страстью къ классификаціямъ, Гиддингсъ, вмѣсто того, чтобы дать намъ хотя бы короткій очеркъ преемственной эволюціи древнихъ и новыхъ обществъ, считаетъ нужнымъ искусственно подвести всѣ эти общества подъ извѣстное число категорій. Въ своей эволюціи, говоритъ онъ, человѣческія общества проходятъ три стадіи прогресса. Египетъ и Вавилонія не вышли за границы первой стадіи. Греція и Римъ не дошли до третьей, современныя націи находятся въ этомъ третьемъ періодѣ. Первая стадія характеризуется отсутствіемъ дружескихъ сношеній съ обществами равнаго развитія. Энергія населенія направлена на созданіе политическаго единства, на установленіе военной организаціи и упроченіе безопасности. Въ меньшей степени эти общества заинтересованы въ юридической организаціи второстепенныхъ союзовъ или ассоціацій и въ собственномъ экономическомъ процвѣтаніи. На второй стадіи народная энергія направляется на завоеваніе свободы физическихъ и умственныхъ проявленій личности. Но такъ какъ порядокъ примиримъ съ свободою только подъ условіемъ господства закона, то государство на этой стадіи развитія стремится къ конституціонному устройству и къ созданію множества второстепенныхъ союзовъ. Къ этой стадіи, наравнѣ съ Греціей и Римомъ, отнесены Гиддингсомъ и общества новой Европы въ эпоху возрожденія, реформаціи, англійской революціи, просвѣтительной философіи 18-го вѣка, революцій французской и американской, движенія въ пользу свободной торговли въ Англіи, и нѣмецкаго конституціонализма вплоть до 48-го года. Новѣйшіе народы одни вошли въ третью стадію—нравственно-экономическаго развитія. Эта стадія характеризуется широкимъ господствомъ промышленности, накопленіемъ богатствъ и пріуроченіемъ ихъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ, разносторонней заботливостью о воспитаніи и улучшеніи быта народныхъ массъ. Вотъ все, рѣшительно все, что Гиддингсъ счелъ нужнымъ сказать намъ объ эволюціи человѣчества за предѣлами дикости и варварства. Немудрено послѣ этого, если общее его заключеніе о стадіяхъ развитія цивилизаціи сводится къ признанію трехъ періодовъ: военно-религіознаго, либе-

рально-правового и экономически-этическаго. Хотя этому заявленію и предпослана критика какъ закона трехъ стадій Конта, такъ и ученія Спенсера о смѣнѣ милитарнаго строя индустріальнымъ, но читателю не мудрено будетъ открыть въ предложенной ему новой формулѣ вліяніе и Конта, и Спенсера. Вѣдь у Конта теократическій періодъ представленъ, какъ одновременное господство и военно-наступательной политики, а метафизическій, какъ время, когда юристы пріобрѣли руководство обществомъ, что, въ связи съ разрушительнымъ вліяніемъ философіи, и вызвало либеральное движеніе, ознаменовавшееся англійской и французской революціей. Періодъ экономически-этическій также довольно близокъ къ позитивному періоду Конта и индустріальному Спенсера. Если меня поражаетъ что-либо въ предложенной Гиддингсомъ формулѣ прогресса, такъ это совершенное игнорированіе ею всей умственной эволюціи человѣчества, что само по себѣ не говоритъ въ пользу полноты его схемы. Хотя Гиддингсъ нигдѣ и не ссылается прямо на Гумпловича, но въ его представленіи о завоеваніи одной расы другою, какъ о необходимомъ условіи возникновенія государства, немудрено открыть выраженіе мыслей автора «Расовой борьбы». Такое завоеваніе, думаетъ онъ, обыкновенно кладетъ конецъ чистотѣ племенного состава, а потому и тѣмъ этногеническимъ ассоціаціямъ, которыя въ его глазахъ предшествуютъ демогеническимъ. Первыми по времени происхожденія надо считать органы и функціи, отвѣчающія въ государствѣ понятію правительства и религіи. Эти функціи нерѣдко соединяются въ рукахъ одного и того же лица, почему древнѣйшее государство и носитъ теократическій характеръ. Нашему писателю не трудно было бы доказать это не только на примѣрѣ Египта и Халдеи, но и древнихъ Аѳинъ и Рима, гдѣ отъ королевской власти въ моментъ ея упраздненія нѣкоторое время уцѣлѣли религіозныя функціи архонта-базилевса и такъ называемаго rex sacrorum. Но Гиддингсъ не дѣлаетъ этихъ указаній, очевидно считая приведенное имъ положеніе безспорнымъ. Заимствовавъ свой основной взглядъ на роль расовой борьбы у австрійскаго соціолога, Гиддингсъ, однако, расходится съ нимъ по вопросу о ея значеніи для той дифференціаціи общественныхъ функцій, какой является раздѣленіе труда. Въ этомъ вопросѣ онъ переходитъ всецѣло на сторону Дюркгейма, дѣлая въ то же время оговорку, изъ которой слѣдуетъ, что, въ виду доселѣ держащихся въ Америкѣ предразсудковъ противъ негровъ и краснокожихъ, онъ не прочь допустить, что полное обособленіе демогенической ассоціаціи, съ ея дѣленіями на экономическіе классы, отъ этногенической, съ входящими въ составъ ея расами и племенами, происходитъ лишь на высшихъ

ступеняхъ общественности, т. е. послѣ окончательной ассимиляціи народностей одного государства. Въ демогенической ассоціаціи мы встрѣчаемъ обыкновенно тѣ естественныя дѣленія, какія представляетъ обособленіе городовъ и селъ въ разныя группы. Древнѣйшія села рисуются воображенію Гиддингса въ формѣ сельскихъ общинъ, владѣющихъ землею въ нераздѣльности на началѣ собственности или наслѣдственной аренды, города же—укрѣпленными лагерями и средоточіями религіознаго культа; въ нихъ по временамъ стекается сосѣднее сельское населеніе. Эта точка зрѣнія вполнѣ оправдывается тѣмъ, что́ намъ извѣстно не только о городищахъ древней Руси, но и объ Акрополисѣ Аѳинъ и римскомъ Капитоліи, наконецъ о тѣхъ castra и oppida народовъ Галліи, въ которыя спѣшили жители сосѣднихъ селъ вмѣстѣ со своими стадами при первомъ слухѣ о приближеніи непріятеля. Арнольдъ и Гильдебрандъ даютъ не мало данныхъ для утвержденія, что такіе порядки были болѣе или менѣе общи у Германца, а Цимлеръ и за нимъ Іерингъ указываютъ на ихъ существованіе въ средѣ всѣхъ вообще арійскихъ народовъ, не исключая и древнихъ индусовъ. Уже то обстоятельство, что термины, обозначающіе городъ, одинаково у нѣмцевъ и русскихъ, происходятъ отъ корней, выражающихъ собой понятіе огораживанія (такъ англійскій town отъ слова tun—ограда и русскій городъ отъ глагола городить), наводятъ на мысль, что промышленное и торговое поселеніе, городъ, былъ на первыхъ порахъ не болѣе, какъ цитаделью. Въ полномъ соотвѣтствіи съ современной исторической наукой, Гиддингсъ указываетъ затѣмъ на ростъ города, какъ рынка или ярмарочнаго мѣстечка, въ который одинаково и изъ близи и изъ далека стекались купцы и покупатели и происходилъ обмѣнъ товаровъ. Но, чтобы торговыя сдѣлки могли возникнуть, необходимо, чтобы враждебность отдѣльныхъ племенъ другъ къ другу въ періодъ до-государственный смѣнилась болѣе или менѣе прочнымъ миромъ. Въ отдѣлѣ объ этногенической ассоціаціи Гиддингсъ немногими словами коснулся самого характера древнѣйшаго обмѣна,—вопросъ, разсмотрѣнный въ нашей литературѣ съ нѣкоторою подробностью г. Кулишеромъ. Гиддингсу нетрудно было показать на примѣрѣ дикихъ и варварскихъ народовъ, что первыми товарами обыкновенно служили предметы, шедшіе въ платежъ выкупа за убійства и уводы. Къ этимъ товарамъ присоединились затѣмъ добровольныя приношенія, производимыя сосѣдними племенами не иначе, однако, какъ подъ условіемъ полученія взамѣнъ равныхъ услугъ. Если древнѣйшіе рынки обыкновенно возникали на границахъ племенныхъ районовъ, то потому, что на эти границы обѣ стороны приносили шедшіе въ обмѣнъ товары, а эта практика въ свою оче-

редь вызвана была къ жизни тѣмъ обстоятельствомъ, что въ періодъ, предшествующій установленію какихъ бы то ни было обмѣновъ, ни одно племя не могло нарушить границъ другого, не создавъ тѣмъ самымъ повода къ военному столкновенію.

Экономистами давно установлено, что обмѣны пріобрѣтаютъ правильность и періодичность лишь съ момента появленія денегъ, т. е. всѣми признаваемой матеріальной цѣнности, будетъ ли ею скотъ, хлѣбъ, соль, желѣзо, мѣдь, раковины и т. д. Если со временемъ дѣйствительныя цѣнности смѣнились представляющими ихъ символами, напримѣръ кожаными деньгами, то только потому, что за частью признано было значеніе цѣлаго. Такая замѣна обычна, въ эпоху формализма юридическихъ сдѣлокъ, такъ напримѣръ глыба и даже соломинка, передаваемая изъ рукъ въ руки (festuca), означали въ меровингской и карловингской Франціи уступку поступившаго въ продажу участка.

Какое вліяніе торговый и промышленный обмѣнъ должны были оказать на смѣшеніе различныхъ народностей, вошедшихъ въ составъ государственнаго тѣла, понять не трудно. Гиддингсъ справедливо указываетъ поэтому на то, что право торговаго обмѣна, или такъ называемое въ древности jus commercii, сдѣлалось первымъ зародышемъ позднѣйшаго уравненія гражданъ, хотя столѣтія и отдѣляютъ его, положимъ въ Римѣ, отъ дарованія чужеземцамъ права вступать въ бракъ съ туземцами или такъ называемаго jus conubii.— Исчезновеніе въ демогеническихъ обществахъ родовыхъ дѣленій и замѣна ихъ административными весьма наглядно выступаютъ въ тѣхъ реформахъ, какія въ Аѳинахъ произведены были Солономъ и Клисѳеномъ, а въ Римѣ связываются съ именемъ Сервія Туллія— учредителя центуріатскихъ собраній. Гиддингсъ удачно пользуется этими фактами для иллюстраціи той мысли, что окончательное сліяніе ассоціаціи этногенической съ демогенической происходитъ уже въ предѣлахъ государства и ведетъ за собою измѣненіе въ его внутреннихъ дѣленіяхъ. Это явленіе, очевидно, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ расширеніе сферы солидарности или, выражаясь языкомъ Гиддингса, «благодаря ему, сознаніе единства породы распространяется». Но только съ момента вступленія человѣчества во второй фазисъ развитія, который, какъ мы видѣли, у Гиддингса носитъ названіе либерально-легальнаго, вполнѣ складывается понятіе о правѣ, прирожденномъ человѣку, а также о правѣ народномъ, или такъ называемомъ jus gentium. Къ этому же времени относится и развитіе конституціонныхъ вольностей, за которымъ, по мнѣнію Гиддингса, только и можетъ послѣдовать серьезная забота объ улучшеніи матеріальнаго положенія и вытекающее отсюда экономиче-

ское развитіе страны. Нужно ли доказывать, что мысль эта подсказана ему исторіей его собственной родины—Соединенныхъ Штатовъ, что она поэтому не въ правѣ считаться даже эмпирическимъ закономъ, такъ какъ обратныя явленія могутъ быть отмѣчены въ исторіи Франціи въ вѣкъ Людовика XIV-го и въ современныхъ условіяхъ Россіи. Экономическое благоденствіе въ свою очередь обусловливаетъ собою ростъ населенія, что не мѣшаетъ однако тому, что этотъ ростъ по временамъ, а не всегда, обгоняетъ собою накопленіе матеріальныхъ богатствъ. Въ отличіе отъ Мальтуса, Гиддингсъ признаетъ за отношеніями обоихъ ростовъ ритмическій характеръ. Только въ томъ случаѣ, думаетъ онъ, если бы производство введено было разъ навсегда въ установленныя границы, какъ желаютъ этого соціалисты, могли бы сказаться невыгодныя послѣдствія той геометрической прогрессіи, въ какой по Мальтусу размножается населеніе. Подымая затѣмъ вопросъ о причинахъ, вліяющихъ на его уменьшеніе, Гиддингсъ настаиваетъ на ихъ преимущественно психологическомъ характерѣ.

Переходя къ характеристикѣ третьяго періода, въ который по собственному его сознанію мы только что вступаемъ, Гиддингсъ теряетъ ту положительную почву историческаго опыта и наблюденія надъ современностью, на которой опирались доселѣ его выводы. Надо сказать, однако, что рисуемый имъ идеалъ будущаго весьма мало напоминаетъ собою утопію, такъ какъ въ немъ удержаны всѣ элементы соціальнаго неравенства, отъ которыхъ страдаетъ современность. Гиддингсъ не вѣритъ въ «бредъ соціалистовъ», согласно которому «bons de travail» можно будетъ въ будущемъ покупать все необходимое, «за исключеніемъ любви». На немногихъ страницахъ, на которыхъ нашъ авторъ представилъ туманный обликъ ожидающаго насъ будущаго, попадается и нѣсколько курьезовъ. Къ числу ихъ я отношу такія, напримѣръ, заявленія: «геніи рѣдко когда рождаются въ городахъ», или еще: «обязанность общества по отношенію къ людямъ незрѣлымъ или дегенератамъ, плохо подготовленнымъ къ борьбѣ за существованіе, сводится не только къ оказанію имъ помощи, но и къ ихъ дисциплинированію, не говоря уже о наказаніи». Однимъ изъ главныхъ послѣдствій наступленія этическаго типа обществъ является, согласно Гиддингсу, перемѣна въ характерѣ браковъ. Нѣкогда эти браки заключаемы были родами и семьями. Это былъ періодъ семьи религіозной и деспотической. Въ настоящее время выборъ предоставленъ фантазіи самихъ брачущихся, и мы имѣемъ «семью романтическую», постоянно расторгаемую разводами. Въ будущемъ мы получимъ «семью этическую», передающую потомству не только имя, но и достатокъ. Такая семья пред-

полагаетъ въ обоихъ брачущихся четыре обязательныхъ условія: привязанность, «составленную изъ страсти, восторга и уваженія», физическую способность къ исполненію обязанностей мужа и жены, отца и матери, возможность покрыть издержки почтеннаго и уважаемаго очага, наконецъ опредѣленное сознаніе обязанности передать дѣтямъ качества и культуру ихъ родителей». Эти заявленія весьма характерны въ устахъ американца, такъ какъ отражаютъ на себѣ ходячее въ его родинѣ представленіе, что удовольствіе брачной жизни могутъ позволить себѣ только люди обезпеченные.

Въ заключеніе Гиддингсъ спрашиваетъ себя, въ чемъ собственно сказывается прогрессъ, состоящій въ постепенной замѣнѣ каждой послѣдующей стадіи предыдущей? Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ различаетъ прогрессъ въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ. Передавая его мысль буквально, надо сказать, что въ первомъ значеніи прогрессъ состоитъ «въ увеличеніи суммы человѣческихъ отношеній, въ развитіи благосостоянія, въ ростѣ населенія и въ усиленіи благоразумнаго поведенія. Прогрессъ одновременно является въ видѣ трансформаціи силъ, въ обращеніи энергій, не сопровождаемыхъ психическими манифестаціями, въ энергіи, въ которыхъ эти манифестаціи выступаютъ все съ большей и большей сложностью». Въ субъективномъ же смыслѣ «прогрессъ сводится къ тому, что сознаніе единства породы все болѣе и болѣе расширяется». Ростъ симпатіи и эволюція разума—второстепенные феномены, послѣдствія развившагося сознанія единства породы. Ограниченное на первыхъ порахъ тѣсной сферой рода, оно распространяется сперва на цѣлое племя, затѣмъ — на весь народъ. Въ настоящее время оно стремится къ тому, чтобы обнять собою все человѣчество. Эта послѣдняя точка зрѣнія очевидно совершенно совпадаетъ съ тою, какую мнѣ уже не разъ приходилось высказывать при изображеніи прогресса, какъ ряда концентрическихъ круговъ, выражающихъ собою все большее и большее расширеніе человѣческой солидарности.

Въ послѣдней книгѣ своего сочиненія, на какихъ-нибудь тридцати страницахъ, Гиддингсъ старается опредѣлить законъ «соціальнаго хода» и его причину. Этотъ соціальный ходъ кажется ему представляющимъ двойной характеръ: физическій и психическій. Съ одной стороны, общественная эволюція не болѣе, какъ фазисъ міровой эволюціи, и всякая соціальная сила — трансформированная сила физическая. Съ другой стороны, соціальная эволюція является психическимъ процессомъ возникновенія и развитія въ людяхъ сознанія единства ихъ породы. Говоря о физической сторонѣ общественной эволюціи, Гиддингсъ, заодно съ Спенсеромъ, видитъ и въ

человѣческомъ общежитіи раскрытіе міроваго закона сохраненія энергіи. Между населеніемъ и физической средою всегда происходитъ обмѣнъ энергіи. Неорганическія силы обращаются въ общественныя и органическія энергіи. Подъ соціальной энергіей Гиддингсъ разумѣетъ нервную силу, непосредственно ассоціированную сознаніемъ. Она очевидно не болѣе, какъ спеціальная форма физической энергіи. Общественныя явленія зависятъ отъ трансформаціи энергіи психической. Количество и интенсивность соціальной дѣятельности пропорціональны поэтому той энергіи, какую соціальное тѣло заимствуетъ изъ окружающей его физической среды и трансформируетъ въ органическія явленія. Этотъ, какъ говоритъ Гиддингсъ, законъ обнимаетъ собою частныя обобщенія слѣдующаго порядка: 1) густота населенія зависитъ отъ количества производимой пищи; 2) при равенствѣ другихъ условій жизненность и прогрессъ общества обусловливаются густотою его населенія; 3) при неизмѣнности другихъ условій, въ томъ числѣ населенія, жизненность общества варіируетъ съ урожаями. Это въ частности сказывается въ процентѣ браковъ, рождаемости и смертности. Сохраненію силы или энергіи соотвѣтствуетъ положеніе, въ силу котораго при перемѣщеніи матеріи движеніе направляется по линіи наименьшаго сопротивленія или сильнѣйшаго притяженія. То же справедливо и по отношенію къ соціальной дѣятельности, которая происходитъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Дѣйствіе этого закона выступаетъ напримѣръ въ томъ, что населеніе особенно густо въ мягкихъ климатахъ, что заселеніе идетъ по берегамъ морей, и что государства, стремящіяся къ распространенію своихъ границъ, нападаютъ на слабыхъ и обходятъ сильныхъ. Концентрація населенія въ городахъ служитъ новымъ доказательствомъ закона, развитія по линіи наименьшаго сопротивленія: населеніе скучивается въ городахъ, такъ какъ въ нихъ легче найти заработокъ. Тотъ же законъ управляетъ выборомъ занятій, движеніями обмѣна, направленіемъ путей сообщенія, затратами капитала и труда, законодательствомъ и администраціей, религіозными движеніями, умственнымъ развитіемъ и воспитаніемъ. 4) Новое послѣдствіе сохраненія энергіи то, что акція и реакція должны быть по необходимости равными, а это обусловливаетъ собою ритмичность движеній. Она встрѣчается и въ жизни обществъ. Урожаи поперемѣнно изобильны и скудны, обмѣны на рынкахъ и ярмаркахъ также слѣдуютъ извѣстному ритму, а международный торговый балансъ постоянно мѣняется; цѣны растутъ и падаютъ, промышленные кризисы чередуются съ періодами промышленнаго процвѣтанія. Иммиграція имѣетъ свои приливы и отливы, консерватизмъ смѣняется

либерализмомъ. Въ своей, какъ я постараюсь показать, фаталистической вѣрѣ въ ритмичность соціальныхъ движеній Гиддингсъ доходитъ до утвержденія, что религія, мораль, литература, искусства и мода слѣдуютъ извѣстному ритму.

Остановимся на минуту на вопросѣ о томъ, откуда Гиддингсъ заимствовалъ всѣ эти установленные имъ законы. Спросимъ себя, вытекаютъ ли они изъ всего предшествующаго изложенія автора, или они имѣлись уже налицо задолго до выхода его книги въ конкретныхъ наукахъ объ обществѣ? Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ статистикой и политической экономіей, немудрено отвѣтить въ томъ смыслѣ, что, за исключеніемъ спорнаго, какъ мы сейчасъ укажемъ, положенія о ритмичности соціальныхъ явленій, всѣ остальныя обобщенія Гиддингса—уже ранѣе предлагаемы были статистиками и экономистами. Не ими ли оцѣнена впервые должнымъ образомъ связь, существующая между количествомъ пищи и густотой населенія, вліяніе, какое на соціальную дѣятельность имѣетъ его ростъ, а при неизмѣнности населенія количество урожаевъ, мысль, весьма разносторонне развитая русскими экономистами въ извѣстномъ коллективномъ трудѣ «О вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ». Самое ученіе о томъ, что общественная дѣятельность всегда направляется по линіи наименьшаго сопротивленія, не болѣе, какъ философская передача извѣстнаго экономическаго закона спроса и предложенія.

Иное дѣло мнимый законъ, въ силу котораго всѣ общественныя явленія подчиняются извѣстному ритму, т. е. являются періодическими. Мы рѣшительно отказываемся признать его даже за эмпирическое обобщеніе. Если-бы урожаи и были поперемѣнно обильны и скудны, въ чемъ позволено сомнѣваться, то едва-ли этотъ фактъ что либо доказывалъ по отношенію къ другимъ общественнымъ явленіямъ, такъ какъ при объясненіи его пришлось бы принять во вниманіе условія погоды и количество солнечныхъ лучей. При изученіи исторіи неурожаевъ выступаетъ конечно и вліяніе, какое имѣетъ на нихъ увеличеніе или уменьшеніе уровня общественнаго благосостоянія, въ свою очередь въ значительной степени ими обусловленнаго. Лучшая или худшая обработка почвы зависитъ вѣдь одинаково и отъ густоты населенія, и отъ количества капитала, какое будетъ вложено въ землю, и отъ возможности для жителей посвящать обработкѣ почвы все необходимое для этого время. Подобнаго рода условія не могутъ считаться легко устранимыми и не имѣютъ тенденціи сдѣлаться періодическими, а этого одного достаточно, чтобы подкосить въ корнѣ положеніе о чуть не провиденціальномъ чередованіи урожайныхъ и голодныхъ годовъ.

Большая или меньшая интенсивность обмѣна на внутреннихъ

рынкахъ, какъ зависящая прежде всего отъ роста населенія и уровня благосостоянія, очевидно также не имѣютъ тенденціи къ ритму. Уровень платежнаго баланса зависитъ отъ массы причинъ, природа которыхъ лежитъ и въ успѣхахъ сельской и городской промышленности странъ, ведущихъ между собою обмѣнъ, и въ состояніи ихъ соотвѣтственныхъ урожаевъ, и въ высотѣ ихъ кредита и пассива по отношенію къ другимъ странамъ; мудрено поэтому говорить и въ примѣненіи къ платежному балансу о какой-либо періодичности. Цѣны, разумѣется, растутъ и падаютъ, но слѣдуя закону спроса и предложенія, т. е. подчиняясь дѣйствію того общаго правила, по которому всякаго рода общественныя явленія, а слѣдовательно и мѣновыя сдѣлки, совершаются въ направленіи наименьшаго сопротивленія. Ни для кого также не является тайной, что размѣръ иммиграцій зависитъ не отъ одной наличности благопріятныхъ или неблагопріятныхъ ей условій въ странѣ, въ которую направляются переселенцы, но также отъ прироста или убыли населенія и его благосостоянія въ странахъ, изъ которыхъ происходитъ выселеніе. Мыслимо ли поэтому уподобленіе иммиграцій по ихъ правильной измѣнчивости съ приливами и отливами? Что значитъ далѣе утвержденіе, что война правильно смѣняется миромъ, а консерватизмъ либерализмомъ, когда между этими явленіями могутъ быть промежутки, то въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, то въ нѣсколько мѣсяцевъ. Но всего изумительнѣе распространеніе закона ритма на религіи, обыкновенно имѣющія тысячелѣтнее существованіе и слѣдующія въ своемъ развитіи опредѣленному закону преемства отъ одухотворенія явленій природы къ подчиненію этихъ явленій волѣ единаго духа. Развитіе морали, какъ тѣсно связанной съ прогрессомъ религій и всѣхъ другихъ проявленій общественности, можетъ совершаться также только въ опредѣленномъ направленіи. Идея ритма въ приложеніи къ наукѣ выражаетъ развѣ чередованіе періодовъ быстраго и медленнаго ея развитія, но то и другое обыкновенно обусловливается вліяніемъ новаго открытія на рядъ смежныхъ съ нимъ областей; когда извѣстная научная истина или только гипотеза болѣе или менѣе использована во всѣхъ направленіяхъ, тогда замедляется на время движеніе научной мысли впредь до новаго открытія. Въ прогрессѣ философіи, литературы, искусства ритмъ выступаетъ настолько, насколько дѣло идетъ о вкусѣ публики, т. е. о модѣ. Но послѣдняя слишкомъ капризна, чтобы ее можно было свести къ простому чередованію. Итакъ, ни въ чемъ не оправдалось категорическое утвержденіе Гиддингса о ритмическомъ ходѣ соціальной жизни. А вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло всякое основаніе считать его предшествующія раз-

сужденія, чисто описательнаго характера, ведущими къ установленію закона, или даже эмпирическаго обобщенія. Но можетъ быть такимъ закономъ слѣдуетъ считать мысль, что въ распредѣленіи матеріи и движенія между обществомъ и средой замѣтно или большее возрастаніе массы (населенія), чѣмъ энергіи (общественнаго движенія), или наоборотъ. Въ первомъ случаѣ, если вѣрить Гиддингсу, измѣненія сводятся къ интеграціи, во второмъ, — къ разложенію. Но вѣдь это въ сущности значитъ не болѣе, какъ то, что при медленности общественныхъ измѣненій, прогрессъ болѣе надеженъ, чѣмъ при ихъ быстротѣ, что эволюцію надо предпочитать революціи или, выражаясь языкомъ Конта, что прогрессъ желателенъ только подъ условіемъ сохраненія порядка. При развитіи этой мысли у Гиддингса вырываются иногда не вполнѣ понятныя фразы; такова, напримѣръ, слѣдующая: «всякая общественная реформа, разсчитанная на сліяніе классовъ, предопредѣлена къ банкротству». Но чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ успѣшное развитіе демократіи за послѣднія полтораста лѣтъ, если не болѣе, т. е. движенія, ставящаго себѣ цѣлью именно упраздненіе наслѣдственныхъ классовъ?

Отъ физической стороны соціальнаго хода или прогресса Гиддингсъ отличаетъ психическую. Она всецѣло состоитъ въ ростѣ сознанія единства породы. Только съ появленія этого сознанія возможна настоящая ассоціація между людьми. Такая ассоціація выступаетъ или въ фактѣ простого сожительства, или также и въ совмѣстной дѣятельности. Рѣдко первое обходится безъ второго; второе же, очевидно, немыслимо безъ перваго. Тѣмъ не менѣе въ каждой ассоціаціи перевѣсъ принадлежитъ или сожительству, или совмѣстной дѣятельности.

Ассоціація, основанная на сожительствѣ, вызывается элементарнымъ общественнымъ чувствомъ,—желаніемъ имѣть товарища. Этимъ чувствомъ поддерживается семейный союзъ и послѣ того, какъ исчезла вызвавшая его къ жизни ближайшая цѣль—рожденія, въ любви къ подростающимъ поколѣніямъ. Имъ же объясняется созданіе круга знакомыхъ и друзей. Членовъ этого круга можетъ и не связывать общая дѣятельность, а одна обычная встрѣча въ дни и часы отдыха и бездѣлія. Только-что разсмотрѣнный видъ ассоціаціи является однимъ изъ условій консерватизма общественной жизни; но ассоціація совмѣстной дѣятельности одна можетъ сдѣлаться могущественнымъ факторомъ общественной эволюціи. Она же даетъ намъ ключъ къ пониманію и самаго происхожденія ассоціаціи перваго порядка, т. е. простого сожитія. Такая ассоціація мыслима только потому, что съ нею связано воспоминаніе о совмѣстной дѣятельности

и сознаніе, что такая дѣятельность можетъ возродиться и въ будущемъ. Психическими послѣдствіями ассоціаціи является созданіе сознательныхъ индивидуальностей. Гиддингсъ[1] цитируетъ мнѣніе Рибо, который понимаетъ единство личности въ психологическомъ смыслѣ. Это единство «я», по мнѣнію Гиддингса, имѣетъ не біологическую только, но и соціологическую основу. Чѣмъ, разсуждаетъ онъ, какъ не общественною средою связаны отдѣльные элементы личности? Развѣ на протяженіи поколѣній эта общественная среда не сдѣлала подборъ съ одной стороны жизнеспособныхъ, а съ другой—«обреченныхъ на исчезновеніе». Развѣ она не рѣшила вопроса о томъ, какія комбинаціи будутъ устойчивы, а какія—нѣтъ.

Простѣйшія координаціи общественной дѣятельности носятъ автоматическій характеръ. Каждый дѣйствуетъ, не обращая вниманія на поведеніе другихъ и подъ вліяніемъ условій, въ большинствѣ случаевъ физическихъ. Высшій типъ ассоціированной дѣятельности предполагаетъ, наоборотъ, сознательное отношеніе къ чужимъ актамъ. Болѣе опредѣленная координація обусловливается наличностью умственнаго превосходства, сказывающагося въ выборѣ плана дѣйствій и въ самомъ исполненіи. Въ ассоціаціи отца и дѣтей уже зарождаются инстинкты начальствованія и повиновенія. Между неравными индивидами координація происходитъ въ силу такихъ инстинктовъ; отсюда возможность принудительнаго рабства и добровольнаго подчиненія. Мысль, что авторитетъ основанъ на грубой силѣ вождей, ошибочна. Дѣйствительный источникъ власти всегда лежитъ въ добровольномъ подчиненіи подданныхъ. Прирожденный инстинктъ людей подсказываетъ имъ необходимость начальствованія, съ одной стороны, и подчиненія, съ другой. Нѣтъ племени дикарей, въ которомъ старѣйшина не получалъ бы добровольныхъ подарковъ и услугъ со стороны населенія. Начальствованіе принимаетъ двѣ формы: прямого руководительства чужими дѣйствіями и перевѣса въ познаніяхъ и чувствованіяхъ. Соединеніе обоихъ видовъ авторитета и характеризуетъ собою высшій типъ государственнаго дѣятеля. Тенденціи къ сцѣпленію и разсѣиванію одинаково присущи людямъ,—вотъ почему общество во всѣ времена обнаруживаетъ феномены комбинаціи и соперничества, коммунизма и индивидуализма. Ни одинъ изъ этихъ порядковъ не исключаетъ другого, но тотъ или другой является преобладающимъ въ опредѣленный моментъ. Гиддингсъ не прочь допустить ритмическое чередованіе между ними.

Въ двухъ послѣднихъ главахъ своей книги, «Соціальные законы» и «Причины, природа и цѣль общества», американскій соціологъ лишній разъ доказываетъ, что въ его эклектической системѣ пер-

венствующее мѣсто принадлежитъ психологическому методу Тарда. Такъ какъ общество, пишетъ онъ, по природѣ своей соціальный феноменъ, подчиненный, однако, вліянію психическаго процесса, то законы соціологическіе прежде всего законы, управляющіе психическимъ процессомъ Хотѣніе вліяетъ на поступательный ходъ общества въ формѣ импульса и подражанія, а также въ формѣ раціональнаго выбора. Законы психическаго процесса поэтому сводятся къ заимствованію и общественному выбору. По мнѣнію Гиддингса, Тардомъ установлено два закона подражанія. во-первыхъ тотъ, что въ нормальныхъ условіяхъ подражаніе слѣдуетъ геометрической прогрессіи; во-вторыхъ тотъ, что подражанія такъ или иначе приспособляются къ средѣ. Слова, обычаи, законы, религіи, учрежденія измѣняются смотря по расѣ и времени. Что касается до общественнаго выбора, то законы, имъ управляющіе, являются постоянными отношеніями между группами общественныхъ полезностей и формами общественнаго поведенія. Разъ имѣется налицо извѣстная комбинація общественныхъ полезностей, необходимо послѣдуетъ извѣстный порядокъ соціальнаго поведенія, разумѣется подъ условіемъ свободы выбора. Во всякомъ выборѣ разумъ разсматриваетъ два собственныхъ состоянія, два опыта, два вида дѣятельности, два пріема, два правила, два условія или два предмета; приходитъ же онъ къ заключенію, что желаетъ ихъ не въ равной степени, что они вызываютъ съ его стороны не равное одобреніе.

Во всемъ только-что приведенномъ отрывкѣ нельзя усмотрѣть ничего кромѣ буквальной передачи мыслей, развитыхъ Тардомъ въ его «законахъ подражанія». Болѣе оригинально рѣшеніе Гиддингсомъ вопроса, отчего зависитъ постоянство выбора. Жизненными, пустившими корни въ почву, онъ считаетъ только тѣ общественные порядки, которые содѣйствуютъ усовершенствованію человѣка, какъ общежительнаго существа, дѣлаютъ его болѣе разумнымъ и болѣе способнымъ къ кооперации. Но этимъ не опредѣляется еще вполнѣ тотъ критерій, которымъ обусловливается постоянный выборъ общества. Гиддингсъ вводитъ въ понятіе этого критерія еще слѣдующій элементъ. Необходимо, чтобы избранныя субъективныя полезности способны были сдѣлаться отправнымъ пунктомъ для новыхъ, удовлетворяющихъ возникающимъ потребностямъ; только при этомъ условіи возможна общественная гармонія. Такъ какъ физическая и органическая среда, къ которой приспособляется общество, какъ и всякій индивидъ, не представляетъ чего-то постояннаго, такъ какъ общество, не имѣя возможности упростить условія среды, въ то же время способно увеличить ея дифференціацію, то отсюда слѣдуетъ, что жизнь общества постоянно должна примѣняться къ

осложняющимся условіямъ. А поэтому, если общественный выборъ или, что то же, искусственный подборъ, обусловленъ каждый разъ субъективною полезностью, то устойчивость его зависитъ въ равной степени, и отъ субъективной полезности, и отъ полезности органической. Слѣдуетъ ли изъ этого, что соціальная причинность въ концѣ-концовъ обусловлена не волевымъ процессомъ, а физическимъ? Нимало. Соціологъ на каждомъ шагу имѣетъ дѣло съ феноменами волевыми. Но ему приходится также считаться съ причинами, которыя не могутъ быть признаны ни исключительно физическими, ни только психическими.

Такія причины, какъ порожденныя самымъ развитіемъ общества, являются по природѣ своей соціологическими. Было бы потерей времени объяснять ихъ происхожденіе одной средой, независимо отъ исторіи. Нѣтъ причинъ, которыя въ свою очередь не обусловливались бы другими. Подъ причинностью ученый долженъ поэтому разумѣть такой порядокъ, въ которомъ всякая причина — послѣдствіе предшествующей причины; въ этомъ смыслѣ и соціологическія причины въ концѣ-концовъ могутъ зависѣть отъ механизма міра органическаго. То, что мы разумѣемъ въ настоящее время подъ естественными законами, не иное что, какъ постоянныя отношенія между силами, будутъ ли ими силы физическія, психическія или соціальныя. На научномъ языкѣ терминъ естественный лучше было бы замѣнить терминомъ нормальный. Прилагая эту общую дефиницію и къ сферѣ права, Гиддингсъ справедливо указываетъ, что подъ его естественными законами нельзя разумѣть ничего иного, кромѣ юридическихъ правилъ общественно-необходимыхъ, и что въ этомъ смыслѣ немыслима система законовъ или нравственныхъ принциповъ, которая не была бы построена на такомъ естественномъ правѣ. Конечный выводъ изъ всего этого тотъ, что соціологія имѣетъ своей задачей объясненіе соціальныхъ феноменовъ естественной причинностью,—въ частности физическими воздѣйствіями, органической средою, естественнымъ подборомъ и сохраненіемъ энергіи. Она не можетъ считаться поэтому чисто описательной наукой, но наукой истолковательной, восполняющей индукціи дедукціей и сводящей послѣдствія къ причинамъ.

Въ отличіе отъ Спенсера и въ полномъ согласіи съ Тардомъ, Гиддингсъ сводитъ къ психическимъ отношеніямъ, а не къ отношеніямъ біологическимъ, всѣ тѣ феномены, которые обнимаются представленіемъ объ обществѣ. Если что можно уступить органической теоріи общества, думаетъ онъ, такъ только признаніе, что эти психическія отношенія имѣютъ органическій базисъ. Общество нѣчто высшее, чѣмъ организмъ, нѣчто болѣе сложное, точно такъ же,

какъ организмъ выше и сложнѣе неорганической матеріи. Общество прежде всего организація, частью безсознательная, частью сознательная. Каждая же организація есть сумма психическихъ отношеній. Но эта организація, подобно организму, можетъ пройти черезъ цѣлый рядъ фазисовъ эволюціи. Подобно организму, она можетъ имѣть свою функцію, и этой функціей для общества является развитіе сознательной жизни и созданіе человѣческой личности. Сознательная ассоціація съ себѣ подобными развиваетъ нравственную природу человѣка. Обмѣну идей и чувствованій мы обязаны всякой литературой, всякой философіей, всякимъ религіознымъ сознаніемъ; воздѣйствіе же литературы, философіи, культа и политики обусловливаетъ собою въ каждомъ поколѣніи сложеніе индивидуальнаго типа. Вотъ почему и задача соціолога является двойной: онъ постоянно долженъ спрашивать себя, не только какъ развились общественныя отношенія, но и какое воздѣйствіе оказали они на развитіе индивида.

Мы покончили съ разборомъ книги Гиддингса, не получивши отъ него опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, въ какомъ направленіи движется поступательное развитіе общества. И это объясняется не личными особенностями разбираемаго нами автора, а характеромъ избраннаго имъ метода. Орудуя исключительно такими понятіями, какъ личный импульсъ (новая формула для выраженія того, что Тардъ разумѣетъ подъ открытіемъ или изобрѣтеніемъ), подражаніе, разумный выборъ, сознаніе единства породы, авторъ не въ состояніи притти къ другимъ выводамъ насчетъ будущаго человѣческихъ существъ, кромѣ пророчества о большей гармоніи между общественными учрежденіями и большей приспособленности ихъ къ цѣлямъ усовершенствованія человѣка, какъ соціальнаго индивида. Такой отвѣтъ едва ли удовлетворитъ тѣхъ, кто видитъ въ соціологіи, согласно ея основателю Конту, ученіе не объ одномъ только общественномъ порядкѣ, но и объ условіяхъ и задачахъ дальнѣйшаго развитія.

§ 3.

Къ числу послѣдователей психологическаго метода надо отнести также и американскаго профессора Марка Бальдвина, автора книги «О соціальной и нравственной интерпретаціи умственнаго развитія». Это сочиненіе, какъ и предшествующее ему изученіе тѣмъ же Бальдвиномъ психики ребенка, посвящено большею своею частью рѣшенію задачъ индивидуальной психологіи. Только незначительная по размѣрамъ глава отведена авторомъ вопросу объ общественной организаціи и общественномъ прогрессѣ. Мы изложимъ ее

въ сжатомъ видѣ съ цѣлью показать на ней отраженіе и по ту сторону океана мыслей Тарда, къ которымъ на нашъ взглядъ Бальдвинъ почти ничего ни прибавилъ существенно новаго. Признавая, что успѣхи, сдѣланные за послѣднее время социологіей, всѣ сводятся къ замѣнѣ біологическихъ аналогій психологическими, и что нигдѣ мысль не работала въ этомъ направленіи такъ сильно, какъ во Франціи, гдѣ, кромѣ Тарда, надо указать еще на Лакомба, автора «Исторіи, какъ наука», Бальдвинъ объявляетъ, что основными вопросами обществовѣдѣнія надо признать слѣдующіе два: первымъ является вопросъ о матеріалѣ соціальной организаціи. Авторъ поясняетъ свою мысль примѣромъ: нѣкоторыя животныя, говоритъ онъ, представляютъ организацію, которая можетъ показаться общественной, но, наблюдая ихъ, мы находимъ, что явленія, связанныя съ нею, носятъ характеръ наслѣдственный, прирожденный. Каждое животное исполняетъ извѣстную роль, такъ какъ родилось для того, чтобы играть ее. Оно входитъ въ нее какъ только его организмъ достаточно развитъ, чтобы позволить ему функціонировать подъ вліяніемъ оказываемаго средой возбужденія. Сопоставимъ съ этимъ сознательное осуществленіе на началѣ коопераціи подобныхъ же дѣйствій группами взрослыхъ или дѣтей, соединяющихся для осуществленія какой нибудь общей задачи. Очевидно, что въ обоихъ случаяхъ психологическое содержаніе будетъ не одинаково. Первое дѣйствіе будетъ біологическимъ и инстинктивнымъ, второе—психическимъ и сознательнымъ. Результаты могутъ показаться одинаковыми для наблюдателя, и возможно, что методъ или типъ функціи будетъ тѣмъ же въ обоихъ случаяхъ, но нѣтъ сомнѣнія, что психическое содержаніе ихъ будетъ разно. Такимъ образомъ является необходимость отличать два предмета: психическое содержаніе явленій, изъ которыхъ слагается общественная организація, и методъ ихъ функціонированія. Бальдвинъ, пишущій до появленія послѣднихъ трудовъ Тарда, противупологаетъ свою точку зрѣнія той, какой придерживается французскій мыслитель. Теорія подражанія представлена, говоритъ онъ, по преимуществу трудами Тарда. Она заслуживаетъ вниманія, какъ дающая ключъ къ пониманію по крайней мѣрѣ одной стороны общественной организаціи,—метода функціонированія соціальныхъ явленій. Я думаю, прибавляетъ отъ себя Бальдвинъ, что подражаніе есть дѣйствительный типъ соціальной функціи. Но теорія, которая ограничивается только изученіемъ законовъ подражанія, еще не можетъ считаться полнымъ объясненіемъ природы общества. Она не даетъ отвѣта на вопросъ, что считать общественной матеріей? Тардъ не говоритъ намъ, что должно быть подражаемо, что можетъ бла-

годаря подражанію сдѣлаться общественной привычкой и подвергнуться прогрессивному измѣненію. Онъ, повидимому, почувствовалъ самъ необходимость дать отвѣтъ и на этотъ вопросъ въ позднѣйшемъ сочиненіи «О соціальной логикѣ». Здѣсь онъ вводитъ элементы вѣрованій и желаній, какъ представляющіе собою источникъ подражательнаго процесса. Но тѣмъ самымъ Тардъ отступилъ отъ своего первоначальнаго ученія, по которому на вопросъ, что такое общество, не дается другого отвѣта, кромѣ ссылки на феноменъ подражанія.—Этотъ упрекъ едва ли справедливъ. Онъ не можетъ быть сдѣланъ доктринѣ Тарда въ томъ видѣ, въ какомъ она выступаетъ передъ нами въ его новѣйшихъ сочиненіяхъ, между прочимъ, въ Этюдахъ по соціальной психологіи, въ особенности же въ его Психологіи экономической; здѣсь явленія производства разсматриваются въ отдѣльныхъ главахъ, посвященныхъ изученію экономической роли желанія и экономической роли вѣрованія (см. т. I, стр. 151—201). Видѣть ли въ этомъ готовность Тарда воспользоваться указаніями критики *), или, какъ я думаю, только дальнѣйшее развитіе взглядовъ, издавна ему присущихъ и нашедшихъ между прочимъ выраженіе себѣ во всемъ, что имъ сказано въ первыхъ уже трудахъ объ открытіи, какъ вызываемомъ вліяніемъ вѣрованій и желаній?

Бальдвинъ противуполагаетъ также, и на этотъ разъ съ бо́льшимъ основаніемъ, свои воззрѣнія взглядамъ Дюркгейма, а также и всѣхъ послѣдователей ученія о симпатіи, альтруизмѣ или сознаніи единства породы, какъ о ближайшихъ источникахъ соціальной жизни, въ томъ числѣ слѣдовательно и Гиддингса. Дюркгеймъ, по его словамъ, видитъ сущность общественной организаціи въ принудительномъ воздѣйствіи, оказываемомъ однимъ человѣкомъ на другихъ и обусловленномъ его авторитетомъ, его общественнымъ положеніемъ. По мнѣнію Бальдвина, такая точка зрѣнія можетъ быть сближена съ тѣмъ ученіемъ о гипнотическомъ внушеніи извѣстнаго поведенія толпѣ, которымъ пользовались и злоупотребляли писатели въ родѣ Лебона и Сигеле. Американскій профессоръ ставитъ рядомъ съ ними и Гюйо, и Тарда, хотя послѣдній, какъ мнѣ кажется, въ своемъ сочиненіи «Объ общественномъ мнѣніи и толпѣ» счастливо выдѣляется изъ ряда только что приведенныхъ мыслителей. Между индивидомъ и толпою Тардъ ставитъ посредствующее звено или скорѣе два новыхъ. Онъ говоритъ, что вліяніе, какое

---

*) Переводчикъ Бальдвина Дюпра говоритъ намъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, что на конгрессѣ ученыхъ обществъ Франціи въ 1898 г. имъ сдѣланы были однохарактерныя съ Бальдвиномъ возраженія противъ Тарда. См. стр. 473.

оказываетъ мнѣніе избранной публики, и вліяніе, производимое бесѣдой, двѣ формы воздѣйствія на толпу, которыя очевидно существенно отличаются отъ того, какое производитъ на нее гипнотизирующій ее «герой». Всѣ существующія попытки построенія соціологіи кажутся Бальдвину неудовлетворительными въ томъ смыслѣ, что онѣ не даютъ отвѣта на вполнѣ реальный вопросъ объ общественной матеріи. Намъ необходимо, говоритъ онъ, знать, чему именно общество подражаетъ съ пользой, какія симпатическія ощущенія и акты даютъ прочныя послѣдствія, имѣющіе общественное значеніе. Онъ готовъ воспользоваться при этомъ ранѣе его сдѣланной попыткой нѣмецкаго соціолога Тёниса, который въ сочиненіи: «Gemeinschaft und Gesellschaft» противуполагаетъ человѣческія общества колоніямъ животныхъ и видитъ между обоими типами психологическія различія. Въ животныхъ обществахъ, которыя Бальдвинъ называетъ компаніями, индивиды чувствуютъ и дѣйствуютъ аналогично, въ человѣческихъ же они вмѣстѣ съ тѣмъ и мыслятъ сходно. Въ этомъ-то и надо искать по Бальдвину указаніе на то, что именно составляетъ соціальную матерію. Что же касается до метода ея функціонированія, то онъ одинъ и тотъ же какъ въ колоніяхъ животныхъ, такъ и въ людскихъ сообществахъ, а именно подражаніе.

Итакъ, на вопросъ о матеріи общественной организаціи не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ слѣдующаго: ее представляютъ мысли людскія, т. е. всякаго рода умственныя состоянія, факты воображенія, познанія и т. д. Они рождаются въ умѣ индивидовъ каждой группы, какъ открытія и изобрѣтенія, какъ болѣе или менѣе новыя концепціи. Пока они остаются исключительнымъ достояніемъ индивида, они не образуютъ еще общественной матеріи; они становятся ею только съ того момента, когда другіе члены той же соціальной группы мыслятъ ихъ, знаютъ ихъ или освѣдомлены о нихъ. Однѣ только мысли и познанія могутъ быть предметами производительнаго подражанія. Я не могу имѣть ни одинаковыхъ вѣрованій, ни одинаковыхъ желаній съ вашими, прежде чѣмъ мною не будутъ пріобрѣтены та мысль и то познаніе, которыя лежатъ въ основѣ вашихъ вѣрованій и желаній. Подражанія являются поэтому только функціями умственнаго порядка. Только въ формѣ идей, концепцій или изобрѣтеній могутъ проникнуть въ общество новые предметы для подражанія. Бальдвинъ подробно развиваетъ затѣмъ тотъ взглядъ, что не всякая мысль можетъ считаться «матеріей соціальной организаціи», а только та, которая имѣетъ характеръ публичности. Характеръ же этотъ она пріобрѣтаетъ отъ того, что существо общественное, которое ее мыслитъ,

относитъ мыслимое не къ личному я, а къ я публичному. Это положеніе авторъ развиваетъ главнымъ образомъ на примѣрѣ психологическаго развитія ребенка, составившаго предметъ, какъ мы сказали, самостоятельнаго его изслѣдованія. Такъ какъ вопросъ имѣетъ значеніе только для психологіи, то въ разсмотрѣніе его мы здѣсь вдаваться не будемъ. Бальдвинъ отмѣчаетъ въ процессѣ общественнаго прогресса два фактора: индивида, соціальную силу партикуляризаціи, какъ онъ его называетъ, и организованное общество, которое для него является соціальной силой генерализаціи. Индивидъ изобрѣтаетъ, строитъ, истолковываетъ, отправляясь отъ обращающейся въ обществѣ соціальной матеріи, перешедшей къ нему путемъ соціальнаго наслѣдованія. Въ свою очередь, общество генерализируетъ инвивидуальныя изобрѣтенія, усваивая изъ нихъ то, что можетъ имѣть интересъ для всѣхъ и каждаго изъ составляющихъ его индивидовъ.

Остается теперь рѣшить вопросъ, существуютъ ли извѣстныя направленія для общественнаго прогресса, и, если существуютъ, то чѣмъ они опредѣляются. Бальдвинъ послѣдовательно устанавливаетъ три положенія: во-первыхъ, индивиды не могутъ въ своемъ изобрѣтеніи обойтись безъ того базиса, какой представляютъ предшествующія генерализаціи. Этимъ уже до нѣкоторой степени опредѣляется природа тѣхъ умственныхъ варіацій, которыя могутъ имѣть значеніе для общества. Во-вторыхъ, общества зависятъ въ дѣлѣ новыхъ пріобрѣтеній всецѣло отъ оригинальныхъ открытій индивидовъ (отъ ихъ партикуляризацій). Оно обобщаетъ эти индивидуальныя мысли и не можетъ получить матеріала для своихъ «генерализацій» изъ другого источника. Въ-третьихъ, когда матеріалы, поставленные обществомъ, подверглись частной переработкѣ индивидомъ и эти «партикуляризаціи» въ свою очередь были генерализированы обществомъ, новый прогрессъ становится возможнымъ въ соціальномъ строѣ.

Сопоставляя общественный прогрессъ съ прогрессомъ индивидуальнымъ, Бальдвинъ видитъ аналогію между обоими. Индивидъ не можетъ произвесть новыхъ открытій, новыхъ интерпретацій или «партикуляризацій» иначе, какъ взявши базисомъ для нихъ то, чему онъ былъ уже обученъ. Всякій шагъ въ его умственномъ прогрессѣ составляютъ новыя партикуляризаціи старыхъ матеріаловъ. Эти «партикуляризаціи», т. е. индивидуальныя интерпретаціи, изобрѣтенія, концепціи, имѣютъ постоянное значеніе для одного его личнаго развитія: но онѣ кажутся ему цѣнными и для другихъ. Онѣ генерализируются имъ и становятся для него привычками; какъ таковыя, онѣ присоединяются къ прежнимъ пріобрѣтеніямъ, изъ которыхъ слагается его развитіе.

Точно такимъ же образомъ для общества всякая новая мысль становится субъективной съ момента генерализаціи ея и инкорпорированія въ одно изъ тѣхъ учрежденій, изъ совокупности которыхъ слагается его внутренній организмъ. Въ концѣ-концовъ общество требуетъ своими санкціями, чтобы всякій индивидъ, классъ или группа, участвующіе въ его жизни, дали свое признаніе и утилизировали эту новую мысль. Другими словами, общество осуществляетъ свои партикуляризаціи, свои изобрѣтенія, интерпретаціи и т. д. черезъ посредство индивида точно такъ же, какъ индивидъ черезъ посредство третьяго лица, которое является для него источникомъ внушенія. Общество достигаетъ своихъ обобщеній, объективируя добытые результаты въ собственныхъ интересахъ и въ формѣ учрежденій, точь въ точь какъ индивидъ, который предлагаетъ свои личныя интерпретаціи на общественное обсужденіе и для общественнаго руководства. Этимъ опредѣляется по Бальдвину и направленіе общественнаго процесса. Частное лицо, пишетъ онъ, стремится къ нравственной цѣли; его умственныя санкціи направляютъ его, правда, къ затратѣ своихъ силъ и силъ общества для собственной выгоды, но онъ не можетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи далѣе извѣстнаго предѣла, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ принесъ бы вредъ той кооперацін, которая составляетъ необходимый базисъ его личнаго развитія. Умственный прогрессъ необходимо приводитъ къ тѣмъ высшимъ умственнымъ состояніямъ, которыя называются общественными или нравственными. Моральная санкція заступаетъ мѣсто и ограничиваетъ санкцію личныхъ желаній и импульсовъ. Такимъ образомъ индивидъ пріобрѣтаетъ въ своей частной жизни тенденцію къ общественной коопераціи и нравственному поведенію. То же можетъ быть сказано и о прогрессѣ общественномъ: затрата интеллекта для утилизаціи общественныхъ силъ ради достиженія личныхъ цѣлей создаетъ одинъ изъ моментовъ общественной жизни; въ нѣкоторыхъ обширныхъ сферахъ человѣческихъ отношеній, въ особенности въ торговой, цѣли относительно-эгоистическія, какія преслѣдуются конкурренціей индивидуальныхъ интеллектовъ, повидимому указываютъ степень, до которой поднялся общественный уровень; но прогрессъ и для общества тотъ же, что для частнаго лица. Какъ только эгоистическая затрата интеллекта приводитъ индивида въ конфликтъ съ тѣми необходимыми движеніями, которыми совершается общественное развитіе, или съ учрежденіями, ими порожденными, тотчасъ же личность должна подчиниться нѣкоторому принужденію—принужденію внутреннему, а не внѣшнему. Поэтому и общественному развитію не чужда та же нравственная тенденція, которую мы отмѣтили въ развитіи индивида. Общество

есть сила генерализирующая: оно обобщаетъ индивидуальныя мысли, требующія общаго признанія; поэтому учрежденія, въ которыхъ, благодаря ему, инкорпорируются эти идеи, являются дѣломъ лучшихъ индивидовъ и представляютъ собою ограниченіе эстетическихъ личныхъ санкцій въ пользу коопераціи общественныхъ и нравственныхъ. Всѣ соціальныя санкціи—педагогическаго характера; мы находимъ ихъ въ семьѣ, школѣ и т. д.; онѣ имѣютъ своей задачей порожденіе соціальныхъ привычекъ, укрѣпляющихъ и поощряющихъ развитіе терпимости, снисхожденія и всѣхъ добродѣтелей, имѣющихъ соціальное значеніе.

Нравственная санкція у индивида только контролируетъ другія санкціи. Она обобщаетъ ихъ и выходитъ за ихъ предѣлы. Развитіе общества должно поэтому происходить въ направленіи возможно большаго развитія индивида. Оно имѣетъ своей задачей полную регламентацію и полную утилизацію индивидуальныхъ силъ въ интересахъ общественнаго и нравственнаго единства коопераціи. Отсюда тотъ общій выводъ, что общественный прогрессъ необходимо состоитъ въ полной реализаціи нравственныхъ типовъ и правилъ нравственнаго поведенія.

Противуполагая свою психологическую теорію — біологической, или органической, Бальдвинъ говоритъ: «прогрессъ общества, какъ въ своемъ методѣ (подражаніе), такъ и въ своемъ направленіи и опредѣляющихъ его мотивахъ, болѣе аналогиченъ съ прогрессомъ сознанія, нежели съ развитіемъ біологическихъ организмовъ. Организація, реализируемая соціальной жизнью,—организація психическая, ея матеріалы—психическаго характера, а именно мысли, желанія, импульсы, санкціи и вытекающія изъ всего этого чувствованія. Говорить поэтому, заодно съ Спенсеромъ, объ атомахъ, органахъ, органическихъ процессахъ и центрахъ, о нервахъ первичнаго порядка, вторичнаго и т. д. въ области соціологіи значитъ насиловать природу матеріаловъ, служащихъ для построенія соціальной науки. Держась біологическихъ аналогій соціологъ не можетъ орудовать съ такими феноменами, какъ подражаніе, обобщеніе, изобрѣтеніе, общественная санкція и т. д. Ввести ихъ въ біологическія рамки нельзя иначе, какъ искажая ихъ. Гдѣ также при исканіи аналогій съ біологическимъ организмомъ найти подобающее мѣсто вліянію религіознаго и нравственнаго чувства, которое является при ближайшемъ анализѣ однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ соціальнаго прогресса. Прогрессъ общественной организаціи ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ принципами и методами, которые имѣютъ значеніе для насъ настолько, насколько мы являемся разумными существами. Таковы внушенія, подражанія, чувствованія и т. д. Мы

понимаемъ ихъ, только принимая въ разсчетъ нашу личную эволюцію. На нихъ мы строимъ наше представленіе о характерѣ, какъ собственномъ, такъ и приписываемомъ нами ближнимъ. Вотъ почему, разсматривая и соціальныя явленія, мы говоримъ о нихъ: вотъ это феноменъ подражанія, а это продуктъ внушенія, такое-то явленіе представляетъ изобрѣтеніе, а такое-то — результатъ чувствованія. Общій выводъ, дѣлаемый авторомъ объ общественномъ прогрессѣ, сводится къ признанію, что этотъ прогрессъ есть воспроизведеніе прогресса индивидуальнаго.

ОТДѢЛЪ II.

Соціологія какъ наука, строящая свои собственные законы.

ГЛАВА III.

Соціологическія доктрины Гумпловича, Зиммеля, Дюркгейма.

§ 1.

Писатели, къ разбору которыхъ мы въ настоящее время переходимъ, имѣютъ между собою то общее, что разсматриваютъ соціологію какъ науку, имѣющую выработать свои собственные законы и обладающую своей самостоятельной и независимой отъ другихъ сферой. Ею являются различныя формы общественности, начиная отъ семейныхъ и оканчивая государственными. Можно было бы сказать, что въ этомъ отношеніи писатели, о которыхъ идетъ рѣчь, прямо примыкаютъ къ творцу самой науки, Конту, если бы въ основѣ ихъ воззрѣній не лежало туманное, мистическое представленіе о томъ, что всякій общежительный союзъ представляетъ собою въ отношеніи къ его психической природѣ нѣчто отличное отъ суммы составляющихъ его индивидуальныхъ психій. Однимъ изъ первыхъ высказался въ этомъ смыслѣ де-Грееф. Въ его Вступленіи къ соціологіи мы дѣйствительно читаемъ: отношенія извѣстной массы людей между собою или съ другою массою такихъ же, какъ они, хотя и отражаютъ на себѣ вліяніе физіологической и психической природы единицъ, ихъ составляющихъ, въ то же время представляютъ нѣкоторый излишекъ, необъяснимый съ помощью однихъ законовъ наукъ физико-химическихъ и біологическихъ. Коллективная сила общественнаго суперъ-организма не можетъ считаться эквивалентомъ силъ составляющихъ его индивидуальныхъ организмовъ въ такой же мѣрѣ, въ какой и индиви-

дуальные организмы не могутъ считаться эквивалентами суммы физіологическихъ единицъ, ихъ составляющихъ. (Introduction à la Sociologie, т. I, ст. 180). Къ этой же точкѣ зрѣнія присоединяется и Дюркгеймъ въ своихъ «Правилахъ соціологической методы». Коллективное чувство, говоритъ онъ, сказывающееся въ какомъ-нибудь собраніи, не выражаетъ собою того, что есть общаго между чувствами отдѣльныхъ индивидовъ, участвующихъ въ немъ. Оно выражаетъ нѣчто совершенно иное,—состояніе коллективной души (ce qu'il exprime c'est un certain état de l'âme collective). Эта душа—продуктъ жизни сообща, продуктъ дѣйствій и противодѣйствій, возникающихъ между индивидуальными сознаніями. Если она сказывается въ каждомъ изъ нихъ, то только въ силу специальной энергіи, которой она обязана своему коллективному источнику. Если всѣ сердца вибрируютъ согласно, то происходитъ это не въ силу самопроизвольнаго и предустановленнаго единенія, а только потому, что одна и та же сила двигаетъ ихъ въ одномъ и томъ же смыслѣ. Каждый увлекаемъ всѣми (стр. 15). Ни одинъ изъ только что упомянутыхъ писателей не раскрываетъ передъ нами того пути, какимъ онъ пришелъ къ выдѣленію въ особую группу соціальныхъ явленій, какъ представляющихъ собою въ психическомъ отношеніи нѣчто отличное отъ суммы психическихъ процессовъ отдѣльныхъ индивидовъ, въ нихъ участвующихъ. Это дѣлаетъ одинъ Гумпловичъ. Соціальная группа, по его мнѣнію, не есть сумма составляющихъ ее единицъ. Самый фактъ ихъ группировки производитъ избытокъ силъ, котораго нельзя объяснить простымъ сложеніемъ силъ индивидуальныхъ. (Соціологія и политика, стр. 149). Къ такому выводу Гумпловичъ приходитъ путемъ установленія различій между соціологіей и всѣми конкретными науками, занимающимися человѣкомъ въ его общежитіи, какъ напримѣръ исторіей вообще и исторіей культуры въ частности, политической экономіей, этнологіей и т. д. Особенно поучительно для пониманія его точки зрѣнія то, что онъ говоритъ намъ о различіи коллективнаго факта, установляемаго статистикой, и соціальнаго феномена, изучаемаго соціологіей. Гумпловичъ настаиваетъ на томъ, что эти два понятія нисколько не покрываютъ другъ друга. Соціологія, пишетъ онъ, въ противность статистикѣ, не имѣетъ дѣла съ фактами индивидуальными, а только съ феноменами соціальными.

Ихъ строго надо отличать отъ феноменовъ коллективныхъ, которые представляютъ собою не болѣе, какъ суммы индивидуальныхъ феноменовъ, изучаемыхъ статистикой. Феноменъ коллективный есть ариѳметическая величина, составленная изъ извѣстнаго числа индивидуальныхъ случаевъ; она растетъ или убываетъ вмѣстѣ

съ числомъ этихъ случаевъ. Соціальный же феноменъ—феноменъ своеобразный, одновременно и индивидуальный и коллективный; его нельзя составить, взявши извѣстное число частныхъ случаевъ, ни разложить на эти случаи. Такимъ феноменомъ можно считать напримѣръ основаніе государства. Природа этого явленія не можетъ быть объяснена путемъ сложенія серіи чиселъ. Другимъ такимъ же соціальнымъ феноменомъ является напримѣръ война. Кто изъ статистиковъ когда-либо задавался мыслью построить сложеніемъ серій чиселъ законъ большихъ чиселъ, управляющій войнами. Все, что они могутъ повѣдать намъ съ помощью своихъ таблицъ, это большую или меньшую смертность, вызванную тѣми или другими войнами. Соціальная природа самихъ войнъ ускользаетъ отъ ихъ анализа. Она можетъ быть обнаружена только соціологіей (ibid., 196, 197).

Источникъ этой особенности соціальныхъ фактовъ отъ фактовъ коллективныхъ лежитъ, по Гумпловичу, повидимому въ слѣдующемъ соображеніи, которое мы приводимъ цѣликомъ, не задаваясь пока мыслью о его критикѣ. Вслѣдъ за Шопенгауеромъ и особенно его ученикомъ Гартманомъ, соціологи только что упомянутаго направленія придерживаются того взгляда, что безсознательное играетъ въ жизни общественныхъ союзовъ весьма выдающуюся роль. Де-Грееф высказываетъ эту мысль въ слѣдующихъ словахъ: въ жизни сообществъ, какъ и въ индивидуальной жизни, сознательное и методическое разсужденіе составляетъ ничтожное исключеніе. Безсознательность, рефлективное дѣйствіе, инстинктъ гораздо въ большей степени управляютъ нашимъ частнымъ поведеніемъ и нашей общественной политикой, чѣмъ память, разсужденіе и воля. Нѣсколько ниже онъ говоритъ о монотонной игрѣ безсознательнаго въ примѣненіи къ общественному организму (т. I, стр. 113). Гумпловичъ не только принимаетъ цѣликомъ подобную же точку зрѣнія, но еще пускается по поводу ея въ слѣдующее разсужденіе. Если бы мы имѣли противное, если бы общественныя движенія были эманаціей индивидовъ мыслящихъ и рѣшающихъ, они бы могли быть объектомъ исторіографіи, насколько послѣдняя является искусствомъ, отнюдь не предметомъ науки. Необходимое условіе каждой науки—это правильность въ изучаемыхъ ею движеніяхъ. Если соціологія есть наука, то только потому, что такая правильность присуща соціальнымъ движеніямъ... Если человѣкъ не сознаетъ большинства управляющихъ имъ мотивовъ, то, очевидно, является вопросъ, откуда они дались ему? На этотъ вопросъ Гумпловичъ отвѣчаетъ такъ: будучи отъ природы животнымъ стаднымъ, человѣкъ отъ своего стада или отъ своей группы получаетъ не только физиче-

скую, но и инстинктивную природу. Безсознательныя стремленія, составляющія основу его психической жизни,—не его индивидуальное созданіе, не его собственность; онѣ—интеллектуальное достояніе его группы Въ ней онѣ рождаются и развиваются (стр. 123 и 124). Итакъ, по ученію только что разсмотрѣнныхъ нами писателей, соціальные факты только потому подлежатъ научному изученію, что безсознательны. Будучи таковыми, они не отличаются тѣми квалитативными различіями, при которыхъ немыслимъ былъ бы ихъ подсчетъ и невозможна правильность повторенія. Она одна дѣлаетъ ихъ матеріаломъ для науки. Отъ нея зависитъ возможность соціологіи.

Гумпловичъ весьма опредѣленно высказываетъ эту мысль, говоря, что интересы общественныхъ группъ одни должны приниматься въ разсчетъ при объясненіи общественныхъ явленій, и соціологія ставитъ себѣ задачей заниматься только тенденціями и движеніями общественныхъ группъ. Такъ называемая «роль личностей въ исторіи» сводится, по его картинному и изумительному сравненію, къ роли маріонетокъ, приводимыхъ въ движеніе интересами общественныхъ группъ (стр. 133, 134).

Дюркгеймъ, правда, не ставитъ особенность соціальныхъ фактовъ,—особенность, позволяющую имъ сдѣлаться предметомъ самостоятельной науки,—въ прямую зависимость отъ роли, какую въ нихъ играетъ безсознательное, но онъ въ свою очередь настаиваетъ на томъ, что постоянство соціальныхъ фактовъ обусловливается будто бы присущей имъ силой вынуждать повиновеніе индивидовъ. (Un fait social se reconnait au pouvoir de coercition externe qu'il exerce ou est susceptible d'exercer sur les individus, Les règles de la méthode sociologique, стр. 15).

Эта особенность обусловливается, по его мнѣнію, или принадлежащей соціальному факту санкціей, или оппозиціей, оказываемой имъ всякому предпріятію, противъ него направленному (ibid., стр. 15 и 16). Тотъ же писатель старается показать, что, рядомъ съ этимъ, соціальный фактъ имѣетъ еще ту особенность, что носитъ характеръ всеобщности по отношенію къ лицамъ, входящимъ въ составъ данной группы. Но и эту черту онъ сводитъ въ концѣ концовъ къ присущей соціальному факту обязательности. «Если фактъ этотъ становится общимъ, пишетъ онъ, то только дѣлаясь обязательнымъ».

Вся эта фантасмагорія нашла справедливое осужденіе на двухъ-трехъ страницахъ, направленныхъ Тардомъ противъ Дюркгейма, но приложимыхъ въ равной мѣрѣ и къ упомянутымъ выше писателямъ. Дюркгеймъ, пишетъ Тардъ, повидимому не прочь оживить

теорію эманаціи. Для него индивидуальные факты — не элементы соціальнаго, а только его проявленіе. Но чѣмъ можетъ быть общество, разъ мы отвлечемся отъ индивидовъ, и какъ, съ другой стороны, признать, что отличительную особенность соціальнаго факта составляетъ присущая ему сила вынужденія. Вѣдь въ такомъ случаѣ соціальнымъ фактомъ нужно считать прежде всего отношеніе побѣдителя къ побѣжденному, сказывающееся во взятіи крѣпости и обращеніи завоеванной націи въ неволю. Наоборотъ пришлось бы отказать въ значеніи соціальнаго факта добровольному обращенію цѣлаго народа въ новую вѣру, религіозную или политическую, проповѣдуемую апостолами-энтузіастами. Дюркгеймъ думаетъ, что соціальный фактъ, какъ внѣшній, можетъ проникнуть въ сознаніе частнаго лица только благодаря своей обязательности. Это пожалуй справедливо по отношенію къ школьникамъ, пріобрѣтающимъ знаніе отъ учителей или родителей. Но вѣдь рядомъ съ такимъ воздѣйствіемъ они испытываютъ еще, и въ большей степени, вліяніе товарищей, въ которомъ уже нѣтъ ничего обязательнаго. Неужели же это вліяніе не имѣетъ характера соціальнаго? Въ защищаемой Дюркгеймомъ точкѣ зрѣнія Тардъ справедливо видитъ не болѣе, какъ выраженіе ходячаго предразсудка. Основу его составляетъ установляемое химіей и біологіей положеніе, по которому комбинація элементовъ можетъ быть отлична отъ суммы послѣднихъ. Тардъ думаетъ, что эта точка зрѣнія не приложима къ соціологіи, такъ какъ при удаленіи въ ней индивидуальнаго, какъ онъ выражается, исчезнетъ и соціальное. Въ обществѣ нѣтъ ничего такого, что въ частичномъ видѣ и какъ объектъ постояннаго повторенія не существуетъ въ формѣ индивидуальной, какъ достояніе живущихъ или умершихъ поколѣній *).

Повторяя ту же мысль въ своей «Соціальной логикѣ», Тардъ говоритъ: «Дюркгеймъ снова возвращаетъ насъ ко временамъ схоластики. Мнѣ трудно понять, какъ, удаливши индивидовъ, вы сохраните общество. Я не думаю, чтобы по удаленіи профессоровъ, напримѣръ, осталось отъ университета что либо, кромѣ имени» (предисловіе, стр. 6-ая).

Но, соглашаясь въ общемъ съ возраженіями, направленными противъ мистическаго представленія объ обществѣ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ суммы составляющихъ его индивидовъ, все равно, будетъ ли этимъ обществомъ первобытная орда, точнѣе, стадное соединеніе, или родъ, семья и государство, считая совершенно недо-

*) Les deux éléments de la sociologie. (См. Etudes de psychologie sociale. Стр. отъ 69—75).

казаннымъ то положеніе, что постоянство соціальныхъ фактовъ обусловливается безсознательностью составляющихъ ихъ процессовъ, или присущимъ имъ будто бы обязательнымъ характеромъ, я въ то же время думаю, что между ними и частными актами существуетъ различіе не по природѣ, а по степени постоянства. Объясняю я себѣ это нейтрализаціей въ группѣ особенно интензивныхъ волей,— благодаря чему законъ большихъ чиселъ скорѣе приложимъ къ дѣятельности группъ, чѣмъ индивидовъ. Это не значитъ конечно, чтобы люди, соединившіеся въ группы, всегда преслѣдовали собственные интересы. Могутъ быть и исключенія. Укажу какъ на примѣръ на высшее французское дворянство, потребовавшее въ ночь 4-го августа 1789 года отмѣны крѣпостного права и всего феодальнаго строя, или на среднее сословіе, соглашавшееся на расширеніе избирательнаго права вплоть до всеобщей подачи голосовъ положимъ во Франціи 48-го года. Но не говоря уже о томъ, что такія дѣйствія могли быть не болѣе какъ своевременнымъ отступленіемъ передъ наступающимъ потокомъ, самая рѣдкость ихъ, особенно если сопоставить ее съ частыми проявленіями великодушныхъ порывовъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, способна породить въ умѣ представленіе, что, говоря о семьяхъ, родахъ, сословіяхъ, классахъ, государствахъ, мы легче можемъ допустить согласное съ ихъ интересами поведеніе, нежели при составленіи біографическаго очерка той или другой личности, особенно если она принадлежитъ къ числу выдающихся и самобытныхъ. Одно это большее постоянство въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ группъ и дѣлаетъ возможнымъ предсказываніе ихъ поведенія въ будущемъ. Мы можемъ, напримѣръ, предвидѣть, что аграріи Пруссіи не будутъ стоять за заключеніе торговыхъ договоровъ съ Россіей на принципѣ экономической свободы, что московскіе и лодзинскіе фабриканты не откажутся охотно и по собственной иниціативѣ отъ преимуществъ, созданныхъ для нихъ таможеннымъ тарифомъ, что дворяне-землевладѣльцы не будутъ стоять, какъ сословіе, за упраздненіе ихъ привилегій; что Россія, Австрія и Пруссія не откажутся добровольно отъ владычества надъ Польшей, Германія—надъ Эльзасомъ, а Франція надъ Тунисомъ и т. д. и т. д. Мы можемъ напередъ разсчитывать на противодѣйствіе извѣстнымъ реформамъ, положимъ пониженію размѣра рабочаго дня до восьми часовъ, въ равной мѣрѣ и со стороны американскихъ фабрикантовъ, и со стороны англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, тогда какъ намъ было бы невозможно рѣшить напередъ, какого поведенія въ данномъ вопросѣ будетъ держаться хотя бы Круппъ, Казиміръ Перье или Пьерпонтъ Морганъ. Точно такъ же намъ нѣтъ основанія высказывать сомнѣніе въ желаніи любой изъ великихъ державъ сохранить свои колоніи, рас-

ширить ихъ при случаѣ или уступить другимъ не иначе, какъ за вознагражденіе, тогда какъ по отношенію къ частнымъ лицамъ, возьмемъ для примѣра хотя бы графа Шамбрена, или Карнеги, или не берущаго патентовъ на изобрѣтеніе химика Бертело, мы въ правѣ допустить возможность великодушнаго отказа отъ собственности.

Этой стороной общественные факты отвѣчаютъ тому опредѣленію, какое даетъ имъ Гумпловичъ. Эволюція общественныхъ группъ, пишетъ онъ, развивается правильно и согласно естественнымъ законамъ (?). На нее надо смотрѣть, какъ на продуктъ тенденцій, присущихъ каждой группѣ, правильная оцѣнка этихъ тенденцій позволяетъ съ бо́льшей или меньшей точностью опредѣлить дальнѣйшій ходъ развитія *). Только указанной стороной, т. е. возможностью приписать группамъ постоянныя тенденціи, объясняется то, что Гумпловичъ такъ неудачно передаетъ своимъ положеніемъ, будто влеченія коллективныя сохраняютъ полную независимость отъ индивидуальныхъ волей **). Самъ авторъ повидимому не слѣпъ къ тому, что есть парадоксальнаго въ его положеніи. Въ примѣчаніи къ своей книгѣ онъ приводитъ критическую оцѣнку, данную Зиммелемъ и Дюркгеймомъ этой основной посылкѣ его соціологическихъ построеній, посылкѣ, опирающейся, какъ я старался показать, на простомъ смѣшеніи понятій. Коллективность, пишетъ онъ, одухотворенная общностью и единствомъ тенденціи, кажется Зиммелю чѣмъ-то мистическимъ (я полагаю, не одному Зиммелю). Но очевидно, что нѣтъ ничего мистическаго въ нашемъ допущеніи большей закономѣрности дѣйствій отдѣльныхъ группъ въ виду нейтрализаціи въ нихъ оригинальныхъ особенностей составляющихъ ихъ индивидовъ и возможности преобладанія по тому самому желаній, согласныхъ съ интересами всего сообщества. Гумпловичъ, разумѣется, ничего не хочетъ знать о такомъ объясненіи причинъ закономѣрности. Онъ довольствуется констатированіемъ, какъ первичнаго фактора, невозможности объяснить волю соціальныхъ группъ суммою индивидуальныхъ волей. Воля коллективныхъ единицъ въ силу какого-то непонятнаго для меня фатализма вовлекаетъ, по его мнѣнію, отдѣльныя личности въ водоворотъ историческихъ событій, вопреки ихъ чувствамъ, наклонностямъ и желаніямъ. Эти общественныя теченія опредѣляются тенденціями, присущими общественнымъ группамъ, тенденціями неизмѣнными, всегда клонящимися къ самосохраненію и къ увеличенію собственнаго благосостоянія, а слѣдовательно къ владычеству надъ другими

*) Sociologie et politique, стр. 143.
**) Ibid. стр. 168.

группами, имъ болѣе или менѣе родственными. Для иллюстраціи этой мысли Гумпловичъ приводитъ слѣдующій несчастный примѣръ. Что увлекало германскихъ императоровъ въ Италію, Наполеона I въ Москву, миролюбивыхъ монарховъ въ военныя предпріятія, противорѣчащія личному ихъ чувству и нисколько не содѣйствующія ихъ благополучію? Кто посмотритъ на дѣло безпристрастно и объективно, тотъ принужденъ будетъ согласиться, что личная дѣятельность императоровъ опредѣлялась подъ вліяніемъ допускающихъ противорѣчіе тенденцій коллективностей (стр. 170).

Едва ли историкъ Священной Римской Имперіи или Наполеоновскаго владычества остановится на мысли, что есть что-то фатальное и безсознательное въ дѣйствіяхъ, клонившихся къ поддержанію политическаго единства Запада, или въ стремленіи объединить на началахъ, установленныхъ французской революціей, весь цивилизованный міръ подъ главенствомъ новаго преемника римскихъ цезарей.

Съ момента, когда идея національнаго объединенія или идея созданія новыхъ рынковъ и упроченія тѣмъ промышленнаго и торговаго преобладанія отдѣльныхъ странъ проникли въ общее сознаніе, правительства по собственному выбору принимали мѣры къ расширенію своихъ государствъ до границъ населяющей ихъ національности, создавали себѣ союзниковъ въ лицѣ единокровныхъ съ ихъ народомъ племенъ, для чего и поддерживали силой оружія стремленія послѣднихъ къ политической независимости (такъ поступалъ, напримѣръ, Наполеонъ III въ Италіи, Александръ II въ Турціи), наконецъ создавали путемъ основанія колоній или благодаря вынуждаемымъ силою торговымъ договорамъ новые рынки для продуктовъ своихъ странъ. Безсознательнаго во всѣхъ такого рода дѣйствіяхъ, очевидно, было мало, да и самая мысль о подчиненномъ положеніи какого-нибудь Наполеона или Бисмарка по отношенію къ неудержимымъ тенденціямъ народовъ едва ли возможна. Вѣдь кто же изъ историковъ возьмется доказывать, что французы начала XIX столѣтія требовали похода на Москву, нѣмцы въ средніе вѣка—походовъ на Римъ, а въ новѣйшее время—на Парижъ! Впрочемъ всѣ эти разномыслія между Гумпловичемъ и мною вызываются скорѣе формой, въ которой облечена его мысль, нежели самымъ ея содержаніемъ. Кто станетъ спорить противъ той очевидной истины, что великіе политики и государственные дѣятели только потому и являются великими, что понимаютъ запросы своего времени и дѣйствуютъ въ смыслѣ, благопріятномъ удовлетворенію этихъ запросовъ. Только утописты и фантазеры забѣгаютъ впередъ, только реакціонеры думаютъ повернуть движеніе назадъ.

Ихъ созданія являются поэтому временными и преходящими. Вотъ тотъ рядъ мыслей, какой въ сущности лежитъ въ основѣ неудачнаго утвержденія, что «герой», какъ Наполеонъ, или создатели германскаго единства подчинялись недопускающимъ противорѣчія тенденціямъ коллективностей. Они не подчинялись имъ, а отгадывали ихъ и шли имъ на встрѣчу. Только въ той мѣрѣ, въ какой ихъ личныя стремленія расходились съ дѣйствительными запросами времени, опережая ихъ, или наоборотъ тормозя, ихъ дѣятельность оканчивалась неуспѣхомъ. Еще вопросъ, въ какой мѣрѣ пораженіе наполеоновскаго идеала всемірной монархіи было вызвано, съ одной стороны, неподготовленностью многихъ націй къ проведенію въ жизнь принциповъ гражданскаго равенства, а съ другой, тѣмъ элементомъ реакціи, какой заключала въ себѣ самая идея возстановленія римской императорской власти. Но довольно объ этомъ предметѣ, который при болѣе обстоятельномъ развитіи увлекъ бы насъ слишкомъ далеко отъ разбора основныхъ положеній австрійскаго соціолога. Глава о вліяніи группы на индивида является у него только дальнѣйшимъ развитіемъ во всей ихъ односторонности уже указанныхъ положеній. Авторъ старается объяснить, почему личности состоятъ во власти коллективностей и ихъ тенденцій. Ключъ къ пониманію этого явленія, пишетъ Гумпловичъ, лежитъ въ томъ, что поведеніе каждаго индивида опредѣляется не индивидуальными психологическими мотивами, но мотивами общественными, т. е., поясняетъ онъ, индивидъ въ каждомъ положеніи дѣйствуетъ согласно мнѣнію своей среды или его окружающихъ. «Этому факту, жалуется Гумпловичъ, не придаютъ достаточнаго значенія. Что заставляетъ разорившагося негоціанта прибѣгнуть къ самоубійству, спрашиваетъ онъ, думая тѣмъ дать иллюстрацію своей мысли? Это прежде всего нежеланіе прослыть за банкрота въ свѣтѣ, т. е. между людьми, съ которыми у него существуютъ отношенія. Мы выбрали этотъ примѣръ, прибавляетъ авторъ, такъ какъ онъ съ очевидностью показываетъ, какимъ образомъ соціальные мотивы берутъ верхъ надъ индивидуальными инстинктами. Подобные мотивы дѣйствуютъ въ общественной жизни на каждаго, какъ бы независимъ онъ ни казался. Причина же всего этого та, что человѣкъ не можетъ жить одинокимъ, что онъ существо стадное, что онъ не въ состояніи отказаться отъ этой существенной черты своего характера и потому всегда руководствуется мнѣніемъ своего стада или орды» (стр. 175). Этотъ отрывокъ представляетъ любопытный образецъ того смѣшенія понятій, какое вообще присуще произведеніямъ австрійскаго соціолога. Что человѣкъ существо общежительное, это сказано было еще Аристотелемъ, но никто до Гумпловича не выво-

дилъ изъ этого заключенія, будто необходимымъ послѣдствіемъ этого факта долженъ быть отказъ человѣка подчиняться руководству собственной психики, т. е. не только разуму, но и страстямъ. Всякій, кому приходилось думать о причинахъ самоубійствъ, по всей вѣроятности долженъ былъ считаться съ тѣмъ временнымъ разстройствомъ психики, какую вызываетъ собою событіе, или цѣпь событій, побуждающихъ человѣка насильственно покончить съ своимъ существованіемъ. Это разстройство психики посягающаго на свою жизнь, положимъ несостоятельнаго должника, вызывается, очевидно, не однимъ соображеніемъ о томъ, что скажетъ о немъ свѣтъ, но и болѣе реальными мотивами, страхомъ личной отвѣтственности, желаніемъ избѣжать того ряда обидъ, какими грозятъ ему жертвы его несостоятельности, упрековъ собственной совѣсти, горестныхъ настроеній, вызываемыхъ въ немъ картиною неизбѣжной необезпеченности близкихъ и т. п., и т. п. Нѣтъ, слѣдовательно, основанія сводить столь сложное явленіе, какъ временное разстройство психическаго равновѣсія, къ одному исключительно факту, — страху общественнаго мнѣнія. Наконецъ не всѣ несостоятельные должники оканчиваютъ съ собою, а только меньшинство; изъ этого же, слѣдуя логическимъ пріемамъ Гумпловича, надо было бы притти къ обратному заключенію, о независимости стаднаго существа—человѣка отъ стада и возможности для него, по крайней мѣрѣ, того выбора между мотивами собственныхъ дѣйствій, выбора, руководимаго разумомъ и страстями, въ которомъ не отказываютъ личности и отрицающіе свободу воли философы. Не болѣе удачны и другіе примѣры, приводимые Гумпловичемъ для иллюстраціи его мысли, напримѣръ,—европейца, сидящаго въ знойное лѣто въ платьѣ или носящаго одежду моднаго покроя, наконецъ, монарха, будто бы всегда озабоченнаго приговоромъ исторіи, т. е., спѣшитъ прибавить авторъ, мнѣніемъ окружающихъ его. Чтобы судить о невѣроятности (стр. 176) послѣдняго заявленія, стоитъ только подставить въ этой алгебраической формулѣ реальныя величины: Петра I, руководствующагося мнѣніемъ Меньшикова, Брюса и Шереметьева, или Наполеона I, слѣдующаго совѣтамъ Коленкура или герцога Ровиго, пожалуй также Жозефины Богарнэ и герцогини Маріи Австрійской. Въ примѣрахъ Гумпловича имѣются и такіе, которые указываютъ на нѣчто совершенно отличное, именно на вліяніе подражанія, такъ удачно отмѣченнаго Тардомъ. Очевидно, однако, что допущеніе подражанія нисколько не говоритъ въ пользу той мысли, что живущій въ обществѣ человѣкъ отрѣшается въ своихъ дѣйствіяхъ отъ вліянія психологическихъ мотивовъ.

Но къ чему спрашивается потребовалось Гумпловичу это жертво-

приношеніе личности на алтарѣ коллективныхъ интересовъ? Для вывода, какъ онъ утверждаетъ, закона, въ силу котораго человѣческія общества всегда стремятся къ расширенію сферы своего могущества и вліянія. Это обобщеніе онъ провозглашаетъ верховнымъ закономъ общественной эволюціи (§ 27-й). Законъ этотъ съ его точки зрѣнія прямо вытекаетъ изъ другого «стремленія тѣхъ же группъ къ самосохраненію». Это стремленіе связывается у нихъ съ заботливымъ предвидѣніемъ будущаго, откуда вытекаетъ и тенденція къ увеличенію собственнаго благополучія. Она порождаетъ другую—къ владычеству, къ подчиненію такихъ же, какъ они, соціальныхъ группъ. Дѣйствіемъ этого закона Гумпловичъ объясняетъ возникновенье и самихъ государствъ и постепенный выходъ ихъ изъ первоначальныхъ границъ, имъ отведенныхъ, по мѣрѣ того, какъ «плодородіе» женщинъ, умножая число жителей, требуетъ для народившихся новыхъ поселеній и новыхъ сферъ «эксплуатаціи» сосѣдей. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ выводовъ, какіе авторъ дѣлаетъ изъ этого закона, спросимъ себя, на чемъ онъ собственно основанъ, и не можетъ ли послужившій къ его установленію фактъ или рядъ фактовъ получить другое объясненіе? Очевидно, что фундаментомъ для всей теоріи послужило простое наблюденіе. Оно указало на постепенное округленіе общественныхъ группъ, на переходъ немногочисленныхъ ордъ въ племена и племенъ въ города - государства, на соединеніе затѣмъ этихъ послѣднихъ въ болѣе обширные территоріальные союзы, по инниціативѣ болѣе счастливаго или могущественнаго города, присоединяющаго къ себѣ рядъ другихъ ему подобныхъ съ ихъ пригородами и селами. Въ существованіи подобныхъ фактовъ не можетъ быть высказываемо сомнѣнія. Они раскрываются передъ нами всей исторіей, но какое объясненіе дать имъ, это—другой вопросъ. Съ нашей точки зрѣнія они свидѣтельствуютъ о существованіи совершенно другого соціологическаго закона, который мы готовы формулировать словами: тенденція всякой замиренной сферы къ расширенію сферы человѣческой солидарности.

Гумпловичъ очень близко подходитъ къ той же точкѣ зрѣнія въ своей книгѣ «О борьбѣ расъ». Въ одной изъ основныхъ главъ этого сочиненія онъ старается установить, какъ онъ выражается, законъ, въ силу котораго люди, объединенные сродствомъ физическимъ или нравственнымъ, порождаемымъ въ послѣднемъ случаѣ общностью языка, религіи, образованія и матеріальныхъ интересовъ, не только чувствуютъ между собою большую солидарность, но и противуполагаютъ себя какъ цѣлое всѣмъ, кто стоитъ внѣ ихъ союза. Притягательную силу, какую они обнаруживаютъ другъ къ

другу, Гумпловичъ окрещиваетъ терминомъ «сингенизма», а проявленіе ея во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ онъ признаетъ однимъ изъ вѣчныхъ естественныхъ законовъ соціологіи *). Этому чувству солидарности между членами одного и того же сообщества соотвѣтствуетъ ненависть ихъ по отношенію къ чужеродцамъ, ко всѣмъ, кто стоитъ внѣ границъ ихъ союза. Эта ненависть, по мнѣнію Гумпловича, настолько сильна, что не позволяетъ первобытнымъ племенамъ и народностямъ имѣть другъ съ другомъ иныхъ сношеній, кромѣ военныхъ. Война такимъ образомъ является единственнымъ средствомъ къ ихъ сближенію и должна считаться однимъ изъ важнѣйшихъ соціологическихъ факторовъ. Одна война ведетъ къ сліянію первобытныхъ группъ въ болѣе обширные союзы, къ ихъ амальгамированію. Ни о какихъ мирныхъ средствахъ, утверждаетъ Гумпловичъ, не можетъ здѣсь быть и рѣчи (стр. 256). Члены иного родового или племеннаго союза, люди, отрицающіе унаслѣдованную отъ предковъ вѣру, говорящіе другимъ языкомъ, имѣющіе свои нравы и обычаи, и прежде всего принадлежащіе къ другой крови, даже не кажутся данной группѣ одной съ нею породы. Въ виду всего этого, думаетъ Гумпловичъ, вѣчная борьба расъ, борьба, продолжающаяся и въ войнѣ, и въ мирѣ, одна ведетъ къ амальгамаціи общественныхъ группъ, или къ ихъ сліянію. Только съ того момента, когда произошло послѣднее, борьба принимаетъ характеръ болѣе мирный, какъ выражается нашъ авторъ, характеръ юридическій (?). Эта перемѣна сказывается въ созданіи государства и власти въ интересахъ болѣе сильной расы, расы побѣдителя (стр. 258). Остановимся на этомъ положеніи и спросимъ себя, въ какой мѣрѣ процессъ расширенія замиренной среды дѣйствительно отвѣчаетъ той характеристикѣ, какая дана ему Гумпловичемъ? Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что отношенія родовъ и племенъ носятъ всего чаще враждебный характеръ. Это можно сказать и о тѣхъ отсталыхъ народностяхъ, съ которыми знакомитъ насъ этнографія, и о тѣхъ отдаленныхъ предшественникахъ современныхъ намъ націй, о которыхъ, какъ напримѣръ о восточныхъ славянахъ, лѣтописцы не разъ повѣствуютъ: «возста родъ на родъ». Но воинственное отношеніе, будучи фактомъ ежедневнымъ, въ то же время, за исключеніемъ спеціальныхъ и преходящихъ періодовъ открытаго междоусобія, далеко не отвѣчаетъ картинѣ «войны всѣхъ

---

*) Ce sentiment syngénitique ou pour le désigner d'un mot le syngénisme: voilà encore une des lois naturelles perpetuelles, une de ces lois sociales qui existent partout et toujours, bien que sous des formes adaptées aux degrés de civilisation les plus divers, aux formes sociales les plus diverses ainsi que nous le montrent l'histoire et l'observation (стр. 236).

противъ всѣхъ», какую рисовалъ себѣ Гоббсъ еще въ серединѣ 17-го вѣка, и которая, повидимому, не разъ встаетъ передъ воображеніемъ австрійскаго мыслителя. Въ противномъ случаѣ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ было бы взаимное истребленіе и совершенное исчезновеніе отдѣльныхъ родовъ и племенъ. Такіе случаи конечно могутъ быть отмѣчены въ бытѣ не однихъ краснокожихъ, гдѣ, какъ извѣстно, цѣлыя племена, напримѣръ племя Могиканъ, были стерты съ лица земли; но все же при нормальномъ теченіи жизни междуродовыя отношенія рисуются намъ скорѣе въ формѣ отмщенія родомъ роду частныхъ обидъ, нежели въ формѣ воинственныхъ походовъ и повальныхъ истребленій. Самыя отмщенія только потому не ведутъ къ этому исходу, что заканчиваются нерѣдко уступкой потерпѣвшему роду того или другого члена родомъ обидчика. Это по всей вѣроятности древнѣйшая форма усыновленія, къ которой не замедлили присоединиться и другія, какъ-то включеніе въ собственный родъ «изгоевъ», отщепенцевъ отъ другихъ родовъ, т. е. лицъ, покидающихъ свою собственную среду въ силу принужденія или по собственному выбору, наконецъ «зятьевъ», т. е. лицъ, принятыхъ родомъ въ свою среду на правахъ мужей принадлежащихъ роду дѣвушекъ и вдовъ. Обычай экзогаміи, т. е. обязательнаго брака съ чужеродцемъ, необходимо долженъ былъ содѣйствовать учащенію случаевъ такихъ усыновленій жениха родомъ невѣсты. Къ единоличнымъ усыновленіямъ присоединяются со временемъ и коллективныя, въ силу которыхъ менѣе многочисленные роды, остатки вымершихъ или истребленныхъ родовъ принимаются въ составъ болѣе численныхъ и могущественныхъ. Чтобы не быть голословнымъ, я позволю себѣ привесть нѣсколько данныхъ изъ быта кавказскихъ горцевъ, въ частности изъ быта дагестанскихъ родовъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ тохумовъ. Эти данныя цѣликомъ заимствованы изъ моего сочиненія. «Законъ и обычай на Кавказѣ». Въ Дагестанѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ долго державшейся въ краѣ и доселѣ еще уцѣлѣвшей древне-персидской или авестинской культуры, сохранились старинные запреты брать женъ внѣ рода, эти преграды выбору невѣстой жениха обходятся путемъ усыновленія послѣдняго родомъ невѣсты. Сдѣлавшись такимъ образомъ ея родственникомъ еще до брака, женихъ вступаетъ съ ней въ согласный съ обычаемъ эндогамическій союзъ. (Часть II, стр. 146). Кто знакомъ съ русскимъ обычнымъ правомъ, тому небезызвѣстно, что у нашихъ крестьянъ и по настоящее время усыновленіе зятя можетъ считаться общераспространеннымъ явленіемъ. Теперь нѣсколько подробностей насчетъ включенія въ составъ рода чуже-

родцевъ и помимо брака. Помилованный убійца, какъ и у американскихъ краснокожихъ, нерѣдко принимаемъ былъ на Кавказѣ въ родъ помиловавшаго, такъ что оба становились съ этого момента кровными братьями или «канкардашъ», какъ значится въ нѣкоторыхъ юго-дагестанскихъ записяхъ мѣстнаго обычая или адата. Помилованный, говоритъ г. Комаровъ, замѣняетъ собою убитаго имъ. Ему вмѣняется поэтому въ долгъ исполнять тѣ обязанности, какія возлагаются родствомъ: ухаживать за состоящими въ живыхъ родственниками своей жертвы, участвовать въ поминкахъ, совершаемыхъ по умершимъ, въ частности посѣщать могилу убитаго имъ. (Часть II, стр. 233). Какъ личный союзъ, родъ или тохумъ возрастаетъ не только путемъ естественнаго нарожденія, но и путемъ включенія въ свою среду лицъ и семействъ, ищущихъ съ нимъ общенія. Изгнанные изъ тохума или рода, подобно лицамъ, добровольно покинувшимъ его, обращались къ символической отдачѣ себя на жизнь и смерть члену другого рода или тохума. Ихъ принимали въ составъ послѣдняго съ вѣдома и согласія не только старѣйшины рода, но и всѣхъ лицъ, стоящихъ подъ его властью (Часть II, стр. 157). Въ офиціальныхъ запискахъ о тохумахъ или родахъ Дагестана я между прочимъ читаю: переходъ цѣлыхъ семействъ изъ одного рода въ другой допускается по обычаю въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ родовъ или тохумовъ крайне уменьшится въ своемъ составѣ и незначительные остатки его пожелаютъ примкнуть къ другому тохуму (ibid. ч. II, стр. 145). Сказанное о Дагестанѣ съ нѣкоторыми измѣненіями, обусловленными господствомъ экзогаміи, или обязательнаго брака на чужеродкахъ, можетъ быть повторено и о другихъ горскихъ народностяхъ Кавказа, прежде всего объ Осетинахъ, которымъ посвящена мною спеціальная монографія. Я разумѣется не стану умножать примѣровъ или повторять сказанное въ прежнихъ моихъ сочиненіяхъ. Я только считаю нужнымъ напомнить о томъ, что ни одинъ изъ приведенныхъ обычаевъ не составляетъ исключительной особенности указанныхъ племенъ и встрѣчается на разстояніи тысячелѣтій у различныхъ народностей земного шара, переживающихъ стадію родового общежитія. А если такъ, то очевидно, что въ расширеніи замиренной среды участвуетъ не одна война, но и мирное соглашеніе, принимающее обыкновенно религіозно-символическую форму пріобщенія чужеродца къ культу родовыхъ и племенныхъ божествъ, послѣ чего онъ вступаетъ въ права и несетъ обязанности, общія всѣмъ членамъ рода и племени. Разумѣется, такіе порядки не оправдываютъ гипотезы Тарда о томъ, что человѣчество съ самаго начала могло прогрессировать независимо отъ войны. Оно показываетъ только, что война настолько

содѣйствовала сближенію отдѣльныхъ племенъ, насколько послѣдствіемъ ея являлось соглашеніе, сперва вынуждаемое, поддерживаемое силой, а затѣмъ переходящее въ привычку и принимающее характеръ чего-то добровольнаго.

Если въ начальный періодъ развитія соглашенію уже суждено играть такую значительную роль въ расширеніи замиренной среды, то нѣтъ никакого основанія отказывать ему въ той же роли въ позднѣйшую эпоху. Не разъ въ исторіи повторялись явленія, однохарактерныя съ тѣми соединеніями племенъ, какія положили основаніе Аѳинамъ, Риму, русскому государству, согласно свидѣтельству нашего начальнаго лѣтописца, союзу лѣсныхъ кантоновъ,— эмбріону современной Швейцарской федераціи, лигѣ Ирокезцевъ и современнымъ Соединеннымъ Штатамъ Америки и Австраліи. Изъ сказаннаго видно, что точка зрѣнія Гумпловича на процессъ развитія человѣческихъ обществъ и государства, въ частности, невѣрна настолько, насколько она страдаетъ односторонностью, насколько сводитъ всѣ источники общенія къ враждебнымъ столкновеніямъ отдѣльныхъ группъ и поглощенію слабыхъ сильными. Въ умѣ австрійскаго соціолога эта воинственная и завоевательная тенденція принимаетъ характеръ чего-то фатальнаго. Не желая того сами, люди и націи вовлекаются въ какую-то истребительную войну для общаго блага человѣчества. «Подчиняясь необходимости, пишетъ онъ, первобытные народы принуждены предпринимать разбойничьи походы, въ которыхъ противники мѣряются силами. Когда эти не разъ повторенныя предпріятія, сопровождающіяся грабительствами и истребленіями, оказываются недостаточно выгодными для болѣе сильныхъ, тогда послѣдніе переходятъ къ постоянному закрѣпощенію какъ сосѣднихъ къ нимъ, такъ и отдаленныхъ заморскихъ племенъ и принуждаютъ ихъ къ хозяйственной эксплуатаціи завоеванныхъ территорій. Такъ возникаютъ государства (ainsi est inaugurée la formation des Etats), и въ этомъ же лежитъ объясненіе позднѣйшаго территоріальнаго ихъ расширенія и возникновенія обширныхъ имперій» *). Подобный ходъ событій, пишетъ Гумпловичъ, можетъ быть признанъ типическимъ. Мы находимъ его во всѣ времена и во всѣхъ частяхъ свѣта. Гумпловичъ болѣе подробно развиваетъ тотъ же взглядъ въ сочиненіи «Борьба расъ». Здѣсь на примѣрѣ Египта, Вавилоніи и Ассиріи, Мидіи и Персіи, Индіи, древняго Карѳагена, Китая и новой Европы онъ старается доказать, что государства всегда основывались меньшинствомъ воинствущихъ пришельцевъ, подчинявшихъ себѣ туземныя племена

*) Sociologie et politique, стр. 158.

силою оружія. Осѣвшись между ними вооруженнымъ лагеремъ, они постепенно ассимилировали ихъ себѣ. Эта ассимиляція совершалась въ формѣ то усвоенія ихъ языка и религіи, то распространенія собственнаго языка и собственной религіи въ средѣ побѣжденныхъ. Въ обоихъ случаяхъ одинаково покоренные туземцы прикрѣпляемы были къ землѣ и начинали воздѣлывать почву въ пользу меньшинства побѣдителей. Изъ однихъ послѣднихъ вербовался высшій классъ собственниковъ. Посредствующее среднее сословіе, по утвержденію Гумпловича, всегда образуется на первыхъ порахъ изъ иностранцевъ; только со временемъ присоединяются къ нимъ нѣкоторые эмансипировавшіеся пласты простонародья. Такимъ образомъ война въ концѣ концовъ ведетъ не только къ созданію государствъ и правительствъ, всегда находящихся въ рукахъ меньшинства, но и различія собственности и зависимаго владѣнія, свободы и несвободы, наконецъ ряда общественныхъ наслоеній, принимающихъ гдѣ характеръ кастъ, а гдѣ сословій и классовъ. Такова въ самыхъ, разумѣется, общихъ чертахъ теорія общественной эволюціи Гумпловича, теорія, въ которой, какъ должно броситься въ глаза каждому, сказались всѣ послѣдствія допущенной имъ односторонности. Въ самомъ дѣлѣ, если исторія нигдѣ не ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ возникновеніемъ государства и власти путемъ общественнаго договора, о которомъ не прочь были говорить политическіе писатели 17-го и 18-го вѣковъ съ Гротомъ и Альтузіемъ во главѣ, то, съ другой стороны, мы не въ правѣ обойти молчаніемъ тѣ случаи, въ которыхъ удачный посредникъ, составитель мудрыхъ третейскихъ рѣшеній, становится родоначальникомъ правящей династіи или по меньшей мѣрѣ избраннымъ вождемъ народа. Эти случаи, иллюстраціей которыхъ можетъ служить исторія Судей Израиля, повторяются и въ новѣйшее время, какъ показываетъ, между прочимъ, сообщенный мною примѣръ Кайтагскаго Уцмійства, начало которому положено было въ 17-мъ вѣкѣ благодаря популярности, пріобрѣтенной судебнымъ посредникомъ, хранившимъ въ тайнѣ постановленныя имъ рѣшенія и передавшимъ ихъ запись своему ближайшему наслѣднику. Точь въ точь поступали вѣками ранѣе ирландскіе третейскіе разбиратели, такъ называемые брегоны, также хранившіе въ тайнѣ содержаніе своихъ приговоровъ. Очевидно, съ другой стороны, что только древностью человѣческаго рода, а слѣдовательно продолжительной смѣной народностей и расъ, заселившихъ собой старый и новый материки, объясняется видимая общность того явленія, въ силу котораго государства всегда основываются завоевателями—пришельцами. Было ли такъ на первыхъ порахъ, и въ правѣ ли мы утверждать это даже по отношенію ко

всѣмъ историческимъ народностямъ, это другой вопросъ. Я не знаю, въ какой мѣрѣ древнѣйшіе правители Ирландіи и Уэльса или нѣмецкіе герцоги и короли, упоминаемые Тацитомъ, должны считаться представителями завоевательнаго меньшинства. Очевидно поэтому, что только съ большими ограниченіями можно признать наличность утверждаемаго Гумпловичемъ общаго положенія; вѣдь германцы и кельты принадлежатъ къ арійской культурѣ, если не расѣ, культурѣ, первоначальной родиной которой считается Азія. Такимъ образомъ вопросъ опять таки осложняется смѣною расъ и невозможностью заглянуть въ то отдаленное прошлое, когда о жителяхъ Европы можно было говорить какъ объ автохтонахъ. Но разъ отрѣшившись отъ той мысли, что гдѣ нѣтъ туземнаго правительства, тамъ необходимо предположить установленіе власти и государства завоеваніемъ, намъ трудно будетъ говорить о славянскихъ князьяхъ, упоминаемыхъ византійскими писателями, какъ о правителяхъ отличныхъ по расѣ отъ своихъ подданныхъ. Говоря о призваніи въ Россію князей, если только за нимъ не скрывается болѣе насильственный актъ, нашъ начальный лѣтописецъ также указываетъ на возможность установленія государства и власти, помимо завоеванія. Во всякомъ случаѣ совершенно невозможно въ примѣненіи къ русскому высшему сословію, какъ и къ англо-саксонскому или франкскому, поддерживать тотъ взглядъ, что оно цѣликомъ составилось изъ меньшинства завоевателей. Вѣдь въ немъ однимъ изъ составныхъ элементовъ было служилое сословіе, которому въ Англіи отвѣчаютъ таны, а во Франціи антрустіоны. Въ число этихъ служилыхъ людей попадали и туземцы и иностранцы, и люди высшаго общественнаго положенія, и ихъ холопы. Профессору Ключевскому, въ частности, какъ и всѣмъ новѣйшимъ изслѣдователямъ по исторіи русскаго дворянства, удалось какъ нельзя лучше показать, что въ составъ его вошли и несвободные элементы княжеской дворни. Что и въ Англіи званіе «тана» не принадлежало исключительно членамъ аристократическихъ династій, слѣдуетъ уже изъ того, что купцу, три раза переплывшему Ламаншъ, по законамъ англо-саксонскихъ королей открывалась возможность сдѣлаться таномъ. Нужно ли, съ другой стороны, доказывать, что среднее сословіе, вопреки утвержденію Гумпловича, не составилось ни исключительно, ни преимущественно изъ иностранцевъ. Ни въ одномъ изъ затронутыхъ имъ вопросовъ австрійскій мыслитель не отразилъ на себѣ такъ невыгодно своего происхожденія, какъ въ только что указанномъ положеніи о чужеземствѣ торговцевъ и промышленниковъ. Какъ полякъ, онъ видимо не прочь распространить на весь міръ ту особенность, какую представляла Рѣчь По-

сполитая. Но эта особенность имѣла свои исключительныя историческія причины. Благодаря тѣсной связи судебъ Польши и Германской Имперіи, область, занятая западными славянами, рано стала играть для нѣмцевъ роль гинтерланда. Города заселялись выходцами изъ Германіи съ примѣсью весьма значительнаго контингента евреевъ, и иноземное право сдѣлалось основой городского. Послѣдствіемъ всего этого, очевидно, была та неповторяющаяся въ другихъ странахъ черта, что въ Польшѣ между высшимъ военно-дворянскимъ сословіемъ, панами, шляхтой, и низшимъ, посполитымъ крестьянствомъ, стало иноземное, на половину нѣмецкое, на половину еврейское, ремесленно-торговое сословіе. Нельзя сказать, чтобы то же явленіе, остановившее на себѣ вниманіе и Жанъ-Жака Руссо, и Мабли, въ 70-хъ годахъ 18-го вѣка, могло быть констатировано, по крайней мѣрѣ въ равной степени, и въ России. Несомнѣнно, что роль, какую Новгороду пришлось играть въ Ганзейской лигѣ, не мало содѣйствовала привлеченію иноземныхъ купцовъ съ иноземными товарами въ нашу сѣверную республику. Но было бы преувеличеніемъ утверждать, что вся ремесленная и торговая дѣятельность сосредоточилась въ ней въ рукахъ иностранцевъ. Новогородскіе «житьи люди», разбогатѣвшіе благодаря торговой эксплуатаціи охотничьихъ уловов, представляли собою туземное купеческое сословіе. Внутренній обмѣнъ, какъ и ремесленная дѣятельность, не выходили изъ рукъ русскихъ. Позднѣе въ Московіи вплоть до временъ Ивана Грознаго иноземные купцы почти не были извѣстны. Да и при первыхъ Романовыхъ, въ эпоху возникновенія и развитія Нѣмецкой Слободы, мѣстное купечество и мѣщанство такъ далеки были отъ мысли уступить иностранцамъ выгодную для нихъ самихъ профессію, что не разъ обращались къ царямъ и соборамъ съ требованіемъ устранить опасную для нихъ конкурренцію иноземцевъ. Такимъ образомъ даже въ восточной половинѣ Европы среднее сословіе далеко не составилось исключительно изъ пришлаго иноземнаго элемента, какъ хотѣлъ бы увѣрить насъ Гумпловичъ *). Еще меньше основанія имѣемъ мы утверждать это по отношенію къ западно-европейскимъ народамъ. Кому не извѣстно, что ремесленная и торговая дѣятельность въ эпоху, слѣдовавшую за нашествіемъ варваровъ, сосредоточилась въ помѣстьяхъ, монастырскихъ и церковныхъ погостахъ, что люди одного промысла или торга селились въ нихъ нерѣдко сплошными улицами и квар-

*) La classe moyenne européenne, la Classe des commerçants et artisans, s'est recrutée primitivement dans les éléments étrangers, éléments, qui, au point de vue ethnique, n'etaient apparentés ni a la classe des seigneurs, ni à celle des paysans. (La lutte des races, 211 стр.).

талами, что съ конца одиннадцатаго вѣка съ цѣлью защитить себя отъ конкурренціи несвободнаго труда, отправляемаго крѣпостнымъ крестьянствомъ, свободные ремесленники стали устраиваться на корпоративномъ началѣ, съ обязательствомъ не принимать въ свою среду ни рабовъ, ни крѣпостныхъ. Ихъ союзы, долгое время открытые для всѣхъ желающихъ, носили характеръ столько же религіозно-благотворительныхъ братствъ, сколько современныхъ рабочихъ синдикатовъ. Отъ городскихъ и государственныхъ властей пріобрѣтены были ими монопольныя преимущества и относительная автономія въ сферѣ промышленной полиціи и суда. Одновременно съ возникновеніемъ такихъ цеховъ, а можетъ быть и нѣсколько ранѣе, образовались торговыя гильдіи всего мѣстнаго зажиточнаго купечества, въ скоромъ времени представившаго такую крупную финансовую величину, что правительства охотно дѣлали ихъ откупщиками своихъ косвенныхъ сборовъ и предоставляли имъ въ то же время широкое участіе въ городскомъ управленіи. Эти корпоративныя сообщества туземныхъ промышленниковъ и купцовъ такъ далеки были отъ мысли передать въ руки иностранцевъ завѣдываніе обрабатывающей промышленностью и обмѣномъ, что европейскимъ правителямъ не мало стоило труда отстоять отъ нихъ право иноземныхъ пришельцевъ устраивать свои собственныя гильдіи и цехи. Напомню хотя бы о враждебности, съ какой англійскія гильдіи относились къ поселенію фламандскихъ и брабантскихъ ткачей и къ дарованной имъ королями привилегіи устроить собственные цехи. Кому также изъ лицъ, занимающихся англійской исторіей, неизвѣстны частые погромы, производимые лондонскою чернью, начиная уже съ 14-го вѣка, у такъ-называемыхъ ломбардцевъ, т. е. итальянскихъ купцовъ и банкировъ, занимавшихъ уже въ то время извѣстную и понынѣ въ лѣтописяхъ биржи Ломбардъ-Стритъ. Какое значеніе могутъ имѣть въ сравненіи съ этими положительными данными принимаемыя на вѣру Гумпловичемъ сообщенія Гобино, что внутри Франціи крестьяне до сихъ поръ смотрятъ на купца, какъ на чужеземца. Это чувство, разумѣется, можетъ имѣть и фактическую основу, когда этимъ купцомъ является разносчикъ, тотъ petit marchand ambulant, который такъ же мало можетъ считаться иностранцемъ, какъ и наши офени, коробейники, ходебщики и прасолы.

Желаніе во что бы то ни стало провести тотъ взглядъ, что въ дѣленіи общества на горизонтальные пласты надо видѣть послѣдствіе «завоеванія и эксплуатаціи» большинства туземцевъ меньшинствомъ завоевателей, создающихъ исключительно себѣ на пользу государство и правительство, дѣлаетъ Гумпловича совершенно слѣпымъ къ той роли, какую раздѣленіе труда играло въ созданіи

одинаково хотя и не въ равной степени, кастъ, сословій и классовъ.

Новѣйшія изслѣдованія англійскихъ и французскихъ писателей какъ нельзя лучше доказали, что въ кастахъ, извѣстныхъ не одной Индіи, но также Египту и Элладѣ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшій періодъ (въ частности Аѳинамъ до Солона), надо видѣть продуктъ взаимодѣйствія какъ расовыхъ причинъ,—противуположенія арійцевъ завоевателей покоренному населенію, такъ и причинъ экономическихъ, сдѣлавшихъ изъ касты своего рода гильдію или цехъ съ чертами искусственнаго рода, или нераздѣльной семьи, чертами, общими ремесленной корпораціи, одинаково на востокѣ и западѣ! *) Не видя, или вѣрнѣе не желая видѣть, вліянія, какое раздѣленіе труда имѣетъ въ созданіи кастъ, Гумпловичъ, разумѣется, игнорируетъ роль экономическаго фактора и въ образованіи сословій. Это тѣмъ болѣе странно, что онъ весьма близко подошелъ къ рѣшенію вопроса о крѣпостной неволѣ въ томъ самомъ смыслѣ, что и Лоріа. Въ самомъ дѣлѣ мы читаемъ въ его книгѣ о «борьбѣ расъ»: «если справедливо, что, съ цѣлью обезпечить себѣ бо́льшій доходъ отъ земледѣлія, необходимо было утилизировать людей какъ рабочій скотъ (очевидно въ формѣ рабства), то отсюда слѣдуетъ, что сама необходимость указывала на эксплуатацію иноземнаго населенія. Вотъ почему въ самыхъ условіяхъ времени лежитъ причина возникновенія рядомъ двухъ этнически-различныхъ профессіональныхъ классовъ, крестьянъ и господъ» (стр. 210 и 211).

Кто знакомъ съ исторіей возникновенія крѣпостного права на Западѣ, тотъ, разумѣется, найдетъ возможнымъ признать справедливымъ положеніе Гумпловича только съ значительными оговорками. Если въ Англо-саксонскомъ theow, согласно Фриману, надо видѣть по преимуществу потомка покореннаго Саксами кельтическаго населенія, а въ виланѣ конца XI-го и слѣдующихъ столѣтій—прикрѣпленнаго къ землѣ съ норманскаго завоеванія и свободнаго до него крестьянина—кёрля, если римскій колонатъ въ свою очередь доставилъ не малый контингентъ крѣпостныхъ людей на протяженіи всей половины Европы, нѣкогда входившей въ составъ Имперіи, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы добровольная кабала, а равно и добровольная передача себя мелкимъ собственникомъ могущественному сосѣду, въ силу такъ-называемой комендаціи и подъ условіемъ его покровительства и защиты, не играли также значительной

*) См. объ этомъ въ частности статью Бугле. Rémarques sur le régime des castes, въ IV т. «Année sociologique», 1901 г.

роли въ созданіи крѣпостного права. Въ восточной половинѣ Европы кабальное холопство и закупничество имѣли также не малое значеніе въ развитіи земельной крѣпости, но рядомъ съ нимъ задолженность серебренниковъ, т. е. не имѣвшихъ капитала свободныхъ крестьянъ, снабжаемыхъ рабочимъ скотомъ людьми зажиточными, явилась чуть ли не важнѣйшимъ факторомъ несвободы. Ничто не позволяетъ намъ, однако, говорить о разноплеменномъ съ помѣщиками составѣ крѣпостного крестьянства. Мы знаемъ, что прямымъ предшественникомъ его въ удѣльно-вѣчевую эпоху были свободные поселяне или смерды, очевидно, славянскаго происхожденія. Въ одномъ только холопствѣ можно пожалуй открыть, на ряду съ туземнымъ, и инородческій элементъ. Ничто не говоритъ намъ и въ пользу того предположенія, что посполитое крестьянство Польши, изъ рядовъ котораго вышло днѣпровское казачество Малороссіи, было сплошь составлено изъ не славянъ. Такимъ образомъ, ни на Западѣ, ни на Востокѣ Европы мы не находимъ прямого подтвержденія теоріи Гумпловича о роли, какую борьба расъ имѣетъ на выработку сословнаго строя.

Есть, разумѣется, еще меньшее основаніе искать такое подтвержденіе въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Это не мѣшаетъ, однако, нашему писателю пуститься въ длинное разсужденіе о томъ, что и здѣсь, какъ показываетъ примѣръ Виргиніи, государственные порядки водворились только благодаря эксплуатаціи меньшинствомъ большинства, сперва составленнаго изъ задолженныхъ лондонской компаніи англійскихъ пауперовъ, поступившихъ къ плантаторамъ въ своего рода крѣпостную зависимость съ цѣлью отработка, а затѣмъ продаваемыхъ въ неволю съ 1620 г. африканскихъ уроженцевъ, негровъ. Но если бы заявленія Гумпловича и были справедливы по отношенію къ Виргиніи и вообще южнымъ штатамъ, то они отнюдь не примѣнимы къ сѣвернымъ. Мы не находимъ въ Новой Англіи ни бѣлыхъ, ни черныхъ рабовъ и крѣпостныхъ, а только свободныхъ людей, членовъ эмигрировавшихъ изъ Англіи сектантскихъ церквей, образующихъ, правда, у себя подобіе женевской теократіи во вкусѣ Кальвина, но не допускающихъ въ то же время между людьми другихъ различій, кромѣ связанныхъ съ чисто религіознымъ представленіемъ о вѣчномъ спасеніи однихъ и вѣчномъ осужденіи другихъ. Нужно ли доказывать, что этотъ пуританскій типъ общественнаго уклада постепенно одержалъ верхъ не въ одной только сѣверо-восточной половинѣ страны, но также на всемъ западѣ вплоть до Калифорніи и въ значительной степени на югѣ. Здѣсь уже въ теченіе 17-го столѣтія въ Виргиніи и въ Мерилендѣ, благодаря послѣдовавшей эмиграціи съ сѣвера, ревнители передо-

выхъ сектъ оказались въ численномъ большинствѣ. Быть можетъ съ этимъ фактомъ надо поставить въ зависимость исчезновеніе на всемъ материкѣ остатковъ личной несвободы бѣлыхъ, которая смѣнилась рабствомъ черныхъ, не выходившимъ однако за границы разъ навсегда опредѣленнаго градуса сѣверной широты.

Принимая во вниманіе всѣ эти данныя, нельзя безъ утрировки повторять вслѣдъ за Гумпловичемъ, что «европейцы только перенесли на почву Америки свою собственную систему владычества меньшинства надъ большинствомъ. Они прибыли въ Америку уже раздѣленными на владыкъ и на подвластныхъ. Только благодаря этому и упрочилось ихъ господство; самыя формы, въ которыя оно вылилось, не отличаются по существу ничѣмъ отъ тѣхъ, какія вообще слѣдуютъ послѣ завоеванія, напримѣръ тѣхъ, какія нормально установились въ Англіи. Вся разница въ томъ, что въ Америкѣ основатели новаго господства не попали въ необходимость усмирять мечомъ тѣхъ, кто должны были сдѣлаться ихъ подвластными. Они привели ихъ съ собою. Ими были лица задолженныя, т. е. люди, подчиненное положеніе которыхъ было послѣдствіемъ той организаціи владычества, какая существовала въ метрополіи. Средневѣковые рыцари уступили на этотъ разъ мѣсто могущественнымъ негоціантамъ и административнымъ совѣтамъ, назначеннымъ тѣми торговыми компаніями, которыхъ англійскіе короли поставили во главѣ этой организаціи» *).

Утверждать все это равнозначительно совершенному игнорированію той истины, что даже въ штатахъ, какъ Мериландъ, Каролина и Пенсильванія, въ которыхъ пародировались средневѣковые порядки феодальнаго землевладѣнія и вассальной зависимости второстепенныхъ и третьестепенныхъ собственниковъ отъ лордовъ палатиновъ, вся эта внѣшняя скорлупа очень рано отпала, давая свободный ростъ демократическому, т. е. уравненному въ правахъ обществу.

Чтобы провести свой основной взглядъ о роли, какую борьба расъ имѣетъ въ образованіи государственныхъ порядковъ и сословныхъ горизонтальныхъ пластовъ какъ въ современныхъ обществахъ, такъ и въ отошедшихъ уже въ область прошлаго, Гумпловичъ поставленъ въ необходимость допустить существованіе въ до-исторіи множества враждующихъ между собою племенъ и родовъ, а соотвѣтственно и множества языковъ, изъ которыхъ только часть уцѣлѣла въ послѣдующее время. Онъ подымается такимъ образомъ постепенно до признанія, что человѣчество зародилось въ различныхъ

*) Ibid, стр. 219 и 220.

концахъ земного шара. Процессъ развитія состоялъ поэтому не въ развѣтвленіи одного общаго ствола, начало которому положено было первичной парой, а, наоборотъ, въ сліяніи множества самостоятельныхъ ордъ и развившихся изъ нихъ племенъ и родовъ. Эта часть его ученія заслуживаетъ на мой взглядъ наибольшаго вниманія. Особенно успѣшной представляется мнѣ его полемика съ Геккелемъ, пріурочивающимъ, какъ извѣстно, появленіе человѣка къ опредѣленной тропической полосѣ. Гипотеза одновременнаго появленія человѣка въ разныхъ частяхъ земного шара и соотвѣтственнаго образованія множества человѣческихъ стадъ или ордъ, выработавшихъ каждая свой языкъ, позволяетъ Гумпловичу представить себѣ дальнѣйшій ходъ эволюціи въ формѣ постепенной интеграціи. Нѣкоторые языки вымираютъ вмѣстѣ съ создавшими ихъ племенами, другіе постепенно переходятъ въ положеніе исчезающихъ нарѣчій, благодаря тому, что меньшинство завоевателей или отказалось отъ употребленія своего языка, усвоивъ языкъ подвластныхъ, или, наоборотъ, побуждало послѣднихъ перенять собственный. Изъ двухъ исходовъ Гумпловичъ считаетъ болѣе частымъ первый и вотъ по какой причинѣ. Живя разрозненно другъ отъ друга и въ тѣсномъ общеніи съ покореннымъ населеніемъ, члены завоевательнаго меньшинства попадаютъ въ необходимость обращаться къ языку подвластныхъ для проведенія въ ихъ средѣ собственныхъ требованій. Вотъ почему Норманы, осѣвшіеся въ Франціи, стали говорить французскимъ языкомъ. Тѣ же изъ нихъ, которые, вслѣдъ за Вильгельмомъ-Завоевателемъ, переселились въ Англію, на разстояніи одного, двухъ поколѣній, стали говорить языкомъ покоренныхъ ими Саксовъ.

Гумпловичъ спрашиваетъ себя, какія особенности теряются всего быстрѣе при насильственномъ сближеніи отдѣльныхъ племенъ и расъ, сближеніи, ведущемъ къ установленію государства. Онъ думаетъ, что прежде всего исчезаетъ языкъ, а за нимъ религія и связанныя съ нею нравы, обычаи и привычки. Всего же упорнѣе держится кровный предразсудокъ—нежеланіе сближаться брачными узами съ членами другихъ расъ. Я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы исторія, изученная въ подробностяхъ, подтвердила этотъ порядокъ вымиранія расовыхъ особенностей. Вѣдь Малороссы Галиціи и Латыши Остзейскаго края все еще продолжаютъ говорить своимъ туземнымъ языкомъ, тогда какъ о языческихъ вѣрованіяхъ, державшихся до Рыцарей Меченосцевъ, нѣтъ болѣе и помину. А что сказать о Баскахъ, которые въ теченіе тысячелѣтій сохранили не свою религію, а свой языкъ, свои обычаи и обряды? Очевидно, что для каждаго отдѣльнаго народа чередованіе особенностей его культуры

въ процессѣ ихъ медленнаго исчезновенія представляется различнымъ. Большая или меньшая развитость языка и миѳологіи имѣетъ при этомъ рѣшающее значеніе. Какъ менѣе выработанныя, германская и славянская миѳологіи исчезаютъ съ большей быстротой, чѣмъ положимъ греческій и римскій пантеизмъ, живучесть котораго сказывается между прочимъ въ переходѣ отдѣльныхъ боговъ и героевъ въ христіанскихъ святыхъ. Напомню хотя бы о культѣ Козьмы и Даміяна, въ которомъ продолжаетъ жить память о Касторѣ и Поллуксѣ. Нельзя также утверждать, что кровный предразсудокъ, отвращеніе къ смѣшаннымъ бракамъ, сохраняется всего дольше. Какъ объяснить въ такомъ случаѣ тотъ фактъ, что на разстояніи менѣе одного столѣтія съ завоеванія Англіи Вильгельмомъ браки Саксовъ и Нормановъ сдѣлались такимъ частымъ явленіемъ, что авторъ «Діалога о Казначействѣ» во второй половинѣ 12-го вѣка уже считалъ невозможнымъ «сказать кто Саксъ, а кто нормандецъ».

Изъ представленнаго нами разбора, какъ мнѣ кажется, вытекаетъ то заключеніе, что положеніямъ Гумпловича недостаетъ разносторонности и той историко-сравнительной провѣрки, при которой его индукціи могли бы считаться эмпирическими обобщеніями, если не законами соціологіи. Заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ поставилъ ребромъ вопросъ, доселѣ недостаточно изученный, вопросъ о роли, какую насильственныя сближенія отдѣльныхъ расъ и племенъ оказали на внутреннюю структуру государства. Роль эта имъ несомнѣнно преувеличена, но столь же ошибочнымъ было бы и совершенное ея игнорированіе. Нельзя также упрекнуть его въ пониманіи расы въ одномъ антропологическомъ смыслѣ. Онъ какъ нельзя лучше сознаетъ, что особенности каждой по преимуществу культурныя и могутъ быть сведены къ языку, религіи, нравамъ, обычаямъ и обрядамъ. Всего болѣе я готовъ поставить Гумпловичу въ вину почти совершенное игнорированіе той роли, какую раздѣленіе общественныхъ функцій играетъ на образованіи тѣхъ горизонтальныхъ пластовъ, кастъ, сословій, классовъ, на какіе распадается населеніе любого государства.

Въ позднѣйшемъ своемъ трактатѣ «О соціологіи», вышедшемъ и на французскомъ языкѣ въ переработанномъ видѣ въ 1896 г., авторъ не только повторяетъ свои излюбленныя мысли о роли національной или вѣрнѣе расовой вражды, какъ о ближайшемъ факторѣ какъ возникновенія государствъ, такъ и всѣхъ послѣдующихъ измѣненій, изъ которыхъ слагается прогрессъ общества, но дѣлаетъ еще первую въ своемъ родѣ попытку указать, какіе законы неорганической и органической природы находятъ примѣненія и въ обла-

сти обществовѣдѣнія. Гумпловичъ справедливо указываетъ, что эти законы не могутъ быть перенесены цѣликомъ и безъ измѣненій изъ міра физическихъ явленій или явленій біологическихъ въ міръ соціальныхъ. «Заблуждались и заблуждаются тѣ, которые говорили и говорятъ въ соціологіи о законахъ притяженія или о борьбѣ за существованіе и половомъ подборѣ. Это не мѣшаетъ вѣрности того положенія, что есть законы, одинаково обхватывающіе міръ физическій, психическій и общественный. Отъ ихъ открытія зависитъ научное обоснованіе соціологіи. Каковы же, спрашивается, эти законы? Во главѣ ихъ Гумпловичъ ставитъ законъ причинности. Какъ въ мірѣ физическомъ или умственномъ, такъ и въ соціальномъ, пишетъ онъ, должны существовать отношенія равенства или пропорціональности силъ между причиной и слѣдствіемъ. Развивая эту въ общемъ вѣрную мысль, нашъ авторъ позволяетъ себѣ утвержденія, съ которыми мы не можемъ согласиться. Индивидуальный фактъ, говоритъ онъ, не можетъ вызвать къ жизни факта соціальнаго. Дѣйствія индивида не создаютъ и не видоизмѣняютъ общественнаго уклада. Такое видоизмѣненіе можетъ быть вызвано только общественнымъ фактомъ, или буквально соціальное состояніе одно можетъ произвесть другое также соціальное состояніе (Précis de sociologie. 1896 г. 120 стр.).

Согласись мы съ этимъ положеніемъ, намъ пришлось бы послѣдовательно признать, что индивидуальное открытіе, въ какой бы области оно ни проявилось, не можетъ повлечь за собой соціальныхъ послѣдствій, и что то же въ равной степени справедливо по отношенію къ иниціативѣ, принимаемой государственными дѣятелями, въ какомъ бы направленіи ни сказалась ихъ политика, въ смыслѣ ли завоеванія или мирнаго сближенія отдѣльныхъ странъ и народовъ. Намъ пришлось бы отрицать общественное значеніе за такими фактами, какъ изобрѣтеніе, положимъ, способа добывать огонь, доместицировать животныхъ, замѣнять человѣческій трудъ машиннымъ, и т. д. и т. д. Только на почвѣ игнорированія психическаго фактора, игнорированія, въ которомъ повиненъ Гумпловичъ, и которое вытекаетъ у него изъ самаго представленія объ общественномъ явленіи, какъ о чемъ-то отличномъ и болѣе или менѣе независимомъ отъ дѣятельности участвующихъ въ немъ лицъ, и возможно было придти къ такому, на мой взглядъ, ложному представленію. Оставаясь вѣрнымъ мысли основателя соціологіи и принимая настолько ученіе Тарда о роли открытій, насколько оно согласно съ значеніемъ, какое за личной иниціативой признаетъ Ог. Контъ, мы допускаемъ, наперекоръ Гумпловичу, возможность обоюднаго воздѣйствія и общества на индивида и индивида на общество. Но это, разумѣется, ни мало не говоритъ про-

тивъ вѣрности того положенія, что обществовѣдѣніе, подобно прочимъ наукамъ, должно считаться съ закономъ причинности.

Другой законъ, также признаваемый Гумпловичемъ универсальнымъ, есть законъ развитія. Допуская его дѣйствіе въ области общественныхъ отношеній, австрійскій соціологъ далекъ, однако, отъ мысли оправдывать ходячія аналогіи общественной структуры съ біологической. Онъ протестуетъ противъ злоупотребленія терминами клѣточка, вѣтки, плоды, эмбріоны, органы дыханія, питанія и т. п. Во всемъ этомъ намъ остается только вполнѣ присоединиться къ нему.

Съ идеей о развитіи связывается у Гумпловича еще представленіе о его правильности, т. е. о прохожденіи цѣлой серіи однохарактерныхъ или сродныхъ фазисовъ развитія разными народами и въ разное время. Заслуга исторической школы въ области права, экономики и науки о языкѣ, справедливо говоритъ Гумпловичъ, состоитъ въ установленіи той истины, что развитіе въ этихъ конкретныхъ областяхъ слѣдуетъ извѣстнымъ правиламъ. Въ признаніи этого закона австрійскій соціологъ счастливо расходится съ Тардомъ, который, какъ мы видѣли, постоянно протестуетъ противъ однообразія въ ритмѣ общественной эволюціи и готовъ повидимому только допустить общность исходныхъ моментовъ развитія. Между тѣмъ, несомнѣнно, что указанныя Гумпловичемъ частныя дисциплины не даютъ права говорить о безпорядочномъ чередованіи отдѣльныхъ стадій, положимъ о переходѣ отъ капиталистическаго хозяйства къ такъ называемому натуральному или самодовлѣющему, обходящемуся безъ обмѣна, или отъ системы равенства всѣхъ передъ закономъ и свободы личности къ кастовому устройству или еще къ родовымъ порядкамъ.

Четвертымъ закономъ, не менѣе общимъ всѣмъ наукамъ, въ томъ числѣ соціальнымъ, Гумпловичъ признаетъ положеніе, на мой взглядъ идущее рѣшительно въ разрѣзъ съ только что высказанной гипотезой о правильности развитія, — я разумѣю допускаемую имъ періодичность послѣдняго. Въ этой мысли, напоминающей собой знаменитые ricorsi Вико, нельзя не видѣть самаго грубаго злоупотребленія тѣми самыми аналогіями съ міромъ біологическимъ, на которыя такъ справедливо нападаетъ самъ авторъ. Что значитъ въ самомъ дѣлѣ допущеніе неизбѣжности фазисовъ не только зарожденія, но также роста и упадка или разрушенія всякаго общественнаго отношенія, будто бы исчезающаго безъ слѣда? Эта точка зрѣнія довольно близка къ той, какую высказываетъ Тардъ, говоря о судьбѣ открытія или изобрѣтенія. Она тѣмъ невыгодно отличается отъ построеній Тарда, что у послѣдняго подражательный процессъ, вы-

званный открытіемъ, прекращается или умираетъ только съ замѣной стараго открытія новымъ, тогда какъ у Гумпловича законъ періодичности вполнѣ сохраняетъ свой фаталистическій характеръ.

Общимъ положеніемъ для всѣхъ наукъ физическихъ, біологическихъ и общественныхъ Гумпловичъ признаетъ затѣмъ сложность явленій. Еще со временъ Конта признано, что въ этомъ отношеніи факты, съ которыми имѣетъ дѣло соціологія, не только не уступаютъ, но и превосходятъ всѣ прочіе. Изъ сложности явленій, изучаемыхъ этой наукой, слѣдуетъ для Гумпловича необходимость обращенія къ анализу, т. е. къ разложенію цѣлаго на составляющія его части. Но если уже въ химіи нелегко добраться до простыхъ тѣлъ, то въ соціологіи эта трудность выступаетъ въ несравненно большей мѣрѣ. Къ тому же у обществовѣдовъ не имѣется той возможности провѣрки правильности произведеннаго анализа, какую въ химіи представляетъ обратный процессъ синтеза; благодаря этому, не имѣется достаточной увѣренности, что при разложеніи соціальнаго явленія на составляющія его части мы дошли до первичныхъ элементовъ. Весь споръ о такъ-называемыхъ важнѣйшихъ факторахъ общественныхъ измѣненій былъ бы немыслимъ, если бъ имѣлась эта возможность произвесть соціологическій анализъ съ строгостью анализа химическаго. Если многіе останавливаются на экономическомъ факторѣ, или еще на факторѣ демотическомъ, какъ на важнѣйшихъ, то только потому, что думаютъ имѣть дѣло съ первичными, далѣе неразложимыми причинами и произвольно отождествляютъ эти два понятія первичности и всеопредѣляемости. Гумпловичъ не входитъ во всѣ эти соображенія, но изъ его дальнѣйшихъ заявленій видно, что онъ самъ не далекъ отъ такого же смѣшенія понятій. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе, что мотивъ къ созданію первобытныхъ политическихъ системъ былъ мотивомъ экономическимъ, положеніе, сближающее его точку зрѣнія съ той, какой придерживаются послѣдователи историческаго матеріализма, какъ и болѣе характерная для него догадка, что возникновеніе государства нуждается въ подчиненіи однимъ племенемъ другого, входятъ въ категорію тѣхъ пріемовъ анализа, которые отправлялись бы отъ мысли, что обнаруженіе одного какого нибудь простого элемента въ химическомъ тѣлѣ освобождаетъ отъ необходимости раскрыть другіе.

Но продолжимъ далѣе нашъ обзоръ перечисляемыхъ Гумпловичемъ универсальныхъ законовъ. Къ числу ихъ онъ относитъ взаимодѣйствіе разнородныхъ элементовъ, взаимодѣйствіе, замѣтимъ мы, которое одно уже устраняетъ мысль о сведеніи всѣхъ ихъ къ одному важнѣйшему. Гумпловичъ протестуетъ противъ допуще-

нія, что первоисточникомъ такого взаимодѣйствія является вліяніе одного человѣка на другого. Хотя онъ не говоритъ прямо о Тардѣ, но можно думать, что это замѣчаніе направлено противъ всѣхъ тѣхъ, кто признаетъ въ индивидуальномъ открытіи и изобрѣтеніи исходный моментъ соціальнаго явленія. Гумпловичъ не желалъ бы также отождествить это взаимодѣйствіе разнохарактерныхъ элементовъ съ любовью и ненавистью, съ понятіемъ общежительной природы человѣка, иначе съ соціабильностью людей или, наоборотъ, съ войною всѣхъ противъ всѣхъ, согласно опредѣленію Гоббса. Онъ допускаетъ существованіе подобныхъ отношеній не между индивидами, а группами. Это замѣчаніе мнѣ кажется вѣрнымъ потому, что въ основаніе его могъ бы быть положенъ слѣдующій фактъ, раскрываемый передъ нами этнологіей и древнѣйшей исторіей права. Каждая группа, будетъ ли ею стадное соединеніе, материнскій или отеческій родъ, сельскій міръ, городская коммуна или государство, является своего рода замиренной средой, въ которой поступки, возможные по отношенію къ членамъ другой группы, считаются нетерпимыми и подлежатъ репрессіи. Такъ воровство, производимое въ ущербъ чужеродцу, является доблестью, а въ ущербъ сородичу — преступленіемъ. Если прибавить, что та же этнологія раскрываетъ намъ фактъ производства кровомщенія всѣми членами группы обиженнаго по отношенію ко всѣмъ сородичамъ обидчика, то необходимо явится представленіе, что война или, наоборотъ, миръ опредѣляютъ собою отношенія не индивидовъ, а группъ. Гумпловичъ думаетъ, что не слѣдуетъ терять изъ виду общности установленной имъ формулы — взаимодѣйствія гетерогенныхъ элементовъ, замѣняя ее и въ области соціальныхъ явленій борьбою за существованіе. Это бы значило, говоритъ онъ, произвольно распространять на соціологію обобщеніе, добытое въ наукѣ, занимающейся условіями органической жизни и примѣнимое только къ этимъ условіямъ. Это замѣчаніе очевидно направлено противъ всѣхъ тѣхъ, кого можно назвать дарвинистами въ области обществовѣдѣнія. Универсальнымъ закономъ является также для австрійскаго соціолога законъ конечности. Всякое соціальное развитіе, всякій соціальный фактъ преслѣдуютъ опредѣленную цѣль, точно такъ же какъ въ мірѣ біологическомъ органы дыханія или листья служатъ опредѣленной функціи.

Универсальнымъ закономъ Гумпловичъ считаетъ также неизмѣнность во времени силъ, которыя дѣйствуютъ одинаково въ мірѣ физическомъ, біологическомъ и общественномъ. Подобно тому, какъ мысль, чувство и воля всегда вліяли на дѣйствія людей одинаковымъ образомъ, такъ точно, пишетъ онъ, и въ соціальной средѣ

причины дѣйствій остаются тѣ же, а отсюда слѣдуетъ необходимость и другого допущенія, что природа процессовъ, ими обусловленныхъ, также неизмѣнна. Какъ сила теплоты солнечныхъ лучей, вліяя на влажную почву, всегда вызывала и вызываетъ ростъ растеній, точно такъ же умственныя силы человѣка всегда порождали однохарактерный и неизмѣнный во времени процессъ. Такъ, объясняетъ свою мысль примѣромъ Гумпловичъ, камчадалъ поетъ свою пѣснь, какъ поетъ ее и французъ, а китайскій мыслитель предается занятію философіей, какъ предавался ей кенигсбергскій мудрецъ Кантъ. Менѣе проникла въ наше сознаніе неизмѣнность природы соціальныхъ процессовъ; это будто бы объясняется тѣмъ, что составными элементами, участвующими въ этихъ процессахъ, считали индивидовъ, а не группы. Съ признаніемъ обратнаго положенія стало доступнымъ и представленіе о неизмѣнности соціальныхъ процессовъ. Всегда и во всякое время, пишетъ Гумпловичъ, право возникало одинаковымъ образомъ и то же можно сказать о языкѣ, религіи и т. д. Всегда процессъ экономическій зависѣлъ отъ дѣйствія однѣхъ и тѣхъ же силъ; одна ихъ форма мѣняется съ временемъ и съ обстоятельствами.

Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что подъ постоянствомъ условій возникновенія государства, собственности и права Гумпловичъ разумѣетъ невозможность образованія ихъ помимо насильственнаго подчиненія большинства гетерогеннымъ меньшинствомъ. Съ этимъ положеніемъ, какъ мы видѣли, трудно согласиться, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ дѣйствительности природа общественныхъ процессовъ измѣнялась со временемъ; но источникъ этой неизмѣнности, не указанный Гумпловичемъ, лежитъ въ относительномъ постоянствѣ біологическаго и психическаго строенія человѣка. Я не даромъ говорю относительномъ, такъ какъ трудно не признать за воспитаніемъ, даже при отрицаніи наслѣдственности, извѣстнаго вліянія на увеличеніе интеллектуальной силы людей. Этого обстоятельства достаточно, чтобы допустить, что, дѣйствуя въ прежнемъ направленіи, вышеуказанные факторы могутъ обусловить собою повтореніе тѣхъ же процесссовъ съ ускоряющеюся быстротою. Общественное развитіе за послѣднее столѣтіе повидимому не идетъ въ разрѣзъ съ такимъ предположеніемъ. Во всякомъ случаѣ соціальныя явленія обнаруживаютъ неизмѣнность въ природѣ процессовъ и производящихъ ихъ силъ только въ той мѣрѣ, въ какой эти процессы совершаются живыми, человѣческими организмами съ болѣе или менѣе неизмѣнной психикой. Понимать же вышеуказанное обобщеніе въ томъ смыслѣ, что внѣ угнетенія большинства меньшинствомъ не только не было, но и не можетъ быть въ буду-

щемъ ни права, ни государства, значитъ впадать въ ничѣмъ неоправдываемый фатализмъ.

Съ этой неизмѣнностью человѣческой природы, не только физической, но и психической, стоитъ несомнѣнно въ связи и послѣдній изъ универсальныхъ законовъ, перечисляемыхъ Гумпловичемъ, такъ называемый имъ законъ параллелизма. Идетъ ли дѣло о физическихъ, или органическихъ явленіяхъ, или о явленіяхъ психическихъ, мы одинаково можемъ констатировать, думаетъ Гумпловичъ, повтореніе однохарактерныхъ фактовъ на всевозможныхъ разстояніяхъ. Въ области физическихъ явленій сходство объясняется тождествомъ производящихъ ихъ силъ. Въ области же психическихъ мы уже болѣе склонны приписывать его извѣстнымъ комбинаціямъ; наконецъ, въ области соціальныхъ явленій причину сходства видятъ въ сродствѣ народностей, у которыхъ констатируется повтореніе одинаковыхъ соціальныхъ фактовъ, или въ историческомъ сближеніи этихъ народностей. Причина, по которой Гумпловичъ считаетъ невозможнымъ пускаться въ какія бы то ни было соображенія о дѣйствительномъ источникѣ такого параллелизма въ области соціальныхъ явленій, лежитъ въ страхѣ встрѣтиться или дать косвенное подтвержденіе ученію о родствѣ людей по Адаму и Евѣ. Но я полагаю, что достаточно ссылки на фактъ тождества физической и психической природы людей и на возможность развитія ихъ способностей подъ вліяніемъ приспособленія или воспитанія, чтобы объяснить причину, по которой на значительныхъ разстояніяхъ, временныхъ и пространственныхъ, могутъ повториться, если не тѣ же, то однохарактерныя общественныя явленія. Въ этомъ лежитъ причина и общераспространенности у народовъ, умственность которыхъ мало развита, того отождествленія предметовъ видимой природы и живыхъ организмовъ, растительныхъ и животныхъ съ человѣкомъ, которое лежитъ въ основѣ столь распространеннаго въ мірѣ анимизма. Послѣдній въ свою очередь является источникомъ и тотемизма и культа предковъ, добрыхъ геніевъ, духовъ или ангеловъ покровителей. Постепенная смѣна всѣхъ этихъ культовъ многобожіемъ и наконецъ единобожіемъ поставлена уже Контомъ въ зависимость отъ роста нашихъ умственныхъ способностей и едва ли можетъ найти себѣ объясненіе внѣ этихъ соображеній.

Соціальные законы, другими словами, тѣ, которые призваны дать объясненіе явленіямъ, составляющимъ предметъ общественныхъ наукъ, въ частности соціологіи, съ точки зрѣнія Гумпловича, не болѣе какъ результатъ приспособленія къ природѣ и особенностямъ соціальныхъ отношеній только что перечисленныхъ универсальныхъ зако-

новъ. Задача соціологіи сводится послѣ сказаннаго къ доказательству, во-первыхъ, того, что универсальные законы примѣнимы къ общественнымъ феноменамъ; во-вторыхъ, къ рѣшенію вопроса, въ какихъ условіяхъ и въ какой формѣ проявляются эти общіе законы въ области соціальной, и каковы специальные законы соціологіи, вытекающіе изъ вышеперечисленныхъ универсальныхъ *).

При осуществленіи самой задачи построенія соціологіи, нашъ писатель возвращается къ развитію тѣхъ самыхъ взглядовъ, которые ранѣе нашли выраженіе себѣ въ его «Расовой борьбѣ». Такъ, первичными и простѣйшими соціальными элементами признаются имъ орды или правильнѣе полустадныя соединенія людей; изъ нихъ со временемъ развиваются роды и племена. Какъ тѣ, такъ и другія являются для Гумпловича такими же соціальными элементами, какими надо считать народы, государства и націи. Кооперація всѣхъ этихъ элементовъ и ихъ воздѣйствіе на индивидуальный умъ, пишетъ онъ, порождаютъ психическіе соціальные феномены, каковы языкъ, обычаи, нравы и т. д. Область соціологіи обнимаетъ всѣ эти феномены, насколько дѣло идетъ о раскрытіи ихъ подчиненности соціальному закону. Субстратомъ всѣхъ соціальныхъ феноменовъ является человѣчество, почему о немъ и можно говорить, какъ о составляющемъ предметъ научнаго изученія для соціологовъ. Возвращаясь къ любимой мысли о полигенизмѣ, авторъ развиваетъ тотъ взглядъ, что человѣчество обнимаетъ собою множество группъ, разнохарактерныхъ по источнику происхожденія, и воздѣйствіе которыхъ другъ на друга одно можетъ вывести ихъ изъ присущей имъ на первыхъ порахъ инерціи, т. е. обусловить собой общественный прогрессъ. Въ развитіи этой точки зрѣнія лежитъ дѣйствительная оригинальность автора, который повидимому совершенно не допускаетъ возможности самопроизвольнаго поступательнаго хода для той или другой человѣческой группы,—будетъ ли ею полустадное соединеніе, или родъ, племя, нація. Соціальный процессъ, пишетъ онъ, возможенъ только тогда, когда двѣ или болѣе гетерогенныхъ группы сблизятся и взаимно проникнутъ въ сферу дѣятельности другъ друга (стр. 134 и 135). Гомогенная общественная группа остается въ своемъ первоначальномъ скотскомъ состояніи (это его собственныя слова), пока не будетъ задѣта вліяніемъ другой группы, или не пріобрѣтетъ возможности на нее воздѣйствовать. Если въ нѣкоторыхъ частяхъ земного шара мы находимъ еще орды, живущія въ томъ первобытномъ состояніи, въ которомъ жили ихъ предки милліоны лѣтъ назадъ, то это объясняется

*) Стр. 131.

ихъ изолированностью. Въ ихъ лицѣ мы имѣемъ дѣло только съ общественнымъ элементомъ, но не съ процессомъ общественнаго развитія (стр. 134 и 135). Нельзя однако сказать, чтобы этнографія даже такихъ отсталыхъ племенъ, какъ уроженцы Австраліи, подтверждала подобную точку зрѣнія. Преданія австралійцевъ постоянно говорятъ о столкновеніи и смѣшеніи отдѣльныхъ бродячихъ группъ другъ съ другомъ. Но одного этого факта, повидимому, недостаточно, чтобы вывести ихъ изъ первоначальной дикости.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ сказаннымъ Гумпловичемъ въ болѣе раннихъ сочиненіяхъ, онъ и въ своей Социологіи понимаетъ процессъ сближенія общественныхъ группъ въ смыслѣ эксплуатаціи однѣхъ другими. Эта тенденція къ эксплуатаціи настолько присуща каждой группѣ, объявляетъ онъ, что нельзя предположить встрѣчи двухъ ихъ иначе, какъ подъ этимъ условіемъ *). Въ полномъ соотвѣтствіи съ такой точкой зрѣнія стоятъ и тѣ дефиниціи, какія Гумпловичъ даетъ собственности, государству и праву. Такъ собственность возникаетъ, по его мнѣнію, съ момента упроченія владычества одной общественной группы надъ другой. Она имѣетъ своей задачей обезпечить это владычество (стр. 186). Авторъ дѣлаетъ оговорку, что подъ собственностью онъ разумѣетъ только недвижимую, которую смѣшиваютъ съ движимой только благодаря несовершенству языка. Все, что говорили или говорятъ о происхожденіи собственности путемъ труда, приложимо къ одной движимой и лишено всякаго смысла и значенія по отношенію къ недвижимой (188).

Первоначальной формой земельной собственности могла быть поэтому только совмѣстная эксплуатація почвы первобытными ордами. Индивидуальная собственность на землю становится возможной только съ того момента, когда возникаетъ общественная организація достаточно могущественная, чтобы принудить къ повиновенію лицъ, испытывающихъ на себѣ господство. Такая организація одна позволяетъ человѣку начальствующаго класса найти въ классѣ подчиненномъ тружениковъ, готовыхъ эксплуатировать его землю, безъ чего его собственность была бы эфемерной, т. е. не доставляющей никакой выгоды. Другое необходимое условіе, это, чтобы у владѣльцевъ была возможность воспрепятствовать невладѣльцамъ пользоваться продуктами почвы и защищать отъ нападенія съ помощью организованной коллективности движимые предметы, доставляемые утилизаціей почвы. Другими словами, — собственность на землю есть не иное что, какъ юридическое правило, могущее воз-

*) Стр. 135.

никнуть только со времени извѣстной организаціи верховенства и предполагающее юридическую защиту, основа которой лежитъ въ этой организаціи (стр. 189—190).

Въ такомъ опредѣленіи собственности звучитъ отдаленный отголосокъ ученія Гоббса, по которому въ до-государственномъ состояніи не можетъ быть собственности; послѣдняя мыслима только съ момента возникновенія власти и правительства. Гумпловичъ однако не отождествляетъ, какъ Гоббсъ, этого послѣдняго факта съ зарожденіемъ государства. Тѣмъ не менѣе его соображенія не вполнѣ выдерживаютъ критику положительныхъ данныхъ, установленныхъ какъ сравнительной этнографіей, такъ и сравнительной исторіей права. Эти данныя ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ существованіемъ на первыхъ же порахъ не столько индивидуальнаго, сколько двороваго владѣнія и пользованія, съ одной стороны, и коллективной земельной собственности, съ другой. Они не опровергаютъ, а наоборотъ подкрѣпляютъ мысль о возможности установленія издревне если не собственности, то индивидуальнаго или двороваго владѣнія, путемъ приложенія труда къ почвѣ. Отсюда всѣ тѣ заимки. exarta, Neubrüche или purprises или еще assart lands, о которыхъ говорятъ источники обычнаго права и древнѣйшія юридическія сдѣлки славянскихъ, германскихъ, романскихъ и другихъ народностей. Отсюда постановленія одинаково индусскаго и магометанскаго права, въ силу которыхъ оставленіе земли безъ обработки въ теченіе извѣстнаго срока открываетъ возможность новой ея апропріаціи. Несправедливо также, чтобы образованіе какой бы то ни было принудительной власти, выражаясь языкомъ Гумпловича, имѣло послѣдствіемъ возникновеніе частной собственности. Описанные Цезаремъ Свевы имѣли политическую организацію, но это не мѣшало имъ владѣть почвой и обработывать ее сообща. У Кельтовъ Уэльса существовала система племенныхъ и родовыхъ союзовъ, но при ней земля оставалась въ общемъ обладаніи и одномъ лишь пожизненномъ пользованіи частныхъ лицъ въ силу надѣленія ихъ старѣйшинами. Въ одномъ отношеніи теорія Гумпловича приближается къ точкѣ зрѣнія Лоріа.—Лоріа не видитъ, какъ мы знаемъ, возможности частной утилизаціи почвы въ періодъ обилія свободныхъ къ занятію земель иначе, какъ подъ условіемъ рабства и крѣпостничества. И ту же мысль развиваетъ и Гумпловичъ, говоря о необходимости имѣть налицо готовый контингентъ работниковъ, доставляемый членами подчиненной группы для того, чтобы собственность на землю сдѣлалась возможной. Его точка зрѣнія, насколько она предполагаетъ существованіе личной зависимости до момента возникновенія собственности, даже стоитъ ближе

къ даннымъ этнографіи и исторіи права, чѣмъ точка зрѣнія, защищаемая Лоріа. Спорнымъ кажется мнѣ только, чтобы личная зависимость не могла возникнуть помимо насильственнаго подчиненія одного племени другимъ, или чтобы члены дворовыхъ общинъ, подобно упоминаемымъ Цезаремъ consanguinitates hominum qui una coierunt, не могли обратиться къ воздѣлыванію почвы и безъ содѣйствія несвободныхъ работниковъ. Такимъ образомъ я не могу согласиться съ тѣмъ положеніемъ, по которому индивидуальная собственность на землю возникаетъ только тамъ, гдѣ, какъ говоритъ Гумпловичъ, одна орда подчинитъ другую и присвоитъ себѣ всѣхъ тружениковъ послѣдней. Такой фактъ не кажется мнѣ необходимымъ условіемъ для образованія собственности. Самъ по себѣ, какъ показываетъ примѣръ общинъ Индіи, онъ ведетъ нерѣдко къ созданію не индивидуальной, а коллективной собственности для тѣхъ, на чьей сторонѣ осталась побѣда. Данныя этого рода отмѣчены А. А. Чупровымъ въ его нѣмецкой монографіи объ общинномъ землевладѣніи.

Перейдемъ къ разбору той характеристики, какую Гумпловичъ даетъ государству. Для его возникновенія, пишетъ онъ, необходимо подчиненіе одной общественной группы другой и созданіе такой организаціи, которая позволила бы побѣдителю владычествовать надъ побѣжденными. Критикуя существующія дефиниціи государства, Гумпловичъ полагаетъ, что достаточно заявленія, что оно есть собраніе во едино осѣдлаго народа подъ верховною властью и для достиженія общихъ цѣлей національнаго существованія. Государство представляетъ собою, по его мнѣнію, совокупность учрежденій, сознательная цѣль которыхъ—обезпечить господство извѣстныхъ людей надъ другими и всегда меньшинства надъ большинствомъ. Въ концѣ концовъ самое краткое и вѣрное опредѣленіе государства было бы признаніе его организаціей, дѣлающей возможнымъ верховенство меньшинства надъ большинствомъ. Эту точку зрѣнія Гумпловичъ проводитъ и въ самостоятельномъ сочиненіи, посвященномъ опредѣленію природы государства, и въ трактатѣ «общаго государственнаго права», вышедшемъ въ Инсбрукѣ на нѣмецкомъ языкѣ въ 97 г. Здѣсь государство объявлено естественно развившейся организаціей владычества, средствомъ для чего является поддержаніе имъ извѣстнаго правового порядка (стр. 34). Всѣ эти дефиниціи непосредственно вытекаютъ изъ той точки зрѣнія, какая принята была авторомъ еще въ первомъ своемъ сочиненіи о борьбѣ расъ и которая, какъ мы видѣли, состоитъ въ признаніи, что основой любого соціальнаго процесса является насильственное подчиненіе одной общественной группы другой. Чтобы упрочить это подчиненіе создается обще-

ственный строй, поддерживаемый силою и дѣлающій возможнымъ эксплуатацію большинства меньшинствомъ.

Приписывать государству какую нибудь сознательную цѣль, будетъ ли ею установленіе человѣческаго благополучія, или реализація права и т. д., значитъ произвольно упускать изъ виду, что рядъ государствъ ни мало не былъ направленъ къ осуществленію этихъ задачъ,—обстоятельство, которое не мѣшало имъ однако быть государствами. Дѣло въ томъ, прибавляетъ Гумпловичъ, что всякое организованное правительство со временемъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ начинаетъ обнаруживать подобныя тенденціи, но только съ извѣстнаго момента развитія. Раньше же его наступленія государство не болѣе, какъ организованное владычество однихъ надъ другими. И въ этомъ владычествѣ лежитъ его ближайшая задача. Но понятіе государства не будетъ полнымъ, если мы не введемъ въ него представленія о разнородности меньшинства съ подчиняемымъ имъ большинствомъ. Нигдѣ не возникало государства безъ того, чтобы чужеземныя племена не подчинили себѣ туземныхъ. Отдаленнѣйшій же источникъ всѣхъ этихъ порядковъ, оканчивающихся установленіемъ организованнаго владычества или государства, лежитъ въ той нуждѣ, какую человѣкъ въ борьбѣ за существованіе имѣетъ въ трудѣ себѣ подобныхъ. Такимъ образомъ, отправляясь по прежнему отъ допущенія полигенетизма и расовой борьбы, Гумпловичъ считаетъ возможнымъ сочетать эту точку зрѣнія съ той, которой придерживаются сторонники экономическаго объясненія исторіи. Правда, онъ нигдѣ не ссылается на нихъ прямо, но заявленія въ родѣ слѣдующаго: «всегда и вездѣ экономическіе мотивы вызывали собою всѣ соціальныя движенія и обусловливали общественное и политическое развитіе» (стр. 204), не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ лицѣ Гумпловича мы имѣемъ дѣло, если не съ марксистомъ, то съ человѣкомъ, готовымъ заимствовать у марксистовъ одну изъ ихъ основныхъ посылокъ. Отличіе его отъ марксистовъ заключается въ томъ, во первыхъ, что онъ допускаетъ параллельное дѣйствіе другого фактора,—этническаго, а во вторыхъ въ томъ, что онъ чуждъ всякихъ гаданій насчетъ наступленія порядковъ, при которыхъ угнетеніе слабаго сильнымъ и большинства меньшинствомъ перестанетъ быть нормальнымъ явленіемъ. Все, что онъ согласенъ допустить, опираясь въ данномъ случаѣ, какъ легко догадаться, главнымъ образомъ на исторію римскаго государства,—это, во первыхъ то, что тѣ стѣсненія, которыми сперва обставлена жизнь подчиненнаго большинства по волѣ властвующаго надъ нимъ меньшинства, какъ то: брачные запреты, запреты владѣть недвижимой собственностью или

участвовать въ веденіи дѣлъ страны, исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ упрочивается владычество (стр. 210) меньшинства, для котораго становятся ненужными эти нѣкогда полезныя и необходимыя для него гарантіи, а также по мѣрѣ того, какъ въ средѣ подчиненнаго большинства, вмѣстѣ съ относительнымъ благосостояніемъ, распространяются взгляды, неблагопріятные молчаливому повиновенію. Еще Аристотель, пишетъ Гумпловичъ, хорошо понималъ ту истину, что этихъ двухъ условій достаточно для подъема народныхъ массъ. Съ точки зрѣнія расовой борьбы и право является для Гумпловича не болѣе, какъ системой нормъ, упрочивающихъ организованное владычество меньшинства надъ разноплеменнымъ съ нимъ большинствомъ.

Мы не станемъ продолжать этого разбора основныхъ положеній австрійскаго соціолога, такъ какъ изъ сказаннаго уже слѣдуетъ, что въ исходныхъ моментахъ своего ученія онъ остается вѣренъ точкѣ зрѣнія, принятой имъ въ первомъ и главномъ его сочиненіи «о расовой борьбѣ». Гумпловичъ только старается согласить свои взгляды съ моднымъ въ настоящее время направленіемъ экономическаго объясненія исторіи и дѣлаетъ это, благодаря допущенію одновременнаго дѣйствія двухъ факторовъ, экономическаго и этническаго, или расоваго.

Толкуя въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи о происхожденіи кастъ и сословій, онъ воспроизводитъ всѣ прежнія утвержденія, не исключая и того, которое клонится къ признанію иноземнаго источника торговаго населенія. Первоначальное появленіе его признается главнымъ бродиломъ, вызвавшимъ послѣдующія измѣненія существующаго строя и раздѣлъ власти между недвижимыми собственниками и владѣльцами движимаго капитала.

Мы не могли конечно передать всего богатства содержанія разбираемаго нами «Очерка соціологіи». Кромѣ самостоятельной доктрины, авторъ вводитъ въ него еще критику современныхъ школъ и краткій эскизъ исторіи развитія самой науки объ обществѣ. Въ нашу задачу впрочемъ не могло и входить подробное изложеніе книги, призванной служить учебникомъ. Мы хотѣли только прослѣдить въ ней за дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ автора «Расовой борьбы». Она дала намъ возможность убѣдиться, что эти взгляды остались болѣе или менѣе прежними. Можно сказать только одно, что авторъ постарался уменьшить число своихъ противниковъ, допустивъ, что экономическій мотивъ является ближайшимъ виновникомъ расовой борьбы и порождаемыхъ ею государства, собственности, сословій и всей совокупности юридическихъ нормъ, обнимаемыхъ понятіемъ права.

Экономическій факторъ, который для Маркса и его послѣдова-

телей сводится къ измѣненію орудій производства, а для Лоріа къ исчезновенію свободныхъ къ занятію земель, который для Гумпловича вызываетъ подчиненіе разноплеменныхъ другъ другу группъ въ интересахъ эксплуатаціи большинства побѣжденныхъ меньшинствомъ завоевателей признается также ближайшимъ виновникомъ раздѣленія труда, въ свою очередь возводимаго на степень ближайшей причины всѣхъ дальнѣйшихъ измѣненій въ общественной структурѣ.

Въ числѣ современныхъ намъ соціологовъ Дюркгеймъ становится на только что указанную точку зрѣнія. Для него раздѣленіе труда является своего рода органическимъ проявленіемъ общественной солидарности. Экономисты, какъ извѣстно, видятъ въ раздѣленіи труда только средство увеличить его производительность. Такая точка зрѣнія справедливо кажется Дюркгейму слишкомъ узкой. Въ сочиненіи, озаглавленномъ «De la division du travail social», онъ старается провести тотъ взглядъ, что диффеенціація общественныхъ функцій явилась на смѣну той механической солидарности, какая была присуща древнимъ обществамъ. Ею обусловливалась интензивность нравственныхъ, правовыхъ и религіозныхъ представленій, которыя одинаково захватывали всѣхъ членовъ одного и того же политическаго союза. Отъ этой интензивности въ свою очередь зависѣли строгость и численность карательныхъ санкцій, допускаемыхъ древнимъ правомъ. Этотъ рядъ мыслей, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не можетъ вполнѣ считаться оригинальнымъ, но онъ развитъ Дюркгеймомъ такъ искусно, что въ общемъ очеркѣ современныхъ соціологическихъ доктринъ нельзя не познакомить читателя и съ его трудомъ.

Попутно мы укажемъ, въ чемъ лежитъ источникъ нашихъ разногласій съ авторомъ De la division du travail social, предваряя, что они не касаются основного положенія, которое наоборотъ мы принимаемъ вполнѣ, а того пониманія древняго карательнаго права, на разборѣ котораго Дюркгеймъ строитъ свое ученіе о природѣ такъ называемой имъ «механической солидарности».

Во вступительной главѣ, указывая тотъ методъ, котораго онъ будетъ держаться, Дюркгеймъ сразу опредѣляетъ точку зрѣнія, съ которой онъ разсматриваетъ вопросъ о раздѣленіи труда. Оно интересуетъ его не по причинѣ обусловленной имъ экономіи силъ и происходящей отсюда выгоды, а въ виду той солидарности, какую оно порождаетъ между индивидами. Нашъ авторъ ставитъ себѣ вопросъ, не содѣйствовало ли раздѣленіе труда интеграціи общественнаго тѣла. Эта точка зрѣнія впрочемъ ни мало не нова; она высказана была еще Контомъ, и авторъ напоминаетъ самъ объ

этомъ, говоря, что родоначальникъ соціологіи призналъ въ раздѣленіи труда «самое существенное условіе общественной жизни», если только понимать его во всей широтѣ, т. е. какъ нѣчто, примѣнимое ко всѣмъ нашимъ операціямъ, а не ограничивать его проявленіе, какъ это дѣлаютъ сплошь и рядомъ, одной сферой матеріальныхъ услугъ. При такомъ отношеніи къ нему, раздѣленіе труда, говорилъ Контъ, позволитъ намъ смотрѣть не только на индивидовъ, но и на различные классы и народы, какъ на участниковъ въ одномъ громадномъ общемъ дѣлѣ, послѣдовательное развитіе котораго связываетъ современныхъ кооператоровъ съ ихъ отдаленнѣйшими предшественниками, а равно со всей серіей будущихъ преемниковъ. Постоянное распредѣленіе человѣческаго труда порождаетъ общественную солидарность и является первопричиной возрастающей широты и сложности общественнаго организма. *)

Нельзя сжатѣе и полнѣе передать дѣйствительную природу раздѣленія труда и его соціальное значеніе. Дюркгейму останется только развить это основное положеніе Контовой соціологіи и дать ему широкое историческое обоснованіе.

Но не у одного Конта заимствуетъ онъ основное положеніе своей книги. За нѣсколько лѣтъ до появленія диссертаціи «О раздѣленіи труда» берлинскій соціологъ Зиммель, знакомый съ ученіями «положительной философіи», а слѣдовательно и со взглядами Конта на значеніе общественной дифференціаціи, издалъ въ «Библіотекѣ государственныхъ и общественно-научныхъ изслѣдованій» Шмоллера цѣлую монографію «О соціальной дифференціаціи». Въ ней можно найти цѣликомъ основную теорію, развитую впослѣдствіи Дюркгеймомъ. Резюмируя для французскихъ читателей содержаніе своей работы, Зиммель говоритъ буквально слѣдующее: кто бы желалъ въ одной сентенціи передать природу общественнаго развитія, долженъ сказать, что на первыхъ порахъ (я разумѣю не въ эпоху возникновенія человѣческаго общежитія, эпоху, для насъ непроницаемую, а на относительно первобытной ступени общественности), мы становимся лицомъ къ лицу съ группами, члены которыхъ болѣе или менѣе однохарактерны и тѣсно связаны между собою. Въ то же время сами эти группы, какъ таковыя, чужды и враждебны другъ другу. Чѣмъ тѣснѣе общеніе (Зиммель говоритъ синтезъ) въ предѣлахъ группы, тѣмъ рѣзче ея разобщенность, ея антитеза съ другими. Общественное развитіе ослабляетъ эти особенности. Тѣсный кругъ переходитъ въ болѣе широкій, заключающій въ себѣ нѣсколько прежде отдѣлен-

*) Курсъ положительной философіи, томъ IV, стр. 425.

ныхъ группъ. Это—столько же послѣдствіе, сколько и причина того, что индивиды обособляются отъ своей первоначальной тѣсной ассоціаціи и теряютъ прежнее фактическое равенство между собою. Тѣмъ самымъ они становятся болѣе независимыми и качественно болѣе различными. На первыхъ порахъ строгое равенство было душою сообществъ; производство каждаго ничѣмъ существенно не отличалось отъ производства всѣхъ. Любое общество образовывало изъ себя тѣсную замкнутую группу, недоступную для того, кто стоялъ внѣ ея. Но когда съ теченіемъ времени хорошо одаренный, достаточный и честолюбивый хозяинъ не пожелалъ остаться въ неизмѣнныхъ границахъ своего нормальнаго производства, возникли одновременно два явленія. Первоначальная однохарактерная или гомогенная масса, входившая въ составъ одной и той же группы, все болѣе и болѣе дифференцировалась; члены ея переходили, съ одной стороны, въ капиталистовъ и предпринимателей въ сферѣ тѣхъ или другихъ свободно избранныхъ ими видовъ производства, а съ другой, въ рабочихъ высшаго или низшаго порядка. Эта трансформація сопровождалась большимъ расширеніемъ рынка. Производитель и купецъ, первоначально совпадавшіе въ одномъ лицѣ, обособились, и купецъ пріобрѣлъ бо́льшую свободу передвиженія, которая позволила ему завязать торговыя связи, прежде немыслимыя. Индивидуальная свобода и ростъ торговли зависятъ и обусловливаютъ другъ друга.

Итакъ, развитіе первоначально тѣсной и однохарактерной среды произошло въ двоякомъ направленіи. И это двоякое направленіе должно было въ концѣ концовъ подготовить ея разложеніе. Съ одной стороны, совершилась дифференціація, имѣющая своимъ послѣдствіемъ индивидуализацію, съ другой послѣдовало увеличеніе объема общества, которое позволило ему обнять большее число предметовъ и повело въ свою очередь къ созданію болѣе широкихъ круговъ. Эти круги, охватывающіе собою всего на всего извѣстныя стороны однихъ и тѣхъ же индивидовъ, возникаютъ благодаря дифференціаціи болѣе тѣсныхъ, обнимающихъ тѣхъ же индивидовъ всецѣло *).

Въ приведенномъ цѣликомъ отрывкѣ можно найти зародышъ всей той схемы, развитіемъ которой является диссертація Дюркгейма. Авторъ «Соціальной дифференціаціи» указываетъ и на тотъ путь, какимъ онъ пришелъ къ построенію только что приведенной

---

*) См. Revue internationale de Sociologie, мартъ 1894 г., стр. 203—204, и болѣе широкое развитіе тѣхъ же взглядовъ въ 10 т. «Staats-und Sozialwissenschaftlicher Forschungen», Шмоллера, подъ заглавіемъ «Soziale Differenzirung».

теоріи. Его поразила, и съ полнымъ основаніемъ, тѣсная солидарность, выражающаяся въ сферѣ уголовной отвѣтственности между членами семейныхъ и родовыхъ группъ, и самый, можно сказать, коллективный характеръ, какой носитъ преступленіе въ періодъ господства кровныхъ союзовъ. Сопоставляя эти порядки съ позднѣйшими, Зиммель пришелъ къ тому заключенію, что послѣдующее развитіе было столько же квантитативнымъ, сколько и квалитативнымъ. Общественная солидарность начала сказываться въ болѣе широкихъ кругахъ, но съ меньшею интензивностью; параллельно и въ связи съ этимъ произошла большая индивидуализація личности, и соотвѣтственно дифференцировались отправляемыя каждымъ общественныя функціи.

Теорія Зиммеля носитъ на себѣ печать несомнѣнной оригинальности и полнаго соотвѣтствія съ данными этнологіи, древнѣйшей исторіи права и даже болѣе поздняго развитія такихъ экономическихъ институтовъ, какъ гильдіи и цехи. По всѣмъ этимъ причинамъ она заслуживаетъ быть отмѣченной въ общей характеристикѣ современныхъ направленій въ соціологіи. Авторъ ея, ранѣе пріобрѣвшій извѣстность своими работами по нравственной философіи и культуръ-исторіи *), собираетъ въ настоящее время обширную аудиторію въ берлинскомъ университѣ и является въ немъ единственнымъ представителемъ соціологическаго направленія въ области обществовѣдѣнія. Къ сожалѣнію онъ не обнародовалъ своего курса, и лицамъ, не имѣвшимъ возможности познакомиться съ основными взглядами лектора изъ устнаго изложенія, приходится отложить до поры, до времени общую оцѣнку его соціологическихъ теорій **).

Признавая за Зиммелемъ пріоритетъ въ рѣшеніи вопроса объ источникѣ и ходѣ общественной дифференціаціи, мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, чтобы въ развитіи тѣхъ же взглядовъ по вопросу, еще поставленному Контомъ, Дюркгеймъ не обнаружилъ и обширнаго знакомства съ фактическимъ матеріаломъ, и значительной гибкости и тонкости мышленія. Дѣло не легкое показать не въ однѣхъ общихъ чертахъ, а на основаніи разбора этнографическихъ

---

*) Говоря это, мы разумѣемъ въ частности его «Проблемы исторической философіи» и его «Философію денегъ». Книга же Зиммеля, ставящая себѣ задачей критику основныхъ нравственныхъ понятій, озаглавлена Вступленіемъ въ науку о морали и вышла въ Берлинѣ въ 1901 г.

**) Отмѣтимъ пока появленіе въ 1898 г. въ сборникѣ, издаваемомъ Дюркгеймомъ, статьи Зиммеля по интересному, но спеціальному вопросу соціологіи «объ условіяхъ устойчивости общественныхъ формъ». («L'année sociologique». Paris. 1898 г. «Commentl es formes se maintiennent», стр. 71—109).

и историко-правовыхъ данныхъ, въ какой мѣрѣ порождаемая раздѣленіемъ труда солидарность содѣйствуетъ интеграціи обществъ. Вѣдь солидарность, какъ объ этомъ справедливо напоминаетъ самъ Дюркгеймъ, феноменъ нравственнаго порядка; какъ таковой онъ не подлежитъ ни прямому наблюденію, ни тѣмъ болѣе подсчету.

Чтобы классифицировать человѣческія общества по степени проводимой ими солидарности и установить между ними параллели, необходимо поэтому подставить на мѣсто внутренняго факта солидарности, ускользающаго отъ нашего наблюденія, внѣшній его символъ; это позволитъ, пишетъ Дюркгеймъ, изучать первый черезъ посредство второго (стр. 64 и 66). Каковъ же, спрашивается, этотъ внѣшній символъ солидарности? Дюркгеймъ, не обинуясь, отвѣчаетъ—Право. Такое заявленіе можетъ поразить всѣхъ тѣхъ, кто, придерживаясь старинныхъ юридическихъ энциклопедій, привыкли противуполагать праву мораль и видѣть въ ней область, несравненно шире раскрывающую природу человѣческой солидарности, чѣмъ всякая система юридическихъ нормъ, обычныхъ или законодательныхъ. Но авторъ смотритъ на дѣло совершенно иначе. Различіе нравственности и права сводится въ его глазахъ только къ большей опредѣленности и консолидаціи въ послѣднемъ правилъ, регулирующихъ общественныя отношенія.

Природа же морали и права — одна и та же. Только въ обществахъ, въ которыхъ право перестало отвѣчать дѣйствительности и сохраняется въ силу одной привычки, выступаетъ противорѣчіе его съ нравственностью; и это потому, что новыя отношенія, складывающіяся независимо отъ права, не могутъ не стремиться къ организаціи. Вѣдь удержаться имъ нельзя не консолидировавшись. Дюркгеймъ утверждаетъ, что такіе случаи столкновенія права и морали рѣдки, носятъ патологическій и потому преходящій характеръ. Обыкновенно мораль не противорѣчитъ праву, но наоборотъ служитъ для него базисомъ. (Стр. 468). Я не могу согласиться съ такимъ взглядомъ. Вся исторія развитія общества представляетъ для меня постоянное зарожденіе новыхъ правилъ, обусловливаемое новыми общественными отношеніями, правилъ, которымъ не достаетъ санкціи, и которыя поэтому остаются долгое время на степени простыхъ предписаній морали. Съ этой точки зрѣнія можно было бы разсмотрѣть всю исторію человѣчества, показывая, напримѣръ, какъ сознаніе солидарности съ чужеродцемъ зарождается въ формѣ религіозно-нравственныхъ правилъ, принимающихъ подъ свое покровительство временнаго гостя. Я могъ бы показать также, что все развитіе преторскаго права въ Римѣ, т. е. права, прилагаемаго въ отношеніяхъ къ неквиритамъ, иначе говоря къ чужеродцамъ по

отношенію къ гражданамъ «вѣчнаго города», было не болѣе, какъ постепеннымъ возведеніемъ нравственныхъ нормъ на степень юридическихъ. Но не вдаваясь даже въ эти историческіе поиски, не имѣемъ ли мы возможности убѣдиться въ расхожденіи морали и права и только постепенномъ переходѣ нравственныхъ требованій въ снабженныя санкціей юридическія постановленія, при изученіи судебъ такъ медленно развивающагося международнаго права. Какой длинный періодъ времени прошелъ, въ самомъ дѣлѣ, съ того момента, когда труизмомъ считалось правило римскихъ юристовъ: adversus hostem aeterna auctoritas, до того, когда возникла цѣлая область юридическихъ нормъ, обязательно примѣняемыхъ воюющими другъ къ другу, и нарушеніе которыхъ можетъ до нѣкоторой степени сдѣлаться предметомъ обжалованія передъ посредническими судами. Но довольно объ этомъ предметѣ. И сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы показать природу моего разномыслія. Для меня въ каждый данный моментъ нравственность опережаетъ право и слѣдовательно находится съ нимъ въ частичномъ столкновеніи. Я считаю это явленіе нормальнымъ и не могу представить себѣ эволюціи общества безъ постепенной выработки новыхъ правилъ, регулирующихъ новыя общественныя отношенія, правилъ, которымъ санкціи можетъ не доставать, которыя могутъ вступать въ коллизію съ существующимъ юридическимъ строемъ, что однако не мѣшаетъ имъ сперва получить скромное признаніе въ формѣ судебныхъ приговоровъ, а затѣмъ быть включенными въ общую систему права. Мнѣ приходитъ въ настоящую минуту одинъ примѣръ, такъ наглядно иллюстрирующій мою мысль, что я позволю себѣ привесть его въ заключеніе. Что повидимому можетъ быть болѣе противорѣчащимъ современному строю общественныхъ отношеній, опирающихся на принципѣ собственности, какъ безнаказанное присвоеніе голодающимъ хлѣба изъ булочной? А между тѣмъ уже въ настоящее время состоялись судебныя рѣшенія, оправдывавшія лицъ, завѣдомо виновныхъ въ такихъ похищеніяхъ. И я нисколько не буду пораженъ, если въ ближайшемъ будущемъ на явленія этого рода распространено будетъ правило о необходимой оборонѣ, оборонѣ въ данномъ случаѣ противъ голодной смерти, и они подведены будутъ подъ принципъ ad impossibilia nemo obligatur (никто не принуждается къ невозможному). Это различіе морали и права несомнѣнно менѣе замѣтно въ древнихъ обществахъ, гдѣ, благодаря такъ вѣрно отмѣченному Спенсеромъ факту отсутствія дифференціаціи, экономика, право, мораль и религія представляютъ одно цѣлое, выраженіе, которое, сказать мимоходомъ, гораздо вѣрнѣе передаетъ характеръ существующихъ въ это время отношеній, чѣмъ такъ часто употребляе-

мая фраза о подчиненіи въ древнихъ обществахъ морали и права религіи. Въ виду этого тѣснаго сплоченія можно сказать, что точка зрѣнія Дюркгейма болѣе или менѣе примѣнима къ начальнымъ періодамъ общественности, почему дальнѣйшее развитіе его взглядовъ въ приложеніи къ древнимъ обществамъ и не страдаетъ существенно отъ допущенной имъ ошибки. Но, разсматривая мораль и право какъ одно цѣлое, Дюркгеймъ въ то же время считаетъ нужнымъ установить различіе между двумя категоріями нормъ: однѣ носятъ репрессивный характеръ, т. е. нарушеніе ихъ связано для виновнаго съ извѣстнымъ страданіемъ, другія же, не причиняя агенту никакого физическаго вреда, требуютъ только возстановленія нарушеннаго имъ порядка, упраздняютъ послѣдствія его акта, признаютъ его ничтожность или возстановляютъ старое. Отдѣльныя области права размѣщаются по этимъ двумъ категоріямъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Первая обнимаетъ право уголовное, вторая право гражданское, торговое, процессуальное, административное и государственное. Установивши эту классификацію, Дюркгеймъ задается вопросомъ, какому виду общественной солидарности отвѣчаетъ каждая изъ этихъ двухъ группъ права? Подъ механической солидарностью онъ разумѣетъ такую, при которой отдѣльные индивиды отправляютъ всѣ и каждый однѣ и тѣ же общественныя функціи, подобно тому, какъ въ колоніи животныхъ каждое функціонируетъ однохарактерно со всѣми прочими. При такой солидарности отсутствуетъ понятіе о раздѣленіи труда, точь въ точь, какъ въ колоніи животныхъ отсутствуетъ различіе координированныхъ между собою органовъ, имѣющихъ каждый свою функцію. Чѣмъ же, спрашивается, вызывается при такой механической солидарности тѣсное единеніе особей, составляющихъ своей совокупностью общественное тѣло? Дюркгеймъ отвѣчаетъ: интензивностью общественнаго сознанія. Эта интензивность сказывается прежде всего въ энергичномъ протестѣ, какой вызываетъ въ нихъ всякое оскорбленіе этого общественнаго сознанія. Протестъ выражается въ репрессіи, въ причиненіи страданія нарушителю, другими словами, въ наказаніи Отсюда то послѣдствіе, что въ правѣ обществъ, построенныхъ на началѣ механической солидарности, преобладаютъ репрессивныя мѣропріятія. Дюркгеймъ дѣлаетъ справку, изъ которой оказывается, что еще въ законахъ XII таблицъ, законодательствѣ сравнительно прогрессивномъ, 49 нормъ носятъ репрессивный характеръ. Въ болѣе отсталомъ законодательствѣ Салической Правды, изъ 293 статей всего 25 не имѣютъ того же характера, тогда какъ въ Бургундскомъ законодательствѣ изъ 311 ст. всего 98 лишены уголовной санкціи. Можно судить послѣ этого, насколько репрессив-

ный характеръ присущъ Пятокнижію, древнѣйшимъ индусскимъ сводамъ и Драконову законодательству. Дюркгеймъ почему-то не говоритъ о послѣднемъ, хотя своимъ содержаніемъ этотъ древнѣйшій аѳинскій кодексъ вполнѣ бы подтвердилъ силу его общаго положенія. Но за то изъ Второзаконія имъ весьма удачно заимствована слѣдующая цитата: «если ты не будешь памятовать о сохраненіи всѣхъ словесъ закона, начертаннаго въ сей книгѣ, боясь славнаго и грознаго имени Всевѣчнаго, Всевѣчный покараетъ тебя и твое потомство». Сопоставьте съ этимъ слѣдующій текстъ изъ древнѣйшаго индусскаго свода Ману: «страхъ наказанія позволяетъ всѣмъ тварямъ пользоваться тѣмъ, что имъ принадлежитъ, и мѣшаетъ имъ уклоняться отъ своихъ обязанностей. Наказаніе управляетъ человѣческимъ родомъ.» Очевидно въ обѣихъ странахъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же представленіемъ,—оно внушено имъ одинаково интензивнымъ общественнымъ чувствомъ. Только что изложенную мысль разбираемый нами авторъ развиваетъ на цѣлыхъ восьмидесяти пяти страницахъ, дѣлая при этомъ попытку построить собственную теорію преступленія и наказанія и дать болѣе или менѣе оригинальную гипотезу прогрессивнаго развитія уголовнаго права. Первая его попытка намъ кажется въ общемъ весьма удачной. Авторъ разрываетъ съ ходячимъ представленіемъ о томъ, что источникъ наказанія лежитъ въ возмездіи, и что исторія его открывается кровомщеніемъ, осуществляемымъ однимъ родомъ по отношенію къ другому. Онъ удачно останавливается на той мысли, что преступнымъ дѣяніемъ надо считать нарушеніе чувствъ, присущихъ всѣмъ здравымъ сознаніямъ на опредѣленной ступени общественности, или, какъ онъ выражается, «при опредѣленномъ общественномъ типѣ» (стр. 77). Но только тѣ изъ этихъ нарушеній вызываютъ не одно нравственное осужденіе, но и физическую кару, которыя «оскорбляютъ (опять таки его выраженіе) сильныя и опредѣленныя состоянія коллективнаго сознанія» *). Не менѣе оригинальна развиваемая Дюркгеймомъ теорія наказанія. Дѣйствительная функція его сохранить неприкосновенной соціальную связь, поддерживая интензивное общественное сознаніе. Можно поэтому утверждать, пишетъ нашъ авторъ, не впадая въ парадоксальность, что наказаніе имѣетъ въ виду не столько преступника, сколько людей благонамѣренныхъ. (Le châtiment est surtout destiné à agir sur les honnêtes gens, стр. 116). При такой точкѣ зрѣнія неяснымъ остается, почему «благонамѣреннымъ людямъ», чтобы укрѣпиться

---

*) Nous pouvons donc dire, qu'un acte est criminel quand il offense les états forts et définis de la conscience collective. (стр. 85).

въ своемъ общественномъ сознаніи, необходимо причинить страданіе виновному. Но мы очевидно не можемъ долго останавливаться на критикѣ этихъ логическихъ дедукцій, такъ какъ онѣ имѣютъ лишь слабый интересъ внѣ ихъ прямой области—криминологіи.

Другое дѣло выводимая Дюркгеймомъ формула развитія уголовнаго права. Она намъ кажется ошибочной, и мы считаемъ нужнымъ поэтому предостеречь противъ нея читателя. Дюркгейму совершенно чуждо представленіе о томъ, что одно и то же дѣяніе могло казаться обществамъ, переживающимъ родовую фазу общежитія, доблестнымъ и преступнымъ, смотря по тому, противъ кого оно было направлено. Первое, можно сказать, одинаково и объ убійствѣ и о воровствѣ, разъ жертвою ихъ является чужеродецъ. Отсюда непонятая Дюркгеймомъ безнаказанность извѣстной категоріи воровъ, о которой говоритъ Авлъ Гелій въ Египтѣ, безнаказанность, которая, какъ извѣстно, повторяется и въ Спартѣ. Отсюда необходимость вести исторію карательнаго права отъ родовой расправы, какой подвергается домашній убійца и домашній воръ, а не отъ кровнаго возмездія, или легализированнаго обычаемъ самоуправства, какое обиженный и его родственники направляютъ противъ рода обидчика и принадлежащаго этому роду имущества. Дюркгейму остается также, повидимому, чуждымъ хорошо извѣстное историкамъ права отсутствіе на первыхъ порахъ всякаго различія между уголовной и гражданской отвѣтственностью, чѣмъ и объясняется отмѣченное имъ явленіе, что къ возмѣщенію матерьяльнаго вреда всегда присоединяется требованіе добавочнаго платежа, настолько значительнаго, что вмѣстѣ съ возмѣщеніемъ убытковъ онъ покрываетъ собою болѣе или менѣе весь достатокъ обидчика. Тотъ «грабежъ» западно-славянскихъ правдъ, который нашему древнѣйшему законодательству извѣстенъ подъ названіемъ потока и разграбленія, встрѣчается и въ правѣ ирландскихъ посредниковъ «брегоновъ», и въ Салической Правдѣ. Очевидно въ немъ нельзя видѣть никакого подобія съ простымъ возвращеніемъ похищеннаго. Въ моихъ глазахъ онъ является не чѣмъ инымъ, какъ средствомъ разорить виновнаго и тѣмъ вызвать, если дѣло идетъ о домашнемъ ворѣ, то же оставленіе имъ родственной среды, какимъ родъ грозитъ домашнему убійцѣ; въ томъ-же случаѣ, если это легализированное обычаемъ самоуправство направляется противъ чужеродцевъ, оно по природѣ своей входитъ въ категорію той междуродовой войны, которая вызывается всякимъ нанесеніемъ матеріальнаго вреда однимъ родомъ другому. Кавказское абречество, русское изгойство, состояніе нѣмецкихъ vargi, или отщепенцевъ отъ рода, принужденныхъ бродить, какъ волки, откуда и самое

ихъ названіе, какъ нельзя лучше иллюстрируютъ намъ положеніе лица, изгнаннаго изъ родственной среды, по причинѣ совершеннаго имъ преступленія. Пушкинъ превосходно передалъ ту, можно сказать, родовую точку зрѣнія, съ которой старый цыганъ заявляетъ о нежеланіи жить съ убійцей своей дочери и вытекающей отсюда для Алеко необходимости покинуть таборъ.

«Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не тиранимъ, не казнимъ,
Ненужно крови намъ и стоновъ,—
Но жить съ убійцей не хотимъ». («Цыгане»).

Очевидно въ такой точкѣ зрѣнія на послѣдствія преступнаго дѣянія, совершеннаго въ родственной средѣ, нѣтъ еще благопріятныхъ условій для развитія смертной казни и членовредительныхъ наказаній. Эти условія могли зародиться только съ момента установленія теократій и упроченія того воззрѣнія на преступное дѣяніе, какъ на обиду, причиненную богамъ или богу, и требующую поэтому искупленія виновнаго.

Домашній преступникъ съ этого момента поставленъ былъ на равную ногу съ чужеродцемъ врагомъ; какъ военно-плѣннаго приносили въ жертву божеству, такъ точно и убійцу,—отсюда формула римскихъ XII таблицъ sacer esto, т. е. «да будетъ онъ посвященъ богамъ»—выраженіе, смыслъ котораго былъ—да будетъ онъ преданъ казни. При такомъ воззрѣніи на наказаніе, какъ на искупленіе вины передъ богомъ или богами, немудрено, если дѣянія, оскорблявшія вѣру и ея служителей, какова бы ни была ихъ природа, ставились въ одинъ рядъ и даже выше убійства. Такъ какъ съ идеей носителя верховной власти съ самаго начала связано было представленіе, какъ о лицѣ, поставленномъ отъ бога, представленіе, совершенно естественное въ теократіи, то немудрено, если и единоличные правители восточныхъ деспотій приняты были подъ защиту боговъ, и преступленія, противъ нихъ направленныя, пріурочены были къ нарушеніямъ святыни. Какъ мало теорія такъ называемыхъ государственныхъ преступленій вытекла изъ какого-то произвольно предполагаемаго Дюркгеймомъ отождествленія родомъ и племенемъ всѣхъ его интересовъ съ интересами народнаго старѣйшины или короля, показываетъ между прочимъ тотъ фактъ, что убійство короля по древнѣйшимъ англо-саксонскимъ законамъ еще разсматривается какъ дѣяніе, отмщаемое родомъ убитаго на родѣ убійцы по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока между сторонами не послѣдуетъ соглашенія объ уплатѣ выкупа. Не продолжая далѣе нашего необходимо бѣглаго и поверхностнаго очерка, мы въ правѣ сказать, что древнѣйшая исторія уголовнаго права пред-

ставляетъ намъ по меньшей мѣрѣ двѣ стадіи развитія: первую родовую. вторую—теократо-деспотическую. Дюркгеймъ смѣшиваетъ обѣ воедино и поэтому невѣрно понимаетъ исходные моменты въ развитіи карательной власти. Заявленіе «право наказывать имѣетъ несомнѣнно религіозный характеръ» справедливо по отношенію ко второй стадіи и едва ли можетъ быть поддерживаемо по отношенію къ первой, по крайней мѣрѣ иначе, какъ въ смыслѣ кровомщенія, направленнаго противъ членовъ чужаго рода ради удовлетворенія души убитаго. Но о такой вендеттѣ, какъ объ источникѣ карательнаго права, Дюркгеймъ справедливо не хочетъ и слышать. «Нельзя, говоритъ онъ, назвать ни одного общества, гдѣ бы кровомщеніе было первоначальной формой наказанія»,—фактъ, справедливый самъ по себѣ, но причина котораго осталась непонятой Дюркгеймомъ, такъ какъ онъ не счелъ нужнымъ установить съ самаго начала различія между дѣяніями, совершаемыми въ родственной средѣ и въ средѣ неродственной (см. стр. 97).

Я не могу также признать правильной точку зрѣнія автора на древнѣйшую исторію уголовнаго процесса. По мнѣнію Дюркгейма очагомъ его является народное собраніе. Въ этомъ онъ видитъ подтвержденіе своей гипотезы о томъ, что преступленіе, нарушая сильныя и опредѣленныя состоянія общественнаго сознанія всего народа, тѣмъ самымъ вызываетъ реакцію со стороны послѣдняго въ формѣ наказанія. Изученіе древняго процесса въ связи съ тѣми данными, какія насчетъ осуществленія правосудія у народовъ, переживающихъ или только что вышедшихъ изъ родовой фазы общежитія, даетъ этнографія, не оставило во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что древнѣйшими органами суда были посредники. Они могли постановлять свои рѣшенія въ присутствіи народа, который нерѣдко принималъ на себя немедленное ихъ исполненіе. Но это всетаки не лишаетъ силы то общее положеніе, что древнѣйшимъ судомъ является судъ стариковъ, а при дальнѣйшей дифференціаціи судъ членовъ религіознаго сословія, будутъ ли ими израильскіе первопресвитеры, а позднѣе судьи, или индусскіе брамины, кельтическіе друиды и ирландскіе брегоны. Въ обществахъ, въ которыхъ, какъ напримѣръ въ древне-римскомъ или древне-германскомъ, народныя и семейныя власти продолжали осуществлять и религіозныя функціи, немудрено, если судъ остался въ рукахъ простыхъ посредниковъ, какими и были меровингскіе рахимбурги и смѣнившіе ихъ при карловингахъ скабины. Учрежденіе присяжныхъ, какъ и аѳинскій институтъ геліастовъ и римскихъ народно-судебныхъ комиссій, въ которыхъ Дюркгеймъ ошибочно видитъ доказательство ранѣе принадлежавшаго якобы всему на-

роду права судить преступниковъ, являются наоборотъ позднимъ переживаніемъ этого суда стариковъ. Приводимый имъ текстъ изъ Книги Числъ (кн. 15, стихъ 32—36) говоритъ не о судѣ народномъ, а о постановкѣ рѣшенія Моисеемъ и Аарономъ въ народномъ собраніи. Рѣчь идетъ о человѣкѣ, собиравшемъ дрова въ субботу. Застигнувъ его на мѣстѣ, приводятъ виновнаго къ Моисею, Аарону и ко всему собранію, а они садятъ его въ тюрьму. Итакъ, я нигдѣ не вижу доказательства тому, чтобы, какъ утверждаетъ Дюркгеймъ, на первыхъ порахъ народное собраніе въ полномъ его составѣ являлось судилищемъ (стр. 111) *).

Сильное состояніе общественнаго сознанія, сказывающееся, по мнѣнію Дюркгейма, въ репрессивномъ характерѣ древняго законодательства, вызываетъ собою одновременно и другія явленія, не менѣе опредѣленно свидѣтельствующія о томъ, что личность, такъ сказать, стушевывается въ это время передъ коллективностью. Такъ, по вѣрному замѣчанію нашего автора, имущественный коммунизмъ, присущій древнимъ обществамъ, не болѣе какъ одно изъ проявленій того же сильнаго состоянія общественнаго сознанія. Ему же надо приписать бо́льшую, чѣмъ въ новыхъ обществахъ, интензивность религіозныхъ чувствъ и представленій, наконецъ то умственное единеніе, которое сказывается въ широкомъ распространеніи пословицъ и поговорокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что индивидуальные умы мыслятъ въ унисонъ.

По мѣрѣ того, какъ общественное сознаніе является менѣе интензивнымъ, исчезаютъ постепенно всѣ только что указанныя особенности архаическихъ обществъ. Мѣсто репрессивныхъ нормъ занимаютъ все болѣе и болѣе нормы декларативныя. Къ возстановленію нарушеннаго права, къ возмѣщенію вреда и убытковъ,— вотъ къ чему, а не къ насильственной репрессіи или наказанію

---

*) Чтобы покончить съ историческими ересями Дюркгейма, я обращу еще вниманіе читателя на совершенно неудачную попытку опровергнуть довольно прочно установившееся ученіе о томъ, что усыновленіе въ древнихъ обществахъ вызывается заботой о поддержаніи культа предковъ. Нападая на это ученіе, не разъ высказанное и Фюстель де Куланжемъ, и Меномъ, и Гёрномъ, Дюркгеймъ дѣлаетъ слѣдующее невѣроятное утвержденіе: «народы, всего чаще обращавшіеся къ усыновленію и открывшіе ему наибольшую свободу, какъ индѣйцы въ Америкѣ, арабы, славяне, не знали подобнаго культа предковъ» (стр. 228). Что ни слово, то ошибка. Неужели есть необходимость доказывать, что анимизмъ свойственъ въ равной мѣрѣ и краснокожимъ и арабамъ; что же касается до славянъ, то культъ домового и связанные съ нимъ обряды до сихъ поръ хранятъ память о порядкахъ, о которыхъ «Слово нѣкоего христолюбца», одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности, несомнѣнно возникшій подъ византійскимъ вліяніемъ, упоминаетъ, говоря: «поклоняхуся роду и роженицамъ».

сводится забота судьи и законодателя. Тогда какъ въ древнемъ еврейскомъ или аѳинскомъ правѣ нарушенія семейныхъ обязанностей, со стороны ли супруговъ или дѣтей, преслѣдуются карательными мѣрами, въ Римѣ, со временъ XII таблицъ, закономъ уголовнымъ наказуется только нарушеніе обязательствъ кліента къ патрону. Надо прибавить, однако, что обычное право въ то же время признаетъ за отцомъ, за римскимъ «pater familias», широкую свободу въ примѣненіи дисциплинарныхъ мѣръ и даже наказаній уголовнаго характера (jus vitae necisque habet potestatem по отношенію къ лицамъ, состоящимъ подъ его властью, въ его manus).

Такимъ же точно образомъ отношенія половъ, регулируемыя въ древне-еврейскомъ и аѳинскомъ правѣ карательными мѣрами, въ новыхъ законодательствахъ, какъ общее правило, представляютъ сферу индивидуальной свободы, что не мѣшаетъ однако преслѣдованію государствомъ проксенизма, снохачества и т. д. Такія исключенія изъ общаго правила о невмѣшательствѣ сдѣланы были еще римскимъ законодательствомъ.

Область, въ которой еще болѣе наглядно сказывается постепенное ослабленіе общественнаго сознанія, это — область обрядовъ и правилъ ежедневнаго поведенія. Въ Пятикнижіи, какъ и въ древнѣйшихъ греческихъ законодательствахъ, предписывался и костюмъ, и родъ пищи и питья, и порядокъ бритья волосъ и т. п. Всѣ эти нормы разумѣется отсутствуютъ въ новѣйшихъ сводахъ. Одновременно область религіозныхъ преступленій, необыкновенно широкая въ древнемъ правѣ, постепенно суживается, такъ что въ наши дни, прибавимъ мы отъ себя, только въ нѣкоторыхъ болѣе отсталыхъ законодательствахъ, въ томъ числѣ въ русскомъ, сохранились нормы, выдѣляющія, положимъ, кражу церковныхъ предметовъ (по нашему XV т. святотатство) изъ сферы общихъ преступленій противъ собственности. Резюмируя все ранѣе сказанное имъ о постепенномъ упадкѣ силы общественнаго сознанія, Дюркгеймъ пишетъ слѣдующее. «Сознаніе это становится болѣе слабымъ и менѣе опредѣленнымъ. Это не значитъ, однако, чтобы общественному сознанію предстояло исчезнуть безслѣдно, а только то, что оно болѣе и болѣе сводится къ единству мыслей и чувствъ, при томъ настолько общихъ, что при нихъ открывается просторъ для проявленія множества индивидуальныхъ различій. Личность становится священной, и возникаетъ можно сказать предразсудокъ въ ея пользу. Что же, спрашивается, служитъ замѣной этого умаляющагося общественнаго сознанія?

Дюркгеймъ отвѣчаетъ —раздѣленіе труда. Такъ какъ, говоритъ онъ, механическая солидарность слабѣетъ со временемъ, то предстоитъ

одно изъ двухъ: или послѣдуетъ упадокъ общественной жизни, или новая солидарность займетъ мѣсто прежней. Этотъ послѣдній исходъ и имѣетъ мѣсто на дѣлѣ по мѣрѣ того, какъ раздѣленіе труда начинаетъ играть ту же роль, какая прежде принадлежала общественному сознанію. Она нынѣ становится тою связью, какая объединяетъ собою членовъ соціальнаго агрегата высшаго типа. Такимъ образомъ раздѣленіе труда осуществляетъ функцію, несравненно болѣе значительную, чѣмъ та, которая признается за нимъ экономистами (стр. 186—188). Историческимъ закономъ надо считать, по мнѣнію Дюркгейма, тотъ, по которому механическая солидарность постепенно теряетъ подъ собою почву, а органическая, опирающаяся на раздѣленіи труда, наоборотъ, становится преобладающей. Но съ перемѣной характера солидарности должна необходимо измѣниться и общественная структура. Отсюда слѣдуетъ, что двумъ различнымъ типамъ солидарности должны соотвѣтствовать два различныхъ уклада общества. Идеальнымъ типомъ общества, построеннаго на началѣ механической солидарности, надо считать однородную массу, части которой не отличаются существенно другъ отъ друга, иными словами, въ которой нѣтъ никакой внутренней организаціи. Эта масса является той соціальной протоплазмой, изъ которой развились со временемъ всѣ общественные типы. Мы предлагаемъ, говоритъ Дюркгеймъ, обозвать такой агрегатъ—ордою, выраженіе, которое, какъ мнѣ кажется, гораздо удобнѣе замѣнить болѣе отвѣчающимъ его природѣ терминомъ «стадное сообщество». Вѣдь орда явленіе историческое. Мы знаемъ всякаго рода татарскія орды и между прочимъ Золотую орду, которымъ несомнѣнно были присущи элементы организаціи. Наоборотъ, съ понятіемъ стада невольно возникаетъ въ умѣ представленіе объ агрегатѣ, всѣ члены котораго тождественны, и въ которомъ поэтому отсутствуетъ дифференцированіе функцій. Вотъ почему еще съ 1879 года, говоря о древнѣйшемъ общественномъ типѣ, я предпочиталъ называть его стаднымъ соединеніемъ, обозначеніе, которое встрѣтило со стороны русскихъ писателей болѣе насмѣшекъ, чѣмъ критики. Въ доказательство существованія обществъ, построенныхъ по такому типу орды, по нашему стада, Дюркгеймъ ссылается на общества американскихъ краснокожихъ, описанныя Морганомъ, и на организацію туземцевъ Новой Голландіи, насколько она извѣстна намъ изъ книги Файзона и Гаунта «о Камилярояхъ и Курнаяхъ». Общая черта этихъ гражданственностей та, что цѣлыя поколѣнія разсматриваются ими какъ братья и сестры, или отцы и матери. Кромѣ различія, порождаемаго возрастомъ, индивиды, входящіе въ подобныя сообщества, не знаютъ другихъ. Руководительство признается

за старѣйшинами или совѣтами старѣйшинъ, при чемъ опять таки рѣшающимъ обстоятельствомъ является возрастъ. Въ моихъ сочиненіяхъ «о Родѣ» и «Происхожденіи семьи» я указывалъ еще на одну особенность этихъ обществъ—на раздѣленіе ихъ по меньшей мѣрѣ на два класса, при чемъ скорѣе сожитіе, нежели бракъ, считается дозволеннымъ только между лицами, принадлежащими къ разнымъ классамъ. Каждый можетъ имѣть свои подраздѣленія, послѣдствіемъ чего является дробленіе общества на нѣсколько разъ повторенную парную группу. Все это, разумѣется, не имѣло последствіемъ дифференціаціи входящихъ въ ихъ составъ единицъ, такъ что о гражданственностяхъ подобнаго рода вполнѣ можно говорить, какъ о стадныхъ группахъ. Дюркгеймъ справедливо настаиваетъ на томъ, что замѣна свойственнаго этимъ группамъ материнства, т. е. счета родства по матери, отечествомъ, т. е. счетомъ его по отцу, еще не обращаетъ позднѣйшихъ клановыхъ или родовыхъ образованій въ общества, существенно отличныя отъ только что указанныхъ, такъ какъ и въ кланахъ отдѣльные индивиды составляютъ однородныя величины, надъ которыми возвышается только обособившаяся власть клановаго или родового старѣйшины (стр. 192). Преобладаніе въ этихъ группахъ извѣстныхъ религіозныхъ чувствъ и представленій, въ частности культа предковъ и домашняго очага, Дюркгеймъ считаетъ послѣдствіемъ, а не причиной, существующихъ у нихъ общественныхъ порядковъ. Тѣмъ самымъ онъ рѣзко расходится съ Фюстель де Куланжемъ и совершенно примыкаетъ къ той точкѣ зрѣнія, выразителями которой являются современные представители сравнительной этнологіи и исторіи права. Нашъ писатель также останавливается на развитіи той мысли, что появленіе первыхъ зачатковъ раздѣленія труда, которое онъ видитъ въ обособленіи правительственныхъ функцій, принимающихъ у нѣкоторыхъ народностей даже деспотическій характеръ, не измѣняетъ свойственной имъ солидарности. Она попрежнему остается механической, и это потому, что отношенія власти къ подданнымъ не основаны въ нихъ на принципѣ взаимности, предполагающемъ существованіе договорныхъ отношеній, а носятъ, по счастливому выраженію Тарда, односторонній характеръ (relation unilaterale). Я позволю себѣ не согласиться, однако, съ тѣмъ, чтобы въ этихъ обществахъ нельзя было встрѣтить нѣкоторыхъ зародышей раздѣленія труда, а поэтому и начинающагося процесса замѣны механической солидарности солидарностью органической. Вѣдь и у охотничьихъ племенъ женщины болѣе пріурочиваются къ домашнимъ занятіямъ, тогда какъ мужчины образуютъ партіи для улова звѣрей и производства непріятельскихъ набѣговъ. Въ об-

ществахъ пастушескихъ, какъ это и доселѣ практикуется у большинства кавказскихъ горцевъ, война и уходъ за стадами, а поэтому и частое оставленіе усадьбы для загоновъ, или кошей, такъ же свойственно мужчинамъ, какъ завѣдываніе внутренними интересами сакли женщинамъ. Отсюда такъ рѣзко бросающаяся въ глаза труженическая жизнь хозяйки дома и вообще женской половины аула и относительная праздность въ мирное и зимнее время мужчинъ. При начавшемся земледѣліи это обособленіе занятій выступаетъ еще съ большей рѣзкостью. Стоитъ вспомнить напримѣръ свидѣтельство Цезаря о Свевахъ, народѣ, жившемъ общими древнимъ германцамъ родовыми порядками, что не мѣшало ему, однако, по словамъ римскаго полководца, разбиваться ежегодно на двѣ партіи, изъ которыхъ одна отправлялась на войну, а другая завѣдывала интересами сельскаго хозяйства *).

Бо́льшая половина книги посвящается Дюркгеймомъ картинѣ общественныхъ порядковъ, устанавливающихся при господствѣ системы раздѣленія труда, или, что то же для автора, органической, а не механической солидарности. Это несомнѣнно лучшая половина сочиненія. Достоинства ея лежатъ не въ обиліи фактическихъ подробностей, даже не въ попыткѣ прослѣдить на исторіи отдѣльныхъ народовъ постепенный переходъ отъ механической солидарности къ солидарности органической, отъ структуръ, напоминающихъ собою колонію животныхъ, къ обществамъ съ строгой координаціей частей и функцій, а въ психологическомъ анализѣ тѣхъ чувствованій и тѣхъ желаній, удовлетвореніе которымъ даетъ построенная на раздѣленіи труда кооперація.

---

*) Отмѣчу еще одну ошибку въ той картинѣ родового быта, переходящаго въ бытъ государственный, какую Дюркгеймъ представилъ намъ въ VI гл. своего сочиненія (см. въ частности стр. 196, 197). Первобытный коммунизмъ, по его мнѣнію, переходитъ, вмѣстѣ съ развитіемъ власти племенного старѣйшины, въ исключительное право собственности послѣдняго на всю принадлежащую племени землю. Несомнѣнно, что такія представленія являются болѣе или менѣе ходячими въ деспотическихъ обществахъ востока, но чтобы они отвѣчали дѣйствительности, въ этомъ позволено сомнѣваться. Какъ объяснить въ противномъ случаѣ существованіе и въ магометанскихъ деспотіяхъ не только неотчуждаемыхъ церковныхъ и школьныхъ земель, вакуфовъ, но и переходящей изъ рукъ въ руки по договору частной недвижимой собственности, — мелькъ, вполнѣ отвѣчающей представленію русской отчины и германскаго аллода? И о московскомъ государствѣ ходили на западѣ такія же сказанія, какъ о Турціи, Персіи или Имперіи Великаго Могола. Такъ, по словамъ іезуита Антонія Поссевина, въ «Московіи» временъ Іоанна Грознаго вся земельная собственность принадлежала царю, что очевидно несовмѣстимо съ существованіемъ, рядомъ съ служилой землей или помѣстіемъ, земли наслѣдственной, или вотчины.

Я не буду останавливаться на біологическихъ параллеляхъ, которыми, опираясь на Перье, Дюркгеймъ доказываетъ общность закона перехода отъ механической къ органической солидарности, какъ для міра людей, такъ и для міра животныхъ, ни на попутной критикѣ авторомъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній Спенсеровой соціологіи.

Я ограничусь только разборомъ спорнаго на мой взглядъ мнѣнія, что раздѣленіе труда не ведетъ за собою, какъ думалъ Спенсеръ, установленія между людьми договорныхъ отношеній. Я вынесъ то впечатлѣніе, что для Дюркгейма не совсѣмъ ясно, что, рядомъ съ формальными, существуютъ и реальные договоры, не требующіе никакого предварительнаго письменнаго соглашенія и возникающіе путемъ непосредственнаго выполненія предмета уговора. И тѣ, и другіе одинаково входятъ въ понятіе контракта; о тѣхъ и другихъ можно говорить, какъ о знаменующихъ собою переходъ къ отношеніямъ двустороннимъ, взамѣнъ той односторонности, которая, какъ мы видѣли, служитъ характеристикой обществъ, построенныхъ на началѣ механической солидарности. Всѣ тѣ отношенія, которыя выступаютъ въ формѣ усыновленія, побратимства и вообще всякаго фиктивнаго родства, несомнѣнно входятъ въ категорію договорныхъ, и нѣтъ поэтому никакого основанія видѣть въ ихъ модификаціи, въ ихъ подчиненіи публичному контролю, доказательство тому, что, на ряду съ договорными отношеніями, благодаря раздѣленію труда, развиваются и другія,—положеніе, защищаемое Дюркгеймомъ противъ Спенсера (стр. 225 и слѣдующ.).

Я, съ другой стороны, совершенно отказываюсь понимать такія напримѣръ заявленія: «несомнѣнно, что начальный актъ всегда договорнаго характера, но онъ имѣетъ послѣдствія, выходящія за предѣлы контракта. Мы кооперируемъ, потому что желали этого, *но наша добровольная* кооперація создаетъ *для насъ обязательства, которыхъ мы не желали*» (стр. 234). Для юриста договоръ, создающій обязательства, котораго стороны не желали, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ договоромъ, заключеннымъ по ошибкѣ или благодаря обману, а такой договоръ очевидно не обязателенъ *).

И къ чему понадобилась Дюркгейму вся эта довольно сомнительная казуистика? Для проведенія того взгляда, что договоръ нуждается въ регламентаціи, и что послѣдняя имѣетъ соціальное про-

*) Возьмемъ примѣръ. Я продалъ имущество, скрывъ его родовой характеръ, что и позволило моимъ родственникамъ выкупить имѣніе къ невыгодѣ покупателя. Очевидно возмѣщеніе вреда и убытковъ, если они могутъ быть доказаны, должно пасть на меня продавца, такъ какъ договоръ имѣлъ послѣдствія, какихъ не желалъ и не предвидѣлъ покупатель.

исхожденіе. Но вѣдь это очевидно само по себѣ. Каждое принимаемое нами обязательство потому только имѣетъ силу, что въ обществахъ существуетъ власть, хотя бы нами самими поставленная, поддерживающая принципъ ненарушимости контрактовъ. Только анархисту представляется возможнымъ обойтись безъ посредства такой власти, такъ какъ каждый анархистъ по природѣ оптимистъ и вѣритъ въ нравственное совершенство предоставленной свободѣ человѣческой личности. Болѣе основательно другое замѣчаніе, направляемое Дюркгеймомъ противъ Спенсера. Спенсеръ въ своихъ «Основахъ эволюціонной морали» выражается такимъ образомъ, что даетъ поводъ думать, будто въ его глазахъ путемъ свободнаго договора трудящійся способенъ обезпечить себѣ «эквивалентъ затраченной имъ физической и нравственной энергіи». Дюркгеймъ, вслѣдъ за соціалистами, указываетъ на то, что рабочій часто не въ силахъ покинуть своего занятія, или, какъ онъ выражается, «осуществленія своей функціи», такъ какъ всякая другая ему недоступна вовсе или сразу. Все это совершенно вѣрно, но я далеко не убѣжденъ въ томъ, чтобы указываемое Дюркгеймомъ средство способно было парализовать только что отмѣченный недостатокъ. Дюркгеймъ толкуетъ о необходимости болѣе тѣсной регламентаціи контрактовъ, но такая регламентація испробована была уже въ средніе вѣка въ эпоху господства цехового хозяйства и, вопреки утвержденіямъ идеализаторовъ этихъ порядковъ, далеко не дала ожидаемыхъ результатовъ. Нашъ авторъ повидимому держится на этотъ счетъ другихъ взглядовъ. Онъ раздѣляетъ довольно распространенное мнѣніе, что до 15-го вѣка цехи являлись вполнѣ раціональной организаціей труда и обезпечивали рабочимъ возможность полученія всего эквивалента ихъ затратъ (см. стр. 239). Я не могу присоединиться къ такой теоріи, хотя бы уже потому, что соціальное законодательство середины 14 вѣка вполнѣ опредѣленно и можно сказать повсемѣстно высказало тенденцію къ пониженію заработковъ противъ того уровня, котораго они достигли, благодаря выгодному для рабочихъ измѣненію прежняго отношенія спроса къ предложенію. Это измѣненіе въ свою очередь обусловлено было большою смертностью—послѣдствіемъ моровой язвы, извѣстной подъ названіемъ «черной смерти». Безъ вмѣшательства регулирующей контрактъ власти сельскіе и городскіе рабочіе, какъ я старался показать это въ другомъ мѣстѣ, въ состояніи были бы получить заработки на треть, а кое гдѣ даже на половину выше противъ прежнихъ. Да и есть ли возможность предаваться иллюзіи, что власть, выражающая собою интересы владѣтельныхъ классовъ, а таковой она только и могла быть въ средневѣковомъ обществѣ, возьметъ

на себя заботу о повышеніи заработковъ и даже о сохраненіи ихъ на ихъ нормальномъ уровнѣ, опредѣляемомъ отношеніемъ спроса къ предложенію. При выборѣ между свободой контрактовъ и регламентаціей ихъ на началахъ государственнаго соціализма, я еще затрудняюсь сказать, какое изъ двухъ золъ больше. И вотъ почему, не соглашаясь съ Спенсеромъ, я не могу въ то-же время стать и на сторону его критиковъ. Во всемъ этомъ впрочемъ мысль разбираемаго нами автора кажется мнѣ не вполнѣ установившейся. Такія замѣчанія, какъ напримѣръ то, что революція напрасно отмѣнила цехи, а не озаботилась ихъ трансформаціей, въ связи съ нападками на Спенсера за ограниченіе имъ функцій правительства одними заботами о правосудіи и безопасности, наводятъ на мысль о томъ, что авторъ не прочь былъ бы ввѣрить государству заботу о народномъ благосостояніи и общественной справедливости. Но какъ примирить это съ слѣдующимъ афоризмомъ: функціи экономическія, какъ и вообще всѣ спеціальныя функціи, лежатъ внѣ сферы притяженія государства *). Не значитъ ли это одновременно и утверждать и отрицать, и спорить съ Спенсеромъ и соглашаться съ нимъ? Я не могу сказать, чтобы то, что авторъ въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ говоритъ о средствахъ избѣжать вреда, какой можетъ причинить излишнее раздѣленіе труда, также много выясняло его отношеніе къ соціальному вопросу. Едва ли кто повѣритъ ему на слово, что анормальнымъ это раздѣленіе труда является только въ исключительныхъ условіяхъ, а именно тогда, когда вызывается принужденіемъ (стр. 421 и 417). Рабочіе, выдѣлывающіе въ теченіе всей своей жизни головки булавокъ, не сгоняются же на фабрику нагайками; они имѣютъ свободный выборъ между занятіями, насколько о свободномъ выборѣ можно говорить въ примѣненіи къ пролетарію. А между тѣмъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что такая односторонность занятій дѣйствуетъ на ихъ способности притупляющимъ образомъ. Можетъ быть рабочій, выдѣлывающій всю жизнь булавки, и будетъ сознавать, что онъ чему нибудь полезенъ, но трудно согласиться съ Дюркгеймомъ, что этого сознанія вполнѣ достаточно для парализаціи тѣхъ гибельныхъ физическихъ и психическихъ послѣдствій, какія имѣетъ односторонность и узкость осуществляемой имъ функціи (стр. 417). Съ этими оговорками я готовъ согласиться, что критика Дюркгеймомъ извѣст-

---

*) Toutefois, nous ne voulons pas dire, que normalement l'état absorbe en lui tous les organes régulateurs de la sociétè, quel qu' ils soient, mais seulement ceux qui sont de même nature que les siens, c-est-à-dire qui président à la vie générale. Quant à ceux qui régissent des fonctions spéciales, comme les fonctions économiques, ils sont en dehors de sa sphére d'attraction (244).

ной брошюры Спенсера: «Индивидъ противъ государства» заслуживаетъ вниманія. Авторъ весьма удачно замѣчаетъ, что идеалъ государства, не имѣющаго другихъ задачъ, кромѣ правосудія и военной обороны, весьма близокъ къ той дѣйствительности, какую представляло государство въ эпоху своего сложенія, т. е. относительнаго могущества родовыхъ порядковъ. А этого одного уже достаточно, чтобы не видѣть въ немъ конечной цѣли всѣхъ современныхъ стремленій человѣчества (см. стр. 242).

Въ главахъ, посвященныхъ разсмотрѣнію причинъ и условій, въ какихъ развивается раздѣленіе труда, Дюркгеймъ дѣлаетъ попытку опровергнуть то мнѣніе, будто стремленіе къ личному счастію обусловливаетъ собою поступательный ходъ указаннаго явленія. Онъ справедливо замѣчаетъ, ссылаясь на Спенсера и Вундта, что какъ недостатокъ, такъ и всякое излишество функціональной дѣятельности имѣетъ болѣзненныя послѣдствія, а если такъ, то и чрезмѣрность въ раздѣленіи труда отнюдь не ведетъ къ счастью. Эти соображенія постепенно приводятъ его къ тому заключенію, что счастье связано съ правильнымъ отправленіемъ всѣхъ нашихъ органическихъ и психическихъ способностей. Оно выражаетъ собою не временное настроеніе (что можно, напримѣръ, сказать объ удовольствіи), а состояніе продолжительное, состояніе, которое можно назвать здоровымъ, одновременно физически и нравственно. Сказать, что счастье возросло съ раздѣленіемъ труда, значило бы идти наперекоръ всему тому, что намъ извѣстно изъ быта дикарей, которые живутъ довольные собою и судьбой, въ то время, какъ человѣкъ высшей культуры весьма часто находитъ жизнь тягостной. Если рѣдкость самоубійствъ говоритъ о томъ, что большинство людей готово мириться съ существованіемъ, то возрастающій процентъ случаевъ насильственнаго лишенія себя жизни наводитъ на мысль, что такое отношеніе измѣняется. Но самоубійство мы встрѣчаемъ только въ обществахъ цивилизованныхъ; оно крайне рѣдко у народовъ низкой культуры и если встрѣчается въ нихъ, то съ характеромъ самопожертвованія. Дюркгеймъ вспоминаетъ про стариковъ, которые у древнихъ датчанъ, кельтовъ и ѳракійцевъ, кладя конецъ жизни, тѣмъ самымъ избавляли дѣтей и потомковъ отъ непроизводительныхъ затратъ на свое содержаніе. Только нравственными и религіозными предписаніями можно объяснить, почему индусская вдова не желаетъ пережить своего мужа, а древній галлъ—главу своего клана, почему буддистъ бросается подъ колесницу провозимаго по улицамъ идола. Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ убиваетъ себя не потому, что считаетъ жизнь нежелательной, а потому, что его идеалъ требуетъ такого самопожертвованія. Совершенно иной характеръ

носитъ самоубійство въ современныхъ обществахъ, въ границахъ между 47° и 57° сѣверной широты, 20° и 40° восточной долготы. Въ этой области, которую итальянецъ Морселли считаетъ специфической ареной для самоубійствъ, лежатъ страны съ наиболѣе интензивной артистической, научной и экономической дѣятельностью. Да и внутри отдѣльныхъ государствъ самоубійство особенно распространено въ центрахъ культуры, — болѣе въ городахъ, чѣмъ въ селахъ. За послѣднія сто лѣтъ во всей Европѣ, за исключеніемъ Норвегіи, какъ установлено тѣмъ же Морселли, число самоубійствъ растетъ безостановочно. Съ 21-го по 80-ый годъ истекшаго столѣтія оно, по изслѣдованіямъ Эттингена, утроилось. Повсюду либеральныя профессіи поставляютъ наибольшій контингентъ самоубійцъ. Все это очевидно не можетъ служить доказательствомъ тому, что человѣческое счастье растетъ вмѣстѣ съ прогрессомъ и въ частности съ раздѣленіемъ труда. А отсюда тотъ дальнѣйшій выводъ, что при объясненіи тѣхъ трансформацій, какимъ подверглись общества въ процессѣ ихъ развитія, безцѣльно искать отвѣта на вопросъ, въ какой мѣрѣ эти трансформаціи вліяютъ на людское счастье, такъ какъ не этимъ обусловливается ихъ ходъ.

Не въ личныхъ, а въ общественныхъ условіяхъ, справедливо думаетъ Дюркгеймъ, лежитъ ключъ къ пониманію причинъ, по которымъ раздѣленіе труда прогрессируетъ все болѣе и болѣе. Его успѣхи идутъ рука объ руку съ исчезновеніемъ общественной структуры, построенной на началѣ механической солидарности, а это совпаденіе наводитъ на мысль о причинной связи между обоими явленіями. Исчезновеніе общественныхъ структуръ, построенныхъ на механической солидарности, потому ведетъ къ раздѣленію труда, что послѣдствіемъ его является болѣе интимное сближеніе дотолѣ разрозненныхъ индивидовъ.

Для Дюркгейма не осталось тайной, что обстоятельство, всего болѣе содѣйствовавшее ускоренію процесса раздѣленія труда, было размноженіе населенія и увеличеніе его густоты. «Раздѣленіе труда прогрессируетъ, говоритъ онъ, по мѣрѣ того, какъ большее число индивидовъ вступаютъ въ сношенія другъ съ другомъ и пріобрѣтаютъ тѣмъ самымъ возможность дѣйствовать и воздѣйствовать другъ на друга». Разъ мы условимся съ авторомъ называть «динамической или нравственной густотой» (?) это сближеніе и вытекающій изъ него активный обмѣнъ, мы въ правѣ будемъ сказать, что раздѣленіе труда, въ его поступательномъ ходѣ, стоитъ въ прямомъ отношеніи къ нравственной или динамической густотѣ общества. Но сближеніе можетъ вызвать указанныя послѣдствія только тогда, когда разстояніе между индивидами сокра-

тится тѣмъ или другимъ порядкомъ. Нравственная густота не можетъ поэтому возрастать иначе, какъ рядомъ и одновременно съ густотой физической: послѣдняя можетъ служить мѣриломъ для первой. Въ то же время Дюркгеймъ думаетъ, что безполезно задаваться вопросомъ, какая изъ двухъ является причиной, а какая слѣдствіемъ. Достаточно сказать, что онѣ неразлучны. Дюркгеймъ доказываетъ справедливость своего общаго положенія о вліяніи фактора населенія на раздѣленіе труда двоякаго рода данными. Во-первыхъ, ссылкой на извѣстный фактъ, что, тогда какъ первобытныя общества живутъ разсѣянно, въ обществахъ цивилизованныхъ происходитъ концентрація населенія, а во-вторыхъ, ссылкой на то, что города съ ихъ болѣе интензивной культурой и болѣе интензивнымъ раздѣленіемъ труда получаютъ бо̀льшую часть своего возрастающаго населенія изъ селъ. Но если, говоритъ онъ, общество, сгущаясь, тѣмъ самымъ вызываетъ раздѣленіе труда, то въ свою очередь это раздѣленіе увеличиваетъ сплоченіе общества. Это не значитъ всетаки, чтобы раздѣленіе труда было для Дюркгейма первичнымъ факторомъ. Онъ, напротивъ того, считаетъ его факторомъ производнымъ и тѣмъ самымъ косвенно даетъ признаніе той точкѣ зрѣнія, на которую становятся нѣкоторые современные социологи, въ томъ числѣ Костъ; они впрочемъ въ этомъ отношеніи только примыкаютъ, утрируя его, къ ученію, высказанному еще Контомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Курсѣ положительной философіи, т. IV, стр. 55, мы читаемъ: «однимъ изъ менѣе извѣстныхъ и болѣе существенныхъ послѣдствій сплоченія населенія надо признать то, что оно прямо содѣйствуетъ болѣе быстрому ходу общественной эволюціи». Очевидно Дюркгеймъ высказываетъ, только въ другихъ словахъ, ту же мысль, когда говоритъ: «степень раздѣленія труда стоитъ въ прямомъ отношеніи къ массѣ и густотѣ отдѣльныхъ обществъ. Если оно прогрессируетъ безостановочно, то потому, что общества, въ которыхъ происходитъ это явленіе, становятся болѣе густыми и, какъ общее правило, болѣе численными». Причина, по которой раздѣленіе труда въ болѣе численныхъ обществахъ развивается съ бо̀льшей быстротою, по мнѣнію Дюркгейма, лежитъ въ томъ, что борьба за существованіе въ нихъ болѣе интензивна. Преслѣдуя одинаковыя цѣли въ виду удовлетворенія одинаковыхъ потребностей, люди постоянно вступаютъ въ соперничество между собой. Пока у нихъ имѣется больше средствъ, чѣмъ нужно для ихъ существованія, они еще могутъ жить другъ возлѣ друга. Въ противномъ же случаѣ между ними загорается война тѣмъ болѣе жестокая, чѣмъ больше чувствуемая ими нужда. Иное дѣло, если индивиды, живущіе совмѣстно, принадлежатъ къ раз-

нымъ родамъ и видамъ. Питаясь различно и ведя не одинаковый образъ жизни, они не стѣсняютъ другъ друга. Отсюда, какъ справедливо указываетъ Дарвинъ, въ любой области, открытой для иммиграціи, а слѣдовательно для борьбы особи съ особью, всегда можно отмѣтить присутствіе большого числа видовъ. Люди, говоритъ Дюркгеймъ, подчиняются тому же закону. Въ одномъ и томъ же городѣ разныя профессіи могутъ существовать рядомъ, не причиняя вреда другъ другу, и это потому, что ими преслѣдуются разныя цѣли. Чѣмъ ближе ихъ функціи сходятся между собой, чѣмъ болѣе между ними общаго, тѣмъ вѣроятнѣе становятся столкновеніе и соперничество профессій между собою. Понятно, что при такихъ условіяхъ ростъ населенія, сопровождающійся большею его густотою, необходимо вызываетъ собою прогрессъ въ раздѣленіи труда. Развитіе производства въ каждой области неизбѣжно ограничено, во-первыхъ, потребностями, или, какъ говорятъ, рынкомъ, а во-вторыхъ, тѣми средствами, какими располагаетъ самое производство. Понятно, что при расширеніи его сферы, благодаря положимъ проведенію новаго пути, рынокъ растетъ, и оказывается больше требующихъ удовлетворенія потребностей. Какое получится отъ этого послѣдствіе? Существующимъ уже производствамъ предстоитъ трансформироваться въ смыслѣ бо́льшей спеціализаціи. Каждый шагъ въ этомъ направленіи имѣетъ своимъ послѣдствіемъ увеличеніе и усовершенствованіе производства. Не воспослѣдуй такой спеціализаціи, слабѣйшимъ производствамъ пришлось бы сойти со сцены, уступая мѣсто конкуррирующимъ съ ними. Интензивность борьбы или конкурренціи въ свою очередь предполагаетъ большую потерю силъ, что въ свою очередь вызываетъ и больше затратъ на ихъ возстановленіе, отсюда слѣдуетъ необходимость бо́льшей и лучшей пищи. Съ другой стороны, вызываемая конкурренціей трата силъ отражается всего болѣе въ области центральной нервной системы, такъ какъ приходится направить всѣ усилія къ пріисканію средствъ для поддержанія борьбы, путемъ созданія или привитія новыхъ спеціальностей. Умственная жизнь развивается по мѣрѣ того, какъ конкурренція становится болѣе рѣзкой и въ пропорціональномъ къ ней отношеніи. Дюркгеймъ противуполагаетъ свою точку зрѣнія той, какой придерживаются экономисты, говоря: «для нихъ все значеніе, какое имѣетъ раздѣленіе труда, сводится къ бо́льшему производству. Для насъ же это бо́льшее производство не болѣе, какъ необходимое послѣдствіе этого феномена. Если мы спеціализируемся, то не для того, чтобы производить больше, а чтобы имѣть возможность жить въ новыхъ условіяхъ (вызванныхъ все бо́льшимъ и бо́льшимъ развитіемъ конкурренціи)».

Ошибочно было бы думать, что общественная жизнь возникаетъ благодаря раздѣленію труда. Она несомнѣнно существовала раньше его, въ противномъ случаѣ трудно было бы объяснить, почему, столкнувшись между собой въ своихъ интересахъ, конкурренты не разбѣжались бы въ разныя стороны, такъ какъ свободныхъ пространствъ было на первыхъ порахъ не мало. Необходимо поэтому предположить, что отношенія вражды успѣли уже смѣниться отношеніями сожитія въ моментъ, когда раздѣленіе труда начало развиваться; и факторы, содѣйствовавшіе этому явленію, были, по словамъ автора, вѣрованія и чувствованія, общія всѣмъ лицамъ одного и того же общественнаго союза. Не раздѣленіе труда, а единство крови, привязанность къ извѣстной территоріи, культъ предковъ, одинаковость привычекъ создали общество, т. е., какъ говоритъ Дюркгеймъ, объединили индивидовъ, состоящихъ въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою (стр. 306). Всѣ эти соображенія клонятся къ доказательству той мысли, что ассоціація и кооперація — два различныхъ явленія. Ассоціаціей создается общество, коопераціей оно трансформируется. Эта элементарная истина игнорируется тѣми, кто, подобно Спенсеру, говоритъ Дюркгеймъ, допускаетъ самопроизвольное зарожденіе общества, — благодаря простому соединенію индивидовъ. Въ противность имъ, Дюркгеймъ думаетъ, что люди никогда не отказались бы отъ личной независимости ради созданія общества; не коллективная жизнь развилась изъ индивидуальной, а наоборотъ послѣдняя изъ первой. Очевидно, что разъ мы станемъ на ту точку зрѣнія, на которую наводитъ насъ этнологія, намъ не мудрено будетъ согласиться съ этимъ положеніемъ. Стадныя группы людей и развивающіеся въ ихъ средѣ роды и нераздѣльныя семьи предшествуютъ всякому индивидуализму. Но чѣмъ, спрашивается, вызваны были сами эти стадныя соединенія? Дюркгеймъ этого не говоритъ. Для насъ же источникомъ ихъ происхожденія было желаніе предотвратить общими усиліями общую опасность и обезпечить себѣ тѣми же средствами продолженіе самаго существованія и сохраненіе породы. Но если такъ, то мы снова приходимъ къ заключенію, что въ корнѣ всякаго общежитія лежитъ молчаливое согласіе отдѣльныхъ индивидовъ. И намъ приходится въ концѣ концовъ присоединиться къ тому возраженію, которое дѣлаетъ противъ Дюркгейма Тардъ, говоря, что разъ вы устраните индивидуальное, не останется налицо и соціальнаго. (l'individu écarté, le social n'est rien, стр. 75).

На ряду съ главнымъ факторомъ раздѣленія труда, возрастающей густотой населенія, Дюркгеймъ указываетъ и на второстепенные. Съ упадкомъ общественнаго сознанія, поддерживавшаго единство

въ обществѣ, не знающемъ другой солидарности, кромѣ механической, раздѣленіе труда становится источникомъ новой солидарности. Поэтому есть основаніе задаться вопросомъ—не стоитъ ли первое явленіе въ причинной связи со вторымъ? Можно, говоритъ Дюркгеймъ, привести немало примѣровъ тому, какъ порядки, свойственные обществамъ, не знающимъ индивидуализаціи, мѣшаютъ зарожденію факта раздѣленія труда. Стоитъ вспомнить, что гдѣ собственность недвижимая неотчуждаема и недѣлима, а такое явленіе встрѣчается всюду, гдѣ господствуетъ родовая или дворовая собственность, всѣ члены одного очага предаются одинаковымъ занятіямъ. Отсюда тотъ выводъ, что только при упадкѣ того сильнаго общественнаго сознанія, какое сдерживало воедино эти не знающія индивидуализаціи общества, складываются условія, благопріятныя раздѣленію труда.

Слѣдя за постепеннымъ вымираніемъ этого общаго сознанія и параллельной ему дифференціацией занятій, Дюркгеймъ указываетъ на замѣну въ области вѣрованій фетишизма (обозначаемаго имъ терминомъ «натуризма)», т. е. признанія предметовъ природы божествами, сперва вѣрою въ духовъ, живущихъ въ этихъ предметахъ, т. е. такъ называемымъ анимизмомъ, а затѣмъ вѣрою въ боговъ, обособившихъ свою жизнь отъ жизни людской; эта послѣдняя черта выступаетъ въ политеизмѣ, такъ въ греческомъ представленіи о жизни боговъ на Олимпѣ и объ ихъ только случайномъ вмѣшательствѣ въ человѣческія дѣла.

Наконецъ съ христіанствомъ царство Божіе объявляется стоящимъ внѣ міра и отдѣленіе природы и божественнаго проведено съ такой полнотою, что между обоими возникаетъ даже антагонизмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о божествѣ становится болѣе общимъ и абстрактнымъ. Но рука объ руку съ этими измѣненіями въ области вѣрованій, правовыя и нравственныя нормы также принимаютъ большую универсальность. Это выступаетъ въ частности въ упадкѣ такъ называемаго формализма. Тогда какъ въ первобытныхъ обществахъ въ малѣйшихъ деталяхъ нормируется даже внѣшній образъ поведенія, въ новѣйшихъ эта регламентація производится лишь въ самыхъ общихъ чертахъ; предписываютъ, что должно быть сдѣлано, а не какъ. Нерѣдко утверждаютъ, что съ цивилизаціей проникаетъ въ общество больше раціонализма, больше логики, но это справедливо лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ раціональное является вмѣстѣ съ тѣмъ и универсальнымъ, а эта универсальность, какъ мы видѣли, имѣетъ свои корни въ паденіи того сильнаго общественнаго сознанія, которое необходимо присуще обществамъ, не знающимъ индивиду-

ализаціи. Но чѣмъ болѣе универсальнымъ является общественное сознаніе, тѣмъ бо̀льшій просторъ оно оставляетъ для варіаціи, а это значитъ, что создается условіе, благопріятное раздѣленію труда.

На ряду съ этой второстепенной причиной, содѣйствующей его развитію, надо поставить упадокъ традиціи, что опять связано съ ослабленіемъ общественнаго сознанія. Вѣдь сила всѣхъ только что разсмотрѣнныхъ нами проявленій коллективнаго сознанія, будутъ ли ими вѣрованія, или нормы права и морали, лежитъ въ ихъ наслѣдственности, въ передачѣ ихъ отъ вымершихъ поколѣній къ живущимъ. Господствомъ традиціи объясняется наличность въ общественной структурѣ обширныхъ, компактныхъ массъ, представляемыхъ отдѣльными недробящимися семьями. Но съ упадкомъ такихъ порядковъ прекращается и обязательная жизнь сообща. Члены, входившіе въ составъ семейныхъ конгломератовъ, пріобрѣтаютъ несвойственную имъ дотолѣ подвижность. Является возможность искусственнаго скучиванія населенія въ извѣстныхъ центрахъ. Благодаря такой внутренней эмиграціи, города начинаютъ расти. Но подвижности населенія вполнѣ достаточно, чтобы вызвать упадокъ традиціи. Вѣдь молодыя поколѣнія освобождаются отъ воздѣйствія стариковъ, этихъ живыхъ выразителей традиціи, и переносятся въ новую для нихъ среду. Въ этой же средѣ, если судить о ней потому, что представляютъ собой города, все является подвижнымъ, и достоянія прошлаго, наслѣдія предковъ, какъ таковыя, пользуются слабымъ признаніемъ. Умы всѣхъ скорѣе направлены на будущее. А при такихъ условіяхъ опять-таки создаются порядки, благопріятные спеціализаціи и раздѣленію труда.

Къ тому же исходу ведетъ меньшій контроль общества за индивидомъ, по мѣрѣ упадка коллективнаго сознанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить жизнь въ городѣ и селѣ. Въ послѣднемъ всякое нарушеніе установившихся обычаевъ считается скандаломъ, о чемъ, разумѣется, нѣтъ и помину въ городахъ, по крайней мѣрѣ большихъ и густо населенныхъ. Въ нихъ не является даже физической возможности постояннаго контроля людей другъ за другомъ, такъ какъ личныя отношенія рѣдки, и люди легко теряютъ одинъ другого изъ виду. Развивая этотъ взглядъ, Дюркгеймъ впадаетъ въ нѣкоторыя преувеличенія. Такъ мы находимъ у него слѣдующую фразу: «Когда люди привыкаютъ относиться снисходительно къ свободнымъ союзамъ половъ, прелюбодѣяніе теряетъ характеръ скандала» (ст. 334). Мнѣ кажется справедливѣе было бы обратное утвержденіе: разъ является возможность свободныхъ союзовъ — прелюбодѣяніе лишается своей романтической окраски и становится довольно выгоднымъ, а потому и презрѣннымъ

актомъ. Резюмируя все сказанное имъ прежде, нашъ авторъ справедливо утверждаетъ, что въ обществахъ, не знающихъ индивидуализаціи, чисто механическія причины приводятъ къ поглощенію индивида коллективностью; такія же механическія причины ведутъ къ его постепенной эмансипаціи (стр. 335).

Я не знаю, въ какой степени терминъ механическій примѣнимъ къ такимъ явленіямъ, какъ бо́льшая генерализація религіозныхъ идей, юридическихъ и нравственныхъ нормъ, упадокъ традицій и т. д., но, какъ бы то-ни было, справедливо то, что вызванная ими эмансипація личности дѣлаетъ возможнымъ прогрессъ въ раздѣленіи труда. Дюркгеймъ настаиваетъ на томъ, что эта эмансипація вызывается не соображеніями о ея пользѣ, а самою необходимостью. (Mais ce n'est pas parce qu'elle est utile qu'elle se produit. Elle est parce qu'elle ne peut pas ne pas être, стр. 335).

Толкуя о различныхъ причинахъ, вызвавшихъ къ жизни раздѣленіе труда, Дюркгеймъ не принимаетъ въ разсчетъ постепеннаго упадка той наслѣдственности занятій, которая въ обществѣ, не знающемъ индивидуализаціи, предписывается закономъ или обычаемъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что въ кастахъ и сословіяхъ лежали важнѣйшія препятствія къ дальнѣйшему обособленію общественныхъ функцій. Нашъ писатель, разумѣется, не отрицаетъ этого факта, но, на перекоръ Гумпловичу, онъ можетъ быть черезчуръ настаиваетъ на томъ, что въ основѣ кастовыхъ и сословныхъ порядковъ лежало дѣйствіе закона наслѣдственности способностей. Выражаясь его языкомъ, «кастовое устройство не могло бы ни сдѣлаться всеобщимъ, ни продержаться долго, если бы его послѣдствіемъ не было поставить каждаго на свое мѣсто». Непроницаемость общественныхъ кадровъ только выражаетъ собой неизмѣнное распредѣленіе между ними человѣческихъ способностей, а это въ свою очередь можетъ быть приписано только дѣйствію закона наслѣдственности. Дюркгеймъ видитъ доказательство сказанному между прочимъ въ томъ, что наслѣдственность профессій нерѣдко была общимъ правиломъ и тамъ, гдѣ законъ не настаивалъ на ней. Но изъ приводимыхъ имъ примѣровъ видно, что въ этомъ случаѣ обыкновенно сказывалось вліяніе національности, если не расы. Такъ у многихъ африканскихъ племенъ кузнецы обыкновенно принадлежатъ къ породѣ, отличной отъ прочаго населенія. То же, прибавляетъ Дюркгеймъ, было и у евреевъ во времена Саула. Въ Абиссиніи всѣ ремесленники—иностранцы: каменьщикъ—еврей, кожевникъ и прядильщикъ—магометане, оружейникъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ—греки и копты. Въ восточной половинѣ Германіи рыболовами въ теченіе вѣковъ были славяне. Все это, какъ и расовыя различія,

замѣчаемыя между отдѣльными кастами Индіи, едва ли говоритъ въ пользу того, что наслѣдственность занятій была послѣдствіемъ наслѣдственности способностей, а не вызвана была внѣшними или искусственными причинами. Несравненно убѣдительнѣе то положеніе, что наслѣдственность занятій поддерживала неизмѣнность въ организаціи труда, а слѣдовательно была препятствіемъ къ его раздѣленію. Но въ силу какихъ причинъ исчезаетъ эта наслѣдственность функцій? Дюркгеймъ говоритъ, ссылаясь на Катрефажа, что, въ отличіе отъ другихъ породъ животнаго царства, люди не показываютъ примѣра зарожденія новыхъ видовъ, которыми были бы новыя расы; а изъ этого слѣдуетъ, что культура по мѣрѣ своего прогрессивнаго развитія становится все болѣе и болѣе враждебной наслѣдственной передачѣ своихъ послѣдовательныхъ приращеній. Авторъ считаетъ возможнымъ объяснить этотъ фактъ психологическими соображеніями слѣдующаго характера. Надо признать, говоритъ онъ, установившеюся истиной, что чѣмъ проще психическія явленія, тѣмъ болѣе они имѣютъ возможность сдѣлаться постоянными. Сложность ихъ не предполагаетъ частаго повторенія, а наоборотъ — возможность разложенія ихъ на составныя части. Но чѣмъ сложнѣе состояніе нашего сознанія, чѣмъ болѣе оно является личнымъ, тѣмъ рѣзче носитъ оно на себѣ отпечатокъ тѣхъ спеціальныхъ условій, въ которыхъ проходитъ наша жизнь, а также вліяній пола и темперамента. Въ основныхъ чертахъ нашего существа мы гораздо болѣе походимъ другъ на друга, нежели въ томъ, что можетъ считаться нашими выдающимися особенностями. Эти послѣднія мы всего менѣе и передаемъ потомкамъ. Рядомъ выписокъ изъ Гальтона и Кандоля Дюркгеймъ старается обосновать тотъ фактъ, что выдающіеся ученые и артисты, какъ общее правило, не передавали своихъ счастливыхъ дарованій наслѣдникамъ. Нельзя сказать, чтобы наслѣдственность въ этомъ отношеніи не играла никакой роли; но этимъ путемъ переходятъ только общія способности, а не спеціальное призваніе къ той или другой наукѣ или искусству. Ребенокъ получаетъ отъ выдающихся родителей извѣстную степень внимательности, настойчивость, способность къ здравому сужденію, силу воображенія и т. д. Но каждая изъ этихъ способностей можетъ пригодиться ему при занятіи цѣлаго ряда профессій. Разсматриваемый нами писатель принужденъ, однако, признать, что нѣкоторыя свойства, напримѣръ способности къ математикѣ и музыкѣ, являются прирожденными, перешедшими отъ родителей. Эта видимая анормальность, говоритъ онъ, не поразитъ тѣхъ, кто приметъ во вниманіе, что обѣ способности развились очень рано въ человѣчествѣ. Музыка—первое по времени искусство, а

математика—первая наука. Вотъ почему способность къ музыкѣ или математикѣ должна быть болѣе общей и менѣе сложной, а этимъ обусловливается возможность ея передачи по наслѣдству. То же, утверждаетъ Дюркгеймъ, можно сказать и о преступности. По вѣрному замѣчанію Тарда, различные виды преступленій и проступковъ являются своего рода профессіями. Нѣкоторые писатели, въ томъ числѣ Ломброзо, не прочь допустить даже особый типъ преступника—типъ, передаваемый по наслѣдству, но въ новѣйшее время доказано, что свойственныя этому типу черты встрѣчаются вообще у лицъ вырождающихся, у дегенератовъ и неврастениковъ. Но неврастенія не всегда ведетъ къ преступленію; имѣется поэтому основаніе думать, что преступность есть болѣе продуктъ соціальныхъ причинъ, нежели антропологическихъ. Вся эта аргументація касательно невозможности наслѣдственной передачи психическихъ особенностей, разумѣется, вызвана прежде всего теоріей Вейсмана, которую Дюркгеймъ принимаетъ цѣликомъ, не справляясь съ тѣми возраженіями, которыя были сдѣланы противъ нея Романесомъ и вообще вѣрными послѣдователями Дарвина. Ссылка на Вейсмана встрѣчается у Дюркгейма, впрочемъ, только въ примѣчаніи и даже съ прибавкой, гласящей: «нельзя считать доказаннымъ, что индивидуальныя особенности совершенно не подлежатъ наслѣдственной передачѣ. Если что установлено Вейсманомъ, то это то, что нормально передаваемый типъ — не типъ индивидуальный, а типъ генерическій». Такимъ образомъ Дюркгеймъ самъ говоритъ, что въ признаніи этого положенія онъ слѣдуетъ за Вейсманомъ. Но его оригинальность снова выступаетъ въ дальнѣйшихъ выводахъ, дѣлаемыхъ изъ этой общей ему съ Вейсманомъ посылки. Если, говоритъ онъ, способности тѣмъ менѣе передаваемы, чѣмъ болѣе онѣ индивидуальны, то отсюда вытекаетъ, что наслѣдственность играетъ тѣмъ большую роль въ организаціи труда, чѣмъ менѣе этотъ трудъ является раздѣленнымъ. На низшихъ ступеняхъ гражданственности, на которыхъ не обособившіяся еще общественныя функціи не требуютъ для своего осуществленія другихъ способностей, кромѣ общихъ, наслѣдственность сказывается поэтому гораздо сильнѣе. Этимъ объясняется, почему и наслѣдственность занятій сдѣлалась возможной въ обществахъ болѣе или менѣе первобытныхъ. Разумѣется, не эти чисто психологическія причины вызвали созданіе кастъ, но если касты удержались, то только потому, что эта система оказалась совершенно согласною и съ индивидуальными вкусами, и съ общими интересами. Въ обществахъ, густо населенныхъ и допускающихъ широкое раздѣленіе труда, такая наслѣдственность занятій не можетъ уже потому держаться, что при

передачѣ отъ отца къ дѣтямъ одинаково полезныхъ, но разнообразныхъ профессій нѣтъ основанія, чтобы дѣти слѣдовали непремѣнно профессіи отца. Храбрость, напримѣръ, одинаково нужна и инженеру, и медику, и солдату, и горному рабочему и т. д.

Заимствовавъ у Вейсмана свое главное положеніе, Дюркгеймъ удачно пользуется для развитія своихъ мыслей и недавними изслѣдованіями Гальтона (Natural inheritance, 1889 г.). Этотъ писатель старался доказать, что постоянно и вполнѣ передаваемыми по наслѣдству являются исключительно тѣ индивидуальныя особенности, которыя въ соціальной средѣ представляютъ собой средній типъ. Такъ сынъ родителей необыкновенно высокаго роста не унаслѣдуетъ ихъ размѣровъ, точно такъ же, какъ и сынъ родителей необыкновенно низкаго роста. Гальтонъ доказываетъ даже, что уклоненіе отъ роста, представляющаго собою средній для обоихъ родителей, равнозначительно одной трети роста отца. Дюркгеймъ не принимаетъ цѣликомъ этого положенія; онъ даже нѣсколько измѣняетъ его, говоря объ унаслѣдованіи средняго типа восходящихъ поколѣній; такимъ образомъ въ его формулѣ значится, что особенно подлежатъ передачѣ тѣ черты характера, которыя продставляютъ среднюю величину между средними типами слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Очевидно, что это положеніе нуждалось бы въ индуктивной провѣркѣ, но послѣдняя отсутствуетъ въ разбираемомъ нами сочиненіи.

Весьма интересную главу разбираемаго нами сочиненія представляетъ та, въ которой, полемизируя съ Контомъ и Спенсеромъ, Дюркгеймъ доказываетъ, что по мѣрѣ того, какъ общества и ихъ функціи становятся болѣе сложными, наслѣдственная спеціализація встрѣчается все рѣже и рѣже. Если у Фиджійцевъ или у жителей Таити старшины отличаются бо́льшимъ ростомъ, бо́льшей физической силой, чѣмъ прочіе жители, то въ обществахъ съ широкимъ раздѣленіемъ труда нельзя отмѣтить такихъ физическихъ особенностей между классами. Говоря это, нашъ авторъ, повидимому, не принимаетъ въ разсчетъ, что извѣстные виды труда, при отсутствіи всякихъ предохранительныхъ мѣръ, парализующихъ ихъ вредное вліяніе, могутъ вести къ физическому вырожденію, а слѣдовательно и къ созданію особаго типа лицъ, имъ предающихся. Вмѣсто этого онъ пускается въ соображенія слѣдующаго порядка. Потеря профессіональнаго костюма кажется ему доказательствомъ въ пользу его мысли. Онъ строитъ ничѣмъ, впрочемъ, не подтверждаемую гипотезу, что костюмъ не имѣлъ своимъ исключительнымъ назначеніемъ создавать внѣшнія отличія между классами, но соотвѣтствовалъ и физическимъ различіямъ между ними. Оче-

видно, ни одинъ фактъ не можетъ быть приведенъ въ доказательство этой мысли. А если такъ, то и исчезновеніе профессіональнаго костюма объясняется всего скорѣе торжествомъ демократическихъ идей.

Если въ глазахъ нашего автора раздѣленіе труда является главнымъ факторомъ цивилизаціи (стр. 375), то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ считалъ его первичнымъ, а не производнымъ. Онъ справедливо указываетъ на то, что число лицъ, состоящихъ другъ съ другомъ въ постоянныхъ отношеніяхъ, другими словами объемъ и густота населенія, должны считаться такими начальными факторами. Такимъ образомъ, онъ въ концѣ концовъ подготовляетъ почву для той теоріи, по которой ключомъ къ объясненію не одного экономическаго развитія, какъ думаю я, но такъ же общественнаго и политическаго признается поступательный ходъ населенности. Но, высказывая такимъ образомъ нѣкоторыя положенія, которымъ дано будетъ болѣе полное развитіе Костомъ, Дюркгеймъ въ то же время даетъ Бугле его основную посылку о роли идей равенства, мы бы сказали идей демократическихъ, на успѣхи, сдѣланные раздѣленіемъ труда, и чрезъ его посредство на поступательный ходъ гражданственности. Вотъ почему Бугле справедливо и считаетъ Дюркгейма своимъ предшественникомъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сочиненія какъ Бугле, такъ и Коста въ значительной степени примыкаютъ къ только что разобранному нами трактату и могутъ быть разсмотрѣны въ связи съ нимъ.

ГЛАВА IV.

Соціологическія доктрины Бугле, Коста и Кидда.

§ 1.

Сочиненіе Бугле «Объ уравнительныхъ идеяхъ» отчасти отвѣчаетъ на тотъ общій вопросъ, который поставленъ былъ уже на одномъ изъ первыхъ соціологическихъ конгрессовъ,—вопросъ о томъ, существуетъ ли и какая именно эволюція политическихъ формъ. Писатель, взявшійся за рѣшеніе этой задачи, г. Лиліенфельдъ, счелъ себя въ правѣ отрицать всякое развитіе въ области учрежденій. Нельзя сказать, чтобы этотъ отвѣтъ удовлетворилъ членовъ международнаго института, а этимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти, что на всѣхъ послѣдующихъ собраніяхъ въ болѣе частной формѣ обсужденія судебъ теократіи и монархіи та же тэма не

разъ представлялась уму какъ отдѣльныхъ мыслителей, такъ и всего собранія. Профессоръ Старкс изъ Копенгагена прислалъ на съѣздъ 1897 года особый мемуаръ о законахъ политическаго развитія. Повидимому, и по ту сторону океана соціологи поставлены были лицомъ къ лицу съ тѣмъ же вопросомъ.

Иначе Гиддингсъ не посвятилъ бы цѣлый томъ обозрѣнію частныхъ задачъ, связанныхъ съ психологическимъ, экономическимъ и нравственнымъ обоснованіемъ какъ демократіи вообще, такъ и демократической имперіи въ частности. Двумя годами ранѣе (книга Гиддингса вышла въ 1901 году) Тардъ также имѣлъ случай высказаться по вопросу о трансформаціи власти въ лекціяхъ, читанныхъ въ Школѣ политическихъ наукъ въ Парижѣ и появившихся затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы сочиненіе Бугле стояло особнякомъ отъ работъ прочихъ соціологовъ, и чтобы исторія политическаго развитія не играла въ ихъ глазахъ такой же выдающейся роли, какъ и поступательный ходъ другихъ проявленій общественности. Можно утверждать даже обратное. Можно сказать, что со времени выхода въ свѣтъ той части Спенсеровой Системы Соціологіи, которая посвящена очерку развитія политическихъ учрежденій, не проходило года безъ того, чтобы въ той или другой части Европы не сдѣлано было попытки приложить и къ нимъ теорію эволюціи. Летурно посвятилъ этому вопросу цѣлую книгу; то же сдѣлалъ въ Италіи Вакаро. Значительнѣйшую часть книги Коста «Опытъ народовъ» занимаетъ также изложеніе взглядовъ автора на природу и развитіе политическихъ порядковъ.

Какая же, спрашивается, причина заставляетъ насъ въ этой картинѣ важнѣйшихъ направленій современной соціологіи обратить особенное вниманіе на книгу Бугле? Исключительно та, что въ ней, какъ мнѣ кажется, болѣе удачно, чѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ, отмѣченъ тотъ фактъ, что поступательный ходъ въ развитіи политическихъ учрежденій сводится не къ замѣнѣ однѣхъ формъ другими, напр. монархіи республикой, или республики монархіей, а въ расширеніи съ одной стороны основъ самодержавія, а съ другой правъ личности. При чемъ оба явленія составляютъ часть одного цѣлаго и входятъ въ составъ того разлива уравнительныхъ идей, происхожденіе и природу котораго берется изучить авторъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ при обсужденіи мемуара, представленнаго въ международный институтъ г. Лиліенфельдомъ, я уже останавливался на развитіи приблизительно той же мысли, проводя ее черезъ всю исторію человѣчества. Съ этою цѣлью я указывалъ, напр., на то обстоятельство, что римская имперія, бла-

годаря расширенію ею сферы лицъ, обладающихъ правами гражданства, и окончательному распространенію этихъ правъ въ правленіе императора Каракаллы на всѣхъ жителей, можетъ считаться прогрессивнымъ явленіемъ по отношенію къ республикѣ, сосредоточившей тѣ же права въ рукахъ семей римскихъ квиритовъ и принизившей все прочее населеніе къ положенію частью латинскихъ и италійскихъ союзниковъ, частью чужеземцевъ или перегриновъ. Въ желаніи провести мою мысль и въ примѣненіи къ отечественной исторіи я не боялся утверждать, что паденіе боярства, благодаря мѣропріятіямъ московскихъ князей-объединителей и въ особенности Іоанна III и Іоанна IV Грознаго, является поступательнымъ факторомъ въ развитіи политическихъ учрежденій. Весь дальнѣйшій ходъ русской исторіи съ той же точки зрѣнія представлялся мнѣ все большимъ и большимъ расширеніемъ круга лицъ, призываемыхъ къ отправленію общественной дѣятельности, начиная съ земщины временъ Іоанна Грознаго, призванной въ подмогу къ служилому сословію, но только въ сферѣ мѣстныхъ финансовыхъ и уголовно-полицейскихъ интересовъ, переходя затѣмъ къ мѣстнымъ дворянскимъ и купеческимъ и мѣщанскимъ обществамъ, призваннымъ къ самоуправленію Екатериной II въ области губерніи, уѣзда и города, и оканчивая, наконецъ, земскими, городскими и крестьянскими учрежденіями, созданными реформами Александра II-го и не только расширившими сферу участія въ мѣстныхъ дѣлахъ средняго сословія, но вызвавшими также къ жизни самоуправляемую волостную и сельскую общину. Въ отношеніи къ исторіи новой Европы еще легче провести тотъ взглядъ, что политическая эволюція проявилась главнымъ образомъ въ расширеніи основъ самодержавія. Стоитъ для этого припомнить продолжительное господство на первыхъ порахъ крѣпостного безправія, допущеніе къ политическимъ выборамъ, съ одной стороны, одного феодальнаго дворянства, церковнаго и свѣтскаго, высшаго и низшаго, а съ другой, только зажиточной буржуазіи. Такъ называемые «жирные граждане» Италіи или гросъ-бауеры Германіи болѣе или менѣе отвѣчаютъ нашимъ новгородскимъ «житьи людямъ».

Изъ рядовъ этой зажиточной буржуазіи выходили члены тѣхъ «торговыхъ гильдій» (gilda mercatoria), которыя, снимая на откупъ налоговыя поступленія города, получали отъ правительства взамѣнъ право не одного только финансоваго управленія, но также право завѣдывать экономическими, торговыми и вообще внутренними интересами городской коммуны. Къ этому первоначальному стволу, кое-гдѣ восполняемому оказавшимися налицо въ городской средѣ служилыми людьми епископа или бургграфа, то-есть

первоначальныхъ владѣльцевъ города и издавна живущихъ или силою поселенныхъ въ немъ дворянскихъ феодальныхъ родовъ (фактъ особенно обычный въ Италіи), присоединяются мало-по-малу и по мѣрѣ развитія отдѣльныхъ промысловъ и видовъ обмѣна ремесленники и мануфактуристы, входящіе въ составъ старшихъ или младшихъ цеховъ. Эти цехи съ предоставленными имъ правами участія въ городскомъ управленіи далеко не обнимаютъ собою всего трудящагося люда. За ихъ предѣлами стоитъ рабочая чернь—простые исполнители заказовъ, дѣлаемыхъ отдѣльными мастерами. Даже топографически они отдѣлены отъ пользующагося политическими правами купечества и мѣщанства. Они живутъ въ предмѣстьяхъ и подгородныхъ селахъ подобно флорентинскимъ валяльщикамъ и чесальщикамъ, сдѣлавшимъ во второй половинѣ 14 вѣка въ извѣстномъ движеніи Чіомпи неуспѣшную попытку переустройства города по демократическому образцу. Къ нимъ же надо отнесть тѣ десятки тысячъ подгородныхъ кустарей—прядильщиковъ и ткачей, наличностью которыхъ только и можно объяснить тѣ высокія цифры, какими фландрскіе анналисты 13-го и 14-го вѣковъ опредѣляютъ число жителей такихъ городовъ, какъ напр. Ипръ, въ стѣнахъ котораго едва ли нашлось бы мѣсто для поселенія десятковъ тысячъ гражданъ. На исторіи избирательнаго права въ Англіи легко прослѣдить въ свою очередь тотъ же фактъ сперва тѣснаго ограниченія, затѣмъ постепеннаго расширенія сферы лицъ, участвующихъ въ осуществленіи политическихъ функцій.

Нужно ли говорить о присутствіи простонародья на собраніяхъ графствъ и сотенъ, когда выборъ делегатовъ въ нижнюю палату и мѣстныхъ органовъ полиціи и суда, напр. мировыхъ судей и констеблей, поручаемъ былъ королевскому намѣстнику, такъ называемому вице-графу. Есть поэтому основаніе думать, что эти народныя собранія или фолькмоты, въ которыхъ можно видѣть только отдаленное подобіе нашихъ вѣчъ, играли въ Англіи ту же пассивную роль, что мартовскія и майскія поля франкскаго королевства временъ Меровинговъ и Карловинговъ. Поэтому ограниченіе права выбора лицами, владѣющими земельной собственностью, съ ежегоднымъ доходомъ въ 40 шиллинговъ, ограниченіе, письменно выраженное впервые въ законодательствѣ Генриха VI-го изъ фамиліи Ланкастеровъ, должно быть разсматриваемо не какъ новшество, а только какъ легальное фиксированіе ранѣе державшейся практики. Сосредоточеніе въ городахъ политическихъ функцій въ рукахъ торговыхъ гильдій, бравшихъ на откупъ слѣдуемые правительству налоги, и постепенное распространеніе тѣхъ же преимуществъ на членовъ нѣкоторыхъ ремесленныхъ цеховъ, именно тѣхъ, производитель-

ная дѣятельность которыхъ развилась всего ранѣе, объясняетъ намъ причину, по которой городское простонародье не принимаетъ на первыхъ порахъ никакого участья ни въ опредѣленіи на службу мѣстныхъ властей, ни въ посылкѣ депутатовъ въ парламентъ. Избирательное право сосредоточивается въ рукахъ членовъ тѣсныхъ совѣтовъ, составленныхъ изъ лицъ, выбранныхъ привилегированными гильдіями. Въ Лондонской Сити онѣ доселѣ извѣстны подъ именемъ ливрейныхъ компаній отъ права ихъ членовъ носить извѣстный костюмъ или ливрею. Съ 14 в. и по настоящій день однѣ эти ливрейныя компаніи участвуютъ въ выборѣ лордамера. Тѣсные совѣты, составленные изъ гильдейской и цеховой знати, пріобрѣтаютъ съ 15 вѣка извѣстное постоянство въ виду того, что въ интересахъ представленной въ нихъ олигархіи создается практика частичнаго ихъ возобновленія путемъ выбора новыхъ членовъ взамѣнъ выходящихъ наличнымъ составомъ совѣтовъ. Перемѣщеніе центра промышленности и торговли съ береговъ Нѣмецкаго моря на берега Ламанша и нежеланіе поступиться разъ пріобрѣтенными правами—причина тому, что въ теченіе столѣтій покинутые жителями города сохраняютъ свои избирательныя вольности, тогда какъ выросшіе постепенно изъ простыхъ селеній многолюдныя мѣстечки—бурги Западной Англіи, напр. Манчестеръ, лишены права посылки депутатовъ. Неудивительно, если первые подпадаютъ подъ вліяніе сосѣдней феодальной знати и подъ именемъ «гнилыхъ» мѣстечекъ ставятъ депутатовъ по указанію сосѣднихъ сквайровъ—лендлордовъ, а вторыя, не имѣя голоса, оставляютъ безъ представительства весьма жизненные интересы страны. Не ранѣе 17-го вѣка, эпохи республики и протектората Кромвеля, ставится вопросъ о нецѣлесообразности подобныхъ порядковъ и необходимости расширить основу представительства одинаково въ графствахъ и городахъ.

Эта реформа обсуждается, впрочемъ, не въ стѣнахъ парламента, а въ собраніяхъ той арміи, побѣда которой надъ Карломъ I и положила начало перевороту. Въ этихъ собраніяхъ, какъ видно изъ недавно отпечатанныхъ протоколовъ ихъ секретаря Кларка, впервые столкнулись въ Англіи двѣ противуположныя теоріи: съ одной стороны, ученіе о томъ, что право избранія должно быть поставлено въ зависимость отъ владѣнія собственностью (по преимуществу недвижимой), а съ другой, что оно должно быть всеобщимъ, такъ какъ люди равны между собой. Первое воззрѣніе раздѣлялось ближайшими виновниками революціи, въ томъ числѣ будущимъ протекторомъ, обстоятельство, какъ нельзя лучше указывающее, что въ движеніи, вызвавшемъ къ жизни

англійскую революцію 1688 г., руководящая роль принадлежала не представителямъ простонародья, а выходцамъ изъ владѣтельныхъ классовъ. Что же касается до противуположнаго взгляда, то лица, высказавшія его уже въ это время, получили названіе уравнителей, или левеллеровъ. Въ лицѣ одного изъ своихъ вождей, Джона Лильборна, они нашли борца одновременно за свободу личности и за политическое равноправіе. Такъ что уже въ 17 вѣкѣ эти обѣ тенденціи, изъ которыхъ, по вѣрному замѣчанію Бугле, слагается современное движеніе въ пользу торжества уравнительныхъ идей, уже были налицо. Столѣтія прошли однако прежде, чѣмъ тѣмъ же идеямъ удалось найти хотя бы частичное признаніе, прежде всего въ Новомъ Свѣтѣ, въ колоніяхъ, основанныхъ послѣдователями передовыхъ сектъ протестантизма, въ частности квакерами, къ числу которыхъ принадлежалъ и родоначальникъ англійскаго радикализма Лильборнъ. Оставшись въ меньшинствѣ съ момента реставраціи Стюартовъ, англійскіе религіозно-политическіе радикалы эмигрируютъ въ Сѣверную Америку и кладутъ начало гражданственности Новой Англіи и Пенсильваніи. Въ эпоху французской революціи Англія еще ждала своей избирательной реформы. Задумавшій ее Питтъ Младшій отказался отъ ея проведенія въ виду тревожности переживаемаго момента. Своимъ пріуроченьемъ избирательнаго права къ землевладѣнію Англія вызвала цѣлый потокъ подражанія не только со стороны дѣятелей французскаго Учредительнаго Собранія, но и со стороны творцовъ первыхъ писанныхъ конституцій на протяженіи всего европейскаго континента. Думая сказать новое, дѣятели, въ родѣ Неккера, Мунье и Мале-дю-Панъ, повторяли взгляды, развитые ранѣе Лордомъ Протекторомъ Англіи и его ближайшими сподвижниками. Въ свою очередь ученіе Руссо, раздѣляемое его многочисленными послѣдователями, между прочимъ въ стѣнахъ Конституанты во многомъ только воспроизводило, по всей вѣроятности безсознательно, ученіе англійскихъ левеллеровъ, или уравнителей. Упроченіе начала всеобщаго голосованія сперва во Франціи въ 1848 году, затѣмъ въ Германіи со времени торжества объединительной политики и созданія сперва двухъ союзовъ, а затѣмъ единой имперіи, наконецъ постепенное приближеніе къ этому образцу въ послѣдовательномъ чередованіи трехъ избирательныхъ реформъ въ Англіи въ теченіе 19-го столѣтія, какъ и возрастающая съ каждымъ годомъ агитація въ пользу его водворенія въ прочихъ странахъ Европы, въ одно слово указываетъ на нивеллирующую тенденцію нашего времени и на расширеніе имъ основъ верховенства или суверенитета.

Книга Бугле не задается мыслью прослѣдить ходъ развитія уравнительныхъ идей на протяженіи всей исторіи. Авторъ посвящаетъ свое вниманіе всецѣло анализу современныхъ тенденцій. Но ограничивая такимъ образомъ область своего изученія, онъ въ то же время старается разсмотрѣть всѣ стороны избраннаго имъ предмета. Съ какими феноменами стоитъ въ постоянныхъ отношеніяхъ идея человѣческаго равенства, чѣмъ вызвано ея появленіе, и каковы ея ближайшіе факторы — вотъ тѣ чисто научные вопросы, съ которыми, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, намъ предстоитъ считаться. Въ томъ случаѣ, если бы изучая обстановку, въ какой зародились уравнительныя идеи, намъ удалось открыть феномены, стоящіе съ ними въ постоянныхъ отношеніяхъ, въ томъ случаѣ, если бы сверхъ этого намъ удалось доказать происхожденіе этой связи между обоими явленіями отъ болѣе общихъ причинъ, что одно устранило бы всякое предположеніе о случайности ихъ встрѣчи, тогда и только тогда намъ представилась бы возможность говорить о законѣ, управляющемъ появленіемъ уравнительныхъ идей. При такихъ условіяхъ избранный нами предметъ сдѣлался бы предметомъ научнаго изслѣдованія. Чтобы обставить его возможно полно, намъ пришлось бы искать въ разныхъ направленіяхъ прецеденты такой уравнительной тенденціи. При этомъ всѣ науки, которыя прямо или косвенно занимаются соціальными явленіями, имѣли бы случай сказать свое слово. Матеріальныя и нравственныя условія всякаго рода, природа мѣстности и орудія, находящіяся въ распоряженіи ея жителей, анатомическія особенности расы, ея потребности, вѣрованія и чувствованія,—однимъ словомъ, разнообразныя свойства вещей и лицъ, могутъ, утверждаетъ Бугле, оказать вліяніе, прямое или косвенное, посредственное или непосредственное, на соціальный успѣхъ идеи равенства (стр. 15 и 16).

Бугле далекъ отъ мысли подвергнуть уравнительныя идеи анализу со стороны ихъ пользы или вреда для современныхъ обществъ. Его интересуетъ исключительно вопросъ о томъ, чѣмъ они вызваны къ жизни, и въ чемъ сказывается ихъ вліяніе. Открывая соціологическія условія того успѣха, какимъ пользуются въ наше время эти идеи, мы, говоритъ авторъ, имѣемъ въ виду указать только мѣру ихъ могущества. До тѣхъ поръ, пока ихъ господство будутъ объяснять однимъ вліяніемъ философской теоріи, какъ бы съ неба упавшей въ мозги нѣкоторыхъ мыслителей и затѣмъ постепенно овладѣвшей душою толпы, вопросъ о томъ, какъ затормозить ходъ развитія уравнительныхъ идей, сводится къ простому философскому разсужденію. Опровергнемъ Руссо, и тѣмъ самымъ одержана будетъ нами побѣда и надъ уравнительными тенденціями. Но разъ будетъ доказано, что торжество послѣднихъ вы-

звано не изобрѣтеніемъ новой политической теоріи, а самымъ складомъ обществъ, въ которыхъ онѣ проявляются, тогда очевидно въ иномъ свѣтѣ выступятъ предъ нами и тѣ условія, въ которыхъ возможна борьба съ этими идеями. Разъ будетъ доказано, какъ это и имѣетъ въ виду авторъ, что развитіе уравнительныхъ идей идетъ рука объ руку съ политическимъ объединеніемъ націй, съ образованіемъ обширныхъ и централизованныхъ государствъ, съ осложненіемъ общественныхъ формъ, въ смыслѣ развитія множества союзовъ, охватывающихъ жизнь индивида съ разныхъ сторонъ, наконецъ съ раздѣленіемъ труда, при сохраненія перехода отъ одного вида занятій къ другому, и т. д.—вопросъ объ упраздненіи уравнительнаго движенія сведется въ концѣ концовъ къ едва ли осуществимой попыткѣ разбить на части существующія государства, снести города, пересѣчь дороги заставами, соединить людей въ замкнутыя группы, внутри которыхъ была бы прекращена возможность возникновенія всякихъ индивидуальныхъ различій. Таковъ, замѣчаетъ разбираемый нами авторъ, тотъ рядъ соціальныхъ эволюцій, которыми могъ бы быть прекращенъ разливъ демократическихъ идей. Я привелъ заключительныя слова подлежащаго нашему разбору сочиненія, чтобы показать то значеніе, какое можетъ имѣть и для правительственной практики рѣшеніе этой чисто соціологической задачи. Намъ предстоитъ въ настоящее время послѣдовать за авторомъ въ развитіи его основныхъ взглядовъ. Мы представимъ попутно тѣ возраженія, какія приходятъ намъ на умъ при чтеніи его книги.

Прежде всего мы далеки отъ мысли, чтобы, какъ думаетъ Бугле, разливъ демократическихъ идей встрѣчался лишь дважды въ исторіи, въ періодъ римской имперіи и стоической философіи и въ періодъ, открывающійся французской революціей. Авторъ весьма энергично протестуетъ противъ мысли, что идея равенства, какъ доказываютъ это современные этнологи, въ числѣ ихъ Летурно, присуща народамъ, стоящимъ на низшей ступени гражданственности. Одного поглощенія личности семьей ему кажется достаточно для отрицанія самаго факта архаической изополитіи. Проводя этотъ въ общемъ вѣрный взглядъ, Бугле напрасно не останавливается на вопросѣ о томъ, кому въ упомянутыхъ обществахъ принадлежало фактическое руководительство. Современная этнологія способна указать на рядъ фактовъ, доказывающихъ, что при существованіи у отсталыхъ народностей общихъ собраній, дѣятельная роль во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ все же принадлежитъ только старѣйшинамъ отдѣльныхъ дворовъ. О нихъ только и приходится вести рѣчь, говоря о древнихъ германцахъ. Тацитъ разумѣетъ только ихъ подъ терминомъ principes, обсуждающихъ

дѣла меньшей важности (de minoribus principes consultant), тогда какъ дѣла болѣе значительныя поступаютъ къ народному вѣчу (de maioribus omnes). Нѣтъ основанія сомнѣваться, что и на этихъ общихъ собраніяхъ старѣйшинамъ или principes принадлежалъ починъ предложеній. Отъ нихъ исходили тѣ или другія мѣропріятія внутренней или внѣшней политики. Въ эпоху Меровингскихъ и Карловингскихъ правителей уженаглядно выступаетъ передъ нами эта второстепенная роль народныхъ вѣчъ на такъ называемыхъ мартовскихъ и майскихъ поляхъ. Народъ, сходящійся на эти собранія въ своихъ воинскихъ доспѣхахъ, только привѣтствуетъ кликами и ударами по щитамъ предложенныя ему правительствомъ рѣшенія. Что тѣ же порядки были извѣстны и славянскимъ народностямъ, начиная отъ западныхъ т. е. отъ чеховъ и поляковъ, и оканчивая восточными, въ этомъ легко убѣдиться изъ той роли, какую на народномъ вѣчѣ или «снемъ» играютъ въ Богеміи, по словамъ ея лѣтописцевъ, уже въ XI-мъ вѣкѣ всѣ «majores natu» и всѣ «in clero meliores». Выраженіе gentis Bogemicae magni et parvi хорошо указываетъ на присутствіе на этихъ собраніяхъ народной толпы, на ряду съ высшими представителями родовъ и семей, а необходимость единогласнаго рѣшенія, а не простымъ большинствомъ голосовъ, на что есть указаніе Козьмы Пражскаго, очевидно приводитъ къ мысли, что народъ только поддерживалъ своими кликами постановленія меньшинства старѣйшинъ. И въ Польшѣ во времена Болеслава majores et seniores являются ближайшими совѣтниками короля; только отобравъ у нихъ мнѣніе, Болеславъ собираетъ народъ на вѣче для полученія единогласнаго приговора по текущимъ дѣламъ. Наши лѣтописи слишкомъ часто упоминаютъ о старцахъ градскихъ и о житьихъ людяхъ, чтобы оставить сомнѣніе въ томъ, что на вѣчахъ, отъ которыхъ ждали единогласнаго рѣшенія, этимъ старшимъ и житьи людямъ не принадлежало первое мѣсто. Если отъ германцевъ и славянъ мы перейдемъ къ народамъ классической древности, то изъ одного уже факта матеріальной ограниченности той площади, которая служила для народныхъ собраній, или такъ называемой агора и экклезіа (въ Троѣ она собиралась у воротъ дворца Пріамова), необходимо выносишь впечатлѣніе, что въ собраніи могли участвовать только главы отдѣльныхъ дворовъ. Въ законахъ Кортины говорится правда о томъ, что на «агора» сходятся всѣ граждане, такъ напр. для присутствія при усыновленіи (X—33), но изъ той же физической невозможности соединить всѣхъ ихъ въ одномъ мѣстѣ опять таки слѣдуетъ, что присутствующими были не всѣ вообще, а только представители семей. Еще нагляднѣе та же черта выступаетъ въ исторіи древняго Рима, гдѣ комиціи куріатскія пред-

шествуютъ по времени всѣмъ прочимъ, гдѣ такимъ образомъ плебеи долгое время не участвовали въ дѣлахъ, и гдѣ собраніе старцевъ, или сенатъ, съ самаго начала пріобрѣлъ руководящую роль. Всѣмъ этимъ фактамъ можно было бы найти не мало параллелей и въ бытѣ отсталыхъ въ своемъ развитіи народностей. На Кавказѣ, напр., среди горцевъ старики занимаютъ первенствующее мѣсто и на совѣтѣ, и въ судѣ, что не мѣшаетъ существованію здѣсь общихъ сходовъ, извѣстныхъ у Осетинъ подъ названіемъ нихасъ; на нихъ, какъ общее правило, являются одни представители дворовъ.

Все это вмѣстѣ взятое не позволяетъ намъ говорить о первобытной домократіи, какъ о чемъ-то равнозначащемъ съ современной. Но можетъ ли то же быть сказано въ равной мѣрѣ и о позднѣйшей демократіи Аѳинъ или итальянскихъ, фландрскихъ и нѣмецкихъ городскихъ республикъ XIII-го и XIV вѣковъ? Да и нѣтъ, смотря по тому, будемъ ли мы считать необходимымъ признакомъ торжества уравнительныхъ идей всесословность или одно лишь равенство правъ въ предѣлахъ болѣе или менѣе многочисленной или широкой группы гражданъ. Въ первомъ случаѣ, разумѣется, ни Аѳины, ни Флоренція не могутъ считаться демократіей, благодаря присутствію въ первой не только безправныхъ рабовъ, но и не вполнѣ правоспособныхъ метойковъ, а во второй въ виду почти совершеннаго отсутствія политическихъ правъ у жителей покоренныхъ городовъ и помѣстій, получавшихъ обыкновенно своихъ правителей изъ рукъ флорентинскихъ властей. Но если признать достаточнымъ для понятія демократіи равенство политическихъ правъ между тридцатью тысячами гражданъ (приблизительное число ихъ въ Аѳинахъ въ эпоху Перикла), то не будетъ основанія отрицать, что и въ V вѣкѣ до Р. Хр. уравнительныя идеи уже достигли значительнаго торжества. Вѣдь аѳинскій народъ на своихъ вѣчахъ или экклезіяхъ осуществлялъ значительную часть тѣхъ правъ, изъ которыхъ слагается верховенство. Онъ участвовалъ въ выборѣ совѣта 500, которому ввѣрена была забота о войнѣ и мирѣ, управленіе флотомъ и арсеналомъ, рѣшеніе споровъ между союзниками, т. е. руководительство международными сношеніями, завѣдываніе церковнымъ культомъ и нѣкоторое участіе въ судѣ и законодательствѣ. Что касается до итальянскихъ городскихъ республикъ и, въ меньшей степени, до фландрскихъ брабантскихъ и нѣмецкихъ, то, при исключеніи крестьянства и городской черни, осуществленіе политическихъ функцій сосредоточивалось въ нихъ все же въ рукахъ тысячъ и десятковъ тысячъ человѣкъ, входящихъ въ составъ признанныхъ закономъ гильдій и цеховъ. Если народныя собранія

(arringha, parliamentum) рано утратили въ итальянскихъ городахъ ближайшее участіе въ руководительствѣ общими дѣлами, то принципъ избранія на единоличныя или коллегіальныя должности и въ совѣтѣ былъ удержанъ, а частая смѣна правителей, дошедшая во Флоренціи до повторенія выборовъ каждые шесть мѣсяцевъ, обезпечила возможность обращенія должности во временное полномочіе. Игнорировать въ исторіи народовластія, какъ это дѣлаетъ Бугле, городскія республики среднихъ вѣковъ, принимая въ то же время въ разсчетъ демократическое движеніе, охватившее римскую имперію въ эпоху торжества стоической философіи, мнѣ кажется чѣмъ-то противорѣчивымъ. Но такое игнорированіе совершенно понятно со стороны писателя, поставившаго себѣ задачей прослѣдить взаимодѣйствіе между разливомъ демократическихъ идей и успѣхами централизаціи. Если бы Бугле расширилъ область своихъ изслѣдованій, включая въ нее и только что указанныя нами гражданственности древняго и новаго міра, а также тѣ деревенскія республики, образцомъ которыхъ являются лѣсные кантоны Швейцаріи, ему, по всей вѣроятности, не пришлось бы остановится на мысли, что политическое объединеніе, образованіе обширныхъ имперій и республикъ является ближайшимъ условіемъ торжества демократическихъ принциповъ. Вѣдь такія обширныя имперіи существовали и въ начальный періодъ исторіи. Мы находимъ ихъ въ Египтѣ, Вавилоніи, Ассиріи, въ Индіи и Персіи; если по отношенію къ нимъ авторъ считаетъ возможнымъ удовольствоваться той оговоркой, что они только механически сближали націи, продолжавшія жить каждая своею самостоятельною жизнью, то едва ли такое объясненіе достаточно для совершеннаго исключенія изъ общаго плана его труда такихъ обширныхъ имперій, какъ основанные арабами калифаты. Я не вижу также причины, по которой Китаю не подобало бы найти мѣста въ этой попыткѣ указать взаимодѣйствіе между политическимъ округленіемъ и торжествомъ демократическихъ порядковъ. Неужели потому, что личность въ немъ поглощается семьей? Фактъ довольно сомнительный, въ виду начавшагося уже въ немъ разложенія дворовыхъ общинъ. Отсутствіе въ Китаѣ родовой аристократіи и замѣна ея чиновничествомъ наоборотъ указываютъ на то, что въ этой имперіи мы присутствуемъ при процессѣ демократизаціи общества. Если я останавливаюсь на всѣхъ этихъ недочетахъ въ книгѣ Бугле, то имѣя въ виду, что ихъ послѣдствіемъ явилась односторонность предложенныхъ имъ рѣшеній. Въ разбираемомъ сочиненіи мы не читаемъ ни слова о роли такихъ уравнительныхъ религій, какъ буддизмъ, христіанство и магометанство, въ зарожденіи демократическихъ движеній. А между

тѣмъ этой роли одной достаточно, чтобы объяснить и демократическую структуру арабскихъ калифатовъ, и проникновеніе принципа равенства въ китайскую среду, составленную по преимуществу изъ послѣдователей буддизма и магометанства. Бугле сознательно исключаетъ изъ области своихъ изслѣдованій Россію, хотя въ послѣдней и совершилась та политическая централизація, въ которой онъ видитъ ближайшую причину торжества демократическихъ идей. Онъ смотритъ на наше отечество, какъ на уцѣлѣвшій очагъ аристократіи. Но, говоря это, онъ только свидѣтельствуетъ о столь обычномъ въ средѣ французовъ непониманіи основъ нашей гражданственности. Вѣдь о родовой аристократіи, какъ раздѣляющей съ царемъ руководительство политическими судьбами страны, согласно той картинѣ, какую нарисовалъ профессоръ Ключевскій въ своей «Боярской Думѣ», трудно говорить со времени истребленія большинства княжескихъ родовъ Иваномъ Грознымъ и еще болѣе со времени созданія новаго чиновнаго дворянства Петромъ I и Екатериной II. Бугле очевидно не даетъ себѣ отчета въ революціонномъ значеніи табели о рангахъ. Ея нивеллирующее вліяніе однако не меньше того, какое имѣетъ китайскій мандаринатъ, пополняемый лицами, удачно выдержавшими государственный экзаменъ и потому попадающими въ кандидаты на службу. Бугле также неясно то значеніе, какое на демократизацію Великороссіи оказало сближеніе ея политическихъ судебъ съ судьбами казачества и вызванное тѣмъ распространеніе границъ Царства по Днѣпру, Дону, Кубани, Тереку, Уралу и Енисѣю. Такимъ образомъ къ демократическому воздѣйствію христіанства, тѣмъ болѣе дѣятельному, что у насъ никогда не существовало той связи между высшимъ духовенствомъ и аристократическими родами, которая присуща была католическимъ странамъ, прибавилось еще нивеллирующее вліяніе чиновничества и казачества. Удивительно ли послѣ этого, если русское общество является обществомъ демократическимъ, которому такъ же чуждо начало первородства, какъ и всякаго рода аристократическая исключительность, въ которомъ поэтому всякаго рода дворянскія привилегіи являются не болѣе, какъ историческимъ архаизмомъ, переживаніемъ не естественно народившихся, а искусственно созданныхъ въ XVIII в. порядковъ, порядковъ, которымъ со времени упраздненія крѣпостного права не достаетъ прежняго экономическаго фундамента.

Если бы разбираемый нами авторъ не ограничилъ добровольно своей задачи изученіемъ одного новѣйшаго подъема демократіи, то ему не трудно было бы показать на примѣрѣ городскихъ республикъ среднихъ вѣковъ и деревенскихъ кантоновъ Швейцаріи,

что торжество идей равенства возможно и тамъ, гдѣ нѣтъ политической централизаціи; достаточно для этого и счастливаго совпаденія ряда экономическихъ и политическихъ фактовъ, какъ-то: упраздненія гражданской несвободы, широкаго распространенія въ массахъ мелкой собственности или даже общиннаго владѣнія, наконецъ необходимости между людьми тѣснаго общенія, въ виду грозящей всѣмъ имъ опасности отъ завоевательной политики сосѣднихъ правителей. На примѣрѣ одной Флоренціи историку легко убѣдиться въ томъ, какую роль играетъ въ образованіи демократическихъ порядковъ развитіе промышленности и торговли, возникновеніе значительной движимой собственности и денежныхъ капиталовъ, если не равномѣрно распредѣленныхъ, то по крайней мѣрѣ широко распространенныхъ между массами, наконецъ необходимость въ интересахъ самого подъема мануфактуръ и обмѣновъ упразднить автономное существованіе феодальнаго дворянства, тормозящаго обращеніе богатствъ своими заставами и поборами; такія соображенія обусловливаютъ собою эмансипаціонную и нивеллирующую дѣятельность города-республики; отъ нихъ зависитъ упраздненіе имъ послѣднихъ слѣдовъ несвободы и крѣпости, приравненіе помѣстныхъ владѣльцевъ къ прочему гражданству, подчасъ и созданіе по отношенію къ нимъ особыхъ мѣръ репрессіи, источникъ которыхъ лежитъ въ постоянныхъ опасеніяхъ, какія внушаетъ ихъ вполнѣ понятное недовольство. Если исторія Флоренціи имѣетъ такое выдающееся значеніе при изученіи судебъ демократіи, то потому, что эволюція этой республики до нѣкоторой степени можетъ быть названа схематической. Въ разнообразнѣйшихъ варіаціяхъ борьба городской коммуны съ феодальною аристократіей, соперничество торговой и цеховой знати съ неорганизованными на корпоративномъ началѣ рабочими, вмѣшательство въ эту междуусобицу уцѣлѣвшихъ отъ истребленія феодальныхъ вождей или случайныхъ избранниковъ народа, разбогатѣвшихъ представителей средняго сословія, или поддерживаемыхъ то плебсомъ, то церковью трибуновъ, удачныя и неудачныя возстанія городской черни и рѣдко когда сельскаго простонародья, всѣ эти и рядъ подобныхъ фактовъ наполняютъ собою одинаково исторію и Милана, и Генуи, и Пизы, и Сіены, и Болоньи, и Равенны, и Вероны, и Вичснцы, и Мантуи, и Падуи. Всюду мы видимъ торжество то демократической тираніи, то городской олигархіи, скоро переходящее въ пожизненное владычество одной какой нибудь династіи, феодальной или буржуазной, здѣсь Висконти или Сфорца, тамъ Гримальди и Доріа, или еще Ласкала, и Карарра. Бокъ о бокъ съ этими военными удачниками и родовитыми дворянами, мы встрѣчаемъ демагоговъ

изъ простонародья въ родѣ Пеполи въ Болоньѣ и знаменитаго народнаго трибуна Кола-ди-Ріенцо въ Римѣ, наконецъ соперничающія банкирскія семьи Альбици и Медичи во Флоренціи. Мы могли бы показать чередованіе болѣе или менѣе тѣхъ же явленій и на примѣрѣ фландрскихъ, брабантскихъ, германскихъ и нидерландскихъ коммунъ, не говоря уже о коммунахъ Франціи, развитію которыхъ сперва содѣйствовала, а затѣмъ препятствовала успѣшная борьба королевской власти съ феодальнымъ сепаратизмомъ и вызванный ею ростъ политической централизаціи. Но это увлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей ближайшей задачи. Если мы напоминаемъ объ этихъ зачаточныхъ формахъ современной демократіи, то только съ цѣлью объяснить причину, по которой идея народнаго самодержавія, завѣщанная еще древностью, снова оживаетъ въ Италіи и въ проповѣди Арнольда изъ Брешіи, и въ политическомъ памфлетѣ Марсилія Падуанскаго, и въ посланіяхъ Коло ди Ріенцо, чтобы принять затѣмъ болѣе опредѣленную форму какъ въ на половину еще богословскомъ трактатѣ Савонаролы о республикѣ, такъ и въ отличающихся уже чисто свѣтскимъ характеромъ разсужденіяхъ Маккіавелли на первую декаду Тита-Ливія, или не менѣе извѣстныхъ въ свое время сочиненіяхъ Джіанотти о государственномъ строѣ Флоренціи и Венеціи. Далеко не случайностью объясняется также причина, по которой демократическая теорія, зародившаяся въ итальянскихъ республикахъ, этомъ первомъ очагѣ возродившейся политической свободы и народоправства, развивается затѣмъ въ твореніяхъ мыслителей, живущихъ и дѣйствующихъ среди достигшихъ автономіи республикъ Соединенныхъ Нидерландъ, въ сочиненіяхъ Альтузія и Спинозы. Когда вмѣстѣ съ породившимъ ее религіознымъ движеніемъ передового протестантизма демократическая тенденція временно овладѣваетъ Англіей въ серединѣ XVII-го вѣка, выразителями ея въ области теоретической мысли являются левеллеры, или уравнители. Доктрина ихъ, вслѣдъ за реставраціей Стюартовъ, а съ ними и аристократическихъ основъ англійской конституціи, заносится въ Новый Свѣтъ массовыми эмиграціями побѣжденныхъ и преслѣдуемыхъ сектъ и партій. Здѣсь она получаетъ широкій расцвѣтъ въ учрежденіяхъ Родъ-Эйланда и Пенсильваніи. Она находитъ себѣ также выраженіе въ рядѣ политическихъ сочиненій, изъ которыхъ одному—«Правамъ человѣка», написанному Томасомъ Пеномъ, суждено сыграть немаловажную роль, если не въ созданіи, то въ поддержкѣ того демократическаго теченія, выразителями котораго явились дѣятели французской конституанты 1789 года. Не безъ воздѣйствія американскихъ образцовъ, декларацій правъ отдѣльныхъ штатовъ возникла призванная къ боль-

ней извѣстности «Декларація правъ человѣка и гражданина», этотъ, можно сказать, катехизисъ уравнительной политики XIX-го вѣка.

Я не могу не поставить въ вину Бугле совершенное игнорированіе имъ всего этого продолжительнаго процесса зарожденія демократическихъ порядковъ и демократическихъ доктринъ въ ихъ несомнѣнномъ взаимодѣйствіи. Имѣй онъ въ виду такъ бѣгло очерченную мною вѣковую эволюцію уравнительныхъ идей въ городскихъ республикахъ и въ средѣ самоуправляемыхъ мелкихъ церквей протестантизма, ему не трудно было бы придти къ заключенію, что зарожденіе демократической практики и вслѣдъ за нею демократической теоріи не требуетъ необходимо образованія обширныхъ политическихъ тѣлъ. Вѣдь этимъ именемъ трудно обозначить возрожденную Кальвиномъ Женевскую республику, а между тѣмъ ея учрежденія въ ихъ прогрессивномъ развитіи послужили, если не единственнымъ, то однимъ изъ образцовъ для главнаго теоретика основъ современнаго народоправства, Жанъ Жака Руссо. Не отвѣчаютъ понятію сильно централизованнаго государства и отдѣльные штаты Нидерландской республики и сама Англія середины XVII вѣка, еще лишенная своихъ колоній и едва вступающая въ насильственный бракъ съ Шотландіей и Ирландіей. То что въ глазахъ Бугле является первопричиной въ созданіи демократической тенденціи, легко можетъ быть не болѣе какъ условіемъ ея распространенія. Говоря это, я разумѣю, что Франція, обновленная демократической доктриной въ эпоху великой революціи, нашла въ политической централизаціи стараго порядка, упроченной и усовершенствованной Наполеоновской Имперіей, могущественное средство къ распространенію уравнительныхъ идей на протяженіи всего европейскаго континента. Эти идеи, никогда не вымиравшія вполнѣ въ Италіи, нашли снова временное выраженіе въ созданныхъ французами эфемерныхъ республикахъ, смѣнившихся столь же эфемерными королевствами. Но если торжествующая реакція Бурбоновъ въ южной Италіи и австрійцевъ въ Ломбардіи и пресѣкла на рядъ десятилѣтій мирное развитіе политическихъ вольностей, то ею не могло быть упразднено нивеллирующее вліяніе французскихъ гражданскихъ кодексовъ, сказавшееся въ равной степени и въ Прирейнской Пруссіи и въ Варшавскомъ герцогствѣ, теперешнемъ царствѣ Польскомъ.

Что одной политической централизаціей невозможно объяснить современнаго роста демократическихъ идей, слѣдуетъ изъ того, что онъ замѣтенъ въ равной степени и въ странахъ, не испытавшихъ на себѣ воздѣйствія Наполеоновской Имперіи. Онъ сказывается и въ Соединенныхъ Штатахъ и при томъ не параллельно развитію объеди-

нительной тенденціи, а какъ разъ наоборотъ—въ эпоху торжества демократической партіи и Джеферсоновскихъ идей, одинаково благопріятныхъ и автономіи отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ уніи, и ихъ уравнительному устройству. Демократія, хотя и медленно, завоевываетъ себѣ почву и въ Великобританіи, несмотря на слабость той политической связи, которая соединяетъ въ ней метрополію съ федераціями Канады, Австраліи и Южной Африки, несмотря также на то, что въ самой Англіи мѣстное самоуправленіе не только не падаетъ, но развивается и крѣпнетъ на новыхъ всенародныхъ основахъ. А если такъ, то очевидно, что столь общему явленію, какъ демократія, одинаково возможному и при политическомъ единствѣ, и при федерализмѣ, и при централизаціи, и при самоуправленіи, надо искать причинъ, независимыхъ отъ территоріальнаго протяженія отдѣльныхъ государствъ и цѣпкости входящихъ въ ихъ составъ индивидовъ.

Сравнивая между собою всѣ только что перечисленные типы гражданственности, начиная съ средневѣковыхъ республикъ, городскихъ и сельскихъ, переходя къ Нидерландамъ и Англіи 17-го в. и оканчивая Франціей, центральной Европой, Великобританіей и Ам. Соед. Штатами, мы во всѣхъ ихъ найдемъ одно общее явленіе—освобожденіе личности отъ узъ союзовъ, захватывавшихъ ее всецѣло или только отчасти, будетъ ли ими дискреціонная власть феодальнаго помѣщика, или тяготѣющій надъ совѣстью гнетъ церковной іерархіи. Далеко не случайностью является то обстоятельство, что высшіе выразители демократической тенденціи, начиная съ Арнольда изъ Брешіи и переходя къ Марсилію Падуанскому, Савонаролѣ и Маккіавелли,—всегда были въ открытой или тайной враждѣ съ папствомъ. Не случайностью также надо объяснить и тотъ фактъ, что демократическая доктрина зарождается не въ рядахъ епископальной церкви—будетъ ли ею лютеранство или англиканство, а въ рядахъ не знающихъ другой власти, кромѣ поставленнаго самой паствой священника, пресвитеріанъ, баптистовъ и квакеровъ. Въ полномъ разрывѣ со всякаго рода церковной іерархіей стоитъ Спиноза, а позднѣе Ж. Ж. Руссо, мечтающій, подобно амстердамскому философу, о созданіи какой-то общеобязательной государственной морали взамѣнъ «откровенной» религіи. Движеніе левеллеровъ или нивелляторовъ также зарождается между пресвитеріанами, баптистами и квакерами, т. е. лицами, или вовсе не допускавшими мысли о постоянномъ священствѣ, или признававшими однихъ ими самими поставленныхъ пресвитеровъ. Яковъ I не такъ далеко былъ отъ истины, когда, отстаивая епископскую власть, открыто объявлялъ ее необходимымъ условіемъ сохраненія аристо-

кратической монархіи. Приписываемое ему выраженіе: «гдѣ нѣтъ епископа—тамъ нѣтъ и короля» освѣщаетъ неожиданнымъ свѣтомъ ту мысль, что индивидуализмъ въ области церкви идетъ рука объ руку съ индивидуализмомъ въ области государства, и что основу обоихъ составляетъ признаніе самостоятельности личности, уваженіе человѣческаго достоинства. Но это одинъ изъ элементовъ, которые Бугле вводитъ въ понятіе уравнительныхъ идей нашего времени. Мы въ правѣ поэтому сказать, что все, что содѣйствовало росту человѣческаго самосознанія, тѣмъ самымъ подготовляло и развитіе уравнительныхъ идей. Но это равнозначительно признанію, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ необыкновенно сложнымъ, котораго нельзя объяснять воздѣйствіемъ одной или нѣсколькихъ причинъ, а всѣмъ поступательнымъ ходомъ исторіи. Очевидно, что по мѣрѣ того, какъ исчезала зависимость человѣка отъ природы и онъ самъ становился болѣе или менѣе ея владыкой, должно было расти сознаніе его мощи и значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности для него свободы отъ руководительства тѣхъ тайныхъ силъ, которыя, какъ думали ранѣе, управляютъ его судьбами. Но это равнозначительно тому, что сознаніе человѣческаго достоинства крѣпнетъ бокъ о бокъ съ развитіемъ знанія и ростомъ научной философіи. Не допуская долѣе мысли о руководительствѣ со стороны сверхчувственныхъ силъ, человѣкъ послѣдовательно не могъ примириться съ отказомъ отъ самодѣятельности и подчиненіемъ внѣшнимъ вліяніямъ свѣтской или духовной іерархіи, авторитетъ которыхъ связанъ съ представленіемъ о посредничествѣ ихъ между Богомъ и людьми. На практикѣ это означало разрывъ съ крѣпостной неволей и вассальной зависимостью, участіе каждаго въ дѣлахъ государства и церкви, признаніе свободы совѣсти и свободы личности во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ томъ числѣ и въ тѣхъ, какія представляетъ обладаніе имуществомъ или вещами. На встрѣчу тому идейному движенію, корень котораго лежалъ въ постепенномъ подчиненіи природы человѣку, шло имъ же обусловленное измѣненіе въ сферѣ матеріальныхъ отношеній. Человѣкъ пріобрѣталъ большую возможность самозащиты и отъ внѣшняго насилія и отъ физической нужды, меньше нуждался въ чужомъ патронатѣ и больше разсчитывалъ на свою самодѣятельность, какъ на средство поддержанія жизни и породы. А это въ области экономическихъ отношеній означало паденіе помѣстно-цехового хозяйства и созданіе системы свободнаго труда.

Вооруженный наукою, физически и нравственно эмансипированный, человѣкъ не могъ долѣе мириться съ представленіемъ о преимуществахъ, даваемыхъ породою или капиталомъ; въ немъ

должно было расти поэтому чувство гражданскаго равноправія — другого изъ элементовъ, входящихъ въ составъ той демократической тенденціи, происхожденіемъ которой занимается Бугле. Прямымъ послѣдствіемъ такой перемѣны въ области индивидуальной психіи необходимо явилось единообразіе юридическихъ нормъ, гражданскихъ и уголовныхъ, одинаковый для всѣхъ порядокъ пріобрѣтенія имуществъ по наслѣдству и договорамъ, а также общность судебной отвѣтственности въ случаяхъ проступковъ и преступленій; отдаленнымъ же результатомъ надо считать равенство политическихъ правъ, всѣмъ открытую возможность высказывать свои желанія по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, право всѣхъ и каждаго стремиться къ осуществленію этихъ желаній путемъ свободной пропаганды своихъ мыслей и путемъ свободнаго выбора лицъ, уполномоченныхъ обратить эти мысли и желанія въ дѣйствительность въ роли законодателей, чиновниковъ и судей.

Бугле предвидитъ отчасти возможность тѣхъ возраженій, которыя мы дѣлаемъ противъ его доктрины. Это не мѣшаетъ ему вложить въ уста своихъ воображаемыхъ противниковъ критику настолько общаго характера, что ее немудрено признать общимъ мѣстомъ. Ему кажется, что весь ростъ развитія человѣчества можетъ быть разсматриваемъ, въ противность его ученію, какъ постепенное торжество идеи равенства. Такая точка зрѣнія, отчасти высказанная Луи-Бланомъ въ его «Вступленіи къ исторіи французской революціи», далеко не тождественна съ нашей. Мы показали, что для насъ исторія развитія демократическихъ идей покрываетъ собою лишь опредѣленный періодъ времени, что для ея зарожденія необходимъ предварительно извѣстный прогрессъ знанія и техники; имъ обусловливается матеріальный и нравственный ростъ личности, освобожденной впредь отъ экономическихъ цѣпей помѣстно-цехового хозяйства и болѣе или менѣе эмансипированной отъ церковнаго и свѣтскаго абсолютизма. Все же это равнозначительно признанію, что въ исторіи древнихъ монархій, какъ бы централизованы онѣ ни были, какъ и въ исторіи арабскихъ калифатовъ, китайской имперіи, римскаго цезаризма и католической теократіи, нельзя искать зародышей современнаго демократическаго движенія; ихъ нѣтъ не потому только, что личность поглощена здѣсь семьей, и что отсутствуетъ якобы всякая идея равенства, а потому что признаваемое ими равенство было равенствомъ только передъ Богомъ. Оно связано было и въ церковной и въ государственной жизни съ совершеннымъ преклоненіемъ личности передъ властью или властями, болѣе или менѣе божескаго происхожденія. Мы ведемъ поэтому исторію развитія демократическихъ идей не столько съ того момента, когда

равенство въ безправіи смѣнилось равенствомъ въ правахъ, сколько съ того, когда началось движеніе въ пользу послѣдняго. Его послѣдствіемъ было надѣленіе все большаго и большаго круга лицъ одинаковыми возможностями и первоначальная формулировка требованій народоправія. Этотъ періодъ, при всей своей ограниченности во времени, все же покрываетъ собою рядъ столѣтій. Съ значительнымъ перерывомъ, совпадающимъ съ эпохою варварскихъ королевствъ и феодальныхъ монархій, исторія демократіи тянется отъ времени установленія аѳинскаго народовластія черезъ всю исторію республиканскаго и императорскаго Рима, а затѣмъ черезъ всю новую исторію, отъ образованія городскихъ коммунъ и до торжества въ наши дни всеобщаго голосованія. Только незначительная часть этого періода обнимается сочиненіемъ Бугле, именно та, когда демократія растетъ рука объ руку съ политической централизаціей, а это имѣло мѣсто, какъ извѣстно, въ Римской Имперіи, а въ новое время, начиная самое большее съ XVII-го вѣка. Этимъ и объясняется, почему авторъ разбираемаго нами сочиненія ограничился однимъ разсмотрѣніемъ того вліянія, какое оплотненіе политическаго тѣла оказываетъ на ростъ уравнительныхъ идей. Въ заключительной главѣ своего сочиненія онъ сдѣлалъ счастливую оговорку, что этимъ воздѣйствіемъ нельзя объяснить всего хода демократіи, что оно является только однимъ изъ его факторовъ. Въ то же время онъ убѣдительно показалъ, что изъ двухъ моментовъ,—политическаго объединенія и уравнительной тенденціи—первый, какъ предшествующій во времени, долженъ считаться виновникомъ второго, а не наоборотъ. Съ этимъ положеніемъ можно впрочемъ согласиться только подъ условіемъ территоріальнаго ограниченія указаннаго процесса предѣлами континентальной Европы, гдѣ въ новое время мы дѣйствительно являемся свидѣтелями не столько параллельнаго, сколько преемственнаго хода централизаціи и демократизма. Сведенная къ болѣе скромной задачѣ объяснить причины, по которымъ созданіе обширныхъ политическихъ тѣлъ содѣйствуетъ развитію въ новое время уравнительныхъ идей, тема Бугле сама по себѣ настолько интересна и такъ всесторонне выполнена, что ея нельзя обойти молчаніемъ въ общемъ обзорѣ новѣйшей соціологической литературы.

Центральною мыслью сочиненія надо признать слѣдующую гипотезу, провѣркой которой служитъ все дальнѣйшее изложеніе. Предположимъ, говоритъ авторъ, что исторія позволитъ намъ констатировать тотъ фактъ, что всѣ централизованныя общества одинаково равноправны, и, наоборотъ, что никакое децентрализованное общество не преслѣдуетъ начала равенства, наконецъ, что

наиболѣе склонныя къ равенству въ то же время наиболѣе централизованы. Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы передъ собой эмпирическій законъ, доказывающій причинную связь централизація и демократизма. Если бы сверхъ того намъ удалось обосновать тотъ взглядъ, что въ обществахъ централизованныхъ люди пріобрѣтаютъ склонность мыслить самостоятельно и ставить всѣхъ на одинъ уровень, мы получили бы одновременно и индуктивную и дедуктивную провѣрку поставленной гипотезы (стр. 85 и 86). Сознавая самъ невозможность добиться, при современной научной постановкѣ соціологіи, полнаго обоснованія своей догадки, Бугле приступаетъ къ рѣшенію поставленной имъ задачи не прямымъ, а косвеннымъ путемъ. Онъ задается мыслью о значеніи, какое масса или число имѣетъ на характеръ общественныхъ союзовъ, и спрашиваетъ себя, не стоитъ ли въ связи съ большей плотностью соціальнаго организма и его демократизація. Онъ переходитъ затѣмъ къ вопросу о вліяніи, какое можетъ имѣть однородный или разнородный составъ общества, слѣдовательно, качественныя различія на поступательное развитіе идеи равенства. Большая или меньшая сложность обществъ, въ смыслѣ существованія въ нихъ бокъ о бокъ ряда союзовъ, обнимающихъ не всю жизнь индивида, а только отдѣльныя ея стороны, кажется ему тоже условіемъ, содѣйствующимъ торжеству равенства. Послѣднимъ изъ затронутыхъ имъ вопросовъ является вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ объединеніе обществъ имѣетъ послѣдствіемъ упроченіе демократической тенденціи. Таковы рамки, въ которыхъ вращается мысль автора, постоянно прибѣгающаго къ индуктивной провѣркѣ своихъ дедукцій, но только въ предѣлахъ избранныхъ имъ двухъ эпохъ Римской Имперіи III и IV вѣковъ и Западной Европы послѣднихъ двухъ столѣтій.

Не имѣя возможности привесть здѣсь всей его аргументаціи, ограничимся однимъ воспроизведеніемъ основныхъ взглядовъ. Уже въ біологіи, говоритъ онъ, мы находимъ дѣйствіе закона, по которому размѣры органа и число составляющихъ его клѣточекъ въ нѣкоторой степени вліяютъ на самую его структуру. Если справедливо, что послѣдняя въ концѣ концовъ объясняется дѣйствіями и противодѣйствіями химическаго характера составляющихъ органъ біологическихъ элементовъ, то нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что увеличеніе числа элементовъ, какъ ведущее къ размноженію самыхъ отношеній между ними, дѣлаетъ эти дѣйствія и противодѣйствія болѣе интензивными, болѣе сложными и разнообразными. Послѣдствіемъ же всего этого будетъ модификація въ самой структурѣ организма. То, что справедливо по отношенію къ физическому

организму, еще въ большей мѣрѣ примѣнимо къ общественному, въ которомъ съ біологическими соединяются психическія акціи и реакціи, а если такъ, то увеличеніе числа элементовъ, умножая соотвѣтственно число акцій и реакцій, дѣлаетъ общественныя отношенія болѣе сложными и разнообразными, а это ведетъ въ концѣ концовъ къ измѣненію самыхъ основъ общественной организаціи. (стр. 92 и 93). Какъ средство провѣрки, Бугле указываетъ на различіе чувствованій и мыслей, съ одной стороны, въ городѣ, а съ другой, въ деревнѣ. Повторяя Тарда и Лаеля, онъ утверждаетъ, что люди разно любятъ другъ друга въ многолюдномъ центрѣ и въ центрѣ численно ограниченномъ; это различіе будто бы зависитъ отъ того, что въ первомъ постоянно встрѣчаешь массу самыхъ разнообразныхъ индивидовъ, которой нѣтъ во второмъ.

Мысль эта кажется мнѣ тѣмъ болѣе парадоксальной, что ничто не указываетъ на то, чтобы въ городѣ личныя отношенія не могли ограничиться столь же тѣснымъ кругомъ лицъ, какъ и въ деревнѣ. Вѣдь сколько примѣровъ тому, что знакомства и общенія даже въ такихъ обширныхъ центрахъ, какъ Парижъ, не выходятъ для большинства за сферу избранной ими профессіи, если не за предѣлы ихъ квартала или улицы. Едва ли много говоритъ въ подкрѣпленіе только что высказаннаго положенія и заимствованная у Милля мысль, что послѣдователи малочисленныхъ сектъ обыкновенно болѣе привязаны къ догматамъ, нежели послѣдователи универсальныхъ религій. Вѣдь малочисленность въ данномъ случаѣ нерѣдко служитъ указателемъ новизны секты, а не можетъ быть сомнѣнія, что въ самомъ началѣ всякое движеніе является несравненно болѣе интензивнымъ. Если нужны примѣры для подкрѣпленія этой мысли, то я могъ бы указать на тотъ, какой представляютъ квакеры. Малочисленные въ ранній періодъ своего развитія, въ эпоху Фокса и Пена, они способны были на тѣ самопожертвованія, которыми полна исторія Новой Англіи, и, наоборотъ, они потеряли прежнюю способность страдать за вѣру въ XVIII в., при несравненно большей численности, но на значительномъ разстояніи отъ эпохи первоначальнаго образованія секты. Исторія нашихъ сектантовъ также не говоритъ въ пользу гипотезы Бугле. Почему, спрашивается, въ наши дни не заходитъ рѣчи у старообрядцевъ, очевидно размножившихся, о тѣхъ актахъ прозелитизма, которыми такъ богато ихъ прошлое. Очевидно не потому, что интензивность вѣры обратно пропорціональна численности ея прозелитовъ, а потому, что въ царствованіе Анны Іоанновны старообрядчество, вызванное къ жизни Никоновской реформой, было еще близко къ своей колыбели. Я могъ бы для доказательства той же мысли остано-

виться на примѣрѣ французскихъ гугенотовъ, религіозное рвеніе которыхъ въ наше время едва ли напоминаетъ эпоху отмѣны Нантскаго Эдикта и еще въ меньшей степени эпоху близкую къ Варѳоломеевской ночи. Разумѣется, къ юности секты, какъ къ фактору, вліяющему на интензивность ея вѣрованій и чувствъ, присоединяется каждый разъ и добавочное воздѣйствіе направленныхъ противъ нея преслѣдованій. Послѣднее обстоятельство очевидно ведетъ за собою ограниченіе числа ея прозелитовъ. Въ сектѣ остаются только люди глубоко убѣжденные, а это въ свою очередь, помимо тѣхъ соображеній, какія приводятся Бугле, обусловливаетъ собою указанное Миллемъ послѣдствіе. Итакъ въ концѣ концовъ положеніе, высказанное Бугле, нельзя считать обоснованнымъ. Оно ожидаетъ еще исторической провѣрки. Нашъ авторъ приводитъ, правда, такіе факты, какъ исчезновеніе всякихъ прирожденныхъ различій въ постановленіяхъ римскаго права по мѣрѣ квантитативнаго расширенія римскаго общества. Но вѣдь при детальномъ изученіи причинъ этого явленія приходится считаться съ такими факторами, какъ проникновеніе римскаго права, особенно съ момента его сближенія съ греческой культурой, философскими ученіями, нашедшими себѣ выраженіе въ такъ называемомъ правѣ естественномъ, а это обстоятельство сразу переноситъ обсужденіе интересующаго насъ вопроса на совершенно иную почву, почву тѣхъ психическихъ воздѣйствій, съ которыми повидимому не желаетъ считаться Бугле. Авторъ старается также показать, что густота населенія стоитъ въ причинномъ отношеніи съ распространеніемъ идей равенства, и въ доказательство ссылается на то, что уравнительная тенденція гораздо сильнѣе въ Англіи, гдѣ, какъ въ Ланкаширѣ, на квадратную милю приходится 707 жителей, нежели въ Россіи, гдѣ ихъ насчитываютъ всего 17. Но я позволю высказать сомнѣніе въ томъ, чтобы приведенный примѣръ не доказывалъ обратнаго, такъ какъ аристократическія различія не только существуютъ, но относительно вызываютъ мало протеста въ Англіи; въ Россіи же нравы, опережая законодательство, уже рѣшительно возстаютъ противъ нихъ. Свою мысль о связи между густотой населенія и демократизаціей общества Бугле желалъ бы также подкрѣпить тѣмъ фактомъ, что наиболѣе демократическими являются общества съ преобладающимъ городскимъ населеніемъ, а наименѣе демократическими тѣ, въ которыхъ численный элементъ городского населенія сравнительно невеликъ. Но въ такомъ случаѣ Англію нужно было бы признать бо̀льшимъ поборникомъ идеи равенства, чѣмъ Соединенные Штаты и Францію, и наоборотъ, отказать лѣснымъ кантонамъ Швейцаріи въ правѣ счи-

таться демократіями. Бугле думаетъ, что онъ прочно обосновалъ свой взглядъ, показавъ, что въ Индіи и Россіи, въ которыхъ процентъ городского населенія сравнительно незначителенъ, уравнительныя идеи одинаково непопулярны. Но одного уже сближенія страны съ кастовымъ устройствомъ съ страной Табели о рангахъ достаточно. чтобы вызвать сомнѣнье въ возможности поставить въ причинную связь преобладаніе городовъ надъ селами или селъ надъ городами съ силою демократическаго потока. Другимъ элементомъ, вліяющимъ въ томъ же направленіи количественнаго, а не качественнаго измѣненія общества, является, по мнѣнію Бугле, такъ называемая имъ подвижность послѣдняго. Она стоитъ разумѣется въ связи съ легкостью обмѣновъ, въ свою очередь, обусловленной не однимъ распространеніемъ путей сообщенія, какъ, повидимому, думаетъ Бугле, но между прочимъ и отсутствіемъ какихъ бы то ни было преградъ для обмѣновъ, въ родѣ внутреннихъ и внѣшнихъ таможенъ, городскихъ поборовъ (octrois) и т. д., и т. д. Съ этимъ элементомъ дѣйствительно необходимо считаться. Сознаніе этой истины, сознаніе того, что все содѣйствующее обмѣну, начиная съ длины береговой линіи, вліяло и на демократизацію общества, издавна присуще было историкамъ и юристамъ, объяснявшимъ между прочимъ этимъ соображеніемъ широкую изополитію древнихъ Аөинъ. Нашему автору немудрено доказать, что и въ отношеніи къ подвижности современное европейское общество далеко превосходитъ средневѣковое или древнее. Но такъ какъ въ немъ болѣе, чѣмъ въ послѣднихъ двухъ, сказывается вліяніе уравнительныхъ идей, то Бугле готовъ считать это совпаденіе доказательствомъ существующей между обоими фактами причинной связи. Съ своей стороны я вполнѣ готовъ признать, что расширеніе и учащеніе обмѣновъ ведетъ къ демократизаціи общества, но не въ силу одной механической причины, размноженія числа индивидуальныхъ акцій и реакцій. Корень измѣненій, вносимыхъ частыми обмѣнами, понимая этотъ терминъ не въ его исключительно экономическомъ смыслѣ, лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ психологической причинѣ: въ расширеніи кругозора, въ возможности стать лицомъ къ лицу съ иными порядками общественныхъ отношеній, чѣмъ тѣ, какія держатся въ ближайшемъ околодкѣ. Но если такъ, то развитіе обмѣновъ отнюдь не можетъ считаться первопричиной въ ростѣ демократическихъ идей, а только условіемъ ихъ распространенія. Скажу болѣе, расширеніе обмѣновъ можетъ имѣть случайно и противуположное дѣйствіе. Все зависитъ отъ того, съ какими областями происходитъ вызванное ими сближеніе. Подобно тому, какъ Платонъ изъ Египта могъ

вынести идеалъ замкнутыхъ и наслѣдственныхъ дѣленій общества, такъ точно въ болѣе близкую къ намъ эпоху размноженіе обмѣновъ съ Англіей не разъ усиливало въ обществахъ демократическихъ число приверженцевъ аристократіи. Все это не мѣшаетъ принять въ разсчетъ, прежде чѣмъ высказаться въ утвердительномъ смыслѣ о вліяніи, какое на развитіе идей равенства играетъ большая подвижность общества.

Такъ какъ въ глазахъ Бугле существованіе причинной связи между количественнымъ составомъ общества и его демократизмомъ только тогда будетъ считаться вполнѣ доказаннымъ, когда обнаружены будутъ посредствующія звенья въ этомъ воздѣйствіи, то вполнѣ естественнымъ является его стремленіе открыть эти звенья. Приступая къ выполненію этой части своей задачи, онъ останавливаетъ вниманіе читателя на томъ обстоятельствѣ, что увеличеніе массы подданныхъ должно имѣть ближайшимъ послѣдствіемъ такую же перемѣну въ отношеніи къ нимъ правительства, какъ и въ порядкахъ торговли и промышленности. Что измѣненія необходимо должны воспослѣдовать, это кажется очевиднымъ и съ перваго взгляда. Но другой вопросъ, будутъ ли эти измѣненія благопріятны развитію уравнительныхъ тенденцій. Лѣтъ 30 тому назадъ въ сочиненіи, произведшемъ глубокое впечатлѣніе въ предѣлахъ не одной только Франціи, Ипполитъ Пасси старался обосновать противуположный взглядъ, а именно тотъ, что съ массой населенія растетъ число разлагающихъ политическихъ факторовъ, и является поэтому необходимость большей концентраціи власти. Тѣми же соображеніями Ж. Ж. Руссо доказывалъ невозможность существованія народоправства въ обширныхъ политическихъ конгломератахъ, а Катковъ въ ближайшее къ намъ время нормальность существующаго въ Россіи политическаго строя. Въ виду всего этого небезынтересно встрѣтить у Бугле попытку обратной аргументаціи. Бугле представляетъ ее намъ въ слѣдующемъ видѣ. Когда, замѣчаетъ онъ, говорятъ о непримиримости большой массы подданныхъ съ демократическимъ правительствомъ, принимается въ разсчетъ только число населенія, а не его густота и подвижность—феномены распространенные, по его утвержденію, среди всѣхъ демократическихъ обществъ. Если справедливо, что разсѣянность на большомъ протяженіи значительнаго числа подданныхъ содѣйствуетъ мирному владычеству деспотовъ, то концентрація жителей въ большихъ городахъ дѣлаетъ затруднительнымъ осуществленіе ими самодержавія. Вѣдь вся исторія революцій, пережитыхъ XIX в., свидѣтельствуетъ о томъ, что города представляютъ для нихъ вполнѣ подготовленную почву (стр. 111). Это замѣчаніе конечно вѣрно, но причина, по

которой города оказываются болѣе податливыми къ воспріятію уравнительныхъ идей—чисто психологическаго характера, хотя и обусловлены господствующими занятіями жителей и возможностью болѣе тѣснаго воздѣйствія ихъ другъ на друга. Вѣдь любая статистика укажетъ на большій процентъ грамотности, средняго и высшаго образованія въ городахъ, сравнительно съ селами. Съ другой стороны не только фабрика и лавка, но и всѣ мѣста публичныхъ собраній и увеселеній несравненно болѣе многочисленные въ городѣ, чѣмъ въ селѣ, а это въ одно слово указываетъ на возможность въ городѣ болѣе тѣснаго воздѣйствія людей другъ на друга. А гдѣ обмѣнъ мыслей встрѣчается чаще, тамъ съ большею интензивностью сказывается вліяніе не только выдающихся лицъ, но и такъ называемаго общественнаго мнѣнія, т. е. мнѣнія численно-ограниченныхъ круговъ, на массы. Всего этого вполнѣ достаточно, чтобы объяснить, почему города чаще являются выразителями общественнаго недовольства, чѣмъ села, хотя начало революціоннымъ движеніямъ не всегда дается ими. Стоитъ для этого только вспомнить крестьянскія войны среднихъ вѣковъ и эпохи реформаціи, возстанія Стеньки Разина и Пугачевщину. Но если, по утвержденію автора, города являются всегда готовыми очагами возстанія, то изъ этого едва ли слѣдуетъ, чтобы правительству необходимо было открыть въ нихъ широкій просторъ къ демократическимъ тенденціямъ.

Въ исторіи Франціи по крайней мѣрѣ мы видимъ нѣчто совершенно противоположное. Причина, по которой изъ всѣхъ французскихъ муниципій Парижъ одинъ доселѣ не имѣетъ своего избираемаго мэра, а назначаемаго префекта полиціи, очевидно ближе стоитъ къ теоріи усиленія власти по мѣрѣ умноженія съ численностью населенія и разлагающихъ элементовъ, нежели къ той, сторонникомъ которой является Бугле. Я позволю себѣ поэтому не считать доказаннымъ положеніе, будто численность современныхъ городовъ болѣе располагаетъ ихъ къ принятію демократическихъ учрежденій, чѣмъ ограниченность населенія, присущая городамъ древности. Я совершенно согласенъ съ приводимымъ Бугле мнѣніемъ Бенжамена Констана, что античная свобода отлична отъ современной, что она болѣе состояла въ непосредственномъ участіи въ осуществленіи суверенитета, чѣмъ въ пользованіи публичными правами. Но я не вижу, какое подтвержденіе даетъ эта мысль главному тезису разбираемаго нами автора, тѣмъ болѣе, что отнюдь не можетъ быть доказано естественное противорѣчіе между прямымъ народоправствомъ и признаніемъ публичныхъ правъ гражданъ. Иначе пришлось бы думать, что лѣсные кантоны, доселѣ практикующіе это народоправство, тѣмъ самымъ отказа-

лись отъ свободы личности или отъ принципа неприкосновенности собственности, все равно частной или общинной. Исторія избирательнаго права въ Англіи впрочемъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что олигархическія вліянія, а чрезъ ихъ посредство и аристократическія, долгое время находили въ городахъ надежный оплотъ, такъ что всякая реформа въ смыслѣ демократическомъ, начиная отъ задуманной Кромвелемъ и оканчивая биллемъ 1832 г., всегда имѣла въ виду сокращеніе числа депутатовъ отъ городовъ и расширеніе числа представителей отъ графствъ. Вѣдь въ городахъ, какъ мы видѣли, выборы сосредоточивались въ рукахъ тѣсныхъ олигархическихъ совѣтовъ, пополняемыхъ путемъ кооптаціи. Источникъ различія современной свободы отъ древней лежитъ разумѣется не въ одной численности населенія, а, съ одной стороны, въ большей отрѣшенности индивида отъ контроля семьи и рода, а съ другой, въ порожденномъ христіанствомъ представленіи, что совѣсть не допускаетъ никакихъ внѣшнихъ стѣсненій, кромѣ тѣхъ, разумѣется, источникомъ которыхъ является ортодоксальная интерпретація догматовъ и обрядовъ. Въ этихъ двухъ явленіяхъ лежитъ причина современнаго признанія правъ личности; большая же численность населенія только сдѣлала невозможнымъ прямое участіе демоса въ городскихъ дѣлахъ.

Желая дать психологическую основу своимъ историческимъ индукціямъ, Бугле пускается въ разсужденія о томъ, что увеличеніе численнаго состава общества располагаетъ къ уваженію человѣческаго достоинства (стр. 115). Вѣдь идея человѣчества, говоритъ онъ, представляется только расширеніемъ идеи семьи и идеи государства.

Удивительно ли, если численное расширеніе общественныхъ союзовъ все болѣе и болѣе приближаетъ насъ къ идеѣ человѣчества. Я признаюсь совершенно непонимаю силы такого аргумента. Какъ бы многочисленны ни были татарскія орды, человѣческое достоинство признается въ нихъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой такое признаніе поощряется догматами вѣры и веленіями хана и его правительства. Я думаю, Бугле смѣшиваетъ здѣсь два довольно близкихъ, но все же разнохарактерныхъ явленія. Мы имѣли уже случай говорить о томъ, что въ обществахъ, построенныхъ на кровномъ началѣ, каковы всѣ первобытныя общества, родовыя отношенія людей другъ къ другу обусловливаются присутствіемъ или отсутствіемъ физическаго или искусственнаго родства. При замѣнѣ кровнаго единства сосѣдскимъ, идея чужеземца—врага уже значительно ограничивается, и это ограниченіе продолжается по мѣрѣ того, какъ всѣ индивиды одного и того же народа начинаютъ

смотрѣть на себя, какъ на членовъ своего рода расширенной семьи. Такимъ образомъ квантитативныя различія въ составѣ обществъ тѣсно связаны съ квалитативными. Расширеніе общественныхъ круговъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ и расширеніе сферы общественной солидарности, а это въ свою очередь должно имѣть послѣдствіемъ, что большее число лицъ получаютъ отъ насъ признаніе ихъ человѣческаго достоинства. Это въ концѣ концовъ и обусловливаетъ собою упроченіе, совершенно впрочемъ относительное идеи равенства. Она въ данномъ случаѣ можетъ и не исключать сословныхъ или классовыхъ различій и соотвѣтственно сословной или классовой исключительности. Вотъ почему обширныя монархіи, будучи національными, въ то же время могли быть и аристократическими. Для примѣра сошлюсь хотя бы на французскую монархію временъ Людовика XIV-го или на русскую Имперію въ моментъ быть можетъ самого высокагo подъема національнаго сознанія и патріотизма—царствованіе Александра I-го. Итакъ расширеніе сферы солидарности — ближайшее послѣдствіе образованія болѣе численныхъ политическихъ союзовъ, еще не ведетъ необходимо къ нивеллированію общества.

Бугле ссылается на тотъ фактъ, что въ правленіе Александра Македонскаго античная мораль сдѣлалась одновременно и болѣе универсальной, и болѣе личной. Въ этомъ фактѣ, да еще въ утверждаемомъ Буркгартомъ открытіи одновременно понятія о человѣчествѣ и объ индивидуальности, онъ усматриваетъ доказательство тому, что расширеніе общества ведетъ одновременно и къ пониманію правъ человѣчества и къ признанію правъ индивида. Но одно уже сопоставленіе бокъ о бокъ такихъ явленій, какъ имперія Александра Македонскаго и мелкія республики и тиранніи эпохи Возрожденія въ Италіи, показываетъ, вопреки гипотезѣ Бугле, что источникъ развитія гуманитарныхъ и индивидуалистическихъ чувствъ и представленій лежалъ въ обстоятельствахъ, не стоявшихъ въ непосредственной связи съ одной численностью общества, а въ томъ расширеніи психическаго горизонта, какое необходимо послѣдовало и отъ насильственнаго сближенія грековъ съ странами Востока, и отъ болѣе тѣснаго знакомства итальянцевъ эпохи Возрожденія съ основами универсальной философіи, морали и политики, благодаря знакомству съ сочиненіями Платона и вообще со всѣмъ античнымъ міросозерцаніемъ. Насильственное сближеніе Италіи съ Франціей, благодаря походамъ Карла VIII и Людовика XII, также не мало могло способствовать расширенію горизонта и, какъ послѣдствіе, росту гуманитарныхъ индивидуалистическихъ идей. Я не стану продолжать дальше этого анализа не оправдываемой по

моему фактами теоріи о томъ, что расширеніе обществъ имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ ихъ демократизацію. Но прежде чѣмъ перейти къ вопросу о вліяніи квалитативныхъ различій общества въ томъ же направленіи, я позволю себѣ сказать два слова о той связи, въ какую приводитъ Бугле густоту населенія съ развитіемъ идеи равенства. Переходя неожиданно на психологическую почву, авторъ строитъ свою аргументацію на предположеніи, что густота населенія необходимо ведетъ къ упраздненію сепаратизма, послѣ чего немыслимо сохраненіе того ореола, какимъ окружали себя, положимъ, деспоты Востока. Я не вижу однако, чтобы въ Китаѣ, при всей густотѣ его населенія, императорскому двору не удалось сохранить своей обособленности, и чтобы того же нельзя было сказать о кастахъ Индіи даже въ самыхъ густонаселенныхъ ея провинціяхъ. Приводимое авторомъ замѣчаніе Буркгарта, что граждане и дворяне, живя совмѣстно въ городахъ Италіи, тѣмъ самымъ содѣйствовали въ ней развитію индивидуализма, справедливо лишь въ той мѣрѣ, въ какой своими законодательными предписаніями итальянскія муниципіи принудили дворянъ стать на равную ногу съ простыми гражданами и даже нерѣдко заискивать у черни въ надеждѣ создать въ ней союзника противъ стремящейся къ власти высшей буржуазіи. Но если такъ, то источникъ демократической тенденціи лежитъ и въ Италіи не въ густотѣ населенія, а въ фактахъ характера нѣсколько отличнаго отъ нея.

Всего вѣрнѣе то, что Бугле говоритъ о вліяніи, какую подвижность населенія оказываетъ на ростъ демократическихъ идей. Но опять таки это вліяніе обусловливается не умноженіемъ числа отношеній, въ какія людямъ приходится стать другъ къ другу, а психическимъ воздѣйствіемъ расширенія кругозора, необходимо связаннымъ съ возможностью быстраго и легкаго перемѣщенія. Въ этомъ только смыслѣ можно говорить о значеніи, какое пути сообщенія и въ частности желѣзныя дороги имѣютъ для демократизаціи современныхъ обществъ. Послѣ всего сказаннаго читатель не удивится, что мы отказываемся подписаться подъ слѣдующимъ заявленіемъ: «съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на увеличеніе соціальной массы, необходимо признать, что многочисленными и разнообразными путями она приводитъ людей къ уравненію. Соотношеніе между численнымъ ростомъ и идеями равенства не случайно». Если наши возраженія справедливы, то только что приведенное положеніе остается голословнымъ.

Тогда какъ въ только что разобранной главѣ мысль автора отличается большою опредѣленностью, того же отнюдь нельзя сказать о его дальнѣйшихъ соображеніяхъ о роли, какую однообразный или—

наоборотъ—разнохарактерный, или гетерогенный составъ общества имѣетъ на развитіе идей равенства. Если мы вѣрно поняли его мысль, то по его мнѣнію общества не должны представлять никакихъ рѣзкостей ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи, чтобы сдѣлаться очагами уравнительныхъ идей. Общества черезчуръ однообразныя, по его аргументаціи, не допускаютъ значительнаго расширенія своего численнаго состава, а такъ какъ квантитативныя различія, т. е. въ частности масса населенія, какъ онъ думаетъ, непосредственно вліяютъ на развитіе равенства, то отсюда слѣдуетъ непримиримость съ этимъ развитіемъ однохарактерности общественнаго состава. Эта мысль въ сущности является не болѣе какъ варіантомъ на яснѣе формулированное положеніе Дюркгейма. Мы видѣли, что по мнѣнію этого социолога численность общества стоитъ въ причинномъ отношеніи къ раздѣленію труда. Общества, не знающія такого дѣленія — общества однохарактернаго состава, не призваны къ численному прогрессу. Отсюда тотъ выводъ, что гомогенность стоитъ въ прямомъ противорѣчіи и съ массовымъ составомъ общества, и съ необходимо связаннымъ съ нимъ, по Бугле, пристрастіемъ къ равенству. Болѣе основательнымъ кажется мнѣ то соображеніе, какое высказано было Зиммелемъ и заимствуется у него Бугле. Оно состоитъ въ признаніи бо́льшей широты взглядовъ въ обществахъ, отличающихся меньшимъ однообразіемъ, благодаря тому, что, какъ доказываетъ психологія, идеи осложняются по мѣрѣ того, какъ обхватываемые ими предметы становятся болѣе разнообразными. А если такъ, то общества гетерогенныя болѣе склонны къ признанію идеи человѣческаго достоинства, нежели гомогенныя (стр. 138). Впрочемъ все это разсужденіе представляетъ только варіацію на ту тему, что въ обществахъ, не знающихъ раздѣленія труда, индивидъ всецѣло подчиняется группѣ—тема, развитіе которой мы нашли ранѣе въ сочиненіяхъ Дюркгейма. Существованіе большихъ и нераздѣльныхъ семей съ распредѣленіемъ въ нихъ однообразныхъ занятій обыкновенно старѣйшимъ по возрасту составляетъ, какъ извѣстно, общую черту всюду, гдѣ слаба общественная дифференціація, а слѣдовательно отсутствуетъ раздѣленіе труда *).

---

*) Бугле ссылается на примѣръ славянскихъ задругъ, о которыхъ, сказать мимоходомъ, Гви-Кокиль, федистъ 16-го вѣка, вопреки утвержденію автора не сказалъ и не могъ сказать ни слова по той простой причинѣ, что онѣ оставались ему совершенно неизвѣстными (стр. 139). Я отмѣтилъ это упущеніе, какъ характерное въ смыслѣ продолжающагося незнакомства французовъ съ славянскимъ міромъ. Весьма осторожный въ общемъ въ своихъ цитатахъ, французскій эрудитъ, говоря о Россіи и другихъ одноплеменныхъ съ нею

Съ этимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ вопросу о возможности развитія равенства въ обществахъ, не знающихъ раздѣленія труда, Бугле соединяетъ критику теорій, думающихъ, что раздѣленіе труда ведетъ къ неравенству. Признаюсь, къ числу лицъ, допускающихъ, что раздѣленіе труда призвано было наложить свою печать и на созданіе кастъ, и на созданіе сословій, а позднѣе классовъ, принадлежу и я, вмѣстѣ съ цитируемыми авторомъ Перье и Рише, принадлежитъ по всей вѣроятности и большинство историковъ, когда-либо занимавшихся вопросомъ о возникновеніи общественныхъ различій, принадлежитъ наконецъ и самъ Бугле въ его новѣйшей статьѣ о кастахъ въ Индіи. Одно изъ двухъ: касты или вызваны этнографическими различіями, какъ утверждаетъ Гумпловичъ, или источникомъ ихъ является наслѣдственность разъ обособившихся занятій. Бугле справедливо указываетъ невозможность помириться съ первой точкой зрѣнія, отсюда сама собой слѣдуетъ необходимость принять вторую *).

Для меня поэтому не вполнѣ убѣдительно слѣдующее его разсужденіе. «Говорить, что раздѣленіе труда вызываетъ неравенство въ обществахъ, это игнорировать психологическій характеръ общественныхъ единицъ. Общественная среда вліяетъ на эти единицы. Это вліяніе не сказывается только въ чисто механическихъ трансформаціяхъ, но въ идеяхъ и чувствованіяхъ, внушаемыхъ этой средой» (стр. 143). Исторія цеховъ, сперва болѣе или менѣе открытыхъ сообществъ, а потомъ стремящихся къ замкнутости по мѣрѣ увеличе-

странахъ, обыкновенно впадаетъ въ комическія ошибки. Рядомъ съ только что приведенной, я упомяну еще о заявленіи другого столь же серьезнаго французскаго соціолога, разборомъ котораго мы займемся вскорѣ, я разумѣю Коста. Въ своемъ сочиненіи Объ опытѣ народовъ, на стр. 122-ой Костъ, дважды повторяетъ, что Кіевъ въ V вѣкѣ былъ городомъ довольно значительнымъ, а въ VI весьма значительнымъ, именно насчитывалъ 300 храмовъ и многочисленное населеніе, привлекаемое 8 годичными ярмарками. Въ оправданіе этого взгляда авторъ ссылается на Исторію торговой ассоціаціи Фринье (стр. 72. Примѣчаніе).

*) Правда онъ считаетъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ, по которому каста на первыхъ порахъ является своего рода гильдіей, или торговой и промышленной корпораціей. Но онъ критикуетъ эту теорію на ряду съ тѣми, которыя видятъ въ кастѣ расширенную семью, или кланъ, искусный обманъ браминовъ и т. д. Общій же выводъ автора тотъ, что касты обязаны своимъ существованіемъ взаимодѣйствію экономическихъ и религіозныхъ причинъ, а не вліянію «однихъ требованій промышленности», такъ какъ наслѣдственная спеціализація занятій не находитъ себѣ объясненія въ нихъ. (L'annee sociologique, годъ 4, стр. 62). Но достаточно признанія, что эти «требованія индустріи», т. е. раздѣленія труда, участвовали въ образованіи кастъ, чтобы причислить и Бугле къ сонму писателей, думающихъ, что раздѣленіе труда не является необходимымъ союзникомъ равенства.

нія общества и его густоты, представляется мнѣ стоящей въ рѣшительномъ противорѣчіи съ гипотезой объ уравнительномъ вліяніи, оказываемомъ раздѣленіемъ труда. Игрою словъ считаю я также заявленіе, что раздѣленіе труда можетъ вызвать неравенство только тогда, когда оно нашло себѣ только начальное выраженіе: если же довести его до конца, то въ результатѣ получится обратное (та же стр. 143). Та же исторія цеховъ можетъ служить средствомъ къ опроверженію этой мысли. Вѣдь общественныя противорѣчія нимало не исчезали по мѣрѣ дробленія цеховъ или обособленія различныхъ вѣтвей одного и того же промысла въ различныя корпораціи, какъ не слабѣютъ они въ наши дни отъ того, что спеціализація занятій дошла до такихъ предѣловъ, что изготовленіе однѣхъ головокъ булавки поглощаетъ существованіе тысячъ рабочихъ. Очевидно, что не раздѣленіе труда, а рано или поздно проникающее въ общество сознаніе солидарности различныхъ его видовъ можетъ сдѣлаться источникомъ обратной уравнительной тенденціи. Но оба теченія не совпадаютъ обыкновенно во времени, и было бы несправедливо утверждать, что стоитъ раздѣлить трудъ, чтобы вызвать чувство солидарности лицъ, участвующихъ въ этомъ дѣленіи. Общій выводъ Бугле слѣдующій: абсолютное однообразіе общественнаго состава мѣшаетъ индивидуализму, какъ абсолютное разнообразіе препятствуетъ людямъ видѣть общіе интересы человѣчества.

Поэтому въ своихъ крайностяхъ однообразіе и разнообразіе одинаково препятствуютъ торжеству начала равенства. Длинный историческій экскурсъ завершаетъ эту главу, при чемъ авторъ пользуется одинаково и примѣромъ Аѳинъ, болѣе демократическихъ, чѣмъ Спарта, благодаря болѣе легкому сношенію съ иностранцами (въ виду очевидно своего морского положенія), и примѣромъ Рима, который, благодаря пестротѣ своего этнографическаго состава, сдѣлался, по выраженію Геринга, борцомъ универсализаціи; наконецъ примѣромъ Франціи, гдѣ по изслѣдованіямъ антропологовъ можно найти смѣсь всевозможныхъ расъ и народностей, что, по мнѣнію Бугле, и призвано поддерживать въ ней демократическій идеалъ. Сходство порождается впрочемъ между людьми не однимъ только сближеніемъ расъ, искусственнымъ или естественнымъ, но и подражаніемъ, и тутъ Бугле съ нѣкоторыми оговорками принимаетъ цѣликомъ ученіе Тарда и даже полемизируетъ съ тѣми, кто, какъ Беджготъ, напримѣръ, думаютъ, что роль подражанія падаетъ вмѣстѣ съ цивилизаціей. «Развѣ Тардомъ не установлено побѣдоносно, что подражаніе въ формѣ моды смѣняетъ подражаніе въ формѣ обычая». Бугле не склоненъ только допустить, что эта мода въ свою очередь переходитъ или перейдетъ въ обычай. Благодаря самой своей

многочисленности, эти моды, по его мнѣнію, оставляютъ извѣстный просторъ для человѣческаго выбора. «Благодаря множеству воздѣйствій, говоритъ онъ, возрождается свобода». De la multiplicité des sujétions renait la liberté (стр. 162).

Третья глава посвящена рѣшенію весьма интереснаго вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ участіе человѣка въ рядѣ сообществъ, охватывающихъ его не всецѣло, а такъ сказать по частямъ, содѣйствуетъ развитію равенства. Вліяніе въ данномъ случаѣ сказывается въ размноженіи числа человѣческихъ отношеній. А это, согласно основному ученію автора, вліяетъ на ростъ уравнительныхъ идей, какъ всѣ вообще квантитативныя различія. Только тѣ общественные союзы, которые вполнѣ захватываютъ индивида, какъ напримѣръ рабочіе синдикаты, могли бы оказать противодѣйствіе этому теченію, но изъ современныхъ статистическихъ данныхъ слѣдустъ, что большинство людей все же состоитъ членами нѣсколькихъ разнохарактерныхъ сообществъ. Такъ въ Германіи изъ 5 милліоновъ, выражающихъ общую цифру тѣхъ, кто принадлежитъ не къ одному только ферейну, 3½ мил. падаетъ на рабочихъ и приказчиковъ (стр. 182). Какимъ же образомъ, спрашивается, это осложненіе обществъ можетъ ускорить наступленіе равенства? (стр. 188).

Бугле отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ. Есть основаніе думать, говоритъ онъ, что чѣмъ больше будетъ число пересѣкающихъ другъ друга въ своей дѣятельности общественныхъ союзовъ, тѣмъ болѣе увеличится общественная густота или число возникающихъ между людьми отношеній. Къ этому общему положенію, съ которымъ мы уже знакомы, и которое въ глазахъ автора имѣетъ послѣдствіемъ демократизацію, присоединяется два другихъ—большая ассимиляція частныхъ лицъ, соединяемыхъ однимъ сообществомъ, и большая индивидуализація каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Послѣднее положеніе заимствовано Бугле у Зиммеля, сказавшаго въ своей «Общественной Дифференціаціи», что подобно тому какъ своеобразность того или другого предмета возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія числа идей, въ порожденіи которыхъ онъ участвуетъ (?), въ такой же степени множество группъ, участниками которыхъ является одинъ и тотъ же индивидъ, содѣйствуетъ развитію его оригинальности, (стр. 190, резюмирующая содержаніе 3-ей гл. книги Зиммеля). Прилагая это общее правило къ частному факту, пришлось бы придти къ тому заключенію, что посѣтители всякаго рода конгрессовъ становятся тѣмъ оригинальнѣе, чѣмъ больше число посѣщаемыхъ ими собраній этого рода. Между тѣмъ каждый могъ изъ собственнаго опыта вынести обратное заключеніе. Вообще на всемъ сочиненіи Бугле

невыгоднымъ образомъ отразилось вліяніе той позитивной метафизики, очагами которой становятся германскіе университеты, съ которыми онъ, какъ можно судить по его книгѣ «Преподаваніе общественныхъ наукъ у нѣмцевъ», имѣлъ случай познакомиться довольно близко. Не порвавъ вполнѣ съ такъ долго процвѣтавшею въ нихъ идеологіей, естественнымъ правомъ, культуръисторіей и другими полунаучными дисциплинами, нѣмецкіе народные психологи, политики и мнимо-соціологи до сихъ поръ не потеряли склонности витать надъ фактами вмѣсто того, чтобы дѣлать свои выводы непосредственно изъ этихъ фактовъ. Гораздо ближе къ истинѣ, но въ то же время совершенно лишеннымъ всякой оригинальности является Бугле, когда, вслѣдъ за Ірингомъ, Марксомъ и рядомъ писателей, число которыхъ легіонъ, онъ утверждаетъ и доказываетъ уравнительное вліяніе денегъ и торговли и столь же нивеллирующее вліяніе чиновничества, являющагося на смѣну родовой аристократіи. Но въ такомъ случаѣ, почему же имъ упущенъ изъ виду порождаемый последнимъ факторомъ демократизмъ Китая и Россіи? Старую истину, оправдываемую всѣмъ ходомъ развитія избирательнаго права, повторяетъ Бугле, воспроизводя слова Бутми, что ростъ движимой собственности, которая можетъ быть увеличиваема произвольно, содѣйствуетъ исчезновенію тѣхъ общественныхъ преимуществъ, которыя связываются обыкновенно съ владѣніемъ недвижимостью, масса которой не подлежитъ такому безграничному возрастанію. (Стр. 204).

Бугле заканчиваетъ свой трактатъ довольно интереснымъ разсужденіемъ о непосредственномъ вліяніи политическаго объединенія на ростъ демократическихъ идей. Онъ справедливо замѣчаетъ, что это объединеніе мыслимо только въ томъ случаѣ, когда къ признанію общаго правительства присоединяется еще сліяніе чувствованій и желаній отдѣльныхъ индивидовъ по вопросу о жизни совмѣстной. Другими словами, необходимо, чтобы единство государства поддерживалось единеніемъ массы его жителей. Очевидно, что этому требованію не отвѣчаетъ большинство восточныхъ имперій, и что наоборотъ оно вполнѣ осуществлено было Римомъ, о которомъ Евсевій говоритъ, что имъ положенъ былъ конецъ существованію прежняго множества начальниковъ и тиранновъ надъ націями, а Варронъ, что благодаря ему міръ сдѣлался однимъ городомъ (fiebat orbis urbs). Это заявленіе находитъ впрочемъ серьезныхъ критиковъ, въ лицѣ современныхъ римскихъ историковъ, въ томъ числѣ Дюрюи. Отъ ихъ вниманія не ускользнуло, что римское единство, особенно въ послѣдніе вѣка имперіи, поддерживалось исключительно

войскомъ и чиновниками. Такъ что стоило только внести иноземный элементъ въ составъ перваго, чтобы тѣмъ самымъ положить начало разложенію имперіи. Вообще идея національности—явленіе новаго времени, и вводить ее въ понятіе унификаціи обществъ равнозначительно признанію, что объединенныхъ національныхъ группъ въ древнемъ мірѣ вовсе не было. Бугле повидимому склоненъ думать, что это замѣчаніе можетъ быть распространено и на средніе вѣка, когда, по словамъ Бомануара, нельзя было встрѣтить во Франціи двухъ замковъ, жители которыхъ слѣдовали бы одинаковому обычаю. Но въ такомъ случаѣ, какъ объяснить то движеніе, которое вызвало собою образованіе національныхъ государствъ и интеграцію въ самой Германіи, все еще сохранявшей идею и внѣшнія формы римскаго единства, болѣе мелкихъ политическихъ тѣлъ. Я не прочь поставить въ вину изучаемому мною автору ту тѣсную связь, въ какую онъ ставитъ идею національнаго единства съ централизаціей. Онъ совершенно произвольно приписываетъ и Англіи и Германіи то же стремленіе къ сплоченности, которое будто бы сказалось во Франціи въ успѣхахъ централизаціи. Вѣдь имперіализмъ, о которомъ такъ много говорится въ наше время, не исключаетъ существованія рядомъ съ нимъ автономныхъ тѣлъ, какими являются отдѣльныя государства Германіи или Штаты Сѣверной Америки, а тѣмъ болѣе мѣстнаго самоуправленія, только недавно демократизировавшагося въ Англіи. Впрочемъ предразсудокъ Бугле не новъ. Мы встрѣчаемъ его уже у Токвиля. Въ Старомъ порядкѣ и революціи изобразитель судебъ американской гражданственности ставитъ себѣ вопросъ, почему Франція сдѣлалась провозвѣстницей идей равенства? Словно забывая о причинахъ, вызвавшихъ однохарактерное явленіе въ Соединенныхъ Штатахъ, Токвиль отвѣчаетъ: потому что Франція болѣе всѣхъ европейскихъ странъ достигла политическаго объединенія (стр. 85).

Бугле повторяетъ вслѣдъ за Токвилемъ: равенство и объединеніе развиваются параллельно и прогрессивно. Предвидя возможность того возраженія, что Американскіе Соединенные Штаты не централизованы и въ то же время демократичны, онъ устраняетъ его тѣмъ соображеніемъ, что ихъ пристрастіе къ уравнительнымъ идеямъ имѣетъ своимъ источникомъ тѣ особыя условія, въ какія еще со временъ грековъ всегда попадали колонисты, будто бы не уносившіе съ собою никакихъ слѣдовъ существовавшаго въ метрополіи соціальнаго неравенства. Мы имѣли уже случай замѣтить, насколько невѣрно подобное представленіе въ отношеніи къ англійскимъ колоніямъ въ Новомъ Свѣтѣ съ ихъ Лордами-палатинами, первостепенными и второстепенными вассалами и т. д. Если осно-

ванные этими Палатинами штаты, въ родѣ Мариланда и Каролины, тѣмъ не менѣе перешли къ демократіи, то причина этого лежитъ въ позднѣйшей эмиграціи и численномъ преобладаніи въ нихъ послѣдователей передовыхъ сектъ протестантства. Они-то и принесли съ собою идеалы демократическаго устройства одинаково церкви и государства. Всѣ пророчества о томъ, что и Америкѣ грозитъ централизаціонная политика, прикрывающаяся именемъ имперіализма, кажутся малоубѣдительными, по крайней мѣрѣ всякому, кто, подобно мнѣ, вынесъ изъ пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ увѣренность сохраненія ими бокъ о бокъ съ довольно энергичной внѣшней политикой и старинной привязанности къ мѣстной автономіи.

Переходя къ вопросу, съ помощью какихъ посредниковъ объединеніе обществъ ведетъ къ равенству, Бугле формулируетъ рядъ положеній, все еще ожидающихъ исторической провѣрки. Первое то, что объединеніе увеличиваетъ такъ называемую имъ общественную густоту, т. е. массу жителей, другими словами, установляетъ благопріятное равенству квантитативное различіе. Мы уже имѣли случай высказаться насчетъ того, какое значеніе надо признать за этимъ факторомъ. Во вторыхъ, подчиняя всѣхъ одному закону и однѣмъ властямъ, объединеніе вноситъ въ общество единообразіе. Но мы видѣли, какъ Бугле самъ признаетъ, что крайнее проявленіе такого единообразія отнюдь неблагопріятно развитію равенства. Въ третьихъ—объединеніе будто бы увеличиваетъ число общественныхъ союзовъ, присоединяя къ прежнимъ, напр. къ семьѣ и провинціи, высшіе союзы города-государства или націи-государства; но исторія, какъ намъ кажется, доказываетъ нѣчто обратное, а именно то, что послѣдствіемъ централизаціи является постепенное исчезновеніе мѣстной жизни,—жизни общины и прихода, жизни округа и провинціи. Поэтому является далеко не рѣшеннымъ, въ какой мѣрѣ унификація общества съ помощью централизаціоннаго процесса содѣйствуетъ увеличенію, а не уменьшенію числа общественныхъ союзовъ. Болѣе справедливо другое обобщеніе Бугле, что сильное центральное правительство упраздняетъ прежнія мѣстныя іерархіи. Эта мысль не нова, и вся исторія развитія абсолютной монархіи служитъ доказательствомъ невозможности существованія рядомъ съ нею сколько нибудь самостоятельнаго дворянства, а только придворнаго и служебнаго. Но если послѣдствіемъ упраздненія мѣстныхъ начальствъ и авторитетовъ будетъ одно объединеніе въ безправіи, то еще вопросъ, насколько выиграетъ отъ такого порядка демократическая тенденція. На основаніи всего сказаннаго мы не можемъ подписаться подъ

словами Бугле: нѣтъ противорѣчія между демократіей и централизаціей, онѣ стоятъ другъ съ другомъ въ причинной зависимости. Расходясь въ корнѣ со всей аргументаціей нашего автора, мы не считаемъ побѣдоносными тѣ возраженія, какія Бугле представляетъ противъ извѣстнаго тезиса Спенсера о переходѣ обществъ отъ военнаго типа къ типу индустріальному и отъ деспотизма къ демократіи. Мы продолжаемъ видѣть въ централизаціи не болѣе, какъ пережитокъ того устройства общества на подобіе военнаго лагеря, какое присуще всякому правительству, преслѣдующему завоевательную политику. Нельзя считать возраженіемъ противъ Спенсера, что индустріализмъ въ наше время не вытѣснилъ собою вполнѣ милитаризма, такъ какъ смѣна двухъ противуположныхъ порядковъ не можетъ быть быстрой. Но уже тотъ фактъ, что изъ постоянныхъ войны сдѣлались сравнительно рѣдкими, и что государства всего чаще предпринимаютъ ихъ для расширенія своихъ рынковъ и своего торговаго обмѣна, разумѣется, говоритъ въ пользу того, что индустріализмъ сдѣлался господствующимъ теченіемъ современныхъ обществъ. Я не считаю также серьезнымъ аргументомъ заявленіе, что централизованныя общества угнетаютъ индивидовъ только для того, чтобы сдѣлать ихъ равными. Такіе парадоксы являются не болѣе, какъ перезвономъ облюбованной французскими историками темы, что абсолютная монархія подготовила движеніе въ пользу равенства и тѣмъ самымъ была дѣйствительнымъ предшественникомъ революціи. Спенсеръ очевидно имѣетъ основаніе сомнѣваться въ справедливости такого положенія, такъ какъ параллельное развитіе демократіи и свободы началось въ его странѣ съ момента пораженія абсолютной монархіи. Столь же неопровержимымъ мнѣ кажется другое положеніе Спенсера, что централизованное правительство враждебно свободнымъ и открытымъ ассоціаціямъ, основаннымъ на началѣ договора. Достаточно вспомнить только то преслѣдованіе рабочихъ союзовъ и то завѣдомое стремленіе поддержать замкнутость ремесленныхъ цеховъ, образцы чего представляетъ намъ Франція стараго порядка. Вѣдь и для нея, какъ для современныхъ неограниченныхъ правительствъ, всякая объединенная политика рабочихъ въ борьбѣ съ капиталомъ и поэтому всякая стачка носили и носятъ характеръ преслѣдуемаго закономъ заговора. Но если централизація такимъ образомъ нисколько не содѣйствуетъ, а наоборотъ препятствуетъ такъ называемому Бугле осложненію обществъ, то тѣмъ самымъ падаетъ одно изъ главныхъ условій, содѣйствующихъ развитію равенства.

Мы покончили съ разборомъ одного изъ послѣднихъ произве-

деній французской соціологической школы. Оно, какъ намъ кажется, довольно убѣдительно доказываетъ неподготовленность молодой науки къ рѣшенію столь сложнаго и въ сущности болѣе конкретнаго, чѣмъ думаютъ, вопроса о причинахъ, по которымъ меньшинство человѣчества вступило въ періодъ уравнительнаго движенія. Я думаю, что этотъ вопросъ никакъ не можетъ быть разсматриваемъ независимо отъ распространенія въ массахъ положительнаго знанія и упадка въ нихъ параллельно съ этимъ суевѣрій и предразсудковъ, благопріятныхъ поддержанію іерархическихъ различій; но этого я и не нахожу въ сочиненіи Бугле. Онъ повидимому враждебно относится къ тому соціологическому направленію, которое вмѣстѣ съ Контомъ ставитъ умственное развитіе краеугольнымъ камнемъ всякихъ перемѣнъ и въ общественной структурѣ.

§ 2.

Мы видѣли, что писатели, озабоченные пріисканіемъ особыхъ законовъ для соціологіи, законовъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которые управляютъ движеніемъ неорганической и органической природы, а также нашей психической дѣятельностью, останавливаются на раздѣленіи труда, или, какъ выражается Зиммель, на соціальной дифференціаціи, источникомъ которой является это дѣленіе, какъ на ближайшемъ факторѣ современной соціальной структуры. Большее или меньшее развитіе этого фактора даетъ въ ихъ глазахъ ключъ къ объясненію всей общественной эволюціи. Но уже Дюркгеймъ, переходя къ вопросу о самомъ происхожденіи изучаемаго имъ фактора и признавъ существованіе обществъ, гдѣ раздѣленіе труда болѣе или менѣе неизвѣстно, долженъ былъ задаться вопросомъ, чѣмъ обусловливается возникновеніе самой спеціализаціи занятій. Такимъ образомъ, переходя отъ послѣдующаго къ предыдущему, онъ постепенно пришелъ къ постановкѣ того самаго вопроса о вліяніи роста населенія и его густоты на раздѣленіе труда и вообще на внутренній строй обществъ, на которомъ въ XVIII вѣкѣ останавливался еще итальянецъ Ортесъ, и которому, вслѣдъ за экономистами и въ особенности Мальтусомъ, придано было выдающееся значеніе для всей соціальной эволюціи основателемъ положительной философіи Контомъ. Въ «Лекціяхъ по исторіи экономическаго развитія Европы», какъ и въ болѣе обширномъ трактатѣ, озаглавленномъ «Экономическій ростъ Европы», я самъ старался прослѣдить вліяніе этого фактора на измѣненіе какъ порядковъ производства, земледѣльческаго и индустріальнаго, такъ и порядковъ распредѣ-

ленія недвижимой и движимой собственности. Мнѣ кажется, что тому же росту населенія, въ связи съ возрастающей его густотой (оба фактора стоятъ въ тѣсной связи между собою, и я не считаю возможнымъ отдѣлять ихъ другъ отъ друга), необходимо приписать не только замѣну первобытныхъ промысловъ земледѣліемъ и послѣдовательную смѣну въ немъ подсѣчнаго хозяйства двухъ-польнымъ, трехъ-польнымъ и плодо-перемѣннымъ съ соотвѣтствующимъ сокращеніемъ общинныхъ пользованій, но и постепенный упадокъ надѣльной системы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основаннаго на ней крѣпостного права и оброчнаго владѣнія, всюду принимающаго форму половничества, или раздѣла урожаевъ на равныя или неравныя доли между собственникомъ и съемщикомъ. Тому же фактору принадлежитъ починъ и въ замѣнѣ помѣстнаго и домашняго производства мануфактурами, отправляемыми не столько единичными рабочими, сколько корпораціями лицъ одного ремесла или промысла, и позднѣйшую дифференціацію въ средѣ этихъ союзовъ предпринимателей, устраивающихъ болѣе или менѣе замкнутыя сообщества (цехи), и простыхъ исполнителей труда, кое-гдѣ образующихъ изъ себя рабочія братства. Наконецъ тому же росту населенія и его большей густотѣ я приписываю и позднѣйшій переходъ отъ мануфактуръ къ машинофактурамъ и соотвѣтственно дальнѣйшую дифференціацію обработывающей промышленности между двумя группами производителей: капиталистомъ-предпринимателемъ и пролетаріемъ, рабочимъ, живущимъ трудомъ своихъ рукъ. Но, чтобы вызвать всѣ эти перемѣны, ростъ населенія долженъ былъ повесть первоначально къ упадку самодовлѣющаго хозяйства и къ зарожденію обмѣна. Только съ момента возникновенія послѣдняго и соотвѣтственно рынковъ и ярмарокъ могла произойти та дифференціація города отъ села, которая позволяетъ намъ говорить о первобытныхъ городищахъ, или укрѣпленныхъ лагеряхъ, служащихъ убѣжищемъ для сосѣдняго населенія, его стадъ и домашнихъ запасовъ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ городского поселенія. Съ обособленіемъ города отъ села, какъ послѣдствіемъ возникновенія рынковъ и ярмарокъ, и съ сосредоточеньемъ вблизи тѣхъ видовъ обрабатывающей промышленности, на которые имѣлся наибольшій запросъ, также складовъ иноземнаго и туземнаго товара, возникло и отличное отъ сельскаго городское населеніе, или буржуазія. Такимъ образомъ наипростѣйшій фактъ размноженія человѣческой породы вызвалъ собою въ концѣ концовъ и раздѣленіе труда, и возникновеніе общественныхъ группъ, принимающихъ то форму кастъ, то сословій, то классовъ, смотря по тому, въ какой мѣрѣ религіи и правительства санкціонируютъ эти естественныя дѣленія, надѣляя или

не надѣляя входящія въ составъ ихъ семьи наслѣдственными монополіями.

Слѣдуетъ ли сдѣлать еще шагъ далѣе и признать, что весь строй государства и церкви, а также вся сумма нашихъ техническихъ знаній, если не отвлеченнаго мышленія, должны быть приписаны вліянію того же фактора. Я этого не думаю; но между современными соціологами нашелся одинъ, а именно Костъ, который позволилъ себѣ свести исключительно къ этому явленію всю сумму тѣхъ измѣненій въ сферѣ политики, экономики, права, религіи и техническаго знанія, которыми, по его мнѣнію, вполнѣ исчерпывается область изученія нашей науки. Исторія отвлеченнаго мышленія, какъ и исторія искусства, отходятъ, по мнѣнію этого писателя, въ вѣдѣніе культуръ-историковъ и, вмѣстѣ съ философіей, эстетикой и моралью, составляютъ предметъ особой науки, неудачно названной имъ терминомъ идеологіи.

Костъ пользовался извѣстностью между экономистами и статистиками, состоялъ одно время предсѣдателемъ статистическаго общества въ Парижѣ и оставилъ послѣ себя рядъ весьма цѣнныхъ монографій. Но въ области соціологіи его дѣятельность началась сравнительно поздно; хотя ему и пришлось умереть предсѣдателемъ соціологическаго общества въ Парижѣ, но сочиненіе, къ разбору котораго мы приступаемъ въ настоящее время, появилось только въ годъ его кончины и такимъ образомъ ждетъ еще своей оцѣнки. Костъ, прежде чѣмъ выступить въ роли самостоятельнаго мыслителя, долгое время оставался въ рядахъ тѣхъ неортодоксальныхъ позитивистовъ, вожакомъ которыхъ былъ Литре. Сочиненія Коста носятъ на себѣ слѣды широкаго вліянія «Курса положительной философіи» и позднѣйшей критики Контовой соціологіи Литре и Д. С. Миллемъ, отчасти также Вырубовымъ. Послѣдніе труды Конта, въ частности его Положительная Политика, также не остались чуждыми нашему писателю. Попытка Конта восполнить систему наукъ, имъ же установленную, новой отвлеченной дисциплиной, своего рода этикой, или, какъ вѣрнѣе назвалъ ее Литре, субъективной теоріей человѣчества *), лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ основаніи опыта Коста выдѣлить въ особую науку—идеологію, явленія общественнаго характера, не поддающіяся тому генетическому объясненію, какое даетъ въ его глазахъ всѣмъ остальнымъ поступательный ходъ развитія населенности.

Задача автора не ограничивается впрочемъ однимъ опредѣленіемъ ближайшей области соціологіи и раскрытіемъ роли, какую

*) Auguste Compte et la philosophie positive; conclusion. стр. 677.

по отношенію ко всѣмъ явленіямъ этой области играетъ демотическій факторъ. Разбираемая книга содержитъ въ себѣ также критику обѣихъ системъ классификаціи наукъ, Контовской и Спенсеровой, совершенно удачное на мой взглядъ ограниченіе извѣстнаго закона трехъ состояній одной областью исторіи наукъ; наконецъ попытку связать это преемство теологическаго, метафизическаго и научнаго мышленія съ нѣсколько видоизмѣненной лѣстницей развитія знанія, начиная отъ ариѳметики, геометріи и механики, переходя затѣмъ къ астрономіи, физикѣ и химіи и заканчивая науками органическими, біологіей, соціологіей и идеологіей. Во всѣхъ этихъ построеніяхъ самую слабую сторону представляетъ на мой взглядъ попытка доказать, вопреки Спенсеру, невозможность помѣстить въ этой лѣстницѣ наукъ психологію раньше соціологіи и соотвѣтственно отрицательное отношеніе ко всякому психологическому объясненію общественныхъ явленій. Эта ошибочная на мой взглядъ точка зрѣнія вытекаетъ изъ того разсѣченія общественной науки на двѣ неравныя половины, соціологію и идеологію, которая въ свою очередь придумана какъ средство ограничить область изучаемыхъ явленій лишь тѣми, въ которыхъ сказывается вліяніе демотическаго фактора. Такимъ образомъ о самыхъ заблужденіяхъ Коста можно говорить, какъ о стоящихъ другъ съ другомъ въ тѣсной логической связи, какъ о вытекающихъ изъ одного и того же источника. Поэтому всякая критика его системы необходимо должна начаться съ разбора его основныхъ мыслей и прежде всего положенія о возможности открыть въ явленіяхъ, обыкновенно относимыхъ къ области соціологіи или обществовѣдѣнія, такія, которыя, принадлежа къ сферѣ умственнаго и художественнаго творчества, а также къ нравственной философіи, въ то же время могли бы считаться независимыми отъ общественнаго развитія и не воздѣйствующими на него. Я рѣшительно отказываюсь признать существованіе такихъ явленій и въ то же время не нахожу въ книгѣ Коста серьезной попытки къ ихъ обособленію. Недостаточно указать для этого на то, что тѣ или другія открытія въ области отвлеченнаго мышленія или творчества появляются и чередуются въ произвольномъ порядкѣ, независимо отъ условій мѣста и времени, а также, что общественная структура развивается независимо отъ этихъ открытій, уже потому недостаточно, что при ближайшемъ анализѣ названныя явленія только тѣмъ отличаются отъ всѣхъ прочихъ, что связь ихъ съ данною средой или воздѣйствіе ихъ на данную среду не столь рѣзко бросается въ глаза, хотя и существуетъ въ дѣйствительности. Подтвердимъ нашу мысль примѣрами. Открытое Франклиномъ объясненіе

электрической природы тѣхъ явленій, которыя извѣстны намъ подъ названіемъ грома и молніи, могло, разумѣется, воспослѣдовать и не въ Соединенныхъ Штатахъ и не въ концѣ XVIII-го вѣка. Но тѣсная связь, въ какой позднее происхожденіе этого открытія стоитъ съ консерватизмомъ религіозныхъ идей и представленій, едва ли можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Такъ какъ, будь оно сдѣлано еще въ древности, не мыслимо было бы присутствіе въ народныхъ теогоніяхъ Бога-громовержца, Іеговы, Зевса-Юпитера, Одина или нашего Перуна. То обстоятельство, что законы электричества открыты были лишь въ 18 и 19 вѣкахъ, явилось такимъ образомъ условіемъ благопріятнымъ удержанію вмѣстѣ съ извѣстными религіозными суевѣріями и опредѣленнаго церковнаго культа. Но этого мало. Оно должно было поддерживать въ умахъ представленіе о непосредственномъ вмѣшательствѣ божества въ дѣла людскія и возможности ниспосылаемыхъ промысломъ каръ и возмездій. Тѣмъ самымъ создавалось то психическое настроеніе, при которомъ только и мыслимо появленіе мнимыхъ истолкователей божескихъ велѣній, будутъ ли ими оракулы, авгуры, заклинатели и т. д. Итакъ, благодаря запоздалости извѣстныхъ научныхъ истинъ, слагается не только особый культъ, но и цѣлая іерархія, а главное возникаетъ въ умѣ представленіе о возможности ежечасныхъ нарушеній нормальнаго хода вещей,—въ виду воздѣйствія сверхчувственной силы. А этого, разумѣется, вполнѣ достаточно для объясненія и того пассивнаго отношенія, въ какое народныя массы становятся ко всѣмъ тѣмъ нормамъ, какія выдаются имъ за предписанныя свыше, какъ выражающія собою божескую волю или волю ея агентовъ, будутъ ли ими жрецы, или свѣтскіе помазанники. Отъ этого до обоснованія власти духовныхъ и свѣтскихъ вождей одинъ шагъ. Я затрудняюсь указать даже границу, за предѣлами которой оканчивается вліяніе только что указаннаго факта,—поздняго научнаго объясненія явленій природы.

Возьмемъ другой примѣръ. Развитіе художественнаго творчества, въ томъ числѣ архитектуры, живописи и музыки, по системѣ Коста принадлежитъ къ вѣдѣнію идеологіи. Но для историка не тайна, какое значеніе имѣло и имѣетъ, положимъ, для католицизма тѣсная связь его съ художественнымъ творчествомъ. Какое же право, спрашивается, имѣемъ мы искусственно разобщать эти два явленія, игнорировать ихъ взаимодѣйствіе и, толкуя о генезисѣ и ростѣ вселенской церкви, въ то же время относить въ область другой науки судьбы художественнаго творчества.

Столь же произвольнымъ кажется мнѣ предложеніе разсматривать прогрессъ техники въ соціологіи, а прогрессъ отвлеченнаго знанія

въ идеологіи, разъ извѣстно, что большинство научныхъ законовъ открыты подъ вліяніемъ запросовъ жизни и на пути техническихъ изобрѣтеній. Я нахожу подтвержденіе своей мысли въ слѣдующихъ словахъ московскаго профессора физика Умова: «Геометрія вышла изъ потребности съемки плановъ, возведенія зданій и т. п.; механика изъ потребности перемѣщать значительныя тяжести, ограждать себя отъ нападенія враговъ; точныя изслѣдованія свойства газовъ—изъ потребности усовершенствованія паровой машины. Потребность передачи мысли на разстояніе, нужда въ освѣщеніи, въ передачѣ силы и т. д. послужили къ быстрому развитію нашихъ знаній объ электричествѣ; химія зародилась при выплавкѣ и обработкѣ металловъ, при приготовленіи лѣкарственныхъ снадобій; геніальное открытіе Лавуазье о горѣніи и о составѣ воды было вызвано разрѣшеніемъ чисто практическихъ вопросовъ о наилучшемъ устройствѣ уличныхъ фонарей, о качествахъ воды для питья и т. д.» (Русскія Вѣдомости, 1902—№ 51-й).

Но разъ будетъ доказано, что умственное и художественное творчество стоитъ въ самой тѣсной связи и съ успѣхами техники, и съ областью народныхъ вѣрованій, то необходимо явится сомнѣніе въ правильности такой системы, при которой соціологія исключаетъ изъ числа обсуждаемыхъ ею вопросовъ взаимодѣйствіе роста экономики, политики и религіозной догматики съ ростомъ наукъ и художественнаго творчества. Едва ли болѣе цѣлесообразнымъ можно признать искусственное дробленіе самой этики на исторію нравовъ, съ одной стороны, и развитіе моральныхъ идей и представленій, съ другой. Ни для кого не можетъ быть тайной, что эти послѣднія обыкновенно выражаютъ собою тотъ рядъ запросовъ, какіе въ виду нуждъ времени ставятъ себѣ передовые мыслители всѣхъ вѣковъ. Съ другой стороны, какъ отрицать воздѣйствіе, какое ученія о нравственности оказываютъ на ростъ религій и наоборотъ? Кто рѣшится утверждать, что распространенный въ Римской Имперіи стоицизмъ не явился однимъ изъ условій благопріятныхъ развитію христіанства, и что въ свою очередь христіанское ученіе о смиреніи и о загробной жизни, какъ о вознаграждающей за лишенія земной, не было и отчасти не остается и теперь однимъ изъ условій, задерживающихъ враждебныя столкновенія сословій и классовъ?

Но если наша точка зрѣнія на невозможность отказать въ общественномъ характерѣ открытіямъ въ области наукъ, художественнаго творчества и этики будетъ признана справедливой, то какая, спрашивается, почва останется подъ ногами у теоріи, утверждающей, что всѣ явленія общественности объясняются въ своемъ зародышѣ и своемъ дальнѣйшемъ ходѣ однимъ факторомъ—

увеличеніемъ массы населенія и его густоты. Рядъ мыслей, какими Костъ приходитъ къ такому одностороннему заключенію, въ немногихъ словахъ можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ. Показавъ вліяніе демотическаго фактора въ области экономическихъ отношеній и объявивъ его виновникомъ раздѣленія труда и проистекающаго отсюда соціальнаго неравенства, Костъ затѣмъ останавливается на развитіи того положенія, что это неравенство не вызываетъ протеста тогда, когда соотвѣтствуетъ представленіямъ о справедливости и необходимости, представленіямъ, господствующимъ въ данную эпоху. Такимъ образомъ онъ съ самаго начала вводитъ уже такіе элементы въ свое ученіе объ условіяхъ, вліяющихъ на измѣненіе общественнаго порядка, которые едва ли стоятъ въ тѣсной связи съ численностью и густотою населенія. Каждый разъ, говоритъ онъ, когда то или другое неравенство существуетъ бокъ о бокъ съ общественнымъ признаніемъ того или другого превосходства, будетъ ли оно религіознымъ, военнымъ, административнымъ, индустріальнымъ и т. д., это неравенство получаетъ нашу санкцію. Въ виду этого принципъ, управляющій распредѣленіемъ общественныхъ преимуществъ, обусловливаетъ собою также общественный порядокъ. Равновѣсіе, вносимое имъ въ людскія отношенія, можетъ быть передано словами: справедливость, свобода, нравственность, гармонія (стр. 132).

Таковъ мостъ, переброшенный Костомъ между экономическимъ и политическимъ укладомъ. Нужно ли доказывать, что въ понятіе общественнаго признанія того или другого первенства входитъ элементъ психологическій, что это признаніе обусловливается прежде всего суммой нашихъ научныхъ свѣдѣній и соотвѣтственно религіозныхъ вѣрованій (вспомнимъ уже сказанное объ общественномъ предразсудкѣ въ пользу гадателей и колдуновъ, исчезающемъ по мѣрѣ открытія законовъ природы). А если такъ, то очевидно дѣло сводится не къ одному поступательному ходу населенности, и на общественную структуру вліяютъ и психическія причины. Столь же мало убѣдительнымъ является то объясненіе послѣдовательныхъ трансформацій религіозныхъ вѣрованій, которое сводится Костомъ къ простому допущенію, что народъ переноситъ на небо существующіе у него общественные и политическіе порядки. Очевидно природа политеизма не исчерпывается признаніемъ въ немъ іерархіи боговъ, отвѣчающей іерархіи греческихъ вождей, собравшихся положимъ вокругъ Агамемнона, какъ природа католицизма не можетъ быть сведена къ одной ограниченной сословіями или классами монархіи, съ какой сопоставляетъ его Костъ. Въ каждой религіи необходимо различать нѣсколько элементовъ, и въ числѣ ихъ есть та-

кіе, присутствіе которыхъ объясняется чисто психическимъ мотивомъ невыработанности извѣстныхъ научныхъ истинъ. Одухотвореніе природы, составляющее особенность фетишизма, очевидно не находитъ себѣ полнаго объясненія въ охотничьемъ или пастушескомъ бытѣ придерживающихся его народностей и еще менѣе въ слабой густотѣ ихъ, а въ томъ дѣтскомъ состояніи сознанія, при которомъ все окружающее первобытнаго человѣка надѣляется его свойствами.

Всего болѣе поражаетъ меня въ попыткѣ Коста слабость его исторической аргументаціи. Имъ написана цѣлая объемистая книга «Опытъ Народовъ» съ цѣлью собрать данныя, подтверждающія основное его ученіе о роли демотическаго фактора. На 700 страницахъ читатель находитъ пересказъ того, что объ исторіи римскаго государственнаго строя говоритъ Дюрюи, а французскаго и англійскаго—Генри Мартэнъ и Гизо; при этомъ авторъ опускаетъ еще совершенно исторію демократическихъ Аѳинъ и аристократической Спарты, а также средневѣковой Италіи, признавая почему то болѣе типичными исторіи Рима, Германіи, Франціи и Англіи.

Въ этой объемистой компиляціи не приводится, однако, ни одного факта, доказывающаго вліяніе, какое быстрый ростъ населенія, или наоборотъ быстрое его паденіе, оказываетъ на структуру правительства. Авторъ только мимоходомъ упоминаетъ объ эпидеміяхъ и смертности, ознаменовавшихъ собою періодъ упадка римской имперіи, и совершенно игнорируетъ тормозящее вліяніе, какое на ходъ развитія общественности оказала знаменитая «Черная смерть» середины XIV-го вѣка. Нужно ли говорить о томъ, что и главы, отведенныя росту экономики, даютъ лишь слабое представленіе о той довольно обстоятельной разработкѣ хозяйственной исторіи древнихъ и новыхъ народовъ, какой мы обязаны за новѣйшее время трудамъ нѣмецкихъ, англійскихъ и отчасти французскихъ и итальянскихъ изслѣдователей. Разумѣется, всего слабѣе и по плану и по выполненію третья часть, посвященная исторіи религій и болѣе затрогивающая ихъ внѣшнюю структуру, чѣмъ внутреннее содержаніе. Удачнѣе выполнена четвертая часть, занимающаяся ростомъ солидарности, понимаемой однако весьма узко. По Косту она сказывается только въ созданіи и размноженіи всякаго рода сообществъ, основанныхъ на договорномъ началѣ, тогда какъ въ дѣйствительности исторія солидарности обхватываетъ собою все преемство постепенно расширяющихся общественныхъ круговъ, начиная отъ малочисленныхъ первобытныхъ ордъ или стадныхъ соединеній и оканчивая международнымъ союзомъ европейскихъ, азіатскихъ и американскихъ державъ.

Я не считаю нужнымъ останавливаться болѣе подробно на этой въ общемъ неудачной попыткѣ свести всю задачу соціологіи къ раскрытію роли демотическаго фактора. Опытъ Коста любопытенъ тѣмъ, что лишній разъ доказываетъ невозможность объясненія столь сложныхъ по своей природѣ явленій, каковы общественныя, однимъ исключительно закономъ, хотя бы и не заимствованнымъ изъ смежныхъ съ соціологіей наукъ. Нашъ авторъ, какъ мнѣ кажется, справедливо указываетъ, что размноженіе породы въ увеличивающейся прогрессіи составляетъ среди живыхъ организмовъ особенность однихъ человѣческихъ. Говорить поэтому о ростѣ населенія, какъ о явленіи біологическомъ, нѣтъ основанія. «Объективная Соціологія» Коста въ правѣ поэтому быть включенной въ одну категорію съ трудами Дюркгейма, Зиммеля, или Бугле, т. е. тѣхъ соціологовъ, которые не прибѣгая къ заимствованію изъ другихъ научныхъ областей, строятъ для соціологіи ея собственные законы. Все отличіе нашего писателя отъ вышеприведенныхъ сводится къ несчастной идеѣ монизма; тогда какъ Зиммель или Дюркгеймъ, напримѣръ, для каждой области общественныхъ явленій стараются открыть самостоятельные принципы, Костъ на всѣ и каждую изъ нихъ распространяетъ дѣйствіе одного закона роста населенія, вліяніемъ котораго, прибавимъ мы отъ себя, объясняются въ дѣйствительности трансформаціи одного экономическаго и близкаго къ нему сословнаго и классоваго строя.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины разбираемый нами писатель сдѣлалъ существенное дополненіе къ своей доктринѣ. Въ отдѣльномъ мемуарѣ, отпечатанномъ имъ въ «Международномъ журналѣ Соціологіи» *), не только указана связь его ученія со взглядами Адама Смита и Конта, а въ новѣйшее время Лоріа и Дюркгейма, но и сдѣлана попытка установить рядъ второстепенныхъ положеній, не лишенныхъ значенія при истолкованіи какъ прошлаго, такъ и настоящаго человѣческихъ обществъ. Для меня особенно интересны нѣкоторыя отступленія Коста отъ ригоризма ранѣе выставленныхъ имъ принциповъ. Такъ заявленіе, что большая населенность вызывается не однимъ вліяніемъ біологическаго фактора; что инстинктъ размноженія не обходится безъ содѣйствія нѣкоторыхъ историческихъ причинъ, для меня равносильно признанію, что психическіе факторы, какъ лежащіе въ основѣ всѣхъ историческихъ, не могутъ быть произвольно оставляемы въ тѣни. «Общественная организація людей, говоритъ Костъ,—условіе, дѣлающее возможнымъ ростъ населенія. Въ дикомъ и варварскомъ состояніи люди мало размножа-

---

*) Августъ—сентябрь 1891 г.

ются. Правда, сообразно обилію и недостатку средствъ къ существованію, отсутствію или наступленію войнъ и эпидемій, численность людей растетъ или падаетъ. Но она всегда вращается вокругъ мало измѣнчивой средней цифры. Если густота населенія зависитъ отъ общественной организаціи, то отсюда слѣдуетъ, что усовершенствованіе послѣдней должно вызвать соотвѣтственное увеличеніе числа жителей». Если бы Костъ довелъ эту мысль до конца, онъ принужденъ былъ бы согласиться съ тѣми изъ марксистовъ, которые выдвигаютъ, между прочимъ противъ меня, положеніе, что первопричиной является не поступательный ходъ населенія, а общественная структура, обусловленная характеромъ орудій производства, и что этой структурой опредѣляется и ростъ населенія. Но Костъ не дѣлаетъ этого вывода, и его мысль такимъ образомъ неопредѣленно витаетъ между двумя, если не противоположными, то все же расходящимися между собою направленіями.

Значительнымъ видоизмѣненіемъ первоначальной доктрины я считаю также развитіе той мысли, что, достигнувъ извѣстной густоты, населеніе начинаетъ играть роль дѣятельнаго фактора въ дальнѣйшей трансформаціи обществъ не въ силу большей своей численности, а благодаря той или другой комбинаціи составляющихъ его элементовъ. Она опредѣляетъ собою распредѣленіе богатствъ и обусловливаетъ спеціализацію дѣятельностей. Но измѣненія въ составѣ населенія, какъ я думаю, и какъ повидимому допускаетъ Дюркгеймъ, обусловлены самымъ фактомъ размноженія, т. е. увеличеніемъ одновременно числа ртовъ и рабочихъ рукъ. Оно дѣлаетъ необходимымъ удовлетвореніе путемъ наименьшихъ усилій увеличившагося числа потребностей и потому ведетъ къ спеціализаціи функцій, въ свою очередь сдѣлавшейся возможною благодаря росту числа производителей. Разъ такое объясненіе будетъ отвергнуто, необходимо признать, что составъ общества мѣняется независимо отъ демотическаго фактора подъ вліяніемъ причинъ психическихъ или экономическихъ.

Такимъ образомъ и на этотъ разъ мысль Коста запуталась въ противорѣчіяхъ; обставляя первоначально высказанную имъ доктрину второстепенными соображеніями, онъ незамѣтно подкосилъ ее въ корнѣ. Отмѣтимъ мимоходомъ оригинальность, чтобы не сказать парадоксальность, той точки зрѣнія, которая уподобляетъ скрещиванью въ области органической жизни послѣдовательную передачу однимъ поколѣніемъ другому унаслѣдованныхъ чувствъ и идей. Этою наличностью традицій Костъ объясняетъ преимущественное вліяніе городовъ на измѣненіе не одного экономическаго строя, но и всего общественнаго и политическаго уклада. Въ ней

онъ видитъ ближайшій источникъ происхожденія прежде всего въ городахъ не только раздѣленія труда, но и большей изобрѣтательности. Измѣненіе человѣческихъ способностей, пишетъ онъ, а не трансформація потребностей можетъ считаться причиною прогресса. Но если такъ, то очевидно, что Косту приходится считаться съ психическимъ факторомъ, и что одного указаннаго имъ демотическаго недостаточно для объясненія всего ряда послѣдовательныхъ измѣненій въ исторіи человѣчества. Нашъ авторъ повидимому не замѣчаетъ, что его статья, озаглавленная «Факторъ населенія въ общественной эволюціи», въ дѣйствительности не болѣе, какъ попытка самокритики. Но читателю, предпославшему ей изученіе обоихъ сочиненій такъ несвоевременно погибшаго французскаго соціолога, необходимо придетъ на мысль недостаточное выясненіе имъ его руководящей точки зрѣнія.

§ 3.

Костъ не стоитъ одиноко въ попыткѣ свести всѣ стороны общественной жизни къ явленіямъ, присущимъ только одной изъ нихъ. То же можетъ быть сказано и о Киддѣ. Какъ Костъ старается объяснить закономъ, управляющимъ экономикой, измѣненіе всѣхъ другихъ сторонъ общественности, такъ Киддъ къ психологическимъ мотивамъ, обусловливающимъ ростъ религій, думаетъ свести весь процессъ общественнаго развитія человѣчества.

Располагая весьма скромнымъ запасомъ знаній въ области исторіи и экономики и болѣе знакомый съ біологіей, англичанинъ Киддъ обнаруживаетъ въ то же время такую рѣдкую діалектическую способность, что его сочиненіе, основанное, какъ мы сейчасъ покажемъ, на развитіи двухъ, трехъ сколько нибудь оригинальныхъ мыслей, производитъ впечатлѣніе логической стройности и почти неопровержимой доказательности. Если излагать его не въ порядкѣ чередованія главъ, а въ послѣдовательномъ развитіи основныхъ положеній, то придется, какъ мнѣ кажется, начать съ заявленія, что Киддъ цѣликомъ принимаетъ тѣ возраженія противъ Дарвиновской теоріи, которыя были сдѣланы въ новѣйшее время Вейсманомъ. И для него, какъ для нѣмецкаго біолога, не существуетъ наслѣдственной передачи накопленныхъ предками физическихъ, а тѣмъ болѣе психическихъ особенностей. Весь процессъ эволюціи живыхъ организмовъ сводится къ выработкѣ высшихъ типовъ подъ вліяніемъ борьбы за существованіе. Перенося цѣликомъ эту теорію въ область соціологіи, Киддъ приходитъ къ заключенію, что и общественный прогрессъ возможенъ только подъ вліяніемъ той же борьбы и устра-

нения менѣе приспособленныхъ къ ней расъ и племенъ болѣе приспособленными. И въ средѣ послѣднихъ продолжаетъ дѣйствовать тотъ же законъ борьбы за существованіе въ формѣ конкурренціи, благодаря которой совершается своего рода естественный подборъ наиболѣе способныхъ и выносливыхъ. Побѣда всегда остается за ними; этимъ обстоятельствомъ только и поддерживается возможность безостановочнаго развитія. Какъ существо разумное, человѣкъ необходимо долженъ стремиться къ успѣшному исходу неизбѣжной для него борьбы и жертвовать интересами другихъ въ пользу своихъ собственныхъ. Умственное развитіе, процессъ накопленія знаній только усиливаетъ его шансы на успѣхъ и укрѣпляетъ въ немъ желаніе обезпечить себѣ всевозможныя выгоды въ ущербъ остальнымъ членамъ общества, а тѣмъ болѣе грядущимъ поколѣніямъ.

Прогрессъ интеллекта такимъ образомъ идетъ въ разрѣзъ съ интересами общественности, обезпечивая развитіе эгоистическихъ чувствъ. Что же, спрашивается, заставляло и заставляетъ людей приносить свои интересы въ жертву породѣ, ограничивать себялюбивыя стремленія и заботиться о благополучіи всего общества? Киддъ отвѣчаетъ: всегда подчиненная ей нравственность. Самой религіи онъ даетъ соотвѣтственно слѣдующее опредѣленіе. Религія есть форма вѣрованій, доставляющая сверхумственную санкцію всѣмъ частнымъ актамъ, въ которыхъ интересы индивидовъ приносятся въ жертву общественному организму ради обезпеченія поступательнаго хода человѣческой породы (гл. V о соціальной роли религіозныхъ вѣрованій). Прилагая свое ученіе къ толкованію хода развитія западной цивилизаціи, Киддъ рѣшительно приписываетъ всѣ достигнутые ею успѣхи на пути освобожденія низшихъ классовъ тому, какъ онъ выражается, запасу альтруистическихъ чувствъ, который былъ накопленъ подъ вліяніемъ христіанской проповѣди, сперва въ періодъ образованія и торжества средневѣковой теократіи, а затѣмъ со времени реформаціи. Это обстоятельство объясняетъ въ его глазахъ причину, по которой въ дѣлѣ расширенія свободы низшихъ классовъ обновленныя реформаціей гражданственности съ самаго начала получили первенствующую роль. Французская революція, такъ много сдѣлавшая въ томъ же направленіи, обязана своимъ успѣхомъ тому же воздѣйствію религіи. Имъ объясняется жалость, овладѣвшая высшими классами общества и побудившая ихъ пойти навстрѣчу требованіямъ, предъявленнымъ къ нимъ низшими. Сами современные успѣхи соціализма не имѣютъ иной причины. Наиболѣе охваченные состраданіемъ выходцы изъ среды владѣтельныхъ классовъ берутъ на себя руководство движеніемъ, смыслъ котораго сводится къ возвышенію уровня низшихъ въ ущербъ бо-

лѣе зажиточныхъ. Теоретики соціализма заблуждаются, однако, полагая, что исходомъ движенія будетъ устраненіе конкурренціи, такъ какъ это было бы равнозначительно упраздненію главнаго условія общественнаго прогресса; на самомъ дѣлѣ все движеніе клонится только къ уравненію условій борьбы менѣе зажиточныхъ съ болѣе зажиточными. Къ этому направлено все фабричное законодательство, все движеніе въ пользу восьми-часового рабочаго дня, въ пользу дарового обученія, не только начальнаго, но и средняго и высшаго, и т. д. Во всемъ поступательномъ движеніи человѣчества разуму пришлось играть не главнѣйшую, а второстепенную роль. Если біологи и указываютъ на то, что мозгъ высшихъ расъ отличается своимъ объемомъ отъ мозга низшихъ, то историкамъ наоборотъ приходится настаивать на болѣе низкомъ умственномъ уровнѣ средняго европейца сравнительно съ древнимъ грекомъ, въ частности аѳиняниномъ, и на вымираніи какъ высшихъ аристократическихъ родовъ, преемниковъ лицъ, выдвинувшихся своимъ умомъ и талантомъ, такъ и на необходимости для болѣе зажиточной буржуазіи поддерживать свою породу брачнымъ общеніемъ съ низшими классами. Вѣдь статистика указываетъ, что чѣмъ ниже общественное состояніе людей, тѣмъ чаще встрѣчаются между ними ранніе браки, и чѣмъ оно наоборотъ выше, тѣмъ число раннихъ браковъ менѣе значительно. Изъ всего этого Киддъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что современное общество должно быть разсматриваемо, какъ организмъ, постоянно возобновляющійся снизу и вымирающій сверху (Гл. IX, о второстепенной роли интеллекта въ общественномъ развитіи). А если такъ, то ходячее представленіе, что общество прогрессируетъ по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ накопленія положительныхъ знаній все болѣе и болѣе сокращается сфера вмѣшательства религіи, призванной со временемъ уступить окончательно мѣсто наукѣ, есть не болѣе, какъ роковое заблужденіе. Религіи были и остаются дѣйствительными факторами прогресса; ихъ роль не только не умаляется, а растетъ. Чистой иллюзіей надо признать мысль о наступленіи со временемъ не только всеобщаго безбожія, но и того раціонализма вѣры, въ которомъ совершенно было бы устранено допущеніе сверхчувственной или, какъ выражается Киддъ, сверхумственной санкціи.

Всякій, прослѣдившій за развитіемъ этихъ въ сущности немногихъ и простыхъ мыслей, принужденъ будетъ сказать, что Киддъ мастерски выполнилъ свою задачу и весьма послѣдовательно развилъ свои основныя посылки. Онъ самъ первый обращаетъ вниманіе читателя на ту тѣсную зависимость, въ какой всѣ его построенія стоятъ съ защищаемымъ Вейсманомъ положеніемъ, что

психическая наслѣдственность не играетъ роли въ естественномъ подборѣ. Эта сторона для критики его ученія настолько существенна, что я позволю себѣ привести цѣликомъ относящуюся къ ней страницу. «Если, пишетъ Киддъ, завязавшійся между біологами техническій споръ о передачѣ или непередачѣ ребенку пріобрѣтенныхъ ихъ родителями качествъ окончится въ пользу послѣдняго мнѣнія, вся область соціальной и политической философіи будетъ перевернута вверхъ дномъ. Если прежняя теорія, т. е. теорія Дарвина, справедлива, если нажитыя привычки и пріобрѣтенія воспитанія могутъ быть переданы по наслѣдству, тогда и только тогда осуществимыми окажутся мечты и утопіи господствующей нынѣ общественной науки. Въ самомъ дѣлѣ, если мы имѣемъ тенденцію наслѣдовать пріобрѣтенія, сдѣланныя предшествующими поколѣніями, благодаря ихъ нравственному и умственному воспитанію, мы въ правѣ разсчитывать на вѣчнопрогрессирующее въ будущемъ общество даже при устраненіи борьбы за существованіе и въ томъ предположеніи, что численность населенія будетъ искусственно приводима въ соотвѣтствіе съ средствами существованія...» (Конецъ VII главы). Отмѣтимъ это признаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ фактъ, что споръ Вейсмана съ Дарвиномъ далеко не рѣшенъ еще въ пользу перваго. Впрочемъ, и независимо отъ того, будетъ ли признанъ фактъ передачи психическихъ свойствъ, или нѣтъ, мы должны сказать, что ежедневный опытъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ слѣдующей формой наслѣдственности, проявляющейся въ человѣческихъ обществахъ. Она состоитъ въ передачѣ старшими поколѣніями младшимъ той массы положительнаго знанія и техническаго опыта, большая часть котораго получена была ими самими отъ предковъ. Но рядомъ съ этимъ переходитъ къ новымъ поколѣніямъ все большая и большая способность ихъ усвоенія, благодаря успѣхамъ педагогики. Такимъ образомъ, если бы и было доказано, что умственная сила средняго европейца ниже умственной силы средняго аѳинянина въ эпоху Перикла, что, сказать мимоходомъ, вовсе не говоритъ въ пользу той роли, какую Киддъ приписываетъ борьбѣ за существованіе въ дѣлѣ развитія человѣчества *), то изъ этого нельзя было бы еще сдѣлать того вывода, что интеллектуальное развитіе современныхъ народовъ не стоитъ выше интеллектуальнаго развитія грековъ V-го вѣка.

*) При существованіи рабства и крѣпостничества, при сосредоточеніи всей экономической жизни въ рукахъ несвободныхъ кеетовъ или метойковъ и надѣленіи политическими правами только меньшинства гражданъ, между послѣдними очевидно было меньше условій для борьбы за существованіе, нежели въ современныхъ демократическихъ обществахъ, въ которыхъ всѣ призваны одинаково къ участію въ экономической жизни.

Соціологія, какъ наука, орудующая методомъ обратной дедукціи, не можетъ также удовольствоваться ничѣмъ не подтверждаемымъ заявленіемъ, что прогрессивному ходу отвлеченнаго знанія и техники нимало не отвѣчало постепенное сокращеніе сферы дѣйствія тѣхъ «сверхумственныхъ» санкцій, которыя, по мнѣнію Кидда, составляютъ сущность религіи. Въ жизни не только дикарей фетишистовъ, но и обществъ, придерживающихся анимизма, или вѣры въ духовъ, сверхумственныя санкціи регулируютъ всѣ отношенія, какъ къ чужимъ племенамъ и родамъ, такъ и къ собственнымъ членамъ. Современный осетинъ, подобно древнему персу, греку или арабу, еще не задѣтому вліяніемъ исламизма, мститъ за кровь убитаго родственника и устраиваетъ въ его честь дорогія поминки, не рѣдко ведущія къ собственному разоренію, только потому, что подчиняетъ свое поведеніе такимъ сверхумственнымъ санкціямъ. Онъ вѣритъ въ общеніе живущихъ съ усопшими, въ жизнь послѣднихъ за гробомъ, жизнь, ничѣмъ существенно не отличающуюся отъ той, какую онъ самъ ведетъ на землѣ; онъ кормитъ и поитъ ихъ и мститъ обиды, имъ причиненныя, изъ страха, чтобы они не сдѣлались его врагами, въ увѣренности, что во всѣхъ своихъ начинаніяхъ онъ можетъ разсчитывать на ихъ содѣйствіе. Сопоставьте такую точку зрѣнія съ той, какой придерживался и придерживается древній эллинъ, современный магометанинъ или католикъ, и вамъ не трудно будетъ вывести заключеніе, что постоянное вмѣшательство сверхумственныхъ санкцій замѣняется рѣдкимъ случайнымъ и отдаленнымъ руководительствомъ ими жизни людей и народовъ. При переходѣ отъ католицизма къ раціоналистическимъ сектамъ еще яснѣе сказывается постепенное освобожденіе человѣческой дѣятельности отъ сверхумственныхъ санкцій. Ангелы хранители, святые, мученики и прочіе посредники между Богомъ и людьми, такъ близко напоминающіе намъ полугероевъ и добрыхъ геніевъ, наконецъ духовъ покровителей классической древности, совершенно отпадаютъ, и человѣкъ становится лицомъ къ лицу съ своимъ Богомъ и Его Завѣтомъ не упоминать «всуе имени Господа Твоего». Параллельно этому движенію и очевидно въ причинной связи съ нимъ умножается число естественныхъ объясненій жизни природы и людей, космическихъ и физическихъ явленій, такъ или иначе затрогивающихъ человѣческую судьбу, физіологическихъ, патологическихъ и психо-физическихъ, такъ или иначе направляющихъ матеріальную и духовную энергію людей.

Вопреки утвержденію Кидда, этотъ параллельный процессъ сокращенія сферы сверхъестественнаго вмѣшательства и расширенія сферы научныхъ объясненій оказалъ и свое гуманитарное вліяніе,

положимъ, въ томъ же вопросѣ упраздненія различныхъ видовъ несвободы, что Киддъ всецѣло приписываетъ воздѣйствію религіи. Какъ мало убѣдительно это послѣднее положеніе, слѣдуетъ уже изъ того, что необходимость рабства всегда доказывалась сверхъумственными причинами. Почему судрасы въ древней Индіи призваны были служить, а брамины и кшатріи повелѣвать? Потому, что такъ установлено было Брамой съ начала временъ. Въ самомъ аристотелевскомъ объясненіи основаній рабства еще проглядываетъ эта теократическая точка зрѣнія. Одни люди, эллины, призваны къ свободѣ, другіе—варвары, къ служенію. Что предопредѣлило такой порядокъ? Природа — отвѣчаетъ авторъ «Политики». Но вѣдь природа, понимаемая независимо отъ тѣхъ физико-химическихъ и біологическихъ силъ, какія обнимаются этимъ понятіемъ, не болѣе, какъ метафизическое начало, стоящее здѣсь на мѣсто божественнаго промысла. И такъ какъ нельзя доказать, чтобы законы, управляющіе неорганической или органической природой, оправдывали существованіе рабства, то остается признать, что оно поддерживается одной сверхумственной санкціей. Эта послѣдняя наглядно выступаетъ снова въ ученіи Блаженнаго Августина о грѣхопаденіи, какъ дѣйствительномъ источникѣ рабства, ученіи, которое цѣликомъ было усвоено схоластической философіей и нашло выраженіе себѣ въ энциклопедіи или въ Богословской Суммѣ Ѳомы Аквината. Однохарактерная точка зрѣнія лежитъ въ основаніи и того квіетизма, съ которымъ буддистъ переноситъ свое земное уничиженіе въ увѣренности, что онъ искупаетъ имъ прежнюю вину, все дурное, содѣянное имъ въ эпоху болѣе раннихъ воплощеній; по мѣрѣ искупленія своей вины земными страданіями, онъ все болѣе и болѣе приближается къ тому состоянію вѣчнаго покоя, какимъ въ его воображеніи рисуется нирвана. Фатализмъ магометанина, позволяющій рабу переносить свою судьбу въ смиреніи съ надеждой на ожидающій его рай, очевидно также принадлежитъ къ числу тѣхъ «сверхумственныхъ» воздѣйствій, которыя такимъ образомъ нигдѣ не могутъ считаться союзниками человѣческой эмансипаціи и гражданскаго равенства. Но, скажутъ намъ, христіанство съ самаго начала явилось пропагандистомъ идеи свободы и человѣческаго достоинства. Одинъ изъ его основателей, Павелъ, недаромъ произнесъ достопамятныя слова: «нѣсть болѣе ни рабъ, ни свободь». Но тотъ же Павелъ извѣстнымъ афоризмомъ: «рабы, повинуйтесь во всякомъ страхѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ», какъ нельзя лучше показалъ, что проповѣдуемая имъ свобода не выходитъ изъ сферы человѣческой совѣсти. И что церковь, вопреки утвержденію Кидда, вовсе не яви-

лась ближайшимъ виновникомъ эмансипаціи народныхъ массъ, въ частности упраздненія рабства и крѣпостничества, на это въ одно слово указываютъ новѣйшіе историки общественныхъ классовъ. Имъ не трудно было установить тотъ фактъ, что въ XIV вѣкѣ, въ эпоху возстанія крестьянъ въ Англіи, не только духовные перы за одно со свѣтскими требовали отъ короля Ричарда II возстановленія отмѣненнаго имъ крѣпостничества, но что въ томъ же смыслѣ высказывался родоначальникъ всякаго протестантизма, знаменитый Джонъ Виклефъ. Въ эпоху реформаціи и новаго подъема крестьянскихъ массъ въ Германіи Лютеръ открыто осуждалъ попытку крестьянъ разорвать узы крѣпостного права. Одновременно въ католическихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Испаніи, епископы и аббаты въ виду неуспѣха Флорентинской уніи считали возможнымъ поддерживать рабство не только иновѣрцевъ магометанъ, будто бы приводимыхъ въ лоно церкви благодаря такому насильственному подчиненію хозяевамъ католикамъ, но и православныхъ христіанъ, продаваемыхъ имъ въ неволю невѣрными. Рабство такъ мало казалось противорѣчащимъ Слову Божьему въ глазахъ послѣдователей даже самыхъ передовыхъ сектъ протестантизма, что никто иной, какъ Кромвель, глава англійскихъ индепендентовъ, продавалъ въ неволю взятыхъ имъ въ плѣнъ шотландцевъ плантаторамъ Барбадоса и силою меча укрѣплялъ крѣпостную зависимость ирландцевъ, этихъ еще недавно свободныхъ общинныхъ собственниковъ въ предѣлахъ захваченныхъ англичанами помѣстій. Въ теченіе всего XVIII вѣка крѣпостное право продолжаетъ держаться на континентѣ Европы, и послѣдними по времени холопами во Франціи являются крестьяне, отправляющіе барщину на земляхъ аббатства св. Клода въ Жексѣ. Какъ далека придуманная Киддомъ идиллія отъ исторической дѣйствительности, хорошо показываетъ новѣйшій историкъ сельскихъ классовъ во Франціи, г. Сэй: «Часто утверждали, пишетъ онъ, что сеньеры, отпуская крестьянъ на свободу, руководились чувствомъ христіанскаго состраданія». Во многихъ граматахъ упоминается дѣйствительно о религіозныхъ соображеніяхъ, руководившихъ освободителями. Но эти формулы сплошь и рядомъ не болѣе, какъ стилистическія упражненія. Они нимало не препятствовали сеньерамъ требовать отъ крѣпостныхъ высокой платы за «свободу». Авторъ говоритъ затѣмъ, каковы были дѣйствительныя причины, обусловившія собою эмансипацію. На массѣ данныхъ онъ доказываетъ, что собственный интересъ побуждалъ помѣщиковъ къ отпущенію крестьянъ на волю (см. стр. 239 и 253). Въ моемъ сочиненіи «Экономическій ростъ Европы» я старался показать, въ чемъ именно состоялъ этотъ интересъ. Ре-

зюмируя сказанное въ немногихъ словахъ, я долженъ напомнить о томъ всемогущемъ экономическомъ факторѣ, какимъ является увеличившаяся густота населенія, при невозможности произвольнаго расширенія хозяйственно эксплуатируемой площади; какъ оплачиваемый земельнымъ надѣломъ, подневольный и потому малопроизводительный трудъ крѣпостного становится со временемъ убыточнымъ для собственника, пріобрѣтающаго возможность получать бо́льшую ренту при сдачѣ своихъ земель въ свободное и срочное держаніе. При такихъ условіяхъ помѣщикъ соглашается продать крестьянину его свободу и обратить его во временнаго арендатора, несущаго возрастающую съ года на годъ или въ короткіе сроки ренту. Разумѣется, было бы утрировкой отрицать всякое участіе церковной проповѣди въ дѣлѣ эмансипаціи. Не въ одной русской церкви слышались, говоритъ Щаповъ, голоса въ пользу освобожденія. И въ католическомъ священствѣ можно указать на Ива изъ Шартра и на Франциска Ассизскаго, какъ на ревнителей христіанскаго равенства и свободы. Не меньше было число такихъ ревнителей и въ средѣ лицъ, такъ или иначе порвавшихъ съ ортодоксальностью,—будутъ ли ими англійскіе лолларды, въ родѣ Джона Боля, или русскіе раскольники, поддерживавшіе возстанія Стеньки Разина и Пугачева противъ той же крестьянской несвободы. Но все это, разумѣется, не доказываетъ, чтобы можно было признать, за одно съ Киддомъ, что умственное движеніе не принимало никакого участія въ дѣлѣ освобожденія народныхъ массъ, что и въ настоящее время рабство не встрѣчаетъ противниковъ «въ силахъ интеллектуальнаго характера», и что его отмѣна—одинъ изъ первыхъ плодовъ того нравственнаго движенія, изъ котораго вытекаетъ вся наша цивилизація. Догматъ вѣчнаго спасенія и равенство всѣхъ передъ Богомъ—ближайшая въ глазахъ Кидда причина упраздненія всякой несвободы; вся дальнѣйшая эмансипація народныхъ массъ—однохарактерна съ тою, какая вызвала паденіе рабства, т. е. имѣетъ также своими источникомъ альтруистическія чувства, порожденныя христіанскою моралью (см. гл. VII о западной цивилизаціи). Я думаю, что нами сказано достаточно, чтобы породить сомнѣніе въ справедливости только что приведеннаго мнѣнія. Успѣхами знанія и техники, въ связи съ ростомъ населенія, вызваны были тѣ условія, при которыхъ потребовалась одновременно болѣе интензивная культура, и обнаружилась невозможность достигнуть ея при сохраненіи рабства и крѣпостной неволи.

Киддъ, приверженность котораго къ протестантизму наглядно сказывается въ той руководящей роли, какую онъ признаетъ въ руководительствѣ современной цивилизаціей за однѣми отпавшими

отъ Рима народностями, продолжительно настаиваетъ на тѣхъ чисто альтруистическихъ мотивахъ, которые будто бы вызвали походъ въ Англіи въ пользу освобожденія негровъ. Но всякому, кто дастъ себѣ отчетъ въ трудности, чтобы не сказать невозможности, успѣшной конкурренціи странъ, въ которыхъ производство находится въ рукахъ оплачиваемыхъ предпринимателемъ рабочихъ, со странами, хотя бы и малопроизводительнаго, но дарового труда невольниковъ, необходимо придетъ къ заключенію, что великодушные порывы были въ нихъ тѣмъ интензивнѣе, что нисколько не противорѣчили вѣрному эгоистическому разсчету. И что приверженность къ началамъ реформированной церкви не служитъ еще щитомъ противъ себялюбивой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и не мѣшаетъ въ частности сохраненію рабства,—доказательство этому мы находимъ въ сравнительно недавнемъ примѣрѣ южныхъ штатовъ Америки. Потребовалась четырехлѣтняя война и временное разореніе индустріальнымъ сѣверомъ земледѣльческаго юга, чтобы положить конецъ негритянской неволѣ. Нужно ли доказывать также, что въ числѣ сторонниковъ крѣпостного права въ Россіи было немало добрыхъ христіанъ, что церковныя и монастырскія имущества въ XVII и XVIII столѣтіяхъ были заражены язвою крѣпостной неволи не менѣе, чѣмъ земли служилаго сословія или государственныя. Чѣмъ ближе мы ознакомимся съ исторіей общественныхъ революцій и эволюцій, тѣмъ яснѣе выступитъ передъ нами та истина, что эти движенія подготовляются массою взаимодѣйствующихъ причинъ, среди которыхъ моральной проповѣди далеко не всегда принадлежитъ первенствующее мѣсто.

Такимъ образомъ Кидду не удалось доказать, что весь процессъ развитія современнаго общественнаго уклада обязанъ воздѣйствію христіанской морали; а если такъ, то является возможность подвергнуть сомнѣнію центральное положеніе его книги, а именно то, что умственное развитіе неизбѣжно ведетъ къ разложенію общества. Но мы не ограничимся этимъ косвеннымъ выводомъ и попытаемся доказать, что ростъ альтруизма идетъ рука объ руку съ ростомъ интеллекта, такъ что есть основаніе предполагать между обоими причинную зависимость. Наша задача въ значительной степени облегчается благодаря выходу въ свѣтъ сочиненія Сузерланда — «Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта». Переведенная на русскій языкъ по моему совѣту и сдѣлавшаяся такимъ образомъ доступною у насъ широкимъ кругамъ читателей, эта книга не нуждается съ моей стороны даже въ краткомъ изложеніи. Я ограничусь однимъ напоминаніемъ, что Сузерланду удалось, какъ мнѣ кажется, убѣдительно

доказать слѣдующую мысль: альтруистическія чувства зародились изъ заботъ матери о ребенкѣ; начало ихъ скрывается еще въ животномъ царствѣ; привязанность къ ребенку перенесена была со временемъ и на родителя. По мѣрѣ того, какъ росла сфера проявленія альтруистическихъ чувствъ, послѣднія начинали оказывать свое воздѣйствіе и за предѣлами тѣсной семьи. Я позволю себѣ продолжить этотъ очеркъ развитія нравственныхъ чувствъ указаніемъ на то, что чѣмъ шире становилась замиренная среда, тѣмъ болѣе сокращалось число общественныхъ круговъ, члены которыхъ неизмѣнно носили характеръ враговъ. Но въ переходѣ разрозненныхъ родовъ въ племена и народы, объединенные сознаніемъ единства преслѣдуемыхъ ими цѣлей и нерѣдко сплоченные между собою договорами, очевидно, сказывалось вліяніе возрастающаго интеллекта. Послѣдній такимъ образомъ не только не противился параллельному развитію альтруистическихъ чувствъ, но, наоборотъ, косвенно содѣйствовалъ такому исходу. Когда сознаніе единства породы, которое лежитъ въ основѣ всякаго альтруизма, стало выходить за границы отдѣльныхъ народовъ и государствъ, возникли условія, благопріятныя развитію международной морали и права, и зародился тотъ культъ человѣчества, слабыя проявленія котораго замѣтны уже нынѣ, если не въ массахъ, все еще раздѣляемыхъ національными предразсудками и накопленною вѣками враждою къ иноплеменникамъ и разновѣрцамъ, то въ высшихъ представителяхъ современнаго знанія и современнаго художественнаго творчества. Бертело дѣлаетъ свои открытія не для одной Франціи, какъ не дѣлали ихъ также исключительно для своей родины Гельмгольцъ, Пастеръ, Вирховъ и Листеръ. Толстой и Ибсенъ задѣваютъ въ своихъ сочиненіяхъ не узко національные вопросы, а общечеловѣческіе. Этотъ ростъ альтруистическихъ чувствъ нисколько не требовалъ совершеннаго исчезновенія всякаго себялюбія. Идея самопожертвованія въ смыслѣ отреченія отъ міра становилась и даже несомнѣнно была условіемъ, неблагопріятнымъ человѣческому прогрессу, особенно, когда ей удавалось задѣть собою не одинокія личности, а обширные общественные круги. Въ этомъ убѣждаетъ насъ примѣръ средневѣковыхъ схимниковъ, отнюдь, однако, не тѣхъ дѣятельныхъ факторовъ экономическаго прогресса, земледѣльческаго и промышленнаго, а также научнаго и художественнаго творчества, какими были нѣкогда монастырскія обители. Забота о томъ, что человѣчество въ его цѣломъ когда-либо откажется отъ преслѣдованія въ большей степени эгоистическихъ цѣлей, чѣмъ альтруистическихъ, настолько кажется эфемерной, что по вопросу о себялюбіи и теперь остается только повторить слова апостола

Павла: «никто же когда же плоть свою возненавиде, но питаетъ и грѣетъ ю». Эта въ сущности мысль лежитъ и въ основаніи всего того, что Контъ говоритъ о ростѣ альтруизма, нисколько не препятствующемъ сохраненію исконной привычки къ преслѣдованію личныхъ цѣлей.

Есть даже основаніе думать, что та проповѣдь человѣческаго братства, мира и согласія, къ которой сводится современное проявленіе альтруизма, идетъ на встрѣчу и служитъ косвенной поддержкой одновременному подъему требованій на матеріальное благосостояніе. Вѣдь оно устраняетъ все болѣе и болѣе возможность внезапнаго нарушенія послѣдняго тѣми катастрофами, какими неизбѣжно грозитъ всякое насильственное столкновеніе классовъ, какъ и всякое иноземное нашествіе. Слова стараго голландскаго юриста Бенкерсгука: «разумъ—душа международнаго права», какъ нельзя лучше передаютъ ту мысль, что въ той сферѣ юридическихъ отношеній, которая всего болѣе проникнута началомъ гуманитарной нравственности, особенно интензивно проявляется и руководимый разумомъ себялюбивый разсчетъ. Всего этого кажется достаточно, чтобы отвѣтить на заявленіе Кидда о существованіи естественнаго противорѣчія между интеллектомъ, требующимъ отъ человѣка немедленнаго и эгоистическаго наслажденія, и религіей, которая будто бы одна учитъ его жертвовать собою въ интересахъ породы и потомства.

Въ нашихъ возраженіяхъ мы не коснулись пока одной области проявленія себялюбивыхъ интересовъ, которую въ числѣ другихъ имѣетъ въ виду Киддъ. Это—сфера экономической конкурренціи; по его мнѣнію, согласному въ этомъ отношеніи съ ученіемъ ортодоксальной или манчестерской школы, мы обязаны ей всѣмъ прогрессомъ въ области экономики. Въ нашихъ глазахъ нисколько не доказано, чтобы этотъ прогрессъ не былъ возможенъ и при томъ все большемъ и большемъ ограниченіи сферы экономической борьбы, какое представляетъ параллельный ростъ производительныхъ ассоціацій, обществъ потребителей и обществъ взаимнаго кредита, а также синдикаты предпринимателей и рабочихъ, національныя и международныя ассоціаціи трудящагося люда и соотвѣтственно капиталистовъ (тресты). По мѣрѣ ихъ упроченія въ отдѣльныхъ обществахъ, ежедневныя столкновенія интересовъ лицъ, живущихъ прибылью или рентой, и лицъ, живущихъ трудомъ, смѣняются рѣдкими конфликтами, въ большинствѣ случаевъ быстро прекращаемыми обоюднымъ соглашеніемъ. А это обстоятельство невольно порождаетъ въ умѣ представленіе, что не въ войнѣ, а въ заканчивающемъ ея мирѣ, не въ конкурренціи или конфликтѣ интересовъ, а въ устано-

вляемой договоромъ гармоніи между ними лежитъ источникъ поступательнаго хода экономики.

Такимъ образомъ и на этотъ разъ оправдывается наше общее положеніе о томъ, что ростъ альтруистическихъ чувствъ идетъ рука объ руку съ ростомъ интеллекта, указывающаго людямъ на солидарность, какъ на средство удовлетворенія не только гуманитарныхъ, но и себялюбивыхъ цѣлей.

Мы, кажется, не оставили безъ отвѣта ни одного изъ основныхъ положеній Кидда, и намъ остается теперь только отмѣтить мимоходомъ тѣ частныя мысли, въ которыхъ сказалась одновременно изобрѣтательность и глубина этого писателя, къ сожалѣнію черезчуръ парадоксальнаго сектанта, чтобы оставить прочный слѣдъ въ области соціологіи. Говоря объ этихъ частныхъ мысляхъ, я разумѣю между прочимъ его утвержденіе, что степень альтруизма проявляется въ отдѣльныхъ обществахъ весьма наглядно въ перевѣсѣ рождаемости надъ смертностью. Преслѣдуя развитіе своего главнаго положенія, Киддъ останавливается на примѣрѣ Франціи. Передовое положеніе, занимаемое ею въ области умственнаго развитія и сказавшееся наглядно, по его мнѣнію, въ самомъ фактѣ пережитой ею революціи, стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ общественнымъ ея упадкомъ, который наглядно выступаетъ въ отсутствіи въ ней естественнаго прироста населенія. Это видимое противорѣчіе разрѣшается для Кидда тѣмъ общимъ положеніемъ, что интеллектуальное развитіе противорѣчитъ развитію альтруистическихъ чувствъ и соотвѣтственно общественному росту. Но если присмотрѣться ближе къ указанному Киддомъ явленію, отсутствію естественнаго прироста, то какъ не приписать его специфическимъ причинамъ, пожалуй свидѣтельствующимъ о начавшемся уже вырожденіи французской націи, но отнюдь не о вліяніи, оказанномъ въ этомъ отношеніи интензивностью умственнаго развитія. Какъ не признать въ самомъ дѣлѣ, что имѣющія значительный приростъ націи—тѣ самыя, которыя даютъ и наиболѣе значительный процентъ эмиграціи, что тѣмъ же націямъ въ меньшей степени, чѣмъ французамъ, открыта возможность существованія, средняго между нуждою и матеріальною обезпеченностью, благодаря сравнительно широкому распространенію въ одной Франціи мелкой собственности. При ней невозможенъ требуемый эмиграціей разрывъ съ землею, и немыслимо также безграничное увеличеніе числа «жадныхъ ртовъ». А этихъ причинъ вполнѣ достаточно, чтобы объяснить, почему проповѣдь воздержанія находитъ во Франціи подготовленныхъ къ ея воспріятію слушателей и не въ однѣхъ лишь высшихъ сферахъ, враждебныхъ раздѣлу наслѣдствъ, но и въ нѣд-

рахъ французскаго крестьянства. Что цѣнно въ заявленіяхъ Кидда, это самое сопоставленіе имъ нежелающей нарождать новыя поколѣнія Франціи съ Римской Имперіей, наканунѣ ея упадка. И въ ней, какъ видно изъ описаній Плинія, женщины отказывались производить потомковъ. Замѣчательно, что то же явленіе, какъ показываетъ Гальтонъ («Наслѣдственный геній», стр. 331), можетъ быть отмѣчено и въ Аѳинахъ въ эпоху Пелопонесскихъ войнъ. Всѣ эти факты на мой взглядъ свидѣтельствуютъ объ одномъ. Они показываютъ, что опустошенія, причиненныя моровою язвою Римской Имперіи IV вѣка и Зап. Европѣ середины XIV, какъ и истребительныя войны Аѳинъ съ Спартою и римлянъ съ варварами, англичанъ съ французами (столѣтняя война) и протестантскихъ державъ съ католическими (30-лѣтняя война), однимъ словомъ, всѣ природныя или искусственныя сокращенія плотности населенія имѣютъ послѣдствіемъ временный или постоянный упадокъ общественнаго развитія. А это въ свою очередь доказываетъ какъ нельзя лучше такъ часто выдвигаемое мною значеніе демотическаго фактора непосредственно для экономическаго роста, а посредственно и для всѣхъ другихъ сторонъ поступательнаго процесса общества.

ОТДѢЛЪ III.

Экономическая школа въ соціологіи.

ГЛАВА V.

Прошлое экономическаго матеріализма.

§ 1.

Въ числѣ теорій, ставящихъ себѣ задачей объясненіе всего общественнаго развитія человѣчества, наибольшей популярностью въ наше время пользуется, такъ называемый, историческій матеріализмъ. Представители этого направленія весьма многочисленны въ разныхъ странахъ, и большинство ихъ, если не всѣ, считаютъ своимъ родоначальникомъ Маркса. Такое заявленіе опирается ими главнымъ образомъ на томъ фактѣ, что еще въ 1859 г., въ сочиненіи, озаглавленномъ «Критика политической экономіи», Марксъ высказался уже вполнѣ опредѣленно по вопросу о зависимости отъ экономики и права, и политики, и даже морали *). «Способъ про-

---

*) Еще ранѣе этого въ полемической брошюрѣ противъ Прудона, озаглавленной «Бѣдность философіи, отвѣтъ на философію бѣдности», Марксомъ высказаны были однохарактерныя мысли, и указанъ между прочимъ бросающійся въ глаза примѣръ мельницы, которая въ формѣ ручной является точно символомъ вотчиннаго хозяйства (?) предшествующаго капиталистическому, а въ формѣ водяной или паровой—выразительницей этого послѣдняго. Въ недавнемъ мемуарѣ, представленномъ собранію международнаго института соціологіи въ 1900 г., одинъ изъ итальянскихъ послѣдователей марксизма, Александръ Гроппали, справедливо указываетъ, что уже въ брошюрѣ, озаглавленной «Святая семья» и появившейся задолго до названныхъ двухъ сочиненій, Марксъ отъ поклоненія идеализму Гегеля переходитъ на сторону матеріалистическаго толкованія общественной жизни. Въ извѣстномъ Манифестѣ Коммунистовъ, составленномъ совмѣстно Марксомъ и Энгельсомъ, также весьма опредѣленно высказывается та точка зрѣнія, что экономическими измѣненіями, въ частности перемѣнами въ формѣ производства и обмѣна, обусловливаются и соціальныя. «Средства производства и обмѣна, породившія буржуазію, читаемъ мы въ манифестѣ, были выработаны въ феодальномъ обществѣ.

изводства, какого придерживается общество, пишетъ онъ, составляетъ тотъ реальный базисъ, на которомъ построены учрежденія юридическія и политическія, и въ соотвѣтствіи съ которымъ находятся опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способъ производства опредѣляетъ собою общественную, политическую и умственную жизнь». Взвѣшивая каждое слово въ только-что прочитанномъ отрывкѣ, мы не находимъ въ немъ ничего, что бы доказывало произвольное расширеніе Марксомъ ученія о роли порядковъ производства въ созданіи юридическаго и политическаго уклада извѣстной націи и соотвѣтственно ея соціальныхъ представленій. Въ тѣхъ рамкахъ, въ какія Марксъ поставилъ сферу воздѣйствія экономическаго фактора, ничего я не вижу, съ чѣмъ бы не могъ согласиться сравнительный историкъ общественныхъ и политическихъ учрежденій, за исключеніемъ развѣ того отождествленія экономическаго фактора съ порядками производства, которое многимъ кажется узкимъ *).

Въ извѣстный моментъ ихъ развитія феодальная организація земледѣлія и промышленности оказалась болѣе несоотвѣтствующей этимъ производительнымъ силамъ, вступившимъ въ процессъ непрерывнаго роста. Онѣ стали препятствовать, а не содѣйствовать послѣднему. Имъ предстояло поэтому исчезнуть, и онѣ исчезли. Ихъ мѣсто заняла свободная конкурренція, соотвѣтствующая соціальной и политической организаціи, т. е. экономическому преобладанію буржуазіи. Однохарактерное движеніе происходитъ на нашихъ глазахъ... За послѣднія десять лѣтъ исторія промышленности и торговли сводится къ столкновенію производительныхъ силъ съ современными условіями производства, съ строемъ собственности, съ существованіемъ и господствомъ буржуазіи. Достаточно указать на коммерческіе кризисы, которые своимъ періодическимъ повтореніемъ подвергаютъ сомнѣнію дальнѣйшее существованіе буржуазнаго общества». Манифестъ оканчивался заявленіемъ, что наличныя производительныя силы требуютъ соціализаціи орудій производства и коммунистическаго строя послѣдняго.

*) Такъ де-Грефъ въ своемъ мемуарѣ объ «историческомъ матеріализмѣ» (см. Анналы международнаго института соціологіи, т. VIII), объявляя себя сторонникомъ того воззрѣнія, по которому экономика является важнѣйшимъ факторомъ общественныхъ измѣненій (le point de vue économique est le plus général, le plus fondemental, il l'est et le restra toujours), не прочь думать, что не перемѣна въ техникѣ производства, а перемѣна въ условіяхъ обмѣна или, какъ онъ выражается, въ циркуляціи цѣнностей играетъ роль рѣшающаго фактора. Въ своемъ «Вступленіи въ соціологію», какъ и въ болѣе спеціальныхъ работахъ о деньгахъ, кредитѣ и банкахъ, де-Грефъ старался провесть тотъ взглядъ, что эти феномены обращенія цѣнностей должны считаться наипростѣйшими и основными. Формы же производства являются по отношенію къ нимъ чѣмъ-то несравненно болѣе сложнымъ. Оттѣняя свою особую точку зрѣнія, де-Грефъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ числѣ лицъ, склонныхъ придать большее значеніе экономическому фактору, встрѣчаются и такія, для которыхъ, какъ для меня въ частности, первичнымъ фактомъ, опредѣляющимъ собою измѣненія и въ ростѣ производства и въ усло-

Въ признаніи, что въ экономикѣ лежитъ ключъ къ объясненію политики, нѣтъ ничего такого, чего нельзя было бы найти еще у греческихъ историковъ и позднѣе у итальянскихъ публицистовъ эпохи Возрожденія и англійскихъ середины XVII вѣка, всего же болѣе у физіократовъ и экономистовъ XVIII столѣтія и развившагося подъ непосредственнымъ вліяніемъ первыхъ Сенъ-Симона. Та же мысль высказывается и ученикомъ послѣдняго, Огюстомъ Контомъ, и тѣми послѣдователями Гегелевской философіи, которые, какъ, напримѣръ, Лоренцъ Штейнъ, пытались въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія объяснить все соціальное движеніе, начало котораго было положено французской революціей, экономическими причинами. Такъ какъ это заявленіе, разумѣется, вызоветъ сомнѣніе въ тѣхъ, кто думаетъ, что указать на историческіе корни новой теоріи равнозначительно умаленію ея достоинства, то я считаю нужнымъ привесть въ подтвержденіе сказаннаго рядъ фактическихъ данныхъ. Я сказалъ, что въ Греціи, въ которой, какъ извѣстно, положены были основы индустріальнаго строя и тѣхъ новыхъ политическихъ порядковъ, которые связаны съ переходомъ руководящей роли отъ духовнаго и военнаго сословія къ производительнымъ классамъ, уже высказывались мысли о необходимости поставить учрежденія въ непосредственную связь съ экономикой.

Дѣйствительно, я нахожу у одного анонимнаго писателя эпохи Пелопонезскихъ войнъ, явно враждебнаго водворившемуся въ Аѳинахъ демократическому строю, слѣдующее заявленіе; оно отнюдь не можетъ считаться случайнымъ и одиночнымъ, такъ какъ положено авторомъ въ основу всего его разсужденія о государственномъ строѣ Аѳинянъ. «Съ полнымъ правомъ бѣдные и простонародье получили въ нашемъ городѣ, пишетъ онъ, преимущество надъ богатыми и благородными, такъ какъ мореплаваньемъ занятъ у насъ простой народъ, и отъ мореплаванія зависитъ могущество нашего государства. Лоцманы и капитаны, начальники надъ матросами и шкиперами, какъ вообще всѣ участвующіе въ снаряженіи судовъ, гораздо больше содѣйствуютъ силѣ и могуществу Аѳинскаго государства, чѣмъ гоплиты, благородные и знатные. При такихъ усло-

---

віяхъ обмѣна, является постепенное увеличеніе густоты населенія. Де-Грефъ справедливо указываетъ также на то, что и основателямъ историческаго матеріализма было не чуждо представленіе о роли, какую перемѣны въ условіяхъ обмѣна играютъ на ряду съ измѣненіями въ техникѣ производства. Иначе въ Манифестѣ Коммунистовъ, цитированномъ въ предшествующемъ примѣчаніи, Марксъ и Энгельсъ не сочли бы нужнымъ поставить рядомъ эти два порядка перемѣнъ при толкованіи причинъ торжества буржуазнаго строя надъ феодальнымъ.

віяхъ нельзя не признать справедливымъ, что въ Аѳинахъ всѣ въ правѣ занимать государственныя должности.

Можно было бы, продолжаетъ авторъ, высказать мнѣніе, что Аѳинянамъ не подобаетъ допускать каждаго къ подачѣ голоса и къ участію въ рѣшеніяхъ, принимаемыхъ на народномъ собраніи, что слѣдовало бы допускать къ этому только способнѣйшихъ и знатнѣйшихъ, но Аѳиняне хорошо знаютъ, что дѣлаютъ. Допусти они къ преніямъ только знать, послѣдняя стала бы принимать мѣры, клонящіяся къ собственной ея выгодѣ. Аѳинскій демосъ понимаетъ, что, несмотря на свое невѣжество и невзрачность, простолюдинъ, говорящій въ собраніи, болѣе принесетъ пользы интересамъ народа, чѣмъ благородный, обыкновенно враждебно къ нему настроенный... Какъ бы хорошъ ни былъ государственный порядокъ, разъ народъ можетъ оказаться при немъ въ положеніи, близкомъ къ рабству, такой порядокъ будетъ для него ненавистнымъ. Вѣдь народъ хочетъ свободы и власти...» (Сравни: Schwarz, Die Demokratie von Athen).

Я думаю, что этихъ выдержекъ достаточно, чтобы показать, что въ моментъ полнаго расцвѣта демократическаго порядка въ Аѳинахъ лица, даже враждебно относившіяся къ этимъ порядкамъ, давали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что политическій переворотъ былъ только послѣдствіемъ экономическаго, и что съ того момента, когда ихъ городъ сдѣлался богатымъ и могущественнымъ благодаря внѣшней морской торговлѣ, классъ лицъ, участвующихъ главнымъ образомъ въ этой торговлѣ, классъ, отличный отъ военнаго и духовнаго, и долженъ былъ сдѣлаться дѣйствительнымъ носителемъ самодержавія.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что и у Аристотеля можно встрѣтить не одно положеніе, доказывающее пониманіе имъ связи политическихъ и экономическихъ порядковъ. Такъ въ своей Политикѣ онъ указываетъ на то, что демократія и олигархія упрочиваются не случайно, а смотря по тому, въ какой мѣрѣ у того или другого народа существуетъ неравенство состояній.

Всюду, пишетъ онъ, гдѣ неимущіе численно преобладаютъ, необходимо устанавливается демократія, при томъ въ различнѣйшихъ комбинаціяхъ, сообразно значенію, какое имѣетъ тотъ или другой классъ. Тамъ, гдѣ земледѣльцы наиболѣе многочисленны, господствуетъ наилучшая изъ демократій, и наоборотъ тамъ, гдѣ перевѣсъ имѣютъ ремесленники и наймиты, наименѣе совершенная. Гдѣ богатые и знатные не столько уступаютъ другимъ классамъ своею численностью, сколько превосходятъ ихъ своими качествами, тамъ необходимо упрочивается олигархія. (Кн. VI, т. IV, глава X).

Переходя отъ древности къ эпохѣ Возрожденія, я нахожу у Маккіавелли и Гвичіардини новое доказательство той мысли, что

всюду, гдѣ, благодаря разнообразію экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ устоевъ, имѣется возможность сопоставленія общественныхъ структуръ, научная мысль невольно задается вопросомъ о томъ отношеніи, въ какомъ государственный бытъ стоитъ къ экономическому. Италія конца XV и начала XVI столѣтій была именно въ этихъ условіяхъ. Демократіи, аристократіи и тиранніи, частью военнаго, частью народнаго типа, существовали въ ней бокъ о бокъ, враждуя между собою и стремясь къ взаимному устраненію другъ друга. Это справедливо въ частности о Флоренціи, гдѣ попытка оживить умирающую республику связана была съ проектомъ измѣненія ея демократическихъ основъ по примѣру Венеціи; окончательно же восторжествовало въ ней единовластіе въ лицѣ вышедшей изъ среды буржуазіи банкирской семьи Медичей. При такой интензивности и такомъ разнообразіи политической и экономической жизни Флоренціи и всей вообще Италіи въ XV-мъ вѣкѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, если въ числѣ другихъ истинъ, завѣщанныхъ ея политиками современнымъ соціологамъ, мы встрѣчаемъ между прочимъ и совершенно независимое отъ Аристотеля, всецѣло основанное на мѣстномъ историческомъ опытѣ, ученіе о рѣшающемъ вліяніи, какое экономическіе порядки имѣютъ на политическое устройство.

Трудно найти писателя эпохи Возрожденія, который, задаваясь вопросомъ о смѣнѣ политическихъ формъ, не ставилъ бы его въ связь съ зарожденіемъ того или другого экономическаго класса, въ интересахъ котораго было бы измѣнить существующій строй. Сама тираннія, или единовластіе, устанавливается, думаютъ тѣ же писатели, только въ виду невозможности согласовать противорѣчивые интересы отдѣльныхъ классовъ или какъ послѣдствіе поддержки тиранна однимъ или нѣсколькими изъ этихъ классовъ въ ущербъ другимъ. Съ этой точки зрѣнія Маккіавелли, и Гвичіардини, и даже второстепенные публицисты, какъ, напримѣръ, Джанноти, являются предвѣстниками того способа толкованія политическихъ событій вліяніемъ классовыхъ интересовъ, которому придается такое выдающееся значеніе писателями нашего времени. Какъ Маккіавелли, такъ и Гвичіардини готовы отдать предпочтеніе смѣшанному образу правленія надъ всѣми прочими. Но Маккіавелли видитъ возможность его упроченія только вслѣдъ за соціальной борьбою классовъ, подобной той, какая нѣкогда имѣла мѣсто между патриціями и плебеями; Гвичіардини же, являясь противникомъ всякой общественной борьбы, въ то же время связываетъ наступленіе дорогихъ ему порядковъ смѣшаннаго правительства съ предварительнымъ соглашеніемъ между классами. Такимъ образомъ оба писателя одинаково

признаютъ связь политическихъ порядковъ съ торжествомъ тѣхъ или другихъ классовыхъ интересовъ, различіе которыхъ въ свою очередь сводится ими къ бѣдности и богатству, т. е. къ причинамъ экономическимъ. Извѣстное заявленіе, что «дѣла рукъ человѣческихъ постоянно находятся въ движеніи, поднимаются въ гору или понижаются въ долъ» (книга II Discorsi), и не менѣе извѣстный совѣтъ: надо самому мѣняться вмѣстѣ съ временемъ (convieni variare coll' tempo), хорошо показываютъ, что политическія формы не кажутся Маккіавелли чѣмъ-то постояннымъ и неизмѣннымъ, что для него онѣ возникаютъ и падаютъ вмѣстѣ съ поддерживающими ихъ интересами классовъ. Съ этой общей мыслью стоитъ въ связи такое, напримѣръ, заявленіе. Когда лучшимъ людямъ (богатымъ) закрытъ доступъ къ дѣламъ, между ними распространяется недовольство. Оно побуждаетъ ихъ употребить все стараніе къ тому, чтобы вовлечь республику въ рискованныя предпріятія, напримѣръ въ войны, при которыхъ ихъ содѣйствіе было бы необходимо. (Книга III. Гл. 16). Охрану свободы, думаетъ Маккіавелли, надо поручать въ республикѣ одному изъ двухъ классовъ, или дворянамъ, или простонародью. Въ пользу первыхъ говоритъ примѣръ спартанцевъ и венеціанцевъ. Но самъ Маккіавелли предпочелъ бы ввѣрить охрану свободы народу. Это связано, пишетъ онъ, съ меньшимъ для нея рискомъ. Вѣдь желаніе народа сводится только къ тому, чтобы не быть подъ чужой властью. Дворяне же хотятъ господства, и отъ нихъ можно поэтому опасаться захвата власти (Discorsi, кн. I, гл. V). Въ свою очередь Джанноти въ своемъ извѣстномъ трактатѣ «О формѣ государственнаго устройства Флоренціи» является сторонникомъ смѣшанной формы правленія, такъ какъ она удовлетворяетъ одновременно интересамъ и массы простолюдиновъ, желающихъ только свободы, и меньшинству людей средняго состоянія, которые, помимо свободы, ищутъ еще почестей. Объясняя причину, по которой Медичамъ удалось упрочиться во Флоренціи, онъ говоритъ о постоянномъ соперничествѣ въ ней знати и простонародья, grandi e popolo (томъ I его сочиненій, стр. 89). Если въ 1494 г. республика была временно возстановлена, то этотъ фактъ, по словамъ флорентинскаго анналиста, надо привесть въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ городѣ не оказалось болѣе того числа знатныхъ семей, grandi, какое имѣлось въ немъ до водворенія Медичей, и численно размножился классъ гражданъ, составленный изъ лицъ средняго состоянія. Упрочившійся въ городѣ, благодаря Медичамъ, внутренній міръ позволилъ многимъ озаботиться личнымъ обогащеніемъ. Кое кого изъ этихъ разжившихся гражданъ Медичи перевели въ число благородныхъ и призвали къ занятію мѣстъ са-

новниковъ. Но они все же не поднялись достаточно высоко, чтобы стать рядомъ со знатью, grandi, и считать себя ими. Этотъ-то классъ людей средняго положенія и заступилъ мѣсто приниженной Медичами аристократіи. Такъ какъ люди средняго состоянія стремятся не къ тому, чтобы повелѣвать, подобно дворянамъ, а только къ тому, чтобы не подчиняться чужому господству, т. е. быть свободными, то Джанноти считаетъ ихъ всего болѣе благопріятными упроченію въ государствѣ уравновѣшенной республики.

Итакъ, мысль писателей эпохи Возрожденія была направлена къ рѣшенію того самаго вопроса о воздѣйствіи экономическихъ явленій на политическія, къ которому сводится задача такъ называемаго историческаго матеріализма нашихъ дней. Нужно ли настаивать на развитіи той мысли, что и въ другихъ странахъ Европы, по мѣрѣ того, какъ унаслѣдованныя правительства смѣнялись новыми, мысль историковъ и политиковъ начинала работать въ томъ же направленіи, что и въ Италіи. Сказанное примѣнимо въ частности къ одному изъ современниковъ первой англійской революціи и протектората Кромвеля, къ извѣстному Гаррингтону—автору «Океаны». Въ эпоху, когда движеніе Левеллеровъ поставило на очередь вопросъ объ уравненіи правъ между гражданами, когда съ этою цѣлью предложены были не только пониженіе и даже упраздненіе избирательнаго ценза, но и отмѣна права первородства, введеніе равнаго раздѣла наслѣдствъ, наконецъ, допущеніе неимущихъ къ занятію пустопорожнихъ земель, совершенно естественно было Гаррингтону, — свидѣтелю борьбы аристократической партіи Кавалеровъ съ среднимъ сословіемъ, — Гаррингтону, долгое время странствовавшему по Италіи и вынесшему изъ своихъ путешествій не только хорошее знакомство съ политиками эпохи Возрожденія, но и восторженное отношеніе къ венеціанской конституціи, подвергнуть пересмотру давно высказанное. Аристотелемъ ученіе о связи между порядками распредѣленія собственности и характеромъ политическихъ учрежденій. Въ первой главѣ «Океаны» Гаррингтонъ рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что верховная власть основана на «владычествѣ», т. е. на собственности земельной или личной, предметомъ которой могутъ быть деньги или движимыя имущества. Земли распредѣлены между собственниками въ извѣстной пропорціи, или, какъ онъ выражается, на началахъ опредѣленнаго равновѣсія, сообразно природѣ государственнаго устройства. Когда одинъ человѣкъ владѣетъ, если не всей собственностью въ предѣлахъ государства, то, по крайней мѣрѣ, большей ея частью и имѣетъ такимъ образомъ въ сферѣ землевладѣнія перевѣсъ надъ народомъ, мы имѣемъ дѣло съ абсолютной монархіей. Раздѣляя воззрѣнія

своихъ современниковъ, воззрѣнія, лишь недавно оставленныя историками и юристами, будто въ магометанскихъ странахъ единственнымъ собственникомъ является калифъ или заступающій его мѣсто султанъ, Гаррингтонъ въ образецъ такой абсолютной монархіи приводитъ турецкую, гдѣ, говоритъ онъ, три четверти всей земли въ рукахъ правителя (тогда какъ остальная четверть въ рукахъ церкви, на такъ называемомъ вакуфномъ правѣ). Абсолютной монархіи Гаррингтонъ противополагаетъ монархію смѣшанную, какова была феодальная, или сословная, въ средніе вѣка, и какой въ его дни продолжала оставаться монархія въ Польшѣ и, какъ ему казалось, въ Испаніи. Каждый разъ, говоритъ онъ, когда немногіе, т. е. дворянство само по себѣ или заодно съ духовенствомъ, являются собственниками, а также въ томъ случаѣ, когда землевладѣніе высшихъ классовъ только имѣетъ перевѣсъ надъ землевладѣніемъ простонародья, необходимо устанавливается то равновѣсіе властей, примѣръ котораго, по его словамъ, даютъ намъ «готическія» монархіи, т. е. монархіи средневѣковыя и сословныя; государство въ такомъ случаѣ пріобрѣтаетъ форму смѣшаннаго единоначалія. Наконецъ, разъ весь народъ участвуетъ во владѣніи землей и собственность такъ раздѣлена, что ни одинъ человѣкъ и ни одна группа людей (т. е. меньшинство аристократовъ) не имѣетъ перевѣса въ землевладѣніи надъ народомъ, тогда нѣтъ мѣста для другого политическаго устройства, кромѣ республики, которая для Гаррингтона то же, что народовластіе, или демократія. Заимствуя у Аристотеля не только основную мысль о томъ, что чрезмѣрность богатствъ въ рукахъ меньшинства необходимо ведетъ къ возстанію, обыкновенно оканчивающемуся торжествомъ монархіи, Гаррингтонъ приводитъ въ доказательство такого положенія рядъ примѣровъ изъ древней и новой исторіи. Если въ Аѳинахъ народъ «съѣлъ», какъ онъ выражается, дворянство, а въ Римѣ дворянство, наоборотъ, «съѣло» народъ, то объясняется это тѣмъ, что земельная собственность распредѣлена была въ обоихъ городахъ-республикахъ приблизительно равномѣрно между аристократіей и простымъ гражданствомъ. Если въ Англіи нарушено было прежнее равновѣсіе въ землевладѣніи и тѣмъ поколеблена прочность престола, то это послѣдствіе вызвано было не чѣмъ инымъ, какъ открытой дворянству возможностью продавать свои земли. Защищая такой взглядъ отъ противниковъ, Гаррингтонъ въ особомъ трактатѣ о преимуществахъ народоправства болѣе опредѣленно развиваетъ свое ученіе. Земельная собственность, говоритъ онъ, сообразно своему распредѣленію создаетъ большее или меньшее политическое равновѣсіе и опредѣляетъ собою форму правленія. Если собственность такъ распространена въ

народѣ, что ни отдѣльный лендлордъ, ни меньшинство ихъ не имѣютъ перевѣса, тогда правительство становится народнымъ; наоборотъ, если вѣсы клонятся въ сторону немногихъ или одного человѣка, устанавливается аристократія и абсолютная монархія. Перемѣны въ распредѣленіи собственности и соотвѣтственно въ соотношеніи политическихъ силъ могутъ быть вызваны искусственно, какъ это было, напримѣръ, въ Лакедемоніи, гдѣ разъ произведенная Ликургомъ разверстка земель была признана окончательной; всего же чаще эти перемѣны обусловливаются измѣненіемъ бытовыхъ условій (the balance introduced by civil vicissitudes); такъ во Флоренціи Медичи, достигши чрезмѣрнаго богатства, тѣмъ самымъ перенесли центръ тяжести изъ рукъ народа въ руки монархіи. Въ Римѣ со временъ Красса дворянство, отобравъ земли у народа, тѣмъ самымъ склонило вѣсы, сперва въ пользу аристократіи въ лицѣ тріумвировъ, Цезаря, Помпея и Красса, а затѣмъ въ пользу монархіи въ лицѣ Помпея и Цезаря. Но въ Англіи, которую Гаррингтонъ называетъ Океаной, какъ нѣкогда въ Тарентѣ, перемѣна произошла въ обратномъ смыслѣ; аристократія, вмѣстѣ съ упадкомъ ея значенія въ области землевладѣнія, принуждена была уступить политическое преобладаніе народу. (См. The Oceana and other works of James Harrington. London. 1747 г., стр. 39 и 291).

Гаррингтонъ предлагаетъ затѣмъ мѣры противъ неустойчивости правительствъ; всѣ онѣ сводятся къ искусственному поддержанію существующаго распредѣленія собственности, въ частности средней. Какъ въ древнихъ Аѳинахъ, по мнѣнію Аристотеля, остракизмъ дѣлалъ возможнымъ удаленіе людей, пріобрѣвшихъ перевѣсъ надъ другими своимъ богатствомъ, такъ въ образцовомъ государствѣ автора Океаны законодатель заботится объ установленіи легальнаго максимума для земельной собственности (именно въ двѣ тысячи акровъ); тѣмъ самымъ онъ разсчитываетъ помѣшать росту неравенства и замѣнѣ абсолютной монархіей или аристократіей народнаго строя. Замѣчательно, что въ полномъ соотвѣтствіи съ тою слабою ролью, какую въ Англіи середины XVII вѣка, при только что зачинающемся капитализмѣ, играли деньги и движимая собственность, Гаррингтонъ не принимаетъ обѣихъ въ разсчетъ при рѣшеніи вопроса о распредѣленіи богатствъ и политическаго вліянія между отдѣльными классами. Этотъ видъ собственности, говоритъ онъ, не пускаетъ прочныхъ корней и находится въ постоянномъ процессѣ перемѣщенія; только та собственность, которая такъ сказать приросла къ извѣстной странѣ, можетъ повесть къ созданію политическаго господства для лицъ, ею владѣющихъ. Это замѣчаніе неприложимо, прибавляетъ онъ, только къ городамъ - государствамъ,

живущимъ преимущественно торговлею, и территоріальныя владѣнія которыхъ незначительны. Вотъ почему въ Генуѣ, или въ Голландіи, движимая собственность имѣетъ такое же значеніе политическаго устоя, что и недвижимая. (Ibid., стр. 40). Гаррингтонъ предвидитъ то возраженіе, какое можетъ быть сдѣлано противъ него сторонниками ученія, что власть имѣетъ своимъ источникомъ силу, «опирается на мечѣ». Никакое войско. разсуждаетъ онъ, не можетъ обойтись безъ содержанія, а это содержаніе зависитъ отъ того, въ какомъ размѣрѣ правительство владѣетъ собственностью. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ собственность и ея распредѣленіе все же остаются необходимымъ условіемъ для политическаго господства (стр. 41). Гаррингтонъ нисколько не скрываетъ того, что его ученіе является только дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ, высказанныхъ Аристотелемъ. Другимъ своимъ предшественникомъ онъ считаетъ Маккіавелли, для котораго, говоритъ онъ, было ясно, что нельзя создать народнаго правительства, не разрушивъ предварительно вліянія дворянства, и что невозможно ввести монархіи тамъ, гдѣ народъ живетъ въ равенствѣ. Только устранивъ изъ его среды наиболѣе безпокойныхъ и честолюбивыхъ гражданъ и сдѣлавъ ихъ дворянами, не по имени, а въ дѣйствительности, т. е. обогативъ ихъ землями, замками и сокровищами, можно обезпечить имъ перевѣсъ надъ простонародьемъ; послѣ чего правителю останется только поддерживать ихъ честолюбіе и на ихъ власти опирать свою собственную (стр. 42).

§ 2.

Мы показали такимъ образомъ на примѣрѣ Перикловыхъ Аѳинъ, Флоренціи эпохи Медичей и Англіи временъ Кромвеля, что всюду, гдѣ измѣненіе политическихъ порядковъ совпадало съ перемѣщеніемъ собственности или слѣдовало за нимъ, нашлись философы и политики, отмѣтившіе этотъ фактъ и возведшіе его на степень общаго закона, управляющаго процессомъ государственнаго развитія. Немудрено поэтому, если одинаково, во Франціи и Англіи, въ концѣ XVIII вѣка, когда ростъ движимой собственности и гдѣ частичный, а гдѣ болѣе или менѣе полный разрывъ крестьянина съ землею повлекли къ развитію фермерскаго хозяйства и возникновенію саларіата, Тюрго, а за нимъ Адамъ Смитъ отмѣтили, каждый самостоятельно и независимо другъ отъ друга, измѣнчивость условій экономическаго производства и связь, въ какой его перемѣны стоятъ съ соціальнымъ укладомъ общества. Въ небольшомъ трактатѣ «О распредѣленіи богатствъ» Тюрго ука-

зывалъ на смѣну періодовъ рабства, крѣпостничества и саларіата; послѣдній, по его словамъ, совпадаетъ во времени съ обособленіемъ въ селахъ фермерства и батрачества, т. е. съ капиталистической эксплуатаціей земли арендаторами, при содѣйствіи наемнаго труда.

Всего этого однако недостаточно, чтобы признать за писателями, предшествовавшими французской революціи и насильственному перемѣщенію ею собственности, а съ нею и власти, изъ рукъ феодальнаго дворянства въ руки буржуазіи, яснаго и отчетливаго пониманія той зависимости, въ какой политическій и общественный строй стоятъ отъ экономическаго. Французская монархія Стараго Порядка съ ея все рѣзче и рѣзче выступавшимъ стремленіемъ къ деспотіи, съ ея фискальнымъ гнетомъ и подавленіемъ мѣстныхъ вольностей, съ ея безцеремоннымъ перемѣщеніемъ собственности путемъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, производительныхъ монополій, откуповъ, продажи должностей и дворянскихъ привилегій, въ томъ числѣ податныхъ изъятій, содѣйствовала укорененію обратнаго воззрѣнія. Государство казалось людямъ XVIII вѣка ближайшимъ факторомъ въ измѣненіи разнообразнѣйшихъ сторонъ общественной жизни.

Никто не далъ этому предразсудку болѣе категорическаго выраженія, чѣмъ Монтескье. Достаточно простой справки съ заглавіями отдѣльныхъ книгъ «Духа Законовъ», чтобы вынести убѣжденіе, что въ государствѣ Монтескье видитъ ближайшій источникъ измѣненій и въ густотѣ населенія, и въ нравахъ и обычаяхъ, и въ экономическомъ и общественномъ укладѣ. Даже болѣе радикальные писатели, какъ Руссо, ограничиваются признаніемъ, что въ неравенствѣ состояній лежитъ причина владычества однихъ надъ другими; но ни самъ Руссо, ни его послѣдователи, Мабли и Бриссо, не ставятъ этой мысли въ основу своихъ историко-философскихъ разсужденій объ обществѣ. Даже у Сенъ-Симона связь экономики съ политикой не идетъ далѣе признанія, что все человѣчество дѣлится на меньшинство собственниковъ и большинство несобственниковъ, при чемъ первые начальствуютъ надъ послѣдними. Эта мысль высказывается имъ уже въ 1802 году въ «Письмахъ жителя Женевы къ своимъ современникамъ». Сенъ-Симонъ дѣлитъ все человѣчество на владѣющихъ и не владѣющихъ имуществомъ, относя въ особую группу только артистовъ и художниковъ. Хотя собственники, говоритъ онъ, въ 10, 20 и даже 100 разъ менѣе численны, чѣмъ несобственники, однако они оказываютъ на первыхъ несравненно большее воздѣйствіе, чѣмъ то, какое сами испытываютъ (Saint Simon. «Son premier écrit.» изъ Сенъ-Симоновой библіотеки 1832 г., стр. 40).

Будущій реформаторъ еще думаетъ въ это время, что желательнымъ было бы такое устройство, при которомъ духовная власть находилась бы въ рукахъ ученыхъ, власть свѣтская—у собственниковъ, право же указывать своимъ выборомъ на тѣхъ, кто призванъ быть главами человѣчества, оставлено было производителямъ. Мы имѣемъ въ этихъ словахъ зародышъ не только будущей организаціи всемірной церкви Сенсимонистовъ, но и того идеала политическаго устройства, который будетъ рисоваться воображенію Огюста Конта. Болѣе опредѣленно та же мысль о предоставленіи политической власти производителямъ не только матеріальныхъ богатствъ, но и умственныхъ сокровищъ проводится Сенъ-Симономъ въ 1822 г. Въ своей извѣстной притчѣ онъ предполагаетъ два случая: одинъ—потери Франціей ея лучшихъ инженеровъ, артистовъ, архитекторовъ, медиковъ, хирурговъ, фармацевтовъ, часовщиковъ, банкировъ, негоціантовъ, агрономовъ, фабрикантовъ и т. д.; другой — потери ею всѣхъ принцевъ крови и важнѣйшихъ сановниковъ королевства. Онъ думаетъ, что первая катастрофа обезглавила бы націю, тогда какъ вторая не принесла бы ей особенно осязательнаго вреда.

Отсюда тотъ выводъ, что существующая общественная организація крайне несовершенна, что люди эксплуатируются силою и хитростью, такъ какъ ученые, артисты и промышленники поставлены на болѣе низкую ступень, чѣмъ князья и правители. «Французская нація признаетъ своимъ основнымъ принципомъ, говоритъ Сенъ-Симонъ, что бѣдные должны быть щедрыми по отношенію къ богатымъ и лишать себя ежедневно необходимаго, дабы увеличивать излишекъ крупныхъ собственниковъ». Всѣ эти мысли излагаются затѣмъ Сенъ-Симономъ въ болѣе систематическомъ видѣ въ знаменитомъ «Политическомъ катехизисѣ промышленниковъ». Въ немъ Сенъ-Симонъ впервые формулируетъ законъ общественнаго прогресса, какъ замѣны милитарнаго строя индустріальнымъ, т. е. для него прогрессъ равнозначителенъ переходу политическаго владычества въ руки производителей. Наконецъ въ «Новомъ христіанствѣ», вышедшемъ годъ спустя, въ 1825 г., и на которомъ опирается слава Сенъ-Симона, какъ общественнаго реформатора, авторъ задается тою же задачею освободить евангельское ученіе отъ позднѣйшаго нароста догматовъ и обрядовъ, признаваемыхъ имъ безполезными или прямо вредными, какую въ наши дни ставитъ себѣ Левъ Толстой. Изъ ученія Христа о братствѣ людей Сенъ-Симонъ выводитъ слѣдующее положеніе: «Каждое общество должно озаботиться улучшеніемъ нравственнаго и матеріальнаго существованія наибѣднѣйшаго класса; оно должно быть организовано такимъ образомъ, чтобы эта

великая задача могла быть достигнута». (Le nouveau christianisme, édit. Olinde Rodrigues—стр. 167).

Далѣе этого не идетъ мысль Сенъ-Симона. Онъ нигдѣ не говоритъ прямо о томъ, чтобы измѣненіе въ орудіяхъ производства имѣло своимъ послѣдствіемъ и перемѣну въ общественномъ укладѣ. Онъ только желаетъ перехода политической власти въ руки производителей, подъ которыми разумѣетъ одинаково и предпринимателей, и рабочихъ, а также всѣхъ творцовъ такъ называемаго умственнаго капитала, иначе говоря артистовъ и ученыхъ. Сказать поэтому, что доктрина Сенъ-Симона, съ которой рано познакомился Карлъ Марксъ, благодаря сближенію съ семьей прусскаго сенсимониста Вестфалена, внушила ему непосредственно мысль о зависимости общественнаго и политическаго уклада отъ измѣненій въ техникѣ производства, нѣтъ ближайшаго основанія. Можно утверждать только одно, что Сенъ-Симону уже ясна была связь экономики и политики и зависимость послѣдней отъ первой.

Соціальная борьба, наполняющая собою всю первую половину 19-го столѣтія во Франціи, очевидно не могла пройти безслѣдно и для тѣхъ ревнителей Гегелевой философіи и Гегелевой теоріи государства, «какъ осуществленія нравственной идеи», которые, какъ Лоренцъ Штейнъ, задались мыслью написать общественную исторію французской революціи. Еще въ 1842 г. Штейнъ выпустилъ въ Лейпцигѣ особую монографію подъ заглавіемъ «Соціализмъ и коммунизмъ въ современной Франціи». Она вышла 2-мъ изданіемъ шесть лѣтъ спустя; а въ переработанномъ видѣ, и на этотъ разъ въ 3-хъ томахъ, въ 1850 г. подъ заглавіемъ «Исторія соціальныхъ движеній Франціи». Передо мною лежитъ второе изданіе этого сочиненія отъ 1855 г., т. е. за четыре года до выхода въ свѣтъ книги Маркса: «Къ Критикѣ Политической Экономіи».

Вступительная глава посвящена авторомъ опредѣленію понятія общества, и въ ней-то впервые формулировано ученіе, которое на мой взглядъ составляетъ нѣчто отличное отъ Марксовой теоріи, но въ то же время какъ нельзя лучше показываетъ, что вліяніе экономическаго фактора на политическій строй и самое существованіе классовой борьбы признаваемы были въ школѣ послѣдователей Гегеля еще въ сороковыхъ годахъ протекшаго столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ намъ Штейнъ о связи между обществомъ и строемъ имущественныхъ отношеній? «Заслуживаетъ вниманія, пишетъ будущій вѣнскій профессоръ, что предметы природы, которые человѣкъ своей работой заставляетъ служить себѣ, оказываютъ на него почти столько же вліянія, сколько онъ на нихъ. Оно сказывается въ томъ, что человѣкъ разъ навсегда пріурочивается къ опредѣленному виду

занятій; оно дѣлаетъ для него въ высшей степени затруднительнымъ или почти невозможнымъ отправленіе другой какой либо профессіи. Такимъ образомъ человѣкъ, благодаря такой зависимости, занимаетъ опредѣленное мѣсто въ общественномъ организмѣ (отмѣтимъ употребленіе уже Штейномъ этого термина). Послѣдствіемъ такого порядка является то, что распредѣленіе имуществъ, ихъ сосредоточеніе въ тѣхъ или другихъ рукахъ опредѣляетъ собою и порядокъ человѣческаго общества. Такъ какъ имущества состоятъ въ обладаніи собственниковъ, свободно ими распоряжающихся, то изъ этого слѣдуетъ, что всякое дальнѣйшее пріобрѣтеніе становится зависимымъ отъ воли этихъ собственниковъ. Такимъ образомъ въ понятіе человѣческаго общества входитъ еще новый элементъ—элементъ зависимости. Каждый имѣетъ рабочую силу, но матеріалъ для работы ограниченъ и находится въ обладаніи собственниковъ. Собственники имѣютъ поэтому одни возможность дѣлать новыя имущественныя пріобрѣтенія; несобственники же только по волѣ собственниковъ. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи одну рабочую силу, зависятъ отъ тѣхъ, кто владѣетъ собственностью. Общественный порядокъ, опирающійся на порядкѣ имущественномъ, сводится для Штейна, какъ и для Сенъ-Симона, къ зависимости несобственниковъ отъ собственниковъ. Таковы тѣ два класса, которые, по его ученію, необходимо встрѣчаются въ каждомъ обществѣ. Ихъ существованіе не могло быть упразднено никакими движеніями и никакой теоріей. Пока вещи будутъ считаться имуществомъ и предметомъ собственности, до тѣхъ поръ эти два класса, собственниковъ и несобственниковъ, останутся крайними полюсами человѣческаго общества. Ихъ притяженія или отталкиванія и составятъ содержаніе всей жизни общества. Масса владѣльцевъ и невладѣльцевъ образуютъ каждая въ обществѣ самостоятельный организмъ. Но такъ какъ матерія, составляющая предметъ собственности, можетъ быть отнесена къ одному изъ трехъ слѣдующихъ классовъ: къ землевладѣнію, къ владѣнію деньгами или къ владѣнію промышленному, то и приходится, по Штейну, различать въ организмѣ собственниковъ три класса, тогда какъ въ организмѣ лицъ, ничѣмъ не владѣющихъ, главными категоріями будутъ, во 1-хъ тѣ, которые посвящаютъ себя умственной работѣ, и во 2-хъ тѣ, которые заняты работой механической. Такъ какъ трудъ обезпечиваетъ существованіе рабочаго, а природныя богатства въ частномъ обладаніи—существованіе собственника, то отсюда должны необходимо возникнуть отношенія зависимости между обоими классами. Въ сферѣ землевладѣнія эта зависимость принимаетъ форму зависимости слуги отъ хозяина. Господство семейныхъ порядковъ вно-

ситъ элементъ постоянства въ эти отношенія; только наиболѣе выдающіеся и наиболѣе счастливые переходятъ изъ одного класса въ другой. Для большинства же порядокъ владѣнія опредѣляетъ собою дѣятельность не только отдѣльныхъ лицъ, но и ряда слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Какъ послѣдователь Гегеля, который, какъ мы сказали, видѣлъ задачу государства въ осуществленіи нравственнаго закона, Штейнъ приходитъ къ тому выводу, что государство борется постоянно съ только что описаннымъ общественнымъ строемъ; историческая жизнь народа представляетъ намъ картину такой борьбы (стр. 29—33). Изъ этого положенія родоначальники ученія о такъ называемомъ правовомъ государствѣ съ Гнейстомъ во главѣ, Гнейстомъ, открыто провозглашавшимъ себя послѣдователемъ Штейна, сдѣлали тотъ выводъ, что задача правительства, въ частности короля, въ такой правовой монархіи лежитъ въ посредничествѣ между классами и въ препятствованіи классовой борьбѣ. Итальянецъ Феррарисъ, посѣщавшій одновременно со мною лекціи Гнейста, въ слѣдующихъ словахъ вспоминаетъ о той роли, какая придаваема была берлинскимъ профессоромъ экономическому фактору. Теорія Штейна, говоритъ онъ, приложена была Гнейстомъ къ изученію англійской конституціи и сдѣлалась, благодаря ему, общимъ достояніемъ всѣхъ историковъ права и учрежденій. То же, только въ другихъ выраженіяхъ, говоритъ извѣстный авторъ «Исторіи коммунизма и соціализма въ древности»—Пёльманъ. «На основаніи трудовъ Штейна и Гнейста, произведшихъ цѣлый переворотъ въ наукѣ, мы въ Германіи, пишетъ онъ, привыкли строить правовое и конституціонное развитіе на прочномъ фундаментѣ исторіи общественныхъ измѣненій». (См. Ferraris. Il materialismo storico e lo stato. 97 г., Palermo, стр. 12). Ученіе Штейна и Гнейста о роли государства въ задержаніи возможныхъ столкновеній между классами находитъ послѣдователей и внѣ предѣловъ Германіи, какъ показываетъ между прочимъ только что цитированное мною сочиненіе Феррариса, профессора Падуанскаго университета. И для него король является спасителемъ общества отъ классовой борьбы.

Нужно ли говорить, что республиканецъ Марксъ отбросилъ эту прибавку, и что общественное и политическое движеніе свелось у него такимъ образомъ къ никѣмъ не стѣсняемой экономической борьбѣ классовъ; слѣдовало бы сказать даже къ борьбѣ, поддерживаемой и поощряемой правительствомъ. По ученію Маркса *),

*) Эволюція самой доктрины Маркса обстоятельно изложена въ книгѣ Людвига Вольтманъ.—Der historische Materialismus. Düsseldorf. 1900 г., часть II, стр. 139—251. Здѣсь же показана связь доктрины со всѣмъ развитіемъ гер-

правительство идетъ рука объ руку съ матеріально господствующимъ классомъ, поддерживаетъ его интересы и проводитъ ихъ въ своемъ законодательствѣ. Это заявленіе можетъ быть подкрѣплено слѣдующей выпиской изъ сочиненія ближайшаго ученика и послѣдователя Маркса, сочиненія, написаннаго при жизни послѣдняго и такъ сказать на его глазахъ и заключающаго въ себѣ коллективный отвѣтъ обоихъ основателей доктрины на критику, какой она подверглась со стороны Дюринга. Въ словахъ Энгельса можно найти только отдаленный отзвукъ того, что сказано было Штейномъ о роли государства по отношенію къ борьбѣ классовъ. «Государство, пишетъ Энгельсъ, вызванное къ жизни необходимостью сдерживать соціальныя противорѣчія, борющіеся между собою экономическіе интересы..., какъ общее правило является государствомъ наиболѣе могущественнаго класса, класса экономически господствующаго; поэтому оно доставляетъ новыя средства къ тому, чтобы удержать зависимость и эксплуатировать классы угнетенныхъ. Такъ античное государство было по преимуществу государствомъ рабовладѣльцевъ, государствомъ, ставившимъ себѣ задачей удержаніе рабовъ въ покорности, точь въ точь какъ государство феодальное служило для дворянства средствомъ удержать за собою крѣпостныхъ, а современное представительное правительство является орудіемъ, дѣлающимъ возможнымъ для капитала пользоваться трудомъ рабочихъ. По исключенію встрѣчаются періоды, въ которыхъ борющіеся между собою классы приходятъ въ такое равновѣсіе другъ къ другу, что государство пріобрѣтаетъ характеръ посредника и временно становится какъ бы независимымъ отъ классовъ. Но во всѣ типическія эпохи государство было и остается государствомъ господствующаго класса, механизмомъ, всегда направленнымъ къ тому, чтобы сдерживать угнетаемыхъ и эксплуатируемыхъ. Только тогда, когда обществу удастся организовать произ-

---

манской философіи отъ Канта до Гегеля, заимствованіе у послѣдняго діалектическаго метода, а у его критика Фейербаха матеріалистическаго объясненія исторіи. Тому же писателю удалось, какъ нельзя лучше, выяснить вліяніе ученій Дарвина о трансформизмѣ и борьбѣ за существованіе на сложеніе доктрины Маркса объ экономической эволюціи подъ вліяніемъ перемѣнъ въ техникѣ производства и о роли классовой борьбы въ выработкѣ соціальныхъ и политическихъ устоевъ. Но главная заслуга Вольтмана въ передачѣ теоріи экономическаго матеріализма лежитъ, на мой взглядъ, въ указаніи на тѣ существенныя оговорки, какія предложены были къ ней Энгельсомъ уже послѣ смерти Маркса и нашли выраженіе себѣ въ его письмахъ.—Взгляды Вольтмана опредѣлили собою во многомъ и положеніе, занятое по вопросу объ эволюціи марксизма Зелигманомъ въ его Economic interpretation of history. New-York. 1902 г. (См. въ частности главу III Genesis and development of the theory).

водство на почвѣ свободы и равенства всѣхъ лицъ, въ немъ участвующихъ, исчезнутъ общественные классы съ ихъ антагонизмомъ, и государство падетъ».

Что въ приведенныхъ словахъ нѣтъ ничего, кромѣ простого заявленія, кромѣ передачи авторомъ его основной точки зрѣнія, что Энгельсъ имѣетъ въ виду дать изслѣдователямъ только указаніе на направленіе, въ какомъ должна производиться ихъ работа, разъ она ставитъ себѣ задачей объясненіе хода политической исторіи, что въ необоснованной фактами исторической доктринѣ можно видѣть только нуждающуюся въ провѣркѣ гипотезу, это очевидно бросится въ глаза каждому, кто не привыкъ относиться къ сочиненіямъ даже наиболѣе выдающихся современниковъ, «какъ къ ненуждающемуся въ критикѣ откровенію» *). Энгельсъ впрочемъ весьма остороженъ въ изложеніи общей ему съ Марксомъ доктрины о совпаденіи государственной политики съ интересами господствующаго класса. Онъ не отрицаетъ, какъ мы сейчасъ видѣли, возможности сохраненія государствомъ нейтральнаго положенія между классами, но только не въ типическія эпохи исторіи. Такимъ образомъ создано основаніе не видѣть противорѣчія доктринѣ даже въ такихъ напримѣръ фактахъ, какъ сознательная политика англійскихъ и французскихъ королей къ ослабленію феодализма въ союзѣ съ среднимъ сословіемъ. Вѣдь ничто не мѣшаетъ или признать эту эпоху переходной, а не типической, или утверждать, что между обоими классами, дворянствомъ и буржуазіей, установилось въ это время такое равновѣсіе матеріальныхъ силъ, при которомъ правительству не было возможности поддерживать прежнюю солидарность съ феодализмомъ. Этого примѣра, я думаю, достаточно, чтобы показать, что благодаря своей обусловленности положенія Энгельса и Маркса способны выдержать напоръ исторической критики не меньше обратнаго ученія Штейна и Гнейста о постоянномъ вмѣшательствѣ правительства въ борьбу классовъ въ интересахъ общаго мира и справедливости. Я готовъ сказать даже въ большей степени, такъ какъ въ послѣдней доктринѣ нѣтъ мѣста для исключенія, а слѣдовательно открывается и болѣе широкое поле для противорѣчій ея съ дѣйстви-

*) Нѣкоторые горячіе приверженцы историческаго матеріализма, въ томъ числѣ Гроппали, сходятся со мною въ признаніи, что въ немъ надо видѣть не болѣе, какъ методъ, а не систему. Для насъ, пишетъ Гроппали, которые давно примкнули къ той же точкѣ зрѣнія, матеріалистическое объясненіе исторіи не можетъ считаться системою мыслей и формулъ, окончательно установленныхъ, но методомъ, т. е. способомъ интерпретаціи общественной жизни и всего совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія. (Анналы международнаго института, т. VIII, стр. 204 и 205).

тельностью. Видѣть въ обѣихъ гипотезахъ законы историческаго развитія очевидно было бы допустимо только въ томъ случаѣ, если бы тому или другому изъ родоначальниковъ разбираемыхъ нами теорій удалось обосновать ихъ не на исторіи того или другого періода, а на всемъ ходѣ человѣческаго развитія; но этого пока не было сдѣлано. Заслуга обоихъ направленій лежитъ въ томъ, что каждое изъ нихъ приковало вниманіе историковъ, политиковъ и экономистовъ къ необходимости никогда не терять изъ виду взаимодѣйствія порядковъ производства и распредѣленія съ государственнымъ укладомъ. Если наше время такъ богато экономическими исторіями отдѣльныхъ странъ и эпохъ, если сдѣланы даже попытки построенія общей исторіи экономическаго развитія, если въ большинствѣ сочиненій, посвященныхъ описанію существующихъ конституцій или ихъ прошлаго, а также въ трактатахъ по исторіи отдѣльныхъ народовъ и по всеобщей исторіи, экономическимъ фактамъ отводится несравненно большее мѣсто, чѣмъ прежде, то мы обязаны этимъ въ такой же, если не въ большей мѣрѣ гипотезамъ Маркса и Энгельса, какъ и историческимъ построеніямъ Штейна или Гнейста, не говоря уже о попыткахъ экономическаго объясненія исторіи, сдѣланныхъ, независимо отъ обѣихъ школъ, англичаниномъ Торольдомъ Роджерсомъ.

Если бы притязанія такъ называемой школы историческаго матеріализма не шли далѣе объясненія экономическими причинами политическихъ структуръ и переворотовъ, то я не видѣлъ бы возможности говорить о ея противорѣчіи съ тою попыткою представить общій ходъ развитія человѣчества въ видѣ взаимодѣйствія между умственнымъ, общественнымъ, политическимъ и эстетическимъ развитіемъ, какая въ общихъ чертахъ сдѣлана была еще Сенъ-Симономъ въ сотрудничествѣ съ Огюстомъ Контомъ (въ такъ называемомъ Cathéchisme industriel), а затѣмъ въ систематическомъ видѣ проведена была черезъ всю исторію основателемъ положительной философіи. Даже у такого сторонника экономическаго объясненія исторіи, какимъ является Лоріа, я нахожу по адресу Конта слѣдующее справедливое замѣчаніе: «Начиная съ 14-го вѣка, Контъ слѣдитъ за развитіемъ, какъ онъ выражается, промышленности и даже повидимому допускаетъ, что это развитіе опредѣляетъ собою характеръ эстетическихъ созданій, созданій научныхъ, военныхъ и вообще весь укладъ и все развитіе общества». (Loria. La Sociologia, il suo compito. Padova, стр. 48).

Падуанскій профессоръ видитъ въ этомъ даже доказательство отступленія Конта отъ его основного положенія, что умственное развитіе опредѣляетъ собою развитіе соціальное. Нужно ли гово-

рить, что если бы таково и было основное ученіе Конта, которое, какъ мнѣ кажется, сводится въ дѣйствительности къ признанію взаимодѣйствія указанныхъ мною факторовъ, то и тогда не было бы основанія упрекать его въ противорѣчіи. Вѣдь въ исторіи, обнимающей собой все человѣчество, какихъ нибудь пять столѣтій преобладающаго индустріальнаго воздѣйствія нисколько не устраняютъ возможности для умственнаго фактора пріобрѣсть снова руководящее вліяніе, на что повидимому и указываютъ новѣйшіе успѣхи физико-химическихъ наукъ съ ихъ завоеваніями въ области техники, обѣщающими въ недалекомъ будущемъ радикальную перемѣну и въ условіяхъ производства, и въ условіяхъ обмѣна, а слѣдовательно въ концѣ-концовъ и въ порядкѣ распредѣленія, за чѣмъ неизбѣжно послѣдуетъ переворотъ и въ общественной и въ политической структурахъ. Вѣдь говоря о предшествующей эпохѣ теократіи и милитаризма— эпохѣ, обнимающей собою цѣлыя тысячелѣтія, Контъ не разъ указывалъ на преобладающее вліяніе, которое временно пріобрѣтаетъ тотъ или другой факторъ, и далеко не всегда умственный; такъ переходъ отъ военно-наступательной къ военно-оборонительной политикѣ вызываетъ, съ его точки зрѣнія, самое созданіе феодальной системы. Мнѣ поэтому никогда не казалось возможнымъ видѣть противорѣчіе общей соціологической доктринѣ Конта въ томъ преобладающемъ вліяніи, какое онъ приписываетъ экономическому фактору за послѣднія столѣтія.

Вѣдь для Конта прогрессъ человѣчества является результатомъ одинаково психическихъ и матеріальныхъ причинъ. Нѣкоторые изъ сторонниковъ экономическаго объясненія исторіи повидимому также несогласны отказаться отъ мысли о всякомъ участіи психическаго фактора въ поступательномъ ходѣ общества. Такъ напримѣръ Лоріа, являющійся, какъ мы вскорѣ покажемъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей экономической, какъ онъ называетъ ее, школы въ соціологіи (sociologia a base economica), въ то же время объявляетъ, что «эта школа вноситъ въ свою сокровищницу соображенія Конта о вліяніи умственнаго фактора на общественную эволюцію. Поступая такимъ образомъ, она указываетъ въ то же время, что этотъ факторъ въ свою очередь обусловливается ранѣе его дѣйствующимъ и его опредѣляющимъ факторомъ экономическимъ» (стр. 142, лекцій о соціологіи).

Но кое-кто изъ болѣе тѣсныхъ послѣдователей Маркса не довольствуется такимъ заявленіемъ и старается показать въ частности, что всѣ перемѣны въ литературныхъ вкусахъ, въ школахъ музыки и живописи, въ эстетическихъ теоріяхъ и т. д. могутъ быть поставлены въ прямую причинную связь съ измѣненіями въ

орудіяхъ производства. И вотъ этою-то стороною такъ называемое ученіе марксистовъ вполнѣ заслуживаетъ критику, направленную противъ него никѣмъ другимъ, какъ однимъ изъ родоначальниковъ самой доктрины, Энгельсомъ. Въ письмѣ отъ 21 сент. 1890 года, отпечатанномъ затѣмъ въ 1895 г. въ журналѣ «Der Socialistische Akademiker» № 19 и № 20, Энгельсъ открыто признаетъ, отвѣчая на вопросъ объ отношеніи того или другого фактора къ экономическому, «что при установленіи имъ заодно съ Марксомъ и подъ вліяніемъ современныхъ обоимъ событій новой исторической точки зрѣнія онъ не имѣлъ въ виду обоснованія строгой научной теоріи. Допуская возможность извѣстныхъ преувеличеній въ жарѣ полемики, онъ рекомендовалъ своимъ послѣдователямъ болѣе заниматься практическимъ примѣненіемъ общихъ ему съ Марксомъ идей, чѣмъ искусственнымъ подведеніемъ историческихъ событій подъ заранѣе придуманныя экономическія категоріи. Мудреное было бы дѣло, говоритъ онъ, дать формулу, объясняющую всѣ историческія явленія. Въ такомъ случаѣ было бы такъ же легко опредѣлить природу людей того или другого историческаго періода, какъ рѣшить уравненіе съ однимъ неизвѣстнымъ».

Впрочемъ, совершенно несправедливо было бы обвинять однихъ марксистовъ въ злоупотребленіи методомъ экономическаго толкованія исторіи. Авторъ «Капитала» самъ указалъ имъ примѣръ третированія не одного только правительства, но и религіи, какъ своего рода надстройки. Замѣтки на этотъ счетъ не собраны имъ воедино и не изложены въ систематическомъ видѣ. Онѣ разбросаны въ текстѣ его книги. Такъ въ главѣ I, посвященной товару и деньгамъ, мы находимъ слѣдующія, напримѣръ, замѣчанія. «Религіозный міръ не что иное, какъ отраженіе міра дѣйствительнаго. Для общества, въ которомъ продукты труда принимаютъ обыкновенно форму товара, въ которомъ стало быть наиболѣе обычное отношеніе между производителями заключается въ сопоставленіи стоимости ихъ продуктовъ, выражаемой единицами однороднаго человѣческаго труда,—для такого общества христіанство съ его культомъ абстрактнаго человѣка, въ особенности христіанство въ его буржуазномъ видѣ, — въ протестантствѣ, деизмѣ и т. п., представляетъ наиболѣе соотвѣтственную форму вѣрованій». По такимъ же чисто экономическимъ соображеніямъ Марксъ думаетъ, что родовымъ порядкамъ, въ которыхъ отдѣльный индивидъ еще не оторвался, какъ онъ выражается, отъ пуповины, связывающей его съ прочими членами союза, и при которомъ общественныя отношенія въ области матеріальной жизни, какъ людей между собой, такъ и человѣка къ внѣшнему міру, природѣ, соотвѣтственно очень

ограничены, должно быть свойственно поклоненіе природѣ. «Отраженія дѣйствительности въ вѣрованіяхъ, говоритъ онъ, могутъ исчезнуть лишь тогда, когда условія труда и практической жизни позволятъ человѣку установить ясныя и разумныя отношенія къ себѣ подобнымъ и къ природѣ» (рус. переводъ «Капитала», т. I, Спб. 98 г стр. 41—42). Въ послѣднихъ словахъ высказывается очевидно та самая увѣренность, что агностицизмъ и наука займутъ въ будущемъ мѣсто религіи, которая много лѣтъ спустя такъ блестяще была развита Гюйо. Такой результатъ, какъ намъ представляется, будетъ достигнутъ не однимъ только переворотомъ въ строѣ экономическихъ отношеній, но прежде всего сокращеніемъ области непознаваемаго, благодаря успѣхамъ знаній. Во всемъ остальномъ, что авторъ «Капитала» говоритъ намъ о связи религіи съ экономикой, читатель, не захваченный культомъ марксизма, найдетъ едва ли что либо, помимо повторенія общаго мѣста всей такъ называемой философіи исторіи: протестантизмъ соотвѣтствуетъ развитію индивидуализма, въ свою очередь тѣсно связаннаго съ порядками свободной конкурренціи. Позволено, однако, сомнѣваться, чтобы съ древнѣйшихъ временъ не встрѣчалось уже попытокъ уподобленія природы человѣку, другими словами, того антропоморфизма, который повидимому нимало не вяжется съ ничтожною ролью, какую личность играетъ при родовыхъ порядкахъ. Вѣдь неоспоримо, что древнѣйшія религіи представляются намъ или грубымъ фетишизмомъ, или анимизмомъ, или наконецъ культомъ силъ природы, возведенныхъ на степень боговъ и героевъ и являющихся въ человѣческомъ образѣ и съ человѣческими свойствами. Съ психологической точки зрѣнія въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Малокультурный человѣкъ, подобно ребенку, необходимо является субъективистомъ и во всемъ видитъ подобіе себѣ. Но съ экономической точки зрѣнія истолковать этого нѣтъ никакой возможности, и въ этомъ уже сразу сказывается недостаточность и односторонность одного экономическаго объясненія исторіи.

Несравненно болѣе удачны попытки Маркса связать съ экономическими причинами такіе политическіе перевороты, какъ Coup d'état 18-го брюмера, революціи, пережитыя Германіей въ 1848 году, наконецъ парижскую комуну 1871 г. Разумѣется, въ нашу задачу не можетъ войти разборъ мыслей, высказанныхъ авторомъ «Капитала» по этимъ частнымъ вопросамъ. Для насъ интереснѣе узнать, осталась ли точка зрѣнія родоначальниковъ коллективизма неизмѣнной по вопросу, что именно изъ области экономическихъ явленій вызываетъ перемѣны въ правѣ, политикѣ, морали и, какъ мы видѣли, религіи. Въ «Критикѣ политической экономіи» Марксъ

говоритъ объ измѣненіи орудій производства, какъ о рѣшающемъ моментѣ, и тѣмъ отступаетъ отъ сложившагося еще со временъ грековъ ученія, по которому распредѣленіе собственности, какъ движимой, такъ и недвижимой, признавалось тѣмъ матеріальнымъ фундаментомъ, на которомъ возникали монархіи, аристократіи и демократіи. Земля въ широкомъ смыслѣ слова, разумѣется, есть одно изъ такихъ орудій производства въ такой же мѣрѣ, какъ и всякаго рода движимое имущество, въ томъ числѣ деньги, однимъ словомъ, все то, что обнимается въ наши дни понятіемъ капитала. Такимъ образомъ можно сказать, что и до Маркса распредѣленіе орудій производства признавалось уже факторомъ, вліяющимъ на политическую организацію. Но въ приведенномъ нами отрывкѣ говорится не о распредѣленіи, а объ измѣненіи орудій производства, къ этому и сводится оригинальная черта, внесенная Марксомъ въ существовавшую до него систему экономическаго объясненія государственнаго строя *). Измѣненіе орудій производства, очевидно, предполагаетъ ростъ техники. Ея усовершенствованія, происходящія съ значительной быстротою въ наши дни и можно прибавить съ конца XVIII вѣка, были довольно медленны въ предшествующія столѣтія. Это можно сказать о промышленности, гдѣ препятствіемъ къ техническимъ измѣненіямъ являлись цеховые и городскіе регламенты, опредѣлявшіе разъ навсегда порядокъ производства извѣстныхъ мануфактуратовъ и количество обязательно затрачиваемаго на нихъ матеріала. То же еще въ большей степени приложимо къ земледѣлію, въ которомъ, напримѣръ въ Англіи, по словамъ Торольда Роджерса, въ порядкѣ обработки полей незамѣтно существенныхъ измѣненій почти на разстояніи тысячелѣтія съ VI по XVI вѣкъ. Отсюда необходимо слѣдуетъ тотъ выводъ, что въ тѣ эпохи, когда не происходило перемѣнъ въ области техники, а слѣдовательно и въ орудіяхъ производства, не могло, по мнѣнію Маркса, быть налицо и никакого поступательнаго движенія въ области экономики, а между тѣмъ въ это именно время совершились такія радикальныя перемѣны въ строѣ народнаго хозяйства, какъ напр. замѣна рабскаго труда крѣпостническимъ и вотчинной промышленности городской, нако-

---

*) Очевидно, что, поступая такимъ образомъ, Марксъ пошелъ только болѣе въ глубь вопроса и указалъ ближайшій источникъ распредѣленія въ самой собственности. Въ новѣйшемъ мемуарѣ о томъ, «что такое экономическій матеріализмъ», одинъ изъ его горячихъ послѣдователей г. Келлесъ Краусъ справедливо указываетъ, что къ способу производства прямо приспособляется раздѣленіе труда или отсутствіе таковаго, отъ чего въ свою очередь зависятъ порядки распредѣленія и обмѣна. (Annales de l' institut international de Sociologie. стр. 58, 59. 1904).

нецъ незнающаго обмѣна самодовлѣющаго хозяйства, все еще называемаго экономистами забавнымъ терминомъ натуральнаго.—хозяйствомъ мѣновымъ. Если всѣ эти перемѣны могли имѣть мѣсто, то значитъ было движеніе въ области экономики, и такъ какъ этому движенію нельзя противопоставить параллельнаго измѣненія въ орудіяхъ производства, то оно необходимо вызывалось какой нибудь болѣе общей причиной; по отношенію къ ней и самыя усовершенствованія орудій производства, или, что то же, успѣхи техники, являются чѣмъ-то зависимымъ и обусловленнымъ. Я полагаю, что такою причиной была увеличившаяся густота населенія. «Экономическій ростъ Европы», какъ и лекціи, посвященныя мною тому же вопросу въ Брюсселѣ, имѣли въ виду обосновать этотъ взглядъ изученіемъ поступательнаго хода земледѣльческой и обрабатывающей промышленности, а соотвѣтственно и структуры землевладѣнія и капитала въ столѣтія, слѣдовавшія за паденіемъ античнаго міра и предшествовавшія установленію порядковъ свободной конкурренціи, т. е., современному экономическому строю. Этой возрастающей густотой населенія и невозможностью отлива его избытка на другіе континенты въ формѣ эмиграціи ранѣе XVI столѣтія, объясняю я и послѣдовательный переходъ отъ подсѣчнаго или полевого земледѣлія къ двухполью, трехполью и наконецъ многополью, и соотвѣтственное сокращеніе размѣровъ общиннаго пользованья лѣсомъ и выпасомъ, и замѣну системы открытыхъ полей системой огороженыхъ участковъ, чѣмъ устранялась возможность утилизаціи ихъ подъ пастбище всѣмъ «міромъ» по снятіи урожаевъ.

Въ области экономической структуры эти измѣненія въ густотѣ населенія сказываются въ замѣнѣ непроизводительнаго рабскаго труда болѣе производительнымъ крѣпостнымъ, при которомъ невольный труженикъ является одновременно зависимымъ владѣльцемъ надѣла въ поляхъ помѣстья, наконецъ свободнымъ трудомъ, еще болѣе производительнымъ, въ формѣ сперва оброчнаго, а затѣмъ фермерскаго. Массовое отпущеніе рабовъ на волю, эмансипація крестьянъ, производимая сперва отдѣльными помѣщиками, а затѣмъ правительствами городовъ-республикъ и государствъ-націй, съ моей точки зрѣнія, становятся возможными, благодаря неизбѣжному возрастанію ренты, какъ послѣдствія большей густоты населенія, и необходимости устранить историческія препятствія къ такому возрастанію, въ формѣ ли непроизводительной обработки полей содержимыми помѣщикомъ холопами, или въ формѣ наслѣдственной аренды крѣпостныхъ крестьянъ съ характеризующей ее неизмѣнностью платежей.

Параллельно этимъ измѣненіямъ въ области земледѣлія и земле-

владѣнія происходятъ перемѣны въ индустріи и обмѣнѣ, а также въ организаціи промышленнаго и торговаго класса. Изъ рукъ рабовъ и крѣпостныхъ, восполняющихъ свои сельскохозяйственныя занятія производствомъ мануфактуратовъ въ количествѣ, достаточномъ для удовлетворенія потребностей помѣщика, его челяди и своихъ собственныхъ, промышленность переходитъ одновременно въ руки сельскихъ кустарей и городскихъ мастеровъ, при чемъ последніе, съ цѣлью ограничить конкурренцію первыхъ, устраиваются въ замкнутыя для нихъ корпораціи, подчиненныя и руководимыя въ своей дѣятельности органами политической власти и постепенно пріобрѣтающими отъ нихъ, вмѣстѣ съ автономіей, и монополію извѣстныхъ производствъ или извѣстныхъ видовъ обмѣна. Этой эволюціи промышленной и торговой дѣятельности соотвѣтствуетъ процессъ общественной дифференціаціи въ предѣлахъ помѣстья-села или помѣстья-города, образованія рынковъ и ярмарокъ, обособленіе городского хозяйства, какъ мѣнового, возникновеніе поэтому въ одномъ и томъ же городѣ торговыхъ гильдій и промышленныхъ цеховъ. Насколько, однако, и при дѣйствіи этого наипростѣйшаго фактора роста населенія, необходимо принимать во вниманіе параллельное вліяніе причинъ психическихъ, показываетъ уже то, что большее или меньшее знакомство съ требованіями общественной гигіены можетъ содѣйствовать или наоборотъ препятствовать естественному возрастанію числа жителей, стоитъ лишь вспомнить объ опустошеніяхъ, производимыхъ въ средніе вѣка эпидемическими болѣзнями, и о возможности успѣшной борьбы съ ними въ наше время, по крайней мѣрѣ въ формѣ задержанія ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Что политическіе факторы также не должны быть игнорируемы, какъ дѣйствующіе то заодно, то наперекоръ демотическому, явствуетъ изъ возможности ускорить ростъ населенія допущеніемъ колонизаціи извнѣ или наоборотъ, замедлить его, разрѣшивъ эмиграцію или отливъ населенія за-границу. Колонизація извнѣ можетъ принять также форму военнаго занятія, напримѣръ того, которое положило основу новой европейской гражданственности съ момента поселенія франковъ, бургундовъ, аллемановъ, саксовъ, баварцевъ, готовъ и лонгобардовъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ Римской Имперіи. То же значеніе имѣютъ позднѣйшія нашествія мадьяръ и нѣмцевъ на занятыя славянами земли, разливъ татаръ и другихъ выселенцевъ изъ средной Азіи, изъ которыхъ послѣдними по времени можно считать башкирцевъ, двинувшихся изъ Китая въ Россію въ XVII вѣкѣ. Всѣ эти факты разумѣется играли значительную роль сперва въ задержаніи, затѣмъ въ ускореніи того поступательнаго движенія, начало которому кладетъ демотическій факторъ. Когда поэтому нѣкоторые писатели, въ

числѣ ихъ, какъ мы видимъ, Костъ, думаютъ объяснить однимъ естественнымъ ростомъ населенія весь процессъ экономической и политической эволюціи, они впадаютъ въ такую же односторонность, какъ и марксисты, не желающіе видѣть въ техническихъ усовершенствованіяхъ и соотвѣтственно въ измѣненіи орудій производства результаты взаимодѣйствія демотическаго фактора размноженія и психическаго фактора изобрѣтенія, толчокъ къ которому каждый разъ дается тѣмъ же факторомъ размноженія.

Я, впрочемъ, далекъ отъ мысли, чтобы Марксу и его ближайшему продолжателю Энгельсу была присуща та односторонность, которой страдаютъ нѣкоторые изъ ихъ послѣдователей.

Въ 1879 г. въ отпечатанномъ мною сочиненіи «О причинахъ, ходѣ и послѣдствіяхъ разложенія общиннаго землевладѣнія» проведенъ былъ въ основныхъ чертахъ тотъ же взглядъ на вліяніе постепенно увеличивающейся густоты населенія на измѣненіе структуры общиннаго землевладѣнія, который нашелъ себѣ болѣе полное развитіе въ главномъ моемъ сочиненіи «Объ экономическомъ ростѣ Европы». Изъ устъ Маркса, прочитавшаго эту книгу, я не слышалъ возраженій противъ роли, придаваемой мною фактору населенія. Это не значитъ, чтобы Марксъ не былъ правъ, приписывая частный фактъ происхожденія современнаго экономическаго порядка ближайшимъ образомъ измѣненію въ условіяхъ производства, въ которыхъ машина играетъ такую рѣшающую роль. Ближайшее знакомство съ экономическими порядками, рѣзко расходящимися съ современными, въ частности съ бытомъ описанныхъ Морганомъ родовыхъ обществъ краснокожихъ, заставило, какъ я думаю, ближайшаго сотрудника Маркса, Энгельса, болѣе осторожно формулировать общую обоимъ теорію. Въ книгѣ, направленной противъ Дюринга, я нахожу между прочимъ слѣдующее мѣсто, весьма характерное и для объясненія источника происхожденія самого ученія о первенствующей роли экономическаго фактора, и для опредѣленія той послѣдней стадіи развитія, какой это ученіе достигло еще при жизни Маркса. Говоря о событіяхъ 40-хъ годовъ, Энгельсъ пишетъ: «Классовая борьба пролетаріата съ буржуазіей выступила съ этого времени на первый планъ въ исторіи наиболѣе передовыхъ странъ Европы; въ нихъ же въ равной мѣрѣ создалась крупная индустрія и упрочилось господство буржуазіи. Ученіе о тождествѣ интересовъ капитала и труда, объ общей гармоніи и общемъ народномъ благополучіи, какъ послѣдствіи конкурренціи, все болѣе и болѣе стало опровергаться фактами дѣйствительности... А между тѣмъ старинная идеалистическая точка зрѣнія, все еще продолжавшая господствовать въ

исторіографіи, не допускала никакой борьбы классовъ изъ-за матеріальныхъ интересовъ и вообще не имѣла дѣла съ послѣдними. Производство, какъ и всѣ вообще экономическія явленія, упоминались ею только побочно, какъ подчиненные элементы культурнаго развитія. Новыя явленія жизни заставили теперь подвергнуть пересмотру существующія историческія объясненія, и тутъ-то обнаружилось, что вся предшествующая жизнь народовъ была исторіей классовыхъ столкновеній, что борющіяся между собою общественныя группы—продукты отношеній *производства* и *обмѣна* (Erzeugnisse sind der Produktions- und Verkehrsverhältnisse), однимъ словомъ, отношеній экономическихъ. Экономическая структура общества образуетъ ту реальную основу, на которой опирается надстройка правовыхъ и политическихъ учрежденій, а также религіозныхъ и философскихъ представленій. Пришлось въ концѣ концовъ изгнать идеализмъ изъ его послѣдняго убѣжища, изъ исторіографіи, и установить матеріалистическую точку зрѣнія на исторію. И такъ найденъ былъ путь къ объясненію человѣческаго сознанія условіями человѣческаго быта, а не наоборотъ — человѣческаго быта условіями сознанія». (Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft, стр. 10 и 11).

Въ этомъ длинномъ отрывкѣ я считаю нужнымъ отмѣтить ту интересную для меня черту, что Энгельсъ говоритъ уже не объ измѣненіи условій производства, какъ о рѣшающемъ факторѣ, а обо всемъ экономическомъ укладѣ съ производствомъ и обмѣномъ, какъ объ обусловливающемъ собою политическій строй и связанныя съ обоими представленія людей въ области религіи и философіи. Въ этомъ болѣе полномъ и всестороннемъ пониманіи экономическаго фактора такъ называемое матеріалистическое толкованіе исторіи приблизилось, во-первыхъ, къ тому, какого придерживался, не говоря уже о писателяхъ древности или эпохи Возрожденія и англійской революціи, Лоренцъ Штейнъ съ его прямымъ предшественникомъ Сенъ-Симономъ. Оно сдѣлалось, во-вторыхъ, настолько широкимъ, что подъ понятіе экономическаго фактора можетъ быть подведено и вліяніе, оказываемое поступательнымъ ростомъ населенія, равно увеличивающее и число производителей, и число потребителей.

Всѣ послѣдующія попытки свести роль экономическаго фактора къ вліянію одного только изъ орудій производства, — земли, или къ развитію обмѣновъ, иначе обращенію богатствъ, попытки, связанныя съ именами—первая Лоріа, вторая—де Грефа, кажутся мнѣ только поворотами къ прежней исключительности, не прогрессивнымъ, а регрессивнымъ явленіемъ. Изъ этихъ попытокъ сдѣланная

Лоріа заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія, такъ какъ авторъ не ограничился изложеніемъ своей точки зрѣнія въ скромныхъ рамкахъ мемуара, составленнаго для съѣзда соціологовъ, а далъ ей выраженіе въ рядѣ сочиненій, лекцій и полемическихъ статей, въ которыхъ выступаетъ желаніе обосновать новое ученіе на прочномъ фундаментѣ исторіи не одной только Западной Европы, но и колоній. Вотъ почему въ ближайшей главѣ мы подвергнемъ болѣе детальному изученію это существенное видоизмѣненіе марксизма и постараемся указать на тѣ различныя стадіи, чрезъ которыя прошла мысль Лоріа, прежде чѣмъ онъ вздумалъ остановиться на узкомъ и, по моему, неудачномъ положеніи, что весь процессъ экономическаго развитія, съ его политической надстройкой, долженъ быть поставленъ въ причинную зависимость отъ постепеннаго сокращенія площади свободныхъ къ занятію земель.

ГЛАВА VI.

Экономическое объясненіе исторіи Лоріа.

§ 1.

Въ развитіи историко-экономической доктрины Лоріа можно, какъ мнѣ кажется, отмѣтить три періода. Въ 1886 г. онъ выступаетъ въ первомъ изданіи своего сочиненія «Экономическая теорія политическаго строя» съ готовымъ объясненіемъ всего хода историческаго развитія человѣчества на основаніи прямого приложенія ученія Маркса и Энгельса. Сходство его основной точки зрѣнія съ той, которая нашла выраженіе себѣ въ книгѣ, направленной Энгельсомъ противъ Дюринга, бросается въ глаза при простомъ сопоставленіи того, что говоритъ ближайшій сотрудникъ Маркса объ основномъ ходѣ развитія человѣчества, съ основнымъ тезисомъ, защищаемымъ Лоріа. Какъ для Маркса-Энгельса, такъ и для Лоріа политическій режимъ не болѣе, какъ надстройка надъ экономическимъ; для всѣхъ ихъ одинаково жизнь государства сводится къ борьбѣ классовъ; въ ней правительство всегда стоитъ на сторонѣ матеріально-господствующаго класса и своими мѣропріятіями содѣйствуетъ его торжеству. И основателямъ марксизма, и Лоріа религіозное развитіе кажется отражающимъ на себѣ вліяніе экономическаго. Протестантизмъ въ книгѣ итальянскаго мыслителя такой же продуктъ экономическаго фактора и при томъ его одного, какимъ онъ является въ I гл. «Капитала». Но аргументація Лоріа иногда своеобразна; свидѣтельствуя о весьма поверхностномъ зна-

комствѣ его съ исторіей, она обнаруживаетъ въ немъ въ то же время большую изворотливость и едва ли отвѣчающую строгой логической послѣдовательности способность подступать къ предмету съ разныхъ сторонъ и видѣть проявленіе того же самаго экономическаго мотива въ двухъ нерѣдко противорѣчащихъ точкахъ зрѣнія. Иллюстрируемъ сказанное примѣромъ, тѣмъ самымъ, который былъ уже выбранъ для нападокъ на Лоріа его итальянскимъ критикомъ Феррарисомъ. Примѣръ этотъ обращаетъ на себя мое вниманіе, впрочемъ, по совершенно другой причинѣ, чѣмъ для Феррариса. Если для Лоріа протестантизмъ является реакціей собственности противъ торговли индульгенціями, то христіанство въ его глазахъ имѣетъ экономическій источникъ потому, что вызвало враждебность могущественныхъ классовъ и обусловило собою печальный конецъ реформатора (стр. 412—413). Такимъ образомъ за извѣстнымъ явленіемъ признается экономическій характеръ, то въ виду присущей ему природы, то въ виду вызываемой имъ оппозиціи. Этотъ экономическій характеръ выступаетъ то въ субъектѣ, то въ объектѣ. Опровергать взгляды, высказанные Лоріа въ первомъ изданіи его сочиненія, едва ли необходимо въ виду той критики, какую оно вызвало въ Италіи и Германіи со стороны какъ послѣдователей, такъ и противниковъ марксизма. Мы, напротивъ того, позволимъ себѣ распространить нашу критику и на критиковъ. Одинъ изъ нихъ, Феррарисъ, впалъ въ не менѣе поразительную односторонность, совершенно упуская изъ виду экономическій факторъ въ распространеніи христіанства и протестантизма. Онъ сдѣлалъ это въ такой же мѣрѣ, въ какой Лоріа обошелъ молчаніемъ значеніе психическаго фактора. Обоимъ, повидимому, присуще представленіе, что историческое христіанство есть ученіе Христа, т. е. осуществленіе идеала равенства и самоотреченія, при которомъ, разумѣется, немыслимо различіе твоего и моего или подчиненіе слуги господину. Между тѣмъ, едва ли можетъ быть высказываемо сомнѣніе въ томъ, что христіанству потому только суждено было сдѣлаться государственной религіей, что въ толкованіи, данномъ ученію его основателями, сперва Савломъ, римскимъ гражданиномъ, а затѣмъ Отцами вселенской церкви, это ученіе введено было въ рамки мистическихъ догматовъ, не препятствовавшихъ дальнѣйшему удержанію существовавшаго въ то время экономическаго и политическаго уклада, съ различіемъ бѣдности и богатства, свободы и рабства, неограниченной власти и пассивнаго повиновенія. Съ такой точки зрѣнія въ образованіи историческаго христіанства несомнѣнно играли роль и экономическій, и политическій факторы. Но кому неизвѣстно также, что для выработки христіанскихъ догматовъ, начиная съ догмата Логоса,

ученія греческой философіи прошли далеко не безслѣдно. Въ христіанскомъ ритуалѣ и въ христіанскихъ обрядахъ сохранился, съ другой стороны, не одинъ слѣдъ свойственнаго политеизму художественнаго творчества. Такимъ образомъ христіанство, какъ міровое явленіе, захватившее различнѣйшія стороны общественности, не можетъ быть объяснено иначе, какъ взаимодѣйствіемъ одновременно умственнаго, художественнаго, экономическаго и политическаго факторовъ, а также всего предшествующаго развитія политеизма и философіи, хотя бы на правахъ переживанія. И то же замѣчаніе справедливо по отношенію ко всѣмъ универсалистическимъ религіямъ—къ буддизму, съ его наслѣдіемъ изъ браманизма и неспособностью примѣниться къ кастовому строю древней Индіи, а только къ относительному равенству Китая, и къ магометанству, такъ много унаслѣдовавшему, по крайней мѣрѣ въ Персіи, отъ маздеизма и способнаго пустить прочные корни только въ средѣ, допускающей рѣшительное подчиненіе женскаго пола мужескому и равенство всѣхъ въ политическомъ безправіи. Не менѣе узко пониманіе и Лоріа, и его критикомъ причинъ происхожденія протестантизма. Тогда какъ для перваго его источникъ всецѣло лежитъ не только въ сомнительномъ, но и невѣрномъ положеніи, что на сѣверѣ, въ отличіе отъ юга, человѣкъ пріобрѣлъ большую способность оборудовать матерію, для Феррариса въ протестантизмѣ совершенно отсутствуетъ тотъ несомнѣнно экономическій мотивъ, какой представляетъ желаніе правителей сѣверныхъ странъ Европы приспособить къ задачамъ государевой службы добрую треть земель, сосредоточившуюся въ рукахъ монастырей, этихъ вѣчныхъ владѣльцевъ, въ силу присущаго ихъ землямъ принципа неотчуждаемости. Не менѣе отсутствуетъ у критика сознаніе той вполнѣ понятной тенденціи, въ силу которой правители Европы, не заинтересованные непосредственно въ итальянскихъ дѣлахъ, подобно королямъ испанскому или французскому, стремились освободиться отъ подчиненія и римскому папѣ и католическому императору и желали усилить свою власть въ равной мѣрѣ и на счетъ обѣихъ главъ католическаго міра, и на счетъ второстепенныхъ церковныхъ іерарховъ, владѣвшихъ обширными помѣстьями въ ихъ королевствахъ.

Что Лоріа не отказался и за послѣднее время отъ основныхъ выводовъ своего юношескаго труда, въ этомъ убѣждаетъ насъ повтореніе имъ этихъ послѣднихъ въ небольшомъ трактатѣ, озаглавленномъ «Соціологія» и появившемся въ 1901 г. Въ этомъ сочиненіи, заключающемъ въ себѣ не болѣе, какъ рядъ лекцій, прочитанныхъ въ Падуанскомъ университетѣ о различныхъ направленіяхъ

въ области соціологіи, Лоріа, какъ намъ кажется, хотя и въ сжатой формѣ, но весьма полно передаетъ основныя положенія экономическаго матеріализма.

Его часто и грубо упрекали въ неуважительномъ отношеніи къ родоначальникамъ защищаемой имъ доктрины и даже въ присвоеніи себѣ того, что сдѣлано было ими ранѣе въ области философіи исторіи. Старикъ Энгельсъ, взбѣшенный нѣкоторыми замѣчаніями, направленными Лоріа противъ Маркса, превысилъ права критика въ одномъ примѣчаніи къ III тому «Капитала». Его примѣръ нашелъ съ сожалѣнію немало подражателей, въ томъ числѣ въ самой Италіи, какъ показываетъ статья Бенедето Крочэ, появившаяся сперва въ журналѣ «L'Avenir Social», а затѣмъ отпечатанная на итальянскомъ языкѣ въ сборникѣ его статей объ историческомъ матеріализмѣ и экономической теоріи Маркса. Въ числѣ писателей, ранѣе другихъ заговорившихъ о Лоріа, какъ объ историкѣ экономическаго быта, Крочэ упоминаетъ и меня, приписывая мнѣ, и совершенно правильно, попытку доказать ошибочность спеціальнаго метода, какого придерживается Лоріа и состоящаго въ уподобленіи экономическихъ порядковъ Новаго Свѣта съ тѣми, какіе имѣли мѣсто въ средневѣковой Европѣ (Крочэ, стр. 39 и 59). Я еще буду имѣть случай вернуться къ моимъ возраженіямъ противъ этого пріема. Въ настоящее время я желалъ бы только протестовать противъ включенія меня въ число лицъ, не желающихъ отдать должнаго весьма почтенной и оригинальной попыткѣ итальянскаго экономиста провести черезъ всю исторію человѣчества только провозглашенную Марксомъ и Энгельсомъ, но отнюдь ими не обоснованную доктрину объ исключительномъ вліяніи экономическаго фактора. Если отбросить тѣ парадоксы, какихъ мы нашли немало въ вышеразобранномъ сочиненіи, и ограничиться однимъ его лейтмотивомъ, воспроизводимымъ авторомъ и въ его новѣйшемъ трактатѣ о соціологіи; то надо будетъ признать, что ни у кого изъ писателей, придерживающихся одинаковыхъ съ Лоріа воззрѣній, не проведено съ большею послѣдовательностью ученіе объ экономикѣ, какъ обусловливающей собою правовую и политическую структуру народовъ въ различнѣйшія эпохи ихъ развитія, до нѣкоторой степени также ихъ нравственныя, религіозныя и философскія воззрѣнія. Впрочемъ, читателю самому легко будетъ судить объ этомъ изъ слѣдующаго короткаго изложенія, которое мы считаемъ необходимымъ дать основнымъ положеніямъ, защищаемымъ Лоріа въ томъ отдѣлѣ его новаго сочиненія, который посвященъ «экономической соціологіи».
Экономическія явленія, справедливо говоритъ онъ, проще другихъ. Они предшествуютъ всѣмъ прочимъ, такъ какъ человѣку нужно

прежде всего удовлетворить наиболѣе насущной потребности — поддержанія собственнаго существованія. Надо, конечно, признать, что одно явленіе можетъ слѣдовать за другимъ, не будучи въ то же время его причиной. Но, сдѣлавши это признаніе, на самомъ дѣлѣ являющееся не болѣе, какъ повтореніемъ мысли Аристотеля, Лоріа вслѣдъ затѣмъ пишетъ фразу, которая едва ли удовлетворитъ самого снисходительнаго критика: «Какъ бы то ни было, но эта совокупность чертъ, присущихъ экономическому явленію, во-первыхъ, то, что оно свойственно только человѣческимъ обществамъ, а не обществамъ животныхъ (положеніе, въ которомъ позволено сомнѣваться, если вспомнить примѣръ пчелъ и муравьевъ), во-вторыхъ, бо́льшая его простота сравнительно со всѣми остальными и, въ-третьихъ, то обстоятельство, что оно всегда предшествуетъ во времени, даютъ сильную поддержку той мысли, которая въ экономическихъ фактахъ видитъ основу общественнаго уклада». Итакъ, три положенія, которыя сами по себѣ ничего не доказываютъ, въ своей совокупности должны, по Лоріа, что-то доказать. Но, продолжаетъ нашъ авторъ, такая концепція пріобрѣтаетъ еще большее вѣроятіе, разъ мы обратимся къ анализу экономическаго факта и присущей ему структуры. Въ дѣйствительности ядро всякаго экономическаго отношенія, какъ показываетъ историческое развитіе человѣчества, составляетъ абсолютное, постоянное и неизмѣнное дѣленіе жителей на двѣ части, на собственниковъ неработающихъ и на большинство работниковъ, которые ничѣмъ не владѣютъ и производятъ цѣнности къ выгодѣ первыхъ. Такое дѣленіе не есть созданіе природы. Оно можетъ быть только послѣдствіемъ грандіознаго экономическаго процесса, который всегда препятствовалъ и доселѣ препятствуетъ массѣ населенія производить цѣнности на выгоду себѣ и наоборотъ заставляетъ ихъ продавать собственный трудъ господствующему меньшинству. Историческій анализъ раскрываетъ передъ нами, въ чемъ состоялъ и доселѣ состоитъ этотъ процессъ; онъ показываетъ, что въ прошломъ большинство заставляли трудиться для немногихъ, обращая его въ рабство, тогда какъ въ настоящее время то же достигается исключительной аппропріаціей земли или, какъ думаютъ нѣкоторые (и говоря это Лоріа имѣетъ въ виду точку зрѣнія Маркса), не только земли, но и орудій производства. Такъ какъ это дѣленіе ничего не имѣетъ въ себѣ естественнаго, а наоборотъ является продуктомъ насилія, то есть основаніе бояться, что оно можетъ ежечасно быть упраздненнымъ. Представляется прежде всего та опасность, что классы наиболѣе многочисленные, страдающіе отъ такого дѣленія, пріобрѣтутъ сознаніе собственной силы,

возстанутъ противъ существующаго порядка и низвергнутъ его. Возможно также, что наступленіе такого исхода будетъ ускорено, благодаря неумѣренности господствующихъ. Доведши до крайняго выраженія эксплуатацію подчиненныхъ, они тѣмъ самымъ неизбѣжно побудятъ ихъ къ возстанію. Такимъ образомъ, общественный порядокъ, основанный на устраненіи массы населенія отъ собственности, находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Чтобы обезпечить его продолжительность, необходимо помѣшать возстанію бѣдныхъ классовъ и излишествамъ классовъ богатыхъ, другими словами, надо организовать рядъ согласованныхъ между собою учрежденій, которыя поставили бы извѣстныя границы поведенію различныхъ классовъ и препятствовали бы дѣйствіямъ, способнымъ повлечь за собою паденіе установленнаго порядка. Этой цѣли отвѣчаютъ прежде всего разные виды нравственнаго принужденія. Они удерживаютъ бѣднаго отъ возстанія, а богатаго отъ утрированія его власти и установляютъ нематеріальныя санкціи, направленныя противъ этихъ анти-общественныхъ дѣйствій. Нравственное принужденіе принимаетъ въ разное время разныя формы: въ древности—правительственнаго террора, въ средніе вѣка—религіознаго, въ новое время—страха предъ общественнымъ мнѣніемъ; но природа принужденія остается неизмѣнной, а цѣлью его всегда является воздержаніе отъ эгоистическихъ дѣйствій, способныхъ принесть вредъ общественному союзу. Такъ, напримѣръ, бѣдный хотѣлъ бы украсть, но является священникъ и говоритъ ему: знай, что въ этомъ случаѣ тебя ждутъ вѣчныя муки. Чтобы избѣжать ихъ, бѣдный подчиняется общественному порядку, его давящему и принижающему. Всѣ религіи стремились къ установленію такой нравственной санкціи, но ни одна въ этомъ отношеніи не достигла такого совершенства, какъ христіанская. Евангеліе не только грозитъ жестокими наказаніями въ будущей жизни всѣмъ виновнымъ въ антисоціальныхъ дѣйствіяхъ; оно объявляетъ еще, что за гробомъ человѣка ждетъ положеніе, обратное тому, какое онъ занималъ въ настоящей жизни. Царство небесное рѣшительно закрыто богатымъ и могущественнымъ; оно открывается только передъ бѣдными и оставленными на произволъ судьбы. Трудно представить себѣ, въ какой степени этотъ геніальный догматъ обезпечилъ молчаливое согласіе народныхъ массъ по отношенію къ собственности. Очевидно, что у бѣдныхъ нѣтъ болѣе основанія жаловаться на свою нищету, разъ имъ открытъ ею же входъ въ вѣчное блаженство рая; они наоборотъ имѣютъ полное основаніе сокрушаться надъ судьбою богатыхъ, которые покупаютъ цѣною временнаго и преходящаго благосостоянія потерю вѣчнаго блаженства. Но христіанство обра-

щается одновременно къ привилегированнымъ и богатымъ и поощряетъ ихъ къ милостыни и милосердію, чѣмъ и препятствуетъ тѣмъ излишествамъ съ ихъ стороны, послѣдствіемъ которыхъ былъ бы разрывъ добрыхъ отношеній между классами. Такимъ образомъ христіанство является могущественнымъ факторомъ въ дѣлѣ упроченія порядка и внутренняго единства человѣческихъ обществъ.

Что точка зрѣнія Лоріа отнюдь не способна возмутить совѣсти ортодоксальныхъ истолкователей вѣры, показываетъ примѣръ Владиміра Соловьева. Спрошенный однажды о томъ, какими средствами положить конецъ взаимной борьбѣ богатыхъ и бѣдныхъ, Соловьевъ указалъ своему собесѣднику на невозможность иного рѣшенія, кромѣ того, какое дано было въ средніе вѣка основаніемъ францисканскаго ордена. Ему удалось сдѣлать бѣдность любезной неимущимъ, а милосердіе—богатымъ *).

Переходя къ новому времени, Лоріа показываетъ, какъ религіозная санкція, вслѣдъ за паденіемъ вѣры, смѣнилась санкціей общественнаго мнѣнія, которое враждебно относится ко всѣмъ антисоціальнымъ дѣйствіямъ. Если, говоритъ Лоріа, рабочіе не возстаютъ противъ существующаго порядка, и собственники не позволяютъ себѣ поведенія, невыносимаго для лицъ, отъ нихъ зависимыхъ, то источникъ всего этого лежитъ въ томъ коллективномъ порицаніи, какимъ встрѣченъ былъ бы подобный образъ дѣйствій. Но само по себѣ нравственное принужденіе еще не воздержало бы людей отъ нарушенія общественнаго порядка, такъ какъ всегда бы нашлось бо́льшее или меньшее число индивидовъ, готовыхъ пренебречь нравственными санкціями, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ. И вотъ для того, чтобы удержать такихъ лицъ, и существуетъ болѣе энергичное и опредѣленное средство. Имъ является право, воздерживающее людей отъ противообщественныхъ дѣйствій санкціей наказанія. Если мораль грозитъ бѣдняку вору загробными муками или осужденіемъ общественнаго мнѣнія, то право пугаетъ его тюрьмой. Такими же наказаніями преслѣдуетъ оно собственника, угнетающаго своихъ рабочихъ. Право вводитъ извѣстную дисциплину въ сферу семьи, собственности, наслѣдства, договоровъ, однимъ словомъ, во всѣ отношенія, вытекающія изъ экономическаго порядка. Оно во всѣхъ своихъ частяхъ проникнуто экономическими интересами и преслѣдуетъ въ большинствѣ своихъ предписаній выгоды класса собственниковъ. Поэтому-то въ каждую эпоху право отвѣчаетъ

*) См. книгу Huret, въ которой собраны статьи, отпечатанныя имъ ранѣе въ газетѣ «Figaro» и заключающія въ себѣ передачу мыслей, высказанныхъ въ бесѣдахъ съ нимъ по рабочему вопросу современными экономистами и соціологами.

прежде всего видамъ того класса собственниковъ, который является преобладающимъ. Гдѣ этимъ классомъ надо считать землевладѣльцевъ, тамъ и право главнымъ образомъ защищаетъ ихъ интересы; тамъ же, гдѣ господствуетъ капиталъ,—право болѣе озабочено выгодами движимой собственности. Лоріа приводитъ въ примѣръ Германію, которая съ 15-го столѣтія ввела у себя римское право только потому, что новыя экономическія отношенія, сложившіяся въ ней къ этому времени, были однохарактерны съ тѣми, которыя образовались въ Римѣ къ эпохѣ Императоровъ. Такъ какъ право всегда отвѣчаетъ экономическому строю, то его философія, по мнѣнію Лоріа, всецѣло сводится къ экономикѣ (очевидно, современной ему эпохи). Но и правовыя санкціи только тогда могутъ достигнуть своей цѣли—защиты собственности,—когда ихъ созданіе зависитъ исключительно отъ класса собственниковъ. Это значитъ, что законодательная власть, а потому и политическое господство всегда должны принадлежать только собственникамъ. Необходимость этого слѣдуетъ и изъ другой причины, именно слѣдующей. Если бы пролетаріямъ удалось овладѣть законодательною властью, то они очевидно приняли бы мѣры къ ниспроверженію существующаго порядка собственности. Отсюда явствуетъ необходимость въ интересахъ сохраненія существующаго строя сосредоточить государственную власть въ рукахъ собственниковъ и ихъ уполномоченныхъ и совершенно лишить ея неимущихъ. Долгое время эта цѣль достигалась открытыми и грубыми средствами. Даже при возникновеніи представительныхъ учрежденій у бѣдныхъ еще отымается право голоса. Позднѣе, когда приходится сдѣлать на этотъ счетъ уступки, той же цѣли устраненія неимущихъ отъ власти служитъ увеличеніе избирательныхъ издержекъ; это само по себѣ дѣлаетъ мѣста депутатовъ недоступными для бѣдняковъ. Другимъ средствомъ является прямое или косвенное воздѣйствіе богатыхъ на незажиточныхъ избирателей. Оно принимаетъ нерѣдко форму явнаго подкупа. Но такъ какъ сама собственность разнаго порядка, смотря по природѣ доставляемаго ею дохода, и такъ какъ интересы различныхъ классовъ собственниковъ неодинаковы, то лица, владѣющія имуществомъ и потому властью, распадаются на двѣ или болѣе партіи, до нѣкоторой степени враждебныя другъ другу. Особенно рѣзко выступаетъ антагонизмъ между владѣльцами движимой и недвижимой собственности. Первые заинтересованы въ сохраненіи существующаго, вторые въ поступательномъ движеніи общества, или прогрессѣ. Вотъ почему первые своею массою входятъ въ ряды консервативной партіи, а вторые—въ ряды либераловъ. Разумѣется, въ той абсолютной формѣ, въ какой Лоріа выражаетъ экономическое различіе консерваторовъ

и либераловъ, считая первыми исключительно владѣльцевъ недвижимой, а вторыми—движимой собственности, его дефиниція неприложима къ исторически сложившимся партіямъ. Никто конечно не рѣшится утверждать, чтобы въ средѣ англійскихъ виговъ, напримѣръ, не было недвижимыхъ собственниковъ, или чтобы французскіе оптимисты насчитывали въ своей средѣ только землевладѣльцевъ. Но самый фактъ борьбы между представителями землевладѣнія и представителями капитала несомнѣненъ и весьма характерно выступаетъ въ вѣковыхъ попыткахъ ограничить право голосованія только лицами, получающими опредѣленный доходъ съ недвижимости или платящими налогъ на недвижимость. Въ актовой рѣчи, произнесенной мною въ Брюссельскомъ университетѣ и затѣмъ отпечатанной на французскомъ и итальянскомъ языкахъ, я старался показать, какъ не только въ XVII, но и въ XVIII столѣтіи еще считалось безспорной истиной, что право голосованія должно принадлежать однимъ недвижимымъ собственникамъ. Кто не имѣетъ постояннаго интереса въ государствѣ въ формѣ недвижимости, говорилъ свойственникъ и единомышленникъ Кромвеля, Айретонъ, съ тѣмъ надо обходиться, какъ съ чужеземцемъ. Онъ долженъ или подчиниться законамъ, издаваемымъ земельными собственниками, или покинуть страну. И ту же мысль приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ повторяетъ въ XVIII в., на этотъ разъ во Франціи, министръ-реформаторъ Неккеръ. «Несобственникъ, пишетъ онъ, неполный гражданинъ. Онъ остается равнодушнымъ къ большинству вопросовъ, интересующихъ страну». Вотъ какими соображеніями поддерживалось исключеніе владѣльцевъ движимости отъ участія въ выборахъ въ Англіи вплоть до 1832 г., въ другихъ странахъ приблизительно до начала XIX столѣтія. Стоитъ прочесть дебаты учредительнаго собранія, чтобы встрѣтиться съ тѣмъ же предразсудкомъ противъ движимыхъ собственниковъ, выраженіе котораго мы нашли и въ средѣ англійскихъ пуританъ, и въ средѣ французскихъ конституціоналистовъ. Извѣстный физіократъ Дюпонъ-де-Немуръ въ 1789 году еще объявлялъ: «чтобы быть избирателемъ, надо имѣть помѣстье (manoir). Вопросы управленія непосредственно затрогиваютъ собственность, помощь, которую собственники призваны оказывать неимущимъ. Никто не заинтересованъ въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ кромѣ собственниковъ. Изъ чего слѣдуетъ, что они и должны быть избирателями. Не имѣющій собственности не составляетъ еще части государственнаго сообщества».

Въ моемъ «Происхожденіи современной демократіи» я обратилъ вниманіе на то внутреннее противорѣчіе, какое представляетъ изби-

рательное законодательство Конституанты. Движимая собственность, говорю я во II т. моего трактата, источникъ матеріальнаго благосостоянія буржуазіи, точно такъ же какъ промышленность и торговля, совершенно не приняты въ разсчетъ избирательными законами. Цензомъ служитъ платежъ извѣстнаго минимума земельнаго налога. Я объясняю это противорѣчіе господствовавшей въ то время политической доктриной и примѣромъ Англіи, гдѣ землевладѣніе въ формѣ фригольда, или свободной собственности, одно давало право участія въ выборахъ. Обращая въ принципъ, въ общеобязательную доктрину, то, что на самомъ дѣлѣ было продуктомъ исключительныхъ историческихъ и экономическихъ условій названной страны, члены французскаго Учредительнаго Собранія признали себя связанными какими-то, какъ они говорили, неизмѣнными указаніями опыта.

Такимъ образомъ исторія избирательнаго права вполнѣ подтверждаетъ ту основную мысль Лоріа, по которой между самими собственниками, смотря по природѣ ихъ дохода, имѣется возможность установлять различія; политическія права признаются только за меньшинствомъ лицъ, имѣющихъ постоянные интересы въ почвѣ. Владѣльцы движимыхъ имуществъ, стремясь къ равноправію съ земельными собственниками, поэтому щедры на всякія обѣщанія классу неимущему, готовому дѣйствовать съ ними заодно въ борьбѣ съ монополіей землевладѣльцевъ. И этимъ объясняется справедливо отмѣченный Лоріа фактъ, что благопріятные рабочимъ законы, какъ и аграрная политика и все вообще соціальное законодательство, обязаны своимъ существованіемъ въ значительной степени этой розни движимаго и недвижимаго капитала и совокупной дѣятельности людей, обдѣленныхъ судьбой и обойденныхъ законодательствомъ.

Если такимъ образомъ связь политическихъ учрежденій съ экономическими порядками представлена у Лоріа довольно убѣдительно, то остается еще вопросомъ, въ какой мѣрѣ ему, какъ и его предшественникамъ, удалось доказать тѣсную зависимость отъ экономическихъ условій умственнаго и эстетическаго творчества. Мы рады найти въ его небольшомъ трактатѣ о соціологіи слѣдующее признаніе: одинъ безумецъ можетъ утверждать, что одними экономическими условіями, помимо всякаго участія религіознаго чувства, вызваны были къ жизни и готическіе храмы, и церковная живопись, и всѣ вообще проявленія средневѣковаго искусства. Но, дѣлая эту уступку, Лоріа въ то же время спѣшитъ прибавить, что само религіозное чувство было продуктомъ свойственныхъ данной эпохѣ экономическихъ отношеній, т. е. результатомъ необходимости сдержать разнообразные элементы, волновавшіеся въ плохоуравновѣшенной соціальной средѣ и грозившіе ежечаснымъ ея разруше-

ніемъ. И вотъ почему, говоритъ онъ, не ошибается соціологъ, когда глазомъ рыси онъ открываетъ въ самыхъ высокихъ проявленіяхъ человѣческой мысли и самыхъ заоблачныхъ кабалистическіе знаки и дьявольскую улыбку экономическаго фактора. Фраза эта вѣроятно много говоритъ итальянской аудиторіи, но не вноситъ большой ясности въ основную мысль автора. Въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху Вольтера и энциклопедистовъ, еще смотрѣли на религію, какъ на искусно придуманный обманъ; но повторять подобныя мысли въ наше время, послѣ того, какъ приложеніемъ сравнительнаго метода къ области народныхъ вѣрованій удалось установить ту истину, что всякая религія заключаетъ въ себѣ элементы, позволяющіе говорить о ней, какъ о высшемъ выраженіи народной психики, значитъ по меньшей мѣрѣ отстать отъ науки на два столѣтія.

Точно такъ же едва ли доказываетъ одностороннее господство экономическаго фактора въ сферѣ художественнаго творчества то обстоятельство, что поэзія каждой данной эпохи отражаетъ на себѣ соціальныя и экономическія условія; отражать еще не значитъ быть продуктомъ, имѣть корни въ почвѣ и въ условіяхъ времени не то же, что быть вызванными къ жизни этими условіями. Гомеръ могъ въ своей Иліадѣ или еще въ большей степени въ Одиссеѣ дать намъ отрывочныя черты и самодовлѣющаго хозяйства и хозяйства, уже разсчитаннаго на удовлетвореніе потребностей по крайней мѣрѣ ближайшихъ рынковъ. Онъ могъ показать намъ своей извѣстной характеристикой финикійскаго купца — «обманщикъ коварный, злой казнодѣй, отъ котораго много людей пострадало», ту точку зрѣнія, съ какой греки эпохи Троянскихъ войнъ смотрѣли на международныхъ торговцевъ, и тотъ характеръ полуразбойника, полукупца, какой присущъ былъ въ періодъ только что зачинавшагося мѣнового хозяйства его главнымъ агентамъ; но кто же на этомъ основаніи рѣшится утверждать, что поэмы Гомера непосредственно вызваны къ жизни тѣмъ экономическимъ строемъ, какой представляла Греція въ его эпоху. Сомнѣваюсь также въ возможности встрѣтить человѣка съ трезвымъ разсудкомъ, который позволилъ бы себѣ установлять причинную связь между городскимъ хозяйствомъ Италіи XIII вѣка, съ его уже сравнительно широкимъ обмѣномъ, обособленіемъ собственниковъ и несобственниковъ и до нѣкоторой степени предпринимателей и рабочихъ, съ «Божественной Комедіей» Данте. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать объясненіемъ наивное заявленіе, что Данте съ «своимъ раемъ, адомъ и чистилищемъ» являлся агентомъ пускающей пыль въ глаза римской куріи, да еще пожалуй агентомъ безсознательнымъ, такъ какъ борьба съ этой куріей

въ значительной степени опредѣлила самое содержаніе его поэмы. «Кто черезчуръ много доказываетъ—ничего не доказываетъ», говоритъ французская пословица; въ интересахъ самой доктрины экономическаго объясненія исторіи, можно рекомендовать ея ревнителямъ частую справку съ этой пословицей.

§ 2.

Я узнаю изъ возраженій, направленныхъ противъ меня Лоріа, что одно время его мысль останавливалась на объясненіи всего хода экономическаго развитія возрастающею густотою населенія, и что этотъ тезисъ даже положенъ былъ имъ въ основу его монографіи о земельной рентѣ. Мнѣ не удалось своевременно ознакомиться съ этимъ сочиненіемъ. Говоря о причинахъ разложенія сельской общины въ 1879 году, въ самый годъ выхода въ свѣтъ этой книги Лоріа, я уже проводилъ тотъ взглядъ на вліяніе густоты населенія на измѣненіе экономическихъ отношеній, который нашелъ позднѣе болѣе широкое обоснованіе въ моемъ трактатѣ объ Экономическомъ ростѣ Европы. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ сочиненіи я не считалъ нужнымъ утаивать одновременнаго воздѣйствія на разложеніе сельской общины другихъ причинъ, какъ-то враждебности выдѣлившихся постепенно классовъ, военнаго, духовнаго и ремесленно-торговаго, къ неотчуждаемому по природѣ мірскому землевладѣнію. Вполнѣ понятное желаніе вышеуказанныхъ группъ создать матеріальную основу для своего политическаго преобладанія въ формѣ обширныхъ помѣстій необходимо приводило ихъ въ столкновеніе съ принципомъ коллективной собственности. Въ моемъ сочиненіи указано также то вліяніе, какое поселеніе новыхъ колонистовъ можетъ оказать какъ на разложеніе самой общины, такъ и на установленіе ея замкнутости, образцомъ чего могутъ служить тѣ «Bürgergemeinden», которыя до сихъ поръ уцѣлѣли въ нѣмецкой Швейцаріи, а въ центральной Италіи извѣстны подъ названіемъ partecipanze. Постепенное возрастаніе числа поселенцевъ, вербующихся изъ членовъ чужихъ родовъ, добровольно или насильственно покинувшихъ послѣдніе, увеличиваетъ собою число лицъ, изъятыхъ отъ выгодъ общиннаго пользованія, и тѣмъ сообщаетъ имъ матеріальную возможность добиться своего уравненія въ правахъ съ владѣльцами общинной земли. Подъ вліяніемъ возникающей мало по малу борьбы между интересами общинниковъ, съ одной стороны, и интересами поселенцевъ, съ другой, коллективное землевладѣніе получаетъ въ разныхъ мѣстностяхъ ту или другую форму. Всюду, гдѣ прежнимъ владѣльцамъ удалось противустоять напору новыхъ колонистовъ и притязаніямъ ихъ на пользованіе общинной землей, коллективное вла-

дѣніе или сохранило прежній видъ, или перестало вовсе существовать. Послѣдній исходъ имѣлъ мѣсто тамъ, гдѣ общинные владѣльцы пришли своевременно къ признанію невозможности помѣшать дальнѣйшему включенію новыхъ поселенцевъ въ свою среду иначе, какъ путемъ раздѣла общинной собственности. Раздѣлъ имѣетъ мѣсто на первыхъ порахъ по отношенію къ однимъ пахотямъ и отчасти лугамъ. Пустошь, пастбище, лѣсъ остаются попрежнему въ нераздѣльномъ пользованіи (см. мое Общиное землевладѣніе. Москва, 1879, стр. 6 и 7). Тремя годами ранѣе, т. е. въ 1876 г. въ сочиненіи, появившемся одновременно на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и озаглавленномъ «Очеркъ исторіи распаденія общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ», я сдѣлалъ попытку показать на примѣрѣ селеній, расположенныхъ въ предѣлахъ французской Швейцаріи, дѣйствіе только что указаннаго мною процесса. Имъ я старался объяснить происхожденіе доселѣ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ въ Швейцаріи корпоративныхъ имуществъ, нераздѣльными владѣльцами которыхъ являются исконные обыватели; рядомъ съ этими ранними поселенцами, слывущими подъ названіемъ буржуа и владѣющими сообща извѣстными имуществами, особый классъ позднѣйшихъ пришельцевъ, domiciliés, manants, advenaires, не имѣетъ никакого участія въ пользованіи прежней мірской землей, такъ называемой альмендой, или допускается къ нему подъ условіемъ вознагражденія. Въ то же время я настаивалъ на той мысли, что въ большинствѣ мѣстностей общинныя земли были подѣлены между старинными насельниками изъ страха, чтобы новые пришельцы не потребовали своей доли участія въ общемъ достояніи. Однохарактерныя причины вызвали нѣсколько лѣтъ продолжавшуюся войну владѣльцевъ крупнаго и владѣльцевъ мелкаго скота въ предѣлахъ той нераздѣльной, волостной общины, какую составляла еще въ первой половинѣ XIX столѣтія древнѣйшая территорія кантона Швицъ. Эти столкновенія повели къ земельнымъ раздѣламъ и установленію частной собственности при сохраненіи совмѣстнаго пользованія одной пустошью и выпасомъ. Приведенныя выдержки доказываютъ, что моя точка зрѣнія на вліяніе поступательнаго хода населенія на измѣненіе экономическихъ отношеній сложилась подъ вліяніемъ непосредственнаго наблюденія фактовъ дѣйствительности или недавняго прошлаго. Говоря это, я, разумѣется, не имѣю въ виду повторить по отношенію къ Лоріа хотя бы той фразы, какою онъ указываетъ сходство моей доктрины съ раздѣляемой имъ въ 1879 г.: «ученіе Ковалевскаго буквальное воспроизведеніе того, которое было изложено нами, и несомнѣнно представляетъ истину, но только часть истины (Il capitalismo et la scienza, стр. 251).

Въ критикѣ этой, какъ оказывается, общей намъ нѣкогда теоріи Лоріа указываетъ на тѣ причины, которыя заставили его, какъ онъ думаетъ, вполнѣ удачно перенести отвѣтственность въ измѣненіи экономическаго строя съ роста населенія на исчезновеніе свободныхъ къ занятію земель: ученіе о роли густоты населенія объясняетъ, правда, пишетъ онъ, возможность экономическихъ порядковъ, менѣе прогрессивныхъ, чѣмъ современные; но оно не говоритъ намъ, почему необходимы были такіе болѣе ретроградные порядки, почему установились формы хозяйства мало производительныя, тогда какъ простой разсчетъ долженъ былъ рекомендовать принятіе съ самаго начала наиболѣе производительныхъ. Въ дѣйствительности же существованіе свободной къ занятію земли, дѣлая невозможнымъ возникновеніе саларіата, заставляло человѣчество обратиться къ созданію экономическихъ формъ менѣе производительныхъ, рабства и крѣпостничсства; поэтому неудивительно, если эти экстензивные порядки держались въ теченіе вѣковъ, пока рѣдкость населенія имѣла своимъ спутникомъ обиліе свободныхъ къ занятію земель (стр. 251).

Уже Бенедето Крочэ указано было, что новая теорія, придуманная Лоріа для объясненія хода экономическаго развитія, въ зародышѣ заключается въ послѣдней главѣ I-го тома «Капитала» Маркса. И дѣйствительно, мы читаемъ въ этой главѣ: въ колоніяхъ капиталистическій способъ производства постоянно наталкивается на препятствія, представляемыя собственностью, пріобрѣтенной трудомъ, т. е. производителями, которые, владѣя внѣшними условіями труда, сами обогащаются имъ, вмѣсто того, чтобы обогащать капиталистовъ. Марксъ ссылается при этомъ на Уэкфильда, который, какъ мы увидимъ, играетъ также большую роль и въ постройкѣ Лоріа его теоріи. Уэкфильдъ, говоритъ Марксъ, открылъ, что въ колоніяхъ обладаніе деньгами, средствами существованія, машинами и другими орудіями производства еще не дѣлаетъ человѣка капиталистомъ, разъ не имѣется нѣкотораго дополненія ко всему этому въ видѣ наемнаго труда, другими словами, если нѣтъ налицо людей, принужденныхъ продавать свой трудъ другимъ... Побужденіе къ самой экспропріаціи трудящагося люда въ пользу капитала, однако, еще такъ слабо въ колоніяхъ, что, по мнѣнію Уэкфильда, рабство единственное основаніе колоніальнаго богатства. Мы видѣли, продолжаетъ Марксъ, разумѣя предшествующія главы своего сочиненія, что первыя условія капиталистическаго производства лежатъ въ томъ, чтобы обладаніе землей было исторгнуто изъ рукъ большинства. Особенность же свободныхъ колоній заключается, наоборотъ, въ томъ, что земля составляетъ въ нихъ еще на-

родную собственность, и что каждый поселенецъ можетъ поэтому овладѣть частью ея; она и служитъ для него орудіемъ производства. Тамъ, гдѣ земля крайне дешева и всѣ люди свободны, тамъ, по мнѣнію цитируемаго Марксомъ Уэкфильда, нельзя получить ни за какую цѣну личнаго труда. Постоянное превращеніе въ колоніяхъ наемника въ независимаго производителя, работающаго на самого себя, а не на капиталиста, пагубно воздѣйствуетъ, по мнѣнію Маркса, на состояніе рабочаго рынка и стало быть и на норму платы. Предложеніе наемнаго труда, жалуется Уэкфильдъ, не только непостоянно, но неправильно и недостаточно (см. рус. переводъ «Капитала», втор. изд. т. I-й, стр. 669—672).

Очевидно смыслъ всего этого тотъ, что гдѣ имѣется возможность сдѣлаться собственникомъ, тамъ рабочаго нельзя пріобрѣсть иначе, какъ закабаливши его хозяину. И эту-то довольно простую мысль, весьма выпукло высказываемую Уэкфильдомъ и только развитую Марксомъ, Лоріа и положилъ въ основу своего двухтомнаго сочиненія: «Анализъ капиталистической собственности». Но онъ заимствовалъ у родоначальниковъ экономическаго матеріализма еще мысль о преемствѣ трехъ формъ зависимости труда отъ капитала: рабства, крѣпостничества и саларіата. Мы дѣйствительно находимъ у Энгельса слѣдующее мѣсто въ его трактатѣ «О происхожденіи семьи, частной собственности и государства». Рабство, говоритъ онъ, первая форма эксплуатаціи труда капиталомъ, форма свойственная античному міру. За нею слѣдуетъ крѣпостное право въ средніе вѣка и саларіатъ въ новое время. Таковы три главныя формы несвободы, характерныя для трехъ главныхъ эпохъ гражданственности, которая такимъ образомъ имѣетъ главнымъ фундаментомъ эксплуатацію одного класса другимъ.

Но не у однѣхъ главъ марксизма надо искать предпосылки къ ученію о роли, какую въ преемствѣ рабства, крѣпостничества и саларіата имѣетъ постепенное исчезновеніе свободныхъ къ занятію земель. У Тюрго, цитируемаго самимъ Лоріа, можно найти отрывокъ, бросающій яркій свѣтъ на зародышъ доктрины, обоснованной затѣмъ итальянскимъ экономистомъ съ такимъ богатствомъ фактическихъ данныхъ. Говоря это, я разумѣю слѣдующее мѣсто изъ извѣстнаго трактата Тюрго «О распредѣленіи богатствъ»: Въ эпохи, близкія къ зарожденію человѣческихъ обществъ, трудно было найти людей, готовыхъ обработывать чужіе участки. Такъ какъ всѣ земли еще не заняты, то желающіе работать предпочитаютъ обратиться къ расчисткѣ новыхъ участковъ и воздѣлывать ихъ на свой счетъ. Вотъ почему въ эпоху происхожденія общества собственники не могли отказаться отъ прямой обработки своихъ земель. Только

позднѣе послѣдовало обособленіе земледѣлія отъ землевладѣнія, труда отъ собственности (§ 21). Тотъ же Тюрго указываетъ въ особомъ параграфѣ на непроизводительность и дороговизну труда рабовъ для хозяина (§ 23) и на послѣдовавшую замѣну рабства крѣпостнымъ правомъ (§ 25). Половничество и фермерство, или земельный наемъ, въ его схемѣ являются слѣдующими затѣмъ фазисами въ постепенномъ пріуроченіи чужого труда къ обработкѣ земель и въ обособленіи земледѣлія отъ землевладѣнія (§ 30). Такимъ образомъ у Тюрго, повтореннаго затѣмъ Энгельсомъ, и у Уэкфильда, воспроизведеннаго Марксомъ, лежатъ уже всѣ зародыши новой доктрины Лоріа и самаго метода, которымъ онъ будетъ пользоваться. Методъ этотъ состоитъ въ параллельномъ изученіи экономическаго развитія колоній и экономической исторіи древняго и средневѣковаго обществъ.

Чтеніе Милля навело итальянскаго экономиста на мысль примѣнить къ своимъ изслѣдованіямъ методъ, невозможность котораго въ соціальныхъ наукахъ, въ виду многопричинности, иначе говоря сложности общественныхъ явленій, убѣдительно доказана была авторомъ «Системы логики дедуктивной и индуктивной». Это—такъ называемый методъ разницы. Онъ состоитъ въ сопоставленіи двухъ порядковъ, въ которыхъ все является общимъ, за исключеніемъ одного элемента. Разность можетъ быть приписана въ такомъ случаѣ этому элементу. Чтобы доказать возможность примѣненія такого пріема, вопреки Миллю, къ соціальнымъ явленіямъ, Лоріа дѣлаетъ два произвольныхъ предположенія: первое, что колоніи воспроизводятъ отдѣльные фазисы экономическаго развитія, черезъ которые прошла метрополія, а второе то, что единственнымъ элементомъ, отличающимъ колонію отъ метрополіи, является наличность свободныхъ къ занятію земель. Какъ въ своемъ «Анализѣ капиталистической собственности», такъ и въ особомъ мемуарѣ, прочитанномъ имъ на засѣданіи конгресса соціологовъ въ Парижѣ въ 1897 г., такъ, наконецъ, и въ недавно отпечатанныхъ имъ Лекціяхъ о соціологіи Лоріа одинаково рекомендуетъ этотъ, какъ онъ говоритъ, сравнительный методъ и излагаетъ его основныя положенія. Познакомимся ближе съ послѣдними на основаніи сообщенія, сдѣланнаго Лоріа соціологическому конгрессу. Если, говоритъ онъ, мы сопоставимъ первобытныя колоніи Америки съ первобытной Европой, вмѣсто противорѣчій мы сдѣлаемся свидѣтелями самаго *абсолютнаго тождества* въ соціальномъ строѣ сравниваемыхъ странъ (?). Коллективная аппропріація почвы, деспотическая организація экономическихъ отношеній государствомъ, принудительное раздѣленіе занятій, всѣ эти порядки, свойственные первобытнымъ обществамъ, воспроизводятся передъ нами въ возникающихъ коло-

ніяхъ съ *тѣми же безусловно чертами.* А между тѣмъ психическій факторъ, факторъ человѣческій въ сравниваемыхъ группахъ не одинаковъ, а наоборотъ радикально различенъ... Что же это доказываетъ? Это неоспоримо устанавливаетъ то положеніе, что коллективная форма общественной экономіи не продуктъ психическаго фактора, а фактора территоріальнаго, что она—послѣдствіе неограниченнаго протяженія свободныхъ къ занятію земель. Вотъ почему коллективная форма хозяйства повторяется у разныхъ народовъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ гражданственности и имѣющихъ не одинаковые нравы, пока значительная часть земель остается не обработанной и не аппропріированной. Это воспроизведеніе прошлаго Европы колоніями не ограничивается одной начальной фазой въ ихъ развитіи. Оно имѣетъ мѣсто и впослѣдствіи, когда густота населенія становится болѣе значительной. Въ этотъ моментъ коллективная собственность исчезаетъ въ колоніяхъ, и на ея развалинахъ возникаетъ собственность индивидуальная и неограниченная. Но значитъ ли это, что общественная структура колоній тѣмъ самымъ становится подобной той, какая свойственна современной Европѣ? Нимало. Въ этомъ второмъ періодѣ общественная структура колоній не болѣе, какъ воспроизведеніе, притомъ поразительно близкое, порядковъ, которые существовали въ Европѣ въ эпоху, когда условія занятія почвы были совершенно аналогичны съ колоніальными. Въ этотъ моментъ ихъ существованія колоніи какъ бы по велѣнію неба вводятъ у себя съ автоматической правильностью и всѣ безъ исключенія—рабство. Это учрежденіе развивается въ новыхъ обществахъ Америки въ формѣ абсолютно тождественной съ тѣми, какія оно приняло въ греко-римскомъ мірѣ. Не доказываетъ ли этотъ фактъ даже для скептиковъ, что рабство, а слѣдовательно и вся экономическая, общественная и политическая организація, изъ него вытекающая, не продуктъ психическихъ условій и не спеціальный фазисъ въ идеологическомъ или техническомъ развитіи человѣчества, но что съ трагической необходимостью оно совпадаетъ съ извѣстнымъ фазисомъ въ исторіи занятія и присвоенія почвы. Не слѣдуетъ ли отсюда, что земля, а не человѣкъ отвѣтственны въ общественномъ укладѣ... При выходѣ изъ стадіи рабства колоніи снова устанавливаютъ у себя отношенія производства, присущія Европѣ въ эпоху, когда условія занятія въ ней почвы были однохарактерныя. Подобно Европѣ, въ моментъ разрыва съ рабствомъ, колоніи организуютъ у себя обработку земли на началахъ крѣпостничества. Въ то же время въ колоніальныхъ городахъ возникаетъ рядъ ассоціацій между капиталистами и простыми рабочими; члены этихъ союзовъ дѣлятъ между собою про-

дукты производства сообразно количеству труда, производимаго каждымъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ пластическое воспроизведеніе въ колоніяхъ тѣхъ корпорацій или цеховъ, въ которые организована была промышленность Европы въ протекшія столѣтія.

Одновременно появляются въ колоніяхъ тѣ же принудительные законы, которые приковывали рабочаго къ промышленности—оффиціальное таксированіе заработковъ и цѣнъ, мѣстный протекціонизмъ, законы противъ роста. Средніе вѣка съ поразительнымъ сходствомъ оживаютъ въ колоніяхъ — новое доказательство тѣсной зависимости, въ какой общественные феномены стоятъ отъ условій аппропріаціи земли, и полной ихъ свободы отъ условій психическихъ. Наступаетъ, наконецъ, моментъ, когда земли, эксплуатируемыя трудомъ людей, вполнѣ заняты. Тогда колоніи усваиваютъ себѣ экономическіе порядки Европы; саларіатъ водворяется въ нихъ и на фермѣ и на фабрикѣ; на немъ воздвигается величественное зданіе капитализма. Въ начальный періодъ своего развитія въ колоніяхъ капитализмъ еще отличается чертами, свойственными ему въ моментъ зарожденія саларіата въ Европѣ. Пока однѣ лучшія земли становятся предметомъ аппропріаціи, система саларіата можетъ держаться только подъ условіемъ, чтобы вознагражденіе рабочихъ было ограничено минимумомъ средствъ существованія. Въ противномъ случаѣ рабочій могъ бы накопить капиталъ, достаточный для производства затратъ по расчисткѣ еще незанятыхъ, менѣе плодородныхъ земель, и устроилъ бы на нихъ самостоятельное хозяйство. И вотъ въ начальный періодъ капиталистическаго строя въ колоніяхъ, точь-точь какъ и въ первыя три столѣтія существованія саларіата въ Европѣ, мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ, систематическимъ пониженіемъ заработковъ, выпускомъ монеты дурного чекана, чрезмѣрнымъ увеличеніемъ предъявляемыхъ къ рабочимъ требованій, утилизаціей труда женщинъ и дѣтей и т. д. Только въ позднѣйшее время, когда въ колоніяхъ вся земля уже аппропріирована, капитализмъ вступаетъ въ періодъ своего нормальнаго развитія и избѣгаетъ тѣхъ варварскихъ пріемовъ, которые характеризуютъ его въ начальную эпоху.

Лоріа настаиваетъ на томъ, что въ исторіи колоній древности можно отмѣтить приблизительно тотъ же ходъ, по крайней мѣрѣ насколько дѣло идетъ объ общинномъ характерѣ собственности и о рабскомъ трудѣ, на чемъ и остановился процессъ экономической эволюціи древняго міра. Все это приводитъ его къ убѣжденію, что онъ имѣетъ дѣло съ какимъ-то историческимъ закономъ. Онъ формулируетъ его такимъ образомъ: какъ человѣкъ въ утробѣ матери проходитъ всѣ фазы жизни органической, такъ человѣчество въ жизни

колоніальной проходитъ всѣ фазы эволюціи общественной (см. Анналы соціологическаго института, т. IV, стр. 144 — 152). Прежде чѣмъ прочесть свой мемуаръ конгрессу, Лоріа выразилъ соболѣзнованіе о томъ, что отсутствіе Тарда и мое не даетъ ему возможности лично опровергнуть тѣ возраженія, которыя сдѣланы были противъ нѣкоторыхъ основныхъ взглядовъ его Анализа капиталистической собственности (стр. 144). По всей вѣроятности, Тардъ имѣлъ бы многое прибавить къ тѣмъ замѣчаніямъ, какія вызвало на съѣздѣ обсужденіе реферата Лоріа, но и наличнымъ членамъ, въ томъ числѣ Вормсу и Штейнмецу, удалось, какъ нельзя лучше, раскрыть одну изъ слабыхъ сторонъ всей теоріи и того метода, на которомъ она построена. Мы видѣли, что Лоріа орудуетъ методомъ разницы. Первое предположеніе этого метода состоитъ въ томъ, что между сопоставляемыми явленіями имѣется различіе только въ одномъ элементѣ. Такимъ элементомъ итальянскій экономистъ считаетъ присутствіе или отсутствіе свободной къ занятію земли. Голландскій соціологъ Штейнмецъ поэтому справедливо обратилъ вниманіе собранія на то, что въ колонизаціи всегда участвуетъ наиболѣе энергичная часть населенія, а этого одного достаточно, чтобы показать, что въ сопоставляемыхъ явленіяхъ имѣется по меньшей мѣрѣ два различія: одно экономическаго, другое—психическаго характера. Въ свою очередь Вормсъ отмѣтилъ два слабыхъ пункта во всей аргументаціи Лоріа: во первыхъ, добровольное игнорированіе имъ того вліянія, какое на поведеніе колонистовъ имѣетъ опытъ, пріобрѣтенный ими въ метрополіи, а во вторыхъ, разнообразіе историческихъ судебъ самихъ колоній и произвольность, сказавшаяся въ подведеніи ихъ подъ общій уровень.

Исполняя желаніе, высказанное моимъ ученымъ товарищемъ по соціологіи, я позволю себѣ въ настоящее время собрать воедино тѣ недоумѣнія, какія вызываетъ во мнѣ его попытка примѣненія, какъ онъ говоритъ, сравнительнаго метода. Я постараюсь показать, что при ближайшемъ разсмотрѣніи ученіе о вліяніи свободныхъ къ занятію земель на происхожденіе какъ архаическаго коммунизма, такъ и различныхъ формъ личной несвободы не поддерживается фактами ни средневѣковой экономической исторіи, ни исторіи колоній. Обосновавши этотъ взглядъ, я обращусь затѣмъ къ развитію той мысли, что законъ воспроизведенія колоніями экономическаго прошлаго Европы въ его исторической эволюціи не заслуживаетъ имени закона, что въ колоніяхъ продолжается тотъ же процессъ экономической эволюціи, начало которому было положено еще въ метрополіи, но съ несравненно меньшею быстротой, въ виду тѣхъ препятствій, какія ставятъ ему прежде всего меньшая

густота населенія, а затѣмъ и цѣлый рядъ второстепенныхъ факторовъ, вызванныхъ тою же причиною и усиливающихъ ея дѣйствіе, таковы, напримѣръ, необходимость прибѣгнуть, въ виду болѣе слабой густоты населенія, къ принудительной помощи низшей въ культурномъ отношеніи расы, или еще необходимость затрачивать непроизводительно часть наличнаго населенія на цѣли нехозяйственныя, каково наступательное или оборонительное движеніе по отношенію къ враждебному элементу, представляемому плохо замиреннымъ туземнымъ населеніемъ. Наличность послѣдняго и предварительное занятіе имъ земли до прихода колонистовъ совершенно не принимаются во вниманіе авторомъ «Анализа капиталистическаго производства».

Обращаясь прежде всего къ критикѣ основной теоріи Лоріа о роли свободныхъ къ занятію земель въ эволюціи экономическихъ порядковъ, я долженъ начать съ заявленія моего рѣшительнаго недоумѣнія, почему Лоріа пріурочиваетъ къ земледѣльческому строю возникновеніе такихъ порядковъ, какъ общинное владѣніе, рабство и установленіе зависимыхъ отношеній на почвѣ найма—ссуды. Вѣдь архаическій коммунизмъ возможенъ и при пастушескомъ образѣ жизни, и тѣ родовыя общины, съ которыми въ матріархальной или патріархальной формѣ мы встрѣчаемся на протяженіи всего міра, — общины пастушескія, а иногда и общества звѣролововъ и рыболововъ. Если ограничиться даже историческими народностями, то кому неизвѣстны слова Цезаря о древнихъ германцахъ—«agriculturae non student»,—т. е. мало заботятся о земледѣліи, и дальнѣйшее сообщеніе, что землею владѣютъ у нихъ gentes et cognationes hominum qui una coierunt, т. е., какъ я перевожу «роды» и «дворы», члены которыхъ ведутъ хозяйство сообща. Что такія же пастушескія общины извѣстны были кельтамъ Уэльса и Ирландіи, едва ли можетъ быть подвергнуто сомнѣнію послѣ работъ Мэна, д'Арбуа де Жюбенвиля и Сэбома, а между тѣмъ у всѣхъ этихъ по преимуществу пастушескихъ племенъ мы встрѣчаемся уже съ цѣлымъ классомъ рабовъ. О нихъ говорятъ Цезарь и Тацитъ; о нихъ же заходитъ рѣчь въ древнѣйшихъ ирландскихъ юридическихъ сборникахъ (въ такъ называемыхъ законахъ Брегоновъ) и въ памятникахъ Уэльскаго права (въ законахъ Гоэля Добраго). Рабство очевидно должно было пріобрѣсть у кельтовъ значительное распространеніе прежде, чѣмъ, какъ это выступаетъ изъ только что упомянутыхъ мною источниковъ, единицею при опредѣленіи размѣра выкуповъ за преступленія принята была рабыня-служанка. Тѣ же памятники въ одно слово указываютъ на плѣнъ и добровольную или вынужден-

ную передачу себя въ кабалу (послѣднее напримѣръ въ случаѣ проигрыша), какъ на ближайшія причины возникновенія несвободы. Въ ирландскомъ обществѣ снабженіе человѣка неимущаго скотомъ со стороны зажиточнаго домохозяина, владѣльца коровъ, бо-айре, ведетъ къ возникновенію особаго класса зависимыхъ людей, такъ называемыхъ фуидгировъ. Изъ всего этого, кажется, возможенъ только одинъ выводъ, а именно тотъ, что совмѣстное владѣніе и рабство возникли независимо отъ аппропріаціи свободныхъ земель, что гораздо раньше недвижимости обладаніе движимостью, въ частности скотомъ становилось источникомъ зависимыхъ отношеній. Древнерусскій бытъ также представляетъ рядъ данныхъ, подтверждающихъ такую точку зрѣнія. Ролейный закупъ Русской Правды — не съемщикъ чужихъ земель, а лицо, надѣляемое чужимъ скотомъ и въ виду этого попадающее, если не въ рабство, то въ близкія къ нему зависимыя отношенія. Точно такъ же и серебрянники XV и XVI вѣковъ—не продуктъ занятія всей свободной къ утилизаціи почвы, которой наоборотъ остается еще много, а лица, не имѣющія капитала или серебра и принужденныя обратиться за нимъ къ владѣльцамъ движимости, принять извѣстныя личныя обязательства взамѣнъ получаемой ссуды. Частое упоминаніе о рабыничахъ, челядинцахъ и закупахъ въ древнѣйшихъ памятникахъ русской исторіи, въ томъ числѣ еще въ знаменитыхъ договорахъ Олега и Игоря съ греками, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ Кіевской Руси, жившей болѣе звѣроловствомъ и пастушествомъ, чѣмъ земледѣліемъ, уже сложились отношенія, обнимаемыя понятіемъ личной несвободы. Бытъ пастушескихъ народовъ Кавказа, горскихъ татаръ, осетинъ, сванетовъ, также вполнѣ иллюстрируетъ мою мысль. При слабомъ развитіи земледѣлія и господствѣ пастушескаго образа жизни мы встрѣчаемъ уже у нихъ, какъ я старался показать въ моихъ двухъ сочиненіяхъ объ обычномъ правѣ этихъ племенъ, вмѣстѣ съ существованіемъ родовыхъ и дворовыхъ общинъ, не только рабство, но и тѣ формы экономической зависимости, начало которымъ кладетъ ссуда скота. Я думаю, изъ всего сказаннаго возможенъ только одинъ выводъ, а именно тотъ, что процессъ общественной дифференціаціи начался еще до момента аппропріаціи почвы; но если такъ, то онъ очевидно вызванъ былъ тѣмъ наипростѣйшимъ факторомъ, какимъ является возрастающая густота населенія. Библейскій разсказъ о Лотѣ, владѣльцѣ стадъ, говорящемъ Аврааму, такому же, какъ онъ, старѣйшинѣ пастушеской родовой общины: «если ты пойдешь направо, то я пойду налѣво», является живой иллюстраціей того неизбѣжнаго послѣдствія, къ какому ведетъ большая густота населенія. Размножившись, люди расходятся

въ разныя стороны. Тѣ-же, которые остаются на мѣстѣ, попадаютъ другъ къ другу въ отношенія іерархической зависимости; при ней экономическимъ фундаментомъ является не земля, а владѣніе движимою собственностью; психическимъ же несомнѣнно надо признать ту добрую молву, ту репутацію силы и ловкости, благодаря которой вокругъ доблестнаго вождя собирается толпа разрозненныхъ охотниковъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ предпринимать набѣги и на пушного звѣря и на группы кочующихъ скотоводовъ. Въ обоихъ случаяхъ преслѣдуются одинаковыя цѣли, сперва немедленнаго потребленія, затѣмъ накопленія запасовъ и усиленія собственнаго состава частью включеніемъ въ свою среду членовъ покоренныхъ ордъ, частью установленіемъ іерархическихъ отношеній къ побѣжденнымъ, переходящимъ благодаря этому въ категорію зависимыхъ или несвободныхъ людей: холоповъ, челяди; послѣдняя призвана къ оказанію личныхъ услугъ, положимъ, въ формѣ ухода за стадами и пріобрѣтаетъ въ нѣкоторыхъ пастушескихъ обществахъ значеніе мѣновой цѣнности. Племена сѣвернаго Кавказа съ ихъ многочисленными видами несвободы, начиная отъ кавдасардовъ, или рабыничей, рожденныхъ въ бракѣ свободнаго съ невольницей, и оканчивая холопами, обрядовыми и безобрядными, т. е. способными заключать постоянныя брачныя узы или недопускаемыми къ пользованію такимъ правомъ, могутъ служить иллюстраціей сказаннаго. Какъ общее правило, члены этихъ зависимыхъ сословій принадлежатъ къ покореннымъ народностямъ, такъ у кабардинцевъ къ горскимъ татарамъ или осетинамъ. У тѣхъ же племенъ не мудрено найти частые случаи пополненія отдѣльныхъ родовъ чужеродцами, воспринимаемыми въ среду рода, благодаря усыновленію. Вѣдь обычнымъ средствомъ прекращенія междуродовыхъ усобицъ является поступленіе убійцы, или одного изъ его родственниковъ, взамѣнъ жертвы, къ обиженному роду. Подобные порядки не представляютъ особенности одного Кавказа. Какъ показываютъ работы этнографовъ, напримѣръ Штейнмеца, они повторяются сплошь и рядомъ у народовъ, стоящихъ на той же ступени гражданственности. Индія съ ея сельскими общинами, въ которыхъ, какъ указано Баденъ Паулемъ, фактическіе воздѣлыватели весьма часто принадлежатъ къ другому общественному слою, чѣмъ члены владѣльческой общины, показываетъ намъ, каковъ былъ дальнѣйшій фазисъ въ описанной только что эволюціи; при немъ сложившаяся ранѣе всякаго земледѣлія дифференціація господъ и зависимыхъ людей примѣняется уже къ сферѣ пользованія недвижимостью. Завоеватели осѣдаютъ родовыми и позднѣе сельскими общинами, возлагая на своихъ недобровольныхъ помощниковъ изъ чужеродцевъ

всѣ обязанности фактической обработки. Эти порядки повидимому извѣстны были и древнимъ германцамъ, иначе Тациту не было бы основанія говорить объ ихъ обычаѣ селить рабовъ отдѣльными дворами, не въ примѣръ тому, что имѣло мѣсто въ предѣлахъ Римской Имперіи. Невольно приходитъ на мысль, что и тѣ «захребетники», о которыхъ говорится въ нашихъ древнихъ правовыхъ источникахъ, знающихъ въ то же время семейныя или дворовыя общины свободныхъ людей (мужей), общины, для которыхъ Русская Правда имѣетъ особый терминъ верви, также принадлежали къ числу тѣхъ недобровольныхъ работниковъ, которымъ ввѣрены были заботы по земледѣлію. Въ кельтическомъ обществѣ этотъ классъ представленъ былъ уже упомянутыми нами фуидгирами древне-ирландскихъ сводовъ. И что такіе порядки не были чужды и классической древности, показываетъ фактъ обработки земель Лакедемонянъ илотами, а жителей Аттики—ѳетами. Такимъ образомъ возникновеніе рабства такъ же мало связано съ исчезновеніемъ архаическаго коммунизма, какъ и съ первоначальнымъ занятіемъ свободныхъ земель, вопреки утвержденіямъ Лоріа.

Уже одно противуположеніе свободныхъ общинъ и ихъ несвободныхъ воздѣлывателей невольно вызываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы принципъ свободной заимки когда либо пользовался тѣмъ широкимъ признаніемъ, какое предполагаетъ ученіе Лоріа. Если у Тацита и говорится объ обиліи никѣмъ не занятыхъ пространствъ (et superest ager), то у него же въ томъ же мѣстѣ заходитъ рѣчь о коллективномъ занятіи почвы очевидно только полноправными членами племени, дѣлящими ее на неравные участки (secundum dignationem), т. е., какъ я полагаю, сообразно большему или меньшему значенію, какимъ пользуются отдѣльные дворы, что въ свою очередь зависитъ отъ близости ихъ къ общему родоначальнику, численности личнаго состава и имущественной обезпеченности. Эти древнегерманскіе порядки первоначальнаго занятія почвы, какъ мнѣ кажется, стояли довольно близко къ тѣмъ, которые извѣстны были окраинамъ московской державы, въ томъ числѣ Слободской Украйнѣ, недалѣе, какъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Я разумѣю «старозаимочное землевладѣніе», при которомъ члены возникавшей слободы занимали участки неравной величины и продолжали изъ поколѣнія въ поколѣніе владѣть ими, оставляя въ нераздѣльности лѣса, пастбища, урочища для охоты и рыбныя уловы. Тѣ же порядки продолжаютъ держаться и въ казацкихъ станицахъ Кавказа и въ Сибири, вызывая повсюду одно и то же послѣдствіе—отсутствіе свободныхъ къ занятію земель и потому невозможность той свободной оккупаціи почвы, на которой Лор

построилъ свою теорію. Если коммисія, завѣдующая переселеніемъ крестьянъ въ Сибирь, должна считаться уже съ тѣмъ препятствіемъ, какое представляетъ сибирское малоземелье (?), то это явленіе очевидно не вызвано густотою мѣстнаго населенія. Корень его лежитъ въ тѣхъ порядкахъ захватнаго пользованія, какія характеризуютъ собою сибирскую общину, и по отношенію къ которымъ мірская система періодическихъ передѣловъ является уже несравненно болѣе интензивною формою земледѣльческаго хозяйства. Что такое же занятіе почвы сельскими общинами въ границахъ, превышающихъ ихъ фактическую нужду, было свойственно и древнему франкскому обществу,—доказательство этому я нахожу въ извѣстномъ эдиктѣ Хильперика, допускающемъ поселеніе новаго пришельца только подъ условіемъ, если противъ него не выскажется никто изъ наличныхъ членовъ. Возможна ли при такихъ порядкахъ та свобода заимки, безъ которой немыслимо объясненіе, даваемое Лоріей процессу экономической эволюціи отъ рабства къ саларіату? Несомнѣнно, что расчистки были весьма обычнымъ явленіемъ въ средневѣковомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, но онѣ предпринимались членами общинъ, свободныхъ и несвободныхъ, въ послѣднемъ случаѣ съ согласія помѣщика. Постороннія лица допускались къ нимъ не иначе, какъ съ вѣдома юридическихъ владѣльцевъ почвы и обыкновенно подъ условіемъ установленія между обѣими сторонами извѣстныхъ личныхъ и имущественныхъ отношеній.

На всемъ протяженіи феодальной Европы весьма распространено было правило nulle terre sans seigneur; въ Англіи король считалъ всю незанятую почву своей землей. Вильгельмъ Завоеватель говорилъ о ней, какъ о «terra mea, dominium meum». На югѣ Франціи никто не могъ считаться собственникомъ, не имѣя актовъ укрѣпленія по имуществу—(nulle terre sans titre). Я тщетно ищу въ условіяхъ средневѣковой Европы порядковъ, примиримыхъ съ той картиной прогрессивнаго занятія свободной почвы, какую рисуетъ намъ Лоріа.

Перенесемся теперь изъ средневѣковой Европы въ Новый Свѣтъ и спросимъ себя, въ какой мѣрѣ послѣдній воспроизводитъ картину только что разсмотрѣнныхъ нами отношеній, и можетъ ли онъ поэтому служить обоснованіемъ для ученія о роли свободныхъ земель въ хозяйственной эволюціи. Лоріа долго останавливается на развитіи той мысли, что колоніи необходимо отправляются въ своей экономической эволюціи отъ тѣхъ же начальныхъ стадій, какія нѣкогда были пройдены метрополіей. Если мы спросимъ себя, на чемъ опирается такое утвержденіе, мы съ

недоумѣніемъ принуждены будемъ констатировать, что авторъ имѣетъ въ виду почти исключительно Виргинію и Новую Англію, гдѣ, не въ примѣръ прочимъ колоніямъ Сѣверной Америки, за исключеніемъ развѣ одной Георгіи нѣкоторое время держались слѣды общиннаго землевладѣнія. Изучая, однако, ближайшія причины такого явленія, а равно и самую его природу, нельзя не обратить вниманія прежде всего на тѣ частныя условія, въ которыхъ происходило заселеніе края англійскими выходцами. Колонистамъ пришлось имѣть дѣло съ торговыми компаніями, Лондонской и Плимуской; въ принципѣ круговой поруки, опирающемся на совмѣстномъ владѣніи, эти кампаніи естественно видѣли гарантію исправнаго выполненія принятыхъ по отношенію къ нимъ обязательствъ. Первые піонеры должны были образовать изъ себя подобіе военныхъ лагерей, всегда готовыхъ къ отраженію вражескихъ набѣговъ краснокожихъ, равно и ихъ пассивной оппозиціи, выступавшей въ отказѣ ставить провіантъ даже за деньги. Въ этихъ условіяхъ естественно было принимать мѣры противъ поселенія въ разсыпную, мѣры однако невполнѣ успѣшныя, какъ легко убѣдиться изъ чтенія общеизвѣстныхъ сочиненій Пальфрэ или Фиска о судьбахъ Новой Англіи, Виргиніи и другихъ южныхъ колоній. Наконецъ нельзя также терять изъ виду, что отцы-пилигримы, основатели новаго Плимуса, были выселенцами изъ восточныхъ графствъ Англіи, въ томъ числѣ изъ Норфолька, и что та же восточная. да еще сѣверная половина страны доставили и наибольшій контингентъ выселенцевъ въ колонію Массачусетской Бухты. Но въ этой мало еще захваченной торговыми и промышленными интересами пастушеской и земледѣльческой Англіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ продолжала держаться та система открытыхъ полей и общинныхъ сервитутовъ, съ которой мы встрѣчаемся снова на почвѣ Америки. Вѣдь не далѣе, какъ въ серединѣ XVI-го вѣка, при Эдуардѣ VI, послѣдовало въ графствѣ Норфолькъ извѣстное возстаніе Кэта, всецѣло вызванное системой огораживаній, т. е. упраздненіемъ старинныхъ формъ коллективнаго пользованія. Въ нѣкоторыхъ графствахъ, расположенныхъ въ указанныхъ границахъ, общинные сервитуты уцѣлѣли и въ послѣдующія столѣтія, несмотря на часто возобновлявшіяся попытки къ ихъ упраздненію, о которыхъ свидѣтельствуютъ сплошь и рядомъ писатели XVI и начала XVII вѣка, и Томасъ Морусъ, и Бэконъ, и Гаррисонъ, и Стебсъ и Страфордъ, а также нѣкоторыя общественныя движенія середины XVII-го столѣтія; я разумѣю въ частности Диггеровъ, разновидность Левеллеровъ или уравнителей, которые, мирясь съ частной аппропріаціей пахотей, считали себя призванными къ роли свободныхъ заимщиковъ въ общинныхъ угодьяхъ.

Эмиграція въ Америку, временно задержаная торжествомъ пуританской республики, съ возстановленіемъ Стюартовъ происходитъ въ ускоряющейся прогрессіи, именно изъ только что указанной части острова. Если ко всему этому прибавить, что по крайней мѣрѣ въ Новой Англіи первыми піонерами были члены пуританскихъ церквей, тѣсно сплоченные между собою и послушные голосу своихъ одновременно духовныхъ и свѣтскихъ вождей, что они осѣдали приходами—общинами (towns), объединенными христіанскимъ братствомъ и памятью о недавнихъ гоненіяхъ, совмѣстно ими испытанныхъ, то немудрено будетъ понять, почему въ этихъ одиночныхъ попыткахъ возстановленія, при томъ не архаическаго коммунизма, а только продолжавшей еще держаться въ Англіи системы открытыхъ полей, надѣловъ и общинныхъ сервитутовъ, рѣшительно нельзя видѣть доказательство мнимаго закона общественнаго регресса, якобы присущаго колонистамъ и обусловленнаго существованіемъ въ ихъ новой родинѣ безграничнаго пространства свободныхъ къ занятію земель. Говоритъ ли въ пользу такой гипотезы примѣръ искусственнаго устройства на началахъ нераздѣльнаго владѣнія цѣлыхъ обществъ несостоятельныхъ должниковъ, съ которымъ Ольдгамъ связалъ свое имя въ Георгіи? Совершенно игнорируя самый источникъ происхожденія такихъ общинъ, Лоріа приводитъ длинные протесты, написанные ихъ членами противъ принципа нераздѣльности, протесты, оставленные нѣкоторое время безъ удовлетворенія англійскимъ правительствомъ Георгіи; онъ видитъ въ нихъ доказательство неизбѣжнаго прохожденія колоніями всѣхъ стадій намѣченной имъ хозяйственной эволюціи, начиная съ архаическаго коммунизма (?). Отъ сочиненія, стремящагося возвести на степень закона регрессивное движеніе колоній подъ вліяніемъ обилія пустопорожнихъ земель, можно было бы ждать подробностей и о порядкѣ занятія почвы французскими колонистами Канады и испанскими encomenderos Южной Америки и острововъ: но ничего этого мы не находимъ у Лоріа, очевидно потому, что ни у Паркера, историка Стараго Порядка въ Канадѣ, ни у испанскихъ писателей, повѣствующихъ объ экономическомъ строѣ, водворившемся въ Перу, Мексикѣ и на Антильскихъ островахъ, Лоріа не могъ найти ближайшаго подтвержденія своей гипотезы.

Если каторжники или проданные въ неволю Кромвелемъ плѣнники шотландцы, поднявшіе знамя возстанія въ пользу Карла II, послужили матеріаломъ къ созданію класса несвободныхъ работниковъ въ Австраліи и на островѣ Барбадосѣ, если въ то же положеніе, впрочемъ только на время, попали неоплатившіе своего путешествія бездомные бродяги и нищіе, которыхъ Лондонская Компанія переселила въ Вир-

гинію, то во всемъ этомъ трудно еще видѣть сознательную попытку возстановить рабство, какъ единственное средство хозяйственной эксплуатаціи почвы, въ странахъ, въ которыхъ широкое протяженіе свободныхъ къ занятію земель постоянно грозитъ хозяевамъ уходомъ ихъ рабочихъ. Я думаю также, что нельзя не связать установленнаго рабства негровъ съ климатическими условіями тѣхъ странъ, въ которыхъ оно упрочилось. Какъ объяснить въ противномъ случаѣ и слабое его распространеніе къ сѣверу отъ Потомака, и возможность совершеннаго исключенія его, безъ существеннаго ущерба для народнаго хозяйства, изъ предѣловъ Сѣверо-Западной территоріи, гдѣ очевидно обиліе свободныхъ къ занятію земель было не меньшее, чѣмъ къ востоку отъ Аллеганъ? Какъ также понять ограниченіе въ позднѣйшія десятилѣтія сферы распространенія рабства теченіемъ рѣки Миссури, не говоря уже объ изгнаніи его изъ Калифорніи, Орегона и всей Канады? Очевидно, что, если бы несвобода негровъ вызвана была къ жизни тѣмъ фатальнымъ закономъ соціальнаго регресса, о которомъ толкуетъ Лоріа, не было бы никакого основанія для подобныхъ изъятій. Изъ всего этого, мнѣ кажется, позволенъ только одинъ выводъ, а именно тотъ, что аналогіи, проводимыя авторомъ «Анализа капиталистическаго производства» между экономическимъ строемъ среднихъ вѣковъ и хозяйственнымъ развитіемъ колоній, болѣе остроумны, чѣмъ убѣдительны.

Это общее заключеніе вполнѣ примѣнимо и къ тому, что Лоріа говоритъ объ организаціи промышленности въ Новомъ Свѣтѣ на корпоративномъ началѣ и о допущеніи въ составъ сообществъ на условіяхъ равнаго вознагражденія и капиталистовъ, и простыхъ тружениковъ. Видѣть въ этомъ подобіе цеховъ можно только съ большими натяжками. Этимъ свободнымъ сообществамъ недостаетъ и той монополизаціи труда, къ которой стремились и которой болѣе или менѣе достигли цехи, и того іерархическаго порядка подчиненія, въ какомъ въ цехахъ стояли ученики, подмастерья и мастера. Но я не буду останавливаться на этой сторонѣ ученія Лоріа, такъ какъ она вызвала уже заслуженную критику на засѣданіи конгресса соціологовъ со стороны Рене Вормса. Прежде чѣмъ покончить мой споръ съ авторомъ «Анализа капиталистической собственности», я позволю себѣ еще высказать сомнѣніе въ возможности строгаго обособленія въ экономической исторіи среднихъ вѣковъ періода рабства и крѣпостничества. Возраженіе направлено такимъ образомъ по адресу не одного итальянскаго историка экономиста, но и всѣхъ тѣхъ, кто принялъ на вѣру вышеприведенное мною сужденіе Тюрго. Средніе вѣка, разумѣется, унаслѣдовали отъ древности институтъ рабства, но къ нимъ перешелъ также возникшій уже въ Имперіи

колонатъ и glebae adscriptio. Изъ всѣхъ этихъ элементовъ съ присоединеніемъ къ нимъ людей свободныхъ, добровольно передавшихъ себя и свои участки въ чужія руки въ надеждѣ найти заступничество и недостающій имъ капиталъ, и образовалась средневѣковая несвобода. Завершился этотъ процессъ далеко не одновременно въ разныхъ странахъ, и окончательное образованіе крѣпостничества не означало собою совершеннаго прекращенія рабства. Послѣднее продолжало держаться по преимуществу въ городахъ средиземноморскихъ, особенно въ Генуѣ и Венеціи, Барселонѣ, Валенсіи и Пальмѣ, питаемое постояннымъ приливомъ плѣнниковъ изъ мусульманскаго и православнаго востока. Такимъ образомъ нѣтъ основанія утверждать, что въ установленіи его въ формѣ торга неграми послѣ открытія Новаго Свѣта надо видѣть внезапный поворотъ къ старымъ порядкамъ, а не продолженіе и дальнѣйшее развитіе все еще державшейся въ Европѣ практики. Итакъ, намъ снова приходится настаивать на томъ, что факты изъ исторіи колоній нисколько не подтверждаютъ основной гипотезы Лоріа и рекомендуемаго имъ метода разности, невозможность котораго въ области соціальныхъ наукъ, уже указанная Миллемъ, продолжаетъ оставаться неоспоримой истиной.

§ 3.

Теорію измѣненія экономическихъ порядковъ подъ вліяніемъ постепеннаго сокращенія свободныхъ къ занятію земель Лоріа во второмъ, только что вышедшемъ и совершенно переработанномъ изданіи его сочиненія «Экономическія основы общественнаго строя» кладетъ въ основаніе при объясненіи эволюціи нравственности, права и государственнаго порядка. Гдѣ прежде шла рѣчь объ измѣненіи условій производства, какъ о ближайшемъ факторѣ послѣдующихъ перемѣнъ, тамъ нынѣ вдвигается фраза, гласящая о наличности, сокращеніи или отсутствіи свободныхъ къ занятію земель. Этимъ путемъ получаются афоризмы въ родѣ слѣдующаго: безнравственные поступки бѣднаго люда тѣмъ значительнѣе, чѣмъ суровѣе направленныя противъ него принужденія. Они ослабѣваютъ по мѣрѣ того, какъ общество обращается къ все болѣе и болѣе мягкимъ формамъ упраздненія свободныхъ къ занятію земель (стр. 64, 3-го изданія). Очевидно, оторванныя отъ предыдущаго и послѣдующаго, такія положенія представляются намъ какими-то кабалистическими формулами и вѣроятно произведутъ то же впечатлѣніе на любого читателя, не проникнувшагося основной теоріей Лоріа и не принявшаго ее цѣликомъ на вѣру. Большее или меньшее исчезновеніе свободныхъ къ занятію земель является для

Лоріа отвѣтомъ на всѣ недоумѣнія. Почему, спрашиваетъ онъ, напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки относятся съ большимъ снисхожденіемъ, чѣмъ въ Европѣ, къ злоупотребленіямъ чиновниковъ, къ подкупу на выборахъ и т. д. Да просто потому, что благодаря обилію свободныхъ къ занятію земель подобные эксцессы не причиняютъ большого вреда классу капиталистовъ; мало того, доставляютъ ему настоящую выгоду, содѣйствуя поглощенію чрезмѣрности богатствъ (читай: металлическаго накопленія), отъ которой могло бы произойти возрастаніе цѣнъ, что въ свою очередь сдѣлалось бы препятствіемъ къ дальнѣйшему существованію современнаго экономическаго порядка (стр. 65, 66). Какъ и въ первыхъ изданіяхъ своего сочиненія, Лоріа придаетъ большое значеніе положенію, занимаемому въ борьбѣ капитала и пролетаріата тѣми классами, которые, какъ не производящіе непосредственно реальныхъ цѣнностей, еще физіократами объявлены были безплодными. Для Лоріа такими классами являются въ древности кліенты. Ихъ переходомъ отъ собственниковъ на сторону тружениковъ, съ защищаемой Лоріа точки зрѣнія, объясняется паденіе античнаго хозяйства съ характеризующимъ его рабствомъ. Разорвавши связь съ владѣтельными классами, доходъ которыхъ въ виду непроизводительности рабскаго труда, былъ слишкомъ незначителенъ, чтобы хорошо оплачивать ихъ услуги, кліенты начинаютъ возбуждать рабовъ противъ господъ, указывая имъ на то, въ чемъ лежатъ ихъ настоящіе интересы. Подъ вліяніемъ такого союза непроизводительныхъ работниковъ съ рабами, пишетъ Лоріа, мораль подчиненія замѣняется моралью протеста. Эта-то мораль и находитъ соотвѣтствующій ей догматъ въ ученіи Христа, подъ которымъ подписываются съ увлеченіемъ и кліенты и рабы, тогда какъ патриціи, образованное гражданство и вообще богатые собственники остаются вѣрными язычеству. Въ примѣчаніи авторъ старается доказать, что христіанство нашло самыхъ горячихъ послѣдователей прежде всего между должниками и крѣпостными крестьянами, и что апостолъ Павелъ первый обратился къ призыву рабовъ. Продолжая слѣдить за ролью непроизводительныхъ классовъ въ дальнѣйшей эволюціи человѣчества, Лоріа пишетъ: «едва подъемъ рабовъ вызвалъ разложеніе римскихъ экономическихъ порядковъ, какъ началось развитіе новаго вида капиталистической собственности; вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ и новый союзъ между капиталомъ и непроизводительными классами. Послѣдніе опять выступаютъ въ роли орудія для принудительнаго воздѣйствія на классъ подчиненный. То, чего римскіе кліенты достигали по отношенію къ рабамъ терроромъ, того сред-

невѣковые священники добиваются духовнымъ оружіемъ. Имъ удается этимъ путемъ извратить эгоистическіе принципы тружениковъ и воздержать ихъ отъ возстанія». Тогда какъ величайшій изъ реформаторовъ Іисусъ говорилъ о воровскомъ происхожденіи собственности и объ узурпаціи богатствъ, почему ихъ владѣльцамъ и отказано было въ вѣчномъ спасеніи, ученики этого реформатора поспѣшили дать «его доктринѣ характеръ квіетизма». Подобно тому, какъ Библія, несмотря на свой республиканскій характеръ, послужила къ защитѣ притязаній монарховъ, такъ точно Евангеліе, несмотря на свой коммунистическій духъ, сдѣлалось могущественнымъ орудіемъ для оправданія притязаній богатыхъ (стр. 69 и 70). Въ новѣйшее время этимъ посредствующимъ классомъ между собственниками и несобственниками, переходъ котораго съ одной стороны на другую обусловливаетъ, по Лоріа, исходъ борьбы имущихъ съ неимущими, являются публицисты, профессора, адвокаты и судьи. Они сперва раскрываютъ крѣпостнымъ глаза на ихъ дѣйствительные интересы и вызываютъ въ нихъ титаническое движеніе противъ собственности (эпоха, открывшаяся французской революціей), а затѣмъ снова становятся на сторону владѣтельныхъ классовъ и выступаютъ въ роли какихъ-то стражей капитала противъ саларіата. Лоріа старается при этомъ провесть ту точку зрѣнія, что хотя мораль классовъ всегда обусловливается ихъ интересами, но это не предполагаетъ необходимо того, что всѣ лица, входящія въ составъ даннаго класса, придерживаются его принциповъ. Всегда встрѣчалось и всегда встрѣчается меньшинство лицъ, не сознающихъ или не желающихъ слѣдовать интересамъ своего класса, но это меньшинство рано или поздно таетъ и наконецъ совершенно исчезаетъ. Такими оговорками авторъ думаетъ избѣжать упрека въ парадоксальности и противорѣчіи своихъ взглядовъ съ дѣйствительностью. Вообще въ новомъ изданіи своего юношескаго труда, помимо указанной уже мною координаціи частныхъ толкованій съ общей теоріей о роли, какую исчезновеніе свободныхъ земель имѣетъ на чередованіе хозяйствъ, рабскаго, крѣпостническаго и опирающагося на вольнонаемномъ трудѣ, мы встрѣчаемъ только рядъ поправокъ къ ранѣе высказаннымъ мыслямъ.

Авторъ ничего не беретъ назадъ изъ прежде имъ сказаннаго. Онъ продолжаетъ, напримѣръ, по прежнему толковать о зависимости и научнаго, и эстетическаго развитія отъ перемѣнъ въ области соціально-экономической. Мы находимъ у него фразы въ родѣ слѣдующей: поэма Гомера отражаетъ на себѣ мнѣнія архаической аристократіи Греціи; Данте служитъ представителемъ древнѣйшаго городского гражданства (popolo vecchio), какъ Петрарка —

избранной части позднѣйшаго гражданства (popolo nuovo), а Боккачіо — плебса (стр. 75). «Возрожденіе» въ глазахъ Лоріа не болѣе, какъ отраженіе въ литературной и умственной сферѣ переворота, совершившагося въ области хозяйства (стр. 77). Какъ рабство, пишетъ онъ, породило эллинизмъ, философскій, артистическій и литературный, такъ саларіатъ, представляющій близкую аналогію съ рабствомъ, вызываетъ къ жизни возрожденіе эллинской культуры. И такъ какъ онъ возникаетъ прежде всего въ Италіи, то неудивительно, если съ нея и начинается «Возрожденіе» (ibid., та же стран.). При каждомъ внутреннемъ развитіи или разложеніи соціальнаго организма, учитъ далѣе Лоріа, происходитъ соотвѣтственное измѣненіе въ направленіяхъ литературы и искусства. Памятнымъ примѣромъ можетъ служить скотская развращенность англійской словесности въ эпоху реставраціи, а живымъ доказательствомъ—множество патологическихъ явленій въ современной литературѣ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ декадентамъ, парнасцамъ, символистамъ, прерафаелитамъ, всѣмъ сторонникамъ нервной и похоронной порнографіи. Всѣ эти направленія служатъ симптомомъ и являются послѣдствіемъ глубокаго внутренняго разложенія, нами переживаемаго (стр. 78). Итальянскій мыслитель настолько ортодоксаленъ въ проведеніи того взгляда, что явленія эстетическаго характера, какъ и философское мышленіе, обусловливаются въ каждый данный моментъ экономическимъ факторомъ, что не прочь обвинить въ еретичествѣ даже Бельтова, допустившаго, какъ видно изъ сдѣланной имъ цитаты, что міросозерцаніе извѣстнаго народа обусловливается въ каждый данный моментъ не однимъ экономическимъ факторомъ, но и сложившимися ранѣе идеями. (Бельтовъ, стр. 190—198).

Чѣмъ, спрашиваетъ себя Лоріа, вызваны были къ жизни эти идеи, какъ не современнымъ имъ хозяйственнымъ строемъ (стр. 79). Но если итальянскій экономистъ не допускаетъ компромисса по вопросу объ источникѣ общественныхъ измѣненій, какого бы порядка они ни были, то, съ другой стороны, онъ не отрицаетъ возможности самостоятельнаго воздѣйствія на ходъ общественности вызванныхъ экономическимъ факторомъ нравственныхъ, юридическихъ, политическихъ, эстетическихъ и идейныхъ вліяній. Это воздѣйствіе можетъ испытать на себѣ даже экономика. Такъ христіанскій догматъ милосердія не можетъ быть оставленъ безъ вниманія при изученіи современнаго порядка распредѣленія богатствъ и дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ на классовую борьбу. Такъ въ XVI вѣкѣ реформа Лютера вызываетъ раззореніе рыбнаго промысла и въ частности улова сельдей. Обособленіе же австрійскихъ земель отъ

протестантскихъ странъ Германіи, обусловленное католической нетерпимостью Габсбурговъ, препятствуетъ, какъ показалъ уже Лампрехтъ, развитію торговыхъ сношеній, тогда какъ позднѣйшая отмѣна Нантскаго эдикта Людовикомъ XIV и возобновившіяся преслѣдованія Гугенотовъ во Франціи убиваютъ производство вѣеровъ (стр. 79—80) *).

Не къ однимъ нравамъ, но и къ нравственнымъ ученіямъ Лоріа считаетъ возможнымъ приложить избранный имъ критерій большей или меньшей наличности свободныхъ къ занятію земель. Читатель, который раскроетъ его новую книгу на 89 стр., съ изумленіемъ прочтетъ, что ученіе, признающее нравственными дѣйствіями тѣ, которыя обезпечиваютъ личное счастье совершающаго ихъ агента, грѣшитъ тѣмъ, что прилагаетъ къ періоду упраздненія свободныхъ земель теоремы, имѣющія силу и значеніе въ эпоху ихъ наличности (стр. 82).

Центральная мысль, развиваемая авторомъ, та, что съ момента упроченія капитализма, или, что для него то же, упраздненія свободныхъ земель, мораль, отражая на себѣ вліяніе интересовъ, такъ сказать раздвояется; она учитъ обездоленные классы необходимости отказаться отъ эгоистическихъ импульсовъ и подчинить ихъ высшей цѣли достиженія блага для всего общества, чувству солидарности или сознанію единства породы; въ то же время она не отказываетъ высшимъ классамъ въ удовлетвореніи ихъ эгоистическихъ запросовъ (см. стр. 84, 85 и слѣд.).

Въ сочиненіи, ставящемъ себѣ задачей критику лишь основныхъ точекъ зрѣнія современныхъ намъ соціологовъ, нѣтъ мѣста для подробнаго разбора всего, что Лоріа говоритъ о вліяніи экономическаго фактора на право и политику; на этотъ счетъ болѣе или менѣе согласны между собою, какъ я имѣлъ случай замѣтить ранѣе, не одни послѣдователи марксизма, но и сторонники ученія Штейна и Гнейста, не говоря уже о болѣе раннихъ представителяхъ той же доктрины. Мнѣ приходится по той же причинѣ опустить полемику автора съ современными соціологами, въ числѣ ихъ съ Тардомъ,

*) Лоріа обогащаетъ свое новое изданіе цѣлыми главами, или впервые имъ написанными или заимствованными изъ прежде изданныхъ сочиненій. Такъ все, что сказано имъ о нравственности, болѣе или менѣе взято изъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ въ Падуѣ и появившихся затѣмъ подъ заглавіемъ «Современная общественная проблема». Прибавка, сдѣланная къ пятой главѣ, поименованной «Критика системъ нравственности», въ значительной степени является передачей взглядовъ, высказанныхъ имъ во французской статьѣ о соціологическихъ воззрѣніяхъ Кидда. Она появилась въ «Международномъ Обозрѣніи Соціологіи».

и ограничиться приведеніемъ только заключительныхъ мыслей автора о соціологіи, какъ долженствующей имѣть экономическую основу.

Въ нихъ не все является повтореніемъ стараго. Какъ и въ отдѣлѣ о морали, Лоріа, ничего не уступая противникамъ, ловко подготовляетъ себѣ пути отступленія и, вслѣдъ за какимъ нибудь весьма категорическимъ утвержденіемъ, представляетъ оговорки, ослабляющія ригоризмъ его принциповъ. Такъ оказывается, напримѣръ, что, считая экономику причиною всѣхъ причинъ, онъ готовъ, однако, раздѣлить точку зрѣнія тѣхъ, кто сомнѣвается въ возможности свести разнообразныя общественныя явленія «къ одному инстинкту, къ одному двигателю, къ одной человѣческой страсти (разумѣется страсть накопленія) и считаетъ это несогласнымъ съ разнообразіемъ человѣческихъ страстей и чувствованій». Изъ объясненій Лоріа оказывается, что отвѣтственность за такое видимое противорѣчіе падаетъ, по его мнѣнію, не на кого иного, какъ на самую систему капиталистическаго хозяйства. Въ дальнѣйшей сентенціи каждое слово должно быть взвѣшено и принято въ разсчетъ при раскрытіи дѣйствительной мысли автора. Противорѣчіе, на которое только что указано, исчезаетъ, думаетъ Лоріа, само собою, «разъ мы вспомнимъ искусственный и насильственный характеръ капиталистическаго хозяйства». Итакъ, только искусственность и насильственность переживаемой нами формы экономіи объясняетъ для Лоріа причину, по которой всѣ человѣческія дѣйствія сводятся въ своемъ источникѣ къ инстинктамъ homo economicus. Но капитализмъ не единственная форма народнаго хозяйства; ей предшествовали другія, державшіяся цѣлыя тысячелѣтія. Онѣ могли быть менѣе искусственны, и въ нихъ, слѣдовательно, должно было отсутствовать то сведеніе всей морали, права и политики къ одному экономическому фактору, которое, по справедливому замѣчанію Лоріа, стоитъ въ противорѣчіи съ разнообразіемъ чувствованій и желаній, присущихъ человѣческой природѣ. Лоріа не дѣлаетъ прямо этого вывода, но онъ логически вытекаетъ изъ общаго хода его мыслей. А если такъ, то самое большее, что можно сказать объ экономическомъ факторѣ, это то, что онъ въ наши дни, съ момента упроченія капитализма, пріобрѣлъ руководящее вліяніе. Слѣдующія слова, которыя мы приводимъ цѣликомъ, оправдываютъ вполнѣ такое толкованіе. «Въ самомъ дѣлѣ, пишетъ Лоріа, если мы проникнемся той основной истиною, что капиталистическая собственность, въ частности упраздненіе сю свободной къ занятію земли, не есть натуральный и самопроизвольный фактъ, а нарушеніе законовъ божескихъ и человѣческихъ, то легко будетъ понять, что для упроченія этого нелѣпаго и противорѣчиваго порядка необхо-

димо было извратить самые чистые источники человѣческихъ страстей и чувствованій, парализовать отчасти ихъ дѣйствіе и превратить ихъ въ послушное орудіе этого чудовищнаго созданія». Такъ какъ вся исторія экономики не могла быть ежечаснымъ «нарушеніемъ законовъ божескихъ и человѣческихъ», то можно думать, что страсти и чувствованія людей не всегда были искусственно подчинены одному желанію обогатиться, и что послѣднее не можетъ поэтому считаться ключомъ къ раскрытію всѣхъ тайнъ исторіи. Я не вижу, впрочемъ, большой оригинальности въ ограниченіи Лоріа всемогущества экономическаго фактора одной эпохой капиталистическаго хозяйства. Родоначальники доктрины историческаго матеріализма, какъ слѣдуетъ изъ ранѣе приведенныхъ мною словъ Энгельса, придумали свою теорію для толкованія однихъ явленій дѣйствительности или недавняго прошлаго. Только черезчуръ ревностные ученики, къ числу которыхъ надо отнести и самого Лоріа въ первомъ изданіи его книги, а отчасти также и въ послѣдующихъ, старались распространить это ученіе и на болѣе ранніе періоды развитія.

Авторъ «Экономическаго базиса общественнаго строя» съ большой проницательностью открываетъ и другую слабую сторону имъ же защищаемой доктрины. Если экономическій факторъ обусловливаетъ собою перемѣны въ нравственности, правѣ и политикѣ, то отсюда должно бы слѣдовать, что всякая перемѣна въ области экономики необходимо поведетъ къ соотвѣтственнымъ измѣненіямъ и въ названныхъ трехъ сферахъ, всегда находящихся, по словамъ Лоріа, въ тѣсномъ соотношеніи съ экономикой. А между тѣмъ оказывается изъ собственнаго сознанія нашего автора, что такія перемѣны могутъ и не имѣть мѣста, что мораль, право и политика болѣе консервативны, чѣмъ экономика. Очевидно, что это обстоятельство даетъ поводъ думать, что какія нибудь причины, помимо экономическихъ, дѣйствуя вопреки имъ, препятствуютъ этимъ параллельнымъ измѣненіямъ. Но въ такомъ случаѣ вся доктрина была бы подкошена въ корнѣ. Авторъ видитъ опасность и думаетъ избѣжать ея ссылкой на вліяніе, оказываемое въ области морали, права и политики такъ называемыми переживаніями (стр. 472). Но очевидно, что эти переживанія не являются первопричиной, и что они сами вызваны къ жизни факторами, изъ которыхъ не всѣ имѣютъ экономическій характеръ. Возьмемъ примѣръ удержанія монархическаго строя во Франціи, Англіи и Германіи въ теченіе тысячелѣтій, несмотря на переходъ отъ первичныхъ формъ экономики ко всѣмъ особенностямъ капиталистическаго строя. Авторъ объяснитъ это явленіе вліяніемъ переживаній, но я сдѣлаю шагъ далѣе

и скажу, что эти переживанія въ свою очередь вызваны унаслѣдованными представленіями, религіозными и политическими. Но, допустивъ такимъ образомъ параллельное воздѣйствіе другихъ факторовъ, я въ то же время, въ отличіе отъ Лоріа, буду настаивать на томъ, что измѣненія въ сферѣ экономики обусловили собою перемѣну въ самомъ строѣ французской, англійской или нѣмецкой монархій. обращая короля изъ предводителя племени, т. е. старшаго между равными вождями родовыхъ коммунистическихъ группъ, сперва въ главу феодальной системы, т. е. перваго изъ дворянъ-помѣщиковъ, затѣмъ въ представителя сложной системы сословныхъ отношеній, основанной на неравенствѣ и монополіи собственности, торговыхъ и ремесленныхъ занятій и насильственномъ прикрѣпленіи къ землѣ фактическихъ воздѣлывателей почвы, наконецъ въ высшаго руководителя широкой системы самоуправленія общества и всѣхъ входящихъ въ его составъ экономическихъ классовъ, на первыхъ порахъ съ большимъ преобладаніемъ земельной собственности, затѣмъ съ раздѣломъ власти между владѣльцами недвижимаго и движимаго капитала, наконецъ съ постепеннымъ допущеніемъ къ ней сперва умственнаго пролетаріата, а затѣмъ и обыкновенныхъ тружениковъ. Итакъ, моя точка зрѣнія тѣмъ существенно отличается отъ той, выразителемъ которой является Лоріа, что, считая правовыя и политическія формы болѣе подвижными, чѣмъ онъ, я въ то же время вижу въ отсутствіи прямого совпаденія происходящихъ въ нихъ перемѣнъ съ перемѣнами экономики результатъ воздѣйствія, а иногда и противодѣйствія рядомъ съ экономическимъ и другихъ факторовъ, которыми и вызываются къ жизни упомянутыя Лоріа переживанія.

Не менѣе оригинальную черту, при развитіи ученія, общаго всѣмъ послѣдователямъ Маркса, представляетъ на мой взглядъ то допущеніе Лоріа, что въ исторіи мы видимъ смѣняющееся первенство, морали, права и политики. Это явленіе связано съ перемѣной въ санкціяхъ экономическаго порядка. Первоначально этому послѣднему достаточно якобы менѣе сложной, менѣе сопряженной съ затратами и менѣе дѣйствительной санкціи, представляемой моралью. Позднѣе требуется болѣе сложная, связанная съ большими пожертвованіями и болѣе активная санкція права и политики, иначе государственнаго устройства. Чтобы удержать рабовъ въ повиновеніи, достаточно будто бы моральныхъ или точнѣе религіозныхъ предписаній. Вотъ почему само право въ своемъ источникѣ смѣшивается съ религіей и заимствуетъ у нея свою силу. Въ позднѣйшей періодъ къ сверхчувственнымъ санкціямъ присоединяется матеріальное право, принимающее небывалое развитіе въ республи-

канскомъ Римѣ. Наконецъ еще позже политика является главной причиной поддержанія внутренняго мира, другими словами, государство, со своими чиновниками и солдатами, обезпечиваетъ единеніе. Такой процессъ, извѣстный еще древности, повторяется съ удивительнымъ однообразіемъ и въ средніе вѣка; они возлагаютъ сперва на религію защиту зарождающихся феодальныхъ учрежденій. Только въ позднѣйшій ихъ періодъ развивается право германское, каноническое, латинское (?), торговое, которымъ удается въ большей степени, чѣмъ религіи, дисциплинировать отношенія матеріальной жизни. Въ концѣ концовъ государство или публичная власть получаетъ преобладающее вліяніе. Само хозяйство, опирающееся на саларіатѣ, въ начальный періодъ является свидѣтелемъ расцвѣта религіи и догматовъ, ставящихъ себѣ задачей дисциплинированіе безпокойныхъ народныхъ массъ подъ знаменемъ благочестія, тогда какъ позднѣе мы присутствуемъ при зарожденіи и развитіи юридическихъ учрежденій; наконецъ въ наше время политика (читай: государство) становится важнѣйшей силою принужденія по отношенію къ недовольнымъ и самымъ прочнымъ цементомъ, связывающимъ во едино различныя части общества *).

Въ только что изложенной доктринѣ преемственнаго преобладанія сперва морали, затѣмъ права и наконецъ политики, т. е. государства, мы находимъ любопытную смѣсь старыхъ истинъ и новыхъ произвольныхъ допущеній. Историками религіи и права вполнѣ выяснено, что обособленіе послѣдняго—явленіе болѣе поздняго времени. Насколько это положеніе принято въ разсчетъ Лоріа, его замѣчанія могутъ быть признаны справедливыми. Но внѣ этого все имъ сказанное стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ историческими фактами.

Кто изъ средневѣковыхъ историковъ возьмется доказывать, напримѣръ, что феодальная система встрѣтила религіозную санкцію, тогда какъ вся борьба католичества и его главы съ имперіей сводится именно къ нежеланію признать обязательной для церкви созданную феодализмомъ іерархію. Въ моментъ соглашенія церкви съ имперіей и феодализмомъ, т. е. въ XIII вѣкѣ, то развитіе національныхъ правъ, основа которому очевидно была положена древнѣйшими варварскими правдами и компиляціями римскихъ законовъ, восходящими къ эпохѣ Теодориха и первыхъ Меровинговъ, давно уже было совершившимся фактомъ. Если такимъ образомъ нельзя установить историческаго преемства между фактами господства въ средніе вѣка сперва религіозныхъ санкцій, а затѣмъ правовыхъ, то, съ другой

*) 473 и 474 страницы.

стороны, допущеніе, что государство со своими чиновниками и войскомъ должно считаться послѣднимъ по времени органомъ принужденія трудящагося люда, вѣрно въ примѣненіи къ новымъ народамъ лишь настолько, насколько подъ государствомъ мы разумѣемъ тѣ національно-территоріальные конгломераты, которые возникли на развалинахъ феодальной системы и инкорпорировали въ себя отдѣльныя переживанія послѣдней. Но вѣдь бюрократически-полицейскому и военному государству предшествовали во времени сословныя монархіи и городскія республики, также имѣющія право считаться государствами, также принимавшія мѣры къ сохраненію низкаго уровня заработной платы и къ насильственному удержанію крестьянъ за помѣщиками. Наконецъ ранѣе всѣхъ ихъ возникли варварскія королевства, при которыхъ впервые упрочилась вѣковая зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. Нельзя поэтому говорить о томъ, чтобы въ любой періодъ среднихъ вѣковъ отсутствовала государственная санкція экономическихъ отношеній. Столь же невѣрно было бы утверждать это о древности. Вѣдь гораздо ранѣе зарожденія не только Римской Имперіи, но и Римской Республики, Аѳинъ и Спарты въ Вавилоніи и Египтѣ государство не отказывало въ своей санкціи ни рабству ни земельной крѣпости. Чѣмъ больше мы знакомимся съ памятниками древнѣйшаго законодательства, неожиданно раскрываемыми передъ нами клинообразными надписями, тѣмъ болѣе намъ приходится придти къ убѣжденію, что даже такія явленія, какъ регулированіе цѣнъ на товары и трудъ, которыя мы считали возможнымъ возводить самое большее къ извѣстному закону Діоклетіана о максимумѣ, были извѣстны не сотни, а тысячи лѣтъ ранѣе его *).

Изъ всего сказаннаго я считаю себя въ правѣ заключить, что механическія сближенія, дѣлаемыя Лоріа, грѣшатъ въ самомъ своемъ источникѣ, такъ какъ не отвѣчаютъ исторической дѣйствительности.

Заключительныя страницы его книги знакомятъ насъ съ точкой зрѣнія итальянскаго экономиста на ближайшую задачу соціологіи. Между экономикой, изслѣдующей законы производства и обмѣна, и такими спеціальными дисциплинами, какъ мораль, право и политика, слѣдящими за самостоятельнымъ развитіемъ только зародившихся въ экономикѣ, но затѣмъ идущихъ своими путями морали, права и политики, Лоріа ставитъ соціологію, задача которой сводится имъ къ раскрытію преемственной связи между чередую-

*) Въ законѣ Вавилонскаго царя Гамураби уже заходитъ рѣчь о легальномъ максимумѣ цѣнъ на товары и трудъ.

щимися формами экономическаго развитія и измѣненіями нравовъ, юридическихъ нормъ и учрежденій. Внѣ этого социологи, думаетъ онъ, должны будутъ ограничиться повтореніемъ однихъ избитыхъ мѣстъ. Нельзя сказать, чтобы Лоріа былъ особенно лестнаго мнѣнія о тѣхъ, кто предается занятіямъ въ этой области. «За немногими почтенными исключеніями, пишетъ онъ, соціологія нашихъ дней, какъ не имѣющая экономическаго базиса, а потому и научнаго, сводится къ сопоставленію разнохарактерныхъ данныхъ, къ соединенію въ одно цѣлое всѣхъ умственныхъ банальностей,—занятію, по праву принадлежащему всѣмъ нищимъ духомъ» (стр. 478). Подъ страхомъ попасть въ ихъ число приходится отказаться отъ мысли видѣть въ соціологіи, вмѣстѣ съ ея основателемъ, науку о порядкѣ и прогрессѣ человѣческихъ обществъ и свести ее къ служебной роли какой-то посредницы между экономикой, съ одной стороны, и обусловленными ею моралью, правомъ и политикой, съ другой. При этомъ, обѣщаетъ Лоріа, достигнута будетъ научность соціологіи и сохранена независимость отъ нея конкретныхъ общественныхъ наукъ, начиная съ экономики. Пойти на такое приниженіе задачи соціологіи, по всей вѣроятности, не согласятся тѣ «скудоумные писатели», въ число которыхъ я охотно записываю и себя. Они продолжаютъ думать, что соціологія, какъ общая наука, призванная объяснить прошлое и настоящее разнообразнѣйшихъ формъ человѣческой солидарности и самую природу послѣдней, не должна заимствовать у конкретныхъ дисциплинъ свои основныя посылки, а вырабатывать ихъ сама, принимая во вниманіе разнообразіе человѣческихъ чувствованій и потребностей, столько же генезическихъ, сколько и экономическихъ, столько же религіозныхъ и нравственныхъ, сколько и правовыхъ, политическихъ, эстетическихъ и умственныхъ. Всѣ эти потребности стоятъ въ постоянномъ взаимодѣйствіи, иногда смѣняемомъ частнымъ противодѣйствіемъ. Временно тѣ и другія являются первенствующими; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы научное ихъ объясненіе могло ограничиться сведеніемъ всѣхъ ихъ къ одной важнѣйшей, и чтобы этой важнѣйшей во всѣ эпохи исторіи была экономическая.

ГЛАВА VII.

Новѣйшіе истолкователи и критики историко-экономическаго матеріализма.

§ 1.

Школѣ историческаго матеріализма посчастливилось въ Италіи, а между тѣмъ, наиболѣе оригинальный и крупный представитель итальянской философіи и соціологіи, Робертъ Ардиго, послѣдователями котораго признаютъ себя итальянскіе сторонники экономическаго объясненія исторіи, какъ Лоріа и Гроппали, отнюдь не можетъ считаться солидарнымъ съ этимъ ученіемъ. Для Ардиго общество складывается такъ или иначе сообразно степени своего приближенія къ справедливости; водворившись первоначально въ сферѣ внѣшнихъ санкцій, эта справедливость проникаетъ затѣмъ и во внутренній міръ человѣка, порождая въ людяхъ упреки совѣсти, источникъ которыхъ всегда лежитъ въ сознаніи противорѣчія между нарушеніемъ нравственнаго закона и грозящимъ виновнику наказаніемъ. Несмотря на уваженіе, какимъ молодые представители обществовѣдѣнія окружаютъ маститаго главу итальянскаго позитивизма, они не прочь открыто выступить противъ его основной точки зрѣнія, разъ дѣло заходитъ объ отстаиваніи началъ историческаго матеріализма. Примѣръ этого представилъ намъ Гроппали въ сочиненіи, озаглавленномъ «Соціологія и психологія» и заключающемъ въ себѣ переработку статей, появившихся частью въ итальянскихъ философскихъ журналахъ, частью во французскомъ «Международномъ обозрѣніи соціологіи», издаваемомъ Рене Вормсомъ. Въ этомъ сочиненіи цѣлая глава посвящена защитѣ началъ историческаго матеріализма противъ этико-правовой теоріи Ардиго. Тотъ же историческій матеріализмъ положенъ Гроппали въ основу его Лекцій о соціологіи и послужилъ недавно темою для мемуара, представленнаго международному институту. Эта послѣдняя работа интересна не только сама по себѣ, но еще потому, что считается съ нѣкоторыми возраженіями, высказанными въ самой Италіи противъ исторической теоріи Маркса и Энгельса. Въ числѣ ихъ едва ли не самыми интересными надо признать тѣ, какія Кіаппелли представилъ въ статьѣ, отпечатанной имъ въ итальянскомъ «Международномъ журналѣ общественныхъ наукъ». Вотъ каковы основныя положенія этой критики, и вотъ что Гроппали считаетъ возможнымъ возразить на нее. 1) Исторія и размышленіе приводятъ къ убѣжденію въ томъ, что вліяніе экономическаго фактора въ обществѣ

несравненно болѣе чувствительно въ новѣйшее время, нежели въ раннія эпохи. Это заявленіе въ сущности не встрѣчаетъ со стороны Гроппали никакой контръ-критики. Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, ссылка на слова Петрона, ранѣе написавшаго въ томъ же журналѣ: «матеріалистическое воззрѣніе на исторію нельзя отдѣлять отъ капиталистическаго хозяйства, среди котораго оно возникло; распространять это воззрѣніе на все прошлое человѣчества значило бы объективировать временный опытъ въ умственную категорію, присущую всѣмъ временамъ». На нашъ взглядъ, такая ссылка равнозначительна признанію вѣрности этой мысли. Какое иное толкованіе дать также слѣдующей затѣмъ цитатѣ изъ Барта: «политика, а не экономика имѣла преобладающее значеніе въ періодъ, предшествующій образованію собственности и капитала» *). Вопросъ, возбужденный Кіаппели, заслуживаетъ, однако, внимательнаго разсмотрѣнія. Онъ далеко не безразличенъ для будущей судьбы экономическаго матеріализма, какъ самостоятельнаго метода соціологическихъ изслѣдованій. Если онъ призванъ служить ключомъ только къ объясненію измѣненій, совершающихся въ обществѣ, государствѣ и человѣческомъ сознаніи, въ одинъ періодъ капиталистическаго хозяйства, то онъ не имѣетъ никакого права претендовать на значеніе общей теоріи человѣческаго прогресса. Съ нашей точки зрѣнія, при которой, въ полномъ соотвѣтствіи съ ученіемъ Конта, общественныя перемѣны, заодно съ перемѣнами въ сознаніи, обязаны своимъ происхожденіемъ взаимодѣйствію умственныхъ, экономическихъ, нравственныхъ, политическихъ и эстетическихъ причинъ, отрицать всякое значеніе экономическаго фактора на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія и выдвигать взамѣнъ его на первый планъ факторъ политическій кажется ошибочнымъ. Какъ допустить въ самомъ дѣлѣ, что въ періодъ болѣе слабаго развитія психики и болѣе тѣсной зависимости человѣка отъ природы экономическія воздѣйствія отличались меньшею силою, чѣмъ въ наше время. Весь вопросъ въ томъ, въ чемъ проявлялось ихъ вліяніе, и въ какомъ отношеніи сами они стояли къ болѣе непосредственному и простому фактору увеличивающейся густоты населенія. Въ эпоху, когда человѣкъ еще въ слабой степени отвѣчалъ опредѣленію, данному ему Франклиномъ—«существа, способнаго къ изобрѣтенію и пользованію машинами», ближайшимъ орудіемъ производства являлась по необходимости сама физическая сила индивида. Первобытныя родовыя группы съ присущимъ имъ стремленіемъ къ сохраненію и увеличенію своего численнаго со-

*) Философія исторіи Гегеля и гегельянцевъ. Лейпцигъ. 1890 г.

става, путемъ ли добровольнаго или насильственнаго включенія чужеродцевъ, представляютъ собою на мой взглядъ не только политическую, но и экономическую организацію. Необезпеченность въ продовольствіи, доставляемомъ одной охотой и уловомъ, да собираніемъ дикорастущихъ корней, служитъ для такихъ группъ естественнымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему численному росту. Этимъ объясняется причина, по которой рабство — черта, мало распространенная среди обществъ звѣролововъ и рыболововъ. По всей вѣроятности, никогда не удастся рѣшить, какая изъ двухъ причинъ должна быть признана первичной: большая ли густота населенія, обусловливающая собою переходъ къ скотоводству и земледѣлію, или этотъ переходъ, дѣлающій возможнымъ, какъ думаютъ марксисты, большую густоту населенія. Сравнительной этнографіей давно установленъ, однако, тотъ фактъ, что и общества звѣролововъ и рыболововъ, какими надо считать, положимъ, краснокожихъ Сѣверной Америки въ эпоху перваго поселенія европейцевъ въ ихъ средѣ, уже пускали въ ходъ извѣстные пріемы съ цѣлью искусственнаго ограниченія, если не рождаемости, то числа оставляемыхъ въ жизни подростковъ. Этотъ фактъ кажется нѣкоторымъ писателямъ доказательствомъ того, что одна перемѣна въ условіяхъ техники сдѣлала возможнымъ увеличеніе густоты населенія *); но ни древніе спартанцы, ни римскіе квириты, одинаково практиковавшіе дѣтоубійство, не были исключительно звѣроловами и рыболовами. И если они, подобно американскимъ краснокожимъ, желали сохранить только наиболѣе крѣпкихъ и хорошо сложенныхъ, то это обстоятельство едва ли можетъ быть поставлено въ причинную связь съ чѣмъ либо инымъ, какъ не съ необходимостью приспособиться къ условіямъ общества, живущаго войною и нуждающагося поэтому въ людяхъ способныхъ къ самооборонѣ. Но если бы измѣненіе въ техникѣ производства, какъ я думаю, оказалось такимъ же послѣдствіемъ увеличенія густоты населенія, какъ и переходъ отъ самодовлѣющаго хозяйства къ мѣновому, то изъ этого еще не слѣдовало бы, что и на раннихъ ступеняхъ гражданственности экономическому фактору не суждено было играть значительной роли. Послѣдняя въ то же время не исключаетъ параллельнаго дѣйствія факторовъ психическихъ, религіи въ формѣ анимизма и фетишизма, первыхъ научныхъ открытій, призванныхъ, какъ, напримѣръ, открытіе огня, а слѣдовательно и плавки металловъ, содѣйствовать накопленію

---

*) См., что говоритъ, напримѣръ, на этотъ счетъ одинъ русскій экономистъ, Ганушкинъ, въ критикѣ, направленной противъ моего Экономическаго роста Европы.

первыхъ запасовъ пищи, т. е. измѣненію самыхъ условій производства и потребленія. Все послѣдующее развитіе земледѣлія, съ его переходомъ отъ подсѣчнаго къ двухпольному, трехпольному и плодопеременному, хотя и стоитъ съ нашей точки зрѣнія, въ тѣсной зависимости отъ демотическаго фактора, но въ свою очередь вызываетъ рядъ общественныхъ измѣненій, между которыми развитіе, если не первоначальное созданіе собственности на людей, т. е. рабство и крѣпостничество, а также частная аппропріація почвы являются далеко не послѣдними. Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о ничтожной роли экономическаго фактора въ періодъ, предшествующій возникновенію капиталистическаго хозяйства?

Если скучиваніе населенія въ городахъ, т. е. опять-таки демотическій факторъ, — ближайшая причина, обусловливающая собою ростъ промышленности и торговли, то созданіе этимъ ростомъ гильдій и цеховъ и начавшееся уже въ ихъ средѣ обособленіе техническаго труда отъ нетехническаго и соотвѣтственно мастера отъ рабочаго, хозяина отъ приказчика даютъ право говорить о роли экономическаго фактора въ области городского производства и обмѣна и приписывать ему прямое вліяніе на самую структуру общества, прежде всего на образованіе въ немъ классовъ владѣтельныхъ и не владѣтельныхъ и потому правящихъ и подвластныхъ. За исключеніемъ русскаго писателя Зибера, бывшаго, какъ извѣстно, горячимъ послѣдователемъ Маркса, никто изъ историковъ экономистовъ ранѣе Лоріа не сдѣлалъ попытки распространить и на періоды, предшествующіе развитію капиталистическаго хозяйства, ученіе о всеопредѣляющемъ вліяніи экономическаго фактора. Сочиненіе Зибера осталось на Западѣ Европы болѣе или менѣе неизвѣстнымъ; этимъ только я и могу объяснить, что въ полемикѣ, поводъ къ которой подали, между прочимъ, только что приведенныя возраженія Кіаппелли, Петрона и Барта, я ни разу не встрѣтилъ имени моего соотечественника. А между тѣмъ, какъ въ главномъ его сочиненіи, такъ и въ рядѣ статей, отпечатанныхъ имъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и собранныхъ уже послѣ его смерти, Зиберомъ накоплено немало данныхъ, позволяющихъ утверждать, что еще въ эпоху родового быта, материнскаго и отеческаго, указанный Марксомъ факторъ далеко не бездѣйствовалъ. На роль его въ тѣсной зависимости отъ поступательнаго хода населенности указано было также и мною еще въ 1879 г. въ примѣненіи къ обществамъ, живущимъ, если не родовыми, то сосѣдскими союзами или сельскими мірами. Весь же послѣдующій періодъ, начиная съ образованія частной собственности и оканчивая возникновеніемъ первыхъ зародышей капиталистическаго хозяйства,

одинаково въ селахъ и городахъ, обозрѣнъ былъ съ точки зрѣнія тѣснаго взаимодѣйствія демотическаго и экономическаго факторовъ какъ въ моихъ лекціяхъ по исторіи экономики, такъ и въ трехтомномъ сочиненіи, посвященномъ изученію хозяйственнаго роста Западной Европы. Мнѣ, разумѣется, никогда не приходило въ голову отрицать параллельнаго вліянія психическаго фактора на многія изъ тѣхъ перемѣнъ въ общественномъ укладѣ, какія указаны въ моемъ трактатѣ. Односторонность послѣдняго, если только можно говорить о ней въ примѣненіи къ книгѣ, самое заглавіе которой указываетъ на спеціальную цѣль изученія чисто экономической стороны общественнаго роста, была односторонностью сознательной и добровольной. Если я останавливаюсь на этихъ соображеніяхъ, несмотря на ихъ личный характеръ, то объясняется это тѣмъ, что изъ лагеря послѣдователей экономическаго матеріализма противъ меня направлено было обвиненіе въ противорѣчіи собственнымъ взглядамъ. На одномъ изъ конгрессовъ международнаго института соціологіи Келлесъ Краусъ, авторъ интереснаго мемуара «Что такое экономическій матеріализмъ», мемуара, послужившаго главнымъ матеріаломъ для нашихъ преній, въ отвѣтъ на мои возраженія, сказалъ и обнародовалъ впослѣдствіи слѣдующее. «Г. Ковалевскій стоитъ за признаніе экономическаго базиса, мысль, которой онъ послужилъ не меньше, а пожалуй и больше другихъ своими историческими работами; но онъ высказываетъ по отношенію къ ней такія оговорки, которыя, какъ намъ кажется, не имѣютъ достаточнаго основанія. Онъ въ частности упрекаетъ марксистовъ въ томъ, что они не хотятъ допустить развитія способовъ производства въ зависимости отъ поступательнаго роста населенія. Но этотъ ростъ есть фактъ біологическій, проявленіе одного изъ физическихъ свойствъ человѣческой породы; марксисты ставятъ его рядомъ съ экономическимъ. Это не мѣшаетъ тому, что въ общественной жизни экономическій факторъ овладѣваетъ факторомъ біологическимъ и подчиняетъ его себѣ. Ростъ населенія поощряется или задерживается экономическимъ состояніемъ общества; вотъ почему и шла постоянно рѣчь о формулированіи соціальныхъ и даже прямо таки экономическихъ законовъ народонаселенія». То же возраженіе г. Келлесъ Краусъ, какъ слѣдуетъ изъ его примѣчанія, направляетъ и противъ Альфреда Фульє, заявившаго въ мемуарѣ, представленномъ конгрессу, что такъ называемый общественный базисъ не всегда экономическаго характера. Величина общественныхъ единицъ (то же, что масса населенія), ихъ густота, ихъ подвижность, качества самихъ этихъ общественныхъ единицъ, единство или разнообразіе ихъ состава, простота или сложность, сепаратизмъ или единство,

вотъ факторы, которые, по мнѣнію Фулье, не будучи экономическими, тѣмъ не менѣе имѣютъ право сдѣлаться предметомъ разсмотрѣнія въ трактатахъ объективной соціологіи. Изъ перечисленныхъ Фулье факторовъ меня въ настоящее время интересуютъ только первые два, какъ вполнѣ совпадающіе съ допущеніемъ мною роли увеличивающейся густоты населенія. Значеніе ихъ признается Дюркгеймомъ и Костомъ даже въ болѣе широкихъ границахъ, за предѣлами чисто экономическаго развитія. Что этотъ демотическій факторъ не исключительно біологическій, слѣдуетъ изъ того, что изъ всѣхъ породъ животнаго царства одинъ человѣкъ представляетъ феноменъ размноженія въ ускоряющейся прогрессіи, которую Мальтусъ признаетъ даже геометрической. Я не нахожу, однако, у Маркса и Энгельса достаточныхъ доказательствъ признанія ими роли этого фактора. Изъ всѣхъ послѣдователей историческаго матеріализма одинъ Лоріа нѣкоторое время выдвигалъ его впередъ, но затѣмъ счелъ возможнымъ замѣнить его, какъ мы видѣли, параллельнымъ и очевидно обусловленнымъ имъ второстепеннымъ явленіемъ—постепеннымъ исчезновеніемъ свободныхъ къ занятію земель. Поэтому едва ли я ошибусь, сказавши, что марксисты не придаютъ достаточнаго значенія демотическимъ причинамъ; послѣднія же потому не могутъ считаться попавшими въ полное подчиненіе экономическимъ, что въ наши дни, какъ и въ концѣ XVIII-го столѣтія, когда впервые формулированъ былъ Мальтусомъ законъ о несоотвѣтствіи между ростомъ средствъ существованія и ростомъ населенія—это положеніе продолжало и продолжаетъ оставаться оспариваемой, правда, но никѣмъ не опровергнутой истиной *). Болѣе быстрое размноженіе населенія, чѣмъ средствъ существованія, является и понынѣ тѣмъ центральнымъ феноменомъ, съ которымъ должны считаться и къ которому должны приспособляться и экономика и домашняя этика; парализовать его силу въ состояніи одни успѣхи органической химіи. Значеніе возрастающей густоты населенія въ развивающихся обществахъ признаютъ даже критики мальтузіанства. Вѣдь послѣдствіемъ его въ обществахъ, уже достигшихъ извѣстнаго равновѣсія, каковы западно-европейскія, является увеличеніе эмиграціи и уменьшеніе процента рождаемости. Но разъ все это такъ, какое, спрашивается, основаніе имѣемъ мы терять изъ виду демотическій факторъ при объясненіи поступательнаго роста обществъ и ихъ современной структуры? Только ставя въ тѣсную связь съ нимъ факторъ экономическій, избѣгнемъ мы

*) См. напр. статью Юлія Вольфа «Новый законъ народонаселенія» въ Revue d'économie politique. Juin. 1902.

тѣхъ справедливыхъ возраженій, какія направляютъ противъ односторонних ревнителей марксизма не одни лица, допускающія, какъ Кіаппелли или Бартъ, слабое вліяніе экономики на низшихъ ступеняхъ гражданственности, но также писатели, справедливо указывающіе, какъ Фулье, что въ общественной подструктурѣ не все носитъ экономическій характеръ.

Мы имѣли въ виду пока лишь одно изъ возраженій, предложенныхъ критиками марксизма въ Италіи. Другое и болѣе существенное, на нашъ взглядъ,—обще имъ со всѣми послѣдователями психологической школы, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ,—въ смыслѣ признанія, что ростъ знаній въ такой же мѣрѣ, какъ и ростъ чувствованій, вліяетъ на измѣненіе общественной структуры. Въ строгомъ смыслѣ слова нельзя сказать, чтобы и Марксъ, допускавшій измѣненіе сознанія подъ вліяніемъ экономическихъ и обусловленныхъ ими общественныхъ и политическихъ причинъ, вполнѣ отрицалъ роль этихъ знаній въ области экономической эволюціи. Вѣдь измѣненіе техники производства, которое онъ считаетъ рычагомъ всего дальнѣйшаго движенія, само стоитъ въ тѣсной зависимости отъ раскрытія законовъ природы, что, очевидно, входитъ въ задачу науки, а слѣдовательно психическаго фактора. На это лишній разъ указываетъ и Фульс въ своемъ мемуарѣ, представленномъ международному институту, а ранѣе Фулье итальянцы Кіаппели и Лабріола, послѣдній въ своемъ разсужденіи Объ историческомъ матеріализмѣ, впервые появившемся въ 1895 г. и дважды переведенномъ на французскій языкъ. Въ этомъ сочиненіи я съ удовольствіемъ нахожу слѣдующую страницу: «Спрашивается, могутъ ли мораль, искусство, религія, наука считаться продуктами однѣхъ экономическихъ причинъ? Утвержденія въ этомъ смыслѣ, выраженныя безъ всякихъ оговорокъ, съ нѣкотораго времени переходятъ изъ устъ въ уста и являются удобнымъ орудіемъ въ рукахъ противниковъ историческаго матеріализма. Для людей умственно лѣнивыхъ, число которыхъ значительно и между интеллигентами, пріятно успокоиться на принятіи во всей ихъ простотѣ подобныхъ заявленій. Какой праздникъ для нерадивыхъ овладѣть разъ навсегда всѣмъ знаніемъ, резюмированнымъ въ небольшомъ числѣ предложеній, и пользоваться ими какъ ключомъ для раскрытія всѣхъ тайнъ жизни. Всѣ проблемы этики, эстетики, филологіи, исторической критики и философіи сведены для нихъ къ одной проблемѣ, и тѣмъ самымъ упразднены всѣ трудности. Почему, думаютъ они, не свести всей исторіи къ торговой ариѳметикѣ и дать новую интерпретацію Дантовой «Божественной Комедіи», иллюстрируя ее числомъ штукъ сукна, проданныхъ съ выгодою хитрыми

флорентійскими купцами? Дѣло въ томъ, что формулы, включающія въ себѣ цѣлый рядъ нерѣшенныхъ проблемъ, легко превращаются въ вульгарные парадоксы для тѣхъ, кто не привыкъ считаться съ трудностями методическаго мышленія». Общій выводъ нашего критика тотъ, что экономическая структура только рѣшаетъ вопросъ, въ какую сторону направится воображеніе и мысль человѣческая въ сферѣ искусства, вѣрованій и науки. Явленія художественнаго творчества и религіозной мысли разсматриваются какъ проникнутое фантазіей и чувствомъ выраженіе современныхъ имъ общественныхъ потребностей. «Если, говоритъ Лабріола, я настаиваю на второстепенной зависимости этихъ феноменовъ отъ экономическаго порядка, то для того, чтобы противопоставить ихъ фактамъ юридико-политическимъ, являющимся прямымъ объективированіемъ послѣдняго». Если мнѣ приходится употреблять выраженіе «отчасти» и «косвенно», говоря о воздѣйствіи экономики на знаніе, искусство и религію, то потому, что я не теряю изъ вида цѣлаго ряда посредствующихъ звеньевъ, а также того, что человѣкъ, живя въ обществѣ, въ то же время постоянно стоитъ въ союзѣ съ природой, отъ которой онъ получаетъ матеріалъ, питающій его любознательность и его воображеніе *). Въ томъ же смыслѣ приходилось не разъ высказываться и мнѣ, какъ на засѣданіяхъ парижскаго общества соціологіи, такъ и на конгрессахъ ея международнаго института.

Я дѣлалъ и дѣлаю всѣ эти оговорки, не выходя изъ ряда сторонниковъ, если не историческаго матеріализма, то широкаго хотя и не исключительнаго пользованія экономическими объясненіями въ области исторіи. Легко судить поэтому, какое недоброжелательство должна вызывать подобная же критика, разъ она представлена послѣдователями враждебной марксистамъ психологической школы. Выразителемъ ея взглядовъ въ этой области является Тардъ. Онъ открыто высказываетъ свое недоумѣніе, что, при всемъ своемъ «симплицизмѣ», экономическій матеріализмъ могъ имѣть значительный успѣхъ въ обществѣ. Впрочемъ въ этомъ «симплицизмѣ», да еще въ мнимой новизнѣ, и скрываются, по мнѣнію Тарда, причины самого его успѣха. Мнимой же онъ признаетъ новизну метода Маркса потому, что гораздо раньше его экономисты выражали уже ту ересь, что якобы законы, ими раскрытые, являются основными для всего общества. Торольдъ Роджерсъ развиваетъ это ложное положеніе въ своей экономической интерпретаціи исторіи;

*) Essai sur la conception matérialiste de l'histoire par Ant. Labriola 1902 г. стр. 229—244.

историческій же матеріализмъ не болѣе, какъ воспроизведеніе въ болѣе тѣсныхъ рамкахъ стариннаго историческаго утилитаризма, оставленнаго, благодаря его узости. Разъ доказано, что польза, понимаемая въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. какъ удовлетвореніе не только матеріальныхъ, но и нравственныхъ интересовъ, при томъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ группъ, не даетъ еще объясненія природѣ ни одного изъ человѣческихъ учрежденій, начиная отъ полинезійскаго табу и оканчивая обязанностями, возлагаемыми религіями высшаго порядка, начиная отъ власти кланового начальника и оканчивая властью русскаго царя и германскаго императора, то еще меньше можетъ объяснить исторію чисто матеріальная сторона этой пользы, сколько бы ея ни признавали важнѣйшей. Историческій матеріализмъ, по словамъ Тарда, прибавляетъ къ утилитаризму только одну особенность—пессимизмъ. Утилитаризмъ Бентама—оптимистиченъ. Его основнымъ постулатомъ является признаніе, что человѣческіе интересы по природѣ своей согласуются между собою или могутъ быть приведены въ гармонію; марксисты же считаютъ ихъ непримиримыми; изъ ихъ противорѣчія, изъ борьбы классовъ, возведенной на степень высшаго двигателя человѣческаго прогресса, они выводятъ не одно развитіе промышленности, но также развитіе умственное, религіозное и политическое. Въ этомъ отношеніи марксизмъ имѣетъ видимую опору въ дарвинизмѣ, ложно понятомъ, который какъ бы приписываетъ поступательное развитіе жизни борьбѣ живущихъ, а не ихъ союзу, ихъ ненависти, а не ихъ любви *), но любовь одна имѣетъ творческую силу какъ въ человѣчествѣ, такъ и въ природѣ. Классы и войска могли бы съ самаго начала міра неустанно бороться другъ съ другомъ; это не породило бы собою ни геометріи, ни механики, ни химіи, безъ чего въ свою очередь немыслимо подчиненіе природы человѣку, а слѣдовательно, невозможенъ и прогрессъ промышленности и военнаго искусства. И то, и другое развились только благодаря тому, что въ этихъ схваткахъ, по своей природѣ истребительныхъ, нѣсколько мыслителей, поддерживаемыхъ любовью къ истинѣ, не изолировались добровольно въ своихъ лабораторіяхъ и кабинетахъ. Вѣдь порохъ въ такой же степени, какъ и паровая машина, открыты были мечтателями. Впрочемъ, спѣшитъ прибавить Тардъ, просвѣщенные марксисты не отрицаютъ болѣе роли научныхъ открытій (этого плода незаинтересованной любознательности) въ дѣлѣ производства соціаль-

---

*) Та же мысль нашла блестящее развитіе въ сочиненіи одного нашего соотечественника, о взаимной помощи въ обществахъ животныхъ и людей.

ныхъ измѣненій. И все же Тардъ не можетъ простить Лабріолѣ такую напримѣръ фразу: «Политическія теоріи, науки, системы права и проч., и проч., вмѣсто того, чтобы объяснять исторію, сами прежде всего нуждаются въ объясненіи, такъ какъ возникаютъ благодаря наступленію опредѣленныхъ условій и положеній». «Какъ, восклицаетъ Тардъ, науки вмѣстѣ съ религіями, отъ которыхъ онѣ происходятъ, какъ разумъ отъ воображенія, поставлены въ зависимость отъ какихъ-то условій; и это тогда, какъ сама общественная среда образовалась подъ вліяніемъ вульгаризаціи идей, религіозныхъ и научныхъ, въ границахъ извѣстной національности! Какъ утверждать что либо подобное, когда самая масса и густота населенія зависятъ отъ рѣшенія цѣлой серіи политическихъ проблемъ, правильно или неправильно поставленныхъ». Въ этихъ придаточныхъ предложеніяхъ, заканчивающихъ собою общую сентенцію Тарда, наглядно выступаетъ ошибочная сторона всей его аргументаціи, допускающей возможность сознательнаго преслѣдованія тѣхъ или другихъ политическихъ цѣлей независимо отъ массы и густоты населенія, а также отъ порядковъ производства, распредѣленія и обмѣна. Нужно ли долго настаивать на той мысли, что слабо населенной странѣ, располагающей нетронутыми матеріальными богатствами, нѣтъ необходимости ни завоевывать иностранныхъ рынковъ, ни преслѣдовать какую бы то ни было колоніальную политику, что протекціонная система и вызываемыя ею войны были бы абсурдомъ въ странѣ чисто земледѣльческой и живущей условіями самодовлѣющаго хозяйства и т. д. и т. д. Любопытно дальнѣйшее предположеніе Тарда, что, если историческій матеріализмъ можетъ дать объясненіе чего либо, то развѣ начальныхъ фазисовъ развитія, когда воздѣйствіе импульсовъ нашего животнаго организма давало себя всего болѣе чувствовать. Это допущеніе идетъ прямо въ разрѣзъ съ тѣмъ, что утверждаютъ, какъ мы видѣли, нѣкоторые итальянскіе соціологи. Тардъ, впрочемъ, спѣшитъ оговориться, замѣчая, и на этотъ разъ съ полнымъ основаніемъ, что одни экономическіе интересы не могутъ объяснить цѣлаго ряда обычаевъ, встрѣчающихся между дикими и варварскими племенами, напр. того требованія, въ силу котораго у Наче юноша, вернувшійся съ первымъ скальпомъ врага или съ первымъ обращеннымъ имъ въ рабство плѣнникомъ, долженъ воздерживаться въ теченіе шести мѣсяцевъ отъ всякаго общенія съ женщинами, равно и отъ принятія мясной пищи изъ страха, что въ противномъ случаѣ душа убитаго колдовствомъ вызоветъ его собственную кончину; для этого ей достаточно будетъ сдѣлать смертельными всѣ наносимыя ему раны и наоборотъ—безвредными

всѣ его насилія надъ врагами. Тардъ приводитъ еще одинъ примѣръ племени Тласкаланъ, которые въ своихъ войнахъ съ Кортесомъ терпѣли пораженія, благодаря тому, что въ самый моментъ битвы они считали нужнымъ подбирать раненыхъ и убитыхъ, подчиняя такимъ образомъ свое поведеніе представленію о религіозномъ долгѣ. Не станемъ же мы утверждать, что эти предразсудки были вызваны къ жизни экономическими причинами? Нашъ критикъ могъ бы съ такимъ же правомъ привесть другой историческій примѣръ изъ войнъ Маккавеевъ, не рѣшавшихся отражать нападенія враговъ, такъ какъ оно сдѣлано было въ субботу, день, отведенный для предписаннаго религіей отдыха. Всѣ эти соображенія Тарда справедливы настолько, насколько ими подкрѣпляется мысль, давно высказанная Контомъ, о многообразіи и взаимодѣйствіи причинъ, обусловливающихъ собою соціальный порядокъ того или другого народа, въ ту или другую эпоху его исторіи. Они нимало не доказываютъ второстепеннаго значенія экономическаго фактора. Тѣ же самые Наче, придерживавшіеся началъ анимизма, чѣмъ и обусловливалось ихъ представленіе о вліяніи, какое на ихъ жизнь можетъ имѣть душа убитаго ими врага, не отступали передъ этимъ соображеніемъ ни въ своихъ войнахъ съ сосѣдними племенами, войнахъ, кончавшихся насильственнымъ включеніемъ побѣжденныхъ въ собственную среду, ни при обращеніи отдѣльныхъ плѣнниковъ въ рабство; а то и другое вызывалось очевидно причинами, въ которыхъ экономическому интересу приходилось играть первенствующую роль, на ряду съ болѣе общимъ мотивомъ самосохраненія; послѣднему долженъ былъ служить пріобрѣтаемый вышеуказанной практикой численный перевѣсъ надъ сосѣдями. Это не мѣшаетъ намъ, однако, признать долю истины въ заключительныхъ словахъ разбираемаго нами критика. «Основная ошибка историческаго матеріализма лежитъ въ томъ, что, по его мнѣнію, человѣкъ всегда вѣритъ тому, чему желаетъ вѣрить, тому, что подсказываетъ ему его интересъ. Такое допущеніе противорѣчитъ самому элементарному психологическому наблюденію». Я вполнѣ готовъ подписаться подъ этими послѣдними словами, но не потому, чтобы примѣры, приводимые къ ихъ иллюстраціи Тардомъ, казались мнѣ убѣдительными и не допускающими никакого иного толкованія. Въ самомъ дѣлѣ, революція, низвергающая деспота, возможна не потому только, что люди вѣрятъ не всегда въ то, что подсказываютъ имъ ихъ интересы. Вѣдь съ паденіемъ деспотизма необходимо связана и гибель поддерживавшихъ его и поддерживаемыхъ имъ интересовъ и соотвѣтственно торжество интересовъ противнаго порядка. Вотъ почему всякая

революція совершается въ опредѣленныхъ интересахъ и сознательно стремится обезпечить имъ торжество. Несравненно болѣе убѣдительнымъ было бы указаніе на цѣлый рядъ дѣйствій, производимыхъ сознательно, но вопреки экономической выгодѣ самихъ участниковъ, будутъ ли такими дѣйствіями затраты на сооруженіе храмовъ и поддержаніе дорого оплачиваемаго культа, или выдѣленіе слабымъ по своей густотѣ населеніемъ значительнаго числа лицъ въ категорію непроизводителей въ буквальномъ значеніи этого слова. Безбрачіе чернаго, а кое-гдѣ и бѣлаго духовенства, очевидно, не примиримо съ простѣйшими требованіями экономики, по крайней мѣрѣ въ странѣ, нуждающейся въ увеличеніи своихъ оборонительныхъ силъ и числа рабочихъ рукъ; а между тѣмъ исторія постоянно ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ такими явленіями. Это не значитъ, однако, чтобы рано или поздно экономическій интересъ не бралъ перевѣса надъ психическимъ мотивомъ, понимая подъ нимъ въ данномъ случаѣ и мотивъ религіозный. Такъ, часто повторявшіяся попытки секуляризаціи церковныхъ имуществъ, и не въ однѣхъ только протестантскихъ странахъ, попытки, увѣнчавшіяся успѣхомъ въ большей половинѣ Европы, считая въ томъ числѣ и Россію со временъ Екатерины Второй, служатъ частичнымъ подтвержденіемъ такого конечнаго торжества экономическаго фактора. Та же побѣда его еще въ большей степени сказалась въ упраздненіи монастырей и отмѣнѣ безбрачія духовенства въ странахъ, задѣтыхъ реформаціей. Но сколько бы частныхъ примѣровъ мы ни приводили, они, разумѣется, не могутъ имѣть того значенія, какое принадлежало бы по праву общей попыткѣ провести черезъ всю исторію идею руководящаго вліянія экономическаго фактора. Попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана, какъ мы видѣли, Лоріа, но и помимо автора «Экономическихъ базисовъ общественнаго устройства», два писателя, Торольдъ Роджерсъ въ Англіи и Бруксъ Адамсъ въ Америкѣ, задались мыслью показать, первый въ примѣненіи къ исторіи собственной родины, второй въ примѣненіи ко всемірной исторіи, начиная со временъ Римской республики и оканчивая современностью, всеопредѣляющее значеніе, если не измѣненій въ орудіяхъ производства, то измѣненій въ порядкѣ распредѣленія богатствъ. Ни одна изъ этихъ попытокъ въ строгомъ смыслѣ слова не можетъ считаться удачной. Роджерсъ, какъ историкъ земледѣлія и цѣнъ въ Англіи, не пошелъ въ своемъ общемъ трактатѣ далѣе простого резюмированія основныхъ положеній своего главнаго сочиненія. Какъ собраніе отдѣльныхъ этюдовъ, напримѣръ, о вліяніи, оказанномъ законодательствомъ о рабочихъ, о соціальныхъ

послѣдствіяхъ религіозныхъ движеній, о распредѣленіи богатствъ въ Англіи въ разныя эпохи, о происхожденіи и исторіи политики laissez faire, книга Роджерса можетъ быть предметомъ занимательнаго и полезнаго чтенія, но отрывочный характеръ составляющихъ ее главъ и ихъ спеціальный интересъ не даютъ никакого основанія включать разборъ этого сочиненія въ общую картину новѣйшихъ судебъ экономическаго матеріализма.

Далеко не то слѣдуетъ сказать о сочиненіи Брукса Адамса. Оно не имѣетъ тѣхъ достоинствъ самостоятельнаго изслѣдованія, сдѣланнаго на основаніи матеріала первыхъ рукъ, какимъ отличается все вышедшее изъ-подъ пера англійскаго историка-экономиста, но за то оно въ гораздо большей степени, хотя и не вполнѣ, отвѣчаетъ характеру трактата, посвященнаго раскрытію роли экономическаго фактора во всемірной исторіи. Я говорю не вполнѣ, такъ какъ въ этомъ трудѣ замѣтенъ существенный пробѣлъ. Авторъ вовсе не задается вопросомъ о роли экономическаго фактора въ исторіи восточныхъ деспотій и кастовомъ устройствѣ Индіи и Египта; въ его планъ не входитъ также изученіе судебъ эллинской культуры и всемірной монархіи, основанной Александромъ Македонскимъ. Я не могу назвать исчерпывающимъ и изложеніе имъ новой исторіи. Съ момента взятія Константинополя онъ отмѣчаетъ въ ней только такіе моменты, какъ отмѣна ордена Тампліеровъ, англійскую реформацію, сопровождающуюся упраздненіемъ монастырей, разрывъ прежней связи народа съ землей, съ момента замѣны наслѣдственной аренды крестьянъ капиталистической эксплуатаціей почвы въ формѣ фермерства, соперничество Испаніи и Англіи изъ-за владѣнія Индіей, наконецъ ростъ централизаціи, приводимый имъ въ связь съ экономическимъ переворотомъ, вызваннымъ торжествомъ капитализма. Но даже въ избранныхъ имъ границахъ, отъ установленія республики въ Римѣ до взятія Константинополя венеціанцами въ 1204 г., Бруксъ Адамсъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ феноменовъ поступательнаго развитія человѣчества и добровольно слѣдитъ только за перемѣщеніемъ богатствъ съ Запада на Востокъ. Этимъ онъ объясняетъ соотвѣтствующее движеніе цивилизаціи въ томъ же направленіи. Оно сказывается и въ перенесеніи столицы изъ Рима въ Константинополь, и въ потокѣ, увлекшемъ крестоносцевъ въ богатую Сирію, Египетъ и весь вообще мусульманскій востокъ, и въ завоеваніи Византіи тѣми же крестоносцами. Несмотря на оригинальность такой точки зрѣнія, нельзя сказать, чтобы книга Адамса объяснила намъ однимъ ростомъ плутократіи причину замѣны римской республики имперіей, а противоположеніемъ европейской бѣдности и азіатскаго богатства—источникъ не только созданія Ви-

зантіи, но и всего того движенія съ Запада на Востокъ, которое обнимается понятіемъ крестовыхъ походовъ. За его книгой надо признать ту не столько положительную, сколько отрицательную заслугу, что изъ нея видно, какая масса явленій остается такъ сказать за границами прямого воздѣйствія изучаемаго имъ фактора, т. е. накопленія богатствъ и ихъ перемѣщенія изъ рукъ однихъ классовъ въ руки другихъ. Установляемая Адамсомъ точка зрѣнія не принимаетъ въ разсчетъ того вліянія, какое обращеніе вѣчнаго города въ центръ міра, накопленіе въ его предѣлахъ противорѣчивыхъ интересовъ различныхъ національностей и религій, имѣло на дальнѣйшую судьбу тѣхъ по природѣ городскихъ учрежденій, какими были республиканскіе порядки древняго Рима. Она не ставитъ въ связь съ этимъ обстоятельствомъ необходимости прибѣгнуть къ военной диктатурѣ для поддержанія искусственнаго единства. Она не показываетъ также, какое вліяніе имѣла на его сохраненіе проповѣдь пассивнаго повиновенія предержащимъ властямъ и неземного характера того царства справедливости, съ которымъ христіанство связывало понятіе Божьяго царства. Съ другой стороны, усиленіе центробѣжныхъ или разлагающихъ силъ, съ момента включенія въ границы имперіи варварскихъ народностей на правахъ поселенцевъ, вполнѣ объясняетъ тотъ сепаратизмъ, жертвою котораго сдѣлалась имперія. Но это явленіе очевидно стоитъ лишь въ отдаленной связи съ развитіемъ системы латифундій, эксплуатируемыхъ рабскимъ трудомъ, съ упадкомъ земледѣлія и населенности. Подъемъ національныхъ стремленій и религіознаго чувства въ постепенно одичавшемъ обществѣ, разрывъ съ традиціями городской жизни и практикой міровыхъ обмѣновъ, постепенная потеря большей части положительныхъ знаній и философскихъ объясненій міра, независимо отъ упадка матеріальнаго богатства, могли вызвать собою неуспѣхъ всѣхъ попытокъ къ возсозданію имперіи и обратный переходъ средневѣковаго общества отъ индустріализма къ милитаризму, отъ раціоналистическаго къ теологическому мышленію. Въ указанныхъ причинахъ лежитъ источникъ и нескончаемыхъ войнъ, постепенно обратившихъ Западную Европу въ цѣпь осѣвшихся лагерей, координированныхъ между собою, благодаря развитію феодальной системы, и зарожденіе той идущей въ разрѣзъ съ экономическими интересами практики добровольнаго удаленія отъ міра, которая лежитъ въ основѣ всякой схимы и всякаго монашества. Крестовые походы, бывшіе на первыхъ порахъ подъемомъ этихъ внѣ міра стоящихъ интересовъ, могли съ упадкомъ религіознаго чувства выродиться въ попытку систематическаго ограбленія болѣе богатаго Востока болѣе бѣднымъ Западомъ и повесть

такимъ образомъ къ основанію Латинскаго Королевства въ Византіи, а также къ удачной политикѣ германскаго императора Фридриха II и французскаго короля Людовика IX по отношенію къ магометанскимъ правителямъ Востока. Эта политика оставила Гробъ Господень въ рукахъ иновѣрныхъ, но обогатила ея сторонниковъ новыми территоріальными пріобрѣтеніями. Всего этого недостаточно, однако, чтобы отрицать чисто психическій источникъ, изъ котораго вытекъ тотъ грандіозный подъемъ сперва народныхъ массъ, а затѣмъ ихъ феодальнаго и государственнаго начальства въ одномъ чувствѣ и одномъ желаніи, подъемъ, достаточно сильный, чтобы положить конецъ внутреннимъ усобицамъ и обусловить собою готовность пожертвовать частью личнаго достоянія въ формѣ не столько массовыхъ, сколько индивидуальныхъ отпущеній крестьянъ на волю, съ тѣмъ, чтобы истратить полученный отъ нихъ выкупъ на снаряженіе крестоносцевъ. Мы не исчерпали разумѣется въ нашемъ перечисленіи и сотой доли тѣхъ вопросовъ, которые не находятъ себѣ отвѣта въ сочиненіи Брукса Адамса. Но и сказаннаго достаточно, чтобы породить сомнѣніе въ томъ, чтобы перемѣщеніе капиталовъ съ Запада на Востокъ было дѣйствительнымъ и единственнымъ факторомъ всего дальнѣйшаго хода событій *). И вотъ мы снова стоимъ передъ вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ экономическій интересъ можетъ обусловить собою рядъ измѣненій въ поступательномъ развитіи общества? Вопросъ этотъ издавна ставился въ литературѣ, между прочимъ не кѣмъ инымъ, какъ основателемъ самой науки соціологіи, Огюстомъ Контомъ. Въ 51-й лекціи своего курса Положительной Философіи, признавъ развитіе умственныхъ и нравственныхъ функцій ближайшей характеристикой общаго развитія человѣчества и справедливо отмѣтивъ, что въ этомъ отношеніи наша эволюція является только продолженіемъ той, начало которой было положено въ животномъ царствѣ, Контъ задается вопросомъ объ условіяхъ, ускорившихъ этотъ прогрессъ. Въ число ихъ, на ряду съ органическими, съ счастливыми особенностями самого строенія человѣческаго мозга, и теллурическими—ограниченной способности нашей планеты служить обиталищемъ для людей, Контъ ставитъ естественный ростъ населенія. Подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ и возрастающую его густоту и скопленіе его въ извѣстныхъ центрахъ,—въ городахъ, гдѣ поэтому и зарождались обыкновенно важнѣйшія измѣненія. Создавая новыя потребности и порождая новыя препятствія, скопленіе людей, говоритъ Контъ,

---

*) Книга Адамса была переведена и на французскій языкъ подъ заглавіемъ: «La loi de la civilisation et de la décadence».

вызываетъ къ жизни и новыя средства для поддержанія порядка и поступательнаго движенія, а именно оно нейтрализируетъ вліяніе физическихъ неравенствъ и увеличиваетъ перевѣсъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыя необходимо оставались бы въ подчиненіи у населенія, численно ограниченнаго *). Изъ этой выдержки, а также изъ того обстоятельства, что, по вѣрному замѣчанію Лоріа, въ своей соціальной динамикѣ Контъ, начиная съ XIII вѣка, переноситъ центръ тяжести въ развитіи общества на экономику и слѣдитъ въ частности за ростомъ индустріализма, мы въ правѣ вывести то заключеніе, что основатель нашей науки не прочь былъ признать роль экономическаго фактора и прежде всего увеличивающейся густоты населенія и его концентраціи въ городахъ на ходъ общественной эволюціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашемъ умѣ не остается сомнѣнія, что въ глазахъ Конта эти экономическія причины въ свою очередь вызывали собою психическія послѣдствія. Вѣдь скопленіе населенія въ городахъ для него, какъ мы только что видѣли, имѣетъ значеніе главнымъ образомъ въ виду того подъема умственныхъ и нравственныхъ силъ, которому оно служитъ. Несомнѣнно, однако, что уму Конта недостаточно была ясна связь, существующая между этимъ демотическимъ факторомъ и измѣненіями условій производства, а съ другой, между этимъ послѣднимъ и всѣмъ дальнѣйшимъ строемъ общественныхъ отношеній.

Вопросъ о координаціи психическаго и экономическаго факторовъ кажется намъ болѣе удачно рѣшеннымъ въ книгѣ Лакомба «Исторія, разсматриваемая какъ наука». Еще въ 1896 году, вслѣдъ за выходомъ этой книги въ русскомъ переводѣ, проф. Карѣевъ посвятилъ разбору ученія Лакомба о роли экономическаго фактора цѣлую главу своихъ Этюдовъ объ экономическомъ матеріализмѣ. Она почти цѣликомъ составлена изъ выписокъ и сжато передаетъ основную точку зрѣнія автора. Въ ней только недостаточно указано, на мой взглядъ, то преобладающее значеніе, какое Лакомбъ придаетъ психическому фактору и сходство его основной точки зрѣнія съ ученіемъ Тарда о взаимодѣйствіи изобрѣтенія и подражанія. Въ 94 году при совершенномъ, повидимому, незнакомствѣ съ первыми соціологическими этюдами автора «Общественной логики», Лакомбъ, различая между событіемъ, т. е. однажды повторившимся явленіемъ, и учрежденіемъ, т. е. повторяющимися однохарактерными феноменами, пишетъ слѣдующее: феноменъ всегда имѣетъ переходнымъ началомъ дѣятельность одного человѣка. Онъ впервые примѣняетъ на практикѣ это открытіе (choses nouvelles). Оно распространяется затѣмъ

*) Та же лекція, т. IV Курса Положительной Философіи. Стр. 54—56.

постепенно (очевидно путемъ повторенія или подражанія). Невозможно, чтобы извѣстное число людей, даже незначительное, имѣли одновременно одну мысль и одну волю.

Всякое учрежденіе въ процессѣ своего развитія представляется намъ поэтому на первыхъ порахъ, какъ индивидуальный феноменъ. Предметомъ исторіи, которая для Лакомба совпадаетъ съ соціологіей, или по крайней мѣрѣ съ соціальной динамикой, слѣдуетъ считать, во первыхъ, учрежденія, т. е. то же, что для Тарда подражанія, а во вторыхъ, индивидуальныя событія, т. е. то же, что для Тарда открытія; что касается до послѣднихъ, то только въ той мѣрѣ, въ какой они составляютъ предметъ исторіи, они ведутъ къ основанію учрежденій, т. е. становятся предметомъ подражанія *). Приведенный отрывокъ показываетъ, что въ лицѣ Лакомба мы имѣемъ дѣло съ сторонникомъ психологическаго объясненія общественной эволюціи. Немудрено поэтому, если во второй главѣ, опредѣляя отношенія психологіи къ исторіи, нашъ писатель развиваетъ тотъ взглядъ, что повторяемость событій, выступающая изъ сходства ихъ въ разныхъ странахъ и въ разныя времена, только тогда получитъ научное объясненіе, только тогда будетъ возведена на степень закона исторіи, когда явится возможность связать ее съ болѣе широкими истинами психологіи, другими словами, для Лакомба психологія даетъ объясненіе исторіи (ibid., стр. 27). Вотъ почему онъ ставитъ въ вину Спенсеру, что послѣдній искалъ въ біологіи тѣхъ объясненій исторіи, которыя можетъ дать ей только психологія (ibid., стр. 30). Какимъ же образомъ, спрашивается, удается Лакомбу связать съ своей основной точкой зрѣнія ученіе о выдающейся, если не первенствующей, роли экономическаго фактора. Соціологи согласятся, пишетъ онъ, что основныя потребности человѣка и вызвали большую часть феноменовъ, при томъ феноменовъ важнѣйшихъ. Такими потребностями являются прежде всего потребность питанія и потребность размноженія. Но каждая изъ этихъ потребностей можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ: съ біологической и психологической. Такъ потребность питанія съ біологической точки зрѣнія обусловливается истощеніемъ ткани, съ психологической же чувствомъ голода; точно такъ же потребность размноженія, съ одной стороны, есть потребность извѣстныхъ выдѣленій, а съ другой, проявленіе эмоціи, правда, кратковременной, но крайне живой. Авторъ доказываетъ затѣмъ, что потребности вліяютъ на ходъ историческихъ событій не со стороны ихъ біологическихъ реальностей, а со стороны порождае-

*) De l'histoire considérée comme science, par P. Lacombe, стр. 9, 10, 11.

мыхъ ими психическихъ запросовъ (стр. 32). Такимъ образомъ во всякомъ матеріальномъ фактѣ накопленія имѣется и психическое содержаніе, точка зрѣнія, общая Лакомбу съ Тардомъ и вызвавшая со стороны послѣдняго попытку обоснованія законовъ экономики на данныхъ психологіи. Мы не имѣемъ въ виду передать здѣсь даже вкратцѣ богатаго содержанія книги; мы не станемъ поэтому говорить ни о значеніи, какое она придаетъ симпатіи въ установленіи и развитіи общественнаго порядка—положеніе, высказанное еще Адамомъ Смитомъ и которое у Гиддингса принимаетъ только новую форму сознанія единства породы. У насъ нѣтъ также возможности развить сколько нибудь другую мысль автора, несомнѣнно болѣе оригинальную, о вліяніи, какое исканіе чести оказываетъ на человѣческое поведеніе, а потому и на ходъ историческихъ событій. Ко всѣмъ этимъ факторамъ или вѣрнѣе мотивамъ поведенія Лакомбъ присоединяетъ еще интересъ эстетическій и, какъ болѣе слабый, интересъ научный; въ этомъ онъ является прямымъ послѣдователемъ Конта. Подъ общимъ терминомъ экономики авторъ «Исторіи какъ науки» соединяетъ затѣмъ всѣ требованія, предъявляемыя потребностями нашего тѣла, за исключеніемъ однѣхъ половыхъ (ibid., стр. 37). Онъ признаетъ ихъ наиболѣе неотложными и видитъ въ этомъ существенное ихъ отличіе отъ такихъ, какъ потребность симпатіи, потребность эстетическая и научная, нужда въ удовлетвореніи которыхъ, во первыхъ, менѣе чувствительна, а во вторыхъ, сознается лишь меньшинствомъ. Послѣ сказаннаго неудивительно, если въ накопленіи богатствъ, т. е. въ производствѣ, Лакомбъ видитъ явленіе, необходимо предшествующее всякой умственной культурѣ, такъ какъ только накопленіемъ обусловливается въ его глазахъ возможность существованія класса лицъ, не предающагося физическому труду, и который онъ называетъ классомъ празднымъ (classe oisive), точь въ точь какъ физіократы называли его безплоднымъ (classe stérile), хотя въ рядахъ этого класса и зарождаются первыя религіозныя, эстетическія и научныя представленія. Всего болѣе Лакомбъ приближается къ ученію историческаго матеріализма, никогда не впадая однако въ его преувеличенія, въ слѣдующемъ утвержденіи: когда человѣческая промышленность въ своемъ прогрессивномъ ходѣ открываетъ новое средство удовлетворенія нашихъ матеріальныхъ запросовъ и это средство будетъ противорѣчить какому нибудь неэкономическому учрежденію, человѣкъ почти всегда отказывается не отъ экономическаго новшества, а отъ неэкономическаго учрежденія, и этимъ модифицируетъ послѣднее, приспособляя его къ новшеству. Наоборотъ, если въ какомъ нибудь неэкономическомъ учрежденіи происходитъ новая фор-

мація, не согласная съ экономическими привычками времени, это новшество будетъ принято только съ тѣми ограниченіями, которыя сдѣлаютъ его примиримымъ съ существующимъ экономическимъ порядкомъ. Передаваемое языкомъ марксистовъ, это заявленіе означаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что экономическія причины вызываютъ перемѣны во всѣхъ другихъ сферахъ общественности, и что никакія новшества въ этихъ послѣднихъ не могутъ пустить корней, разъ они стоятъ въ противорѣчіи съ экономическимъ укладомъ и не могутъ приспособиться къ нему. Другая мысль Лакомба, также заслуживающая быть отмѣченной послѣдователями ученія историческаго матеріализма, это — его критика тѣхъ, кто думаетъ, что религія способна осилить вліяніе экономическихъ порядковъ. Лакомбъ старается провести наоборотъ тотъ взглядъ, что требованія религіи и культа подчиняются ограниченіямъ, вызываемымъ экономическими соображеніями. Его доказательства могутъ показаться не особенно убѣдительными. Приводимымъ имъ примѣрамъ обществъ, сокращающихъ число и размѣръ поминокъ изъ бережливости, можно было бы противупоставить такія, которыя отступаютъ даже отъ принципа неотчуждаемости семейнаго достоянія съ цѣлью сдѣлать возможными поминки. Справедливо не то, что религіозный или наоборотъ экономическій факторъ при столкновеніи беретъ необходимо перевѣсъ надъ другимъ, а то, что между ними всегда происходитъ извѣстное молчаливое соглашеніе, которое и дѣлаетъ возможнымъ ихъ взаимодѣйствіе. (См. стр. 58).

Вмѣсто того, чтобы преувеличивать значеніе религіознаго фактора, Лакомбъ даже старается отнять у религіи право считаться источникомъ научнаго знанія, какъ на это указывалъ еще Контъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ ученіемъ историческаго матеріализма, Лакомбъ говоритъ, что человѣкъ наблюдаетъ и изслѣдуетъ, чтобы воздѣйствовать затѣмъ на предметы и овладѣть ими. Безкорыстнаго знанія на первыхъ порахъ не существуетъ. (Стр. 113 и 114). Знаніе предшествуетъ наукѣ и вызывается къ жизни экономическимъ мотивомъ. Сама религія, насколько религіозное чувство поддерживается желаніемъ добиться отъ божества матеріальныхъ благъ, можетъ быть отнесена къ экономикѣ. Лакомбъ называетъ ее l'économie imaginaire (стр. 126). Не даромъ же религіозность возрастаетъ въ моменты общественныхъ бѣдствій (стр. 127). Сказаннаго достаточно, чтобы показать, какъ, не устраняя психологическаго объясненія исторіи и придерживаясь той мысли, что отношенія людей въ обществѣ прежде всего отношенія психическаго характера, можно пойти весьма далеко въ отстаиваньи роли экономическихъ воздѣйствій на общественный укладъ и на самый прогрессъ об-

ществъ. Сочиненіе Лакомба—новое доказательство тому, что психологическая точка зрѣнія не устраняетъ необходимо экономической.

Въ этомъ отношеніи оно можетъ быть сопоставлено съ сочиненіемъ другого культуръ-историка—Лабріола, выступающаго, какъ мы видѣли, сторонникомъ теоріи Маркса. Впечатлѣніе, которое я по крайней мѣрѣ вынесъ изъ книги Лабріола, сводится къ признанію, что объясненіе общественныхъ явленій измѣненіями условій производства и вообще экономическимъ укладомъ не устраняетъ въ глазахъ автора возможности признать значеніе самостоятельныхъ факторовъ и за моралью, и за религіей, наукою и искусствомъ, а также за правомъ и политикой, но только при допущеніи, что въ своемъ источникѣ всѣ эти факторы происходятъ отъ экономическаго. Дѣйствовать же они могутъ автономно, не вступая однако въ противорѣчіе съ экономическимъ факторомъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ такой точкой зрѣнія, Лабріола справедливо видитъ главную заслугу Маркса въ томъ, что онъ низвелъ на землю объясненіе причинъ соціальныхъ явленій и пересталъ смотрѣть на нихъ, подобно Гегелю, какъ на раскрытіе какого-то всемірнаго духа. Одною любовью къ парадоксамъ объясняетъ Лабріола утвержденіе нѣкоторыхъ чрезчуръ ревностныхъ вульгаризаторовъ новой доктрины, что исторія съ матеріалистической точки зрѣнія можетъ быть написана при сосредоточеніи вниманія на одномъ экономическомъ моментѣ. (Стр. 118 послѣдняго французскаго изданія. «Essai sur la conception matérialiste de l'histoire par An. Labriola». 1902). Чтобы перейти отъ экономической структуры къ совокупности развившихся на ея почвѣ порядковъ и развернувшихся на ней событій, совокупность которыхъ и составляетъ исторію опредѣленнаго времени и народа, необходима та сумма свѣдѣній, которую, за отсутствіемъ другого подходящаго термина, Лабріола готовъ назвать общественной психологіей. Подъ нею онъ разумѣетъ не какую-то особую соціальную душу, существованіе которой ему кажется фантастичнымъ, а опредѣленныя конкретныя состоянія сознанія (états d'esprit) отдѣльныхъ классовъ, напримѣръ, плебеевъ Рима въ моментъ отхода ихъ на священную гору, ремесленниковъ Флоренціи при открытіи движенія Чіомпи, или крестьянъ Франціи въ эпоху зародившейся въ ихъ средѣ самопроизвольной анархіи 1789 г. Эта общественная психологія не можетъ быть сведена къ какимъ нибудь абстрактнымъ положеніямъ; она складывается изъ всего того, что историки, ораторы, романисты и идеологи считали доселѣ предметомъ ихъ спеціальнаго изученія. При этомъ не слѣдуетъ однако терять изъ виду, что такая конкретная психологія въ свою очередь продуктъ опредѣленныхъ общественныхъ условій, въ

которыхъ находится тотъ или другой классъ, и что, какъ выразился Марксъ, не формы сознанія опредѣляютъ бытъ человѣка, а наоборотъ. Но обусловленныя этимъ бытомъ формы сознанія образуютъ самостоятельный предметъ изученія исторіи; въ этомъ смыслѣ послѣдняя не можетъ заниматься исключительно прогрессомъ естественныхъ средствъ производства, но также прогрессомъ самихъ людей (стр. 130). Если справедливо, что измѣненіе орудій производства обусловливаетъ собою перемѣны въ распредѣленіи труда и вызываетъ общественное неравенство, которое при устойчивости опредѣляетъ собою и самую природу соціальнаго организма, то не менѣе справедливо, что изобрѣтеніе этихъ орудій есть одновременно причина и слѣдствіе того, что мы называемъ воображеніемъ, интеллектомъ, разумомъ, мыслью (ibid. 131). Въ этихъ словахъ, хотя съ меньшею ясностью, высказано то самое положеніе, какое мы нашли у Лакомба, и которое еще раньше установлено было Контомъ, а именно, что экономическія явленія могутъ имѣть психологическія послѣдствія. Въ отличіе отъ Лакомба, Лабріолѣ не достаетъ только пониманія психической природы самихъ экономическихъ явленій, какъ вызванныхъ къ жизни извѣстными запросами и чувствованіями, изъ которыхъ наипростѣйшимъ является чувство голода.

Съ этими ограниченіями и подъ условіемъ признанія двойственной природы всякаго экономическаго явленія, матеріальнаго по своимъ послѣдствіямъ, духовнаго въ своемъ базисѣ, такъ называемый историческій матеріализмъ несомнѣнно имѣетъ право считаться плодотворнымъ методомъ въ области соціальныхъ изслѣдованій. Его историки, въ числѣ ихъ Массарикъ, профессоръ въ Прагѣ, отмѣчаютъ въ новѣйшихъ произведеніяхъ вожаковъ школы замѣтное расширеніе прежней точки зрѣнія, а у нѣкоторыхъ и прямое признаніе взаимодѣйствія экономическаго и психическаго факторовъ. Такъ Каутскій подъ измѣненіемъ условій производства разумѣетъ уже всю современную технику съ новѣйшими пріемами органической химіи и всѣми тѣми практическими выводами, какіе позволяютъ дѣлать успѣхи математики и естественныхъ наукъ, а полемизирующій съ нимъ Бельфортъ Бэксъ допускаетъ существованіе самопроизвольныхъ психическихъ тенденцій, такъ называемыхъ имъ идеологическихъ; онѣ дѣйствуютъ независимо отъ экономическихъ, хотя и имѣютъ въ нихъ свои корни. Эта точка зрѣнія очевидно та же, выразителемъ которой является Лабріола *).

---

*) См. статью Бэкса отъ 11 іюля 1896 г. въ журналѣ Die Zeit и отвѣтъ на нее Каутскаго въ той же Zeit 1896 — 1897 г. Оба писателя вскорѣ затѣмъ обмѣнялись новыми полемическими замѣтками, отпечатанными въ томъ же журналѣ.

§ 2.

Если экономическій матеріализмъ находитъ сторонниковъ и вызываетъ рядъ попытокъ фактическаго его обоснованія въ Италіи и С.-Штатахъ Америки, то главнымъ его очагомъ продолжаетъ оставаться самая его родина, Германія. Здѣсь пишутся не только ученыя монографіи, ставящія себѣ задачей объяснить его философскія предпосылки, но и цѣлые періоды до-исторіи, какъ и многія поворотныя эпохи въ развитіи человѣчества, находятъ себѣ истолкованіе въ его духѣ. Вся эта литература группируется далеко не исключительно вокругъ марксистскаго журнала, издаваемаго Каутскимъ. И внѣ соціалистическихъ круговъ въ лагерѣ культуръ-историковъ и историковъ вообще, а также среди метафизиковъ и моралистовъ, завязывается горячая полемика по вопросу о томъ, не лежитъ ли ключъ къ пониманію всѣхъ явленій дѣйствительности и отдаленнаго прошлаго въ изученіи условій производства и обмѣна. Стоитъ вспомнить, что вся критика, какой за послѣднія десять лѣтъ подверглись въ Германіи болѣе раннія работы по исторіи древнѣйшихъ формъ общественной жизни, почти исключительно сосредоточилась на доказательствѣ той мысли, что ни строй древнѣйшей семьи, ни организація системы родства или зародышныхъ формъ искусства не могутъ быть поняты иначе, какъ въ связи съ ранней эволюціей экономическихъ порядковъ. Правда, починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ, какъ я уже сказалъ, не въ Германіи, а въ Россіи; въ трудахъ русскаго экономиста Зибера, напечатавшаго еще въ 1883 году свои «Очерки Первобытной Экономической Культуры». Въ предисловіи къ этому сочиненію авторъ высказывалъ свою основную точку зрѣнія совершенно въ духѣ Маркса и Энгельса, говоря: «одно только изученіе организаціи общественнаго труда способно наглядымъ и правильнымъ образомъ разъяснить внутреннюю природу и особенности политическихъ, юридическихъ, религіозныхъ, умственныхъ и многихъ другихъ явленій общественной жизни первобытныхъ народовъ» *). Хотя эти строки написаны были еще въ октябрѣ 1881 года, но такъ какъ авторъ ихъ не позаботился переводомъ своей книги на доступные ученому міру языки, то неудивительно, если имя этого піонера въ дѣлѣ объясненія древнѣйшей культуры условіями производства и обмѣна осталось неизвѣстнымъ историкамъ марксизма **).

---

*) Стр. 3.

**) Такъ Зелигманъ въ Economic interpretation of history не говоритъ о Зиберѣ ни слова, цитируя въ то же время мои лекціи о происхожденіи семьи и собственности въ числѣ сочиненій, ранѣе другихъ отмѣтившихъ связь между

Вотъ почему одинъ изъ новѣйшихъ историковъ послѣдняго говоритъ о трудахъ Гроссе, Гильдебранда и Кунова, какъ о тѣхъ, въ которыхъ впервые указаны экономическія основы и древнѣйшей организаціи семьи, и древнѣйшихъ формъ общины, и древнѣйшаго счета родства. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что названными писателями сказано послѣднее слово по затронутымъ ими вопросамъ. Мнѣ трудно согласиться съ ихъ положеніемъ, что патернитетъ, якобы присущій первобытнымъ охотникамъ, нерѣдко уступаетъ мѣсто материнству съ переходомъ къ зачаточному земледѣлію и снова становится общимъ правиломъ у народовъ пастушескихъ и высшихъ земледѣльцевъ. Говоря это, Гроссе совершенно не считается съ ролью переживаній и слѣдуетъ въ этомъ вполнѣ примѣру родоначальника самой доктрины экономическаго матеріализма, для котораго, по вѣрному замѣчанію Вольтмана, унаслѣдованныя традиціи, взгляды и обыкновенія представляютъ собою самое большее мертвый балластъ въ дѣлѣ поступательнаго развитія общества *).

Съ точки зрѣнія теоріи переживаній наличность матріархата у народовъ, живущихъ не одними первобытными промыслами, еще не говоритъ о томъ, что тѣ же отношенія не могли возникнуть въ эпоху большей относительно дикости. То же обстоятельство, что родство считается только по матери въ обществахъ австралійскихъ, въ которыхъ о земледѣліи нѣтъ и помину, а равно и въ средѣ краснокожихъ, очевидно стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ ученіемъ о связи патріархата съ «наиболѣе грубымъ способомъ добыванія пищи охотой въ ея низшей формѣ» **). Не мѣсто, разумѣется, говорить здѣсь о моихъ несогласіяхъ съ Куновомъ или Гильдебрандомъ по вопросу о происхожденіи системы классоваго родства или природы и источника коллективныхъ формъ земле-

---

развитіемъ формъ семьи и формъ имущества. «Съ Ковалевскимъ, пишетъ онъ, открывается въ 1890 году серія тѣхъ, кто старался обосновать мысль о тѣсной зависимости индивидуальной семьи и индивидуальной собственности» (стр. 78). Но ту же мысль мнѣ пришлось развивать десятки лѣтъ ранѣе, этотъ разъ на русскомъ языкѣ, въ моемъ «Общинномъ землевладѣніи, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія»,—сочиненіи, оставшемся по указанной причинѣ неизвѣстнымъ западнымъ ученымъ.

*) См. стр. 385 и 386.

**) Эрнстъ Гроссе.—Формы семьи и формы хозяйства, стр. 36. Доказывать ли, что этнографамъ недостаетъ прочнаго критерія для установленія качественнаго различія между низшими и высшими охотниками. Не считать же первыми исключительно племена, живущія червями, улитками, насѣкомыми. И у высшихъ охотниковъ перечисленные предметы далеко не выходятъ изъ сферы потребленія.

пользованія. Послѣ изслѣдованій Спенсера и Гиллена о племенахъ центральной Австраліи едва ли кто рѣшится поддерживать ту мысль, что родства по группамъ никогда не существовало въ дѣйствительности, мысль, къ обоснованію которой клонится аргументація Кунова*): Та точка зрѣнія, согласно которой земля, въ силу приложенія къ ней личнаго труда, становится предметомъ индивидуальнаго присвоенія, хотя и нашла горячаго поборника въ лицѣ Даргуна, Гильдебранда и Кунова, на мой взглядъ является роковымъ заблужденіемъ, основаннымъ на непониманіи дѣйствительной природы такъ называемаго захватнаго пользованія (пользованія, а не собственности) и участія цѣлыхъ группъ родственниковъ въ экономической утилизаціи принадлежащей имъ сообща земельной площади **).

Но частныя ошибки въ концѣ концовъ не доказываютъ невѣрности самого пріема. Въ сближеніи исторіи семьи съ исторіей имущественныхъ отношеній—я вижу нѣчто положительное. Но въ то же время я думаю, что такое сближеніе слѣдовало бы расширить и на область древнѣйшихъ вѣрованій и тѣхъ мнимо-научныхъ знаній, которыя обнимаются понятіемъ магіи.

Сравнительная этнографія постоянно ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ фактами, не оставляющими ни малѣйшаго сомнѣнія въ той роли, какую установленіе всякаго рода религіозныхъ табу, связанное каждый разъ съ совершеніемъ извѣстнаго символическаго обряда, играетъ въ самомъ зарожденіи собственности какъ на движимость, такъ и на недвижимость. Съ другой стороны, исторія права постоянно выдвигаетъ впередъ то значеніе, какое семейный и родовой культъ имѣютъ въ сферѣ какъ вещнаго, такъ и наслѣдственнаго права. А если такъ, то всякая попытка представить эволюцію кровныхъ союзовъ, независимо отъ роста народныхъ вѣрованій, необходимо будетъ односторонней и неполной.

Въ большей или меньшей степени сказанное примѣнимо и къ такимъ вопросамъ, повидимому болѣе тѣсно стоящимъ къ экономіи, какъ происхожденіе и ростъ рабства. Если Nieboer, вслѣдъ за Лоріа и въ тѣсной зависимости отъ его ученія о роли свободныхъ къ занятію земель въ установленіи личной несвободы, удалось показать отношеніе, въ какомъ размноженіе числа невольниковъ стоитъ къ переходу отъ первобытныхъ промысловъ къ земледѣлію, то нельзя сказать, что этимъ еще выяснены были тѣ психическіе мотивы, которые дѣлаютъ немыслимымъ на первыхъ порахъ вся-

---

*) См. Die Verwandschaftsorganization der Australneger (1894 г.).

**) Обо всемъ этомъ болѣе подробно сказано въ моихъ лекціяхъ по Генетической Соціологіи и въ книгѣ объ общинномъ землевладѣніи.

кое представленіе о человѣческомъ достоинствѣ и прирожденной людямъ свободѣ. Въ условіяхъ родового быта и той религіозной исключительности, какая характеризуетъ собою общества, переживающія эту стадію развитія, необходимо искать на мой взглядъ объясненіе тому, что чужеродецъ считался долгое время не только врагомъ, но и существомъ отверженнымъ, а потому и безправнымъ.

Если въ обществахъ болѣе или менѣе первобытныхъ, отличающихся, какъ извѣстно, сравнительно меньшей сложностью отношеній, условія производства не обусловливаютъ собою всѣхъ сторонъ жизни, то можно судить, насколько натянутыми являются объясненія эпохъ новой и новѣйшей исторіи исключительно современнымъ имъ строемъ народнаго хозяйства. Едва ли кто въ этомъ отношеніи пошелъ далѣе самого Энгельса. При истолкованіи особенностей новой философіи съ эпохи Возрожденія критикъ Дюринга считаетъ возможнымъ ограничиться слѣдующимъ заявленіемъ: «Такъ какъ съ середины XV вѣка вся культура была продуктомъ городской жизни и слѣдовательно буржуазіи, то то же должно быть сказано и о возродившейся съ этого времени философіи. Существеннымъ содержаніемъ ея является философская передача того круга мыслей, который обусловливается трансформаціей мелкаго и средняго бюргерства въ крупную буржуазію» *).

Все, что Энгельсу пришлось говорить въ послѣдніе годы своей жизни противъ попытокъ свести исторію той или другой эпохи къ уравненію съ однимъ неизвѣстнымъ, которымъ былъ бы экономическій укладъ даннаго общества, вполнѣ приложимо къ только что приведенному отрывку. Послѣдователи Энгельса, въ томъ числѣ Каутскій и Бексъ, въ меньшей степени заслуживаютъ упрека въ односторонности, хотя бы уже потому, что задѣваемые ими вопросы по самой своей природѣ требовали прежде всего экономическаго объясненія. Таковы напримѣръ этюды перваго о коммунизмѣ въ центральной Европѣ въ эпоху реформаціи, а второго о состояніи нѣмецкаго общества въ концѣ среднихъ вѣковъ, и о крестьянскихъ войнахъ XVI вѣка.

Увлеченіе методомъ толкованія исторіи экономикой проникло далеко за предѣлы марксизма и раздѣляется писателями, болѣе или менѣе далекими отъ всякаго дѣятельнаго участія въ рядахъ рабочей партіи. Историкъ Лампрехтъ не только ломалъ не разъ

*) Ihr (der neuen Philosophie) Inhalt war wesentlich nur der philosophische Ausdruck des der Entwicklung des kleinen Mittelbürgerthums zur grossen Bourgeoisie entsprechenden Gedankens. (Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft, 1877).

копья въ пользу той мысли, что экономическое развитіе красною нитью проходитъ черезъ всю исторію нѣмецкаго народа и даетъ ключъ къ ея пониманію, но и представилъ быть можетъ наилучшій и во всякомъ случаѣ наиболѣе полный образецъ раскрытія экономическихъ причинъ міровыхъ событій. Полемика, вызванная его Deutsche Geschichte, раскрыла въ то же время все, что есть односторонняго въ такомъ пониманіи судебъ германской народности.

Но если въ самой родинѣ историческаго матеріализма предпринято пока сравнительно мало для выполненія выставленной имъ программы, то нигдѣ, какъ здѣсь, сдѣланы были наиболѣе серьезныя усилія объяснить его генезисъ, дать ему философское обоснованіе и указать тѣ границы, изъ которыхъ не должна выходить всякая научная попытка открыть отдаленныя экономическія причины для явленій психо-соціальныхъ. Горячая полемика съ марксизмомъ, образецъ которой представила намъ книга Массарика. смѣнилась болѣе объективнымъ къ нему отношеніемъ, какъ къ одному изъ важнѣйшихъ проявленій современной философской мысли. Едва ли кто въ этомъ отношеніи заслуживаетъ большихъ похвалъ, чѣмъ Вольтманъ. Его книга объ историческомъ матеріализмѣ, вышедшая въ Дюссельдорфѣ въ 1900 году, заслуживаетъ вниманія потому, что въ ней лучше, чѣмъ гдѣ-либо, установлена историческая филіація этой доктрины, и указана ея тѣсная связь со всѣмъ ходомъ развитія философской мысли въ Германіи, начиная отъ Канта. Теорія познанія послѣдняго, въ свою очередь возникшая не безъ вліянія шотландской философіи, показана лежащей въ основѣ историческаго матеріализма. У Гегеля его основатель Марксъ заимствовалъ одну діалектическую методу. Съ Фейербахомъ онъ сходится въ перенесеніи центра тяжести съ неба на землю, изъ области религіозно-философскихъ абсолютовъ въ область техники производства и обмѣна. Съ Дарвиномъ сближаетъ его пониманіе той роли, какую элементъ борьбы и соперничества играетъ въ выработкѣ болѣе сложныхъ типовъ. Но, въ отличіе отъ Дарвина, Марксъ предвидитъ конецъ борьбы и соперничества съ самымъ исчезновеніемъ классовъ въ недопускающемъ ихъ существованія уравненномъ коммунистическомъ обществѣ. Въ этомъ его такъ называемый научный соціализмъ возобновляетъ традицію тѣхъ утопій, изъ которыхъ Республика Платона является не только древнѣйшимъ, но быть можетъ и совершеннѣйшимъ образцомъ. Указывая на то, что Марксъ, вслѣдъ за Франклиномъ, признаетъ особенностью человѣка отъ животныхъ его способность создавать орудія для овладѣнія природой, Вольтманъ съ одобреніемъ го-

воритъ о недоведенной до конца попыткѣ Энгельса *) доказать, что и эта особенность—продуктъ вѣковыхъ усилій, вѣкового приспособленія къ окружающимъ условіямъ. Общее положеніе, что функція создаетъ свой органъ, объясняетъ намъ причину, по которой продолжительное примѣненіе труда повело въ концѣ концовъ и къ большей изощренности человѣческаго разума сравнительно съ инстинктомъ животныхъ, и къ большей гибкости человѣческой руки, позволяющей ей пользоваться внѣшними орудіями съ такой же свободой, съ какой животное связанными съ его тѣломъ органами. Въ заслугу Вольтману я готовъ поставить также и слѣдующее: при внимательномъ изученіи сочиненій Маркса онъ открылъ въ нихъ достаточно основаній для утвержденія, что измѣненіемъ техническихъ условій производства и обмѣна основатель доктрины историческаго матеріализма не исчерпалъ суммы явленій, обнимаемыхъ понятіемъ «экономическаго фактора». Подъ одинъ съ ними знаменатель подведены были Марксомъ условія почвы и климата, а ближайшимъ его сотрудникомъ Энгельсомъ и тотъ біо-соціальный факторъ, которымъ надо считать возрастающую густоту населенія **).

Экономическое объясненіе исторіи такимъ образомъ достаточно широко, чтобы не подводить исключительно къ измѣненію техники производства и росту обмѣна все то, что обнимается Марксомъ понятіемъ «надстроекъ», правовыхъ, политическихъ, религіозныхъ, этическихъ и эстетическихъ.

И все же Вольтманъ считаетъ его недостаточнымъ, доказывая съ полнымъ правомъ, что «физико-экономическія потребности и интересы не являются единственнымъ мотивомъ всякой сознательной дѣятельности, и что въ общественной жизни постепенно развиваются запросы и интересы высшаго порядка, корень которыхъ лежитъ въ стремленіи къ усовершенствованію самой человѣческой

---

*) Engels. Antheil der Arbeit an der Menschwerdung des Affen, сочиненіе, въ которомъ, между прочимъ, защищается слѣдующее положеніе: «Рука человѣка не только органъ, но и продуктъ его работы». См. Woltmann, стр. 341.

**) Von der mehr oder minder entwickelten Gestalt der gesellschaftlichen Production abgesehen bleibt die Productivität der Arbeit an Naturbedingungen gebunden, пишетъ Марксъ въ первомъ томѣ своего Капитала (стр. 523—524). Sie sind alle rückführbar auf die Natur des Menschen selbst, wie Rasse u. s. w. und die ihm umgebende Natur. Die äusseren Naturbedingungen zerfallen ökonomisch in zwei grosse Klassen, natürlichen Reichtum an Lebensmitteln, also Bodenfruchtbarkeit, fischreiche Gewässer u. s. w. und natürlichen Reichtum an Arbeitsmitteln, wie lebendige Wassergefälle, schiffbare Flüsse, Holz, Metalle, Kohle u. s. w. Значеніе біосоціальнаго фактора (роста населенія) указано Энгельсомъ при передачѣ взглядовъ Моргана и при изученіи древнѣйшей исторіи семьи.

природы (in der Tendenz der Gattungsvervollkomnung *)». Исторія нравственнаго развитія человѣчества показываетъ, говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своей книги, что надъ моралью классовъ возвышается другая высшая, основныя положенія которой вырабатываются прогрессивно въ прямомъ противорѣчіи съ нравственностью отдѣльныхъ расъ и экономическихъ группъ **). Не значитъ ли это то же, что признать расширеніе сферы человѣческой солидарности независимымъ отъ борьбы классовъ или точнѣе направленнымъ къ упраздненію какъ племенной вражды, такъ и экономической конкурренціи.

Преувеличеніемъ считаетъ Вольтманъ и ту мысль, что всѣ измѣненія въ умственной традиціи вызываются одними столкновеніями классовъ между собою. Необходимо признать, пишетъ онъ, относительную самодѣятельность въ развитіи идей (eine relative Selbstentwickelung der Ideen), которая только въ томъ смыслѣ связана съ экономическими условіями, что послѣднія представляютъ обратную сторону всякой духовной жизни ***).

Несомнѣнно, продолжаетъ онъ, что право, нравы, церковь, государство и т. д. обыкновенно являются пассивнымъ отраженіемъ экономическихъ классовыхъ отношеній. Но имѣются и высшія идеологіи въ области религіи, нравственности, философіи и искусства, которыя по степени ихъ самобытнаго развитія занимаютъ болѣе или менѣе выдающееся мѣсто въ исторіи, паря надъ классовыми интересами и классовой борьбою ****), такъ какъ единственной ихъ задачей является раскрытіе истины.

Марксъ обошелъ ихъ молчаніемъ потому, думаетъ Вольтманъ, что за исканіемъ особенностей отдѣльныхъ эпохъ, совершенно въ духѣ Гегеля, который каждую надѣлялъ своей «особой идеей», онъ за различіями въ экономической структурѣ и въ вызванныхъ ими надстройкахъ не увидѣлъ того, что имѣется между ними общаго. Въ погонѣ за различіями Марксъ не увидѣлъ единства, за складывающимся и образующимся онъ не отмѣтилъ уже сложившагося и существующаго *****).

Несмотря на всѣ эти оговорки, Вольтманъ, тѣмъ не менѣе, держится того взгляда, что свойственный марксистамъ методъ эконо-

---

*) Ibid., стр. 363 и стр. 383.

**) Ibid., стр. 378.

***) Ibid., стр. 387.

****) Ibid., стр. 387, 406 и 470.

*****) Упрекъ, сдѣланный всей Гегелевской философіи Фейрбахомъ и заслуженный, по мнѣнію Вольтмана, и матеріалистической діалектикой Маркса (ibid., стр. 388).

мическаго матеріализма призванъ пролить большой свѣтъ на исторію духовнаго и нравственнаго развитія человѣчества. Такъ какъ трудъ составляетъ вѣчное условіе всякой человѣческой дѣятельности и всякаго человѣческаго мышленія, то матеріалистическому объясненію исторіи открывается возможность раскрыть внутреннюю связь между различными стадіями и формами въ развитіи труда, съ одной стороны, и измѣнчивымъ, смотря по эпохамъ, человѣческимъ мышленіемъ и хотѣніемъ *), съ другой.

Такимъ же, какъ Вольтманъ, благожелательнымъ критикомъ экономическаго объясненія исторіи является Зелигманъ, нѣмецкій экономистъ, призванный къ профессорской дѣятельности въ Нью-Іоркѣ. Его брошюра, при всей ея сжатости, можетъ быть признана довольно полнымъ обзоромъ исторической эволюціи разбираемой нами доктрины. Во второй критической части своего сочиненія Зелигманъ вооружается противъ мысли, что «теорія соціологическаго воздѣйствія экономической среды можетъ считаться фаталистической» **). Біологи, пишетъ онъ, учатъ насъ, что обособленіе видовъ — причина всякаго прогресса, но что при наиболѣе успѣшныхъ варіаціяхъ удаленіе отъ первоначальнаго типа не переходитъ за границы весьма скромнаго процента. Въ человѣческой расѣ великіе люди являются такими крайними предѣлами удачныхъ варіацій. Отъ ихъ появленія нерѣдко зависитъ поступательный ходъ человѣчества. Но большинство тѣхъ чертъ, изъ которыхъ слагается обликъ великаго человѣка, тѣ же, какія присущи обществу, въ которомъ онъ живетъ. Тотъ или другой человѣкъ великъ только потому, что въ состояніи обнять своимъ взоромъ вѣрнѣе другихъ основные запросы своего времени и своей среды, только потому, что онъ лучше кого другого отражаетъ въ себѣ дѣйствительный духъ своей эпохи.

Въ виду сказаннаго, Зелигманъ ***) считаетъ неправильной ту точку зрѣнія, по которой теорія воздѣйствія среды, въ частности среды экономической, можетъ считаться отрицающей роль личности въ исторіи. Названіе ея во Франціи терминомъ экономическаго детерминизма кажется ему поэтому какъ нельзя болѣе неудачнымъ. Она самое большее только сводитъ къ разумнымъ границамъ роль великихъ людей въ исторіи, указывая, что они могутъ вызывать прогрессивныя теченія въ обществѣ лишь настолько, насколько имъ удается представить предлагаемыя ими новшества отвѣчаю-

*) Ibid., стр. 403.

**) The economic interpretation of history, стр. 99.

***) Въ примѣчаніи авторъ призываетъ вниманіе читателей на книгу Одина, проф. въ Софіи, въ которой систематически проведена эта точка зрѣнія (Génèse des Grands hommes 1895 г.).

щими условіямъ среды и ея завѣтнымъ желаніямъ. Такимъ образомъ условія среды въ концѣ концовъ все-таки опредѣляютъ въ каждый данный моментъ поступательный ходъ общественнаго мышленія. Хотя исторія и дѣлается людьми, но и люди въ свою очередь продуктъ исторіи, т. е. измѣняющихся условій среды, въ томъ числѣ и экономической обстановки *).

Изъ всѣхъ возраженій, представленныхъ противъ доктрины Маркса и Энгельса, Зелигманъ наиболѣе серьезнымъ признаетъ «игнорированіе ею въ исторіи этическихъ и духовныхъ факторовъ».

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи и это возраженіе кажется ему менѣе вѣскимъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Вѣдь не можетъ быть высказываемо сомнѣнія въ томъ, что и нравственность продуктъ общественный. Дѣйствія, признаваемыя нами моральными, имѣютъ въ источникѣ общественную санкцію. Понятіе грѣха или безнравственности—не первичное, а производное; ему предшествуетъ понятіе о матеріальномъ вредѣ, причиняемомъ извѣстнымъ дѣйствіемъ или поведеніемъ. А если такъ, то всякая нравственность имѣетъ своимъ источникомъ защиту общественныхъ интересовъ; вотъ почему и греки, и римляне, и германцы обозначали или обозначаютъ нравственность тѣмъ самымъ терминомъ, который первоначально служилъ для выраженія сложившагося въ обществѣ обычая **) Разъ общественные интересы вліяютъ на признаніе тѣхъ или другихъ человѣческихъ поступковъ добрыми или злыми, само понятіе добра и зла должно быть разсматриваемо, какъ продуктъ общественный (a social product). Но въ числѣ ***) общественныхъ факторовъ, вызвавшихъ его къ жизни, экономическимъ принадлежитъ первое мѣсто. Самъ языкъ свидѣтельствуетъ объ этомъ. Терминъ дорогой одинаково на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ означалъ сперва понятіе чего-то цѣннаго, а потомъ уже лю-

*) Стр. 100 и 101.

**) Такъ sittlich происходитъ отъ Sitte—обычай, и то же расширеніе понятія лежитъ въ обозначеніи нравственныхъ дѣйствій этическими или моральными у грековъ и римлянъ (ibid., стр. 118).

***) Любопытно отмѣтить совпаденіе этой точки зрѣнія съ тою, какую проводитъ E. de Roberty въ своихъ этюдахъ о нравственности, въ частности въ томъ, который озаглавленъ «Добро и Зло», Зелигману это сочиненіе, однако, осталось неизвѣстнымъ, и я не нашелъ у него ни одной цитаты изъ философскихъ трудовъ нашего соотечественника. А между тѣмъ въ нихъ можетъ быть лучше, чѣмъ гдѣ либо, проведено современное воззрѣніе на нравственность, какъ на «соціальный продуктъ». За то Зелигману извѣстно классическое разсужденіе Іеринга о цѣли въ правѣ, изъ котораго онъ и заимствуетъ свою основную точку зрѣнія, а также новѣйшій трудъ Сузерланда о происхожденіи и ростѣ нравственнаго инстинкта. (См. Зелигманъ, стр. 123, примѣчаніе).

безнаго нашему сердцу. Глаголъ aestimare—давать высокую нравственную оцѣнку—происходитъ также отъ существительнаго aes,—означающаго собою деньги. Все это вмѣстѣ взятое указываетъ на то, что «матеріальное предшествуетъ нравственному». «Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, если матеріальныя условія общества, понятыя въ самомъ широкомъ смыслѣ, постоянно измѣняютъ собою наши нравственныя представленія» *).

Безъ этого нельзя было бы понять, почему рабство долгое время не встрѣчало нравственнаго осужденія, а право кровной мести не только не отрицалось закономъ, но долгое время являлось вынуждаемой обычаемъ обязанностью. Экономическая интерпретація исторіи въ глазахъ Зелигмана не отрицаетъ значенія этическихъ и идейныхъ факторовъ въ исторіи. Она только показываетъ намъ, что въ матеріальныхъ условіяхъ даннаго общества надо искать причинъ успѣха или неуспѣха той или другой нравственной или умственной проповѣди того или другого прогрессивнаго новшества. Въ моментъ перехода отъ одного общественнаго уклада къ другому, реформатору легче оказать на общество воздѣйствіе въ желательномъ для него смыслѣ. Разъ общественныя условія не созрѣли для перемѣны, запросы, поставленные реформаторомъ, останутся неуслышанными.

Авторъ очевидно понимаетъ экономическія условія въ самомъ широкомъ смыслѣ и говоритъ скорѣе о содѣйствіи или противодѣйствіи среды личнымъ начинаніямъ, чѣмъ о роли, какую перемѣна въ техникѣ производства и обмѣна можетъ оказать на ростъ умственныхъ и нравственныхъ понятій.

Роли среды не отрицаетъ по всей вѣроятности ни одинъ изъ современныхъ соціологовъ, какъ бы высоко онъ ни цѣнилъ вліянія психическихъ факторовъ. Самъ Тардъ съ своимъ ученіемъ о взаимодѣйствіи открытія и подражанія не прочь признать, что давленіе среды обусловливаетъ собою необходимость приспособленія (adoptation), т. е. того второстепеннаго творчества, при которомъ новшество можетъ сдѣлаться общественнымъ достояніемъ, изъ индивидуальнаго сознанія проникнуть въ сознаніе народныхъ массъ. Такимъ образомъ, защищая экономическую интерпретацію исторіи отъ упрека въ недостаточномъ признаніи ею духовныхъ факторовъ, Зелигманъ, по моему, совершенно ошибочно замѣняетъ крайне широкимъ понятіемъ общественной среды весьма опредѣленное и конкретное представленіе марксистовъ о всеопредѣляющей роли условій производства и обмѣна на всѣ прочія стороны народной жизни. Я не

*) Ibid., стр. 127.

могу поэтому признать, что своей аргументаціей онъ доказалъ несправедливость того мнѣнія, по которому «экономическое объясненіе исторіи грѣшитъ подчиненіемъ нравственнаго уклада общества его экономическому укладу» *).

Изъ дальнѣйшаго развитія авторомъ его взглядовъ можно однако прійти къ тому заключенію, что самъ онъ скорѣе сторонникъ той мысли, что «весь человѣческій прогрессъ въ корнѣ своемъ прогрессъ умственный» **).

Но если такъ, то за экономической интерпретаціей исторіи можно признать только ту заслугу, что она указываетъ на «соціальныя условія», какъ на факторы, опредѣляющіе собою работу человѣческой мысли ***).

Г-нъ Зелигманъ не желаетъ однако признать, что починъ всегда принадлежитъ фактору экономическому, и думаетъ, что самъ Марксъ не имѣлъ въ виду сказать этого въ своемъ знаменитомъ афоризмѣ: «Не сознаніе человѣчества опредѣляетъ его бытъ, а наоборотъ, этотъ послѣдній опредѣляетъ собою сознаніе людей» (предисловіе къ «Критикѣ политической экономіи» *).

Съ этимъ очевидно согласиться мудрено, какъ невозможно также признать характеръ простыхъ преувеличеній за всѣмъ тѣмъ, что было сказано послѣдователями доктрины въ пользу пріоритета экономическихъ измѣненій. Возьмемъ для примѣра хотя бы то, что г-нъ Келлесъ-Краусъ говоритъ о вліяніи экономическаго фактора на развитіе музыки. Онъ видитъ доказательство своему положенію въ томъ, что въ средніе вѣка музыка была по преимуществу церковной; церковь же была однимъ изъ главныхъ производителей. Съ развитіемъ цеховъ и рабочихъ товариществъ, фактомъ по природѣ своей экономическаго характера, Нюрнбергскіе и другіе Meistersänger вводятъ новые мотивы «скучные и педантичные» потому, что «тѣсные предѣлы экономической организаціи мѣшали мастерамъ создать музыку высшаго порядка» (?). Реформація, экономическія причины которой доказаны якобы Каутскимъ, указавшимъ на эксплоатацію папскимъ дворомъ Германскаго сѣвера, что и вызвало отпаденіе Лютера и другихъ новаторовъ, знаме-

*) The economic interpretation of history in the reasonable and moderate sense of the term does not for a moment subordinate the ethical life to the economic life. (Стр. 133).

**) All human progress is at bottom mental progress; all changes must go through the human mind. There is thus an undoubted psychological basis for all human evolution (ibid., стр. 148).

***) Ibid., стр. 148.

****) Ibid. стр. 149.

нуть собою поворотный моментъ въ развитіи музыки, «такъ какъ съ нею связанъ переходъ отъ контрапункта къ гармоніи, представлявшей меньшія трудности въ исполненіи и потому доступной толпѣ молящихся, ранѣе реформаціи не принимавшей участія въ пѣніи». Роскошь и тщеславіе дворовъ въ свою очередь объясняютъ собою «появленіе тщеславнаго искусства солистовъ-виртуозовъ, отъ котораго происходитъ вырожденіе оперы». Исчезновеніе въ XVIII вѣкѣ спокойствія и сладости, приданной музыкѣ Палестриной, стоитъ въ причинной связи съ развитіемъ капитализма и вызванными имъ столкновеніями классовъ. Введеніе «фуги» второй венеціанской школой также разсматривается какъ «музыкальное отраженіе страстныхъ общественныхъ битвъ». Ко всему этому Келлесъ-Краусъ прибавляетъ соображенія о любви Бетховена къ французской революціи, о возможности привесть въ соотвѣтствіе музыку Шопена и Шуберта съ разочарованіемъ, порожденнымъ временнымъ торжествомъ реакціи, наконецъ о близости Вагнера къ переворотамъ, пережитымъ Европой въ 1848 году.

Если въ только что резюмированномъ отрывкѣ авторъ не прочь видѣть нѣчто въ родѣ общей формулы эволюціи музыки подъ вліяніемъ экономическаго фактора, то для убѣжденія читателя на отдѣльныхъ примѣрахъ въ силѣ своей доктрины, г. Келлесъ-Краусъ не брезгаетъ и такими аргументами, какъ слѣдующій: Чехъ Маретъ при царицѣ Елизаветѣ Петровнѣ счелъ возможнымъ устроить изъ крестьянъ оркестръ, въ которомъ каждому поручено было играть на рожкѣ одинъ только тонъ. Такъ какъ это происходило при крѣпостномъ правѣ, то авторъ пресерьезно считаетъ возможнымъ поставить эти два факта въ отношенія причины и слѣдствія.

Такъ какъ музыка не обходится безъ инструментовъ, а развитіе послѣднихъ зависитъ отъ успѣховъ техники, то г. Келлесъ-Краусъ и въ этомъ обстоятельствѣ видитъ подтвержденіе защищаемой имъ теоріи. Охотничій рожокъ очевидно могъ возникнуть въ эпоху первобытныхъ промысловъ, а струнные инструменты не ранѣе доместикаціи животныхъ *).

Аргументація исчерпана, и читателю остается только въ недоумѣніи спросить себя, неужели во всемъ этомъ можно найти хотя бы тѣнь научнаго изученія явленій? Вѣдь, если церковь, цехи и, прибавимъ отъ себя, феодальныя помѣстья, рядомъ съ имперскими и княжескими дворами, были средоточіями развитія музыки въ средніе вѣка въ такой же мѣрѣ, какъ и прочихъ искусствъ, въ

---

*) См. Influences du facteur économique sur la musique. (Annales de l'Institut de sociologie, 1903 г. стр. 305—321).

томъ числѣ поэзіи и драмы, то еще нужно доказать, что ихъ воздѣйствіе вызывалось именно ихъ ролью производителей экономическихъ цѣнностей. Но этого не сдѣлано, да и не могло быть сдѣлано. Если Лютеръ содѣйствовалъ замѣнѣ контрапункта гармоніей, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что такая замѣна стоитъ въ причинной связи съ пережитымъ въ эпоху реформаціи экономическимъ переворотомъ, если только вообще можетъ итти рѣчь о послѣднемъ. Но всего фантастичнѣе кажется мнѣ сближеніе между введеніемъ фуги въ музыкальныя сочиненія и успѣхами капитализма съ сопровождающей его классовой борьбой, или еще между меланхоліей Шопена и Шуберта и временнымъ торжествомъ контръ-революціи.

Очевидно во всемъ этомъ очень мало серьезнаго. Все, что автору удается доказать, это—связь всякаго новшества, а въ томъ числѣ и музыкальнаго, съ общественной средою, его успѣшность, или неуспѣшность, смотря по тому, какъ относится къ его воспріятію эта среда. Но среда не можетъ быть сведена къ дѣйствію одного экономическаго фактора. Оба понятія не покрываютъ взаимно другъ друга, а состоятъ въ отношеніи цѣлаго къ части.

Изъ сообщеній Келлесъ-Крауса я узнаю, что попытки, однохарактерныя съ его собственной, сдѣланы были съ цѣлью доказать параллельный ростъ пластическихъ искусствъ и новой философіи, съ одной стороны, и измѣненій въ условіяхъ производства, съ другой. Эти попытки обогатили насъ повидимому такими напримѣръ обобщеніями: философія Гартмана обязана своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что германская буржуазія теряетъ все болѣе и болѣе свое классовое сознаніе *); портретная живопись развивается съ момента размноженія богатыхъ буржуазныхъ семей, способныхъ оплачивать трудъ артистовъ. Послѣднее заявленіе хотя и напоминаетъ собою истины г-на Лапаллиса, тѣмъ не менѣе едва ли поколеблетъ увѣренность, что упадокъ религіознаго чувства и секуляризація общественной жизни лежатъ въ основѣ перенесенія интереса живописцевъ съ сюжетовъ церковной исторіи на свѣтскіе, т. е. объясняетъ собою въ равной мѣрѣ развитіе какъ жанровой, такъ и портретной живописи **). Экономическій матеріализмъ въ этомъ отношеніи едва ли что въ состояніи прибавить къ тому пониманію взаимодѣйствія художника и среды, которое такъ наглядно выступаетъ и изъ сочиненія Мутера о развитіи живописи въ

---

*) Abr. Eleutheropoulos. Wirthschaft und Philosophie 1900 — 1 г., т. II. Philosophie der germanisch romanischen Völker auf Grund der gesellschaftlichen Zustände.

**) Carl Kinderman. Volkswirthschaft und Kunst.

XIX столѣтіи, и изъ книгъ Брандеса о важнѣйшихъ теченіяхъ въ области литературной исторіи того же вѣка.

Считать ли послѣ этого, вмѣстѣ съ Зелигманомъ, всѣ такія попытки обособленія отъ всей массы общественныхъ условій одной техники производства, съ цѣлью привести ее въ причинную связь съ современнымъ ей состояніемъ того или другого искусства, за простое злоупотребленіе методомъ экономическаго объясненія исторіи, или видѣть въ этомъ опытъ фактическаго обоснованія мысли Маркса о надстройкахъ культурнаго характера къ экономическому базису? Я думаю, что послѣднее будетъ вѣрнѣе. Самая неуспѣшность всѣхъ подобныхъ толкованій только доказываетъ справедливость той критики, которую одинъ изъ творцовъ марксизма Энгельсъ прекрасно формулировалъ, говоря: нельзя сводить исторіи той или другой эпохи къ рѣшенію уравненія съ одной неизвѣстной. А если такъ, то намъ придется согласиться и съ тѣмъ общимъ заключеніемъ, какое Зелигманъ дѣлаетъ по отношенію къ теоріи экономическаго объясненія исторіи. За нею надо признать ту заслугу, что она приковала вниманіе историковъ къ выясненію нѣкоторыхъ важнѣйшихъ факторовъ въ развитіи человѣчества; но въ то же время ей нужно отказать въ роли универсальнаго истолкователя нашихъ прошлыхъ судебъ *).

Слѣдуетъ прибавить, однако, что это заключеніе довольно странно звучитъ въ устахъ человѣка, старавшагося выгородить самую доктрину отъ обвиненія въ искусственномъ подчиненіи ею психологическаго фактора экономическому. Но оно совершенно отвѣчаетъ воззрѣнію тѣхъ, кто, вслѣдъ за Контомъ, признаетъ крайнюю сложность общественной жизни и постоянное взаимо и противодѣйствіе массы причинъ, которыя потому уже нельзя назвать факторами, что онѣ одновременно и слѣдствіе и источникъ происходящихъ въ обществѣ процессовъ.

---

*) Seligman, глава VI, стр. 165 и 159. Въ послѣдней мы читаемъ: It may be confessed, that the theory, especialy in its extreme form, is no longer tenable as the universal explanation of all human life.

ОТДѢЛЪ IV.

Школы антропо - соціологическая и географическая.

ГЛАВА VIII.

Антропо-соціологическая школа и ея критикъ Вакаро.

§ 1.

Въ числѣ направленій современной соціологіи выдающееся мѣсто занимаетъ такъ называемое антропо-соціологическое. Подобно тому, какъ одни писатели заимствуютъ основныя посылки своего абстрактнаго ученія объ обществѣ изъ біологіи, а другіе изъ психологіи, такъ точно Гобино *), а за нимъ цѣлый рядъ антропологовъ и статистиковъ сочли возможнымъ избрать фундаментомъ для своихъ соціологическихъ построеній спорную еще гипотезу о преимуществахъ не только физическаго, но и психическаго строенія высокихъ, бѣлокурыхъ, голубоглазыхъ долихоцефаловъ надъ черноволосыми брахоцефалами, а также надъ уцѣлѣвшими остатками болѣе раннихъ насельниковъ Европы и Америки. Гобино выступилъ съ ученіемъ о расѣ въ антропологическомъ смыслѣ, какъ о важнѣйшемъ факторѣ исторіи. Онъ ставилъ вырожденіе и гибель народовъ въ зависимость отъ исчезновенія въ нихъ элементовъ высшей антропологической породы. Научное или quasi-научное обоснованіе этимъ взглядамъ даетъ Лапужъ въ рядѣ сочиненій, посвященныхъ главнымъ образомъ антропологіи, но задѣвающихъ и основныя соціальныя проблемы. Эти сочиненія появлялись сначала въ формѣ статей въ «Журналѣ парижскаго антропологическаго общества», а затѣмъ вышли книгой подъ названіемъ: «Соціальные Подборы». Позднѣе тѣмъ-же авторомъ написана книга подъ заглавіемъ

*) Essai sur l'inegalité des races humaines. Paris. 1854 г. 4 тома.

«Аріецъ». Независимо отъ этихъ двухъ главныхъ работъ, Лапужъ не разъ высказывалъ свои основные взгляды въ статьяхъ, печатаемыхъ имъ между прочимъ въ Международномъ журналѣ Соціологіи, издаваемомъ Вормсомъ *).

Мы далеки, разумѣется, отъ мысли дать въ настоящее время сколько-нибудь подробный анализъ трудовъ, покрывающихъ собою сотни страницъ и повидимому всецѣло поглотившихъ собою время ихъ автора. Намъ необходимо познакомить читателя только съ основными положеніями школы, которая ставитъ общественный укладъ въ зависимость отъ неравенства способностей отдѣльныхъ расъ и необходимаго поэтому подчиненія однѣхъ расъ другимъ. Авторъ справедливо настаиваетъ на различіи въ пониманіи термина «раса» филологами и антропологами. Для филологовъ границы расы совпадаютъ съ границами языка, для антропологовъ-же раса означаетъ совокупность индивидовъ, надѣленныхъ сообща извѣстнымъ наслѣдственнымъ типомъ. Ея источникъ чисто зоологическій; члены одной расы могутъ говорить разными языками, и наоборотъ разныя расы могутъ имѣть одинъ языкъ. Такъ жители Оверни, Савояры и насельники Вогезъ, будучи одинаково брахоцефалами, т. е. круглоголовыми, говорятъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ съ долихоцефалами или долго-головыми сѣверной и южной Франціи, и разно съ брахоцефалами Бадена, Пьемонта, Албаніи, Польши и т. д. Возраженіе, что чистыя расы намъ неизвѣстны, не смущаетъ Лапужа. Пока въ расѣ примѣсь ничтожна, замѣчаетъ онъ, мы можемъ говорить о ея чистотѣ въ такой-же мѣрѣ, въ какой химики говорятъ о чистотѣ употребляемыхъ ими въ лабораторіяхъ простыхъ тѣлъ, хотя имъ хорошо извѣстно, что и въ этихъ тѣлахъ имѣются посторонніе элементы. Расовыя особенности передаются по наслѣдству одинаково отъ отца и матери, отъ предковъ отцовскихъ и материнскихъ. Нашъ авторъ признаетъ за англичаниномъ Гальтономъ заслугу установленія того положенія, что каждый изъ названныхъ четырехъ источниковъ вліяетъ въ равной мѣрѣ, т. е. любой на одну четверть, на сложеніе физическаго и психическаго типа молодого поколѣнія **). Насколько можетъ быть признана за Гальтономъ эта заслуга, мы рѣшить не беремся. Какъ убѣжденный дарвинистъ, Лапужъ не смущается сомнѣніями, высказанными Вейсманомъ, и допускаетъ, какъ общее правило, передачу не только фи-

*) Первое сочиненіе подъ названіемъ: Les sélections sociales появилось въ Парижѣ въ 1896 г., второе—L'aryen, son role social, тремя годами позже въ томъ-же Парижѣ.

**) Sélections naturelles, стр. 51.

зическихъ, но и психическихъ способностей *). Путемъ антропометрики, приложенной по возможности къ значительнымъ группамъ лицъ разныхъ сословій, классовъ и уровней образованія, а также путемъ сопоставленія добытыхъ такимъ образомъ положеній съ измѣреніями череповъ, сдѣланными въ могильникахъ одной и той-же эпохи и принадлежащихъ къ мѣстамъ погребенія отдѣльно высшаго сословія, отдѣльно средняго и низшаго, Лапужъ считаетъ возможнымъ прити къ слѣдующему заключенію: въ средѣ аристократіи долихоцефализмъ болѣе распространенъ, чѣмъ въ средѣ простонародья; горожане даютъ большій процентъ долихоцефаловъ, чѣмъ поселяне; въ XVIII столѣтіи, т. е. на разстояніи всего одного вѣка, долихоцефализмъ господствовалъ въ большей мѣрѣ въ средѣ высшаго сословія, чѣмъ нынѣ.

Все значеніе этихъ положеній выступаетъ изъ слѣдующаго опредѣленія, даваемаго тѣмъ-же Лапужемъ психическому характеру долихоцефаловъ сравнительно съ брахоцефалами. Онъ утверждаетъ, не приводя однако достаточныхъ данныхъ въ подкрѣпленіе этой мысли, что брахоцефалъ миренъ, трудолюбивъ, интеллигентенъ, но лишенъ инціативы. Онъ ограниченъ въ своемъ кругозорѣ, любитъ однообразіе и рутину и потому уже враждебенъ прогрессу. Брахоцефаломъ легко руководить; онъ всегда былъ прирожденнымъ слугою арійцевъ и семитовъ. Что-же касается до долихоцефала, который для Лапужа то же, что аріецъ, то онъ мятеженъ, любитъ равенство, предпріимчивъ, и его способности достигаютъ степени таланта въ томъ случаѣ, когда онъ надѣленъ разумомъ. При такой характеристикѣ немудрено, если торжество брахоцефализма надъ долихоцефализмомъ грозитъ остановкой прогресса и господствомъ рутины. Такія соображенія имѣли бы силу, если бы было доказано, что долихоцефалы дѣйствительно образуютъ изъ себя расу,—положеніе, оспариваемое въ лагерѣ самихъ антропологовъ, а также если-бы только что перечисленныя психическія особенности дѣйствительно составляли ихъ счастливый удѣлъ, и въ числѣ свойствъ, признаваемыхъ за брахоцефалами, не имѣлось, по сознанію самого Лапужа, двухъ качествъ—интеллигентности, соединенной съ трудолюбіемъ, и миролюбивыхъ наклонностей. Протестуя противъ произвольнаго включенія его въ число послѣдователей антропо-соціологіи, Фулье справедливо замѣчаетъ, что нельзя основать исторической и политической теоріи на столь неточныхъ данныхъ, какъ бо́льшая энергія долихоцефаловъ, неотступающая отъ насилія, бо́льшая ихъ подвижность, предпріимчивость и склонность къ откры-

*) См. Sélections naturelles, стр. 48—50.

тіямъ *). Разумѣется, такія соображенія не имѣютъ вѣса въ глазахъ человѣка, который, какъ Лапужъ, думаетъ, что вся исторія сводится къ борьбѣ брахоцефаловъ съ долихоцефалами **). Въ ней долгое время побѣда была на сторонѣ послѣднихъ, но въ настоящее время обстоятельства сложились неблагопріятно для долихоцефаловъ. Брахоцефалы, пишетъ Лапужъ, почти совершенно устранили изъ состава населенія европейскую кровь—читай долихоцефаловъ. Изъ вѣка въ вѣкъ, начиная съ новаго времени, раса, отличающаяся рабскими свойствами, беретъ перевѣсъ надъ остальными; на однихъ британскихъ островахъ сохранился физическій типъ и характеръ первыхъ арійскихъ обитателей Европы. Брахоцефалы устраняютъ собою высшія расы благодаря самой своей посредственности. Торжество ихъ объясняется также тѣмъ, что изсякли тѣ резервуары, которые въ древности посылали новые потоки арійской крови народамъ, вошедшимъ въ періодъ упадка. Съ другой стороны, изъ самой Европы постоянно уходятъ на новые материки цѣлыя вѣтви долихоцефаловъ. Геній арійца, чтобы говорить языкомъ толпы, прибавляетъ нашъ писатель, все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто генію туранца ***). Но такъ какъ судьбы народовъ стоятъ въ тѣсной связи съ худшимъ или лучшимъ качествомъ составляющихъ ихъ и руководящихъ ими элементовъ, то изъ этого слѣдуетъ, что указанный фактъ далеко не безразличенъ для нашихъ дальнѣйшихъ судебъ. Историческое превосходство расы зависитъ не столько отъ разума, сколько отъ характера лицъ, къ ней принадлежащихъ. Торжество энергическаго темперамента не можетъ быть обезпечено безъ помощи разума; наличность же одного послѣдняго дѣлаетъ людей годными только къ подчиненной роли. Все падаетъ когда отсутствуетъ высшее начальство и руководительство... Жизнен-

*) Revue internationale de Sociologie, май, 1898 г., стр. 364.

**) Лапужъ различаетъ двоякаго рода долихоцефаловъ: долихоцефаловъ—блондиновъ, распространенныхъ по преимуществу въ скандинавскомъ мірѣ въ англо-саксонскихъ странахъ, въ Германіи и сѣверной Франціи, и долихоцефаловъ—брюнетовъ, въ средиземноморскихъ странахъ, т. е. въ южной Франціи и сѣверной Италіи. Въ составъ брахоцефаловъ входятъ не одни потомки туранскихъ насельниковъ Европы до прихода арійцевъ, такъ называемыхъ homines alpini, въ противоположность homines europaei, но и позднѣйшіе пришельцы кельто-славянскаго происхожденія. Въ совокупности съ туранцами и нѣкоторыми другими менѣе численно представленными антропологическими типами, напримѣръ homo acroganus во Франціи, они и составляютъ главный стволъ европейскаго населенія, постоянно растущій по мѣрѣ удаленія отъ Запада къ Востоку. Чтобы упростить дѣло, мы не будемъ входить во всѣ эти подробности, довольствуясь противуположеніемъ главнаго контингента блондиновъ долихоцефаловъ нерасчлененной массѣ круглоголовыхъ.

***) Стр. 67.

ность, практическій смыслъ, политическій идеализмъ, энергія въ исполненіи болѣе или менѣе присущи народу, смотря потому, въ рукахъ какихъ этническихъ элементовъ сосредоточивается власть; а если такъ, то изъ всего этого слѣдуетъ, что фактору расы принадлежитъ первенство и надъ факторомъ географическимъ, и надъ факторомъ историческимъ (стр. 58—59). Съ этой точки зрѣнія Лапужъ объясняетъ упадокъ Греціи и Рима исчезновеніемъ въ нихъ долихоцефаловъ. Завоеватели Восточной Имперіи также брахоцефалы турки. И внутренняя политика, по мнѣнію Лапужа, зависитъ отъ перемѣщенія власти изъ рукъ долихоцефаловъ въ руки брахоцефаловъ. Въ тотъ день, пишетъ онъ, когда арійская аристократія квиритовъ принуждена была отступить передъ простонародьемъ, составленнымъ изъ брахоцефаловъ, положенъ былъ конецъ римской свободѣ и самой чести римскаго имени. Морскую и колоніальную политику, которой Англія обязана завоеваніемъ доброй части земного шара, Лапужъ всецѣло приписываетъ дѣятельности долихоцефаловъ блондиновъ, извѣстныхъ подъ именемъ англо-саксовъ и англо-скандинавовъ. Торжество Рима надъ Галліей не имѣетъ, согласно ему, другого источника, кромѣ истребленія Цезаремъ мѣстной аристократіи долихоцефалическаго типа. Крестовые походы, поведшіе къ гибели множества долихоцефаловъ, открываютъ брахоцефаламъ возможность быстраго размноженія, а это ведетъ къ совершенному измѣненію прежней политики. Со времени революціи власть переходитъ въ руки буржуазіи, которая по типу своего черепа болѣе приближается къ брахоцефалической черни, чѣмъ къ долихоцефалической аристократіи. Направленіе внутренней политики снова мѣняется. Самая полная анархія постепенно пріобрѣтаетъ господство. Она одержала нынѣ окончательную побѣду, благодаря допущенію къ власти новыхъ общественныхъ слоевъ, отличающихся еще въ большей степени, чѣмъ прежніе, признаками брахоцефализма (стр. 74 и 75). Выводя законы эволюціи человѣчества, Лапужъ утверждаетъ, что народъ историческій не можетъ зародиться иначе, какъ подъ условіемъ наличности въ немъ высшихъ этническихъ элементовъ, способныхъ руководить массами и увлекать ихъ за собою. Эти этническіе элементы поставлялись обыкновенно въ древности и въ средніе вѣка завоевательными племенами. Но условіемъ ихъ появленія можетъ быть и мирное поселеніе. Періодъ развитія народа тотъ, когда эти высшіе элементы, размножившись, принимаютъ на себя веденіе дѣлъ, когда каждой расѣ, сообразно ея способностямъ, поручается, одной—забота объ управленіи, другой—веденіе войны, третьей—исполненіе физическихъ работъ и т. д. Періодъ полнаго расцвѣта вызывается полнымъ торжествомъ высшихъ этническихъ

элементовъ, а исторія паденія идетъ съ момента ихъ ослабленія, наглядно выступающаго въ раздѣлѣ ими власти съ низшими этническими элементами. Конецъ-же историческому существованію націи наступаетъ съ совершеннымъ истощеніемъ высшихъ этническихъ пластовъ (стр. 77).

Въ рядѣ главъ, посвященныхъ подборамъ, военному, политическому, экономическому, религіозному, нравственному и юридическому, Лапужъ пытается доказать, что устраненіе долихоцефаловъ брахоцефалами зависѣло въ гораздо большей степени отъ культурно-историческихъ причинъ, нежели отъ причинъ естественныхъ; такъ, онъ настаиваетъ, напримѣръ, на той мысли, что облагораживанія, производимыя съ фискальною цѣлью Людовикомъ XIV и Людовикомъ XV, содѣйствовали введенію въ составъ высшихъ сословій массы брахоцефаловъ. Стоитъ, говоритъ онъ, сравнить портреты эпохи Возрожденія съ портретами XVII-го вѣка, чтобы убѣдиться въ начавшейся замѣнѣ длинныхъ и гордыхъ головъ XVI вѣка короткими и круглыми черепами съ широкими, выпуклыми и уходящими назадъ лбами, этими вѣрными признаками брахоцефализма. Но мы находимся еще въ это время въ началѣ его завоевательнаго хода. Отнеситесь внимательно къ составу любого изъ нашихъ современныхъ политическихъ собраній, и вы несомнѣнно вынесете впечатлѣніе, что брахоцефалы преобладаютъ въ немъ численно (стр. 252). Однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ, обезпечившихъ торжество брахоцефализму, по мнѣнію Лапужа, надо считать обязательное безбрачіе католическаго духовенства.

Древность не страдала отъ такого вида искусственнаго подбора. Нельзя сказать этого, однако, о буддизмѣ, который въ Индіи почти исчезъ, будто-бы благодаря чудовищному развитію въ немъ аскетизма и воздержанія отъ брачнаго общенія. Но нигдѣ вліяніе искусственнаго подбора, создаваемаго церковными запретами, не даетъ себя чувствовать въ большей степени, чѣмъ въ католическомъ мірѣ (стр. 266).

Брахоцефализмъ особенно силенъ, утверждаетъ Лапужъ, тамъ, гдѣ существуетъ безбрачіе духовенства. Если прибавить къ нему религіозныя преслѣдованія, изгнаніе евреевъ, мавровъ и такъ называемыхъ нео-христіанъ, которыхъ одинъ Филиппъ III удалилъ болѣе милліона, то немудрено будетъ понять причину, по которой въ Испаніи, изнуренной одновременно инквизиціей, благодаря брахоцефализму, господствуетъ теперь лѣнь и невѣжество, умственная узость и отсутствіе здраваго сужденія (стр. 288). Очевидно, что тѣ же причины вліяли, не въ одинаковой только степени, и на со-

кращеніе числа долихоцефаловъ во Франціи. Отмѣна Нантскаго эдикта о вѣротерпимости одна лишила Францію при Людовикѣ XIV 700 тысячъ жителей, между которыми было не мало членовъ гугенотскаго дворянства, а также городскихъ промышленниковъ и торговцевъ, т. е. по преимуществу долихоцефаловъ. Но, и помимо вынужденной эмиграціи этого высшаго этническаго элемента, подчиненіе французовъ сильному религіозному контролю, при которомъ схизматики поставлены въ неблагопріятныя условія при соперничествѣ съ покровительствуемымъ государствомъ большинствомъ католиковъ-единовѣрцевъ, развиваетъ въ обществѣ, по свидѣтельству Гальтона, принимаемому Лапужемъ, стадное настроеніе, т. е. парализуетъ всякую личную иниціативу. Я признаю, говоритъ Лапужъ, за такимъ косвеннымъ вліяніемъ церковнаго подбора важное значеніе въ дѣлѣ обезпеченія брахоцефаламъ постепеннаго торжества надъ долихоцефалами. Довольно любопытной статьей въ томъ обвинительномъ актѣ, какой Лапужъ попутно составляетъ противъ католицизма и его морали, кажется мнѣ заявленіе, что возлагаемая римскою церковью обязанность стыдливости и вытекающая отсюда практика прикрывать тѣло одеждой не мало содѣйствовали развитію такихъ болѣзней, какъ, напримѣръ, анемія и чахотка, уносящія съ собою массу лицъ, преимущественно изъ среды дворянства, духовенства и горожанъ, т. е. долихоцефаловъ (стр. 315 и 316). Не менѣе содѣйствуетъ торжеству брахоцефаловъ рекомендуемая католичествомъ, за одно съ протестантизмомъ, — милостыня. Она широко практиковалась нѣкогда монастырями, а въ Англіи вызвала съ момента ихъ закрытія установленіе особаго налога въ пользу бѣдныхъ (стр. 317 и 318).

Что и въ законодательствѣ надо также видѣть источникъ постепеннаго торжества брахоцефаловъ надъ долихоцефалами, слѣдуетъ, по мнѣнію Лапужа, уже изъ того, что съ запрещеніемъ многобрачія, мѣсто котораго въ европейскихъ обществахъ занимаетъ проституція, сокращается возможность быстраго размноженія высшаго долихоцефалическаго типа, болѣе распространеннаго, какъ мы видѣли, между зажиточными классами, которые одни, какъ извѣстно, и обращаются въ магометанскихъ странахъ къ многоженству (стр. 340 и 341). Изъ всѣхъ видовъ искусственнаго подбора, вліяющихъ на исчезновеніе долихоцефаловъ, важнѣйшимъ въ наши дни, по мнѣнію Лапужа, является подборъ экономическій. Даже тѣ, кто, подобно мнѣ, не видитъ основанія связывать прогрессъ человѣчества съ сохраненіемъ численнаго преобладанія длинныхъ череповъ надъ круглыми, тѣмъ не менѣе съ интересомъ и пользой для себя прочтутъ ту приблизительно сотню страницъ, на которой разби-

раемый нами писатель въ высшей степени выпукло представилъ послѣдствія, какія господство плутократіи и порождаемыхъ ею нравовъ и наклонностей вызываетъ въ области распредѣленія жителей по профессіямъ, а также по селамъ и городамъ, одинаково въ метрополіяхъ и колоніяхъ. Авторъ резюмируетъ при этомъ выводы, добытые трудами другихъ антропологовъ, начиная съ извѣстнаго противника Брока, Дюранъ де Гро, и оканчивая баденскимъ статистикомъ Аммономъ, съ которымъ намъ придется еще считаться впослѣдствіи. Лапужъ весьма удачно утилизируетъ также собственныя антропометрическія измѣренія въ отдѣльныхъ департаментахъ Франціи и извѣстныя статистическія работы Левассера по исторіи французскаго населенія и его распредѣленію по селамъ и городамъ. Въ числѣ противниковъ, съ которыми ему не разъ приходится считаться, встрѣчается и нашъ извѣстный соотечественникъ П. И. Якоби, авторъ этюдовъ о подборѣ и его отношеніи къ человѣческой наслѣдственности. Англійскіе антропологи, съ Гальтономъ во главѣ, даютъ Лапужу много данныхъ для его выводовъ о средствахъ, какими можно противиться совокупному дѣйствію различныхъ видовъ подбора, неблагопріятныхъ сохраненію въ населеніи высшихъ этническихъ элементовъ. Ни въ какой другой части своего труда Лапужъ не орудуетъ болѣе обильнымъ матерьяломъ, и нигдѣ этотъ матерьялъ, взятый изъ разныхъ странъ, не указываетъ такъ согласно на господство одной и той же тенденціи. По этой-то причинѣ я и считаю возможнымъ остановиться на главѣ объ экономическомъ подборѣ дольше, чѣмъ на другихъ. Экономическій подборъ, говоритъ нашъ авторъ, послѣдствіе борьбы за существованіе, борьбы, вызываемой желаніемъ наслажденій, съ одной стороны, и нуждою въ насущномъ хлѣбѣ, съ другой. Эта борьба болѣе безжалостна, нежели та, которая происходитъ между первобытными людьми. Она болѣе жестока нынѣ, чѣмъ въ протекшія столѣтія. Съ каждымъ днемъ она становится все рѣзче и рѣзче, такъ какъ себялюбіе дѣлается звѣрскимъ, и запросъ на роскошь и на психическую утонченность возросъ чудовищно; онъ не сдерживается болѣе страхомъ вѣчныхъ мукъ и надеждою на загробное вознагражденіе за житейскую юдоль. Этотъ запросъ вызываетъ и переселеніе крестьянина въ городъ въ надеждѣ лучшаго заработка, и оставленіе англичаниномъ его родины для Австраліи и Индіи, и то напряженіе, съ которымъ рабочій старается сдѣлаться приказчикомъ, а приказчикъ—чиновникомъ, живущій заработкомъ—патрономъ, бѣдный—состоятельнымъ, богатый—милльярдеромъ. Человѣкъ высшей породы, но безъ состоянія, съ тою же цѣлью женится на богатой невѣстѣ низшей породы, а семьи, желающія поддержать свое поло-

женіе въ обществѣ и увеличить свои средства, добровольно кладутъ предѣлъ числу своихъ потомковъ. Послѣдствіемъ всего этого экономическаго подбора является, по мнѣнію Лапужа, устраненіе длинныхъ череповъ (стр. 345). Если не воспротивиться ему искусственными мѣрами, продолжаетъ онъ, современный плутократическій режимъ поведетъ народы къ отупѣнію (à l'imbécillité). Въ числѣ оригинальныхъ точекъ зрѣнія отмѣчу слѣдующія. Сопоставляя денежную аристократію съ ея предшественницей—аристократіей земельной, нашъ авторъ говоритъ: всякая аристократія начинала съ накопленія богатствъ, но прежде эти богатства добывались военною доблестью, нравственнымъ авторитетомъ, наличностью политическаго таланта. Въ настоящее же время для накопленія большого состоянія необходимъ прежде всего удачный случай и такія свойства, какія отнюдь не могутъ быть отнесены къ числу высшихъ. Народъ опредѣляетъ буржуа говоря: это—тотъ, кто живетъ на счетъ другихъ. Флоберъ сказалъ о немъ: это—тотъ, кто мыслитъ низменно. Обѣ дефиниціи, замѣчаетъ Лапужъ, восполняютъ другъ друга и даютъ вѣрную характеристику денежной аристократіи. Ея психическое ничтожество сдѣлало необходимымъ созданіе рядомъ съ нею еврейской аристократіи. Послѣдняя пополняетъ своими рядами число людей съ высшими способностями и повидимому призвана сосредоточить въ своихъ рукахъ политическое и финансовое руководительство страною. Этотъ феноменъ мирнаго завоеванія израильскимъ племенемъ не составляетъ особенности одной Франціи. Мы встрѣчаемъ его всюду, гдѣ арійскій элементъ или вовсе отсутствуетъ или исчезаетъ. Напротивъ того Америка, Англія и Скандинавскія страны не имѣютъ основанія бояться серьезной конкурренціи евреевъ (стр. 346—349). Другое интересное замѣчаніе, на этотъ разъ подтверждаемое ариѳметическими выкладками, это то, что умственная аристократія, въ виду недостатка средствъ и желанія въ своемъ образѣ жизни тянуться за плутократіей, поставлена въ необходимость сокращать число рожденій. Между тѣмъ, если взять два численно равныхъ класса, изъ которыхъ въ одномъ рождается по-семейно трое дѣтей, а въ другомъ—четверо, и спросить себя, въ какой мѣрѣ каждый изъ этихъ двухъ классовъ войдетъ въ составъ населенія на разстояніи трехсотъ лѣтъ, размножаясь въ той же прогрессіи, то окажется, что на этомъ разстояніи классъ, браки котораго даютъ четырехъ потомковъ по-семейно, составитъ 93% всего населенія. Можно судить поэтому, какое пагубное вліяніе оказываетъ на умственное будущее страны заразительный примѣръ плохо пріобрѣтеннаго и плохо затрачиваемаго богатства, особенно если принять во вниманіе, что такъ называемые интеллигенты представляютъ со-

бою всего 5% населенія. Менѣе удачной надо признать попытку Лапужа объяснить господство брахоцефаловъ, одинаково во Франціи, Германіи и Россіи, стремленіемъ множества выдающихся семей къ занятію должностей чиновниковъ. Оно совершенно отсутствуетъ, пишетъ онъ, тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи и Америкѣ, господствуютъ бѣлокурые долихоцефалы, но снова выступаетъ въ Испаніи и Испанской Америкѣ, гдѣ мѣста ихъ занимаютъ долихоцефалы брюнеты. Тѣмъ же пристрастіемъ къ чиновничеству и обезпеченнымъ окладамъ, избавляющимъ отъ необходимости личной иниціативы и предпріимчивости, нашъ писатель объясняетъ и увлеченіе брахоцефалическихъ странъ соціализмомъ. Вѣдь соціализмъ, пишетъ онъ, мечтаетъ только объ одномъ, чтобы обратить каждаго гражданина въ чиновника. Это одно и даетъ ему силу. Развитіе соціализма стоитъ въ прямомъ отношеніи съ захватомъ власти брахоцефалами. Имѣется своего рода брахоцефалическая политика, какъ и брахоцефалическая литература. Главнымъ представителемъ послѣдней Лапужъ считаетъ Зола. Эта литература отличается реализмомъ и погонею за подробностями (стр. 353—355).

Болѣе серьезны соображенія нашего автора о роли экономическаго подбора, насколько рѣчь идетъ о распредѣленіи жителей по профессіямъ.

Сопоставляя собственныя измѣренія съ тѣми, которыя были сдѣланы въ Америкѣ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ и въ другихъ мѣстахъ, Лапужъ приходитъ къ заключенію, что черепъ болѣе объемистъ у рабочихъ, чѣмъ у крестьянъ, у образованныхъ классовъ, чѣмъ у простонародья. Различіе въ объемѣ черепа достигаетъ нѣсколькихъ миллиметровъ, т. е. величины весьма значительной. Такъ какъ сельское населеніе почти цѣликомъ составлено изъ земледѣльцевъ, а рабочіе представляютъ главный контингентъ городского населенія, то неудивительно, если то же различіе въ длинѣ черепа существуетъ между селами и городами. Статистика показываетъ, что браки тѣмъ раньше заключаются, чѣмъ меньше умственности требуетъ избранная кѣмъ профессія; но чѣмъ моложе вступающій въ бракъ, тѣмъ больше въ семьѣ рожденій, и изъ всего этого возможенъ только тотъ выводъ, что, тогда какъ длина черепа растетъ при переходѣ отъ поденщика къ ученому, шансовъ оставить потомство больше у перваго и меньше у второго; это значитъ, что подборъ, производимый распредѣленіемъ людей по профессіямъ, имѣетъ опредѣленно регрессивный характеръ и направленъ къ тому, чтобы низвести человѣчество къ самому скромному уровню (стр. 362).

Наибольшее впечатлѣніе производитъ на меня та часть разби-

раемой главы, которая занимается вопросомъ о вліяніи, оказанномъ внутренней и внѣшней эмиграціей на искусственный подборъ. Изъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ Левассеромъ, Бодіо и американскими статистиками, оказывается, что Европа дала колоніямъ отъ 23 до 24 милліоновъ эмигрантовъ, въ большинствѣ случаевъ совершеннолѣтнихъ, принадлежащихъ къ избранной части населенія и унесшихъ съ собою, какъ пишетъ Левассеръ, лучшую кровь ихъ расъ. Одна Англія, Шотландія и Скандинавія, въ которыхъ преобладаетъ типъ блондиновъ-долихоцефаловъ, дали Соединеннымъ Штатамъ четыре милліона эмигрантовъ, Канадѣ — два милліона и почти такое же число Австраліи. Можно судить, какое вліяніе одинъ уже этотъ фактъ долженъ былъ имѣть на сокращеніе въ Европѣ числа долихоцефаловъ. Не меньшее значеніе, по крайней мѣрѣ для селъ (стр. 364), имѣетъ внутренняя эмиграція. Сопоставляя во Франціи статистическія данныя 61 и 91 гг., Лапужъ приходитъ къ заключенію, что подвижность населенія значительно возросла, такъ что процентъ лицъ, подвергшихся переписи внѣ предѣловъ ихъ мѣста рожденія, увеличился во Франціи съ 11,7 до 16,8. Переселенія происходятъ въ опредѣленномъ направленіи, и притягательными центрами являются большіе города, прежде всего Парижъ, затѣмъ Ліонъ. То же самое и даже въ большей степени можетъ быть сказано объ Англіи, такъ какъ еще въ 1871 г. статистикой было установлено, что болѣе четверти ея населенія живетъ не тамъ, гдѣ оно родилось. Но этотъ фактъ, спѣшитъ прибавить Лапужъ, имѣетъ для Англіи меньшую важность въ виду однообразнаго состава ея населенія, изъ блондиновъ-долихоцефаловъ. Можно судить о значеніи для селъ такого перемѣщенія жителей въ города не только въ виду только-что приведенныхъ цифръ, но еще по той причинѣ, что этническій составъ эмиграціи выше состава лицъ, остающихся на мѣстѣ. Лапужъ старается подтвердить это положеніе рядомъ данныхъ, доставляемыхъ ему антропометріей (стр. 366 и слѣдующ.). Онъ справедливо указываетъ, что никто въ данномъ вопросѣ не сообщилъ болѣе точныхъ свѣдѣній, чѣмъ Аммонъ, въ своей извѣстной книгѣ «О подборѣ у человѣка».

Общій выводъ Лапужа тотъ, что антропометрическія измѣренія позволяютъ съ достовѣрностью утверждать, что не всѣ этническія группы, входящія въ составъ населенія, подвижны въ равной степени, что мигрируютъ по преимуществу долихоцефалы, т. е. длинночерепные, и что это движеніе обхватило ихъ уже рядъ вѣковъ. Направляются они главнымъ образомъ въ города, чѣмъ и объясняется непрерывное возрастаніе городского населенія въ ущербъ сельскому не только въ Англіи, гдѣ этотъ фактъ хорошо извѣ-

стенъ, но и во Франціи, гдѣ процентъ городского населенія, какъ показываетъ Левассеръ, возросъ съ 24,4 въ 46 г. до 30,04 въ 91 г. По вопросу о морфологіи городского населенія Аммону, опять таки, по словамъ Лапужа, удалось добыть наиболѣе вѣрныя данныя и подтвердить ими догадку, высказанную еще въ 68 году Дюранъ де Гро въ полемикѣ съ Брока, а именно ту, что число долихоцефаловъ преобладаетъ въ городскомъ, а брахоцефаловъ въ сельскомъ населеніи. Это положеніе объявляется въ настоящее время закономъ и въ передачѣ Аммона гласитъ буквально слѣдующее: въ областяхъ, гдѣ имѣется брахоцефалическій типъ, онъ обнаруживаетъ тенденцію къ сосредоточенію въ селахъ, типы же долихоцефалическіе локализируются въ городахъ *). Впрочемъ, еще ранѣе Аммона нашъ соотечественникъ Павелъ Ивановичъ Якоби указывалъ на сосредоточенье въ городахъ интеллигенціи и дѣятельной инициативы; а Топинаръ въ своихъ «Элементахъ антропологіи» доказывалъ, въ противность Кетлэ, что въ Бельгіи раса рослыхъ блондиновъ долихоцефаловъ отличается подвижностью и инициативой, увлекающими ее въ города **). Я полагаю, что Фулье правъ, объявляя, что въ соціологическихъ построеніяхъ антропологовъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ отмѣченная ими особенность преобладанія въ городахъ продолговатыхъ, или долихоцефалическихъ череповъ ***). Но этотъ фактъ самъ по себѣ допускаетъ различныя толкованія. Данныя сравнительной антропометрики слишкомъ скудны, чтобы мы могли, какъ это не прочь дѣлать Лапужъ, прилагать къ рѣшенію вопроса историко-статистическій методъ. Но то обстоятельство, что тамъ, гдѣ такія сравненія возможны, напримѣръ въ Монпелье, и гдѣ тѣмъ же Лапужемъ констатировано уменьшеніе числа долихоцефаловъ, наводитъ на мысль, что большій процентъ ихъ въ городахъ сравнительно съ селами стоитъ въ связи съ первоначальнымъ заселеніемъ первыхъ завоевателями арійцами. Ихъ стремленіе защититься отъ покореннаго, но всегда готоваго къ возстанію туземнаго населенія брахоцефалическаго типа въ стѣнахъ городища, со временемъ становящагося городомъ, кажется вполнѣ естественнымъ. Но если такимъ образомъ легко объяснить сосредоточеніе Дорійцевъ въ предѣлахъ

---

*) Въ Revue Internationale de Sociologie я нахожу цѣлую статью, озаглавленную Les lois d' Ammon; въ числѣ этихъ законовъ приведенъ только что упомянутый.

**) П. Ив. Якоби Etudes sur la Sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme (стр. 473—474) и Topinard, Eléments d' Anthropologie générale, стр. 445.

***) См. указанную выше статью Фулье въ Rev. Internat. de Sociologie.

Спарты, а не на протяженіи всей Лакедемоніи и Квиритовъ въ стѣнахъ Вѣчнаго Города, то распространенію той же практики и въ средѣ германскихъ племенъ, вторгшихся въ предѣлы Римской Имперіи и положившихъ начало современныхъ національныхъ государствъ, противорѣчитъ ходячее мнѣніе, что они любили сельскій просторъ. Съ нимъ связано представленіе о совершенномъ запустѣніи римскихъ городовъ со времени нашествій, положеніе, неосновательность котораго, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ городамъ Италіи, въ настоящее время доказана Сальвіоли; да и ранѣе его Бешаромъ указаны были нѣкоторые факты, идущіе въ разрѣзъ съ такими взглядами; такъ напримѣръ упоминаніе въ Меровингскихъ формулахъ изъ Анжу о римскихъ городскихъ сановникахъ, о куріалѣ и о дефенсорѣ. Самый фактъ ранняго появленія на сценѣ средневѣковой исторіи римскихъ по источнику муниципій, какъ Лондонъ (civitas lugdunensis) или Парижъ (древняя Лютеція) или еще Аугсбургъ (Augusta), Миланъ (Mediolanum) и т. д., и развитіе въ нихъ чисто германскихъ учрежденій, какъ напр. гильдій или добровольныхъ союзовъ, возникшихъ по типу германской нераздѣльной семьи, и также германскихъ по источнику искусственныхъ братствъ, наводитъ на мысль, что римскіе города съ ихъ готовою цитаделью привлекали въ свои стѣны не однихъ только рано романизированныхъ готѳовъ, но также лангобардовъ, франковъ, бургундовъ и англо-саксовъ. А если такъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ сосредоточеніи въ нихъ уже на первыхъ порахъ арійцевъ съ длинными черепами, потомки которыхъ уцѣлѣли и понынѣ въ большемъ числѣ въ городахъ, чѣмъ въ селахъ. Все это, разумѣется, не болѣе, какъ гипотеза; но она очевидно имѣетъ въ свою пользу историческую вѣроятность, по крайней мѣрѣ не меньшую, чѣмъ та, какую представляетъ въ сущности ничѣмъ не доказанное утвержденіе, что длинный черепъ предполагаетъ необходимо въ лицахъ, имъ обладающихъ, иниціативу и склонность къ перемѣщенію. Вѣдь финикійцы были по преимуществу народомъ мореплавателей и торговцевъ, въ такой же, если не въ большей мѣрѣ, чѣмъ сами англичане, а между тѣмъ они отнюдь не принадлежали къ типу арійцевъ долихоцефаловъ. Да и сами англичане сдѣлались мореплавателями и торговцами не ранѣе XVI столѣтія; до этого же времени, несмотря на свои длинные черепа, они продолжали вести рутинное земледѣльческое хозяйство и предоставляли южноевропейскимъ, нѣмецкимъ и фландрскимъ купцамъ забирать главное сырье Англіи, шерсть, на своихъ судахъ и обрабатывать ее на ткацкихъ станкахъ Гента, Брюгге и даже отдаленной Флоренціи. Я не вижу также основанія совершенно не считаться съ тѣмъ соображеніемъ,

что функція создаетъ и видоизмѣняетъ органъ. Сосредоточеніе поэтому въ городахъ болѣе интензивной умственной дѣятельности, какую предполагаетъ необходимо занятіе политикой, торговлей, промышленностью и спекуляціей, содѣйствовало и постепенному обособленію средняго городского черепа отъ сельскаго. Наконецъ, я не отрицаю возможности прилива изъ селъ въ города болѣе интеллигентной части сельскаго населенія, въ виду большей нужды въ личной иниціативѣ и предпріимчивости. Моя точка зрѣнія такимъ образомъ расходится съ тою, защитникомъ которой является Лапужъ, настолько, насколько послѣдній видитъ причину выселенія долихоцефаловъ не въ требованіи, предъявляемомъ на нихъ городомъ, а въ прирожденной имъ самимъ расовой подвижности.

Если бы антропологи, взявшіеся за рѣшеніе соціологическаго по природѣ вопроса объ условіяхъ прогресса и регресса народовъ, не относились съ такимъ недовѣріемъ къ исторіи, имъ не мудрено было бы открыть причину большаго сосредоточенья числа блондиновъ долихоцефаловъ въ Англіи, помимо всякихъ соображеній о роли, какую въ исчезновеніи ихъ на континентѣ играли безбрачіе католическаго духовенства, революціи, кладущія конецъ господству долихоцефалическихъ аристократій, эмиграціи и т. п. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и Англія не удержала своей древней аристократіи, такъ какъ къ концу войнъ Алой и Бѣлой Розы въ ней едва оставалось 20 съ чѣмъ-то семей лордовъ, предки которыхъ восходили не къ эпохѣ англосаксовъ и даже не къ Вильгельму Завоевателю, а къ королямъ Анжуйскаго дома, или Плантагенетамъ. Большая часть современной англійской аристократіи происходитъ отъ облагороженныхъ Тюдорами, Стюартами и Ганноверской династіей лицъ средняго сословія. Вліяніе католическаго безбрачія должно было сказаться въ такой же степени въ Англіи, какъ и на континентѣ вплоть до эпохи реформаціи. Сохраненію численнаго преобладанія долихоцефаловъ очевидно не могли содѣйствовать также ни столѣтнее вооруженное соперничество съ Франціей, ни частыя междоусобія, эмиграція, продолжающаяся съ XVI столѣтія по настоящій день, поведшая къ заселенію уже цѣлыхъ материковъ и нерѣдко поддерживаемая войнами съ туземными или конкуррирующими съ Англіей европейскими націями (вспомнимъ хотя бы вѣковое соперничество съ Франціей изъ-за владычества Сѣверной Америкой и Индіей, частыя гверильи съ краснокожими, кровь, пролитую при завоеваніи Индіи и подавленіи мѣстныхъ возстаній, наконецъ десятки тысячъ труповъ, оставленныхъ недавно въ Южной Африкѣ при насильственномъ упраздненіи независимости двухъ голландскихъ по происхожденію республикъ). И тѣмъ не менѣе,

Англія до сихъ поръ остается страною долихоцефаловъ по преимуществу. Какъ объяснить этотъ фактъ, если не тѣмъ, что она съ самаго начала получила такой значительный контингентъ ихъ, который сдѣлалъ возможнымъ для нея всякую дальнѣйшую расточительность. Исторія завоеванія ея Саксами, въ подробности разсказанная Фриманомъ *), вполнѣ подтверждаетъ такую догадку. Нигдѣ, повидимому, столкновеніе германскихъ пришельцевъ съ туземцами не носило больше характера истребленія и не способствовало въ равной мѣрѣ насильственному устраненію брахоцефаловъ. Но къ первоначальному арійскому пласту, представленному Саксами, не замедлили прибавиться новые, и прежде всего пластъ Скандинавовъ, въ частности Датчанъ, настолько прочно осѣвшихся въ восточной части Англіи, что изслѣдователямъ ея землевладѣнія и сословнаго устройства приходится еще считаться съ пережитымъ страной скандинавскимъ вліяніемъ **). Хотя временное владычество Датчанъ, принявшее и опредѣленную политическую форму въ лицѣ созданнаго Канутомъ королевства, уступило мѣсто окончательному объединенію Англіи подъ главенствомъ саксонской династіи, но новое нашествіе въ XI вѣкѣ сродныхъ скандинавамъ уроженцевъ норманскаго герцогства, принесшихъ съ собою въ страну новый потокъ арійской крови, вызвало окончательную ея трансформацію и усилило вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея населеніи элементъ долихоцефаловъ. Въ этомъ отношеніи Англію можно сравнить развѣ съ древней Греціей, въ которой дорійское нашествіе явилось только самымъ позднимъ по времени разливомъ арійской крови и культуры.

Въ этомъ обстоятельствѣ и лежитъ источникъ того широкаго распространенія въ ней долихоцефалическаго типа, присутствіе котораго можетъ быть только съ трудомъ установлено антропометрическими измѣреніями надъ однимъ или двумя десятками череповъ, дошедшихъ до насъ отъ разныхъ эпохъ, и изъ которыхъ многіе, какъ принужденъ сознаться самъ Лапужъ, могли принадлежать покореннымъ туземцамъ, рабамъ и пришельцамъ (стр. 415). По той же причинѣ трудно признать какое-нибудь научное значеніе за попыткой автора «Общественныхъ Подборовъ» прослѣдить за исчезновеніемъ въ Греціи долихоцефализма на основаніи немногихъ череповъ, дошедшихъ до насъ отъ разныхъ эпохъ и якобы указывающихъ на постепенное приближеніе средняго греческаго че-

---

*) Freeman. Norman Conquest. т. I.

**) Я разумѣю въ частности моего соотечественника П. Г. Виноградова, указавшаго между прочимъ на увеличиваніе въ датскихъ округахъ Англіи элемента свободныхъ воздѣлывателей—сокмановъ.

репа къ брахоцефалическому типу (стр. 409 и слѣд.). Что значитъ въ самомъ дѣлѣ измѣреніе двухъ, трехъ и даже десятка череповъ, разъ нельзя съ увѣренностью опредѣлить ни время ихъ происхожденія, ни классъ населенія, къ которымъ они могутъ быть отнесены. Все, что Лапужъ говоритъ о причинахъ исчезновенія долихоцефализма въ Греціи и замѣнѣ его брахоцефализмомъ современныхъ ея насельниковъ, можетъ быть справедливо; но источникъ всего этого лежитъ не въ антропологіи, а въ исторіи. Впрочемъ, все сочиненіе Лапужа служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что, за невозможностью примѣнить историко-статистическій методъ къ антропологическимъ изслѣдованіямъ, просто по недостатку обильнаго и вѣрнаго матерьяла, антропологамъ приходится довольствоваться историческими свидѣтельствами или скульптурными и разрисованными на вазахъ изображеніями отошедшихъ поколѣній, источникомъ, очевидно не вполнѣ достовѣрнымъ, такъ какъ при его оцѣнкѣ необходимо принять во вниманіе и элементъ фантазіи художника.

Впрочемъ, увѣренность въ томъ, что одна соціологія дастъ возможность антропологіи установить соотношеніе между психическими свойствами и физическимъ типомъ изучаемыхъ ею череповъ, все болѣе и болѣе проникаетъ за послѣднее время въ сознаніе кранеологовъ по спеціальности. Въ числѣ ихъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ, Сэрджи, дѣлаетъ драгоцѣнное для насъ признаніе *). Анализъ физическихъ особенностей извѣстной вѣтви человѣчества, пишетъ онъ, можетъ служить только къ обособленію ея отъ другихъ, какъ обособляются различныя породы птицъ или муравьевъ. Сами эти особенности нисколько не указываютъ на умственныя различія и различія въ характерѣ отдѣльныхъ народовъ и расъ; онѣ не сдѣлали бы этого даже въ томъ случаѣ, если бы было возможно открыть какіе нибудь народы и расы въ чистомъ видѣ. Чтобы построить поэтому психологію извѣстнаго народа, необходимо прежде узнать его соціологію. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель прибавляетъ: «чтобы опредѣлить зависимость характера и психологическихъ свойствъ извѣстной расы отъ ея антропологическихъ условій, для этого у насъ нѣтъ другого средства, какъ изучить ихъ общественныя проявленія въ разныя эпохи. Намъ надо узнать, какъ вели себя эти расы, а въ нихъ отдѣльные люди и руководящіе классы. Но разъ намъ удалось открыть, что, несмотря на измѣненіе условій, извѣстный народъ въ разныя эпохи обнаруживалъ одинаковыя свойства, мы не можемъ не приписать его характера особенностямъ свойственнаго ему антропологическаго типа» (ibid.,

*) См. Sergi: «La decadenza delle nazioni latine», стр. 227 и 230.

стр. 238). Насколько субъективны, однако, бываютъ подобныя оцѣнки, можно судить по тому, что Серджи приписываетъ англосаксонской расѣ какъ разъ обратныя свойства съ тѣми, какія признаетъ за нею Лапужъ. Для послѣдняго англосаксы индивидуалисты въ такой же мѣрѣ, въ какой французы, по крайней мѣрѣ современные, благодаря своему брахоцефализму сторонники стадныхъ формъ жизни. Наоборотъ, для Серджи индивидуализмъ губитъ націи, расположенныя на средиземноморскомъ побережіи и обнимаемыя въ просторѣчіи названіемъ латинской расы; духъ ассоціаціи, наоборотъ, кажется ему общей чертою арійцевъ вообще и англосаксовъ въ частности.

Гораздо дальше Серджи въ отрицаніи возможности установить какое бы то ни было соотвѣтствіе между строеніемъ черепа и объемомъ мозга, а потому и размѣромъ интеллекта, идутъ такіе антропологи, какъ Калори, Кинъ, Риплэ и др. Географія и этнографія, по вѣрному замѣчанію д-ра Фауста Сквилаче, автора сочиненія о «Соціологическихъ доктринахъ» (Римъ 1902.), «въ свою очередь противятся такому пріуроченью къ формѣ черепа извѣстныхъ психическихъ свойствъ, такъ какъ указываютъ намъ, что народы одного анатомическаго строенія обнаруживаютъ неодинаковую умственность и наоборотъ». На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, мы не можемъ признать за попыткой Лапужа представить всю исторію человѣчества, какъ борьбу долихоцефаловъ съ брахоцефалами, серьезное научное значеніе.

Если вѣрить ему, никакого дѣйствительнаго прогресса въ человѣчествѣ не было, такъ какъ долихоцефалы оказываются уступающими почву брахоцефаламъ. Дѣйствительность противорѣчитъ такому отрицанію и тѣмъ самымъ показываетъ независимость поступательнаго роста человѣчества отъ неизмѣнности или измѣнчивости цефалическаго указателя. Я конечно не имѣю возможности входить въ разсмотрѣніе тѣхъ практическихъ средствъ, какими Лапужъ желалъ бы препятствовать исчезновенію тѣхъ, кого онъ считаетъ представителями высшей въ умственномъ отношеніи расы. Все, что онъ говоритъ о необходимости устранить пагубное дѣйствіе отмѣченныхъ имъ искусственныхъ подборовъ, заслуживаетъ вниманія, хотя и сводится въ концѣ концовъ къ едва ли осуществимому вскорѣ желанію положить конецъ войнѣ и бѣдности; отъ послѣдней въ частности зависятъ очевидно и неравные браки, и необходимость искусственнаго отлива излишка населенія изъ селъ въ города и изъ метрополій въ колоніи. Но не довольствуясь борь-

*) Le dottrine sociologiche del dr Squillace. Roma 1902.

бой съ причинами, косвенно вліяющими на уменьшеніе числа долихоцефаловъ, нашъ авторъ рекомендуетъ прямо содѣйствовать ихъ размноженію путемъ созданія добровольныхъ сообществъ, ставящихъ себѣ сознательною цѣлью заключеніе полезныхъ для породы браковъ. Я думаю, что едва ли практическіе результаты могли бы быть достигнуты отъ принятія мѣръ, рекомендуемыхъ нѣкоторыми врачами-филантропами, между прочимъ докторомъ Казалисомъ. Онѣ сводятся къ требованію отъ брачущихся гражданскимъ чиновникомъ, призваннымъ къ заключенію ихъ союза, медицинскаго свидѣтельства, удостовѣряющаго, что ни одна изъ сторонъ не имѣетъ заразительной болѣзни, или совершенно излѣчилась отъ нея. Этимъ путемъ можетъ быть и не будетъ достигнуто размноженіе долихоцефаловъ, но во всякомъ случаѣ обезпечено будетъ чередованіе здоровыхъ поколѣній, что для общественнаго прогресса, очевидно, не безразлично. Но всѣ эти соображенія стоятъ, такъ сказать, внѣ прямой задачи нашего изслѣдованія, и мы спѣшимъ вернуться къ ней.

§ 2.

Лапужъ далеко не одинокъ въ средѣ антропологовъ, думающихъ, что ихъ наука призвана къ самостоятельному рѣшенію и важнѣйшихъ соціологическихъ проблемъ. Одинаковую съ нимъ увѣренность выказываетъ и не разъ цитируемый въ его сочиненіи нѣмецкій ученый Аммонъ, статистикъ по профессіи.

Лапужа можно считать въ полномъ значеніи этого слова пессимистомъ, Аммонъ, наоборотъ, оптимистъ и могъ бы подписаться подъ извѣстнымъ изреченіемъ Кандида: все идетъ наилучшимъ образомъ въ наилучшемъ изъ міровъ.

Въ томъ видѣ, въ какомъ ученіе соціологической школы выступаетъ въ трактатѣ Аммона *): «Общественный порядокъ и его естественныя основы» **), оно разсчитано служить апологіей существующаго соціальнаго строя, якобы вполнѣ приспособленнаго къ тому, чтобы дать преобладаніе личностямъ наиболѣе сильнымъ, одинаково физически, умственно и нравственно, и частью устранить, частью поставить на подобающее имъ второе мѣсто неспособныхъ или мало способныхъ. Авторъ придаетъ своему сочиненію характеръ одновременно научной работы и критики попытокъ переустройства общества по соціалистическому образцу. Желая при-

---

*) Этотъ писатель годомъ ранѣе Лапужа пріобрѣлъ извѣстность двумя сочиненіями: 1) «Антропологіей Баденцевъ» и 2) разсужденіемъ «О естественномъ подборѣ у человѣка».

**) Die Gesell schaftliche Ordnung und ihre natürlichen Grundlagen, 1900 г.

дать своей защитѣ существующаго порядка возможно широкое распространеніе, Аммонъ пускаетъ ее въ продажу по ничтожной цѣнѣ (всего на всего двѣ марки) и тщательно избѣгаетъ употребленія въ своей книгѣ техническихъ терминовъ и обращенія къ математическимъ формуламъ, которыми онъ нерѣдко орудовалъ въ прежнихъ своихъ работахъ. Книга читается легко и не безъ удовольствія; она проникла или проникнетъ по этой причинѣ въ широкіе круги. Такъ какъ Аммонъ имѣетъ въ настоящее время фанатическихъ приверженцевъ и внѣ границъ Германіи, такъ какъ въ международныхъ журналахъ по соціологіи уже появляются статьи, озаглавленныя ни болѣе, ни менѣе, какъ «законы Аммона» *), и на эти законы дѣлаются ссылки въ общихъ трактатахъ о соціологіи, напримѣръ въ недавнемъ сочиненіи де-Маринисъ, то есть полное основаніе включить въ общій обзоръ господствующихъ соціологическихъ школъ и эту попытку обновить дарвиновскую теорію въ области соціологіи.

Съ самаго начала Аммонъ выражаетъ свое разномысліе съ современными соціологами, объявляя, что они почти исключительно исходили отъ анализа экономическихъ явленій, а это и приводило ихъ къ одностороннимъ и необоснованнымъ выводамъ. Человѣкъ не только производитель или потребитель извѣстныхъ цѣнностей, онъ прежде всего живое существо, надѣленное извѣстными прирожденными духовными свойствами, безъ чего немыслимо было бы существованіе ни для него, ни для общества. Эти способности не одинаковы у людей, а наоборотъ весьма различны. Благодаря этому, въ то время, какъ одинъ прогрессируетъ, другой не удерживается и на занятомъ имъ посту. Естественное неравенство людей не можетъ быть устранено даже самымъ тщательнымъ воспитаніемъ. Способности въ значительной степени являются наслѣдственными, такъ что въ подростающихъ поколѣніяхъ замѣчается приблизительно то же различіе въ дарованіяхъ, какимъ отличались ихъ родители.

Таковъ исходный фактъ, на признаніи котораго Аммонъ опираетъ всѣ свои дальнѣйшіе выводы. Этотъ фактъ раскрытъ намъ дарвинизмомъ и доселѣ допускается всѣми, кто, вслѣдъ за Вейсманомъ, не отрицаетъ передачи потомству пріобрѣтенныхъ особенностей. Кто знакомъ съ философіей 18-го вѣка, тому не трудно

*) Такая статья напечатана была года два назадъ въ «Revue internationale de Sociologie». Независимо отъ нея, г. Лапужъ не разъ имѣлъ случай говорить о методологическихъ пріемахъ Аммона и основныхъ его выводахъ въ короткихъ замѣткахъ, появлявшихся между прочимъ въ «Revue d'anthropologie».

будетъ согласиться, что въ допущеніи прирожденнаго неравенства между людьми мы радикально расходимся съ господствовавшимъ столѣтіемъ раньше воззрѣніемъ, что неравенство вызвано только соціальными причинами, и что воспитаніе способно устранить эти неравенства. Наша точка зрѣнія, такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ рѣшительное отрицаніе теоріи Руссо и всѣхъ тѣхъ, кто раньше или позже его признавалъ, что по природѣ люди рождаются болѣе или менѣе одинаковыми въ способностяхъ, и что отъ воспитанія зависитъ подготовить ихъ къ равному пользованію всѣми выгодами общежитія. Такъ какъ наслѣдственность способностей надѣляетъ человѣка одновременно качествами рода матери и рода отца, то отсюда прямо слѣдуетъ, что самыми благопріятными для потомства были бы такіе браки, при которыхъ родители, не будучи единокровными, обстоятельство, способное повесть къ вырожденію, въ то же время по расѣ и характеру не расходились бы далеко одинъ отъ другого. Иначе могутъ представиться случаи, въ которыхъ вліяніе агнатизма будетъ парализовано наслѣдованіемъ отъ рода матери и наоборотъ.

Напомнивъ объ установленномъ Дарвиномъ фактѣ борьбы за существованіе и естественномъ подборѣ, позволяющемъ сохраненіе однихъ приспособленныхъ къ условіямъ борьбы, Аммонъ объясняетъ тѣмъ самымъ развитіе между отдѣльными породами животныхъ и въ частности между людьми инстинкта, побуждающаго ихъ къ общественной жизни. Не для всѣхъ породъ животнаго царства жизнь въ обществѣ можетъ считаться полезной. И вотъ почему у однихъ слагается инстинктъ общественности, отсутствующій у другихъ. У тѣхъ породъ животныхъ, пишетъ Аммонъ, для которыхъ болѣе выгодно одинокое существованіе, естественный подборъ сохранитъ только тѣ виды, у которыхъ развилось инстинктивное желаніе сохранить свою изолированность. Наоборотъ среди тѣхъ, для кого общество полезно, оставлено будетъ наибольшее потомство только за особями, инстинктъ которыхъ направляетъ ихъ къ совмѣстной жизни. Благодаря варіаціямъ въ нарождающихся поколѣніяхъ создается все большее и большее приспособленіе къ жизненнымъ условіямъ. Происходитъ это такъ: невыгодныя особенности инстинкта все болѣе и болѣе устраняются подобно тому, говоритъ Аммонъ, какъ деревья, посаженныя для украшенія, теряютъ ненужныя имъ для этой цѣли вѣтки подъ ножомъ садовника.

Сказанное примѣнимо не только къ животнымъ, но и къ людямъ, особенность которыхъ составляетъ присущее имъ въ несравненно большей степени различіе индивидуальныхъ свойствъ, дѣлающее возможнымъ раздѣленіе труда и пріуроченіе каждаго къ

извѣстному занятію, всего болѣе отвѣчающему его способностямъ. Этимъ объясняется необходимость существованія въ обществѣ различныхъ классовъ, изъ которыхъ одни стояли бы въ зависимости отъ другихъ вопреки утвержденіямъ соціалистовъ. Какія же спрашивается учрежденія способны поставить каждаго на подобающее ему мѣсто? Аммонъ отвѣчаетъ на это, указывая прежде всего на школы. Ихъ обыкновенно не замѣчаемая косвенная услуга состоитъ въ томъ, что онѣ оставляютъ за бортомъ рядъ неспособныхъ и принуждаютъ ихъ довольствоваться второстепенными и третьестепенными постами. Въ промышленной жизни существовала нѣкогда такая же система искусовъ, какую представляютъ экзамены, это—обязательное изготовленіе образцовой работы. Аммонъ жалѣетъ объ исчезновеніи такого надежнаго средства задержать бездарныхъ и высказываетъ желаніе, чтобы ремесленная работа не была безгранично свободной. Въ области техническихъ изобрѣтеній конкурсы служатъ такимъ же средствомъ обнаруженія способныхъ и неспособныхъ, какимъ въ школахъ являются экзамены. Въ средѣ рабочаго сословія на предпринимателей возложена важная функція обособленія болѣе выдающихся дарованій и пріуроченія ихъ къ болѣе интензивному труду. Наконецъ, на самыхъ низшихъ ступеняхъ лѣстницы человѣческихъ способностей, полиція и уголовный судъ съ успѣхомъ служатъ той же цѣли естественнаго подбора. Аммонъ весьма энергично настаиваетъ на томъ, что дѣйствительная задача наказанія лежитъ въ защитѣ общества отъ лицъ, рѣшительно неспособныхъ къ соціальной жизни. Широкое распространеніе смертной казни въ предшествующія столѣтія было условіемъ, благопріятнымъ для естественнаго подбора, особенно въ виду того, что устраняло возможность наслѣдственной передачи присущихъ преступнику психическихъ свойствъ.

Обозрѣвъ такимъ образомъ тѣ, какъ онъ выражается, учрежденія, которыя содѣйствуютъ проведенію въ обществѣ требованій естественнаго подбора, Аммонъ приходитъ къ заключенію, что никакой человѣческій умъ не былъ бы въ состояніи придумать не только лучшихъ, но даже столь же совершенныхъ. И это не удивительно, прибавляетъ онъ, такъ какъ надъ ихъ выработкой работали многія сотни головъ съ отдаленнѣйшихъ временъ исторіи (стр. 35).

Нашъ писатель не допускаетъ той мысли, чтобы, при болѣе легкомъ доступѣ въ школы, значительно увеличился процентъ дарованій. Попытки поощрить поступленіе въ школы дѣтей незажиточныхъ, напримѣръ, путемъ освобожденія ихъ отъ платы, оканчивались обыкновенно неудачно. И это объясняется будто бы тѣмъ, что талантливыя натуры не ждутъ поощренія, чтобы пробить себѣ

дорогу. Къ тому же лишать рабочій классъ его выдающихся талантовъ было бы искусственно ослаблять тѣхъ, изъ среди которыхъ постоянно пополняются недостающіе ряды высшаго класса. Въ интересной главѣ, изъ которой не прочь дѣлать заимствованія и соціологи, не раздѣляющіе точки зрѣнія Аммона, баденскій статистикъ представляетъ классификацію нравственныхъ свойствъ человѣка.

Сводя ихъ, подобно Спенсеру и всѣмъ вообще современнымъ психологамъ, къ эгоизму и альтруизму и настаивая на необходимости перевѣса перваго надъ послѣднимъ въ интересахъ благополучія общества и его прогресса, въ чемъ, сказать кстати, онъ сходится съ Контомъ, Аммонъ относитъ къ эгоистическимъ импульсамъ запросъ на знаніе, пищу, защиту и продолженіе породы. Соціальные, т. е. поясняетъ онъ, альтруистическіе, запросы являются только модификаціями запроса на защиту. Благодаря жизни въ обществѣ присоединяется къ перечисленнымъ запросамъ запросъ на оказаніе помощи всѣмъ, кто связанъ съ нами единствомъ породы, хотя бы и съ личной опасностью для себя; а это равнозначительно запросу на защиту общества. Изъ только что указанныхъ простѣйшихъ запросовъ развивается затѣмъ рядъ другихъ. Удовлетворяющія ихъ способности Аммонъ считаетъ возможнымъ свести къ четыремъ группамъ: физическимъ, умственнымъ, нравственнымъ и, наконецъ, экономическимъ. Послѣдними онъ считаетъ дѣловитость, организаторскій талантъ, техническую ловкость, разумный разсчетъ, бережливость и т. д. Только наличность всѣхъ вышеуказанныхъ качествъ даетъ возможность человѣку быть зачисленнымъ въ ряды исключительно талантливыхъ или геніальныхъ натуръ; прилагая теорію вѣроятностей и слѣдуя въ этомъ отношеніи по слѣдамъ Гальтона, Аммонъ приходитъ къ заключенію о крайней незначительности числа исключительно талантливыхъ натуръ, а равно и о ничтожности числа совсѣмъ неспособныхъ къ общежитію, нравственно убогихъ (нежелающихъ трудиться бродягъ, изъ которыхъ слагается только низшій пластъ пролетаріата). Громадное же большинство, пишетъ онъ, приходится на долю людей среднихъ дарованій. Не существуй особыхъ учрежденій, ограничивающихъ выборъ при заключеніи браковъ только равноспособными, мы бы, утверждаетъ Аммонъ, не имѣли болѣе одного генія на милліоны людей. Каковы же, спрашивается, эти учрежденія? Аммонъ отвѣчаетъ: сословія и классы, или точнѣе: обособленіе привилегированныхъ группъ отъ всей прочей массы населенія. Услуги, оказываемыя этимъ классовымъ дѣленіемъ общества, сводятся нашимъ авторомъ къ четыремъ главнѣйшимъ: 1) существо-

ваніе классовыхъ различій ограничиваетъ тотъ районъ, среди котораго можетъ происходить спариваніе, а это обусловливаетъ собою болѣе частое появленіе высокоталантливыхъ индивидовъ; 2) обособленіе дѣтей привилегированныхъ отъ прочей массы населенія дѣлаетъ возможнымъ болѣе заботливое ихъ воспитаніе; 3) лучшее питаніе и беззаботная жизнь лицъ, принадлежащихъ къ привилегированнымъ сословіямъ, благодѣтельно дѣйствуетъ на развитіе ихъ душевныхъ свойствъ; 4) болѣе благопріятныя жизненныя условія высшихъ классовъ побуждаютъ лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ, затрачивать всѣ свои силы на соперничество, съ цѣлью быть допущенными къ пользованію лучшими условіями. Аммонъ подробно развиваетъ затѣмъ каждое изъ этихъ положеній. Образованіе классовъ, доказываетъ онъ, продолжаетъ дѣло естественнаго подбора и въ самомъ обществѣ создаетъ условія, благопріятныя ему. Если мы отмѣнимъ классы, и если люди перестанутъ ограничивать браки предѣлами, каждый своего класса, то послѣдствіемъ будетъ уменьшеніе числа индивидовъ съ высшими способностями. Считаясь съ обычнымъ возраженіемъ противъ браковъ въ тѣсной средѣ, какъ ведущихъ нерѣдко къ вырожденію, Аммонъ настаиваетъ на томъ, что въ княжескихъ и дворянскихъ семьяхъ процентъ высокоталантливыхъ людей значительно выше, чѣмъ въ остальныхъ. Эту высоту процента, какую онъ, однако, отказывается опредѣлить численно за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ, ошибочно было бы приписывать воспитанію, такъ какъ, прибавляетъ нашъ писатель, нигдѣ ребенокъ не подвергается такимъ антипедагогическимъ воздѣйствіямъ, какъ въ княжеской средѣ. Мы имѣемъ, слѣдовательно, дѣло съ прирожденными способностями. Въ княжескихъ семьяхъ мы встрѣчаемъ исключительно одаренныхъ и даже геніальныхъ людей въ значительномъ числѣ, и при томъ даже тогда, когда эти семьи поставлены въ исключительно затруднительное положеніе, повержены въ величайшую нужду и опасность. Если принять во вниманіе, что князья призваны управлять народомъ въ мирѣ и на войнѣ, то нельзя не притти къ заключенію, что законы, настаивающіе на равенствѣ браковъ, выгодны и для княжескихъ родовъ, и для всего общества.

Народы инстинктивно чувствуютъ это; вотъ почему они недоброжелательно относятся ко всякимъ mésaillances. Услуги, оказываемыя сословной или классовой организаціей въ той мѣрѣ, въ какой ею ограничивается сфера спариванія, тѣмъ болѣе значительны, что геній и талантъ, по мнѣнію Аммона, передаются по наслѣдству. Возможны, конечно, исключенія; но изъ самаго факта сокращенія сферы спариванія, а слѣдовательно и числа возможныхъ комбина-

цій, слѣдуетъ, какъ доказываетъ теорія вѣроятій, болѣе частое повтореніе той вполнѣ счастливой комбинаціи всѣхъ способностей, которая, по мнѣнію Аммона, необходима для генія. Порядокъ, въ которомъ происходитъ наслѣдственная передача генія и таланта, представленъ Аммономъ въ слѣдующемъ видѣ. Родители среднихъ дарованій, но вполнѣ подходящіе другъ къ другу, весьма часто имѣютъ талантливаго сына; менѣе частыми являются случаи, когда подходящимъ бракомъ этотъ сынъ въ свою очередь будетъ содѣйствовать передачѣ таланта своимъ собственнымъ дѣтямъ; но и это случается иногда. На разстояніи двухъ, трехъ поколѣній талантливая семья спускается до уровня посредственности. Хотя геніи, какъ общее правило, появляются, какъ кометы, но Гальтону, благодаря изученію ихъ біографіи, удалось, думаетъ Аммонъ, открыть тѣ неизмѣнные законы, которые управляютъ ихъ рожденіемъ на свѣтъ. Въ своей книгѣ о наслѣдственномъ геніи Гальтонъ указываетъ, между прочимъ, на тотъ фактъ, что въ трехъ англійскихъ семьяхъ, Норсъ, Сидней и Монтегью, которыя въ теченіе 200-хъ лѣтъ вступали въ бракъ только между собою, народилось необычайное число значительныхъ и даже весьма знаменитыхъ людей.

Другая выгода, представляемая для общества сословной и классовой организаціей, лежитъ въ томъ, что она позволяетъ при воспитаніи обособить дѣтей аристократіи отъ дѣтей простонародья. Великое и значительное зрѣетъ только при соперничествѣ съ себѣ равными и при удаленіи отъ всего зауряднаго. Особенное значеніе придаетъ Аммонъ устраненію дурныхъ примѣровъ, подаваемыхъ въ школахъ дѣтьми изъ рядовъ пролетаріата. Тѣ изъ послѣднихъ, которыя тѣмъ не менѣе попадаютъ въ школу, въ силу ли освобожденія отъ платы, или благодаря стипендіямъ, только вносятъ въ нее привычки, нравы и образъ мышленія пролетаріевъ. Нашъ авторъ думаетъ, что рѣзкій переходъ изъ рядовъ низшихъ классовъ въ ряды высшихъ представляетъ одинаковыя неудобства и для индивида, и для общества. Оживляя вновь ту точку зрѣнія, съ какой Франція стараго порядка смотрѣла на проходимцевъ, и почти буквально повторяя тѣ похвалы, какія Бональдъ расточаетъ этимъ предубѣжденіямъ, Аммонъ высказывается за то, чтобы дѣтямъ лицъ, уже поднявшихся на общественной лѣстницѣ, далеко, однако, не имъ самимъ, открыта была возможность вступленія въ высшее сословіе.

Переходя къ развитію той мысли, что привилегированное положеніе обезпечиваетъ подростающимъ поколѣніямъ возможность болѣе благопріятнаго развитія ихъ душевныхъ свойствъ, Аммонъ не отступаетъ передъ заявленіемъ, что богатый образъ жизни не столько

служитъ личнымъ интересамъ, сколько интересамъ человѣческой породы. Вѣдь только въ виду большей разносторонности ихъ способностей высшія сословія и призываются руководить обществомъ, а слѣдовательно доставлять ему по преимуществу головную работу. Такое замѣчаніе онъ распространяетъ не только на правящихъ, но и на предпринимателей, какъ организаторовъ работы. Въ законѣ сохраненія энергіи лежитъ, по мнѣнію Аммона, причина, по которой эти лица, какъ призванныя къ обнаруженію высшихъ умственныхъ способностей, должны быть освобождены отъ всякаго продолжительнаго физическаго труда. Но тотъ, кто производитъ такую затрату духовныхъ силъ, долженъ питаться лучше и изысканнѣе, чѣмъ тотъ, кто затрачиваетъ одну мускульную энергію. Вотъ почему уже фабричный рабочій питается лучше крестьянина. Если принять во вниманіе, что умственный трудъ предполагаетъ болѣе или менѣе сидячій образъ жизни, то станетъ яснымъ, почему и качество пищи въ высшемъ классѣ должно быть иное, чѣмъ въ низшемъ. Изъ всего этого Аммонъ выводитъ то заключеніе, что существующій общественный порядокъ не впалъ въ грубую ошибку при распредѣленіи имуществъ между классами (стр. 93). Онъ считаетъ поэтому основательными жалобы предпринимателей на рабочихъ, требующихъ сокращенія рабочаго дня или увеличенія платы. И то, и другое поведетъ за собою крайне невыгодныя общественныя послѣдствія и вотъ въ какомъ смыслѣ. Оно осложнитъ процессъ естественнаго подбора. У немногихъ только рабочихъ добрыя качества берутъ перевѣсъ надъ злыми. О большинствѣ этого сказать нельзя. Уголовная статистика подтверждаетъ сказанное, пишетъ Аммонъ, доказывая, что въ такъ называемые хорошіе годы число преступленій противъ собственности если и падаетъ, то только параллельно съ возрастаніемъ преступленій противъ жизни и нравственности. Вотъ почему при быстромъ увеличеніи населенія, свойственномъ нашему времени, нормальнымъ слѣдуетъ считать для рабочихъ образъ жизни, мало подымающійся надъ уровнемъ удовлетворенія потребностямъ первой необходимости.

Существованіе сословій и классовъ имѣетъ, къ тому же, то счастливое послѣдствіе, что порождаетъ въ обдѣленныхъ стремленіе напрячь всѣ свои силы, чтобы приблизиться по образу жизни къ уровню высшихъ сферъ. Эгоистическія побужденія необходимы для того, чтобы вывести изъ инертнаго состоянія большую массу людей. Многіе вѣдь только и работаютъ для того, чтобы избавиться отъ голода. Въ классахъ, стоящихъ нѣсколько выше по своимъ душевнымъ свойствамъ, импульсъ даетъ честолюбіе, но это возможно только въ виду лишь существованія высшаго

привилегированнаго сословія. Надо, пишетъ Аммонъ (стр. 97), дать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ тонкостяхъ существующаго общественнаго уклада, цѣликомъ направленнаго къ воспроизведенію высоко одаренныхъ индивидовъ, къ воспитанію и уходу за ними, наконецъ, къ тому, чтобы поставить ихъ на надлежащее мѣсто и дать имъ возможность широкой дѣятельности, чтобы тѣмъ самымъ постигнуть всю пустоту соціалъ-демократическаго идеала.

Почему же, спрашивается, необходимо съ точки зрѣнія естественнаго подбора, чтобы наличный составъ высшихъ сословій, благодаря своимъ привилегіямъ, сохранилъ возможность наслѣдственной передачи присущихъ ему дарованій, и почему эти дарованія могутъ считаться составляющими его счастливую особенность? Отвѣтъ на это, думаетъ Аммонъ, даетъ антропологія въ связи съ исторіей образованія аристократій. Историки дворянства въ Германіи показываютъ, что послѣднее возникло изъ двухъ послѣдующихъ наслоеній: во первыхъ, изъ предводителей въ войнѣ и мирѣ, отличавшихся, прибавляетъ Аммонъ, какъ всѣ арійцы, высокимъ ростомъ, удлиненнымъ черепомъ, голубыми глазами и свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ, и во-вторыхъ, изъ людей служилыхъ, въ частности тѣхъ, кто исполнялъ обязанности войсковыхъ начальниковъ или управителей—графовъ.

Это служилое дворянство, по мѣрѣ вымиранія родового, начинаетъ численно преобладать. Такимъ образомъ дворянство не представляло собою расы, отличной отъ простыхъ свободныхъ, а только высшую разновидность ея, выработавшуюся благодаря запрещенію браковъ иначе, какъ въ собственной средѣ. Несвободные классы, наоборотъ, отдѣлены отъ свободныхъ и дворянъ расовыми различіями. По всей вѣроятности уже въ доисторическую эпоху послѣдовало переселеніе въ Европу черноглазыхъ и черноволосыхъ брахоцефаловъ или круглоголовыхъ, родомъ изъ Азіи. Покоренные арійцами, они при послѣдовавшихъ столѣтія спустя отпущеніяхъ на волю образовали собою изъ прежнихъ несвободныхъ элементъ простонародья. Война и постриженіе не мало содѣйствовали вымиранію родовой аристократіи, такъ что въ настоящее время она живетъ только въ лицѣ царствующихъ династій и медіатизированныхъ князей. Впрочемъ, какъ признаетъ и самъ Аммонъ, низшее дворянство не вышло всецѣло изъ рядовъ простыхъ свободныхъ, т. е. арійцевъ. Въ составъ его вошли и несвободные, что очевидно равнозначительно включенію въ него и брахоцефаловъ (стр. 108). Этимъ объясняется, что и физическія особенности арійцевъ не составляютъ общей черты низшаго дворянства, хотя все таки голубые глаза и свѣтлые волоса, долгоголовость и высокій ростъ въ немъ болѣе часты, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ. Если прибавить, что со

временъ императора Карла IV аристократическіе роды стали еще размножаться, благодаря возведенію неблагородныхъ въ дворянское достоинство, то станетъ понятнымъ, почему физическія свойства арійцевъ не всегда встрѣчаются въ его средѣ. Но дворянствомъ еще не ограничиваются ряды высшаго привилегированнаго класса. Къ нимъ же принадлежитъ духовенство, или, какъ выражается Аммонъ, теологи. По его мнѣнію, въ ряды духовенства на первыхъ порахъ принимаемы были только дворяне (стр. 109).

Несмотря на это, при своихъ антропологическихъ изысканіяхъ въ Баденѣ, Аммонъ нашелъ, что хотя въ высшихъ классахъ и преобладаютъ долгоголовые, но большинство—брюнеты, а не блондины. Въ среднемъ же сословіи господствуетъ круглоголовость; въ городахъ болѣе представлены долгоголовые, чѣмъ въ селахъ. Баденскій статистикъ находитъ также подтвержденіе своей теоріи расовыхъ различій между сословіями въ томъ фактѣ, что, по словамъ Юлія Вольфа, рабочіе въ Парижѣ въ среднемъ числѣ носятъ шляпы меньшаго размѣра, чѣмъ люди съ образованіемъ. Если, замѣчаетъ онъ, въ одномъ классѣ преобладаетъ долгоголовость, а въ другомъ—круглоголовость, то это можетъ быть вызвано только естественнымъ подборомъ. Лица съ извѣстными душевными свойствами безсознательно, въ силу влеченія или по обстоятельствамъ судьбы, посвящаютъ себя извѣстному призванію. Въ чемъ же проявляется этотъ скрытый процессъ? Важнѣйшимъ факторомъ естественнаго подбора въ наше время, отвѣчаетъ Аммонъ, является переселеніе. Въ развитіи этой мысли нашъ авторъ встрѣтился съ Георгомъ Гансеномъ. Не оспаривая пріоритета послѣдняго, онъ довольствуется воспроизведеніемъ его выводовъ, пополняя ихъ собственными статистическими выкладками. По общему обоимъ ученію села производятъ избытокъ населенія, который, не находя заработка въ сельскомъ хозяйствѣ, принужденъ искать его на сторонѣ. Это вызываетъ переселеніе въ города, при чемъ большинство пришельцевъ примыкаетъ къ ремесленному и рабочему сословію, иначе говоря, къ низшимъ классамъ. Только незначительный процентъ посѣщаетъ высшія школы и численно усиливаетъ собою составъ образованныхъ. Уже Эттингенъ замѣтилъ, что уголовная преступность и развратъ значительно выше въ городахъ, чѣмъ въ селахъ, и этотъ высшій процентъ въ нѣкоторой степени объясняется тѣмъ одновременно добрымъ и дурнымъ воздѣйствіемъ, какое городская жизнь оказываетъ на вновь прибывшихъ. Прошедшіе черезъ этотъ первый искусъ обыкновенно даютъ возможность своимъ дѣтямъ перейти на высшую ступень ремесленниковъ и чиновниковъ. Въ третьемъ же поколѣніи переселенцы ставятъ значительный процентъ людей съ

высшимъ образованіемъ. Эти общія соображенія иллюстрируются примѣромъ Карлсруэ. Изъ статистическихъ изслѣдованій, предпринятыхъ Аммономъ, оказывается, что 82 процента переселившихся въ него поселянъ занимаютъ низшую ступень общественной лѣстницы. Изъ ихъ дѣтей только 41 процентъ принадлежитъ къ тому же классу, а изъ внуковъ—всего 40 процентовъ. Одновременно къ среднему сословію отходитъ только 14 процентовъ самихъ переселенцевъ, но уже 49 процентовъ ихъ наслѣдниковъ въ первомъ поколѣніи и 35 во второмъ. Число образованныхъ людей между переселенцами составляло всего 4 процента; между ихъ дѣтьми оно равнялось 10, а между внуками—25 процентамъ. Обратнаго потока эмиграціи изъ городовъ въ села не встрѣчается. Причина, по которой новоприбывшіе находятъ возможнымъ перейти постепенно въ высшіе слои городского населенія, объясняется быстрымъ вымираніемъ тѣхъ, кто занималъ до нихъ эти ряды. Въ этихъ условіяхъ находится высшее дворянство и другія соціально-привилегированныя семьи. Вредное послѣдствіе сидячаго образа жизни, чрезмѣрное напряженіе нервной системы и искусственное ограниченіе числа рожденій содѣйствуютъ исчезновенію цѣлыхъ поколѣній. Изъ того факта, что населеніе городовъ въ меньшей степени составлено изъ городскихъ уроженцевъ и въ большей изъ эмигрантовъ, Гансенъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что на разстояніи двухъ поколѣній происходитъ обновленіе состава городскихъ обывателей. При этомъ имъ не было принято во вниманіе переселеніе изъ одного города въ другой—обстоятельство, заставляющее Аммона нѣсколько отступить отъ Гансеновской выкладки и признать, что населеніе городовъ мѣняется въ среднемъ числѣ на разстояніи трехъ поколѣній. Всего значительнѣе вымираніе семей въ средѣ образованнаго средняго класса. Большинство городовъ возрастаетъ численно не благодаря внутреннему приросту, а благодаря возобновленію своего состава со стороны. Эмигрирующіе изъ селъ представляютъ наиболѣе слабый физически элементъ крестьянскаго населенія, элементъ непригодный къ продолженію земледѣльческихъ работъ. Вслѣдъ за Эстерлэнъ и Рейбмайеромъ, Аммонъ утверждаетъ, ничѣмъ впрочемъ не подкрѣпляя своего заявленія, что вымираніе переселенцевъ зависитъ не отъ условій ихъ матерьяльнаго положенія, условій, въ какія они попадаютъ въ городахъ, а отъ ихъ физической организаціи. Живи они даже въ дворцахъ, прибавляетъ онъ, они бы не избѣжали губительнаго вліянія туберкулоза и другихъ заразныхъ болѣзней, распространенныхъ въ ихъ средѣ.

Изъ всего сказаннаго о возобновленіи городского населенія эмиграціей изъ селъ Аммонъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что крестьян-

ское сословіе, составленное, какъ мы видѣли, изъ брахоцефаловъ, представляетъ тотъ фондъ, какимъ пополняется обыкновенно убыль всѣхъ прочихъ. Оно одно, замѣчаетъ нашъ писатель, пользуется достаточно хорошими жизненными условіями, чтобы не только сохранить свои силы, но и породить здоровое, выносливое и способное къ воспріятію потомство. Сходясь въ этомъ отношеніи, вѣроятно совершенно неожиданно для самого себя, съ Бональдомъ, баденскій статистикъ признаетъ нѣчто провиденціальное въ томъ фактѣ, что выходцы изъ селъ только во второмъ и третьемъ поколѣніи проникаютъ въ ряды высшихъ слоевъ городской буржуазіи. Необходимо, говоритъ онъ, сохраненіе традиціи и стариннаго ствола общества, ствола, имѣющаго за собой нѣсколько генерацій знанія и практическаго опыта, и къ которому могли бы примкнуть новые элементы. Въ противномъ случаѣ обществу грозитъ большой нравственный ущербъ. Постепенному вымиранію высшихъ слоевъ отвѣчаетъ большая рождаемость среди крестьянства, позволяющая ему удѣлить излишекъ своего населенія городамъ. Вотъ почему уменьшеніе процента рождаемости можетъ разсматриваться, какъ самое невыгодное обстоятельство въ жизни націи, какъ указатель упадка ея жизненной энергіи и какъ признакъ уже начавшагося вырожденія. Но если такимъ образомъ населеніе находится въ постоянномъ процессѣ возобновленія, то какъ, спрашивается, можетъ удержаться тотъ избытокъ долихоцефализма, которому Аммонъ не прочь приписать рѣшающее значеніе въ вопросѣ о культурной роли отдѣльныхъ государствъ? Нашъ писатель приходитъ на основаніи своихъ антропологическихъ измѣреній къ тому выводу, что даже въ Германіи, въ частности въ Баденѣ, процентъ уцѣлѣвшихъ долихоцефаловъ весьма ничтоженъ, а именно, онъ не болѣе 1,45 процента. Въ Россіи, по оцѣнкѣ того же писателя, арійскій элементъ всегда былъ представленъ слабѣе, чѣмъ въ Германіи, но, благодаря особенностямъ русскаго государственнаго строя ему обезпечена болѣе значительная роль, чѣмъ въ нѣмецкомъ обществѣ. Во Франціи, нѣсколько разъ возобновляемый, благодаря послѣдовательнымъ иммиграціямъ кельтовъ, готѳовъ, франковъ, бургундовъ, арійскій элементъ долженъ былъ уступить тѣмъ не менѣе первенство круглоголовой толпѣ, благодаря успѣхамъ демократіи.

Таковъ въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ ходъ мыслей, которымъ Аммонъ приходитъ къ установленію теоріи первенствующаго значенія расы въ созданіи, развитіи и паденіи государствъ. Такъ какъ высшее завоевательное племя арійцевъ всего больше сохранилось въ рядахъ военнаго класса и городской буржуазіи, то изъ этого нашъ писатель дѣлаетъ тотъ выводъ, что въ интересахъ

прогрессивнаго развитія современныхъ обществъ желательно сохранить преимущества, обезпеченныя этимъ классамъ существующимъ строемъ, прежде всего экономическимъ, а затѣмъ и политическимъ. Тѣ, кто держится противуположнаго воззрѣнія, кажутся Аммону впадающими въ явное противорѣчіе съ закономъ естественнаго подбора; въ этомъ въ частности повинны, по его мнѣнію, всѣ нивелляторы, въ томъ числѣ соціалисты.

§ 3.

Вмѣсто того чтобы критиковать эту теорію, противопоставимъ ей тѣ положенія, къ которымъ приходитъ другой поборникъ біологическаго направленія въ соціологіи, не менѣе Аммона сознающій, что главнымъ моментомъ въ исторіи общественнаго развитія является борьба за существованіе и подборъ. Говоря это, я имѣю въ виду профессора Римскаго университета Анджело Вакаро, автора сочиненія озаглавленнаго «Борьба за существованіе и ея послѣдствія въ жизни человѣчества». Центральная мысль, вокругъ которой вращается все сочиненіе, состоитъ въ рѣшеніи задачи, въ какой мѣрѣ подборъ, встрѣчающійся въ жизни общества, имѣетъ право считаться естественнымъ, и въ какой степени установленный Дарвиномъ законъ можетъ быть видоизмѣненъ въ своемъ дѣйствіи вліяніемъ среды.

Естественный подборъ имѣетъ исключительной тенденціей приспособленіе органическихъ существъ къ тѣмъ спеціальнымъ условіямъ, въ какихъ имъ приходится жить. Онъ обусловливаетъ собою прогрессъ этихъ организмовъ, т. е. дѣлаетъ ихъ болѣе сложными и совершенными въ томъ случаѣ, если среда благопріятствуетъ ихъ росту, и наоборотъ вызываетъ ихъ регрессъ, какъ въ противномъ случаѣ, такъ и тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ паразитизмомъ. Въ этомъ случаѣ вырожденіе распространяется одинаково и на жертву паразитизма, и на самого паразита. Естественный подборъ ведетъ, съ одной стороны, къ прогрессу побѣдителя, а съ другой, къ его регрессу, вырожденію и совершенному исчезновенію.

Высказавши свое убѣжденіе въ томъ, что соціологія, помимо собственныхъ законовъ, нуждается еще въ помощи болѣе широкихъ обобщеній, представляющихъ собою общіе законы жизни, Вакаро спрашиваетъ себя, въ какой мѣрѣ отмѣченный Мальтусомъ фактъ, что населеніе размножается съ большей быстротой, чѣмъ средства пропитанія, обусловливаетъ необходимость общей всѣмъ организмамъ борьбы за существованіе и въ человѣческихъ

обществахъ. Переходя отъ охотничьихъ народовъ къ народамъ земледѣльческимъ, онъ показываетъ, что вымираютъ обыкновенно наиболѣе воинствующія племена, а остаются налицо тѣ, которыя оказывали другъ другу помощь и поддержку. Такое явленіе встрѣчается уже въ обществахъ животныхъ; еще въ большей степени оно свойственно людскимъ, гдѣ такимъ образомъ альтруизмъ восполняетъ собою эгоизмъ, порождаемый, подобно послѣднему, стремленіемъ къ защитѣ. Съ того момента, когда разведеніе стадъ и утилизація злаковъ сдѣлали человѣка болѣе обезпеченнымъ въ добываніи пищи, борьба за существованіе является менѣе жестокой, хотя и продолжается попрежнему. Процессъ ея постепеннаго ослабленія нарушается однимъ общественнымъ феноменомъ—аппропріацией богатствъ меньшинствомъ и возникновеніемъ привилегированныхъ классовъ. Неравномѣрное распредѣленіе средствъ къ существованію оказываетъ свое воздѣйствіе на населеніе въ томъ смыслѣ, что часть богатствъ, которая могла бы служить на покрытіе издержекъ существованія извѣстнаго числа людей, затрачивается на удовлетвореніе искусственныхъ потребностей, на развратъ и роскошь. Отсюда возникаетъ то, что́ экономистамъ извѣстно подъ неудачнымъ названіемъ искусственной сверхнаселенности. Такимъ образомъ съ самаго начала Вакаро указываетъ, что въ созданіи собственности и привилегированныхъ классовъ слѣдуетъ видѣть не естественное послѣдствіе борьбы за существованіе, а обстоятельство, препятствующее правильному ходу этой борьбы, ставящее борющіяся стороны въ неравныя условія. Эти условія кажутся тѣмъ болѣе ненормальными, что, какъ доказываетъ Вирховъ, большой процентъ рождаемости въ классахъ необезпеченныхъ, объясняемый отсутствіемъ у нихъ умственныхъ развлеченій, только усиливаетъ неравенство. Различіе въ быстротѣ роста средствъ существованія и числа населенія оказывается особенно рѣзкимъ въ томъ классѣ, который всего болѣе является обдѣленнымъ. Причина, по которой то же явленіе индивидуальной аппропріаціи не происходитъ въ обществахъ животныхъ, лежитъ, по мнѣнію Вакаро, въ невозможности для нихъ другой наслѣдственной передачи, кромѣ той, какую представляютъ нажитыя физіологическія особенности. Только въ человѣкѣ средства защиты и наступленія, подлежащія наслѣдственной передачѣ, составляютъ нѣчто отдѣльное отъ его тѣла, обстоятельство, благодаря которому они могутъ быть накопляемы и переносимы съ одного на другого. Но тѣ, въ чью пользу происходитъ такая передача, становятся на дѣлѣ болѣе сильными, хотя бы они были по природѣ слабѣе физически или нравственно. Съ момента образованія привилегированныхъ клас-

совъ одинъ фактъ рожденія ставитъ въ условія, обезпечивающія побѣду, лицъ, которыхъ нельзя признать въ біологическомъ смыслѣ слова лучшими. Возможность накопить сверхъ необходимаго вызываетъ послѣдствія, невыгодныя для подбора. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы допустимъ, что средствъ существованія не хватаетъ для поддержанія жизни всего населенія, оказывается, что присвоившій себѣ больше нужнаго тѣмъ самымъ налагаетъ извѣстное лишеніе на другихъ (стр. 54 и 55).

Знакомя читателя съ условіями, въ какихъ происходитъ борьба среди варварскихъ и дикихъ народовъ, и показывая, въ частности, какую роль играютъ въ ней хитрость и обманъ, Вакаро справедливо высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы побѣдителями всегда являлись лучшіе. Въ противность нѣкоторымъ новѣйшимъ изслѣдователямъ, въ томъ числѣ Сальвіоли; онъ настаиваетъ на томъ, что при столкновеніи болѣе передовыхъ культуръ, пастушеской или земледѣльческой, съ культурой звѣролововъ побѣда остается не на сторонѣ племенъ, занимающихся мирными занятіями, а на сторонѣ тѣхъ, которыя изощрили свои способности нападенія и защиты постоянною борьбой. И дѣйствительно, то немногое, что намъ извѣстно о возникновеніи древнѣйшихъ государствъ, въ которомъ звѣроловъ Нимвродъ и Ромулъ, вскормленный волчицей, являются, по преданію, ближайшими инициаторами, не оставляетъ сомнѣнія, что не земледѣльческимъ народамъ, по своимъ занятіямъ болѣе мирнымъ, чѣмъ воинственнымъ, принадлежитъ починъ въ дѣлѣ насильственнаго объединенія племенъ и расъ подъ главенствомъ наслѣдственнаго вождя завоевательной банды. Если бы земледѣльцамъ суждено было покорить себѣ охотничьи и пастушескія племена, намъ бы по всей вѣроятности не пришлось слышать ни объ исторической роли Дорійцевъ, ни о скандинавскихъ викингахъ, основателяхъ государствъ одинаково на западѣ и востокѣ Европы, ни о вліяніи, оказанномъ нашествіями кочевниковъ, начиная со временъ Аларика и оканчивая временами Тамерлана, на измѣненіе политической карты Европы. Не останавливаясь долѣе на этомъ вопросѣ, прослѣдимъ дальнѣйшее развитіе мыслей Вакаро, направленное къ установленію того взгляда, что въ человѣческихъ обществахъ мѣсто естественнаго подбора занимаетъ искусственный, вліяніе котораго весьма невыгодно отражается на общихъ судьбахъ человѣчества. Завоеватели, пишетъ онъ, не только отымаютъ у покореннаго ими народа необходимыя средства для дальнѣйшей защиты и нападенія, но еще подвергаютъ его такому подбору, при которомъ наиболѣе смѣлые, гордые и сильные, насильственно устраняются, а въ живыхъ остаются только готовые къ подчиненію слабые и по-

слушные. Эта мысль, какъ видно изъ примѣчанія, развита была авторомъ болѣе подробно въ особомъ сочиненіи, озаглавленномъ «Генезисъ и функція уголовныхъ законовъ». Что касается до завоевателей, то въ ихъ средѣ, наоборотъ, продолжительное существованіе обезпечено только подъ условіемъ, какъ выражается Спенсеръ, воинственности, смѣлости и эгоизма. А этого, прибавляетъ Вакаро, достаточно, чтобы понять причину, по которой себялюбіе и звѣрство такъ долго удержались въ рядахъ человѣчества. При болѣе детальномъ разсмотрѣніи вопроса о томъ, кто является ближайшей искупительной жертвой всякаго насильственнаго подчиненія однимъ народомъ другого, немудрено прити къ заключенію, что завоеватель прежде всего стремится къ приниженію тѣхъ, кто раньше стоялъ во главѣ покоренныхъ. Вакаро не иллюстрируетъ этой мысли примѣрами, но пріискать ихъ было бы не трудно, начиная съ эпохи Пуническихъ войнъ и гибели Карѳагена и оканчивая не только завоеваніемъ Англіи Норманами, но и покореніемъ Новгорода Иваномъ III и Казанскаго царства Іоанномъ IV. Подводя итогъ всему сказанному имъ о вліяніи «политическаго подбора», Вакаро не прочь признать, что его послѣдствіемъ было насильственное нарушеніе тѣхъ условій равенства, въ какихъ происходитъ борьба за существованіе въ предѣлахъ животнаго царства, и обезпеченіе торжества нерѣдко слабыхъ надъ сильными и худшихъ надъ лучшими. Къ только что разсмотрѣннымъ общимъ причинамъ, извращающимъ послѣдствія борьбы за существованіе и естественнаго подбора, Вакаро присоединяетъ рядъ второстепенныхъ, какъ-то антропофагію и человѣческія жертвоприношенія; при этомъ онъ настаиваетъ на той мысли, что, въ отличіе отъ животныхъ, у которыхъ только въ рѣдкихъ случаяхъ индивиды одного и того же вида служатъ пищей другъ для друга, человѣкъ систематически истребляетъ на первыхъ порахъ себѣ подобныхъ, преслѣдуя ближайшую цѣль—поддержанія собственной жизни. У Надальяка онъ заимствуетъ то положеніе, что нѣтъ расы и народа, у которыхъ нельзя было бы встрѣтить нѣкогда антропофагіи и человѣческихъ жертвоприношеній.

Рядомъ съ антропофагіей, въ число причинъ, препятствующихъ дѣйствію закона естественнаго подбора, нашъ авторъ ставитъ одинаково часто практикуемый у дикарей «абортъ»—убіеніе младенцевъ, особенно женскаго пола, приниженное положеніе женщинъ, наконецъ рабство, встрѣчаемое уже у нѣкоторыхъ видовъ животнаго царства, напримѣръ, у муравьевъ, и сдѣлавшееся у людей общераспространеннымъ съ момента перехода отъ первобытныхъ промысловъ къ скотоводству и земледѣлію. Недостаточное и

дурное питаніе, чрезмѣрная работа, состояніе нравственной подавленности, дурное обращеніе, все это вмѣстѣ взятое должно было произвесть, по мнѣнію Вакаро, вырожденіе физическаго типа рабовъ. Недаромъ же Аристотель, признававшій рабство согласнымъ съ природой, указываетъ на то, что послѣднее установляетъ различіе въ физическомъ строеніи между людьми, свободными и несвободными. Другимъ послѣдствіемъ рабства является измѣненіе физическаго типа и самихъ господъ подъ вліяніемъ привычки къ паразитизму. Это обстоятельство отмѣчено было также уже Аристотелемъ, признававшимъ людей свободныхъ неспособными сгибать хребетъ для тяжкихъ работъ. Оно съ наглядностью выступаетъ, по описанію Швейнфурта, въ современномъ Египтѣ, гдѣ обычай держать толпы рабовъ сопровождается совершеннымъ и добровольнымъ бездѣйствіемъ со стороны господъ, которымъ одинаково чужды и трудъ, и всякія физическія удовольствія, будетъ ли то охота, ѣзда верхомъ, гребля и даже простая прогулка. Когда подумаешь, пишетъ Вакаро, что рабство существовало въ теченіе тысячелѣтій, что для его отмѣны въ Америкѣ пришлось недавно вести войну, поведшую за собой потерю сотенъ тысячъ людей, когда отдаешь себѣ отчетъ въ томъ, что несвобода еще держится въ Африкѣ, Полинезіи, Меланезіи и другихъ мѣстахъ, то не хватаетъ смѣлости говорить о прогрессивномъ вліяніи подбора. Въ противуположность Аммону, который, какъ мы сказали, въ сословномъ строѣ видитъ одно изъ благопріятныхъ условій развитія человѣчества, такъ какъ имъ обезпечивается преобладаніе арійской крови, Вакаро подробно останавливается на доказательствѣ того задерживающаго вліянія, какое на дѣйствіе естественнаго подбора оказывали всякаго рода монополіи и привилегіи въ пользу того или другого сословія или класса, всего же болѣе тамъ, гдѣ общественныя группы принимали характеръ замкнутости и наслѣдственности, другими словами, характеръ кастъ. Въ то самое время, пишетъ онъ, когда браминъ, преданный лѣни, насилуетъ сотни дѣвушекъ, содержимыхъ при храмахъ, въ надеждѣ тѣмъ самымъ слиться съ Брамою, тысячи человѣческихъ существъ, чандалы или паріи и презираемые еще болѣе ихъ пуріа, умираютъ отъ голода и лишеній или настолько вырождаются, что теряютъ даже обликъ человѣческій. И въ Греціи, пишетъ Вакаро, есть основаніе говорить о естественномъ подборѣ не въ восходящей, а въ нисходящей линіи, разъ мы примемъ во вниманіе фактъ низведенія Дорійцами мѣстнаго населенія до роли полусвободныхъ періойковъ и государственныхъ рабовъ или илотовъ и нелучшее положеніе мнойтовъ Крита и пенестовъ Ѳессаліи. Съ цѣлью сохранить свое

господство, Спартанцы не отступали даже передъ убійствомъ массами, по свидѣтельству Атенея, наиболѣе взрослыхъ и сильныхъ духомъ илотовъ; та же практика распространена была въ Греціи повсюду, гдѣ имѣлись полусвободные или рабы. Къ расовымъ различіямъ, породившимъ сословныя дѣленія, присоединились со временемъ тѣ, источникомъ которыхъ является богатство и бѣдность. Недаромъ же Аристотель приписываетъ аѳинскимъ плутократамъ готовность принять присягу въ томъ, что они причинятъ народу столько вреда, сколько будетъ въ ихъ власти. И неудивительно, если у того же писателя въ опредѣленіе тиранна вносится признаніе, что его миссію составляетъ защита народа отъ богатыхъ. Подводя итогъ всему сказанному имъ о дѣйствіи естественнаго подбора въ древней Греціи, Вакаро считаетъ себя въ правѣ объявить, что завоеватели Дорійцы сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы устранить лучшихъ людей изъ среды побѣжденныхъ. Къ этому сознательному процессу присоединился безсознательный, сказавшійся въ устраненіи бѣдностью и уничиженіемъ менѣе выродившихся поколѣній въ средѣ побѣжденныхъ. Безконечныя междоусобія, сперва аристократіи съ демосомъ, затѣмъ богатыхъ съ бѣдными, повели къ тому же исходу. Одержавшая верхъ партія истребляла, изгоняла и обирала наиболѣе выдающихся лицъ изъ среды побѣжденныхъ. А такъ какъ побѣда переходила постепенно отъ одной партіи къ другой, то въ концѣ концовъ получилось совершенное исчезновеніе наиболѣе разумныхъ и энергичныхъ. То же только на болѣе широкой аренѣ повторилось и въ Римѣ. Довольно подробный очеркъ, въ которомъ Вакаро резюмируетъ его исторію съ указанной точки зрѣнія, заканчивается указаніемъ на то, что паразитизмъ сверху и угнетеніе снизу постепенно повели къ совершенному исчезновенію стариннаго, воинственнаго племени, которому Римъ обязанъ былъ своимъ основаніемъ и величіемъ. Сама императорская власть сосредоточилась въ рукахъ такихъ варваровъ, какъ Траянъ, Северъ, Авреліанъ, Діоклетіанъ и Константинъ, сынъ Дакійки. Такой захватъ императорской власти иноплеменниками совершился за цѣлыя столѣтія до момента раздѣла римской территоріи между нарушившими ея границы варварами-завоевателями. Вырожденіе, а затѣмъ одновременная гибель и побѣдителей, и побѣжденныхъ — таковы были крайніе результаты, достигнутые борьбой за существованіе въ предѣлахъ древняго Рима.

Съ переходомъ въ средніе вѣка, Вакаро не мудрено показать, что въ крѣпостномъ правѣ, начало которому было положено еще въ римскомъ колонатѣ, имѣлись достаточныя основанія для под-

бора въ той же нисходящей линіи, что и въ древней Греціи или въ Римской Имперіи. «Сеньеры причиняютъ намъ только вредъ — говорятъ крѣпостные въ извѣстномъ эпическомъ произведеніи «Le roman de la rou». Мы не можемъ добиться отъ нихъ правосудія— они всѣмъ владѣютъ, все могутъ, все пожираютъ. Мы же живемъ въ бѣдности и горѣ». Если такое положеніе объясняетъ причину крестьянскихъ возстаній, то сами эти возстанія, наполняющія собою все 14, 15 и 16 столѣтія, являются достаточнымъ основаніемъ для признанія, что къ дѣйствію естественнаго подбора присоединяется съ нимъ прямо въ разрѣзъ идущій подборъ искусственный. Тогда какъ въ сельскомъ населеніи крѣпостное право было ближайшимъ виновникомъ извращенія результатовъ, достигаемыхъ борьбой за существованіе, въ области городскихъ промысловъ то же явленіе порождено было цехами и гильдіями, тѣмъ характеромъ исключительности и монополіи, какой постепенно пріобрѣтенъ былъ этими союзами. Принимая во вниманіе, пишетъ Вакаро, что цехи не были отмѣнены окончательно даже во Франціи ранѣе 1789 года, и что въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Россіи и Польшѣ, крѣпостное право продолжало держаться до 1861 года, никто не призванъ утверждать, что и въ средѣ наиболѣе передовыхъ народовъ лучшіе, т. е. наиболѣе разумные, предпріимчивые и нравственные, одержали надъ худшими верхъ. Но причина этого очевидно не иная, какъ та, что политическія и экономическія привилегіи, ставя людей въ неравныя условія, тѣмъ самымъ обезпечиваютъ побѣду за тѣми, кто всего менѣе ея заслуживаетъ.

Переходя отъ историческаго очерка къ характеристикѣ того вліянія, какое политическія и экономическія привилегіи оказываютъ въ наше время на конечный исходъ борьбы за существованіе, Вакаро въ слѣдующихъ словахъ резюмируетъ свою точку зрѣнія на роль буржуазіи въ руководительствѣ новѣйшими судьбами человѣчества. Аристократія, пишетъ онъ, въ теченіе столѣтій вела жизнь паразитовъ. Естественный подборъ не въ состояніи былъ усовершенствовать ея въ чемъ либо, кромѣ искусства эксплуатировать классы, ей подчиненные. Разъ всѣ привилегіи были уничтожены и провозглашено равенство людей, дворяне оказались въ положеніи рыбъ внѣ воды. Нѣкоторое время они еще пользовались своими богатствами и пріобрѣтеннымъ вліяніемъ для того, чтобы сохранить за собою привилегированное положеніе. Но законы наслѣдованія, вызывая раздѣлъ ихъ обширныхъ владѣній, и громадныя затраты, производимыя ими, чтобы поддержать блескъ своего имени, не замедлили умалить ихъ состоянія. Однако, по мѣрѣ того, какъ аристократія падала, среднее сословіе, еще недавно бывшее

ничѣмъ, а теперь сдѣлавшееся всѣмъ (фраза Сіэса), при помощи торговли и умѣнія эксплуатировать рабочіе классы, вытѣсняло собою аристократію изъ занятаго ею положенія и водворялось на ея мѣстѣ. Въ передовыхъ странахъ Европы, гдѣ этотъ процессъ уже завершился, все населеніе распалось на владѣльцевъ и пролетаріевъ. Между этими классами, выросшими одинъ возлѣ другого, нѣтъ гармоніи интересовъ, а имѣется соперничество и ненависть. Этотъ антагонизмъ растетъ съ каждымъ днемъ и грозитъ самому существованію общества. Надо быть слѣпымъ или безумнымъ, чтобы не видѣть, что во всѣхъ образованныхъ націяхъ классы, обдѣленные судьбою, все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ сознаніе своей силы, такъ что вскорѣ нельзя будетъ сдерживать ихъ въ повиновеніи или проводить ихъ пустыми словами...

Пока можетъ быть только поставленъ вопросъ о томъ, не согласится ли буржуазія, владѣющая нынѣ монополіей политической власти, отказаться добровольно отъ тѣхъ выгодъ, какія она извлекаетъ изъ этой монополіи, и измѣнить общественный строй къ выгодѣ обдѣленныхъ. Въ отличіе отъ Лоріа, который рѣшаетъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, Вакаро думаетъ, что стоитъ только присмотрѣться къ тому, что происходитъ у насъ на глазахъ, чтобы вынести слѣдующее убѣжденіе. По мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ пріобрѣтаетъ все большее политическое значеніе въ виду вынужденныхъ уступокъ буржуазіи, является возможность болѣе равномѣрнаго распредѣленія производимыхъ богатствъ и порождаются условія, благопріятныя трансформаціи существующаго экономическаго строя. Повсюду въ средѣ образованныхъ націй трудящійся людъ, руководимый нѣкоторыми перебѣжчиками изъ среды владѣтельнаго класса, организуется, пріобрѣтаетъ сознаніе своей власти и пользуется ею для защиты собственныхъ интересовъ и усовершенствованія своихъ условій. Несмотря на экономическую зависимость отъ буржуазіи, рабочіе начинаютъ проводить своихъ кандидатовъ на выборахъ; эти кандидаты защищаютъ ихъ интересы и преслѣдуютъ ихъ цѣли: они пользуются всякими благопріятными обстоятельствами, въ томъ числѣ раздорами между представителями буржуазіи, всѣми скандалами, всѣми политическими и военными неудачами, чтобы добиться уступокъ въ пользу простонародья, которое, благодаря этому, пріобрѣтаетъ все большее значеніе и добивается все большихъ и большихъ уступокъ. Таковъ путь, которымъ въ прошломъ подчиненные классы мало по малу достигали эмансипаціи и улучшенія своихъ экономическихъ условій, улучшенія, возможнаго только рядомъ и бокъ о бокъ съ возрастаніемъ ихъ политическаго значенія.

Такимъ образомъ общее заключеніе Вакаро сводится къ увѣренности въ наступленіи обстоятельствъ, если не болѣе благопріятныхъ, то по крайней мѣрѣ менѣе парализующихъ благотворное вліяніе естественнаго подбора.

§ 4.

Положить принципъ приспособленія въ основу всей исторіи человѣчества, доказывая въ частности, что рабство, крѣпостничество и саларіатъ, въ своемъ историческомъ преемствѣ, являются такими же формами приспособленія покоренныхъ къ задачамъ, преслѣдуемымъ побѣдителями, въ какой то же можно сказать въ уменьшающейся только прогрессіи о деспотіи, теократіи, монархіи и народоправствѣ—такова основная мысль второго и можетъ быть наиболѣе значительнаго соціологическаго трактата Вакаро, озаглавленнаго: «Соціологическія основы права и государства». Сказать, чтобы ему вполнѣ удалось ввести въ рамки процесса приспособленія разнообразное содержаніе общественной и политической жизни со времени возникновенія первыхъ родовъ и оканчивая временемъ образованія современныхъ демократическихъ республикъ, было бы разумѣется преувеличеньемъ. Какъ ни растяжимо понятіе приспособленія, не легко подвесть подъ него такія явленія, какъ войны и междоусобія, поголовныя истребленія десятковъ и сотенъ тысячъ людей, поднявшихся въ защиту своей вѣры или своей національной независимости, а также тѣ гекатомбы плѣнниковъ, которыхъ религіозный фанатизмъ заставлялъ приносить въ жертву богамъ, наконецъ, тѣ новѣйшія формы эксплуатаціи женскаго и дѣтскаго труда, свидѣтелями котораго были современники Фурье и Роберта Овена, и которыя продолжались до тѣхъ поръ, пока сперва англійскій парламентъ, а затѣмъ, по его примѣру и континентальныя палаты не сочли нужнымъ положить конецъ такой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ съ помощью фабричныхъ законовъ. Но, сдѣлавъ подобныя оговорки, нельзя не сказать, что Вакаро, быть можетъ въ большей степени, чѣмъ любому изъ современниковъ, удалось использовать при развитіи своей основной темы тотъ богатый матерьялъ, который исторіографія въ связи съ этнологіей накопила въ теченіе послѣднихъ полутораста лѣтъ для рѣшенія важнѣйшихъ задачъ соціальной динамики. Отмѣчу прежде всего общность взглядовъ Вакаро и Тарда на роль приспособленія, какъ важнѣйшаго общественнаго фактора, при не вполнѣ одинаковомъ, однако, пониманіи обоими его природы. Для Тарда, какъ мы видѣли, приспособленіе не иное что, какъ примѣнительное къ мѣстнымъ и времен-

нымъ условіямъ подражаніе, или, иначе говоря, повтореніе открытія или изобрѣтенія въ измѣненной средѣ. Для Вакаро приспособленіе имѣетъ характеръ быть можетъ не вполнѣ сознательной, но всегда оправдываемой опытомъ практики, позволяющей той или другой общественной средѣ выйти побѣдительницей изъ борьбы за существованіе и не только упрочить свой бытъ въ настоящемъ, но и создать условія благопріятныя для своего дальнѣйшаго развитія. Это, очевидно, та самая точка зрѣнія, съ которой Дарвинъ считаетъ возможнымъ говорить о переживаніи во всей органической природѣ наиболѣе приспособленныхъ, или, употребляя его выраженія, наиболѣе годныхъ для продолженія существованія (the survival of the fittest). Вакаро не скрываетъ того, что его попытка сводится только къ примѣненію основной теоремы современной біологіи къ области общественной жизни. Процессъ приспособленія въ животномъ царствѣ, или по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нѣкоторымъ видамъ послѣдняго, напримѣръ, муравьямъ, пчеламъ, достигъ, по мнѣнію итальянскаго соціолога, даже несравненно большаго совершенства, чѣмъ въ мірѣ людей. Этотъ фактъ объясняется имъ сравнительно позднимъ появленіемъ послѣднихъ, благодаря чему и самый процессъ приспособленія имѣлъ въ ихъ средѣ меньшую продолжительность *). Вакаро подробно останавливается на рядѣ соображеній

*) Когда подумаешь, пишетъ Вакаро, что нѣкоторыя низшія породы животныхъ, какъ, напримѣръ, пчелы, муравьи и т. д., а равно и нѣкоторые виды птицъ и травоядныхъ, встрѣчаемыхъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ, лучше людей приспособлены къ общественной жизни, самъ собою является вопросъ, къ чему служитъ человѣку считаться царемъ земли, когда другія твари живутъ въ большей гармоніи между собою, чѣмъ люди? На что служитъ намъ наше превосходство—наша умственная сила, источникъ столькихъ изумительныхъ открытій и изобрѣтеній, разъ наше собственное приспособленіе столь несовершенно, что дѣлаетъ насъ болѣе несчастными, чѣмъ большинство низшихъ животныхъ («Les bases sociologiques du droit et de l'état» par M. A. Vaccaro, стр. 440). Читатель въ правѣ, разумѣется, спросить себя, какъ можетъ Вакаро знать что либо о счастіи или несчастіи низшихъ породъ животнаго царства, и, съ другой стороны, въ какой мѣрѣ это представленіе о высшей ступени ихъ общественной приспособляемости мирится съ тѣмъ массовымъ истребленіемъ ихъ, о которомъ говоритъ Дарвинъ, справедливо указывающій на то, что въ этомъ фактѣ надо видѣть противовѣсъ ихъ быстрой размножаемости. Позволено также сомнѣваться, чтобы пріуроченье, положимъ, между пчелами, однѣхъ къ функціямъ размноженія, а другихъ къ физическому труду, «пріуроченье, идущее далѣе кастоваго устройства», могло бы считаться высокой ступенью общественнаго приспособленія и условіемъ счастья для большинства.

Признавая самъ довольно безполезными всѣ сѣтованія по поводу недостаточной общественной приспособленности людей, Вакаро рекомендуетъ задаться вопросомъ о причинахъ этого феномена и самъ даетъ примѣръ рѣшенія этой задачи, говоря: человѣкъ явился на землю позже другихъ живот-

о причинахъ, тормозящихъ процессъ развитія общественнаго приспособленія между людьми, и указываетъ въ числѣ ихъ отмѣченный еще Мальтусомъ законъ размноженія человѣческой породы въ болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ та, какой слѣдуютъ средства существованія. Онъ, правда, не упоминаетъ прямо имени Мальтуса, но та недостаточность условій, необходимыхъ для жизни, о которой онъ говоритъ, какъ о препятствіи къ развитію процесса приспособленія, очевидно не можетъ быть порождена ничѣмъ инымъ, какъ этимъ несоотвѣтствіемъ роста человѣческой породы съ накопленіемъ предметовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни. Имъ обусловливается и то стремленіе къ сбереженіямъ, которое выступаетъ въ жадности и скупости, послѣдствіемъ чего является искусственное уменьшеніе суммы средствъ существованія, а потому и ухудшеніе условій борьбы за него, внесеніе въ эту борьбу элемента неравенства, порождаемаго не однимъ превосходствомъ и потому иногда ведущаго къ торжеству худшихъ и конечному вырожденію *). Говоря это, авторъ очевидно повторяетъ основной тезисъ своего перваго сочиненія, обстоятельство, благодаря которому онъ и не считаетъ нужнымъ долго останавливаться на этой мысли и переходитъ къ разсмотрѣнію другихъ причинъ, затрудняющихъ развитіе процесса приспособленія въ человѣческой средѣ. Въ числѣ ихъ прежде всего надо указать на несравненно бо̀льшую сложность и измѣнчивость человѣческой среды сравнительно съ средою животныхъ. Отъ нея зависитъ, думаетъ Вакаро, болѣе частое повтореніе въ ней переворотовъ, или «пертурбацій», мѣшающихъ нормальному теченію процесса приспособленія. Перевороты эти тѣмъ болѣе часты, что люди нерѣдко переходятъ для жизни изъ болѣе благопріятной среды въ менѣе благопріятную, что, разумѣется, еще болѣе затрудняетъ процессъ приспособленія. Въ одной изъ первыхъ главъ своего сочиненія нашъ авторъ подробно останавливается на развитіи этого положенія; онъ пользуется при этомъ весьма интересными соображеніями, сдѣланными, вслѣдъ за Ламаркомъ и Дарвиномъ, Морселли въ отношеніи не только къ животному, но и растительному царству, и сопоставляетъ съ ними тѣ данныя, какія этнографія и исторія даютъ намъ о судьбѣ племенъ,

---

ныхъ. Онъ имѣлъ поэтому меньшую возможность, чѣмъ прочія, приспособиться къ жизни. Кромѣ того, у животныхъ приспособленіе—результатъ варіацій, сдѣлавшихся органическими и передаваемыхъ по наслѣдству съ большей правильностью, чѣмъ у людей, общественная жизнь которыхъ слагается изъ феноменовъ, которые почти не могутъ быть признаны инстинктивными (ibid).

*) Ibid., стр. 441.

искусственно перемѣщенныхъ изъ одного климата и одной природной обстановки въ другія. Я долженъ, впрочемъ, сказать, что фактическій матерьялъ, имъ сообщаемый по отношенію къ человѣческому царству, слишкомъ недостаточенъ и скуденъ, почему и общіе его выводы страдаютъ неопредѣленностью и блѣдностью. Вопросъ принадлежитъ, разумѣется, къ числу такихъ, которые по праву должны обратить на себя вниманіе соціологовъ, но которые пока оставляются ими въ тѣни. Я не ставлю его въ число легко рѣшаемыхъ и вотъ по какой причинѣ. Эмиграція въ наши дни придерживается, какъ извѣстно, климатерическихъ зонъ. Итальянцы ищутъ при переселеніи болѣе теплыхъ странъ, подобно тому, какъ выходцы изъ Скандинавіи, что замѣчено въ частности въ Соединенныхъ Штатахъ, даютъ предпочтеніе странамъ, напоминающимъ собою мѣстности лѣсистыя, обильныя водою и скорѣе съ суровымъ, чѣмъ умѣреннымъ климатомъ ихъ собственной родины. Въ тѣхъ же Соединенныхъ Штатахъ нѣмцы селятся въ тѣхъ самыхъ зонахъ, въ которыхъ осѣлись въ Европѣ ихъ отдаленные предки. Сами англичане избѣгаютъ тропическихъ климатовъ, чѣмъ и объясняется слабая численность ихъ въ Индіи, если не считать военныхъ и чиновниковъ, и сосредоточеніе чисто англійской крови въ Соединенныхъ Штатахъ къ сѣверу отъ Флориды и Гвіанскаго залива. Такимъ образомъ современная колонизація можетъ поставить лишь рѣдкіе примѣры значительнаго измѣненія процесса общественнаго приспособленія подъ вліяніемъ перехода въ новую физическую среду. Къ числу такихъ примѣровъ можно отнести скорѣе феодальные, чѣмъ индустріальные порядки французовъ, осѣвшихся въ Луизіанѣ; но вызвана ли эта особенность климатомъ, или рабствомъ негровъ—остается еще такимъ же вопросомъ, какъ и взаимная обусловленность обѣихъ сейчасъ указанныхъ причинъ. Восходя къ болѣе отдаленнымъ временамъ, положимъ, къ эпохѣ, когда наплывъ азіатскихъ кочевниковъ, въ числѣ ихъ арійцевъ, сталъ оттѣснять болѣе на сѣверъ сперва финскія племена, нѣкогда занимавшія среднюю полосу Россіи, затѣмъ отдѣльныя вѣтви восточныхъ славянъ, мы встрѣчаемся съ другимъ препятствіемъ, съ молчаніемъ источниковъ или съ одними косвенными указаніями ихъ на перемѣны, послѣдовавшія въ общественномъ укладѣ. Такъ въ «Калевалѣ» можно найти отрывочныя черты болѣе земледѣльческаго быта, чѣмъ тотъ, какой финамъ приходится вести въ области великихъ озеръ, а въ памятникахъ нашей экономической и юридической жизни 14 и 15 столѣтія—указанія на то, что, вопреки условіямъ климата, русское населеніе съ переходомъ изъ черноземнаго приднѣпровья на московскій суглинокъ не только не порвало съ своимъ земледѣльческимъ бытомъ, но наобо-

ротъ развило его. Этотъ фактъ, уже отмѣченный проф. Ключевскимъ, можетъ служить довольно характернымъ примѣромъ того, что условія обмѣна въ значительной степени могутъ парализовать вліяніе климата. Запросъ варяжскихъ купцовъ, торгующихъ съ Византіей, на звѣриныя шкуры могъ поддерживать звѣроловство въ странѣ, благопріятной земледѣлію, а отрѣзанность отъ южныхъ рынковъ, вызванная татарскимъ владычествомъ, обратить жителей Московской Руси въ хлѣбопашцевъ, несмотря на обиліе лѣсовъ и уловов и слабое плодородіе почвы. Я сомнѣваюсь также, чтобы въ исторіи восточныхъ деспотій, которыя первыя показали примѣръ грандіозныхъ переселеній покоренныхъ племенъ въ новыя области, можно было найти достаточный матерьялъ для характеристики перемѣнъ, вызванныхъ такимъ феноменомъ въ общественномъ укладѣ. Что дошло до насъ отъ эпохи вавилонскаго плѣненія евреевъ помимо сѣтованій Іереміи? Примѣръ, представляемый разселеніемъ евреевъ по всей поверхности земного шара и сохраненія ими въ то же время не только своего физическаго типа, но и характерныхъ особенностей своей психіи, ратуетъ скорѣе противъ мысли о первенствующей роли климата и физической среды на измѣненіе общественной структуры, или, выражаясь языкомъ Вакаро, на степень общественнаго приспособленія. Почти нигдѣ евреи не сдѣлались земледѣльцами, почти повсюду ихъ роль ограничивалась сферою торговаго обмѣна и денежныхъ спекуляцій въ большей степени, чѣмъ участіемъ въ обрабатывающей промышленности. Такой феноменъ легко привесть въ причинную зависимость съ тѣми общественными условіями, какія созданы были для нихъ христіанской и магометанской нетерпимостью. И эти-то условія чисто культурнаго характера одолѣли въ концѣ концовъ обратную имъ тенденцію—географическаго и климатическаго фактора. Не расовыя особенности сохранились неизмѣнными вопреки перемѣщенію въ другую физическую среду, а историко-культурныя причины создали эти расовыя особенности, наперекоръ вліянію климата и другихъ природныхъ условій. Пахари и скотоводы въ Палестинѣ, евреи становятся ростовщиками и банкирами на всемъ протяженіи средневѣковой Европы и торговцами въ предѣлахъ мусульманскаго востока, а также на всемъ протяженіи Рѣчи посполитой, гдѣ, въ сообществѣ съ нѣмцами, они образуютъ изъ себя единственно извѣстное въ странѣ среднее сословіе. Но стоитъ посѣтить ихъ аулы въ Дагестанѣ, чтобы вынести убѣжденіе въ возможности для народа Израильскаго прежняго пастушескаго и только отчасти земледѣльческаго быта, быта, какимъ они жили нѣкогда на берегахъ Іордана и въ Галилеѣ, и даже сохраненія ими того воин-

ственнаго родового строя, который, за отсутствіемъ всякой сколько нибудь прочно установившейся въ Дагестанѣ политической организаціи, одинъ позволилъ имъ сохранить ихъ относительную независимость отъ сосѣднихъ племенъ. Все это очевидно не говоритъ въ пользу поддерживаемаго Вакаро положенія и указываетъ не только на трудность, но и на спорность возбужденнаго имъ вопроса. Что смертность ускоряется быстрымъ переходомъ изъ однихъ климатическихъ условій въ другія, какъ показываетъ цитируемый Дарвиномъ примѣръ насильственнаго переселенія Испанцами племени Аймаръ съ холоднаго плоскогорія, ими занимаемаго, въ низкія долины и, нѣсколько поколѣній спустя, обратно на прежнюю родину говоритъ намъ о чемъ-то совершенно иномъ. Оно доказываетъ, что всякій рѣзкій переходъ въ физическихъ условіяхъ отражается неблагопріятно на судьбѣ подвергшихся ему поколѣній, все равно будетъ ли имъ вынужденный выборъ новой родины, или возвращеніе въ старую. Оно отнюдь не даетъ намъ права сомнѣваться въ возможности позднѣйшаго размноженія эмигрантовъ въ новой физической средѣ. Примѣръ Мормоновъ въ высшей степени убѣдителенъ въ этомъ отношеніи. Имъ дважды приходилось мѣнять свою родину, переселяясь подъ вліяніемъ болѣе общественной, чѣмъ религіозной нетерпимости своихъ сосѣдей изъ степей Иллинойса сперва въ лѣса Миссури, а затѣмъ въ пустыню Соленаго Озера. И это обстоятельство, несомнѣнно вызывавшее каждый разъ увеличенную смертность въ ихъ средѣ, нисколько не помѣшало ихъ дальнѣйшему численному росту, при всей неблагопріятности физическихъ условій, вскорѣ существенно измѣненныхъ ихъ феноменальной энергіей и успѣшной борьбой съ безводьемъ и безлѣсьемъ. Все то, что говоритъ Вакаро о послѣдствіяхъ искусственнаго перемѣщенія племенъ изъ одной родины въ другую, сводится къ измѣненію не ихъ общественной структуры, а ихъ физическаго типа; таково, напримѣръ, замѣчаніе, что, когда люди сѣвера переселяются въ жаркія страны, ихъ кровообращеніе становится болѣе дѣятельнымъ, количество крови уменьшается, и артеріи оказываются менѣе наполненными кровью. Такое измѣненіе порождаетъ въ людяхъ страданіе и увеличиваетъ ихъ смертность. Но разъ уцѣлѣвшимъ въ живыхъ удалось приспособиться къ новымъ условіямъ,—нѣтъ болѣе препятствій къ ихъ размноженію; одна мускулатура ихъ теряетъ прежнюю энергію *). Все это несомнѣнно справедливо, но не служитъ отвѣтомъ на вопросъ, какое вліяніе переселеніе имѣетъ на измѣненіе условій общественной среды. По моему мнѣнію, не

---

*) См. стр. 21.

можетъ быть и рѣчи о прямомъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ.—Самое большее, можно допустить, смотря по обстоятельствамъ, усиленіе или уменьшеніе, вмѣстѣ съ мускульной энергіей, и энергіи психической, что въ послѣднемъ случаѣ предполагаетъ ретроградированье и въ сферѣ общественныхъ отношеній. Мы видѣли, что нѣкоторые писатели, и никто болѣе Лоріа, возводятъ это на степень какого-то безповоротнаго закона по отношенію ко всѣмъ колонистамъ, не устанавливая при этомъ никакихъ различій въ зависимости отъ худшихъ или лучшихъ физическихъ условій, какія переселенцы находятъ въ новой родинѣ. Мы показали въ другомъ мѣстѣ нашей книги, что такое положеніе вовсе не оправдывается приводимыми въ защиту его фактами, и что тѣ явленія, въ которыхъ Лоріа видитъ возрожденіе старыхъ порядковъ, на самомъ дѣлѣ могутъ считаться только дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ и приспособленіемъ къ новымъ условіямъ. Если бы переселеніе всегда имѣло послѣдствіемъ дегенерацію, то намъ невозможно было бы объяснить и развитіе высшей культуры аріями—переселенцами все равно съ плоскогорій ли внутренней Азіи, съ Гиндукуша и Памира, или съ степей южной Россіи. Греческая и римская культура была создана этими переселенцами въ такой же степени, въ какой гражданственность современной Европы и Америки обязана своимъ происхожденіемъ эмиграціи германскихъ племенъ, а русская—напору гонимыхъ съ береговъ Дуная и временно осѣвшихся въ окрестностяхъ Карпатъ восточныхъ Славянъ. Мнѣ кажется, что при сужденіи о послѣдствіяхъ переселеній недостаточно принимать во вниманіе одну перемѣну въ условіяхъ физической среды, но также то возбужденіе психической энергіи, какое вызываетъ насильственное сближеніе съ чужими племенами и народами. Вѣдь переселенцы не всюду же встрѣчаютъ дѣвственные лѣса и пустыни? Въ теченіе своихъ вѣковыхъ миграцій арійцамъ приходилось сталкиваться и съ семитами, и съ тюркскими и финскими насельниками. Отмѣченный уже филологами фактъ, что названіе нѣкоторыхъ металловъ и земледѣльческихъ орудій носитъ въ арійскихъ языкахъ слѣды иноземнаго заимствованія *), позволилъ Рудольфу Іерингу построить весьма вѣроятную на мой взглядъ гипотезу о томъ, что пастушескій народъ, какимъ на первыхъ порахъ были арійцы, только благодаря сближенію съ ранѣе развившимися культурами—тюркскими или семитическими (вспомнимъ хотя бы древнюю культуру акадійцевъ и весьма древнюю, хотя бы и позднѣе ея развившуюся, культуру вавилонянъ), сдѣлались народомъ земледѣльческимъ и пріобрѣли знакомство съ употребленіемъ желѣза. Не вдаваясь въ

*) В. Ѳ. Миллеръ показалъ это въ частности на примѣрѣ Осетинъ.

дальнѣйшія разсужденія по поднятому Вакаро вопросу и далеко не считая его рѣшеннымъ въ томъ или другомъ смыслѣ, мы перейдемъ въ настоящее время къ разсмотрѣнію основной темы разбираемаго нами сочиненія, которая, какъ мы сказали, сводится къ раскрытію процесса приспособленія въ различнѣйшія эпохи всемірной исторіи.

§ 5.

Не знаю, можно ли считать новой ту мысль, что человѣкъ, въ виду своей слабости и зависимости отъ силъ природы, съ самаго начала долженъ былъ задаться мыслью о томъ, какъ бы приспособиться къ нимъ; но она, разумѣется, принадлежитъ къ числу неоспоримыхъ истинъ. Въ тѣсной связи съ нею стоитъ высказанное уже Уоллесомъ положеніе, что съ момента, когда человѣкъ пріобрѣлъ способность изготовлять оружіе и орудія, а также защищать себя отъ холода одеждой, онъ отнялъ у природы возможность измѣнять его физическую структуру въ той-же мѣрѣ, въ какой природа вліяетъ на измѣненіе структуры животныхъ. Къ этимъ двумъ посылкамъ Вакаро присоединяетъ еще третью. Съ того времени, говоритъ онъ, когда чувства общительности и симпатіи сдѣлались дѣятельными и способности умственныя и нравственныя получили достаточное развитіе, человѣкъ освободился въ отношеніи къ своей структурѣ отъ вліянія закона естественнаго подбора. Я жалѣю, что авторъ не достаточно остановился на развитіи этой мысли и, вѣрнѣе, ея первой половины. Ему не трудно было бы показать, что источникъ отмѣченной еще Аристотелемъ особенности человѣка—его общежительной природы, надо искать прежде всего въ прирожденной ему слабости и невозможности успѣшной борьбы съ болѣе сильными животными иначе, какъ подъ условіемъ солидарности съ себѣ подобными. Все, что археологія открываетъ намъ насчетъ древнѣйшихъ жилищъ человѣка, я разумѣю озерныя постройки и пещеры троглодитовъ, говоритъ намъ о стеченіи большаго или меньшаго числа индивидовъ въ одномъ мѣстѣ, далеко не о тѣхъ парныхъ группахъ, мысль о которыхъ засѣла у насъ гвоздемъ, благодаря Библіи. Все также, что этнографія имѣетъ сообщить намъ о бытовыхъ условіяхъ самыхъ отсталыхъ племенъ, начиная съ Негритосовъ Австраліи, рѣшительно подтверждаетъ мысль о стадномъ сожитіи первыхъ людей. Охота на большихъ звѣрей и уловъ большихъ рыбъ и земноводныхъ млекопитающихъ всегда производились и производятся цѣлыми партіями *).

---

*) Этотъ фактъ хорошо иллюстрированъ въ извѣстномъ сочиненіи Зибера: «Очерки первобытной экономической культуры».

Съ того момента, когда человѣкъ, благодаря высшему развитію своей психики сравнительно съ психикой животныхъ, пришелъ не только къ заключенію о необходимости противуставить болѣе могущественнымъ силамъ природы соединеніе своихъ слабыхъ силъ, но и увеличить послѣднія изобрѣтеніемъ оружія и орудій, зависимость его отъ физической обстановки, не исчезнувъ вполнѣ, значительно ослабѣла. Уже Франклинъ вѣрно замѣтилъ, что однимъ изъ отличій человѣка отъ животныхъ является его способность къ машиностроенію. Въ пользованіи ею человѣкъ проявилъ особую форму приспособленія, которую можно пожалуй сопоставить съ той, какой у различныхъ породъ животнаго царства является удлиненіе и сокращеніе нѣкоторыхъ органовъ, или окрашиваніе внѣшней оболочки извѣстными цвѣтами для облегченія способовъ добыванія пищи и для болѣе легкаго укрытія отъ враговъ *). Разумѣется, нельзя утверждать, чтобы строительная способность развита была только у человѣка. Чѣмъ, какъ не такой способностью объясняется происхожденіе муравейника, улья, гнѣзда и т. д.? Извѣстно также, что высшія породы обезьянъ вооружаются палками для защиты и для сбиванія плодовъ съ дерева. Все различіе, значитъ, сводится къ степени, и эта степень выше у людей благодаря способности ихъ къ высшему психическому развитію. Это вполнѣ понимаетъ и Вакаро, резюмирующій все, чему учитъ насъ сопоставленіе процессовъ приспособленія, общихъ людяхъ и животнымъ, въ слѣдующихъ положеніяхъ. Тогда какъ у низшихъ животныхъ физическія измѣненія, вызываемыя процессомъ приспособленія, берутъ верхъ надъ психическими, эти послѣднія становятся все болѣе и болѣе значительными у высшихъ и достигаютъ высокой степени развитія у человѣка. Процессъ приспособленія по существу одинаковъ у человѣка и животныхъ, но у послѣднихъ эти приспособленія имѣютъ меньшее протяженіе во времени и въ пространствѣ, отличаются меньшей сложностью и меньшей спецификаціей. Дальнѣйшее замѣчаніе должно быть принято съ нѣкоторой оговоркой. Всѣ приборы, пишетъ Вакаро, которыми животныя располагаютъ для борьбы съ силами природы или съ другими подобными имъ тварями, составляютъ интегральную часть ихъ организма. Человѣкъ же, сверхъ этихъ приборовъ, располагаетъ еще орудіями, отдѣльными отъ его тѣла и помогающими ему какъ въ нападеніи, такъ

---

*) Напомню извѣстный примѣръ жирафы, шея которой удлинилась въ виду необходимости прокармливаться высокой листвой. Въ морскихъ акваріяхъ весьма часто можно видѣть примѣры то окрашиванья живущихъ на глубинѣ животныхъ въ краски окружающей ихъ среды, то самообкутыванья ихъ водорослями скрывающими ихъ присутствіе.

и въ самосохраненіи *). Дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же мыслей является у Вакаро короткая глава (всего въ 9 страницъ) о борьбѣ и приспособленіи людей къ космическимъ силамъ, къ породамъ растительнаго и животнаго царства. На этихъ немногихъ страницахъ авторъ проводитъ тотъ взглядъ, что, тогда какъ на первыхъ порахъ подборъ совершается путемъ устраненія менѣе годныхъ къ приспособленію, онъ со временемъ происходитъ путемъ замѣны менѣе совершенныхъ искусственныхъ пріемовъ болѣе совершенными. Отношенія людей къ растительному и животному царству принимаютъ, по мнѣнію Вакаро, форму взаимнаго приспособленія. Человѣкъ не только истребляетъ множество безполезныхъ или вредныхъ ему растеній, но сохраняетъ или распространяетъ полезныя, совершенствуя ихъ, т. е. примѣняя къ своимъ нуждамъ и къ своей фантазіи. То же вліяніе на измѣненіе породы оказалъ человѣкъ и въ отношеніи къ животнымъ. Если нѣкоторыя животныя, благодаря ему, совершенно исчезли съ земной поверхности, то другія были имъ доместицированы, такъ что есть основаніе говорить о глубокой трансформаціи имъ не только тѣла, но и способностей значительнаго числа животныхъ **).

Ограничившись этими немногими замѣчаніями по вопросу о приспособленіи человѣка къ внѣшней средѣ, Вакаро посвящаетъ затѣмъ цѣлыхъ 358 страницъ разсмотрѣнію условій борьбы и приспособленія людей другъ къ другу. Первопричиной, заставляющей людей, какъ выражается Вакаро, враждовать другъ съ другомъ, является недостатокъ средствъ къ существованію. Этотъ недостатокъ ведетъ необходимо къ упраздненію извѣстнаго числа индивидовъ или непосредственно, путемъ истребленія, или посредственно путемъ конкурренціи. У народовъ первобытныхъ преобладаетъ первый способъ, но и у нихъ онъ постепенно замѣняется вторымъ.

Борьба за существованіе происходитъ или между отдѣльными группами людей, или между индивидами, входящими въ составъ одной и той же группы. Вакаро разсматриваетъ отдѣльно каждый изъ этихъ двухъ видовъ борьбы, оканчивающихся приспособленіемъ, почему все дальнѣйшее изложеніе распадается у него на двѣ части: внѣшней борьбы человѣческихъ группъ и внутренней ихъ борьбы ***).

Я сказалъ уже, что борьба изъ-за недостатка средствъ къ существованію мыслима только подъ условіемъ допущенія Мальтусова закона—несоразмѣрнаго развитія этихъ средствъ съ ростомъ

---

*) См. страницы 63 и 64.
**) Страницы 71 и 74.
***) Стр. 79 и 80.

населенія. Но такъ какъ ничто не позволяетъ намъ предполагать большую плотность населенія въ средѣ первобытныхъ племенъ и такъ какъ то искусственное уменьшеніе природныхъ продуктовъ питанія, какое, по мнѣнію Вакаро, вызвано было, какъ мы замѣтили, фактомъ созданія индивидуальной собственности, неизвѣстно было на первыхъ порахъ, то мы не имѣемъ достаточнаго основанія принять высказанную уже Гоббсомъ и только обновленную итальянскимъ соціологомъ мысль о первобытной борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Допуская ее, авторъ впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою. Вѣдь нѣсколькими страницами ранѣе онъ самъ доказывалъ, что для борьбы съ болѣе его могущественными силами, человѣкъ долженъ былъ искать соединенія съ себѣ подобными, а отнюдь не соперничества съ ними. Мысль Вакаро повидимому не окончательно установилась по этому вопросу, подымаемому чуть не съ момента зарожденія политической науки. Преданія о золотомъ вѣкѣ и раѣ, какъ обиталищѣ первобытныхъ людей, и наблюденія надъ жизнью дикарей, такъ рѣзко противорѣчащихъ своими постоянными войнами картинѣ всеобщаго братства и мира, заставляютъ его предполагать, что на первыхъ порахъ люди, не имѣя оружія и принужденные бороться съ природными препятствіями и враждебными имъ породами животныхъ, жили до нѣкоторой степени въ мирѣ между собой. Безъ этого имъ невозможно было бы ни уцѣлѣть, ни достигнуть извѣстнаго процвѣтанія. Только съ момента ихъ размноженія сказалось вліяніе недостатка средствъ; оно и заставило ихъ наброситься другъ на друга *). Сказавъ это, Вакаро дѣлаетъ однако выдержки изъ Леббока и Летурно, весьма убѣдительно показывающія, что у дикарей, жизнь которыхъ всего болѣе приближается къ представленію о первобытности, войны носятъ характеръ простой охоты на человѣка и возникаютъ даже независимо отъ того, имѣютъ ли борющіяся стороны одинаковыя потребности, или нѣтъ. Если, говоритъ Леббокъ, воюющіе другъ съ другомъ и не желаютъ присвоить себѣ лучшихъ udлововъ или логовищъ для охоты, то поводомъ къ столкновеніямъ все же можетъ служить желаніе каждой группы приспособить исключительно въ свою пользу рабовъ, женщинъ и украшенія. Нѣтъ и этого повода, люди все же враждуютъ между собой изъ-за желанія добыть скальпы, черепа или другія эмблемы, почитаемыя ими славными. Такая картина, подтверждаемая свидѣтельствами путешественниковъ, очевидно не вяжется съ представленіемъ ни о первобытномъ мирѣ, ни о войнѣ, вызываемой только недостаткомъ средствъ существо-

*) Стр. 81.

ванія. Я думаю, что удовлетвореніе другихъ потребностей и прежде всего генезическихъ вліяло въ гораздо большей степени на установленіе враждебныхъ отношеній между малолюдными стадами первыхъ людей. Вѣдь такой мотивъ дѣйствуетъ уже въ средѣ высшихъ породъ обезьянъ. У дикарей его вліяніе должно было сказаться съ тѣмъ большею силою, что удовлетвореніе полового инстинкта влекло за собой и то выгодное для всей группы послѣдствіе, что увеличивало число ея членовъ. Вполнѣ понятной съ этой точки зрѣнія является общераспространенная у дикарей практика не допускать къ брачной жизни юношей, не доказавшихъ своей храбрости убійствомъ иноплеменниковъ, поставкой извѣстнаго числа скальповъ и т. д. Забота о численномъ увеличеньи своего состава въ эпоху слабой густоты населенія была вѣроятно первенствующей, такъ какъ имъ обусловливалась большая устойчивость самой группы. А если такъ, то война съ людьми, на ряду съ охотой на животныхъ, должна была составлять обычное явленіе и независимо отъ недостатка средствъ къ существованію. Однимъ изъ послѣдствій этой войны было развитіе антропофагіи, которую трудно было бы считать явленіемъ позднѣйшимъ. Я впрочемъ далекъ отъ мысли приписывать ей характеръ общераспространеннаго обычая. Тамъ, гдѣ забота объ увеличеньи личнаго состава брала верхъ надъ заботой о средствахъ пропитанія, тамъ насильственное включеніе уцѣлѣвшихъ членовъ враждебнаго стада въ собственную среду было совершенно естественнымъ. Иногда, впрочемъ, достигались одновременно обѣ цѣли: мужчины приносились въ жертву, женщины поступали въ обладаніе побѣдителей. Такіе порядки по природѣ своей отличны отъ представленія о войнахъ, порождаемыхъ экономическими побужденіями и постепенно переходящихъ въ мирную конкурренцію. Если судить по примѣру современныхъ дикарей, войны обыкновенно вызывались между первобытными группами людей частными убійствами, раненіями или присвоеніями, въ томъ числѣ уводомъ женщинъ. Связывающая членовъ группы солидарность вносила элементъ круговой поруки въ отмщеніе этихъ дѣяній, а представленіе о томъ, что «кровь можно смыть только кровью» затягивала эти междоусобія на рядъ поколѣній, дѣлало войну хронической. Матеріалистическое воззрѣніе на жизнь за гробомъ и на тѣсную связь ея съ земной дѣлало изъ культа усопшихъ одно изъ наиболѣе раннихъ и общераспространенныхъ условій для продолженія этихъ истребительныхъ столкновеній. Душа покойника требовала отмщенія и грозила въ противномъ случаѣ нескончаемыми бѣдствіями неисполнившимъ такой обязанности родственникамъ. Только съ того момента, когда, какъ, напримѣръ, у кавказскихъ горцевъ, ма-

теріальный разсчетъ вызвалъ созданіе обычая, въ силу котораго родъ обидчика избѣгалъ дальнѣйшаго кровопролитія уступкой роду обиженнаго одного изъ своихъ членовъ, и послѣдній, совершивъ обрядъ самопосвященія тѣни покойнаго, принимаемъ былъ взамѣнъ его и на его мѣсто, возникли условія, благопріятныя перерыву цѣпи взаимныхъ убійствъ, обусловленныхъ родовой местью. Къ этому порядку прекращенія усобицъ могли со временемъ присоединиться другіе, изъ которыхъ наиболѣе распространеннымъ сдѣлался выкупъ, оцѣнка крови убитаго большимъ или меньшимъ числомъ головъ доместицированныхъ животныхъ, а кое гдѣ большимъ или меньшимъ числомъ рабынь. обычай, въ которомъ еще проглядываетъ мотивъ возможнаго расширенія племенемъ его личнаго состава, мотивъ на первыхъ порахъ болѣе дѣйствительный, какъ мы сказали, чѣмъ любая форма экономическаго соперничества.

Если мы расходимся такимъ образомъ съ Вакаро въ пониманіи ближайшаго источника раннихъ междоусобій, то мы вполнѣ присоединяемся къ той характеристикѣ первобытной войны, какъ цѣпи предательствъ и обмановъ, какую онъ даетъ намъ на основаніи древнѣйшихъ писателей по международному праву, въ томъ числѣ Альберика Джентилисъ, и свидѣтельствъ древнихъ анналистовъ, поэтовъ и философовъ, тщательно собранныхъ Лораномъ въ его «Этюдахъ по исторіи человѣчества». Луканъ ссылаясь на поведеніе Улисса признаетъ похвальной ложь, разъ отъ нея можетъ пострадать непріятель, а Альберикъ Джентилисъ передаетъ точку зрѣнія, свойственную его современникамъ эпохи Возрожденія, когда говоритъ, что «войну надо вести не столько средствами, пускаемыми въ ходъ Марсомъ, сколько хитростью» *).

Не будучи первобытными, войны, вызванныя экономическими причинами, тѣмъ не менѣе распространены не у однихъ только народовъ цивилизованныхъ. Вакаро приводитъ рядъ примѣровъ вытѣсненія однихъ племенъ другими изъ болѣе плодородныхъ мѣстностей въ менѣе плодородныя, начиная отъ Кафровъ, изгоняющихъ Готентотовъ изъ восточной части Южной Африки въ наши дни, и восходя къ изгнанію Кельтовъ Англосаксами въ горныя долины сѣверной Шотландіи въ отдаленномъ прошломъ.

Истребительный характеръ, какой долгое время имѣла война, также изображенъ весьма ярко итальянскимъ соціологомъ, который при этомъ пользуется въ равной мѣрѣ и Второзаконіемъ, и Кораномъ, и свидѣтельствами анналистовъ древности и Гомеровой Иліадой, всего же болѣе упомянутымъ трактатомъ Альберика Джентилиса

---

*) Стр. 84.

«о правѣ войны», который, пишетъ онъ, вполнѣ заслуживаетъ прозвище «кодекса военнаго безправія» *).

Процессъ приспособленія въ сферѣ отношеній враждующихъ другъ съ другомъ группъ проявляется прежде всего въ обычаѣ щадить женщинъ, а затѣмъ дѣтей. Въ свидѣтельствѣ одного путешественника Мартина о Караибахъ вполнѣ наглядно выступаетъ дѣйствительная причина, побудившая къ исключенію женщинъ изъ числа предаваемыхъ смерти или съѣдаемыхъ враговъ. «Караибы, пишетъ онъ, считаютъ недозволеннымъ питаться мясомъ женщины. Тѣ изъ нихъ, которыя попадаютъ въ плѣнъ, служатъ имъ для размноженія породы». Здѣсь, очевидно, выступаетъ та забота объ удовлетвореніи одновременно и генезическаго инстинкта, и потребности расширенія личнаго состава рода, которая, какъ я старался показать, обусловила собою первоначальныя войны человѣческихъ группъ между собою. Караибы далеко не стоятъ въ этомъ отношеніи особнякомъ. Начиная отъ жителей острововъ Самоа, обращавшихъ, по свидѣтельству Тернера, плѣнницъ въ супругъ, переходя къ Евреямъ, которымъ Книга Числъ приказываетъ щадить молодыхъ дѣвушекъ, еще не имѣвшихъ сношенія съ мужчинами, наконецъ, заканчивая Англосаксами, которые, при всей истребительности своихъ войнъ, все же щадили женщинъ кельтическаго населенія, безъ чего немыслимо было бы упоминаніе о нихъ въ законахъ, какъ объ идущихъ въ выкупъ за убійство, мы можемъ изъ всѣхъ вѣковъ и изъ исторіи разнообразнѣйшихъ племенъ земного шара привесть доказательство тому, что по вышеуказаннымъ соображеніямъ женщины рано начали избѣгать общей судьбы побѣжденныхъ.

Но можно ли сказать то же по отношенію къ дѣтямъ? Только-что приведенный примѣръ Евреевъ порождаетъ на этотъ счетъ нѣкоторое сомнѣніе. Вакаро не приводитъ ни единаго факта, доказывающаго, что пощада распространяема была и на дѣтей. Его выводъ всецѣло основанъ на экономическомъ соображеніи той пользы, какую побѣдители могутъ извлечь изъ доместикаціи подростковъ и пользованія ими какъ рабами. Но, говоря это, онъ, очевидно, не принимаетъ въ разсчетъ ни безполезности увеличивать число лишнихъ ртовъ, долгое время неспособныхъ доставить какую-либо выгоду, ни тотъ религіозно-родовой предразсудокъ, который долгое время препятствовалъ допущенію чужой крови въ объединенной происхожденіемъ группѣ. Вѣдь если прелюбодѣяніе наказывалось смертью виновной, то изъ страха, что послѣдствіемъ его будетъ введеніе въ родовой союзъ наслѣдственнаго врага—чужеродца. Какъ съ такой точкой

---

*) См. стр. 90—94.

зрѣнія совмѣстить сохраненіе въ живыхъ дѣтей убитыхъ, т. е. будущихъ мстителей. Пирръ, убивающій ребенка Гектора и берущій въ наложницу его жену Андромаху, какъ нельзя лучше выражаетъ собою порядки эпохи зачинающагося, по мнѣнію Вакаро, приспособленія, въ которомъ жалость къ побѣжденнымъ еще вполнѣ отсутствуетъ и пощада является послѣдствіемъ благоразумнаго разсчета.

Вакаро переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію позднѣйшихъ формъ изъятія побѣжденныхъ отъ неизбѣжно ожидавшаго ихъ на первыхъ порахъ истребленія. Къ числу ихъ онъ относитъ практику выкупа плѣнныхъ, продажу ихъ на сторону, наконецъ, обращеніе ихъ въ рабство, т. е. распространеніе на людей той доместикаціи, которой подверглись нѣкоторыя породы животныхъ. Заодно съ Лоріа, онъ настаиваетъ на томъ, что послѣдняя форма развивается только съ момента перехода къ земледѣлію *), положеніе, которому противорѣчитъ распространеніе рабства и у кочевниковъ, начиная отъ предававшихся пастушескому образу жизни еврейскихъ патріарховъ, германцевъ эпохи Тацита, кельтовъ древней Ирландіи и Уэльса и оканчивая кавказскими горцами, у которыхъ земледѣліе является доселѣ второстепеннымъ видомъ занятій. Отмѣчу слѣдующую небезынтересную подробность въ томъ изложеніи, какое Вакаро даетъ исторіи развитія рабства,—это различіе, проводимое имъ между домашнимъ рабствомъ и рабствомъ публичнымъ. Со временъ ассирійскаго царя Ассуръ-Нассиръ-Габала установилась практика переселенія массами побѣжденныхъ и пріурочиванья ихъ къ самымъ тяжкимъ работамъ. Этой практикѣ послѣдовали и преемники Ассура, а также цари Египта и Персіи, наконецъ, римляне, которые даже въ эпоху имперіи, при Клавдіи, Маркѣ Авреліи, Пробѣ, и Діоклетіанѣ, заселяли пустопорожнія земли переселяемыми изъ ихъ родины покоренными племенами **). Историкъ международнаго права найдетъ въ книгѣ Вакаро рядъ интересныхъ подробностей объ условіяхъ, въ какихъ производилось завоеваніе со временъ древнихъ ассиріянъ, цари которыхъ въ дошедшихъ до насъ надписяхъ открыто гордятся возведенными ими грудами череповъ, разгромами, пожарами и обезславленьемъ подростковъ обоего пола ***). Въ свою очередь Дорійцы, покоривъ мѣстное населеніе Пелопонеза, обращаютъ его въ подобіе крѣпостныхъ, не знающихъ другого господина, кромѣ государства побѣдителей (Илоты Лакедемоніи), тогда какъ римляне, по соображеніямъ личной выгоды оставляютъ однихъ въ положе-

*) Стр. 103.

**) Стр. 106—107.

***) Надпись Ассуръ-Нассиръ-Габала. См. стр. 109 и 110.

нія лицъ, болѣе или менѣе подчиненныхъ ихъ произволу (dediticii), а другихъ въ положеніи союзниковъ латинскихъ и италійскихъ, наконецъ, третьихъ въ положеніи инкорпорированныхъ ими согражданъ *).

Въ главѣ, посвященной разсмотрѣнію причинъ, косвенно вліяющихъ на ограниченье борьбы между человѣческими группами, Вакаро подробно останавливается на роли, какая приходится въ этомъ отношеніи на долю римскаго мира (pax Romana), и на попыткахъ установленія всемірной монархіи, которыя со временъ Карла Великаго на разстояніи значительныхъ промежутковъ времени возобновляются и Оттономъ I, и Карломъ V, и Людовикомъ XIV, и Наполеономъ. Подобно цѣлому ряду современныхъ писателей, Вакаро думаетъ, что созданіе обширныхъ имперій является однимъ изъ условій, содѣйствующихъ постепенному исчезновенію войны, мысль, подъ которой, вѣроятно, не подпишутся тѣ, кто вспомнитъ и постоянные военные походы римлянъ, направленные къ сохраненію границъ имперіи, и кровь, пролитую Людовикомъ XIV, чтобы добиться природной границы, границы Рейна, къ которой онъ тщетно стремился присоединить другія, еще болѣе естественныя, Нѣмецкое море на сѣверѣ и Гибралтарскій проливъ на югѣ, кровопролитные походы Наполеона въ Испанію и Россію, наконецъ, многочисленныя жертвы, какихъ потребовало и германское объединеніе, и расширеніе территоріальнаго владычества Великобританіи, всего же болѣе поддержаніе созданнаго войною 71 года новаго statusquo, отражающагося на годовыхъ бюджетахъ европейскихъ странъ милліардами издержекъ на войско и неизбѣжно готовящаго имъ пораженіе въ экономической конкурренціи съ Соединенными Штатами Америки.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ переходовъ Вакаро начинаетъ говорить о вліяніи, какое на замиреніе обществъ оказываетъ развитіе земледѣлія и торговли. Только съ момента развитія хлѣбопашества завоеватели находятъ разсчетъ даровать жизнь побѣжденнымъ, такъ какъ это позволяетъ имъ обратить ихъ подневольный сельскохозяйственный трудъ себѣ на пользу. На основаніи Альберико Джентилиса и Гуго де Грота, Вакаро указываетъ на то, что со временемъ земледѣліе настолько становится необходимымъ условіемъ существованія для размножившейся человѣческой породы, что въ обычаи войны проникаетъ правило щадить земледѣльцевъ, правило, сдѣлавшееся исходнымъ моментомъ въ развитіи современной прак-

*) Такова была судьба жителей Албано, напримѣръ, согласно свидѣтельству Тита Ливія, и нѣкоторыхъ другихъ близъ лежащихъ къ Риму поселеній. См. Вакаро, стр. 112—113.

тики, по которой военныя дѣйствія направлены къ истребленію однихъ лишь вооруженныхъ бандъ, будетъ ли ими регулярное войско, или волонтеры *).

Въ очеркѣ, посвященномъ развитію торговой дѣятельности, Вакаро точно такъ же настаиваетъ, опять на основаніи Джентилиса на томъ, что военными обычаями принято было щадить и торговцевъ. Такимъ образомъ развитіе обмѣна, какъ и развитіе земледѣлія, сдѣлались условіями благопріятными приспособленію отдѣльныхъ племенъ и народовъ другъ къ другу; но, съ другой стороны, ростъ торговой дѣятельности, вызывая потребность внѣшнихъ рынковъ, создаетъ новый поводъ къ войнамъ. Ему обязаны своимъ происхожденіемъ войны колоніальныя; онѣ тянутся, съ значительными впрочемъ промежутками, со времени территоріальныхъ захватовъ, сдѣланныхъ еще Карѳагенянами въ Сардиніи, на Корсикѣ, Мальтѣ, Балеарскихъ островахъ и въ большей части Испаніи, черезъ всю исторію Греціи и Рима; въ новое время онѣ оживаютъ въ военно-торговомъ соперничествѣ Генуэзцевъ и Венеціанцевъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Голландцевъ и Англичанъ. Вакаро думаетъ, однако, вслѣдъ за Боклемъ, что ложное представленіе о томъ, что торговля одной націи можетъ развиваться только въ ущербъ другой, было ближайшей причиной, поддерживавшей эти войны, что разъ въ общественное сознаніе проникла истина, провозглашенная еще Адамомъ Смитомъ, а именно та, что здравымъ основаніемъ всякого обмѣна должно быть экспортированіе націей того, что она можетъ производить всего дешевле и, наоборотъ, закупка ею извнѣ товаровъ, производство которыхъ обошлось бы ей дороже, чѣмъ сосѣдямъ **), возникли условія благопріятныя исчезновенію колоніальныхъ войнъ.

Очевидно, что современная борьба тарифами и международныя тренія, порождаемыя желаніемъ упрочить, въ ущербъ другимъ націямъ и въ видахъ поощренія собственной торговли, свой протекторатъ, то въ сѣверной или южной Африкѣ, то въ Турціи, Персіи или Китаѣ, не позволяютъ раздѣлять увѣренности, что народы и правительства вполнѣ прониклись истиной, высказанной Адамомъ Смитомъ и, прибавлю отъ себя, столѣтіемъ ранѣе его въ извѣстныхъ «Діалогахъ о торговлѣ»—Дедле Норса.

По мнѣнію Вакаро ничто не содѣйствовало въ такой степени сокращенію числа войнъ, какъ успѣхи промышленности. Они отымаютъ у войска множество рукъ, посвящаемыхъ мирнымъ заня-

---

*) Стр. 137 и 138.

**) Книга IV «Богатства народовъ».

тіямъ; они создаютъ противъ войны то справедливое опасеніе, что ею остановлено будетъ производство и обмѣнъ и обусловлена возможность наступленія экономическихъ и финансовыхъ кризисовъ. Промышленность порождаетъ также между націями взаимную зависимость и солидарность интересовъ, необходимо враждебную тому разрыву сношеній, который является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны. При ней капиталисты, помѣщающіе свои фонды въ разныхъ предпріятіяхъ, въ томъ числѣ и иноземныхъ, становятся тормозами къ такому разрыву, такъ какъ могутъ пригрозить виновному въ немъ правительству взятіемъ обратно своихъ капиталовъ. Вакаро высказываетъ ту же мысль менѣе рѣшительно, говоря: капиталисты пользуются своимъ вліяніемъ у правительства, чтобы остановить войны, способныя повредить ихъ благосостоянію. Къ тому же, усовершенствованіе военной техники, являющееся однимъ изъ послѣдствій прогресса промышленности, дѣлаетъ войны болѣе затруднительными и менѣе обезпечивающими легкую добычу. Я не стану останавливаться на разборѣ тѣхъ многочисленныхъ фактовъ, которыми Вакаро обосновываетъ эту послѣднюю мысль, указывая между прочимъ, какъ въ собственныхъ интересахъ, вторгшійся въ страну непріятель, предпочитаетъ жить не на счетъ побѣжденныхъ, а провіантировать войска на собственныя средства, очевидно въ разсчетѣ избѣжать подъема туземнаго населенія въ тылу арміи. Я замѣчу, однако, что подобныя соображенія недалѣе вѣка назадъ не смущали одного изъ величайшихъ полководцевъ, и что въ своемъ манифестѣ къ солдатамъ италійской арміи Наполеонъ открыто говорилъ имъ о возможности покрывать издержки на счетъ завоеваннаго края.

Болѣе действительной формой приспособленія, направленной въ частности къ сокращенію случаевъ враждебныхъ столкновеній между націями, явились союзы народовъ, ждавшихъ нападенія. Изъ временныхъ, вызываемыхъ внезапной опасностью, эти союзы постепенно становились постоянными, и тѣмъ самымъ предупреждали возможность возобновленія той же опасности въ будущемъ. Ихъ исторія по крайней мѣрѣ, въ той мѣрѣ, въ какой дѣло идетъ о древней Греціи, весьма подробно была изучена Фриманомъ *), и я удивляюсь, почему сочиненіе англійскаго ученаго не встрѣчается въ числѣ тѣхъ, у которыхъ Вакаро заимствуетъ свои данныя при развитіи только-что упомянутаго положенія. Послѣ грековъ едва ли какой народъ болѣе успѣшно обращался къ практикѣ временныхъ или болѣе или менѣе продолжительныхъ союзовъ, чѣмъ итальянцы

*) History of federalism.

среднихъ вѣковъ. Стоитъ лишь вспомнить успѣхъ ломбардской лиги противъ Фридриха Барбароссы и роль, какую выигранная ею битва при Леньяно имѣла для независимаго развитія городскихъ республикъ. Вслѣдъ за большинствомъ историковъ международнаго права, въ числѣ которыхъ я не прочь упомянуть и моего незабвеннаго учителя Каченовскаго, Вакаро справедливо указываетъ, что не только идея, но и практика политическаго равновѣсія впервые возникла въ Италіи и только со временемъ усвоена была Европой. Очевидно, что ея упроченью и послѣ Вестфальскаго конгресса должно было препятствовать появленіе такихъ реакціонныхъ теченій, какъ то, выразителемъ котораго являлся Король-Солнце, объявлявшій въ разговорѣ съ маршаломъ Вильяромъ: «Расширять свои владѣнія самое достойное и пріятное занятіе для государя». Вакаро старается также установить причинную зависимость между измѣненіемъ формъ правленія и уменьшеніемъ войнъ. Въ этомъ отношеніи его соображенія являются только дальнѣйшимъ развитіемъ мыслей, высказанныхъ еще Токвилемъ. По мѣрѣ того, пишетъ послѣдній, какъ равенство упрочивается въ отдѣльныхъ странахъ и направляетъ ихъ жителей къ занятію промышленностью и торговлею, не только возникаетъ сходство въ тенденціяхъ этихъ странъ, но ихъ интересы переплетаются до такой степени, что одна нація не могла бы причинить ущерба другой, не испытывая сама невыгодныхъ послѣдствій. Вотъ почему рано или поздно націи начинаютъ смотрѣть на войну какъ на нѣчто, одинаково пагубное и для побѣдителей и для побѣжденныхъ. Эти соображенія не помѣшали, однако, американской демократіи вести недавно войну съ Испаніей; если я не говорю того же о столкновеніи Франціи съ Германіей и Англіи съ Африканскими республиками, то только потому, что для многихъ еще не ясно, что имперская Франція и союзная Германія, а также монархическая Англія гораздо ближе стоятъ къ понятію самоуправляемыхъ демократій или, по крайней мѣрѣ, къ типу демократическаго цезаризма, чѣмъ къ единовластію или аристократіи. Мнѣ кажется, что Вакаро такъ же мало удалось установить неизбѣжное вымираніе войны вмѣстѣ съ успѣхами народовластія и общимъ прогрессомъ культуры, какъ и легіону его предшественниковъ. Все, что исторія раскрываетъ намъ по этому вопросу, это—то, что изъ хроническаго состоянія война становится состояніемъ временнымъ. Народы предпринимаютъ ее какъ необходимое бѣдствіе для достиженія большихъ выгодъ, будетъ ли ими торжество національнаго единства и независимости, или завоеваніе новыхъ рынковъ и упроченье дальнѣйшаго развитія своей промышленности и торговли. Обѣ тенденціи, очевидно, не чужды и демократіи. Если

прибавить къ этому, что внѣшняя война, въ глазахъ политически господствующихъ классовъ, можетъ быть предохранительнымъ клапаномъ отъ внутреннихъ междоусобій, порождаемыхъ противорѣчіемъ бѣдности и богатства, то немудрено будетъ придти къ заключенію, что и въ современномъ обществѣ имѣется достаточно причинъ къ сомнѣнію въ близкомъ наступленіи общаго мира, о которомъ раньше аббата Сенъ-Пьера мечталъ еще Генрихъ IV.

Въ особой главѣ Вакаро, резюмируя все имъ сказанное, лишній разъ настаиваетъ на той мысли, что здравый разсчетъ, т. е. эгоизмъ, заставилъ людей перейти отъ истребительныхъ войнъ и антропофагіи къ болѣе или менѣе продолжительнымъ періодамъ мирнаго обмѣна и экономической конкурренціи, съ одной стороны, и рабства, съ другой. Послѣднее, въ его глазахъ, является формою приспособленія. Побѣжденный врагъ приспособляется къ новымъ условіямъ, созданнымъ его завоеваніемъ, и становится несвободнымъ труженикомъ. По мѣрѣ того, пишетъ Вакаро, какъ, благодаря естественному подбору и наслѣдственности, органическое отвращеніе къ неволѣ падаетъ, хозяинъ, вмѣсто того, чтобы вынуждать повиновеніе прямымъ обращеніемъ къ матеріальной силѣ, замѣняетъ ее нравственнымъ принужденіемъ *). Нашъ авторъ допускаетъ возможность наступленія такого момента, когда война будетъ считаться преступленіемъ противъ рода человѣческаго и потому въ такой же мѣрѣ отойдетъ въ область прошедшаго, какъ и рабство, сдѣлавшееся невыгоднымъ для тѣхъ, въ пользу которыхъ оно было установлено. Но онъ не обольщается насчетъ близости такого исхода. Допустивъ упраздненіе войны, необходимо приходишь къ вопросу, что же займетъ ея мѣсто?—Экономическая конкурренція,—отвѣчаетъ Вакаро. Если послѣдняя въ наши дни вліяетъ такъ же гибельно, какъ и война, то потому, что средствъ существованія не хватаетъ для обезпеченья жизни всѣхъ. Вакаро думаетъ, что въ томъ случаѣ, если каждый согласится удовольствоваться только необходимымъ, парализовано будетъ дѣйствіе Мальтусова закона, и конкурренція будетъ происходить въ нормальныхъ условіяхъ, не причиняя никому вреда и обусловливая соревнованіе, благопріятное интензивности производства. Оставимъ за нимъ эту счастливую увѣренность, но отмѣтимъ также то внутреннее противорѣчіе, какое представляетъ, съ одной стороны, ограниченіе потребленія только необходимымъ, а съ другой—порождаемое соревнованіемъ усиленное производство. Вакаро, разумѣется, не болѣе виноватъ въ этомъ противорѣчіи, чѣмъ тѣ соціальные реформаторы, у которыхъ взята

*) Стр. 179.

имъ на прокатъ эта точка зрѣнія. Меня поражаетъ только одно, какъ при постановкѣ такого вопроса итальянскій соціологъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ вліяніе, какое прогрессъ знанія и техники можетъ оказать на увеличеніе суммы средствъ къ существованію и на выгодное измѣненіе, такимъ образомъ, того отношенія, въ какомъ накопленіе ихъ стоитъ къ росту населенія.

Процессъ приспособленія, какъ мы сказали, имѣетъ мѣсто, по мнѣнію Вакаро, не только въ отношеніяхъ группъ между собою, но и въ средѣ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Какъ въ отношеніяхъ человѣческихъ сообществъ приспособленіе является на смѣну войны, такъ въ отношеніяхъ индивидовъ, входящихъ въ составъ отдѣльныхъ группъ, — борьба за существованіе предшествуетъ всякому соглашенію. При изученіи процесса замѣны борьбы приспособленіемъ Вакаро различаетъ двоякаго рода группы: простыя и сложныя. Подъ простыми, пишетъ онъ, я разумѣю тѣ, въ которыхъ не установилось отношеніе паразитизма между побѣдителями и побѣжденными. Признавая, что мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить съ увѣренностью порядокъ существованія первобытныхъ людей, Вакаро тѣмъ не менѣе высказываетъ гипотезу о ихъ жизни небольшими группами, по подобію млекопитающихъ *). Въ предѣлахъ каждой группы, которыя онъ, по примѣру многихъ этнографовъ, обозначаетъ неподходящимъ терминомъ ордъ, по мнѣнію Вакаро, неизбѣжно должны были чувствоваться послѣдствія закона народонаселенія, т. е. несоотвѣтствія средствъ существованія съ потребностями, послѣдствіемъ чего являлось стремленіе отдѣльныхъ индивидовъ устранить другъ друга. Но если бы это было такъ въ дѣйствительности, то послѣдствіемъ явилось бы исчезновеніе самихъ группъ. Это внутреннее междоусобіе, возведенное на степень системы, и въ пользу котораго Вакаро, разумѣется, не можетъ привесть ни единаго факта, понадобилось ему только для того, чтобы провести свою гипотезу позднѣйшаго приспособленія, вызываемаго здравымъ разсчетомъ и сказывающагося въ ограниченіи насилія въ предѣлахъ каждой группы и въ допущеніи его только въ сношеніяхъ группъ между собою **). Если бы, подобно намъ, онъ сводилъ прогрессивное развитіе обществъ къ расширенію сферы человѣческой солидарности, подъ вліяніемъ роста психики и роста населенія, ему бы нечего было дѣлать произвольнаго предположенія, буквально воспроизводящаго старинную гипотезу Гоббса о войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, какъ

*) Стр. 202.
**) Стр. 203.

объ исходномъ моментѣ въ исторіи человѣчества. Каждое стадное соединеніе, животныхъ ли, или людей, можетъ держаться только подъ условіемъ внутренняго согласія. Оно является первой по времени замиренной средой не въ томъ, разумѣется, смыслѣ, что въ немъ не можетъ происходить частныхъ столкновеній, а что послѣдствіемъ ихъ является насильственное удаленіе нарушителя общаго спокойствія, разрывъ съ нимъ дальнѣйшихъ сношеній. Если бы мѣсто такого исхода занимала месть, послѣдствіемъ могло бы быть только разложеніе группы на менѣе численные союзы, изъ которыхъ каждый продолжалъ бы оставаться внутренно замиренной средой. Такіе факты не разъ повторялись въ дѣйствительности. Ими полна исторія народовъ, не достигшихъ еще государственной формы общежитія. Но та же исторія показываетъ намъ, что нарушеніе внутренняго мира разсматривается какъ нѣчто отличное отъ нарушенія мира внѣшняго. При послѣднемъ вся группа считаетъ себя солидарной съ нарушителемъ, тогда какъ при первомъ всѣ солидарны между собою въ устраненіи обидчика. Этотъ дуализмъ, подчеркнутый мною еще въ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ», въ настоящее время болѣе или менѣе признается всѣми писателями по этнографіи. Въ сущности и Вакаро, допустивъ бездоказанно первоначальную войну индивидовъ въ предѣлахъ группы, ведетъ затѣмъ всю исторію внутренняго приспособленія ихъ другъ къ другу съ появленія обычаевъ, устраняющихъ мысль о возмездіи въ родственной средѣ. Хотя основная точка зрѣнія на историческое преемство стадныхъ соединеній или ордъ, клановъ, родовъ и, наконецъ, индивидуальныхъ семей, о которомъ говоритъ Вакаро, въ общемъ вѣрна и свидѣтельствуетъ объ испытанномъ имъ вліяніи англійской этнографической литературы, но нельзя не пожалѣть, что незнакомство съ трудами Моргана и новѣйшими изслѣдованіями, предметомъ которыхъ сдѣлались австралійскія племена, не позволило ему проникнуть болѣе глубоко въ тѣ формы приспособленія, ареною которыхъ являются выше перечисленные общежительные типы. Какую благодарную почву для исторіи приспособленія даютъ такіе порядки, какъ классовая система родства, связанная съ древнѣйшими формами экзогаміи и съ счетомъ степеней по матери, а не по отцу! Если бы Вакаро не потерялъ изъ виду этого послѣдняго факта, онъ несомнѣнно не увидѣлъ бы въ сообщаемомъ Спенсеромъ извѣстіи о томъ, что у бушменовъ *) отецъ и сынъ нерѣдко ищутъ убить другъ друга, доказательство той мысли, что и въ средѣ отдѣльныхъ ордъ недостатокъ средствъ къ

*) См. стр. 208.

существованію вызываетъ на первыхъ порахъ внутреннюю вражду. Вѣдь при господствѣ материнства отецъ и сынъ принадлежатъ къ разнымъ группамъ и могутъ поэтому войти въ вооруженное препирательство между собою въ силу солидарности каждаго съ своей группой. Процессъ приспособленія начался, такимъ образомъ, еще до момента выдѣленія клановъ изъ стадныхъ соединеній. Онъ продолжался затѣмъ безостановочно и въ до-государственный, и въ государственный періодъ общежитія, вызывая къ жизни цѣлый рядъ учрежденій, съ которыми Вакаро и знакомитъ читателя, къ сожалѣнію, не по первоисточникамъ, а на основаніи ходячихъ сочиненій Леббока, Жиро Телона Летурно и другихъ. Мы не станемъ, конечно, слѣдить шагъ за шагомъ за развитіемъ его основной мысли и отмѣтимъ только нѣкоторыя его положенія, и то болѣе или менѣе заимствованныя у болѣе раннихъ соціологовъ и этнографовъ. Къ числу ихъ принадлежитъ установленный еще Бремомъ и Эспинасомъ фактъ наличности въ бандахъ обезъянъ не только солидарности, но и подчиненія руководительству одного начальника, озабоченнаго сохраненіемъ группы. Вакаро высказываетъ гипотезу, на мой взглядъ, ничѣмъ не оправдываемую, что болѣе сильное проявленіе борьбы за существованіе въ предѣлахъ отдѣльныхъ человѣческихъ ордъ не позволило установленія между ними той тѣсной солидарности, какая встрѣчается между обезьянами. Въ то же время онъ считаетъ вѣроятнымъ, что болѣе сильный, умный, искусный, освѣдомленный и храбрый индивидъ пріобрѣталъ перевѣсъ надъ товарищами и становился ихъ предводителемъ въ охотахъ и войнахъ. Все, что извѣстно намъ изъ быта краснокожихъ Америки и негритосовъ Австраліи, говоритъ, однако, въ пользу признанія на первыхъ порахъ весьма тѣсной солидарности, не исключавшей общенія имуществъ и женъ. Что касается до подчиненія общему руководству, то, мнѣ кажется, есть основаніе различать въ этомъ отношеніи двоякаго рода начальство. Во-первыхъ то, которое дается старшинствомъ одинаково въ «длинныхъ домахъ» ирокезцевъ и въ юго-славянскихъ «задругахъ», не говоря уже о большихъ семьяхъ великороссовъ, а во-вторыхъ то, какое обезпечиваетъ извѣстному лицу его сила, храбрость и умъ, указывающіе на пользу имѣть его предводителемъ въ набѣгахъ, охотничьихъ и военныхъ. И въ описаніяхъ Цезаремъ Галліи, и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ Себомомъ быту кельтическаго населенія Уэльса, интересную черту составляетъ это именно обособленіе случайныхъ и временныхъ вождей отъ постояннаго старѣйшинства, опирающагося на родствѣ и возрастѣ. Высшей формой перваго является власть такъ называемаго кельтами вергобрета, т. е. предводителя, поставленнаго

во главѣ себя нѣсколькими, соединившимися для войны, племенами. Если съ этимъ фактомъ мы сопоставимъ существованіе у краснокожихъ отдѣльныхъ отъ родовыхъ старшинъ военачальниковъ, иногда общихъ нѣсколькимъ племенамъ, то весьма вѣроятнымъ покажется предположеніе, что въ только-что приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло не съ исключеніемъ, а съ общимъ правиломъ.

Слѣдуя за Спенсеромъ, Вакаро доказываетъ, что племена, въ которыхъ упрочилось начальство, оказались болѣе приспособленными къ условіямъ той постоянной борьбы группъ между собою, которая, какъ мы видѣли, составляетъ обычное явленіе на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія. Постоянство войнъ потребовало и постоянства власти. Она сдѣлала изъ военачальника наслѣдственнаго главаря. Развивая эти взгляды, Вакаро, какъ мнѣ кажется, дѣлаетъ весьма существенное упущеніе. Въ противность Спенсеру, онъ теряетъ изъ виду, что руководительство племенемъ могло выпасть на долю и родового старшины, и лицъ наиболѣе зажиточныхъ, въ частности, на владѣльцевъ движимаго капитала, которымъ не только у пастушескихъ, но и у земледѣльческихъ народовъ являются доместицированныя животныя (скотъ и овцы), наконецъ, на людей, обогащенныхъ опытомъ и пріобрѣтшихъ извѣстность мудростью своихъ посредническихъ рѣшеній. Изъ поколѣнія въ поколѣніе, путемъ словесной передачи, эти рѣшенія могли переходить въ достояніе нисходящему потомству, создавая такимъ образомъ въ его пользу тотъ нравственный капиталъ, въ которомъ могли нуждаться члены одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ племенъ *).

Одной изъ формъ приспособленія, вмѣстѣ съ созданіемъ постоянной власти, явился обычай предковъ, распространенію котораго содѣйствовало, разумѣется, широкое господство анимизма, породившее культъ усопшихъ. Вслѣдъ за Тэйлоромъ, впервые давшимъ разумное объясненіе этого культа, и Вакаро указываетъ на зависимость, въ какой стоятъ отъ него древнѣйшіе обычаи и обряды, опутывающіе всю жизнь человѣка и обезпечивающіе между прочимъ старикамъ извѣстныя матерьяльныя преимущества не только надъ женщинами, но и надъ молодежью **). Вакаро приводитъ также

*) Въ Дагестанѣ сложилась такимъ образомъ власть уцміевъ Кайтага, преемниковъ Рустема, знаменитаго посредника, рѣшенія котораго сохранялись въ тайнѣ между его потомками, почему и въ позднѣйшей ихъ записи еще воспроизводится афоризмъ: «кто хранитъ языкъ за зубами, у того и голова будетъ цѣла». См. объ этомъ мой этюдъ: «Дагестанская народная правда», въ Этнографическомъ Обозрѣніи. Онъ воспроизведенъ и по англійски въ журналѣ Лондонскаго Антропологическаго Общества.

**) См. стр. 231.

рядъ фактовъ, доказывающихъ, что эти старики, какъ истолкователи обычая, нерѣдко выдаютъ себя за своего рода кудесниковъ и чародѣевъ и тѣмъ даютъ новое, можно сказать, религіозное освященіе своей власти. Изъ вѣры въ общеніе усопшихъ съ живыми, пишетъ Вакаро, рано или поздно должны были возникнуть условія, благопріятныя упроченью авторитета главарей. Дикари цѣнятъ тѣхъ, кто считается стоящимъ въ сношеніяхъ съ духами и признается поэтому способнымъ излѣчивать болѣзни, приписываемыя «порчѣ» или «дурному глазу», и повелѣвать надъ силами природы. Когда не самъ главарь выступаетъ въ роли такого кудесника, онъ старается привлечь ихъ на свою сторону матерьяльными выгодами или страхомъ выдать ихъ народу за виновниковъ постигшихъ его бѣдствій. Въ обоихъ случаяхъ власть главаря только выигрываетъ отъ такого освященія ея нравственнымъ авторитетомъ. Этимъ Вакаро объясняетъ, почему меньшинству удалось подчинить себѣ большинство. И онъ не прочь повторить вслѣдъ за Гумпловичемъ, что государство, т. е. «та сфера общежитія, созданіемъ которой завершается процессъ эволюціи стадныхъ группъ или ордъ въ кланы, роды и племена», есть не болѣе, какъ организованное господство меньшинства надъ большинствомъ. Я готовъ поставить ему въ вину недостаточное вниманіе къ постепенности въ ростѣ государственной власти. Если вѣрить Вакаро, первой заботой главаря было защитить себя и свою власть отъ всякихъ нападеній со стороны *). Отсюда созданіе жестокихъ наказаній противъ всѣхъ виновныхъ въ совершеніи не только дѣйствій, способныхъ причинить ему вредъ, но и почитаемыхъ неуважительными. Такимъ утвержденіямъ противорѣчитъ, съ одной стороны, уцѣлѣвшій еще, правда въ нѣкоторыхъ лишь «варварскихъ законахъ», обычай требовать въ одномъ только увеличенномъ размѣрѣ выкупъ за убійство правителя, а съ другой позднее возникновеніе самого понятія о томъ, что обида можетъ быть нанесена и помимо причиненія матерьяльнаго вреда **). Всѣ только что описанныя явленія могутъ быть отмѣчены въ бытѣ тѣхъ или другихъ дикарей съ сильно развитою властью главаря, скажемъ, напримѣръ, у Дагомейцевъ; но этого еще не достаточно для признанія ихъ первобытности, разъ сравнительная исторія права указываетъ намъ на позднее обособленіе какъ государственныхъ преступленій, такъ и «обидъ словомъ».

Вакаро думаетъ, что съ развитіемъ власти главаря, позволив-

---

*) Стр. 237.

**) См. подробности на этотъ счетъ въ моемъ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ».

шей положить конецъ внутреннимъ междоусобіямъ, тѣсная солидарность членовъ клана сдѣлалась менѣе необходимой и потому стала постепенно ослабѣвать *). Я не прочь думать, что факты стоятъ въ обратномъ отношеніи, и что только разложеніе клановыхъ и родовыхъ союзовъ сдѣлало возможнымъ усиленіе центральной и политической власти. Въ исторіи постепеннаго расширенія у новыхъ народовъ такъ называемаго королевскаго міра, который на первыхъ порахъ принимаетъ подъ свою защиту только лицъ, не имѣющихъ родственниковъ — мстителей, будутъ ли ими духовные, монашествующіе или странники и бездомные, и оставляетъ свободу самосуда сперва за родами, а потомъ только за семьями, я вижу прямое подтвержденіе высказываемой мною мысли. Сколько вѣковъ прошло прежде окончательнаго сліянія королевскаго міра съ міромъ земскимъ, т. е. перенесенія его границъ съ предѣловъ королевской резиденціи и принятыхъ имъ подъ покровительство церквей и монастырей, до предѣловъ государства.

Но я боюсь, что за этими частными разногласіями читатель не замѣтитъ моего положительнаго отношенія къ основной точкѣ зрѣнія Вакаро. Я готовъ видѣть, заодно съ нимъ, въ развитіи изъ первоначальныхъ стадныхъ группъ сперва клановъ и родовъ, а затѣмъ племенъ и государствъ прогрессъ приспособленія. Только для меня этотъ прогрессъ тѣсно сливается съ расширеніемъ тѣхъ первичныхъ сферъ солидарности, безъ которыхъ немыслимъ былъ бы самый ростъ общества. Не борьба людей между собою вызвала къ жизни эти первичныя общественныя ячейки, а необходимость противуставить силамъ природы сплоченность индивидуальныхъ энергій. Общественныя ячейки вмѣсто того, чтобы быть порожденіемъ вражды людей между собою, своимъ постепеннымъ ростомъ оттѣсняли эту вражду въ границы все болѣе и болѣе отдаленныя. Исчезновеніе клановыхъ и родовыхъ союзовъ съ этой точки зрѣнія является не болѣе, какъ поступательнымъ шагомъ въ развитіи солидарности, или, выражаясь языкомъ Вакаро, общественнаго приспособленія, новой стадіей котораго надо считать возникновеніе государства. Но чтобы этотъ послѣдній фактъ былъ возможенъ только подъ условіемъ принесенія большинства въ жертву меньшинству, какъ это думаютъ Гумпловичъ и за нимъ Вакаро, этого не позволяетъ мнѣ исторія тѣхъ болѣе или менѣе патріархальныхъ монархій, въ которыхъ власть князя уживается съ властью родовыхъ старѣйшинъ и всего народа, и образцы которыхъ представляетъ намъ не только Греція временъ Гомера, но

*) Стр. 241.

и древнѣйшій строй германскихъ и славянскихъ государствъ съ ихъ народными собраніями и болѣе тѣсными совѣтами *).

Эту мысль о подчиненіи большинства меньшинству, очевидно, всего легче развить на примѣрѣ сложныхъ человѣческихъ группъ, т. е. такихъ, основы которымъ положило завоеваніе одного племени другимъ и эксплуатація побѣжденныхъ побѣдителемъ, готовымъ жить ихъ трудомъ и потому вполнѣ отвѣчающимъ своимъ поведеніемъ тѣмъ явленіямъ паразитизма, какія могутъ быть наблюдаемы въ растительномъ и животномъ царствѣ. Въ главахъ, отведенныхъ Вакаро изображенію процесса приспособленія въ сложныхъ группахъ, исторіи рабства отведено широкое мѣсто. Автору приходится отчасти повторить сказанное имъ раньше, настаивать, напримѣръ, на той мысли, что женщины и дѣти первыя избѣжали того истребленія, какое необходимо ожидало побѣжденныхъ, что переходъ къ земледѣлію въ значительной степени содѣйствовалъ упроченью института рабства и т. д. Нечего и говорить, что весь отдѣлъ о рабствѣ представляетъ не болѣе, какъ компиляцію, сдѣланную на основаніи извѣстныхъ сочиненій Летурно, Валлона, Момзена, Лакомба и другихъ. Мнѣ трудно было бы сказать, въ чемъ проявляется оригинальность автора, такъ какъ за массою выписокъ, иллюстрирующихъ конкректные факты, не всегда проглядываетъ объединяющая послѣдніе общая мысль. Повидимому, Вакаро представляетъ себѣ эволюцію рабства въ слѣдующемъ видѣ. Въ него попадаютъ прежде всего щадимыя на войнѣ женщины и дѣти, затѣмъ взрослые мужчины, наконецъ, цѣлыя племена, сохраняемыя на ихъ прежнихъ мѣстахъ жительства и попадающія въ зависимость не отъ частныхъ лицъ, а отъ всей совокупности побѣдителей. Этой формѣ такъ сказать публичнаго рабства Вакаро присваиваетъ то названіе, подъ которымъ оно извѣстно было въ Лакедемоніи—илотизма. Рядомъ съ нимъ надо поставить крѣпостничество, которое Вакаро, вслѣдъ за Спенсеромъ, не считаетъ позднѣйшей модификаціей рабства, а самостоятельнымъ послѣдствіемъ завоеванія и присвоенія себѣ побѣдителями земель побѣжденныхъ. Историкъ экономическаго развитія Европы вѣроятно найдетъ, что возразить противъ этого несогласнаго съ фактами упрощенія сложнаго вопроса о причинахъ, вызвавшихъ къ жизни земельную крѣпость. Ему достаточно будетъ вспомнить примѣръ римскихъ колоновъ или исторію крѣпостной зависимости въ Россіи, чтобы придти къ заклю-

*) Напоминать ли извѣстный текстъ Тацита: de minoribus principes consultant, de majoribus omnes, или свидѣтельство нашего начальнаго лѣтописца о славянскихъ племенахъ, сходящихся на вѣче, какъ на думу, или роль греческихъ «агора» и «буле» при короляхъ (базилевсахъ) и соотвѣтственную имъ роль коммицій въ Римѣ въ эпоху царей.

ченію, что подневольный трудъ сельскихъ обывателей, лишенныхъ свободы передвиженія, можетъ возникнуть и независимо отъ какого бы то ни было завоеванія, что отношенія помѣщика и крѣпостного возможны и при отсутствіи племенной розни, наконецъ, что источникъ ихъ лежитъ въ такой же мѣрѣ въ причинахъ экономическихъ, какъ и въ послѣдствіяхъ насильственнаго подчиненія побѣжденныхъ побѣдителемъ. Если принять толкованіе Фюстель де-Куланжа, главный стволъ римскихъ колоновъ составили неисправные арендаторы. Это обстоятельство отняло у нихъ возможность ежечаснаго оставленія помѣстій и, не лишая ихъ личной свободы, прикрѣпило ихъ къ землѣ. Русскими историками, и никѣмъ болѣе, какъ Ключевскимъ, выяснено съ другой стороны, что въ поздно развившемся у насъ крѣпостномъ правѣ однимъ изъ составныхъ элементовъ являются такіе же неисправные съемщики, извѣстные уже въ XV в. подъ наименованіемъ «серебренниковъ», отъ слова серебро, выражавшаго собою понятіе движимаго капитала, полученнаго въ ссуду отъ земельныхъ собственниковъ. Что, вопреки утвержденію Вакаро, рабство также поставило значительный контингентъ крѣпкихъ къ землѣ воздѣлывателей, выступаетъ и изъ существованія римскихъ glebae adscripti, и изъ описаннаго Тацитомъ обычая германцевъ селить рабовъ на своихъ земляхъ, надѣляя ихъ усадьбами, и изъ того участія, какое русское холопство имѣло въ развитіи крѣпостной несвободы. На ряду съ иноплеменниками и рабами, единоплеменники и свободные также не разъ переходили въ крѣпостную неволю, какъ доказываетъ процессъ постепеннаго исчезновенія всякаго рода свободныхъ держателей на протяженіи всего средневѣковаго запада въ эпоху сложенія феодальной системы *). Грамоты и юридическія формулы, упоминающія о готовности свободнаго человѣка отдаться во власть другого вмѣстѣ съ принадлежащимъ ему участкомъ, не оставляютъ сомнѣнія въ общераспространенности такого явленія. Они даютъ понять и вызвавшіе его къ жизни мотивы, говоря о недостаткѣ у передающихся въ зависимость средствъ къ жизни, отсутствіи у нихъ движимаго капитала, необходимости найти защиту отъ вымогательствъ чиновниковъ, завѣдующихъ взиманіемъ податей или рекрутскимъ наборомъ. Всякая попытка объяснить происхожденіе крѣпостного права однимъ завоеваніемъ необходимо грѣшитъ односторонностью и неполнотою. Я не стану поэтому останавливаться на передачѣ тѣхъ соображеній, какія Вакаро высказываетъ о происхожденіи, положимъ, крѣпостной неволи въ Англіи.

*) За подробностями я отсылаю къ первымъ двумъ томамъ моего «Экономическаго роста Европы».

Устарѣлое сочиненіе Тьерри: «Завоеваніе Англіи Норманами», повидимому, послужило ему въ данномъ случаѣ не только главнымъ, но и единственнымъ источникомъ. Крѣпостное право въ Англіи, возводимое къ завоеванію Вильгельма Норманскаго, кажется ему типичнымъ и для всѣхъ народовъ современной Европы, испытавшихъ на себѣ вліяніе варварскихъ нашествій. Тотъ же Тьерри, да еще Тэнъ, остаются главными авторитетами Вакаро и въ главахъ, посвященныхъ исторіи развитія средняго сословія, въ которомъ онъ видитъ продуктъ позднѣйшаго раскрѣпощенія. На этотъ разъ не Англія, а Франція останавливаетъ на себѣ всецѣло его вниманіе, и онъ, повидимому, совершенно не принимаетъ въ разсчетъ, что въ его собственной родинѣ тѣ же процессы исчезновенія всякихъ формъ личной несвободы и крѣпости и развитія, вмѣстѣ съ промышленностью и торговлею, зажиточной буржуазіи произошли вѣками ранѣе и выступаютъ съ несравненно большею рѣзкостью, чѣмъ во Франціи стараго порядка.

Во всѣхъ только что разсмотрѣнныхъ явленіяхъ. Вакаро интересуетъ одна сторона — общественнаго паразитизма. Съ той же точки зрѣнія онъ смотритъ и на развитіе капиталистической системы. Буржуазія, говоритъ онъ, добившись политической власти, воспользовалась этой монополіей, чтобы организовать и усовершенствовать новый способъ порабощенія народовъ, ею впервые установленный и сдѣлавшійся автоматическимъ, благодаря господству капитализма *). Сдѣланная выдержка показываетъ, въ какомъ смыслѣ Вакаро высказывается по вопросу объ источникѣ и характерѣ саларіата. Не прибавляя отъ себя ничего новаго, онъ въ то же время, какъ нельзя лучше, отражаетъ на себѣ вліяніе воззрѣній Джорджа и Лоріа, которые видятъ въ монополизаціи недвижимой собственности въ большей степени, чѣмъ въ условіяхъ современной промышленности, источникъ новаго подчиненія труженика владѣтельнымъ классамъ. Въ особой главѣ нашъ писатель резюмируетъ свои взгляды по вопросу о приспособленіи побѣдителей и побѣжденныхъ. Здѣсь снова заходитъ рѣчь о постепенномъ ограниченіи общественнаго паразитизма, съ одной стороны, и о замѣнѣ матерьяльнаго принужденія нравственнымъ и юридическимъ, съ другой. Насильственныя потрясенія кажутся ему послѣдствіемъ неспособности людей стать въ тѣ зависимыя отношенія, въ какія попадаютъ доместицированныя животныя. Общественные катаклизмы открываютъ перспективу прекращенія въ будущемъ всякаго соціальнаго паразитизма. Только съ этого момента начнется, пишетъ онъ, вполнѣ че-

*) Стр. 308.

ловѣческая жизнь обществъ. Проходимая нынѣ нами носитъ на себѣ печать животныхъ инстинктовъ, составляющихъ основу нашей природы *).

Въ сложныхъ группахъ необходимо изучать процессъ приспособленія въ отношеніяхъ не только побѣдителей къ побѣжденнымъ, но и въ средѣ самихъ побѣдителей. Разсмотрѣнію этого вопроса Вакаро посвящаетъ значительный отдѣлъ своего сочиненія. Онъ занимается въ немъ тѣмъ, что всего удобнѣе назвать эволюціей формъ правленія, начиная отъ теократіи и военныхъ деспотій и оканчивая современными представительными демократіями. Раньше его французскій писатель Ипполитъ Пасси посвятилъ цѣлый трактатъ вопросу о причинахъ, обусловливающихъ собой упроченье у отдѣльныхъ народовъ тѣхъ или другихъ формъ правленія. Пасси совершенно чужда мысль объ ихъ преемствѣ, какъ чужда она также Лиліенфельду, если судить по мемуару, представленному послѣднимъ международному институту соціологіи и отпечатанному въ его «Трудахъ». Ставя силу политической власти въ зависимость отъ бо́льшей или меньшей интензивности разлагающихъ элементовъ, имѣющихся налицо въ данномъ обществѣ, а ими могутъ быть въ равной степени и національная разрозненность, и классовая вражда, Пасси не прочь допустить возрожденіе и въ наши дни деспотической власти, примѣромъ чему въ его время являлся демократическій цезаризмъ обоихъ Бонапартовъ. Вакаро, въ отличіе отъ названныхъ писателей, считаетъ извѣстныя формы правленія безповоротно отошедшими въ прошлое: таковы теократія и военная деспотія, неспособныя пустить прочныхъ корней въ почву въ современномъ обществѣ, въ сильной степени секуляризированномъ и индустріализированномъ. Онъ раздѣляетъ также увѣренность Токвиля въ наступленіи демократическихъ порядковъ, хотя Соединенные Штаты далеко не кажутся ему тѣмъ широкимъ развитіемъ началъ народоправства, какимъ они представлялись автору «Демократіи въ Америкѣ». Въ противность ему и подъ вліяніемъ той обличительной литературы, самыми крупными представителями которой можно признать по ту сторону океана Эзру Симона, а по сю сторону Клодіо Жане, Вакаро не видитъ въ Сѣверной Америкѣ ничего, помимо владычества плутократіи и ея послушнаго орудія — политикановъ. Это обстоятельство заставляетъ его признать демократическій характеръ только за двумя правительствами: аѳинскимъ и швейцарскимъ. При этомъ, онъ не прочь отдать преимущество чистой демократіи Аѳинъ. Читателя можетъ поразить тотъ фактъ, что авторъ,

*) Стр. 325.

такъ справедливо осудившій различныя формы общественнаго паразитизма, не остановилъ своего вниманія на томъ, что аѳинская демократія, при которой самодержавный народъ, даже въ лучшія эпохи, насчитывалъ самое большее 20—30 тысячъ гражданъ *), при сотняхъ тысячахъ рабовъ и метойковъ, была грандіознѣйшей формой такого паразитизма и едва ли имѣетъ право считаться народоправствомъ, въ смыслѣ равенства политическихъ правъ и участія всѣхъ въ осуществленіи функцій верховенства. Непослѣдовательность Вакаро тѣмъ болѣе поразительна, что онъ, повидимому, недалекъ отъ раздѣляемой мною мысли, что эволюція политическихъ формъ сводится къ постепенному расширенію числа участниковъ въ политической власти. Въ самомъ дѣлѣ, эта мысль прямо вытекаетъ изъ допускаемой имъ замѣны прежняго верховенства со стороны военнаго и духовнаго сословій сперва господствомъ аристократіи, а затѣмъ простонародья. Я считаю, впрочемъ, расширеніе основъ суверенитета только одной изъ сторонъ политической эволюціи; другую представляетъ расширеніе сферы физическихъ и нравственныхъ проявленій личности. Въ прямой зависимости отъ упадка теократій и деспотій, опирающихся на войско, или на классъ земельныхъ собственниковъ и плутократовъ, происходитъ медленный процессъ освобожденія личности отъ произвола и ростъ автономіи въ области мысли и слова. Никакая попытка представить эволюцію политическихъ формъ не можетъ считаться полной и всесторонней, разъ ею не принятъ во вниманіе этотъ параллельный процессъ расширенія, съ одной стороны, политическихъ, а съ другой—публичныхъ правъ гражданъ. Съ этой точки зрѣнія древнія народоправства также должны будутъ войти въ категорію отошедшихъ въ прошлое порядковъ, такъ какъ въ нихъ свобода личнаго сужденія далеко не пользовалась тѣмъ признаніемъ, какое оказываютъ ему несовершенныя, правда, демократіи нашего времени. Стоитъ вспомнить только Сократа и общераспространенную въ Аѳинахъ практику остракизма, не пощадившую даже Аристида.

Отдѣльныя мысли, высказываемыя Вакаро въ этомъ общемъ очеркѣ преемства политическихъ формъ, въ которомъ онъ видитъ различные виды приспособленія въ средѣ побѣдителей, носятъ на себѣ печать счастливой оригинальности. Къ числу такихъ своеобразныхъ взглядовъ я готовъ отнесть опредѣленіе Вакаро источника и природы того правительства большинства, которое лежитъ въ основѣ всякой демократіи, прямой или представительной. Что въ ней мы имѣемъ дѣло не съ исконнымъ порядкомъ, а съ нов-

*) Шварцъ. Die Democratie von Athen.

шествомъ, ясно будетъ каждому, кто, вслѣдъ за Мэномъ, признаетъ единогласіе рѣшеній особенностью старинныхъ вѣчъ или народныхъ собраній. Вакаро предполагаетъ, что при невозможности достигнуть его члены собранія прибѣгали съ цѣлью вынудить согласіе меньшинства къ оружію; эта гипотеза, не подтверждаемая имъ никакими фактическими данными, вполнѣ оправдывается практикой новгородскихъ вѣчъ. Со временемъ, продолжаетъ Вакаро, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ пролитію крови, люди удовольствовались простымъ подсчетомъ и признали побѣду за тѣми, на чьей сторонѣ было большинство и слѣдовательно вѣроятность поразить силою противниковъ. Что главенство большинства не сразу было принято, что оно долгое время встрѣчало отпоръ въ готовомъ взяться за оружіе меньшинствѣ, не подлежитъ сомнѣнію; но страхъ упрочить анархію въ концѣ концовъ побудилъ къ принятію разъ установленнаго соглашенія. Мнѣ не извѣстно другого болѣе правдоподобнаго объясненія источника того господства большинства, которое составляетъ въ наши дни основу всякаго не единоличнаго правительства. Вотъ почему изъ ряда отдѣльныхъ мыслей, попутно высказанныхъ Вакаро, я и счелъ нужнымъ выдѣлить только что приведенную гипотезу. Она показываетъ, что въ его лицѣ, несмотря на отсутствіе всякаго самостоятельнаго изслѣдованія, мы имѣемъ дѣло не съ простымъ компиляторомъ, а съ оригинальнымъ мыслителемъ, способнымъ открыть новыя точки зрѣнія, благодаря счастливому сближенію хорошо извѣстныхъ, но не рѣдко упускаемыхъ изъ виду чертъ.

На этомъ мы и покончимъ разборъ сочиненія итальянскаго соціолога, которое, какъ читатель можетъ заключить изъ всего нами сказаннаго, является существеннымъ дополненіемъ къ болѣе раннему его труду о «Борьбѣ за существованіе и его послѣдствіяхъ для человѣчества». Въ своей совокупности оба труда могутъ считаться наиболѣе полнымъ развитіемъ ученія объ искусственномъ подборѣ, какъ существенно видоизмѣняющемъ тѣ послѣдствія, какихъ можно ждать отъ подбора естественнаго, обстоятельство, благодаря которому и трудно согласиться съ тѣми, кто, подобно Аммону, высказываетъ оптимистическую увѣренность въ томъ, что борьба за существованіе и въ сферѣ человѣческихъ обществъ имѣетъ тѣ же благотворныя послѣдствія, что въ мірѣ животныхъ, обезпечивая побѣду наиболѣе сильнымъ физически и умственно.

---

*) См. стр. 428.

ГЛАВА IX.

Географическая школа въ соціологіи.

§ 1.

Косвенную критику антропологической школы въ области соціологіи представляетъ школа географическая. Въ противность расѣ, она признаетъ главнѣйшимъ факторомъ соціологическихъ измѣненій физическую среду. Сама раса пріобрѣтаетъ тѣ или другія особенности подъ вліяніемъ этой среды. Та же среда опредѣляетъ выборъ ею тѣхъ или другихъ занятій и образа жизни. Разсѣянность или скученность населенія обусловливается средою; отъ нея же зависитъ легкость или трудность обмѣновъ, ихъ рѣдкость или постоянство и самый способъ ихъ производства, рѣками ли, сухимъ путемъ, или моремъ. Среда вліяетъ, если не прямо, то косвенно, и на порядокъ политическаго устройства, содѣйствуя или препятствуя сохраненію мѣстной автономіи, дѣлая возможнымъ только болѣе или менѣе слабую связь между сохранившими свою независимость городскими и сельскими округами или, наоборотъ, объединяя всѣхъ ихъ подъ властью общаго повелителя. Физическая среда даетъ также направленіе художественному творчеству и научной мысли, возбуждая фантазію богатствомъ, разнообразіемъ и нерѣдко чудовищностью своихъ образовъ или, наоборотъ, порождая въ человѣческой психіи стремленіе къ гармоническому сочетанію линій и красокъ. Религіозныя представленія также стоятъ въ причинной связи съ грандіозными феноменами природы и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое ихъ благотворное или разрушительное дѣйствіе порождаетъ въ умѣ человѣка. Природа вліяетъ, наконецъ, и на направленіе научной мысли и техническихъ изобрѣтеній; она вызываетъ въ однихъ мѣстахъ необходимость регулировать теченіе рѣкъ и порядокъ орошенія полей; въ другихъ—содѣйствовать безопасности морского обмѣна сооруженіемъ портовъ и гаваней, въ третьихъ—проведенію воды изъ горныхъ ручьевъ и постройкѣ дорогъ и мостовъ, позволяющихъ мѣстностямъ, раздѣленнымъ горами или потоками, войти въ постоянное сношеніе между собою. Необходимость правильнаго подсчета времени въ виду періодическаго чередованія обилія и недостатка влаги, вызываемаго правильнымъ повтореніемъ разлива рѣкъ, или не менѣе однообразнымъ наступленіемъ дождей, побуждаетъ населеніе слѣдить за столь же періодическими измѣненіями въ фазисахъ луны или длинѣ дня и ночи и ведетъ такимъ образомъ къ возникновенію первыхъ календарей. Съ другой стороны,

необходимость найти путь чрезъ пустыню заставляетъ кочевниковъ искать его по звѣздамъ и такимъ образомъ приковываетъ вниманіе человѣка къ явленіямъ космическимъ.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ та точка зрѣнія, на которую становятся послѣдователи ученія о вліяніи физической среды на ходъ общественнаго развитія. Одно время эта школа сводила разнообразныя стороны этой среды къ одному понятію климата. Монтескье, слѣдуя за Гиппократомъ, еще говорилъ о его вліяніи на разнообразнѣйшія стороны общественной жизни, не исключая и формъ правленія. Но уже Бокль считалъ возможнымъ выдѣлить изъ этой среды рядъ факторовъ, столь же могущественно вліяющихъ на измѣненіе общественныхъ условій, какъ и климатъ. Таковы: географическое положеніе, почва, господствующій видъ пищи. Настаивая на сильномъ воздѣйствіи физическихъ факторовъ на низшихъ ступеняхъ общественности, Бокль въ то же время признавалъ, что на высшихъ ея ступеняхъ факторы умственные постепенно пріобрѣтаютъ перевѣсъ. Это ограниченье роли физическихъ факторовъ ставится ему въ вину непримиримыми и односторонними послѣдователями географическаго метода въ области соціологіи. Такъ Маттеуци критикуетъ фразу Бокля, что развитіе цивилизаціи въ Европѣ доказываетъ упадокъ вліянія физическихъ факторовъ и ростъ того, какимъ располагаютъ факторы, управляющіе умственнымъ развитіемъ. Онъ видитъ въ ней доказательство тому, что Бокль не счелъ возможнымъ примѣнить къ историческимъ явленіямъ законъ причинности, открытый Галилеемъ, Декартомъ и Кеплеромъ. Со времени Бокля раскрытіе роли физическихъ факторовъ въ развитіи общественности выпало почти исключительно на долю географовъ. Начиная отъ Риттера и продолжая Рэклю и Львомъ Мечниковымъ, всѣ они съ любовью останавливались на связи, существующей въ отдѣльныхъ странахъ между длиной береговой линіи, распредѣленіемъ горъ и рѣкъ, особенностями ихъ половодья и т. д. и бытовыми условіями населяющихъ эти страны народностей. Нѣкоторые историки также глубоко прониклись подобной точкой зрѣнія. Въ доказательство мнѣ достаточно сослаться на Масперо и Курціуса. Но и помимо ихъ историки права, въ числѣ ихъ одинаково и Іерингъ и Штейнъ, приписывали важное значеніе даже въ тѣсной области юридическихъ порядковъ такимъ явленіямъ, какъ длина береговой линіи или отсутствіе готоваго строительнаго матерьяла и необходимость прибѣгать поэтому, какъ въ Вавилоніи, къ выдѣлкѣ кирпичей. Но въ области соціологіи эта точка зрѣнія не нашла пока систематическаго выразителя, помимо итальянца Августа Маттеуци, книга котораго «Факторы эволюціи

народовъ» вышла и на французскомъ языкѣ въ 1900 г., одновременно въ Брюсселѣ и Парижѣ. Разборъ ея позволитъ намъ судить о томъ, въ какой мѣрѣ возможно объясненіе физической средой роста общественности. Я съ самаго начала позволю себѣ высказать свое основное разногласіе со всѣми тѣми, кто видитъ въ этой средѣ ближайшую причину всего прогресса человѣчества. То обстоятельство, что народы бѣлой расы въ столь различныхъ климатахъ, какъ климатъ Россіи и Скандинавскихъ странъ, съ одной стороны, и климатъ Италіи, Испаніи и Греціи, съ другой, доросли до одинаковыхъ степеней культуры, независимо отъ того или другого распредѣленія горъ и рѣкъ и длины береговой линіи, которому географы справедливо приписываютъ большое вліяніе на особенности зарождающейся гражданственности, даетъ намъ право сказать, что, независимо отъ физическихъ факторовъ, необходимо должны дѣйствовать другіе, которымъ мы и обязаны большимъ или меньшимъ единствомъ культуры всей бѣлой расы, населяющей различные материки земного шара. Это обстоятельство и заставляетъ меня повторить, вслѣдъ за Контомъ, что физическая среда можетъ быть условіемъ содѣйствующимъ или препятствующимъ развитію общественности въ отдѣльныхъ странахъ, что ею можно до нѣкоторой степени объяснить направленіе той или другой гражданственности преимущественно въ сторону пастушества, земледѣлія или обмѣна, и даже развитіе въ создавшемъ ее населеніи тѣхъ или другихъ сторонъ народной психіи, что въ свою очередь отражается на направленіи, принятомъ ея художественной и отчасти умственной дѣятельностью; но что поступательное развитіе человѣчества и въ частности бѣлой расы, или, вѣрнѣе, «европейскаго Запада», вызвано дѣйствіемъ общихъ факторовъ иного порядка, чѣмъ физическіе. Въ сочиненіи Маттеуци я на каждомъ шагу нахожу подтвержденіе моей мысли. Авторъ съ самаго начала понимаетъ узкость той точки зрѣнія, при которой природа, помимо всякихъ посредствующихъ вліяній, признается виновницей всей развившейся среди ея культуры. Онъ вдвигаетъ поэтому еще одинъ факторъ, ею обусловленный,—наслѣдственность порожденныхъ природою особенностей въ характерѣ расъ и племенъ, наслѣдственность, продолжающую дѣйствовать и при перемѣнѣ въ физической обстановкѣ. Это обстоятельство позволяетъ, напримѣръ, евреямъ сохранить и по прибытіи въ Палестину ту вѣру въ грознаго и нетерпящаго соперниковъ Бога громовержца, какимъ на первыхъ порахъ былъ говорившій съ ними съ высотъ Синая Іегова. Наконецъ, тотъ же Маттеуци поставленъ въ необходимость считаться и съ процессомъ заимствованія, другими словами—съ влія-

ніемъ прежнихъ культуръ на новыя *). При всемъ томъ многія изъ затронутыхъ имъ сторонъ общественной жизни отдѣльныхъ народовъ не находятъ на мой взглядъ достаточнаго объясненія и, какъ я постараюсь показать на отдѣльныхъ примѣрахъ, не могутъ быть поняты иначе, какъ подъ вліяніемъ привлеченія цѣлаго ряда другихъ факторовъ. Основныя точки зрѣнія, съ которыхъ разсматривается имъ исторія древнихъ и новыхъ народовъ, — послѣднихъ, впрочемъ, въ однѣхъ лишь общихъ чертахъ, изложены на страницахъ озаглавленныхъ «О вліяніи внѣшнихъ агентовъ на развитіе цивилизаціи». Здѣсь онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: когда мы изучаемъ жизнь народовъ, живущихъ на различныхъ градусахъ широты и въ различныхъ мѣстностяхъ, мы пріобрѣтаемъ возможность познакомиться съ поступательнымъ ходомъ развитія человѣческихъ обществъ. Великое разнообразіе цивилизацій происходитъ отъ различія той физической среды, въ которой онѣ развились.

Тамъ, гдѣ противодѣйствіе менѣе значительно, цивилизаціи развиваются съ гораздо большею легкостью, и наоборотъ. Природа съ расточительностью спѣшитъ на помощь слабымъ энергіямъ первобытныхъ людей. Въ странахъ жаркихъ поэтому, гдѣ, благодаря климату, усилія, направленныя къ пріобрѣтенію средствъ къ существованію менѣе интензивны, чѣмъ въ странахъ холодныхъ, человѣкъ болѣе нерадивъ, менѣе предусмотрителенъ, менѣе способенъ къ противодѣйствію. Все это—причины, дающія перевѣсъ жителямъ умѣренныхъ климатовъ надъ жителями климатовъ жаркихъ. Но если такимъ образомъ замѣтенъ застой въ поступательномъ движеніи людей тамъ, гдѣ природа расточаетъ свои щедроты, то съ другой стороны цивилизація не можетъ упрочиться подъ небомъ суровымъ и скупымъ, такъ какъ здѣсь не достаетъ стимула къ труду **). Ссылаясь на общепризнаное положеніе, что удовольствіе не сопровождаетъ собою ни слишкомъ интензивныя состоянія сознанія, ни слишкомъ слабыя, и пытаясь примѣнить этотъ психологическій законъ къ интерпретаціи исторіи человѣческихъ обществъ Маттеуци проводитъ ту мысль, что, гдѣ препятствія, поставленныя природой къ выходу изъ варварства, слишкомъ значительны, пріобрѣтеніе извѣстныхъ преимуществъ не вознаграждаетъ связанныхъ съ нимъ лишеній. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что законы природы повинны въ медленности прогресса совершаемаго первобытными обществами, которымъ неизвѣстно еще вліяніе другого фактора, наслѣдственности характера. Общество можетъ прогресси-

---

*) См. стр. 22 и 23.
**) Стр. 25.

ровать только тогда, когда съ небольшими усиліями могутъ быть достигнуты значительные результаты. Этимъ объясняется, почему цивилизація зарождается въ странахъ наиболѣе благопріятствуемыхъ природой и идетъ съ юга на сѣверъ съ возрастающей интензивностью. Въ странахъ сѣвера, гдѣ препятствія, выставляемыя природой, несравненно болѣе значительны, цивилизація могла появиться только съ момента, когда предшествующими ей гражданственностями выработаны были средства защиты и воздѣйствія на природу. Органическая и неорганическая среда, въ которой развивается извѣстная этническая группа, принуждаетъ ее предпринять безостановочный трудъ приспособленія. Въ свою очередь, человѣческія общества воздѣйствуютъ и измѣняютъ среду *). Когда ихъ эволюція становится болѣе гетерогенной—это значитъ, что этническая группа, живущая въ данной средѣ, подчинилась дѣйствію закона, извѣстнаго физіологамъ подъ названіемъ закона «наименьшаго усилія», а экономистамъ—закона «наипростѣйшаго средства». Чтобы вызвать дѣйствіе этого закона, необходима передача знанія, накопленнаго однимъ поколѣніемъ, слѣдующимъ за нимъ. Подъ вліяніемъ такой наслѣдственности совершаются дальнѣйшія измѣненія, вызывающія въ свою очередь осложненія цивилизаціи **). Изъ всего этого Маттеуци дѣлаетъ тотъ выводъ, что на первой стадіи развитія гражданственность въ большей степени зависитъ отъ физическихъ и теллурическихъ условій, чѣмъ на дальнѣйшихъ. Среда опредѣляетъ характеръ расы и общественную структуру страны, другими словами, и то, и другое зависитъ отъ свойствъ климата, отъ характера средствъ къ существованію и геологическаго строенія почвы. Ихъ дѣйствіе даетъ возможность появленію другого производнаго фактора—наслѣдственности, вліянія разъ пріобрѣтеннаго народомъ характера. Развившись впервые въ странахъ, гдѣ противодѣйствіе среды было менѣе значительно, цивилизація была занесена затѣмъ въ страны съ большимъ противодѣйствіемъ природы. Здѣсь она прогрессируя должна была приспособиться къ новымъ условіямъ. Переходъ отъ низшей стадіи къ высшей вызванъ былъ дѣйствіемъ закона наименьшаго усилія или наипростѣйшаго средства. Прогрессъ обусловленъ былъ, такимъ образомъ, возможностью меньшей затраты труда для полученія равныхъ результатовъ. Исторія показываетъ намъ, что поступательный ходъ былъ безостановоченъ и совершился подъ вліяніемъ среды въ большей степени, чѣмъ подъ вліяніемъ расовыхъ особенностей. Отъ

*) Стр. 27.
**) Стр. 28.

этихъ общихъ соображеній Маттеуци постепенно переходитъ къ болѣе частнымъ, и тутъ его аргументація не разъ даетъ поводъ къ разномыслію.

§ 2.

Едва ли не лучшій отдѣлъ книги Маттеуци составляютъ главы, посвященныя имъ древнему востоку. Здѣсь ему приходится идти по слѣдамъ цѣлаго ряда писателей, изучившихъ въ подробности вліяніе, какое на развитіе культуры имѣли такія своимъ разливомъ приносящія плодородіе рѣки, какъ Нилъ, Тигръ и Евфратъ или Гангъ. Раньше его Л. Мечниковъ уже имѣлъ случай подымать тѣ же вопросы въ своей извѣстной книгѣ: «Цивилизація и историческія рѣки». Маттеуци въ значительной степени идетъ по его слѣдамъ, но онъ вноситъ также много личнаго и оригинальнаго, или, точнѣе, на немъ отражается вліяніе разнообразныхъ чтеній и въ области экономики, и въ области физіологіи и психологіи, и въ области исторіи культуры и изящныхъ искуствъ. Всего слабѣе его начитанность въ исторіи права и учрежденій. Это обстоятельство, какъ мы покажемъ, и отразилось крайне невыгодно на всемъ томъ, что онъ говоритъ о связи физическихъ условій съ общественнымъ и политическимъ бытомъ. Какъ сильно сказалось на немъ вліяніе его разнообразныхъ чтеній, — замѣтно на каждомъ шагу. Правда, авторъ не дѣлаетъ цитатъ и ограничивается приложеніемъ короткаго списка своихъ главныхъ пособій, но читателю, сколько нибудь знакомому съ конкретными науками объ обществѣ, не трудно отмѣтить не разъ слѣды заимствованія. Такъ, напримѣръ, если Маттеуци совершенно вѣрно замѣчаетъ, что земледѣльческая культура началась не съ самой плодородной почвы, а съ той, которую всего легче было подвергнуть обработкѣ, и что этимъ надо объяснить причину, по которой важнѣйшія цивилизаціи востока развились въ Индіи, Китаѣ, Египтѣ, Ассиріи и Вавилоніи, гдѣ песчаная почва, орошаемая рѣками, можетъ быть воздѣлываема болѣе первобытными орудіями *), то потому, что въ извѣстной критикѣ американцемъ Кэри теоріи ренты Рикардо уже давно была сдѣлана попытка примѣненія въ данномъ вопросѣ закона наименьшаго усилія или кратчайшаго средства. Если Нилъ сдѣлалъ возможнымъ своими разливами легкую утилизацію почвы, то онъ въ то же время потребовалъ труда цѣлыхъ поколѣній для того, чтобы, какъ выражается Маттеуци, изъ заносящей заразу рѣки стать благодѣтелемъ края. Намъ неизвѣстно ничего о

*) Стр. 45.

порядкѣ производства этихъ работъ, но это обстоятельство не останавливаетъ нашего автора; отправляясь отъ того предположенія, что, при автономіи отдѣльныхъ округовъ, неизбѣжно повторились за тысячелѣтія до Рождества Христова тѣ самыя явленія, свидѣтелями которыхъ жители Египта сдѣлались въ XVIII вѣкѣ, когда каждый округъ отводилъ воду на свои земли, не заботясь о наступленіи засухъ или наводненій на земляхъ сосѣдей. Маттеуци считаетъ возможнымъ утверждать слѣдующее. «Чтобы защитить права слабѣйшихъ и координировать систему распредѣленія воды, древній Египетъ долженъ былъ создать у себя политическую власть, способную сдѣлаться регуляторомъ такого распредѣленія. Такимъ образомъ Нилъ опредѣлилъ собою не только физическую, но и политическую структуру Египта». Пользуясь трудомъ Масперо, который допускаетъ первоначальное дѣйствіе частной инициативы, а затѣмъ коопераціи въ постройкѣ сооруженій необходимыхъ для регулированія періодически повторяющихся наводненій, Маттеуци предполагаетъ возникновеніе въ Египтѣ препирательствъ изъ за пользованія выгодами, проистекающими отъ оставляемаго рѣкою плодоноснаго ила. Эти препирательства, пишетъ онъ, возникали тѣмъ легче, что, возвращаясь въ свое русло, рѣка не оставляла слѣдовъ частныхъ межъ. «Эти факты объясняютъ намъ, говоритъ авторъ, почему въ Египтѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, препирательства изъ за собственности повели къ возникновенію классовъ и къ установленію между ними строгихъ границъ». Едва ли историкъ кастъ согласится съ тѣмъ, что эти границы охраняемы были въ Египтѣ съ бóльшею суровостью, чѣмъ въ Индіи. Сенаръ даже сдѣлалъ попытку доказать, что о кастовомъ устройствѣ въ строгомъ смыслѣ слова можно говорить только въ послѣдней странѣ, и что оно стоитъ въ прямой связи не съ однимъ фактомъ подчиненія туземнаго дравидійскаго населенія пришлыми арійцами, а прежде всего съ особенностями браманизма. Сравнительное изученіе наслѣдственныхъ дѣленій народовъ на замкнутыя сословія необходимо приводитъ къ заключенію, что къ факту завоеванія и подчиненія побѣдителю разноплеменной съ нимъ этнической или этническихъ группъ присоединяется каждый разъ медленный процессъ обособленія отдѣльныхъ общественныхъ функцій, или такъ называемое раздѣленіе труда. Монополизація почвы на правахъ собственности играетъ при всемъ этомъ, разумѣется, значительную роль, но ею одною еще нельзя было бы объяснить обособленія жреческой касты на ряду съ военной. Принимая все сказанное во вниманіе, трудно признать достаточнымъ то объясненіе, какое Маттеуци даетъ происхожденію

кастъ въ Египтѣ. Трудно сказать вмѣстѣ съ нимъ, что ближайшимъ виновникомъ его являются періодическія разлитія Нила. То же періодическое разлитіе, какъ вызывающее (я употребляю здѣсь собственныя выраженія автора) самую тѣсную и ежечасно проявляющуюся солидарность между массами, незнающими и ненавидящими другъ друга, необходимо ведетъ, думаетъ онъ, и къ упроченію деспотизма *).

Согласиться съ такимъ положеніемъ равнозначительно признанію, что солидарность обширныхъ группъ, неспособныхъ поэтому знать другъ друга, не можетъ быть достигнута иначе, какъ упроченьемъ неограниченной власти. Но этому противорѣчитъ все то, что мы знаемъ о существованіи Британской Имперіи, въ которой Канада и Австралія дѣйствуютъ солидарно съ Англіей (сошлемся для примѣра на помощь, оказанную ими въ послѣдней войнѣ съ бурами) и въ то же время сохраняютъ въ широкой степени автономію и самоуправленіе. Съ этимъ несогласно существованіе Соединенныхъ Штатовъ и всѣхъ вообще федерацій, будутъ ли ими республиканскіе кантоны Швейцаріи, или представительныя монархіи Германской Имперіи. Да и вопросомъ остается еще, въ какой мѣрѣ власть Фараона, какъ принужденная считаться съ желаніями могущественной жреческой касты, можетъ быть признана деспотической въ строгомъ смыслѣ слова, то-есть незнающей никакой удержи, дѣйствующей всегда и во всемъ произвольно. Я думаю, что и безъ дальнѣйшаго настаиванія на бьющихъ въ глаза фактахъ, мы въ правѣ сказать, что Нилъ своими наводненіями не даетъ намъ ключа къ пониманію общественной и политической структуры древняго Египта, тѣмъ болѣе, что эта структура измѣнялась со временемъ; политическое единство не всегда было ею удержано; вліяніе жреческой касты то росло, то падало. Всему этому теорія Маттеуци не даетъ ближайшаго объясненія.

Не болѣе убѣдительна эта теорія и въ примѣненіи къ Ассиріи и Халдеѣ. Разлитія Тигра и Евфрата, представляющія меньшую правильность и потребовавшія поэтому еще большей кооперації, признаются ближайшими виновниками централизаціи власти въ рукахъ одного деспота **). Маттеуци, повидимому, самъ замѣчаетъ слабость своей аргументаціи и не прочь подкрѣпить ее добавочными соображеніями. Въ помощь призывается поэтому въ Египтѣ близость пустыни, не позволявшей уйти отъ деспотизма безъ опас-

*) Стр. 49 и 50.

**) Чтобы не быть голословнымъ, я приведу цѣликомъ слова автора: «ici comme en Egypte la coopération forcée, en assujettissant les individus, rendit possible la centralisation des pouvoirs» (стр. 66).

ности сдѣлаться жертвою песковъ, или живущихъ разбоемъ кочевниковъ, а въ Ассиро-Вавилоніи—постоянныя войны, содѣйствовавшія упроченью центральной власти. Но въ такомъ фактѣ мы очевидно не можемъ уже видѣть вліянія физической среды; самое его допущеніе равнозначительно молчаливому признанію, что одной этой среды не достаточно для объясненія особенностей политической структуры *).

Спросимъ себя, въ какомъ отношеніи физическая среда, по мнѣнію Маттеуци, стоитъ къ политическимъ учрежденіямъ смѣнившей Ассирію и Вавилонію Персіи. Въ противность обширнымъ равнинамъ Египта и Ассиро-Вавилоніи, содѣйствовавшимъ расширенію и упроченію власти, Имперія Персовъ, говоритъ Маттеуци, перерѣзана была высокими горными хребтами и пустынями. Въ виду невозможности слить часто противоположные другъ другу элементы, Персы принуждены были создать новую форму правительства. Побѣдители ограничились взиманіемъ съ подчиненныхъ провинцій рекрутовъ и пропорціональной доходу подати и поставили во главѣ каждой королевскаго намѣстника, или сатрапа. Административная децентрализація не помѣшала удержанію абсолютной власти персидскихъ монарховъ. Сосѣдство и общеніе Персовъ съ Азіей объясняютъ этотъ феноменъ. Подчиненія ихъ королю было неограниченнымъ; люди, принадлежавшіе къ высшему дворянству, переносили дерзость его поведенія и не позволяли себѣ ни малѣйшей жалобы даже противъ самаго жестокаго обращенія съ ними. Король располагалъ такой произвольной властью, что могъ дать свободный ходъ своимъ самымъ необузданнымъ порывамъ. Сознаніе этой возможности доводило его до безумія и нерѣдко направляло его дѣятельность противъ священнѣйшихъ законовъ и обязанностей; когда же судьямъ приходилось произнесть сужденіе по поводу царскихъ преступленій, они преклонялись передъ ними, говоря, что подобныя дѣйствія запрещены закономъ для обыкновенныхъ смертныхъ; что же касается до монарха, то высшій законъ признаетъ за нимъ право поступать по своему усмотрѣнію **). Въ этомъ описаніи, очевидно, нельзя видѣть ничего иного, кромѣ картины деспотизма самаго неограниченнаго. Такой деспотизмъ водворился въ Персіи, несмотря на ея изрѣзанность горами и пустынями, въ противуположность Египту и Ассиріи, гдѣ сплошное протяженіе равнины признается причиною той

*) См. стр. 71 и 72. C'est le fléau de la guerre chronique qui d'abord consolida l'autorité royale.

**) См. стр. 152 и 153.

же произвольной монархической власти. Авторъ настолько впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, что позволяетъ намъ воздержаться отъ всякой критики; иначе можно было бы найти, что́ возразить противъ его картины персидской монархіи. Недавно отпечатанная въ итальянскомъ «Соціологическомъ обозрѣніи» статья Пицци «О политическихъ учрежденіяхъ иранцевъ» рисуетъ иными чертами персидскаго монарха. Если, по примѣру ассирійскаго, онъ зовется «царемъ царей», то надписи употребляютъ это выраженіе съ цѣлью показать, что онъ властвуетъ надъ тѣми, кто, въ силу своего аристократическаго рожденія, сами призваны къ такому же владычеству. Путь къ нему открывался въ случаѣ прекращенія династіи, какъ, напримѣръ, послѣ убійства Лжесмердиса, когда благодаря избранію между высшими аристократическими родами на престолъ взошелъ Дарій Гистаспъ. Со своимъ пышнымъ титуломъ, пишетъ туринскій историкъ права, персидскій король былъ только первымъ между равными; царила же и правила въ его лицѣ аристократія—отсюда власть и вліяніе ея въ царскихъ совѣтахъ. Подобно тому, какъ Агурамазда, или высшее божество, болѣе извѣстное подъ даннымъ ему греческими анналистами названіемъ Ормузда, правило міромъ при содѣйствіи особыхъ помощниковъ въ лицѣ «безсмертныхъ святыхъ», такъ точно персидскій король, его намѣстникъ на землѣ, окруженъ былъ совѣтниками и чиновниками, взятыми изъ собственной династіи или другихъ аристократическихъ родовъ. То же дворянство засѣдало въ царскимъ совѣтахъ, гдѣ, какъ видно изъ свидѣтельства Геродота, рѣшались такія важныя дѣла, какъ походъ въ Грецію при Ксерксѣ. Многіе въ этомъ совѣтѣ, не боясь гнѣва царскаго, открыто высказывались противъ такого похода. Вмѣстѣ съ преобладаніемъ аристократіи, персидское царство представляетъ намъ еще черты аристократическаго мѣстнаго управленія. Подъ именемъ Дангупайти старшій представитель мѣстной привилегированной династіи правилъ селеніемъ, мѣстечкомъ или замкомъ, не зная другого контроля, кромѣ того, какой, со временъ Дарія Гистаспа, установленъ былъ въ лицѣ губернаторовъ областей или сатраповъ *). Такая картина, очевидно, не вполнѣ отвѣчаетъ представленію Маттеуци о политическихъ учрежденіяхъ персовъ. Она составлена, однако, на основаніи общепризнанныхъ авторитетовъ, какъ-то Шпигеля и Юсти, и вѣрно отражаетъ на себѣ общіе выводы, къ какимъ приходятъ спеціалисты по исторіи Ирана. Быть можетъ ее легче согласовать съ тою территоріальною разрозненностью, какую, со-

---

*) Pizzi. Le instituzione politiche degl' Irani. Rivista italiana di Sociologia. 1902 г. Мартъ—Іюнь.

гласно замѣчанію того же Маттеуци, представляла изрѣзанная хребтами и прерываемая пустынями персидская монархія. Вызванная тѣмъ изолированность отдѣльныхъ мѣстностей должна была содѣйствовать въ такой же мѣрѣ прочности въ Персіи полупатріархальнаго, полуфеодальнаго строя, въ какой послѣдній находилъ благопріятныя для себя условія въ періодъ еще слабаго развитія торговаго обмѣна и отсутствія удобныхъ путей сообщенія въ изрѣзанности Центральной Европы горными хребтами, лѣсными чащами и широкимъ теченіемъ рѣкъ. Недаромъ же мѣстная автономія, опирающаяся на ленномъ правѣ, продолжала держаться здѣсь долѣе, чѣмъ во Франціи и Англіи и уцѣлѣла вплоть до эпохи Наполеоновскихъ войнъ и упраздненія Священной Римской Имперіи.

Если отъ монархій востока мы перейдемъ къ первымъ опытамъ республиканскаго устройства, примѣры которыхъ даютъ намъ финикіяне и греки, то и для такихъ порядковъ физическія условія окажутся также небезразличными. Вслѣдъ за большинствомъ писателей, подымавшихъ столь мало выясненные еще вопросы политическаго устройства Финикіи и столь хорошо обслѣдованные бытовые порядки древней Эллады, Маттеуци указываетъ на длину береговой линіи и на трудность другого сообщенія, кромѣ морского, между возникшими вдоль ея городами. Каковы, спрашиваетъ онъ, были причины, побудившія Финикіянъ къ преимущественному и даже почти исключительному занятію торговлей? Достаточно бросить взглядъ на географическія особенности Сиріи, чтобы увидѣть, что Финикійцы должны были направить свою дѣятельность въ сторону моря и не жить земледѣльемъ, которое потребовало бы отъ нихъ большихъ усилій, доставляя имъ въ то же время слабое вознагражденіе. Защищенные отъ набѣговъ высокими горами и песчаными пустынями, Финикійцы занимали лишь узкую полосу земли, тянущуюся у подножія Ливана и пересѣкаемую его отрогами. Береговые выступы и сосѣдніе къ нимъ острова представляютъ собою превосходныя гавани. Если бы, прибавляетъ нашъ авторъ, Финикія отличалась даже тѣмъ же плодородіемъ, что Индія, ей не удалось бы сдѣлаться земледѣльческой страной, въ виду ея территоріальной ограниченности и невозможности безъ большихъ усилій проникнуть за горы. Индія также имѣла хорошія гавани, но омывающій ее океанъ своими частыми бурями нагонялъ паническій страхъ на жителей, а рѣдкая производительность почвы и легкость ея обработки, особенно въ области періодическихъ разлитій Ганга, направляла усилія въ другую сторону. Наоборотъ, Средиземное море съ своими частыми заливами предоставляетъ плавающимъ удобную защиту отъ бурь; такимъ образомъ препят-

ствія къ первымъ опытамъ мореплаванія были незначительны, и Финикійцамъ открылась возможность постоянно изобрѣтать и совершенствовать необходимыя къ нему орудія, а это позволило имъ впослѣдствіи показаться и на моряхъ, подверженныхъ вліянію вѣтровъ. Первыя ихъ экспедиціи не покидали береговъ Сиріи. При хорошей погодѣ они рѣшались плыть на недалекомъ разстояніи отъ берега; едва же наступала гроза, какъ ихъ ладьи прятались въ бухты до момента наступленія затишья. Финикійцы имѣли поэтому время и возможность накопить достаточный опытъ прежде чѣмъ пуститься въ открытое море. Эти пріобрѣтенія перешли, такъ сказать, въ психическую природу отдѣльныхъ индивидовъ и накопляемыя отъ поколѣнія въ поколѣніе обратили Финикійцевъ въ народъ наиболѣе искусный въ мореплаваніи *). Съ высотъ Ливана, покрытыхъ снѣгомъ, спускаются многочисленные потоки, которые въ періодъ осеннихъ дождей и таянья снѣговъ заливаютъ дороги, прерывая всякое сообщеніе. Они уносятъ также нерѣдко съ собою огромныя глыбы камней, а лѣтомъ ихъ песчаное дно, почти совершенно пересохшее, становится новымъ препятствіемъ къ сношеніямъ береговыхъ городовъ между собою иначе, какъ моремъ. Изъ всего этого Маттеуци дѣлаетъ тотъ выводъ, что физическая и теллурическая природа Финикіи обусловила собою необходимость для ея городовъ жить и развиваться изолировано. Она сдѣлалась препятствіемъ къ развитію централизаціи. Мѣсто восточнаго деспотизма заняла федерація городовъ, управляемыхъ на республиканскомъ началѣ. Такъ какъ торговля содѣйствовала образованію зажиточнаго класса купцовъ, то власть и сосредоточилась по преимуществу въ ихъ рукахъ; хотя въ каждомъ городѣ и былъ свой единоличный и наслѣдственный правитель, но авторитетъ его былъ ограниченъ не только духовенствомъ и сановниками, но и собраніями зажиточнаго гражданства. Король, правившій Тиромъ, считался верховнымъ. Отъ него стояли въ зависимости всѣ прочіе, но и онъ правилъ при содѣйствіи депутатовъ отъ отдѣльныхъ городовъ. Другая черта, также вытекающая изъ преимущественнаго занятія Финикійцевъ торговымъ обмѣномъ, это—отсутствіе всякой замкнутости профессій и ремеслъ, а при такихъ условіяхъ населенію немудрено было разбиться на двѣ группы съ непрочно установленными границами, группу богатыхъ и бѣдныхъ. Подобно тому, какъ въ городахъ средневѣковой Италіи единоличные правители, или тиранны, обыкновенно искали оплота своей власти въ союзѣ съ простонародьемъ, такъ точно въ Финикіи монархи опирались на него въ своей борьбѣ съ аристо-

*) См. стр. 120 по 122.

кратіей зажиточныхъ торговцевъ. Не нуждаясь въ арміи для защиты границъ благодаря высотѣ отдѣлявшаго ихъ отъ внутренней Азіи горнаго хребта и непроходимости слѣдовавшей за нимъ песчаной пустыни, Финикійцы не держали постояннаго войска, что въ свою очередь давало имъ возможность направить всѣ свои усилія въ сторону торговли и заставляло смотрѣть на самыя колоніи лишь какъ на рынки для сбыта и покупки товаровъ. На примѣрѣ Финикійцевъ Маттеуци побѣдоносно устанавливаетъ тотъ взглядъ, что не раса создаетъ психическія особенности того или другого народа, а его физическая среда. Финикійцы были такими же семитами, какъ вавилоняне или евреи. Это не помѣшало имъ сдѣлаться торговцами по преимуществу, въ то время, когда вавилоняне жили земледѣліемъ, а евреи оставались еще пастушескими племенами. Привязанность Финикійцевъ къ промышленности и торговлѣ явилась, по мнѣнію Маттеуци, съ одной стороны послѣдствіемъ физической среды, а съ другой унаслѣдованіемъ разъ пріобрѣтенныхъ чертъ характера *).

Переходя къ Греціи, Маттеуци показываетъ, что въ ней природа соединила счастливыя почвенныя и климатическія особенности, сдѣлавшія возможнымъ развитіе той же земледѣльческой культуры, что и въ Египтѣ и Ассиро-Вавилоніи, и длину береговой линіи, позволившую ея жителямъ воспользоваться опытомъ Финикійцевъ и сдѣлаться морскими торговцами **). Но въ исторіи развитія эллинской культуры элементъ подражанія, т. е. усвоенія тѣхъ результатовъ цивилизаціи, какихъ ранѣе достигъ Востокъ, занимаетъ, по мнѣнію Маттеуци, выдающуюся роль. Если бы, пишетъ онъ, греческая гражданственность была автохтонной, ея развитіе было бы медленнѣе. Перенесеніе въ нее пріобрѣтеній Востока сократило отдѣльныя фазы эллинскаго прогресса и сдѣлало возможнымъ, вмѣстѣ съ экономіей времени, и экономію усилій ***). Но для объясненія особенностей развитія Греціи не достаточно и всѣхъ только что приведенныхъ факторовъ, какъ бы искусно Маттеуци ни выводилъ ихъ изъ сопоставленія наличности въ восточныхъ монархіяхъ плодоносныхъ долинъ Нила, Евфрата и Ганга съ отсутствіемъ въ древней Греціи большихъ разливающихся рѣкъ и скалистымъ характеромъ ея почвы, требовавшимъ не временныхъ только, но постоянныхъ и правильныхъ усилій къ ея обработкѣ. Въ самомъ дѣлѣ физическая природа Греціи осталась прежней и

*) Стр. 131.
**) Стр. 183.
***) Стр. 184.

въ наши дни. Культура Европы, доступная подражанію современныхъ ея обитателей, разумѣется, не уступаетъ египетской, ассиро-вавилонской и финикійской, питавшей умы жителей Эллады, а между тѣмъ кто же рѣшится утверждать, что въ наши дни Греція играетъ серьезную роль въ общей исторіи поступательнаго хода человѣчества. Не наводитъ ли это на ту мысль, что, независимо отъ физической среды, отрицаемый Маттеуци факторъ—расы призванъ также къ извѣстной роли въ сложеніи особенностей народнаго характера. Никто, разумѣется, не станетъ считать теперешнихъ грековъ прямыми потомками тѣхъ, которые дали міру Фидіаса и Софокла, а это обстоятельство, быть можетъ, и даетъ ключъ къ пониманію того, что, при сохраненіи прежней длины береговой линіи и прежней ея изрѣзанности, современные Греки болѣе интересуются вопросомъ о томъ, допустимъ ли переводъ Евангелія на простонародный языкъ, нежели разномысліемъ философскихъ школъ. Я не желалъ бы, однако, чтобы читатель интерпретировалъ мою мысль въ томъ смыслѣ, что я приписываю культурное величіе древней Греціи наличности въ ней арійской крови. Та же кровь несомнѣнно текла въ жилахъ древнихъ Персовъ, но это не вызвало, однако, превосходства ихъ культуры ни надъ египетской, ни надъ финикійской. Въ древней Греціи счастливо соединялись съ благопріятными географическими условіями и передачей результатовъ, добытыхъ восточными гражданственностями, смѣсь національностей и расъ и такое насильственное ихъ сближеніе, при которомъ завоевательному арійскому племени представилась возможность обезпечить себѣ досугъ, необходимый для всецѣлаго посвященія себя политической и культурной миссіи. Вотъ это-то обстоятельство и вызвало здѣсь, какъ впослѣдствіи въ Римѣ, возможность широкаго развитія счастливыхъ особенностей бѣлой расы. Источникъ дальнѣйшаго развитія общественнаго и политическаго уклада Аѳинъ лежитъ, однако, не въ совокупности всѣхъ только что указанныхъ причинъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно было бы тѣмъ же и въ остальной Греціи, и мы бы не имѣли возможности говорить о наличности въ ней по меньшей мѣрѣ двухъ разныхъ порядковъ—дорійскаго и іонійскаго, аристократическаго и народнаго. Уже нѣкоторые писатели эпохи Пелопонезскихъ войнъ, какъ я имѣлъ случай замѣтить въ одной изъ предшествующихъ главъ, указывали на то, что источникъ Аѳинской культуры лежитъ въ той роли, какую простонародію пришлось играть въ этомъ городѣ, какъ во внѣшней защитѣ страны отъ Персовъ, такъ и въ обезпеченіи ей торговаго преобладанія на морѣ. Они настаивали на томъ, что такъ какъ всѣ граждане одинаково участвуютъ въ мореходствѣ и въ службѣ на военныхъ судахъ, оградившихъ свободу и

независимость родины, то всѣ имѣютъ и одинаковое основаніе подавать голосъ въ общихъ дѣлахъ. Разумѣется, этотъ перевѣсъ одного вида экономической дѣятельности надъ другими въ свою очередь вызванъ былъ физическими условіями страны: каменистостью почвы, съ одной стороны, и обиліемъ лучшихъ въ мірѣ гаваней, съ другой. И въ этомъ смыслѣ можно говорить объ обусловленности общественной структуры Аѳинъ природною. Но это все же не устраняетъ необходимости выводить эту структуру не непосредственно изъ причинъ физическихъ и теллурическихъ, а изъ связаннаго съ послѣдними экономическаго уклада, который самъ эволюируетъ въ зависимости отъ такихъ факторовъ, какъ накопленіе числа жителей. Вѣдь аѳиняне не всегда были мореплавателями. Было время, когда Аттика извѣстна была сосѣдямъ, какъ производительница меда и воска, оливковаго масла и якобы впервые введенныхъ Кекропсомъ пшеничныхъ зеренъ. Длина береговой линіи и ея изрѣзанность только тогда стали содѣйствовать развитію мореплаванія, когда ростъ населенія сдѣлалъ невозможнымъ довольствоваться потребленіемъ мѣстныхъ продуктовъ и, вызвавъ колонизацію на азіатскомъ берегу, повелъ къ сближенію Грековъ съ Востокомъ и заимствованію ими между прочимъ финикійскихъ пріемовъ мореплаванія. Тотъ же ростъ населенія, поведшій къ раздѣленію занятій, побудилъ аѳинянъ сосредоточить земледѣльческій трудъ въ рукахъ покореннаго ими туземнаго населенія и ограничить столь тѣсно связанную съ оборотомъ морскую дѣятельность одними гражданами *). Въ нашу задачу не входитъ, разумѣется, дать всестороннее объясненіе генезису аѳинской демократіи, а только показать недостаточность однихъ приведенныхъ для ея объясненія факторовъ природы и наслѣдственности. Вотъ почему, не пускаясь въ дальнѣйшія подробности, мы

*) Самъ Маттеуци принужденъ прибѣгнуть для объясненія политическаго уклада Аѳинъ къ такимъ соображеніямъ, какъ слѣдующее: всюду, гдѣ состояніе имѣетъ источникомъ движимую собственность, а почести и власть доступны не однимъ землевладѣльцамъ, тамъ, и только тамъ, могутъ зародиться свободныя учрежденія (стр. 195). Очевидно, что при этомъ онъ далеко уходитъ отъ объясненія всей культуры извѣстнаго народа одной средой, да еще наслѣдственностью чертъ характера. Это не мѣшаетъ ему, однако, повторять страницей далѣе, что оригинальность народовъ, населившихъ Элладу, вызвала географическая структура Греціи. Не только политическая независимость, пишетъ онъ, не могла бы установиться въ этой странѣ безъ рѣзкой обособленности ея территоріи, но не было бы и свойственнаго ей великаго разнообразія культуры, нравовъ, нарѣчій. Крайняя децентрализація политической структуры была послѣдствіемъ структуры физической, умственное же общеніе достигнуто было благодаря легкости морскихъ сношеній. Таковы два фактора, которые дали эллинской культурѣ характеръ, столь отличный отъ другихъ (стр. 198). Мы не отрицаемъ этихъ факторовъ, но въ то же время не считаемъ ихъ единственными.

считаемъ возможнымъ перейти къ критикѣ тѣхъ соображеній, какія Маттеуци высказываетъ насчетъ зависимости политическаго уклада древняго Рима отъ географическихъ условій.

Ни въ чемъ, по моему, такъ рѣзко не выступаетъ недостаточность и узкость метода, которому слѣдуетъ нашъ авторъ, какъ въ его попыткѣ вывести изъ условій физической среды и то преимущественное занятіе Римлянъ не только войною, но и правомъ, въ которомъ онъ видитъ характерную особенность этого народа. Я полагаю, что всякій, знакомый съ древнѣйшей природой римскихъ юридическихъ учрежденій, не поставитъ право квиритовъ, съ его исключительностью, жестокостью, отсутствіемъ индивидуализма и свободы юридическихъ сдѣлокъ, выше ранѣе его развившагося права Аѳинъ, изъ котораго, по свидѣтельству римскихъ анналъ, подтверждаемому современной научной критикой, сдѣлано было со временемъ Римлянами не одно заимствованіе, не только въ періодъ децемвировъ, но и въ эпоху сложенія «Общенароднаго права», jus gentium. Съ такой точки зрѣнія представится несомнѣннымъ, что позднѣйшее широкое развитіе римскаго права, опередившаго собою все то, что въ этой области выработано было и древнимъ востокомъ, начиная съ недавно открытаго свода Гамураби, и законодателями древней Греціи, обязано своимъ происхожденіемъ сближенію въ предѣлахъ orbis Romanus разнообразнѣйшихъ народностей и культуръ народностей, которымъ римскія власти по политическимъ соображеніямъ не желали предоставить юридической автономіи. Это обстоятельство вызвало съ ихъ стороны ту широкую и плодотворную дѣятельность, какую представила выработка отвлеченныхъ принциповъ, положенныхъ въ основу всѣхъ мѣстныхъ правъ. Раскрытіе этихъ принциповъ предполагаетъ, какъ справедливо указано Митгеймсомъ, въ творцахъ Преторскаго Эдикта и создателяхъ римскаго jus gentium близкое знакомство съ законодательствомъ странъ, вошедшихъ въ сферу политическаго господства римлянъ. Разнообразіе юридическаго уклада этихъ народовъ и возможность поэтому для римлянъ пользоваться сравнительнымъ методомъ при установленіи нормъ народнаго права и явились ближайшей причиной, по которой юристы «золотого вѣка», слѣдуя той же практикѣ отвлеченія общихъ нормъ права отъ мѣстныхъ особенностей, подготовили своими трудами кодификацію столь совершенную, что юридическое развитіе новыхъ народовъ не могло обойтись безъ усвоенія ея частями и даже цѣликомъ, какъ показываетъ примѣръ нѣмецкой рецепціи. Очевидно, во всемъ сказанномъ нѣтъ ничего общаго съ той попыткой связать судьбы римскаго права съ физической средою, какую мы съ изумленіемъ находимъ въ книгѣ Маттеуци. У народовъ Востока, разсуждаетъ онъ, повто-

ряя отчасти сказанное имъ раньше, географическая среда благопріятствовала созданію центральной власти, абсолютной и непосредственно дѣйствовавшей на народъ. Индивиду предстояло или подчиниться, или эмигрировать, но послѣдній путь отрѣзанъ былъ пустынями и страхомъ сдѣлаться жертвою номадовъ. Отсюда неизбѣжность для каждаго сдѣлаться рабомъ всего сообщества и господствующихъ въ немъ классовъ. За частнымъ лицомъ не признавалось другого права, кромѣ одного—жить. Но въ Лаціумѣ и въ странахъ, постепенно завоеванныхъ Римлянами, индивидъ не стоитъ въ такой зависимости, какъ на Востокѣ. Хочетъ онъ уйти изъ одного племени, онъ можетъ передаться другому. Такая свобода выбора становилась опасной для этническихъ группъ. Чтобы предупредить возможныя въ виду ея столкновенія, Римъ опезпечилъ каждой изъ нихъ права, неизвѣстныя обществамъ Востока. Признаніе за группой извѣстныхъ правъ въ ея внутренней жизни имѣло послѣдствіемъ допущеніе и ея внѣшней юридической самодѣятельности. Народы, завоеванные Римомъ или входившіе въ союзъ съ нимъ, сохраняли признанныя Римомъ права, или получали отъ него законы въ свою пользу. Не имѣй это мѣсто, они бы, соединившись, направили свои силы противъ Рима. Къ этому побуждали ихъ и природныя особенности занятыхъ ими странъ: ихъ не окружали непроходимыя пустыни, не дававшія возможности уйти отъ подчиненія, и они не занимали также сплошныхъ низинъ, не пересѣкаемыхъ горами. Изъ всего этого Маттеуци дѣлаетъ тотъ выводъ, что географическое строеніе было ближайшей причиной, поведшей къ созданію Римлянами и частнаго права, и права международнаго. Та же причина вызвала у нихъ эволюцію права административнаго, т. е. публичнаго. Центральная власть не могла управлять ими прямо и непосредственно, имъ пришлось поэтому обратиться къ представителямъ, что и повело къ созданію болѣе или менѣе сложныхъ административныхъ учрежденій *). Такъ какъ берега Италіи не были столь благопріятны мореходству, какъ берега Финикіи и Греціи, и завоеванныя Римлянами земли не лежали по близости къ морю, то можно сказать, что географическое строеніе воспрепятствовало возникновенію въ Италіи свободныхъ правительствъ, подобныхъ финикійскимъ и греческимъ. Но это же обстоятельство содѣйствовало созданію власти, положившей начало величественному пониманію права **). Вотъ все, что Маттеуци можетъ привести въ подтвержденіе своей мысли объ обусловленности преимущественнаго юриди-

*) Стр. 274.
**) Стр. 276.

ческаго развитія Рима географической средой. И безъ дальнѣйшаго настаиванія съ нашей стороны, читатель признаетъ его положенія недостаточными и неубѣдительными.

Можно сказать, что древнимъ Римомъ Маттеуци и заканчиваетъ демонстрацію своей основной мысли о вліяніи физической среды на бытъ народовъ. Вся новая исторія сводится имъ къ противуположенію народовъ Юга, въ частности Италіи, народамъ Сѣвера. Нужно ли настаивать на произвольности такой классификаціи, разъ къ числу сѣверныхъ народовъ отнесены одинаково и Швейцарцы, и Шведы, и Русскіе, и Англичане, и Французы, и Датчане, и Нѣмцы, и Шотландцы. Почему въ такомъ случаѣ вести границу съ вершинъ Альпъ и не найти въ самой Италіи, какъ оно имѣется въ дѣйствительности, противоположенія юга и сѣвера, бывшаго Неаполитанскаго королевства, съ одной стороны, Тосканы, Ломбардіи и Пьемонта, съ другой. Мы сейчасъ покажемъ, что характерныя особенности сѣверной культуры, на которыхъ такъ настаиваетъ Маттеуци, ставящій ихъ въ зависимость отъ препятствій, порождаемыхъ для человѣческой предпріимчивости неблагопріятными условіями климата, находятъ самое раннее проявленіе именно въ сѣверной и средней Италіи. Передавая въ самыхъ общихъ чертахъ точку зрѣнія нашего автора, я могу сказать, что въ народахъ юга онъ отмѣчаетъ преобладаніе фантазіи надъ разсудкомъ. Отсюда интересъ къ искусству въ народныхъ массахъ юга и ограниченіе его научной дѣятельности одной областью дедукціи или построенія общихъ системъ, индуктивная провѣрка которыхъ, какъ и примѣненіе въ области техники, предоставляется ученымъ сѣвера. Другая столь же характерная особенность народовъ юга, это—неспособность ихъ къ постоянному физическому напряженію, въ которомъ впрочемъ и не имѣется ближайшей необходимости въ виду того, что климатъ не требуетъ здѣсь ни усиленной азотистой пищи, ни тѣхъ издержекъ на искусственное созданіе тепла, какія на сѣверѣ проявляются въ затратахъ на одежду и на защищенныя отъ холода жилища. По этимъ соображеніямъ промышленность, думаетъ Маттеуци, должна была зародиться на сѣверѣ, и только здѣсь трудъ впервые получилъ ту высокую нравственную оцѣнку, которая такъ рѣзко расходится съ представленіями древнихъ народовъ, одинаково восточныхъ и западныхъ, и непримирима съ дальнѣйшимъ существованіемъ рабства, крѣпостничества и вообще гражданскаго неравенства. Я повторяю, что въ сказанномъ можно видѣть только самую сжатую передачу мысли, развиваемой на цѣлыхъ 63 страницахъ съ привлеченіемъ многихъ данныхъ изъ области физіологіи и психофизики и, къ сожалѣнію, въ гораздо

меньшей степени изъ области исторіи. Это обстоятельство и отражается невыгодно на самой теоріи. Приложите къ ней критерій положительныхъ фактовъ, и она окажется смѣсью общеизвѣстныхъ истинъ и оригинальныхъ парадоксовъ. Если мы спросимъ себя въ самомъ дѣлѣ, въ области какой народной поэзіи проявилось больше фантазіи,—въ той ли, которой мы обязаны созданіемъ Эдды, Нибелунговъ, цикла сказаній о Роландѣ и объ Артурѣ, о Парсивалѣ и Тристанѣ, къ которой принадлежитъ и Калевала, и русскій богатырскій эпосъ, или же въ той, которая продолжала питаться средневѣковыми передачами «Римскихъ дѣяній» (Gesta romanorum), то отвѣтъ очевидно будетъ едва ли согласенъ съ утвержденіями Маттеуци. Не оправдываетъ ихъ и широкій полетъ фантазіи, сказавшійся въ созданіи на сѣверѣ готическаго стиля, передъ которымъ видоизмѣненіе римской базилики итальянскими архитекторами носитъ на себѣ черты гораздо большаго приспособленія стараго къ измѣнившимся условіямъ, чѣмъ новаторства. Сказать, что драматическое искусство или музыка не только нашли въ Италіи болѣе совершенное выраженіе, но и носятъ на себѣ печать большей оригинальности, мы потому уже не рѣшимся, что въ ней и въ этихъ областяхъ сказалось въ большей степени, чѣмъ на сѣверѣ, вліяніе унаслѣдованныхъ традицій, примѣровъ, оставленныхъ класической древностью. Театръ могъ развиться здѣсь подъ вліяніемъ средневѣковыхъ мистерій въ такой же мѣрѣ, какъ и во Франціи и Германіи. Но тотъ элементъ сатирическаго изображенія реальной жизни, какой такъ наглядно выступаетъ у такъ называемыхъ Enfants de la basoche, болѣе или менѣе отсутствуетъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ Италіи, гдѣ не могли сказаться столь сильно проявившіяся, напримѣръ, въ Неаполитанскомъ королевствѣ иноземныя вліянія. Что касается до лирики, то Rimae Петрарки являются скорѣе эпилогомъ къ развитію классической поэзіи, нежели отправнымъ пунктомъ современной лирики, питавшейся по преимуществу созданіями народнаго творчества, которыми такъ богата именно сѣверная культура. Остается затѣмъ живопись, скульптура и музыка, которыя въ католической Италіи не могли встрѣтить въ своемъ развитіи того препятствія, какое одинаково ставилъ имъ заимствованный изъ Библіи ригоризмъ протестантовъ противъ созданія не только кумировъ, но и всякихъ подобій, и та схематичность, тотъ консерватизмъ формъ, какой унаслѣдованъ былъ православными странами отъ Византіи. Но допуская первенство итальянцевъ въ области скульптуры, живописи и музыки, не будемъ умалять значенія позднѣе развившихся школъ, не только испанской, т. е. принадлежащей южному народу, но и такихъ сѣверныхъ,

какъ голландская, французская и нѣмецкая. Въ области свѣтской музыки нѣмцы, впрочемъ, уже въ XVIII в., въ то самое время, когда итальянская опера создавала столькихъ приверженцевъ и противниковъ въ Парижѣ, имѣли Баха, Моцарта и Бетховена, въ сравненіи съ которыми блѣднѣетъ слава Россини, Сальери и Перголеза. Но къ чему продолжать эти сопоставленія, и не безплоденъ ли споръ о томъ, уступаетъ ли по фантазіи Шекспиръ Данту и Лопе де Вега. Все, что мы можемъ сказать на основаніи этого быстраго сопоставленія фактовъ изъ исторіи разныхъ столѣтій и народовъ, это—то, что положеніе Маттеуци остается недоказаннымъ *). Большую ли силу имѣетъ другое его утвержденіе, а именно то, что постоянный запросъ на физическій трудъ, какой природа ставитъ человѣку на сѣверѣ, вызвалъ здѣсь развитіе промышленности въ противность югу?

Но уже тотъ фактъ, что переходъ къ мѣновому хозяйству и индустріализму, въ свою очередь вызывающій отмѣну и рабства, и крѣпостничества, а также развитіе разнообразнѣйшихъ формъ свободной аренды и вольнаго найма, совершился въ Италіи съ 13 по 14-е столѣтіе, т. е. за два вѣка до Англіи, типической страны индустріализма, что его очагами, на ряду съ приморскими республиками, Генуей и Венеціей, были муниципіи Тосканы и Ломбардіи, съ Флоренціей и Миланомъ во главѣ, не позволяетъ намъ говорить о развитіи промышленности или объ эмансипаціи и облагороженіи труда, какъ объ особенности однѣхъ сѣверныхъ странъ. Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго Маттеуци остается въ силѣ только тотъ ходячій труизмъ, что климатъ юга, дѣлая возможнымъ жизнь на открытомъ воздухѣ и требуя отъ организма меньшаго поглощенія азотистой пищи, позволяетъ жителямъ предаваться нерѣдко тому dolce far niente, которое вышло изъ нравовъ промышленныхъ, если не земледѣльческихъ народовъ сѣвера, сложившихъ поговорку: время—деньги. Этого, конечно, мало для доказательства той мысли, что географическая среда, и въ частности климатъ, обусловили собою, вмѣстѣ съ наслѣдственностью нажитыхъ особенностей, народную психологію сѣверныхъ націй, отличную отъ южныхъ,

---

*) Я не счелъ нужнымъ разбирать другого положенія Маттеуци, тѣсно связаннаго съ тѣмъ, что онъ говоритъ о преимуществѣ фантазіи южныхъ народовъ. Мнѣ кажется страннымъ доказывать, что народы, давшіе математикѣ и астрономіи Декарта и Лейбница, Коперника и Ньютона, не занимаютъ виднаго мѣста въ исторіи дедуктивныхъ наукъ, или что въ области біологіи работы Гарве, Биша, Клода Бернара, Дарвина, Пастера и др. (я упоминаю только умершихъ) могутъ быть отнесены лишь къ области индуктивной провѣрки болѣе обширныхъ и отвлеченныхъ схемъ.

и что къ этимъ двумъ причинамъ надо сводить, какъ къ первооснове, различіе въ ихъ быте.

Если бы книга Маттеуци давала намъ только выше описанную цепь общеизвестныхъ фактовъ и часто парадоксальныхъ соображеній, она едва ли могла бы найти место въ критическомъ очерке системъ, предложенныхъ современными соціологами. Въ ней есть и нечто весьма положительное. Я считаю вполне удачными те гипотезы, какія авторъ строитъ по вопросу о воздействіи физической среды на художественное творчество. Въ противность ходячимъ теоріямъ, которыя ставятъ произведенія архитектуры, ваянья, живописи, музыки и поэзіи въ исключительную зависимость то отъ религіи, то отъ всего процесса умственнаго развитія націи, то отъ его экономическаго, общественнаго и политическаго уклада, Маттеуци оттеняетъ роль впечатленій, получаемыхъ народомъ отъ природы. Такъ, напримеръ, въ Египте обширная равнина, орошаемая Ниломъ и разстилающаяся, какъ полотно, поражаетъ воображеніе своимъ однообразіемъ *). Египетская архитектура отражаетъ на себе это впечатленіе безконечности равнины широтою фундамента и непропорціональностью высоты зданій къ ихъ основанію. То же однообразіе внешней структуры почвы вызываетъ пристрастіе къ линіямъ вертикальнымъ и горизонтальнымъ со стороны египетскихъ строителей. Редкость дождей, въ свою очередь, делаетъ ненужнымъ ту постройку покатыхъ крышъ, которыя являются необходимыми на севере. Вотъ почему все зданія, начиная отъ пирамидъ и оканчивая частными жилищами, представляютъ намъ на своей поверхности горизонтальныя плоскости, террасы или площади **). Если въ живописи отсутствуютъ переходы въ краскахъ, черта общая и Египту, и Халдее, и Ассиріи, и Греціи, то объясняется это темъ, что все эти страны залиты солнцемъ; при очень же яркомъ свете, согласно закону Вебера и Фехнера, уменьшается различіе тоновъ. На некоторомъ разстояніи глазъ не усматриваетъ линій и формъ зданій; отсюда необходимость оттенить яркими красками ихъ углы, чтобы сделать ихъ самую форму доступной для глаза ***). Возьмемъ съ другой стороны Грецію. Зрелище природы, пишетъ Маттеуци, не имело здесь ужасающаго величія, какимъ оно отличается на Востоке, но въ то же время оно поражало большимъ разнообразіемъ, оно давало большее число различныхъ возбужденій ****). Отсюда господство въ твореніяхъ, остав-

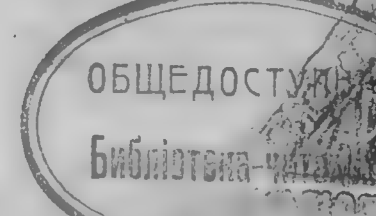
---

*) См. стр. 52.
**) См. стр. 53.
***) См. стр. 57 и 58.
****) См. стр. 211.

ленныхъ греками, чистоты контуровъ и красокъ въ гармоничномъ и разнообразномъ сочетаніи, отсюда отсутствіе въ нихъ тѣхъ контрастовъ, которые непріятно поражаютъ нашъ глазъ въ произведеніяхъ восточнаго искусства *). Гармонія составляетъ отличительную черту греческой архитектуры и искусствъ пластическихъ. Она дана Греціи ея средою, физической и теллурической, порождавшей въ умѣ ясное и точное понятіе о безконечной гармоніи **).

Маттеуци не слѣпъ, однако, и къ воздѣйствію, оказанному на греческое искусство—искусствомъ востока. Оно доставило грекамъ, говоритъ онъ, первые матерьялы абстракціи, развило въ нихъ способность къ отвлеченію***). Нашъ авторъ признаетъ даже недостаточность теоріи Тэна, который, объясняя греческое искусство, какъ и всю греческую цивилизацію, вліяніемъ внѣшней среды, упускаетъ изъ виду роль унаслѣдованныхъ способностей. Не чуждо также Маттеуци пониманіе связи искусства съ бытовыми условіями народа: такъ, онъ справедливо указываетъ на то, что кочевой бытъ евреевъ долгое время препятствовалъ развитію у нихъ архитектуры. Одна только религія недостаточно оттѣняется имъ, какъ факторъ художественнаго творчества. Можно, однако, напомнить, что одного запрещенія создавать кумировъ и всякихъ подобій достаточно было, чтобы парализовать скульптурную дѣятельность не только у евреевъ, но и у прямыхъ продолжателей ихъ въ этомъ отношеніи—магометанъ, и что однимъ изъ препятствій къ развитію реализма въ скульптурѣ и живописи христіанскихъ народовъ, наравнѣ съ мистикой, было и запрещеніе диссекціи труповъ. Нужно ли также доказывать, въ какой мѣрѣ замѣна зооморфизма антропоморфизмомъ—очеловѣченье боговъ и героевъ, должно было содѣйствовать успѣхамъ пластическаго искусства и живописи и обусловить собою расцвѣтъ послѣднихъ не въ Египтѣ, Вавилоніи или Индіи, а въ Греціи и Италіи. Кто станетъ также отрицать вліяніе католическаго культа на ростъ одновременно и архитектуры, и живописи, и ваянья, и музыки, и поэзіи, культа, столько унаслѣдовавшаго отъ внѣшней символики римскаго язычества и такъ удачно комбинировавшаго эстетическіе эффекты для поддержанія въ массахъ религіознаго настроенія? Вѣдь современная свѣтская музыка зародилась изъ церковной. Въ «иллюминаціяхъ» къ латинскимъ евангеліямъ и католическимъ требникамъ нельзя не видѣть образцовъ живописи Фра-Анджелико и другихъ прерафаелитовъ. Роль же церковныхъ мистерій на развитіе театра давно выяснена

*) См. стр. 214 и 215.
**) См. стр. 218.
***) См. стр. 218.



и столь же несомнѣнна, какъ роль житій святыхъ въ созданіи образцовъ свѣтскихъ разсказовъ. Все это вмѣстѣ взятое показываетъ, что и при изученіи эволюціи художественнаго творчества приходится имѣть дѣло не съ однимъ, а съ множествомъ взаимодѣйствующихъ факторовъ. Пріуроченіе его къ области однихъ физическихъ воздѣйствій не менѣе ошибочно, какъ и то сведеніе зародышей музыкальнаго искусства къ потребностямъ труда въ ритмѣ, или хореографическаго — къ желанію произвесть впечатлѣніе на женщинъ, которое, какъ отвѣчающее довольно распространенному въ наши дни матеріалистическому объясненію исторіи, сразу завоевало себѣ столько приверженцевъ *).

Заканчивая нашъ разборъ книги Маттеуци, мы не можемъ не обратить вниманія на тотъ фактъ, что физическая среда не мѣшаетъ развитію на разстояніи столѣтій весьма различныхъ по типу гражданственностей. Такъ почва Италіи одинаково служила ареной и римской культуры, и варварскихъ королевствъ остъ-готѳовъ, лангобардовъ, франковъ, норманновъ, и автономныхъ городскихъ республикъ, и тиранній, или зародышныхъ абсолютныхъ монархій, въ свою очередь перешедшихъ въ конституціонныя. Точно такъ же необозримая великорусская равнина, нигдѣ не прерываемая физическими преградами, и въ которой тихо текущія рѣки облегчаютъ сношенія жителей между собою, не сразу сдѣлалась областью самодержавія россійскихъ монарховъ и долгое время была свидѣтельницей значительной автономіи народныхъ массъ подъ главенствомъ призываемыхъ ими князей. Съ другой стороны, заслуживаетъ вниманія соображеніе, высказанное уже Львомъ Мечниковымъ, что, несмотря на различіе въ климатѣ, Египетъ, Индія, Мессопотамія и Китай одинаково явились колыбелью цивилизаціи, выработали болѣе или менѣе сходные типы военныхъ деспотій и теократій. Изъ всего этого не слѣдуетъ, однако, чтобы мы могли игнорировать вліяніе физической среды, особенно сильно сказывающееся въ начальныя эпохи культурнаго развитія, когда человѣкъ еще лишенъ возможности подражанія уже выработаннымъ типамъ и вполнѣ отсутствуетъ элементъ унаслѣдованныхъ способностей. Заслуга Маттеуци, по моему мнѣнію, и лежитъ въ напоминаніи объ этой истинѣ, ранѣе его сознанной и демонстрированной какъ географами, такъ и историками.

---

*) См. Бюхеръ: „Трудъ и ритмъ», а также Гроссе: «Ursprung der Kunst»; Спенсеръ: «Соціологія», и Гиддингсъ: «Основы соціологіи».

Оглавленіе.

Изданія Л. Ф. Пантелѣева.

Гердъ, А. Я. Краткій курсъ всеобщей географіи съ 19 рис. Ц. 25 к.
Его же. Учебникъ географіи (для ср. уч. завед.). Ч. I. Общій обзоръ земного шара, съ 51 рис., изд. 7-ое. Ц. 50 к. Ч. II и III. Азія, Австралія, Полинезія, Африка и Америка, съ 94 рис., изд. 3-ье. Ц. 1 руб. Ч. IV. Европа. Ц. 75 к.
Гейки. Учебникъ физической географіи, пер. съ англ. А. Я Гердъ, съ 78 рис. и 10 картами въ приложеніи. Ц. 2 р.
Гердъ, А. Я. Краткій курсъ естествовѣдѣнія, съ 231 рис. Изд. 12-ое. Ц. 1 р. 25 к.
Его же. Міръ Божій. Земля, Воздухъ и Вода, для уч. нач. шк., съ 41 рис., изд. 6-ое. Ц. 25 к.
Его же. Предметные уроки (Пос. для учит. нач. школъ при преподаваніи по книгѣ „Міръ Божій"), съ рис., изд. 2-е. Ц. 80 к.
Общедоступный космосъ. Лекціи: *Роско:* Изъ чего составлена земля.—*Локайеръ:* Почему таковъ составъ земли, каковъ онъ есть.—*Уильямсонъ:* Послѣдовательность жизни на землѣ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.
Серія первоначальныхъ учебниковъ, переведенныхъ съ англійскаго М. А. Антоновичемъ: *Введеніе,* проф. *Гексли.* Ц. 40 к. *Химія,* проф. *Роско,* съ 36 рис. Ц. 30 к. *Физика* проф. *Бальфуръ-Стюарта,* съ 48 рис. Ц. 75 к.
Мейеръ, А. М. *Звукъ.* Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія звука, для всѣхъ возрастовъ, съ 60 рис., пер. съ англ. М. А. Антоновича. Ц. 1 р.
Мейеръ, А. и Бернаръ. *Свѣтъ.* Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта, для всѣхъ возрастовъ, съ 29 рис., пер. съ англ. М. А. Антоновича. Ц. 50 к.
Бойсъ, Ч. В. Мыльные пузыри. Четыре лекціи о волосности, прочитанныя передъ молодой аудиторіей, пер. съ франц. Ц. 60 к.
Леббокъ. Цвѣты, плоды и листья, съ пред. проф. А. Н. Бекетова, пер. съ англ. А. Я. Гердъ. Ц. 1 р. 25 к.
Бекетовъ, А. Н. Бесѣды о землѣ и тваряхъ на ней живущихъ, изд. 8-ое, съ 18 рис. Ц. 50 к.
Гуржеевъ, С. М. Учебникъ механики (для средн. учебн. зав.), съ 202 политипажами и сборн. задачъ (курс. средн. технич. учил.), изд. 5-ое. Ц. 1 р. 50 к.
Его же. Прикладная механика, изд. 4-ое, съ 376 полит. и собр. задачъ. Ц. 2 р. 80 к.
Его же. Элементарный курсъ сопротивленія матеріаловъ и графостатики. Ц. 1 р. 50 к.
Арендтъ, Р. Основныя начала химіи, съ 178 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Дамскій. А. В. Равенство химическихъ превращеній. Повторительный курсъ по неорганической химіи. Ц. 1 р.
Джевонсъ Стенли. Элементарный учебникъ логики дедуктивной и индуктивной, съ вопросами и примѣрами, пер. съ 7-го англ. изд. М. А. Антоновича. Ц. 2 р.
Историческія чтенія. Масперо. Древняя исторія. Египетъ и Ассирія, съ 192 рис., изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.—Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ, съ 70 рис. Ц. 3 р.—Гиро. Частная и общественная жизнь римлянъ, съ 107 рис. Ц. 3 р.—Ланглуа, Ш. Исторія среднихъ вѣковъ (395—1270), съ 81 рис. Ц. 2 р. 50 к.—Марьежоль, Ж. Г. Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени (1270—1610), съ 111 рис. Ц. 2 р.—Лакуръ Гайэ, Ж. Исторія новаго времени (1610—1789), съ 76 рис. Ц. 2 р. 50 к. Мерцаловъ, А. Е. Очерки изъ исторіи смутнаго времени. Цѣна 1 руб.
Джевонсъ, С. Основы науки. Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ, пер. съ англ. М. А. Антоновича. Ц. 4 р. 50 к.
Тэнъ, И. Объ умѣ и познаніи. 2-ое изд. Пер. съ франц. исправл. и дополн. по послѣдн. изд. подлинника, подъ редакціей Н. Н. Страхова. Ц. 3 р.
Топинаръ. Антропологія. Пер. съ франц. подъ ред. проф. И. Мечникова. Ц. 4 р.
Шимкевичъ. В. Наслѣдственность и попытки ея объясненія. Ц. 1 р.
Овелакъ, Абель. Лингвистика. Пер. съ франц. Ц. 2 р.

Спиноза, Б. Этика. Изд. 4-ое. Ц. 1 р. 50 к.
Гюйо, Л. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Пер. со 2-го франц. изд. подъ ред. А. Н. Пыпина. Ц. 2 р. 50 к.
Фриманъ, Э. Сравнительная политика и единство исторіи. Пер. съ англ. Н. Коркуновъ. Ц. 2 р. 50 к.
Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Эттингена, Швабе. Пер. съ нѣм. под. ред. и съ дополн. проф. Янсона. Ц. 2 р.
Даресть, Р. Изслѣдованія по исторіи права. Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.
Зайцевъ, В. Руководство всемірной исторіи. Древняя исторія Востока, съ 4-мя картами и 2-мя таблицами іероглифовъ и клинообразныхъ письменъ. Ц. 2 р.
Его же. Древняя исторія Запада. Т. I. Эллинская эпоха, съ 2-мя картами. Ц. 4 р.
Джеббъ, Р. Гомеръ. (Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ). Пер. съ англ. А. Семеновъ. Ц. 1 р. 50 к.
Платонъ. Апологія Сократа, Критонъ. Пер. съ греч. проф. Д. Лебедевъ. Ц. 50 к.
Модестовъ, В. Лекціи по исторіи римской литературы. Ц. 5 р.
Тацитъ, К. Сочиненія: Т. I. Агрикола. Германія. Исторіи. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Лѣтописи. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к. Пер. съ примѣч. и статьей о Тацитѣ В. И. Модестова.
Апулей. Золотой оселъ. Пер. съ лат. Н. Соколовъ. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к., веленев. 2 р. 50 к.
Мюллеръ, А. Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Пер. съ нѣм. 4 тома. Ц. за четыре тома 10 р.
Куглеръ, Б. Исторія крестовыхъ походовъ. Пер. съ нѣм. съ рис., картами и планами. Ц. 3 р.
Додю, Г. Исторія монархическихъ учрежденій въ Латино-Іерусалимскомъ королевствѣ (1099—1291). Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.
Сорель, А. Европа и французская революція. Пер. съ франц. съ предисл. проф. Н. И. Карѣева, 4 тома. Т. I. Политическіе нравы и традиціи. II. Паденіе монархіи. III. Война съ монархами. IV. Естественныя границы (1794—1795 гг.). Цѣна за два первые тома 6 р., за III и IV 5 р. 50 к.
Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Ц. 3 р., велен. 5 р.
Монтескье. Персидскія письма. Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.
Лесажъ. Исторія Жиль Блаза де Сантильяна. Перев. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.
Бобржинскій, М. Очеркъ исторіи Польши. Пер. съ польск. подъ ред. Н. И. Карѣева. 2 тт. Ц. за оба тома 5 р. 50 к.
Ждановъ, Ив. Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. Ц. 5 р.
Бѣловъ, Е. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Ц. 3 р.
Майковъ, Л. Н. Пушкинъ. Біограф. и историко-литературные очерки. Ц. 1 р. 50 к., веленев. 2 р. 50 к. Съ портр. Пушкина, гравюра Уткина.
Бѣлозерская, Н. Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Изданіе 2-ое, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.
Мануиловъ, А. Аренда земли въ Ирландіи. Ц. 2 р. 50 к.
Куторга, М. С. Собраніе сочиненій. 2 тт. Ц. 9 р.
Минаевъ, И. П. Очерки Цейлона и Индіи. 2 чч. Ц. 2 р. 50 к.
Сѣрошевскій, В. На краю лѣсовъ. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 25 к.
Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Ц. 1 р. 50 к.
Мерцаловъ, А. Е. Вологодская старина. Матеріалы для исторіи сѣв. Россіи. Ц. 1 р.
Шереръ, В. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Н. Пыпина. 2 тт. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к., отдѣльно каждый томъ по 3 р.
Кенетъ Грэмъ. Золотой возрастъ, пер. съ англ. Ц. 75 к.
Его же. Дни грезъ. Ц. 75 к.
Симонъ, Ж. Срединное царство. Основы китайской цивилизаціи. Пер. В. Ранцева. Ц. 2 р.
Вотье. Мѣстное управленіе въ Англіи. Пер. съ фр. В. Водовозова. Ц. 2 р.
Фонъ-Шаккъ, А. Ф. Исторія норманновъ въ Сициліи. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р. 50 к.
Лазарилло изъ Тормезъ. Пер. съ испанск. Ц. 75 к.
Мотра. Послѣдніе дни одного общества. Пер. съ фр. Ц. 3 р.
Спенсеръ, Г. Основныя начала. Перев. съ англ. Ц. 2 р.
Штраусъ, Давидъ. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. Э. Л. Радлова. Ц. 3 р.